E 9/428

Ч 9/428

СНОШЕНІЯ РОССІИ

СЪ

ЕВРОПЕЙСКИМИ ДЕРЖАВАМИ.

Передъ войною 1812 г.

соч. **А. Н. Попова.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Бол. Сад. д. № 49—2).
1876.

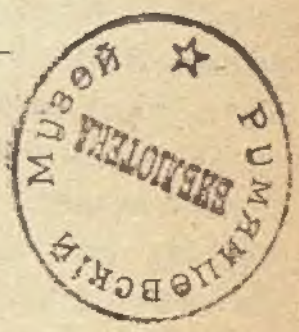
СНОШЕНІЯ РОССІИ

СЪ

ЕВРОПЕЙСКИМИ ДЕРЖАВАМИ.

Передъ войною 1812 г.

соч. **А. Н. Попова.**



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева (Бол. Сад. д. № 49—2).
1876.

знаніи характера Наполеона, самолюбиваго и страстнаго къ разрушенію, то нельзя отвергать и того, что въ то же время оно подтверждается и многими положительными данными и поэтому должно обратить на себя вниманіе. Впрочемъ, всякое сомнѣніе въ этомъ случаѣ было бы весьма опасно. Напротивъ, если мы остановимся на этомъ предположеніи и съ нимъ будемъ сообразовать наши разчеты и дѣйствія, то отъ этого произойдетъ несомнѣнная польза. Если въ настоящее время мы будемъ смотрѣть на войну, какъ на дѣло неизбѣжное, то успѣемъ сдѣлать всѣ приготовленія, чтобы вести ее съ успѣхомъ. Чѣмъ болѣе затрудненій мы въ состояніи будемъ противопоставить Наполеону, тѣмъ болѣе мы можемъ надѣяться обратить и его самого къ миролюбивымъ видамъ. Наоборотъ, чѣмъ менѣе мы будемъ приготовлены, тѣмъ болѣе онъ будетъ склоненъ начать войну, которая увлекаетъ его надеждою побороть единственную великую державу, еще сохраняющую возможность быть независимою и отклонять своею помощію ту гибель, которая постоянно угрожаетъ другимъ державамъ".

Даже князь Куракинъ, сочувствовавшій Наполеону и его семейству, желавшій поддержать союзъ Россіи съ Франціей, постоянно наблюдая вблизи характеръ Наполеона въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, понялъ наконецъ, что только внѣшняя грубая сила можетъ поставить въ границы его властолюбіе, не ограничиваемое никакими нравственными началами и окончательно утратившее въ это время всякое понятіе о различіи между истиною и ложью, честью и безчестьемъ, добромъ и зломъ. Дѣйствительно, только грозныя силы для обороны, приготовленныя Россіей, могли или отсрочить или совершенно устранить хищническое покушеніе на ея существованіе, какъ самостоятельной державы. Поэтому совѣтъ нашего посланника не вѣрить миролюбивымъ рѣчамъ Наполеона, и смотря прямо на враждебныя его дѣйствія, приготовляться къ войнѣ, соотвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе обстоятельствамъ времени. Но такой совѣтъ не былъ новостью для русскаго правительства, которое давно уже было увѣрено въ неизбѣжной войнѣ съ Наполеономъ и готовилось къ ней. Впрочемъ, не вопросъ о приготовленіяхъ къ войнѣ занималъ всѣхъ; но о томъ, можетъ ли Россія приготовиться въ той мѣрѣ, чтобы съ успѣхомъ противустоять грозному врагу. Князь Куракинъ, пораженный геніемъ Наполеона, какъ полководца, и зная огромныя военныя средства, которыми онъ могъ располагать, принадлежалъ къ числу тѣхъ, для коихъ этотъ вопросъ разрѣшался отрицательно. Полагая, что одна Россія не обладаетъ достаточными спо-

собами противостоять такому врагу, онъ совѣтовалъ ей искать заблаговременно союзниковъ. „Наканунѣ этого новаго переворота“, писалъ онъ,—„начало котораго опредѣлить не возможно, потому что онъ будетъ зависѣть отъ различныхъ случайныхъ причинъ и особенно отъ хода военныхъ дѣйствій Французовъ въ Португаліи и Испаніи, я не исполнилъ бы своей обязанности и не удовлетворилъ бы требованіямъ моей личной преданности вашему величеству, еслибъ, указывая на положеніе Россіи, въ то же время не представилъ бы моихъ соображеній о тѣхъ средствахъ, которыя могли бы сдѣлать его болѣе благопріятнымъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ внѣшнимъ сношеніямъ, о которыхъ по моему званію я могу единственно судить по тому положенію, въ которомъ я нахожусь, то-есть въ средоточіи всѣхъ политическихъ движеній“.

Въ представляемыхъ императору соображеніяхъ, Куракинъ говорилъ, что стоитъ лишь взглянуть на карту Европы, чтобы замѣтить, что „отъ Пиренеевъ до Одера, отъ Зунда и до Мессинскаго пролива — все Франція“, и что при настоящемъ положеніи дѣлъ все послѣдуетъ за тѣмъ движеніемъ, которое возбудитъ воля императора Наполеона. Въ этихъ государствахъ можно лишь разчитывать на содѣйствіе *народовъ*, доведенныхъ до отчаянія противъ ихъ угнетателей; но „извѣстно, какъ не надежны подобные союзники, и что есть различіе между характерами Испанца и Голландца, Нѣмца и Италіанца“. За этими небольшими государствами, которыя въ настоящее время можно считать какъ-бы совершенно присоединенными къ Франціи, представляются *развалины* двухъ монархій, когда-то могущественныхъ, но теперь ослабленныхъ, едва продолжающихъ безсильное существованіе и которыя могутъ быть немедленно уничтожены, лишь только бы Франція заподозрила ихъ въ связяхъ съ нами. Ихъ положеніе въ настоящее время весьма двусмысленно. Ихъ истинныя выгоды, конечно, влекутъ ихъ къ Россіи, потому что если она погибнетъ, то никто уже не можетъ ихъ спасти. Сила обстоятельствъ, ложные разчеты, взаимное соперничество, которыми руководились кабинеты Берлинскій и Вѣнскій, подчинили ихъ игу Франціи. „Я не буду удивленъ“, говоритъ князь Куракинъ,—„если Австрія и Пруссія соединятся съ Франціей,—такъ неопредѣленны ихъ воззрѣнія, и такъ онѣ желаютъ обмануть себя въ приближеніи переворота, котораго самѣ онѣ, сначала одна, а потомъ другая, сдѣлаются неминуемыми жертвами“. Изъ этого-то неопредѣленнаго состоянія Куракинъ совѣтовалъ во что бы то ни стало вывести какъ Австрію, такъ и Пруссію, потому что прежде

всего намъ необходимо опредѣлить ясно наши къ нимъ отношенія. Положеніе Пруссіи самое затруднительное: она окружена со всѣхъ сторонъ, ея крѣпости въ рукахъ Французовъ, финансы истощены, армія убавлена въ числѣ и можетъ быть всегда уничтожена прежде, нежели успѣетъ сосредоточиться. Нельзя не опасаться, что для нея уже нѣтъ ни времени, ни возможности принять сторону, согласную съ ея дѣйствительными выгодами. Потокъ происшествій можетъ увлечь ее прежде, нежели она успѣетъ на что-нибудь рѣшиться. Поэтому крайне необходимо, какъ можно скорѣе войдти съ нею въ соглашеніе и предупредить то мгновеніе, когда она будетъ поставлена въ положеніе выбирать между Россіей и Франціей. Съ одной стороны необходимо, чтобъ она знала, что при всякихъ обстоятельствахъ можетъ на насъ надѣяться, если даже возбудитъ противъ себя Наполеона, а съ другой необходима увѣренность, что мы можемъ на нее разчитывать. „Конечно, вопросъ этотъ въ сущности сводится къ 60 тысячамъ войска; но не лучше ли, чтобъ они были за насъ, нежели противъ насъ?“

Что касается до Австріи, то вопросъ объ отношеніяхъ къ ней имѣетъ гораздо большее значеніе. Австрійская армія состоитъ по крайней мѣрѣ изъ 200 тысячъ, а потому это государство еще имѣетъ вѣсъ въ дѣлахъ Европы. Ея присоединеніе къ той или другой сторонѣ можетъ имѣть рѣшительное вліяніе какъ для нея самой, такъ и для Россіи. „Вашему императорскому величеству“, писалъ князь Куракинъ, „хорошо извѣстны какъ мой взглядъ на австрійскій кабинетъ, такъ и тщетныя мои усилія, въ то время какъ я былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, укрѣпить взаимное согласіе между имъ и нами, которое такъ согласно съ нашими взаимными выгодами и такъ необходимо для поддержанія ихъ. Но обстоятельства того времени, и особенно Эрфуртскіе переговоры, такъ сильно смутившіе Австрійскаго императора, послужили непреодолимымъ препятствіемъ, не смотря на всѣ усилія съ моей стороны. Въ настоящее время достигнуть этого соглашенія сдѣлалось еще труднѣе“,—конечно, вслѣдствіе семейныхъ узъ, соединившихъ Габсбургскій домъ съ императоромъ Наполеономъ. Не смотря на то, Куракинъ совѣтуетъ Александру попытаться вновь войдти въ переговоры съ Вѣнскимъ дворомъ, чтобы обезпечить намъ если не содѣйствіе Австріи, то по крайней мѣрѣ ея нейтралитетъ. „Бракъ эрцгерцогини Луизы не доставилъ Австріи никакихъ существенныхъ выгодъ со стороны Франціи. Императоръ Наполеонъ не щадитъ никого и при исполненіи своихъ замысловъ не стѣсняется узами

самаго близкаго родства, чему служитъ доказательствомъ судьба его братьевъ, Людовика и Люціана. Вѣнскій дворъ сильно ошибется если подумаетъ, что этотъ бракъ послужитъ ему защитою".

На это именно обстоятельство князь Куракинъ совѣтовалъ особенно упирать при переговорахъ съ Австріей и надѣялся, что они могутъ повести къ благопріятнымъ послѣдствіямъ, но единственно при томъ условіи, если мы поспѣшимъ заключить миръ съ Оттоманскою Портою какъ можно скорѣе, и притомъ на такихъ условіяхъ, которыя не возбудили бы подозрѣній со стороны Австріи. „Но по этой ли одной причинѣ мы должны усиленно желать окончанія этой войны? Нѣтъ", отвѣчаетъ князь Куракинъ на этотъ вопросъ,—„но особенно потому, что этотъ миръ можетъ имѣть важное вліяніе на политическое наше положеніе вообще, которое до тѣхъ поръ, пока продолжается война съ Турками, не будетъ представлять достаточнаго ручательства въ томъ, что мы можемъ располагать необходимыми средствами, чтобы противостоять такому врагу, какъ Наполеонъ. Образованіе въ огромныхъ размѣрахъ средствъ для обороны должно быть исключительнымъ предметомъ нашихъ заботъ, потому что отъ этого зависитъ наше будущее существованіе. Мое мнѣніе таково, что для этого мы должны пожертвовать въ настоящее время всѣми видами на увеличеніе владѣній, что только отвлекаетъ наше вниманіе отъ главнаго предмета заботъ. Эти виды могутъ осуществиться впослѣдствіи, когда положеніе Европы будетъ болѣе благопріятнымъ для ихъ осуществленія и не подвергнетъ насъ тѣмъ гибельнымъ послѣдствіямъ, которымъ, къ нашей бѣдѣ, мы можемъ подвергнуться нынѣ, если упорно будемъ ихъ преслѣдовать. Дунайскія княжества и Сербія могли бы образовать независимыя государства, подъ обезпеченіемъ трехъ державъ—Россіи, Австріи и Турціи, которая будетъ только получать отъ нихъ ежегодно опредѣленную подать. Такое ихъ устройство, съ одной стороны, не противорѣчило бы нашимъ прежнимъ заявленіямъ объ этихъ княжествахъ, а съ другой его, по всей вѣроятности, не отвергла бы и Турція. Миръ, который послѣдовалъ бы тогда, и оборонительный союзъ съ Австріей и Пруссіей, не былъ ли бы гораздо полезнѣе для насъ, въ виду тѣхъ замысловъ, которые питаетъ противъ насъ императоръ Наполеонъ, нежели пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи? Таковы", заключаетъ Куракинъ, — „три важныя послѣдствія, которыхъ, по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ

достигнуть какою бы то ни было цѣной и я считаю священнымъ долгомъ обратить на нихъ вниманіе вашего величества“ [1]).

Мы изложили подробно содержаніе этого донесенія нашего посланника, потому что выраженный въ немъ взглядъ не принадлежитъ лично ему одному, но составлялъ въ это время общій взглядъ всѣхъ тѣхъ дипломатовъ и государственныхъ людей всѣхъ державъ, не исключая и Франціи, которые не были безсознательно или корыстно увлечены Наполеономъ, а полагали необходимымъ положить предѣлъ его властолюбію, поработившему и раззорившему всю Европу. Но для того, чтобы привесть въ исполненіе эти предположенія, необходимы были два условія, казавшіяся нашему правительству весьма затруднительными: прежде всего слѣдовало заключить миръ съ Турками, *на какихъ бы то ни было условіяхъ*, и затѣмъ дѣйствовать наступательно.

Война съ Турціей, послѣ Екатерининскихъ блистательныхъ войнъ съ этою державою, продолжавшаяся такъ долго и безъ особенныхъ успѣховъ, стоившая столько пожертвованій, тяготила Россію особенно потому, что она считала эту войну однимъ изъ послѣдствій нашего союза съ Франціей, заключеннаго въ Тильзитѣ и подкрѣпленнаго въ Эрфуртѣ, то-есть считала навязанною намъ, также какъ и войну съ Швеціей, вліяніемъ Наполеона, который желалъ только связать Россіи руки для того, чтобы самому дѣйствовать свободнѣе и обезсилить ее къ тому времени, когда онъ сочтетъ удобнымъ раздѣлаться съ нею также, какъ и съ другими державами континентальной Европы. Но именно это обстоятельство и было причиною того, что наше правительство не хотѣло уменьшить своихъ требованій въ отношеніи къ Турціи, полагая, что значительныя пріобрѣтенія примирятъ общественное мнѣніе съ этою войной, а это въ своей чередъ затягивало переговоры и отдаляло заключеніе мира.

Между тѣмъ продолженіе Турецкой войны и требованіе уступки Дунайскихъ княжествъ отдалило насъ отъ Австріи, а Пруссія была въ рукахъ Французовъ. Чтобы обезпечить для насъ союзъ съ нею, необходимо было занять вооруженною рукою восточныя ея провинціи и герцогство Варшавское и такимъ образомъ самимъ начать войну противъ Наполеона. Но Русскій императоръ, съ одной стороны, не желалъ быть начинателемъ войны, а съ другой — и военныя приготовленія наши не были еще окончены въ то время. Точно также,

---

[1]) Донесеніе князя Куракина императору Александру $^{6}/_{18}$ февраля 1811 года изъ Парижа.

давно рѣшившись разгромить Россію и изготовляя всѣ для того средства, и Наполеонъ не рѣшался начать войну, удерживаемый дѣлами Испаніи и усиливая болѣе и болѣе военныя приготовленія.

Такое положеніе дѣлъ естественно придавало особенный характеръ дипломатическимъ сношеніямъ обѣихъ державъ. Въ дѣйствительности онѣ находились въ полномъ разрывѣ между собою, ожидали войны и приготовлялись къ ней, но въ то же время говорили о необходимости искренняго союза между ними, благодѣтельнаго для Европы, единственнаго ручательства за прочность мира, въ которомъ такъ нуждалась она, истомленная безпрерывными и столь продолжительными войнами. Государи переписывались между собою, выражали чувства личной дружбы одинъ къ другому и въ то же время не вѣрили политикѣ государствъ.

Во время Тильзитскаго свиданія молодой офицеръ нашей гвардіи А. И. Чернышевъ, отличавшійся красотою, обратилъ на себя вниманіе Наполеона. Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что въ 1809 году, во время Австро-Французской войны, императоръ Александръ отправилъ его съ своими письмами къ Наполеону и Австрійскому императору. Пробывъ довольно долго въ Шенбруннѣ, во все время переговоровъ о мирѣ между Франціей и Австріей, Чернышевъ пользовался благосклонностію Французскаго императора и близко познакомился съ лицами, его окружавшими. Впослѣдствіи Александръ постоянно посылалъ его съ своими письмами къ Наполеону, и въ свой чередъ Наполеонъ ввѣрялъ ему свои письма къ Александру. Поэтому Чернышеву приходилось иногда долгое время оставаться въ Парижѣ.

Приведенное донесеніе князя Куракина было писано въ то время, когда въ Парижѣ находился Чернышевъ. Въ концѣ декабря 1810 года онъ посланъ былъ императоромъ Александромъ въ Стокгольмъ а оттуда въ Парижъ и привезъ собственноручное письмо къ императору Французовъ. Въ этомъ письмѣ Александръ говорилъ Наполеону, что главнѣйшій предметъ его заботъ состоитъ въ поддержаніи союза, который связуетъ двѣ имперіи и обезпечиваетъ спокойствіе всей Европы: „Ваше величество можете убѣдиться, что я постоянно и во всѣхъ случаяхъ выражалъ необходимость самаго тѣснаго союза между нами. Россія ничего не домогается, лишь бы заключить миръ съ Турціей. Условія, на коихъ я желаю заключить его, вамъ извѣстны; я никогда ничего не требовалъ болѣе. Мѣры противъ англійской торговли строго соблюдаются, доказательствомъ тому

могутъ служить многочисленныя конфискаціи въ моихъ портахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ они предприняты, едва только 30 кораблей, разныхъ народовъ, вошли въ нихъ. Невѣроятно, чтобы прибыли еще другіе, потому что многіе порты уже покрыты льдомъ. Во всякомъ случаѣ число ихъ не можетъ быть значительно, и противъ нихъ будутъ приняты тѣ же строгія мѣры. Нѣмецкимъ политикамъ пріятно распускать тревожные слухи и поддерживать безпокойство въ умахъ; но я не вѣрю имъ, потому что полагаюсь на ваши увѣренія“ [1]).

Чернышевъ, выѣхавъ изъ Стокгольма 7-го декабря, послѣ труднаго переѣзда чрезъ Зундъ и Бельтъ въ Копенгагенъ, пріѣхалъ оттуда въ Парижъ 4-го января 1811 года утромъ и немедленно отправился въ Тюльери. Императоръ Наполеонъ присутствовалъ въ это время въ государственномъ совѣтѣ, и возвратившись оттуда въ 5½ часовъ по полудни, немедленно принялъ Чернышева и проговорилъ съ нимъ около полутора часа.

Вручая письмо Александра, Чернышевъ сказалъ, что онъ былъ „весьма счастливъ, что, возвратившись послѣ восьмимѣсячнаго отсутствія въ Петербургъ, онъ нашелъ императора Александра въ такомъ же добромъ расположеніи къ Франціи, какъ и прежде, и что все вниманіе императора устремлено на то, чтобы сохранить и усилить еще болѣе союзъ и дружбу между двумя имперіями. Поэтому“, заключилъ Чернышевъ,—„онъ особенно поручилъ мнѣ выразить нашему величеству увѣренія, что онъ твердо рѣшился поддерживать континентальную систему; многочисленныя конфискаціи въ нашихъ портахъ доказываютъ, что она строже соблюдается, нежели какъ можно было предполагать“.

Совершенное спокойствіе и отсутствіе всякаго раздраженія, съ которымъ противъ обыкновенія отвѣчалъ Наполеонъ, поразили Чернышева. „Депеши, которыя я получилъ изъ Петербурга, а также сообщенія князя Куракина моему министру иностранныхъ дѣлъ“, говорилъ императоръ Французовъ, — „показали мнѣ, что мои предложенія были поняты тамъ совершенно въ иномъ смыслѣ. Я счелъ себя

---

[1]) Письмо отъ « » ноября 1810 года; на черновомъ отпускѣ не выставлено числа. Всѣ письма къ императору Наполеону писаны на черно рукою императора Александра I, на небольшихъ листахъ писчей бумаги, перегнутыхъ пополамъ, карандашемъ (какъ и всѣ вообще писанныя имъ письма и депеши). Съ нихъ списывались въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ копіи, которыя императоръ потомъ пересматривалъ и исправлялъ и наконецъ уже переписывалъ на бѣло.

обязаннымъ заявить императору Александру единственный способъ подавить Англичанъ; но онъ нашелъ его вреднымъ для его имперіи, что̀ въ сущности можетъ быть справедливо, поэтому я не придаю ему особеннаго значенія. Мое искреннее желаніе—сохранить миръ между нами, и я отвѣчаю за его продолженіе, если только Россія не нападетъ на меня. Какая для меня польза начать войну съ Россіей? Гораздо болѣе представляетъ вѣроятности предположеніе, что вы захотите прійдти въ Парижъ, нежели я въ Петербургъ". Затѣмъ Наполеонъ прибавилъ, что относительно нашихъ финансовъ онъ увѣренъ, что они скорѣе поправятся, если мы заключимъ миръ съ Турками, нежели съ Англичанами.

Но самый смыслъ этого отвѣта могъ бы поразить еще болѣе. Наполеонъ считалъ не важными свои требованія и изъявлялъ готовность, вопреки своему самолюбію, отказаться отъ нихъ, лишь только Россія найдетъ ихъ невыгодными для себя. Но въ чемъ же заключались эти требованія или *предложенія*, какъ назвалъ ихъ Наполеонъ въ этомъ разговорѣ? Онъ выразилъ ихъ самъ въ томъ письмѣ, которое, по его порученію, Чернышевъ отвозилъ императору Александру. „Англичане", писалъ онъ,—„ сильно страдаютъ послѣ того, какъ я присоединилъ Голландію и захватилъ ихъ товары въ портахъ Мекленбурга и Пруссіи. Въ Лондонѣ еженедѣльно открываются банкротства, что̀ производитъ волненія въ городѣ. Я только что забралъ въ Швейцаріи и Франкфуртѣ громадныя количества англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. 600 англійскихъ торговыхъ судовъ, бродившихъ въ Балтійскомъ морѣ, не были приняты въ Мекленбургѣ и Пруссіи и отправились къ портамъ вашего величества. Если вы ихъ пріймете, то война еще будетъ продолжаться; если же вы ихъ захватите и конфискуете грузы,—находятся ли они еще въ вашихъ портахъ или уже выгружены на берегъ товары,— это разразится страшнымъ ударомъ надъ Англіей, потому что всѣ грузы принадлежатъ ей. Итакъ, отъ вашего величества зависитъ и война, и миръ. Вы желаете и должны желать мира. Ваше величество можете быть увѣрены, что мы достигнемъ мира, если вы конфискуете эти 600 кораблей или ихъ грузы. Какими бы они ни были снабжены свидѣтельствами, явятся ли они подъ именемъ французскихъ, нѣмецкихъ, испанскихъ, датскихъ, русскихъ, шведскихъ, ваше величество можете быть увѣрены, что все это—Англичане" [1]). Этимъ письмомъ, безъ вся-

[1]) Письмо 23-го октября н. ст. 1810 г. изъ Фонтенебло.

кихъ ограниченій, сразу, рѣшался вопросъ о нейтральной торговлѣ. Наполеонъ не хотѣлъ признавать ее болѣе и всѣ суда нейтральныхъ державъ, съ ихъ грузами, одинаково захватывалъ, какъ и англійскія. Въ то же самое время, какъ онъ отправилъ это письмо къ императору Александру, онъ поручалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ писать въ томъ же смыслѣ къ французскому посланнику при нашемъ дворѣ. „Если императоръ Александръ", писалъ онъ Шампаньи, — „рѣшится дѣйствовать съ большею силою, то онъ пріобрѣтетъ не менѣе 40 милліоновъ (то-есть, ограбивъ грузы нейтральныхъ судовъ) и подорветъ Англію... Что касается до правила, что воюя съ Англіей, не слѣдуетъ воевать съ нейтральными, то это—заблужденіе. Англичане не признаютъ никакихъ нейтральныхъ; они дозволяютъ плавать Американцамъ только подъ условіемъ, чтобы тѣ перевозили ихъ товары и на ихъ счетъ. Всѣ свидѣтельства французскихъ консуловъ и всякія другія бумаги, которыми снабжены эти корабли, подложны. Все это слишкомъ ясно, чтобы возможно было этого не знать. Война и миръ — въ рукахъ Россіи" [1]).

На письмо Наполеона, привезенное Чернышевымъ, и на изустные разказы послѣдняго о требованіяхъ императора Французовъ, подтвержденные и настояніями Коленкура, наше правительство отвѣчало, что Русскій императоръ никогда не рѣшится принять иностранныхъ торговыхъ постановленій и тарифовъ, безъ соображенія съ источниками народнаго богатства своего государства и его развитіемъ. „Это было бы нерадѣніе о благѣ своихъ подданныхъ и ослабило бы народную преданность, которою государь дорожитъ, и на которую имѣетъ право. Великая держава, соблюдая и великія пользы, должна дѣйствовать самостоятельно какъ внутри своей страны, такъ и въ дружественныхъ сношеніяхъ съ другими государствами". Ту же мысль императоръ выразилъ французскому посланнику, сказавъ, что „будетъ вредить Англичанамъ, но не закроетъ портовъ для торговли нейтральной, не считая себя обязаннымъ принимать такія мѣры, которыя превышаютъ условія трактата, заключеннаго съ императоромъ Наполеономъ. Каждый въ правѣ распоряжаться у себя для собственной пользы" [2]). Послѣдствіемъ этихъ заявленій было изданіе „Положенія

---

[1]) Письмо императора Наполеона къ герцогу Кадорскому 16-го апрѣля и 4-го ноября 1810 г. *Bignon*, Hist. de France, гл. XXIV. *Thiers*, Hist. de l'empire, l. XX.

[2]) Депеша графа Румянцева къ князю Куракину 24-го ноября 1810 года. Письмо Коленбура къ Шампаньи въ ноябрѣ того же года.

о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ въ портахъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ“ [1]), которое было дѣйствительно самымъ рѣшительнымъ отказомъ на требованія Наполеона и явнымъ заявленіемъ свободы и самостоятельности Россіи во внутреннихъ распоряженіяхъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что такъ-называемая нейтральная торговля была большею частію подложная и въ сущности англійская; но это было такимъ же необходимымъ послѣдствіемъ чудовищной мѣры, неудачно придуманной геніальною злобою Наполеона противъ Англіи и извѣстной подъ названіемъ *континентальной системы*, какъ и правильно и въ огромныхъ размѣрахъ устроенная ими контрабанда, развратившая международную торговлю. Но во время заключенія Тильзитскаго трактата, Наполеонъ еще не понималъ, какое можетъ получить значеніе нейтральная торговля, или не считалъ еще себя достаточно властелиномъ всей Европы, чтобы требовать отъ своихъ союзниковъ ея запрещенія. Но вслѣдъ за Тильзитскимъ миромъ Англія издала законъ, по которому дозволила свободное плаваніе по морямъ только тѣмъ кораблямъ, грузъ которыхъ осмотрѣнъ англійскимъ правительствомъ, въ Лондонѣ, Мальтѣ или другихъ установленныхъ ею мѣстахъ и оплаченъ въ ея пользу пошлиной, и которые снабжены ея свидѣтельствами. На основаніи этого правила, которое властительница морей могла поддержать и поддерживала силою, нейтральная торговля естественно попала въ руки Англіи и превратилась, въ большей части случаевъ, въ наилучшее, или по крайней мѣрѣ, самое безопасное орудіе ея контрабанды.

На распоряженія Англіи Наполеонъ отвѣчалъ декретами Миланскимъ и Тріанонскимъ, тарифомъ, направленнымъ противъ нейтральной торговли, присоединеніемъ къ Франціи прибрежій Нѣмецкаго моря, Голландіи, ганзейскихъ городовъ, конфискаціей англійскихъ и колоніальныхъ товаровъ. Онъ жегъ эти товары, но болѣе продавалъ, и этою послѣднею мѣрою хотѣлъ увлечь въ свои виды и Россію. Военный грабежъ, доставившій ему огромныя суммы денегъ, далъ ему возможность образовать особый фондъ, военный (le trésor de l'armée), которымъ онъ тайно пополнялъ дефициты своей имперіи. Но безпрерывныя войны и другія потребности истощили этотъ фондъ въ то время. Онъ думалъ пополнить его продажей англійскихъ и коло-

[1]) Полн. Собр. Зак. 1810 г. декабря 19-го, № 24461.

ніальныхъ товаровъ и воспользовался этою мѣрою въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Но эти размѣры были ничтожны въ сравненіи съ тѣми, въ какихъ возростали ежегодно выгоды Англіи, вслѣдствіе принятой Наполеономъ противъ нея континентальной системы. Завладѣвъ колоніями и торговыми флотами всѣхъ державъ, она владычествовала безусловно на моряхъ. Если и разорялись нѣкоторые частные промышленники и торговые дома, то вообще ея торговля возростала, и доходы увеличивались ежегодно. Придуманная Наполеономъ мѣра обратилась въ пользу Англіи потому, что была неисполнима. Исполненіе этой мѣры равнялось бы совершенному прекращенію внѣшней торговли всѣхъ государствъ, а слѣдовательно,—полному ихъ разоренію. Поэтому, не могла не существовать и не развиваться контрабанда. Самъ Наполеонъ призналъ неисполнимость этой мѣры, допустивъ торговлю нѣкоторыхъ лицъ по особымъ для того *свидѣтельствамъ* и съ платою огромныхъ пошлинъ (licence). Но допуская такое исключеніе для Франціи, онъ настоятельно требовалъ отъ союзныхъ съ нимъ державъ полнаго запрещенія нейтральной торговли. Конечно, всѣ преклонились передъ силою; поспорила отчасти лишь Швеція, да рѣшительно отказала Россія.

Объ этомъ-то отказѣ Наполеонъ, выходившій постоянно изъ себя при каждомъ намекѣ на англійскую торговлю, отозвался такъ спокойно и благосклонно въ разговорѣ съ Чернышевымъ. Выслушавъ такой отвѣтъ Чернышевъ обратилъ вниманіе Наполеона на то, что выраженный имъ взглядъ устраняетъ тѣ два недоразумѣнія, на которыя, до отъѣзда его въ Петербургъ, онъ указывалъ какъ на такія, которыя могутъ быть поводомъ къ разрыву между имперіями, и что поэтому, въ настоящее время онъ почитаетъ союзъ и согласіе между ними вполнѣ обезпеченнымъ.

Вмѣсто отвѣта на это замѣчаніе, Наполеонъ сказалъ Чернышеву „что онъ съ радостію узналъ, какъ императоръ Александръ выразился на счетъ пріобрѣтеній отъ Турціи, совершенно согласно съ видами Франціи. Поэтому онъ полагаетъ, что намъ очень скоро удастся заключить миръ съ Турками. Но я долженъ обратить вниманіе вашего величества", доносилъ Чернышевъ императору, — „что, въ отношеніи къ этому вопросу, императоръ Наполеонъ въ продолженіе разговора очень часто противорѣчилъ самъ себѣ. То онъ предсказывалъ скорое заключеніе мира, то говорилъ о предстоящемъ возобновленіи войны. Онъ находилъ наше военное положеніе

въ отношеніи къ Туркамъ весьма выгоднымъ, потому что въ нашихъ рукахъ находилось много крѣпостей на правомъ берегу Дуная: но въ то же время полагалъ весьма печальнымъ то обстоятельство, что по недостатку продовольствія, мы были вынуждены перевести на этотъ берегъ свою главную квартиру и большую часть войскъ и оставить на противоположномъ берегу только три дивизіи. Это, говорилъ онъ, ободритъ Турокъ и поощритъ ихъ къ продолженію войны, къ чему возбуждаютъ ихъ Англичане, Австрійцы, Шведы и Поляки, которые не перестаютъ распускать слухи о скоромъ разрывѣ между Россіей и Франціей, который, конечно, имъ выгоденъ. Сверхъ того, императоръ Наполеонъ говорилъ, что война съ Турками можетъ представлять для насъ затрудненія единственно въ отношеніи къ денежнымъ издержкамъ, особенно если мы ограничимся только защитою праваго берега Дуная, что̀ весьма легко и не потребуетъ много войска. Но что касается до финансовъ, то затруднительное наше положеніе, говорилъ онъ, зависитъ отъ того, что ваше величество во всѣхъ случаяхъ поступали слишкомъ рыцарски (en vrai chevalier), строго наблюдая, чтобы заплачены были всѣ военныя издержки Австрія и Пруссіи. „Еслибъ императоръ Александръ дѣйствовалъ какъ я, то-есть; какъ человѣкъ разчета (en homme de calcul), то никогда не чувствовалъ бы недостатка въ деньгахъ. Такъ какъ онъ дѣйствовалъ черезъ своихъ генераловъ, то и не обращалъ особаго вниманія на свои выгоды; но какъ я самъ предводительствовалъ своими, то и бралъ все, что̀ считалъ нужнымъ“. Наконецъ, онъ прибавилъ: „Совершенно въ иномъ положеніи находилась бы Россія, еслибы вашъ императоръ принялъ то предложеніе, которое я сдѣлалъ ему въ Тильзитѣ, — раздѣлить владычество надъ міромъ (de partager le monde); тогда у него было бы много и войскъ, и денегъ“.

Когда императоръ Наполеонъ выразилъ не только миролюбивое настроеніе въ отношеніи къ Россіи, но даже и заботу о ея благосостояніи, Чернышевъ позволилъ себѣ скромно замѣтить ему, что ѣхавши въ Парижъ, онъ дорогою, въ Копенгагенѣ, случайно узналъ о присоединеніи къ Французской имперіи ганзейскихъ городовъ и о конскрипціи на 1811 годъ, тогда какъ незадолго передъ тѣмъ Наполеонъ, отпуская Чернышева въ Петербургъ, поручилъ ему сказать императору Александру, что онъ не прибѣгнетъ къ конскрипціи за этотъ годъ.

Вовсе не отвѣчая на первое обстоятельство, императоръ Напо-

леонъ сознался, что дѣйствительно онъ не намѣревался прибѣгать къ этой конскрипціи, но что сильныя потери въ людяхъ въ Испаніи, гдѣ его дѣла идутъ не совсѣмъ удовлетворительно, принудили его взять часть конскриптовъ и именно въ томъ числѣ, которое необходимо для пополненія войскъ, находящихся въ Испаніи. Но онъ не потребуетъ полнаго числа конскриптовъ, потому что это стоило бы большихъ издержекъ, а ему и безъ того предстоитъ ихъ очень много. Онъ окончилъ рѣчь новыми увѣреніями, что желаетъ поддержать мирныя отношенія къ Россіи, и замѣтилъ, что передвиженіе корпусовъ Даву производится только для того, чтобы занять области ганзейскихъ городовъ, что онъ даетъ слово не увеличивать этой арміи, и даже изъ тѣхъ полковъ, изъ которыхъ они состоятъ, онъ дозволилъ давать отпуски".

Такія миролюбивыя рѣчи не обманули и молодаго русскаго офицера. Сообщая ихъ императору, Чернышевъ писалъ въ то же время:

„Осмѣливаюсь сказать вашему величеству, что не смотря на то, что рѣчи императора Наполеона исполнены миролюбія, всѣ его дѣйствія совершенно несогласны съ ними. Быстрота, съ которою въ продолженіе шести мѣсяцевъ совершено столько насильственныхъ присоединеній, предвѣщаніе, что за ними послѣдуютъ другіе захваты, деспотическія и насильственныя мѣры, которыя употреблялъ Наполеонъ для увеличенія своихъ войскъ, конскрипція нынѣшняго года, которую онъ возьметъ, конечно, въ полномъ числѣ, въ чемъ никто не сомнѣвается, видя къ какимъ коварнымъ онъ прибѣгаетъ средствамъ, наконецъ, предположеніе устроить подвижную національную гвардію болѣе нежели въ 300 тысячъ человѣкъ, о чемъ ужь идутъ разсужденія въ государственномъ совѣтѣ (хотя это предположеніе и встрѣчаетъ тамъ много возраженій, но безъ сомнѣнія, будетъ утверждено и приведено въ исполненіе), всѣ эти обстоятельства вмѣстѣ ставятъ всѣ европейскія державы въ крайне тревожное положеніе въ отношеніи Французской имперіи. Не безъ страха смотрятъ онѣ на ея владычество не только надъ всѣми берегами Средиземнаго моря, но и на распространеніе его на берега Балтійскаго моря. Это послѣднее обстоятельство доказываетъ, что его самолюбіе не знаетъ предѣловъ и угрожаетъ существованію всѣхъ небольшихъ сѣверныхъ государствъ — Даніи, Пруссіи и др.

„Правда, что послѣ небольшаго отсутствія изъ Парижа, я нашелъ по возвращеніи большую перемѣну въ настроеніи умовъ; на всѣхъ лицахъ замѣтны признаки уныній, сердца какъ будто стѣснены го-

ремъ и страхомъ, и всѣ молча ожидаютъ окончанія своихъ бѣдствій. Конечно, главная причина этой перемѣны заключается въ печальномъ положеніи дѣлъ въ Испаніи и Португаліи. Оно приводитъ въ отчаяніе Французовъ, похищая у нихъ столько людей и денегъ, и этому они не предвидятъ конца по тѣмъ немногимъ извѣстіямъ, которыя имъ удастся получить оттуда, не смотря на то, что правительство тщательно ихъ не допускаетъ. Къ этому надобно прибавить многочисленныя банкрютства, которыя чрезвычайно стѣснительно дѣйствуютъ не на однихъ купцовъ, но и на весь народъ, и недостатокъ торговли; притѣсненія и несправедливости всякаго рода со стороны Наполеоновыхъ чиновниковъ, не способныхъ внушить никакого довѣрія, возбуждаютъ мысль, что онъ дѣйствуетъ единственно для собственныхъ выгодъ, движимый лишь личнымъ самолюбіемъ. Вообще, недовольство всеобщее и явное, но это не поведетъ ни къ какимъ прямымъ послѣдствіямъ, потому что тотъ страхъ и ужасъ, которые внушаютъ силы, находящіяся въ распоряженіи Наполеона, закрываетъ его несправедливыя дѣйствія, и его вліяніе еще такъ велико, что всѣ пойдутъ за его мановеніемъ.

„При такомъ положеніи дѣлъ, государь, взоры всѣхъ обращаются на Россію, какъ единственную державу, которая одна еще можетъ не только не подчиняться тому рабству, въ которомъ находится остальна Европа, но даже положить предѣлъ этому разрушительному потоку, для котораго ничего нѣтъ святаго и который не сдерживается никакими соображеніями. Но она не можетъ достигнуть этой великой цѣли, ни побѣдоносно противодѣйствовать современнымъ происшествіямъ, если не освободитъ себя отъ всякой другой войны и не сосредоточитъ въ одномъ мѣстѣ всѣхъ своихъ силъ и способовъ. Поэтому единственное желаніе всякаго ревностнаго подданнаго вашего величества и истиннаго Русскаго должно состоять въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе прекратить войну съ Турками, и если обстоятельства потребуютъ, то заключить миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ. Это пожертвованіе будетъ съ избыткомъ вознаграждено тѣми выгодами, которыя необходимо послѣдуютъ, и тѣмъ положеніемъ, которое можетъ принять Россія,—грознымъ и внушительнымъ, способнымъ заставить уважать ея волю во время мира, и въ случаѣ разрыва съ Франціей, дастъ ей неизмѣримое преимущество — предупредить своего врага. Я скажу даже болѣе: оно дастъ намъ возможность нанесть сильнѣйшій ударъ выгодамъ Наполеона, войдя въ соглашеніе съ Австріей и Швеціей, обѣщавъ первой часть Валахіи и

Сербію, а второй—Норвегію, составляющую предметъ ея желаній, и тогда безпрепятственно занять Варшавское герцогство, объявить себя королемъ Польскимъ и обратить противъ самого императора Наполеона тѣ средства, которыя онъ приготовилъ въ этомъ герцогствѣ для войны съ нами. Извѣстно, что настоящее положеніе Поляковъ чрезвычайно печально, что они страдаютъ подъ тягостью огромныхъ налоговъ отъ притѣсненій и лишеній всякаго рода, налагаемыхъ на нихъ деспотическою волею Наполеона. Если они вынесутъ все это, то единственно въ надеждѣ вновь сдѣлаться народомъ. Если бы ваше величество рѣшились осуществить эту мысль и поддержать осуществленіе ея сильнымъ войскомъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Поляки, испытавъ уже всѣ тягости Наполеонова правленія, не уважающаго никакихъ законовъ, никакихъ правъ собственности, предпочли бы ваше правительство, справедливое и законное, которое обезпечило бы для нихъ будущее благоденствіе. Но это произвело бы и выгодныя послѣдствія для васъ, укрѣпивъ обладаніе вашими польскими провинціями, увеличивъ и усиливъ ваше могущество и лишивъ непріятеля значительныхъ средствъ, которыми онъ могъ бы располагать въ войнѣ противъ васъ. Не говоря уже о другихъ, одна потеря 20 тысячъ легкой кавалеріи, образованной въ Варшавскомъ герцогствѣ по приказанію императора Наполеона, была бы для него жестокимъ лишеніемъ, потому что онъ знаетъ превосходство этого рода войскъ въ нашей арміи и разчитываетъ противопоставить нашей легкой кавалеріи именно польскую“ [1]).

Такимъ образомъ, взгляды опытнаго русскаго дипломата, крайне опасавшагося войны съ Франціей, защитника союза съ нею, и молодаго русскаго офицера, который могъ увлекаться желаніемъ военной славы, совершенно одинаковы между собою. Оба не вѣрятъ миролюбивымъ рѣчамъ повелителя Франціи, оба подаютъ одинаковые совѣты своему правительству—не только приготовляться какъ можно дѣятельнѣе къ оборонѣ, но въ виду угрожающей опасности, заключить какъ можно скорѣе и на какихъ бы то ни было условіяхъ миръ съ Турками, привлечь къ союзу съ Россіей цѣною важныхъ обѣщаній Пруссію, Австрію и Швецію. Одинъ еще не теряетъ надежды на сохраненіе мира, но только въ томъ случаѣ, если наши военныя приготовленія такъ громадны, что могутъ заставить остановиться самого Наполеона, способнаго уступать только внѣшней силѣ; другой, напротивъ того,

[1]) Письмо изъ Парижа $^{3}/_{15}$ января 1811 года.

понявъ настроеніе духа Наполеона, дошедшаго до крайнихъ предѣловъ гордой самоувѣренности, неспособной уже ничему уступать,— совѣтуетъ, не ожидая съ его стороны нападенія, дѣйствовать наступательно.

Но чѣмъ же объяснить миролюбивыя рѣчи Наполеона въ отношеніи къ Россіи въ это время? Оба наши дипломата одинаково объясняютъ эту сдержанность плохимъ положеніемъ дѣлъ въ Испаніи и Португаліи, которое онъ съ подробностію узналъ отъ прибывшаго оттуда генерала Фоя (Фоу), и которое требовало, по собственному его соображенію, отправленія въ Испанію отъ 60 до 80 тысячъ новыхъ вспомогательныхъ войскъ. Такое уменьшеніе войскъ, приготовляемыхъ для дѣйствій противъ Россіи, въ то время, когда конскрипты 1811 года еще не были собраны, а подвижная народная гвардія не образована, конечно вынуждало Наполеона отсрочивать нападеніе на Россію и въ то же время предупреждать нападеніе съ ея стороны, увѣривъ ее въ своемъ желаніи поддерживать союзъ и миръ съ нею. Неискренность миролюбивыхъ рѣчей Наполеона была очевидна и не могла обмануть никого. Онъ въ это время находился постоянно въ раздраженномъ состояніи отъ неуспѣшныхъ дѣйствій его оружія въ Испаніи и приходилъ въ бѣшенство при извѣстіяхъ, что его мѣры противъ англійской торговли не достигаютъ цѣли. Могъ ли онъ такъ благодушно отнестись къ извѣщеніямъ Коленкура, что императоръ Александръ не согласится никогда запретить нейтральную торговлю и видитъ въ этомъ требованіи даже посягательство на независимость въ своихъ внутреннихъ дѣйствіяхъ въ его имперіи. Разговаривая съ Чернышевымъ, онъ не имѣлъ еще свѣдѣній о томъ, какъ приметъ Русскій императоръ извѣстіе о присоединеніи ганзейскихъ городовъ и герцогства Ольденбургскаго къ Франціи. Поэтому онъ ничего не отвѣчалъ на упоминаніе о томъ Чернышева, а распространился о войнѣ съ Турками, желая показать, что она не имѣетъ особеннаго значенія для Россіи и не требуетъ большихъ усилій и пожертвованій, и тѣмъ отдалить возможность скораго заключенія мира. Если его связывала война съ Испаніей и отвлекала значительныя силы, то и силы Россіи были отвлекаемы войною съ Турціей и Персіей и опасеніями на счетъ Финляндіи, вынуждавшими содержать въ ней значительныя силы. Но неудачи въ Испаніи тревожили его еще и потому, что приводили къ умыслію и волновали общественное мнѣніе въ самой Франціи, и безъ того, вслѣдствіе бѣдствій континентальной системы, раздражившейся противъ своего повелителя.

Конечно, неудобно было предпринять далекій походъ, оставивъ за собою недовольную Францію. Быть можетъ, роль миролюбца гораздо долѣе и съ большею выгодою для себя розыгрывалъ бы Наполеонъ, еслибы новые переговоры съ Россіей о герцогствѣ Ольденбургскомъ не раздражили его самолюбія, а между тѣмъ они были лишь послѣдствіемъ уже извѣстнаго направленія Наполеона преслѣдовать англійскую торговлю, какъ въ видѣ контрабанды, такъ и въ видѣ нейтральной торговли.

Присоединивъ Голландію къ своей имперіи, Наполеонъ извѣстилъ русскій кабинетъ объ этомъ совершившемся происшествіи „съ нѣкотораго рода небрежностью“, по выраженію Тьера [1]). Извѣщеніе о присоединеніи къ Франціи ганзейскихъ городовъ и другихъ независимыхъ владѣній, въ числѣ которыхъ находилось и герцогство Ольденбургское, сдѣлано было не только съ небрежностію, но съ явнымъ оскорбленіемъ личныхъ чувствъ Русскаго императора и достоинства его кабинета. Въ ноябрѣ 1810 года французскій министръ иностранныхъ дѣлъ спрашивалъ Коленкура, какъ отнесся бы императоръ Александръ къ положенію герцога Ольденбургскаго, если бы совершилось предполагаемое присоединеніе? Декабря 13-го Коленкуръ отвѣчалъ, что не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подобный поступокъ будетъ принятъ здѣсь какъ знакъ величайшаго неуваженія къ Россіи. „Если“, прибавилъ онъ,—„здѣсь радовались, узнавъ о намѣреніи нашего правительства вывести войска изъ Германіи, то понятно, какое впечатлѣніе произведетъ наше намѣреніе утвердить свою власть на сѣверѣ, не временно только, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, но напротивъ, въ видѣ полнаго обладанія, по крайней мѣрѣ на неопредѣленное время“. Но за нѣсколько дней до того, какъ Коленкуръ подписалъ свою депешу (8-го декабря), объ этомъ присоединеніи было уже заявлено сенату Франціи; въ тотъ же день, 13-го декабря, какъ онъ подписалъ, состоялась сенатусъ-консульта, одобрившая это присоединеніе, и на другой день, 14-го декабря, министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи увѣдомилъ Коленкура объ этомъ происшествіи, какъ о совершившемся явленіи, объясняя его только тѣмъ, „что присоединеніе Голландіи повлекло за собою и присоединеніе ганзейскихъ городовъ“ [2]).

---

[1]) «Avec une sorte de négligence». *Thiers*, Histoire de Consulat et de l'Empire. Liv. XXXVIII.

[2]) *Bignon*, Histoire de France, chap. XXIV.

Прежде, нежели герцогъ Виченцскій получилъ это извѣстіе, императоръ Александръ уже зналъ о немъ, и, при первой съ нимъ встрѣчѣ, спросилъ его: знаетъ ли онъ, что Франція пріобрѣла новые департаменты? [1]).

Это происшествіе имѣло рѣшительное дѣйствіе на французскаго дипломата; онъ понялъ, что императоръ Александръ, не смотря на ласковое по прежнему съ нимъ обращеніе, не можетъ уже имѣть къ нему прежней довѣренности, какъ къ посланнику правительства, которое скрываетъ отъ него дѣйствительныя свои намѣренія и дѣйствія. Онъ просилъ свое правительство отозвать его изъ Россіи, и эта просьба не только не встрѣтила сопротивленія, но напротивъ, совпадала съ видами Наполеона. „Онъ совершенно сдѣлался Русскимъ, говорилъ императоръ о немъ,—„и забываетъ выгоды Франціи". Каждая депеша Коленкура была невольною укоризною самому Наполеону, а подобныхъ укоризнъ, хотя и невольныхъ, отъ своего агента онъ переносить не могъ. Коленкуръ постоянно сообщалъ ему, что Русскій императоръ желаетъ сохранить мирныя и союзныя отношенія къ Франціи, что мысль о войнѣ съ нею далека отъ его соображеній, и что если онъ дѣлаетъ какія либо военныя приготовленія, то вызывается на это дѣйствіями Франціи и притомъ единственно съ оборонительными видами. Не такой агентъ былъ нуженъ Наполеону; ему нуженъ былъ такой, который умѣлъ бы отвести глаза русскаго правительства отъ его приготовленій къ войнѣ съ Россіей и дать ему возможность впослѣдствіи обвинить ее въ нарушеніи мира и въ тѣхъ бѣдствіяхъ для Европы, которыя были бы необходимымъ послѣдствіемъ войны Россіи съ Франціей.

Если въ этомъ случаѣ императоръ Французовъ позволилъ себѣ такъ неприлично поступать съ Русскимъ императоромъ, то конечно, нельзя и предполагать, чтобъ онъ могъ дѣйствовать приличнѣе съ слабой жертвой своего насилія, съ герцогомъ Ольденбургскимъ.

Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ поручилъ Коленкуру сообщить русскому правительству, что, вслѣдствіе присоединенія къ Франціи ганзейскихъ городовъ, герцогство Ольденбургское „вошло въ предѣлы имперіи. Императоръ", продолжалъ министръ,—„не могъ не обратить при этомъ случаѣ вниманія на тяжелое положеніе герцога. Поэтому было сообщено его гофмаршалу, г. Мальцану, для передачи герцогу, что отъ его воли зависитъ сохранить владѣніе Ольденбур-

---

[1]) Депеша князя Куракина 1811 года.

гомъ, вошедшимъ въ составъ Французской имперіи. Но если онъ захочетъ въ замѣнъ его бывшихъ владѣній принять другія, то императоръ Французовъ съ радостію исполнитъ его желаніе" [1]). Но не смотря на то, что герцогъ изъявилъ желаніе сохранить за собою владѣніе своихъ предковъ, по предписанію, послѣдовавшему черезъ четыре дня послѣ этого сообщенія Коленкуру, французскіе чиновники вступили въ управленіе герцогствомъ и прежде всего захватили всѣ денежныя кассы. Герцогъ былъ позорно изгнанъ изъ своихъ владѣній и отправился въ Россію. Когда нашъ посланникъ заявилъ объ этомъ насиліи, то императоръ Наполеонъ отвѣчалъ, что герцогство Ольденбургское, какъ и всѣ присоединенныя къ Франціи страны, должно подчиниться ея порядку управленія. „Изъ *уваженія* будто бы къ герцогу императоръ Французовъ не желалъ подвергнуть его столкновеніямъ съ войсками и чиновниками Франціи и потому предлагаетъ ему въ вознагражденіе за его владѣнія какую-нибудь другую область въ Германіи" [2]).

Герцогъ Ольденбургскій былъ дядя императора Александра, и его обладаніе герцогствомъ было торжественно признано Тильзитскимъ трактатомъ, составлявшимъ главное основаніе нашихъ дружественныхъ отношеній къ Франціи. Очевидно, что, кромѣ личнаго оскорбленія царствующему дому, русская политика не могла терпѣть и прямаго нарушенія международнаго договора. Князю Куракину было предписано объявить французскому министру иностранныхъ дѣлъ, что XII-я статья Тильзитскаго трактата обезпечиваетъ герцогу его владѣнія, которыя обязаны существованіемъ Россіи, и въ случаѣ прекращенія рода герцога Ольденбургскаго, должны быть ей возвращены. Предлагая не нарушать правъ герцога, наше правительство поручило объявить, что въ противномъ случаѣ, для огражденія правъ герцога и своихъ собственныхъ, императоръ Русскій будетъ вынужденъ формально протестовать противъ насильственныхъ дѣйствій Франціи.

„Вы сами предложили герцогу Ольденбургскому сохранить за собою владѣнія, хотя и включенныя уже въ составъ имперіи", говорилъ князь Куракинъ герцогу Кадорскому.

„Но это предложеніе", отвѣчалъ ему французскій министръ иностранныхъ дѣлъ,—„сдѣлалъ ему императоръ въ полной увѣренности,

---

[1]) Депеша герцога Кадорскаго въ Коленкуру, 14-го декабря.

[2]) Депеша князя Куракина отъ 1/13 января 1811 года.

что онъ откажется отъ герцогства, потому что, оставаясь въ немъ, онъ не могъ сохранить своихъ владѣтельныхъ правъ и сдѣлался бы простымъ подданнымъ Франціи. Съ герцогомъ Аренбергскимъ и князьями Сальмскими императоръ Наполеонъ такъ и поступилъ; но изъ особеннаго уваженія къ Русскому императору, онъ предлагаетъ въ вознагражденіе герцогу Эрфуртъ".

На замѣчаніе князя Куракина, что герцогъ не желаетъ никакихъ вознагражденій, но хочетъ пользоваться своими правами въ отношеніи къ Ольденбургу, Шампаньи замѣтилъ, что это сдѣлалось уже невозможнымъ послѣ того, какъ состоялась сенатусъ-консульта о присоединеніи этого герцогства къ Франціи.

„По обладаніе Ольденбургомъ", продолжалъ нашъ посланникъ, — „утверждено за герцогомъ Тильзитскимъ трактатомъ, который составляетъ единственную основу нашихъ дружественныхъ отношеній къ Франціи".

„Въ то время Ольдебургъ былъ завоеванъ Франціей, и императоръ Наполеонъ уступилъ его герцогу", отвѣчалъ герцогъ Кадорскій,—„а теперь по видамъ высшей политики онъ счелъ необходимымъ присоединить его къ Франціи".

„По герцогство Ольденбургское", настаивалъ нашъ посланникъ,— „издавна принадлежитъ Голштейнъ-Готорпскому дому, глава котораго—Русскій императоръ, и еслибы прекратилось потомство герцога, то оно должно было бы перейдти во владѣніе царствующаго въ Россіи дома".

„Тысячу лѣтъ тому назадъ Карлъ Великій владѣлъ Гамбургомъ и всѣми окрестными странами", говорилъ герцогъ Кадорскій,—„что же дѣлать, надо покориться силѣ обстоятельствъ. Малыя владѣнія не могутъ сохранить своей самостоятельности, если она находится въ противорѣчіи съ выгодами великихъ державъ. Что же касается до возможности наслѣдства для русскаго царствующаго дома, то это невѣроятная случайность, потому что семейство герцога довольно многочисленно".

Передавая нашему правительству отчетъ объ этомъ разговорѣ, князь Куракинъ писалъ: „На каждое соображеніе, на каждую подробность, которыя я представлялъ герцогу Кадорскому, онъ въ сущности ничего не отвѣчалъ болѣе, какъ только то, что такова воля императора, и что онъ не можетъ измѣнить того, что уже сдѣлалъ".

Только послѣднее замѣчаніе князя Куракина смутило нѣсколько французскаго министра иностранныхъ дѣлъ: „Наконецъ я долженъ

вамъ заявить, что со стороны императора будетъ заявленъ торжественный протестъ по этому случаю".

„Развѣ мои объясненія не удовлетворительны"? съ удивленіемъ замѣтилъ герцогъ Кадорскій.—„Протестъ не измѣнитъ дѣла, но только покажетъ Европѣ, что разорванъ союзъ между Франціей и Россіей".

Когда князь Куракинъ объявилъ, что, исполняя предписанія своего правительства, онъ долженъ будетъ предъявить этотъ протестъ. Шампаньи перемѣнилъ разговоръ и началъ жаловаться на новый нашъ тарифъ. Этотъ тарифъ входилъ въ составъ положенія о нейтральной торговлѣ, взглядъ на которую русскаго правительства былъ уже извѣстенъ Наполеону, и къ которому онъ такъ миролюбово отнесся въ разговорѣ съ Чернышевымъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ возникъ Ольденбургскій вопросъ, этотъ тарифъ дѣлался для французскаго правительства предлогомъ къ постояннымъ жалобамъ [1]).

Приведенный разговоръ показывалъ, что никакой обмѣнъ мыслей, никакіе переговоры уже не были возможны въ это время съ правительствомъ Наполеона. Одна его воля рѣшала дѣла Европы, и всѣ другія государства должны были безусловно покоряться ей или воевать съ Франціей. Это подтвердилъ немедленно и поступокъ французскаго правительства съ нашимъ протестомъ по Ольденбургскому дѣлу. Князь Куракинъ, исполняя предписаніе правительства, послѣ этого разговора отправилъ протестъ къ герцогу Кадорскому. Безъ всякаго отвѣта онъ возвратилъ ему его назадъ. Князь Куракинъ отправилъ снова. Тогда герцогъ Кадорскій самъ привезъ ему обратно и положивъ передъ нимъ на столъ, объявилъ, что императоръ Наполеонъ запретилъ ему принимать этотъ протестъ, который онъ находитъ несогласнымъ съ тѣми чувствами дружбы, которыя онъ питаетъ къ императору Александру [2]).

Все это происходило въ то время, когда Чернышевъ еще находился въ Парижѣ. Наполеонъ призвалъ его къ себѣ и поручилъ немедленно отправиться въ Петербургъ съ собственноручнымъ его письмомъ къ императору Александру. Въ этомъ письмѣ, увѣдомляя объ отозваніи, по болѣзни, Коленкура и о назначеніи на его мѣсто посланникомъ при нашемъ дворѣ генерала Лористона, онъ говорилъ, что

---

[1]) Депеша графа Румянцева къ князю Куракину $^{9}/_{21}$ января 1811 г. и депеша князя Куракина къ графу Румянцеву 27 января (8 февраля) и 28 января (9 февраля) 1811 г.

[2]) Депеша князя Куракина $^{8}/_{20}$ февраля 1811 года.

поручилъ Чернышеву выразить императору Александру тѣ чувства дружбы, которыя онъ питаетъ къ нему. „Эти чувства не измѣнятся", продолжалъ онъ далѣе,—„хотя я не могу уже болѣе скрывать отъ себя, что ваше величество потеряли дружбу ко мнѣ. Вы поручаете дѣлать мнѣ протесты и всякаго рода затрудненія по вопросу объ Ольденбургѣ, тогда какъ я не отказываюсь дать соразмѣрное за него вознагражденіе, и когда положеніе этой страны, бывшей средоточіемъ контрабандной торговли съ Англіей, вынудило меня, для соблюденія выгодъ моей имперіи и для успѣха войны, въ которую я вовлеченъ, присоединить Ольденбургъ къ моимъ владѣніямъ. Послѣдній указъ вашего величества, какъ по существу, такъ особенно по формѣ, исключительно направленъ противъ Франціи. Въ прежнее время, прежде нежели принять такую мѣру противъ французской торговли, ваше величество сообщили бы мнѣ о ней предварительно, и, быть можетъ, мнѣ удалось бы найдти средства, которыя привели бы къ той же цѣли, какой вы желали достигнуть, но которая въ глазахъ Франціи не показалась бы отступленіемъ отъ прежней вашей политической системы. Такъ на это смотритъ вся Европа, и въ глазахъ ея и Англіи нашъ союзъ уже не существуетъ болѣе. Если онъ еще и сохраняется въ вашей душѣ также, какъ въ моей, то во всякомъ случаѣ такое общее мнѣніе можетъ только принести вредъ. Да позволитъ мнѣ ваше величество сказать откровенно, что вы забыли о тѣхъ выгодахъ, которыя вы извлекли изъ этого союза, а между тѣмъ вспомните что произошло послѣ Тильзита. По Тильзитскому договору вы должны были возвратить Турціи Молдавію и Валахію, но вмѣсто того чтобы возвратить, вы эти княжества присоединили къ своей имперіи. Молдавія и Валахія составляютъ третью часть Европейской Турціи: это пріобрѣтеніе огромное, которое ослабляетъ силы Турціи, и, можно даже сказать, уничтожаетъ эту имперію, мою старинную союзницу. Однако же, не смотря на то, вмѣсто требованія строгаго исполненія условій Тильзитскаго договора, я безкорыстно и изъ чистой дружбы къ вашему величеству призналъ присоединеніе этихъ богатыхъ областей; но еслибъ я не былъ увѣренъ въ продолженіи нашего союза, то можно навѣрное сказать, что нѣсколько самыхъ неудачныхъ кампаній не вынудили бы Францію пожертвовать своимъ старымъ союзникомъ (à voir dépouiller ainsi son ancien allié). Въ отношеніи къ Швеціи, въ то время какъ я возвращалъ ей завоеванныя у нея области, я согласился, чтобы ваше величество оставили за собою Финляндію, составляющую третью долю Швеціи—область, до такой степени

для васъ важную, что послѣ этого присоединенія Швеція, можно сказать, уже не существуетъ болѣе, потому что Стокгольмъ уже находится на аванпостахъ государства. А между тѣмъ Швеція, не смотря на ложную политику своего короля, все-таки принадлежитъ къ старинnымъ друзьямъ Франціи. Люди вкрадчивые, подущаемые Англіей, клевещутъ на меня передъ вашимъ величествомъ. По ихъ мнѣнію, я хочу возстановить Польшу. Я властенъ былъ это сдѣлать въ Тильзитѣ: чрезъ двѣнадцать дней послѣ сраженія при Фридландѣ, я могъ быть уже въ Вильнѣ. Еслибъ я хотѣлъ возстановить Польшу, то въ Вѣнѣ заручился бы на это согласіемъ Австріи: она желала сохранить только свои древнія владѣнія и сообщеніе съ моремъ и за это готова была пожертвовать своими польскими областями. Я могъ это сдѣлать въ 1810 году, когда всѣ русскія войска были заняты войною съ Турціей. Я могу это сдѣлать еще теперь, пока ваше величество не заключили еще мира съ Турками, который, вѣроятно, будетъ заключенъ въ продолженіе этого лѣта. Но если я не воспользовался ни однимъ изъ этихъ обстоятельствъ, то очевидно потому, что возстановленіе Польши вовсе не входило въ мои виды. Но если я не желаю измѣнять теперешняго положенія Польши, то, кажется, имѣю право требовать, чтобы никто не мѣшался въ мои дѣйствія по сю сторону Эльбы. Во всякомъ случаѣ наши враги достигли своей цѣли; доказательствомъ служатъ укрѣпленія, которыя вы воздвигаете въ двадцати мѣстахъ на Двинѣ, протестъ по дѣлу объ Ольденбургѣ, о которомъ мнѣ говорилъ князь Куракинъ, и новый указъ (о нейтральной торговлѣ).

„Что касается лично до меня, то я сохраняю мои прежнія чувства къ вамъ; но я пораженъ очевиднымъ значеніемъ дѣйствій и тою мыслью, что ваше величество готовы, лишь только будутъ благопріятствовать обстоятельства, войдти въ соглашеніе съ Англіей, что̀ будетъ равняться возбужденію войны между двумя имперіями. Если вы разторгнете союзъ съ Франціей и забудете объ обязательствахъ Тильзитскаго договора, то, конечно, послѣдуетъ война—нѣсколькими мѣсяцами ранѣе или нѣсколькими мѣсяцами позднѣе. Такое состояніе недовѣрія и неопредѣленности представляетъ неудобство какъ для вашей, такъ и для моей имперіи; его послѣдствіемъ будетъ напряженіе всѣхъ силъ, чтобъ извлечь достаточныя средства изъ обѣихъ имперій на случай ихъ столкновенія. Все это чрезвычайно печально.

„Если въ предположеніи вашего величества не входитъ примиреніе съ Англіей, то, конечно, вы признаете необходимымъ разсѣять всѣ

эти недоразумѣнія. Вы не считаете уже себя въ безопасности, какъ я могу заключать изъ словъ, сказанныхъ вами герцогу Виченцскому, что будете вести войну на своихъ границахъ, а увѣренность въ безопасности одного государства отъ другаго составляетъ первое условіе ихъ взаимнаго согласія.

„Прошу ваше величество прочесть это письмо въ добромъ настроеніи духа; въ немъ нѣтъ ничего такого, что могло бы помѣшать уничтоженію взаимнаго недовѣрія и возобновленію союза и дружбы между обоими государствами, которыя такъ были для нихъ счастливы въ продолженіе четырехъ лѣтъ“ [1].

Мы не войдемъ въ подробный разборъ этого письма, потому что его вполнѣ замѣнитъ отвѣтъ на него императора Александра, который будетъ приведенъ впослѣдствіи. Нельзя однако не замѣтить, что Наполеонъ, нарушивъ условія Тильзитскаго трактата какъ послѣднимъ мирнымъ договоромъ съ Австріей, такъ и присоединеніемъ герцогства Ольденбургскаго, упрекаетъ еще Россію въ нарушеніи этого трактата и потомъ говоритъ, что нарушеніе этого трактата рано или поздно повлечетъ за собою войну.

Война уже была рѣшена имъ; различныя обстоятельства могли только ускорить или замедлить начало самыхъ военныхъ дѣйствій. Таковъ смыслъ письма, и, еще болѣе, тѣхъ рѣчей, которыя Наполеонъ заставилъ выслушать Чернышева, вручая ему это письмо для доставленія императору Александру. „Когда вы узнаете смыслъ рѣчей Наполеона, сказанныхъ Чернышеву“, писалъ князь Куракинъ къ канцлеру Румянцеву,—„вы, конечно, будете также удивлены, какъ и я. Теперь уже не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, что въ мысляхъ Наполеона эта война окончательно рѣшена; но онъ отсрочиваетъ только ея начало, потому что не совсѣмъ еще къ ней приготовился. Я увѣренъ, что не ошибаюсь, объясняя себѣ этимъ обстоятельствомъ то, что онъ постоянно говоритъ о своемъ желаніи быть въ дружбѣ и союзѣ съ нами. Отданное имъ приказаніе исправить укрѣпленія Данцига имѣетъ для насъ чрезвычайно важное значеніе, уже потому, что это окончательно вскружитъ пустыя головы Поляковъ. Отозваніе Лессепса показываетъ несомнѣнно, что онъ питаетъ въ душѣ злобу противъ насъ. Въ то же время очевидно, что онъ желаетъ поссорить насъ съ Австріей, возбудить недовѣріе и подозрѣніе къ ея дѣйствіямъ въ отношеніи нашей войны съ Турками и предупредить возможность

[1]) Письмо 28 февраля 1811 г. Парижъ.

нашего съ нею союза. Условія или главныя основанія новаго договора, который онъ предлагаетъ заключить съ нами, очевидно несогласны съ нашими выгодами и видами нашего государя". Послѣднія строки этого письма указываютъ на нѣкоторые вопросы, о коихъ императоръ Наполеонъ говорилъ съ Чернышевымъ, и дополняютъ содержаніе его письма къ нашему государю. Зная всеобщее раздраженіе противъ него, господствовавшее въ Австріи, императоръ Французовъ дѣйствительно опасался ея союза съ нами, потому что это была единственная держава въ Европѣ, которая, въ случаѣ войны, могла располагать двухсотъ-тысячнымъ войскомъ. Самъ же поощряя ее дѣйствовать противъ насъ въ Константинополѣ, онъ выдавалъ ее, и представляясь нашимъ другомъ, хотѣлъ выставить ее нашимъ врагомъ, чѣмъ она и была дѣйствительно, но вмѣстѣ съ нимъ и разчитывая на его помощь. Опасаясь союза Австріи съ нами, онъ точно также опасался и того, чтобы Россія не начала войны прежде, нежели онъ пріиметъ мѣры къ поправленію дѣлъ въ Испаніи и Португаліи и не приготовится окончательно разгромить Россію. Съ этою цѣлію, чтобъ отсрочить войну, онъ пустилъ въ ходъ мысль о необходимости заключить новый союзный договоръ съ Россіей.

Князь Куракинъ понялъ намѣренія Наполеона, но страшно боясь войны съ нимъ, совѣтовалъ канцлеру „старательно избѣгать всякаго вызова къ войнѣ", хотя и готовить средства обороны и особенно — заключить миръ съ Турками [1]).

Не смотря однако на желаніе отсрочить войну съ Россіей, Наполеонъ, вовлекши ее въ переговоры о заключеніи новаго союзнаго съ нимъ договора, былъ въ то же время такъ взволнованъ и уязвленъ ея дѣйствіями, что самъ препятствовалъ успѣху своихъ предположеній, разрушалъ свои коварные замыслы, и невольно увлекаемый страстью, выражалъ настоящій свой образъ мыслей. „Такъ, онъ выдалъ самъ себя", писалъ нашъ посланникъ въ половинѣ марта 1811 года,—„въ прошлое воскресенье, принимая депутацію отъ торговаго и мануфактурнаго совѣтовъ. Онъ говорилъ ей: Когда я былъ въ Тильзитѣ, то въ моей власти было идти на Москву или Петербургъ; но Русскій императоръ обязался мнѣ не производить болѣе торговли съ Англичанами, и я пріостановилъ мой походъ. Но если онъ не исполняетъ своихъ обѣщаній, то я могу вновь предпринять этотъ

---

[1]) Частное письмо князя Куракина къ графу Румянцеву $^{18}/_{2}$ марта 1811 г. Парижъ.

походъ. Я займу Данію; необходимо, чтобы всѣ прибрежья Балтійскаго моря слѣдовали моей системѣ". Вообще этотъ пріемъ, замѣчалъ князь Куракинъ, былъ весьма бурный. Императоръ Наполеонъ объявилъ, что ранѣе десяти лѣтъ нельзя и думать о мирѣ, что въ Европѣ существуютъ только два государства—Англія и Франція. и кончилъ тѣмъ, что предлагалъ депутатамъ заботиться только о внутренней торговлѣ. Эта рѣчь надѣлала большаго шуму въ Парижѣ. всѣ ожидали немедленной войны съ Россіей, списки съ рѣчи начали ходить по рукамъ. и французское правительство, желая нѣсколько успокоить волненіе, распустило свой списокъ, въ которомъ однако смягчены были только нѣкоторыя выраженія [1]). Говоря, что въ Европѣ существуетъ только два государства, онъ выражалъ мысль, что Россія должна также подчиняться ему, какъ и всѣ другія европейскія державы. Запрещеніе ввоза въ Россію новымъ тарифомъ нѣкоторыхъ французскихъ товаровъ, обложеніе другихъ довольно значительными пошлинами, въ сущности, не имѣли особеннаго значенія для Наполеона, а только служили поводомъ къ придиркамъ. Тильзитскимъ трактатомъ была возстановлена сила торговаго договора съ Франціей, заключеннаго въ 1787 году, и въ которомъ было сказано, что „подданные обѣихъ договаривающихся сторонъ будутъ платить за свои товары пошлины, установленныя нынѣ дѣйствующимъ тарифомъ, или *какія будутъ установлены впослѣдствіи* въ обоихъ государствахъ" [2]). Тильзитскій трактатъ нисколько не стѣснялъ свободы дѣйствій нашего правительства по вопросу объ обложеніи пошлинами ввозимыхъ въ Россію иностранныхъ товаровъ [3]). Это, конечно, хорошо зналъ и Наполеонъ, но это была только придирка; а вопросъ заключался о торговлѣ съ Англіей. подъ видомъ нейтральной. Наполеону необходимо было, для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ, закрыть всякій входъ англійскимъ товарамъ на материкъ Европы и вслѣдъ за Голландіей и ганзейскими городами захватить въ свои руки Данію, Шведскую Померанію и русскіе берега Балтійскаго моря.

Если положеніе о нейтральной торговлѣ препятствовало осуществленію его видовъ въ отношеніи къ Англіи, то протестъ по Ольденбургскому дѣлу глубоко оскорблялъ его самолюбіе. Онъ призна-

---

[1]) Депеши князя Куракина графу Румянцеву [15/27] и [19/31] марта 1811 года.

[2]) Тарифъ на 1811 годъ, ст. 25 и 28, Полн. Собр. Зак. № 24464.

[3]) Тильзитскій трактатъ. Полн. Собр. Зак. № 22584 ст. XXVII. Отношеніе графа Румянцева къ князю Куракину 5-го января 1811 года.

валъ возможность мира или войны съ какою-либо державою, но не допускалъ возможности какой-нибудь державѣ не признавать его дѣйствій. Поэтому и онъ не хотѣлъ даже признавать существованія нашего протеста и запретилъ принимать его своему министру иностранныхъ дѣлъ. Но Россія, послѣ этого отказа, сообщила его всѣмъ европейскимъ державамъ въ слѣдующемъ видѣ:

„Его величество императоръ Всероссійскій съ удивленіемъ узналъ, что его величество императоръ Французовъ, король Италіанскій, опредѣливъ постановленіемъ своего сената новыя границы своей имперіи, включилъ въ ея составъ и герцогство Ольденбургское. Его величество представилъ вниманію императора, его союзника, какъ представляетъ теперь всей Европѣ, что именно Тильзитскій трактатъ обезпечиваетъ мирное обладаніе герцогствомъ его законному государю.

„Его величество напомнилъ этому государю, какъ напоминаетъ теперь и всѣмъ другимъ государствамъ, что Россія, по договорамъ 1766—1773 годовъ, предоставила Даніи всѣ свои владѣнія въ герцогствѣ Гольштинскомъ и въ замѣнъ ихъ получила герцогства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, которыя, по извѣстнымъ договорамъ, въ коихъ принимали участіе многія державы, были соединены въ одно герцогство въ качествѣ самостоятельной державы и переданы младшей линіи того же Голштейнъ-Готорпскаго дома, съ которымъ его величество тѣсно соединенъ узами крови.

„Императоръ полагаетъ, что это государство, обязанное своимъ существованіемъ великодушію Россіи, не можетъ быть уничтожено безъ нарушенія справедливости и его правъ. Поэтому онъ считаетъ себя обязаннымъ воспользоваться правомъ охраны (droit de réservation) и защитить, какъ онъ и дѣлаетъ этимъ заявленіемъ, отъ своего имени и отъ имени своихъ наслѣдниковъ престола, на вѣчныя времена, всѣ права и обязанности, которыя проистекаютъ изъ упомянутыхъ выше договоровъ.

„Какую цѣну могутъ имѣть союзы, если не соблюдаются трактаты, на которыхъ они основаны? Но чтобы не подать повода ни къ какому недоразумѣнію, его величество объявляетъ, что его союзъ съ императоромъ Французовъ былъ слѣдствіемъ важныхъ политическихъ интересовъ, которые не перестаютъ существовать и въ настоящее время, и что поэтому, предполагая заботиться о сохраненіи этого союза, онъ надѣется, что точно также поступитъ съ своей стороны и государь, на дружбу котораго онъ имѣетъ право.

„Эта общность выгодъ обѣихъ имперій, входившая еще въ виды Петра Великаго, которая встрѣтила тогда и встрѣчала впослѣдствіи столько препятствій, принесла уже много пользы какъ Россіи, такъ и Франціи. Поэтому пользы обѣихъ державъ требуютъ заботы о сохраненіи этого союза, и его величество употребитъ для того всѣ свои старанія".

Какъ ни скромно и умѣренно было написано это заявленіе (déclaration), *манифестъ*, какъ называлъ его Наполеонъ, не желавшій даже признавать его существованія, торжественное заявленіе этого протеста всѣмъ европейскимъ дворамъ, которые императоръ Французовъ привыкъ считать своими слугами, раздражало его самолюбіе. Это раздраженное состояніе тѣмъ болѣе причиняло ему досады, что онъ постепенно, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, то отъ одного, то отъ другаго изъ своихъ посланниковъ получалъ извѣстія о предъявленіи этого заявленія всѣмъ европейскимъ дворамъ. Не допуская, конечно, и мысли о томъ, что вина этого событія падаетъ на него самого, онъ сорвалъ свой гнѣвъ на томъ, кто въ силу самаго своего положенія долженъ былъ доводить до его свѣдѣнія извѣстія, получаемыя отъ французскихъ посланниковъ при иностранныхъ державахъ, на своемъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ, и уволилъ отъ должности герцога Кадорскаго, назначивъ на его мѣсто герцога Бассано [1]).

Въ это же время онъ получилъ извѣстія о передвиженіи пяти дивизій изъ Дунайской арміи къ западнымъ границамъ имперіи, а также о выводѣ нѣкоторой части войскъ изъ Финляндіи. Зная хорошо тѣ виды, которые императоръ Александръ соединялъ съ Турецкою войною, и понимая нужду содержать достаточное количество войскъ къ краѣ, только что завоеванномъ, Наполеонъ, конечно, не могъ не понять значенія этихъ распоряженій. Именно съ цѣлію усилить войска на западныхъ границахъ имперіи двинуты были пять дивизій съ Дуная и часть войскъ изъ Финляндіи. Но онъ давно уже зналъ отъ своего посланника при нашемъ дворѣ, что Россія приготовляетъ средства для обороны, но не для нападенія [2]). Но эти извѣстія были получены имъ въ то время, когда и безъ того онъ былъ раздраженъ, и потому подали ему поводъ къ сильнымъ выходкамъ противъ дѣйствій русской политики.

Въ концѣ марта мѣсяца возвратился изъ Петербурга Черышевъ

---

[1]) Депеша князя Куракина $^{8}/_{20}$ апрѣля 1811 года.

[2]) См. *Thiers*, Histoire de l'Empire, ch. XXII.

съ отвѣтомъ императора Александра на письмо Наполеона, которое мы привели. Въ день пріѣзда онъ явился въ Тюльери и былъ немедленно принятъ Наполеономъ. Встрѣтивъ съ улыбающимся лицомъ русскаго офицера и выразивъ удивленіе, какъ быстро онъ совершилъ свою поѣздку, императоръ спросилъ его: „Ну, чего-жь у васъ ожидаютъ—войны или мира?“

Передавъ ему отвѣтное письмо императора Александра, Чернышевъ отвѣчалъ:

„Мой государь поручилъ мнѣ выразить вашему величеству самыя положительныя увѣренія въ томъ, что намѣренъ сохранить миръ и дружбу съ Франціей, но онъ съ прискорбіемъ замѣчаетъ, что взаимныя отношенія между двумя имперіями утратили прежнюю искренность; тѣмъ не менѣе все его желаніе состоитъ лишь въ томъ, чтобы разсѣять возникшія недоразумѣнія и прійдти къ дружелюбному соглашенію.

„Не я первый“, отвѣчалъ Наполеонъ, — „возбудилъ тревогу въ Европѣ; моя совѣсть чиста въ этомъ случаѣ; вооруженія Россіи подали къ тому поводъ“.

„Теперь“, отвѣчалъ Чернышевъ, —„возвращаясь изъ Петербурга, гдѣ я имѣлъ счастіе видѣть императора и лично узнать его намѣренія и его чувства къ Франціи, я могу положительно засвидѣтельствовать передъ вашимъ величествомъ, болѣе нежели когда-нибудь, что всѣ мѣры, принятыя нашимъ государемъ въ послѣднее время, вовсе не имѣютъ въ виду оставить политическую систему Франціи съ тѣмъ, чтобы сблизиться съ Англіей, какъ вы предполагали предъ моимъ послѣднимъ отъѣздомъ изъ Парижа, и что единственно могло повести къ разрыву между обѣими имперіями. Напротивъ того, всѣ эти мѣры приняты исключительно въ видахъ предосторожности, потому что не могла же Россія спокойно смотрѣть на то, какъ во время мира, въ герцогствѣ Варшавскомъ постоянно дѣлались большія военныя приготовленія, исправлялись крѣпости. Точно также не могъ Русскій императоръ оставаться равнодушнымъ зрителемъ того, что ваше величество почти у самыхъ границъ его имперіи, занимая въ Пруссіи и герцогствѣ линію крѣпостей, весьма грозныхъ, можете немедленно двинуть къ намъ семидесяти-тысячную армію изъ Саксонцевъ и Поляковъ, составляющую притомъ лишь авангардъ тѣхъ огромныхъ силъ, которыми вы можете располагать, особенно взявъ конскрипцію за этотъ годъ. Всѣ эти обстоятельства естественно побудили императора Александра принять мѣры къ обезпеченію безопасности своей

имперіи и имѣть на-готовѣ, по крайней мѣрѣ, такое же число войскъ, которое равнялось бы этому авангарду. Но для того онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, а это можетъ служить доказательствомъ, что ему чужда всякая мысль о нападеніи. Россія не ищетъ никакихъ пріобрѣтеній и единственное желаніе ея императора—поддержать миръ, который такъ необходимъ для всей Европы...“

„То, что̀ вы говорите“, прервалъ его Наполеонъ,—„можетъ доказать только, что свѣдѣнія, сообщаемыя намъ нашими посольствами, постоянно вводятъ насъ въ заблужденіе. Откуда вы взяли, что войска, о которыхъ вы говорили, простираются до семидесяти тысячъ? Сколько предполагаете вы войскъ у Поляковъ?“

„Я не имѣю положительныхъ объ этомъ свѣдѣній“, отвѣчалъ Чернышевъ,—„но предполагаю, что отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ“.

„Вы ошибаетесь“, прервалъ его Наполеонъ,—„у нихъ въ герцогствѣ только сорокъ тысячъ, а остальныя въ Испаніи“.

Сознавшись потомъ, что предположеніе Чернышева о саксонскихъ войскахъ, которыя тотъ считалъ въ числѣ 25-ти или 30-ти тысячъ, вѣрно, Наполеонъ понялъ, конечно, что Чернышевъ правильно опредѣлялъ количество его авангарда, какъ онъ назвалъ польскія и саксонскія войска, въ 70 тысячъ; поэтому императоръ перервалъ о томъ рѣчь и заговорилъ о работахъ по укрѣпленіямъ въ герцогствѣ Варшавскомъ. „Эти укрѣпленія“, говорилъ онъ, „не могутъ имѣть важнаго значенія, потому что мнѣ положительно извѣстно, что въ продолженіе года истрачено на нихъ только 30 милліоновъ франковъ. Изъ всѣхъ этихъ крѣпостей, о которыхъ вы говорите, только одинъ Данцигъ можетъ быть названъ хорошею крѣпостью, а остальныя можно разбить *печеными яблоками* (le reste pouvait être pris avec les pommes cuites). Впрочемъ“, продолжалъ онъ,—„Россія не можетъ жаловаться на то, что Поляки немного шевелятся; они опасаются, чтобы Россія вдругъ не заняла герцогства своими войсками. Они знаютъ, какую имъ принесла пользу Прага въ послѣднюю войну съ Австрійцами, имъ нельзя не заботиться о своей безопасности. Притомъ они приступили къ исправленію и сооруженію своихъ укрѣпленій *на другой день* послѣ Тильзита и съ тѣхъ поръ не перерывали работъ. Между тѣмъ Россія, будучи великою державою, не можетъ имѣть подобныхъ опасеній и притомъ начала свои укрѣпленія только шесть или восемь мѣсяцевъ тому назадъ. Еслибъ она начала ихъ также немедленно послѣ Тильзита, то я ничего не сказалъ бы противъ этого“.

Потомъ, помолчавъ немного, Наполеонъ продолжалъ: „Но вопросъ не въ этомъ, это не главный предметъ, я не придалъ бы этому никакого значенія, если бы не тарифъ, который въ сущности составляетъ единственную причину, возбудившую тревогу во всей Европѣ. Лишь только онъ былъ обнародованъ, я сказалъ о Россіи: Вотъ, большая планета сорвалась съ своего пути и принимаетъ ложное направленіе; я не понимаю ея движенія, она такъ не можетъ дѣйствовать безъ намѣренія разорвать союзъ съ нами. Остережемся и примемъ всѣ тѣ мѣры, которыя предписываетъ благоразуміе. Только съ этого времени я дѣйствительно началъ приготовляться, подозрѣвая, что вы рѣшились броситься въ объятія Англіи".

„Но тарифъ — мѣра чисто административная", замѣтилъ Чернышевъ, „и притомъ она состоялась гораздо позднѣе призыва на службу конскриптовъ въ большемъ количествѣ, нежели за прошлый годъ. Русскій императоръ могъ бы съ большею основательностію жаловаться на поведеніе въ послѣднее время Франціи, которая ни въ чемъ не можетъ упрекнуть его съ основательностію. Не смотря на то, въ надеждѣ, что уладятся возникшія недоразумѣнія, она рѣшилась оставаться вѣрною принятому ею направленію. До сихъ поръ она не имѣетъ никакого желанія сближаться съ Англіей, не отправляла туда никого, не принимала никакихъ англійскихъ агентовъ и не слушала съ ея стороны никакихъ внушеній. ."

„Если правда все, что̀ вы говорите, то я совершенно не понимаю вашего образа дѣйствій", отвѣчалъ Наполеонъ.— „Почему же вы поставили себя въ такое положеніе, что не довѣряете мнѣ и во мнѣ возбуждаете недовѣріе къ вамъ, и притомъ въ такое время, когда выгоды обѣихъ имперій требуютъ, чтобъ онѣ дѣйствовали за-одно? Соглашаюсь, что распоряженіе о призывѣ конскриптовъ состоялось прежде объявленія вашего тарифа, но это потому, что я принялъ уже за правило ежегодно обращаться къ сенату съ требованіемъ конскрипціи. Но въ то время я взялъ бы изъ нихъ не болѣе двадцати тысячъ, чтобы пополнить убыль въ испанскихъ войскахъ. Я съ своей стороны твердо увѣренъ, что не извлеку никакихъ выгодъ изъ войны съ Россіей и потому ни о чемъ такъ не забочусь, какъ о дружескомъ соглашеніи съ нею по всѣмъ вопросамъ. Посмотримъ, дастъ ли мнѣ къ этому способы письмо вашего императора", добавилъ Наполеонъ,—и началъ читать привезенное ему Чернышевымъ слѣдующее письмо:

„Спѣшу отвѣчать на письмо вашего величества отъ 28-го февраля. Очень сожалѣю, что состояніе здоровья герцога Виченцскаго пре-

пятствуетъ ему продолжать свое посольство при мнѣ.' Я былъ имъ чрезвычайно доволенъ, потому что постоянно замѣчалъ въ немъ глубокую преданность вашему величеству и искреннее желаніе поддержать соединяющій насъ союзъ. Благодарю ваше величество за выборъ генерала Лористона; тотъ, кто пользуется вашимъ довѣріемъ, безъ сомнѣнія будетъ мнѣ пріятенъ.

„Чернышевъ выполнилъ мои приказанія. Съ сожалѣніемъ вижу, что вы не отдаете мнѣ справедливости. Ни мои чувства, ни моя политика нисколько не измѣнились, и я желаю единственно поддержать и упрочить нашъ союзъ. Не я ли скорѣе долженъ предполагать, что ваше величество измѣнились въ этомъ отношеніи? Я считаю долгомъ говорить съ вами съ тою же откровенностію, какъ и вы говорили со мною въ вашемъ письмѣ. Ваше величество обвиняете меня въ томъ, что я протестовалъ по Ольденбургскому дѣлу; но какъ же я могъ поступить иначе? Небольшой клочокъ земли, которымъ владѣло единственное изъ лицъ, принадлежащихъ къ моей семьѣ, исполнявшее всѣ обязанности въ качествѣ члена Рейнскаго союза, и потому находившееся подъ вашимъ покровительствомъ, лицо, котораго владѣнія были обезпечены статьею Тильзитскаго договора, лишенъ своей независимости и ваше величество не сказали мнѣ предварительно объ этомъ ни слова. Какую важность могъ имѣть для Франціи этотъ уголокъ земли, и такой поступокъ вашего величества могъ ли показать Европѣ вашу дружбу ко мнѣ? Всѣ письма, современныя этому происшествію, приходившія отовсюду, доказывали, что въ этомъ поступкѣ вашего величества видѣли желаніе меня оскорбить. Что касается до моего протеста, то самое его изложеніе можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что союзъ съ Франціей я ставлю выше всѣхъ другихъ соображеній и прямо выражаю въ немъ, что ошибутся тѣ, которые могутъ подумать, что чрезъ это союзъ нашъ можетъ быть расторгнутъ. Ваше величество предполагаете, что мой указъ о тарифѣ направленъ противъ Франціи. Я долженъ опровергнуть это мнѣніе, какъ невѣрное и несправедливое. Этотъ тарифъ вызванъ былъ крайнею необходимостію, вслѣдствіе крайняго стѣсненія морской торговли, высокихъ пошлинъ, которыми были обложены русскія произведенія въ государствахъ, подвластныхъ вашему величеству, огромнаго ввоза чрезъ сухопутныя границы дорогихъ иностранныхъ товаровъ и ужаснаго упадка нашего курса. Этотъ указъ имѣлъ въ виду двѣ цѣли: 1) строго запрещая торговлю съ Англіей, предоставить нѣкоторыя облегченія торговлѣ съ Америкой, единственною стра-

ной, которая могла вывозить русскіе товары, слишкомъ громоздкіе и потому неудобные для сухопутной перевозки; 2) уменьшить, по возможности, ввозъ иностранныхъ товаровъ сухимъ путемъ, весьма невыгодный для нашего торговаго баланса по множеству ввозимыхъ предметовъ роскоши, за которые мы должны платить чистыми деньгами, тогда какъ вывозъ нашихъ товаровъ крайне затруднителенъ.

„Таковы весьма простыя причины, побудившія меня издать указъ о тарифѣ. Онъ также мало направленъ противъ Франціи, какъ и противъ всякого другаго европейскаго государства, и совершенно согласенъ съ началами континентальной системы, запрещая ввозъ и уничтожая ввезенные предметы непріятельской торговли. Ваше величество не довольны тѣмъ, что я рѣшившись принять эту мѣру, предварительно не посовѣтовался съ вами. Но эта мѣра чисто административная, и я полагаю, что всякое правительство имѣетъ право принимать такія мѣры, соображаясь съ своими собственными требованіями, тѣмъ болѣе что подобныя мѣры не противорѣчатъ существующимъ трактатамъ. Но да позволитъ мнѣ ваше величество сдѣлать одно замѣчаніе. Справедливо ли упрекать меня въ этомъ, когда ваше величество поступали точно такимъ же образомъ и не предупреждали меня о мѣрахъ, которыя вы сочли нужнымъ предпринять въ отношеніи къ торговлѣ, не только въ вашихъ государствахъ, но и во всей Европѣ. Между тѣмъ, эти мѣры имѣли гораздо большее вліяніе на русскую торговлю, чѣмъ то, какое нашъ тарифъ можетъ имѣть на французскую: многочисленныя банкротства, которыя непосредственно за ними послѣдовали, могутъ служить доказательствомъ. Я съ большею справедливостію могу сказать, что Россія строже соблюдала Тильзитскій договоръ, нежели Франція; то, что вы указываете относительно Молдавіи и Валахіи, ни въ какомъ случаѣ не составляетъ нарушенія условій этого договора, потому что въ немъ постановлено, что княжества не будутъ занимаемы войсками воюющихъ державъ во все продолженіе перемирія. Согласно съ этимъ мои войска выступили и сдѣлали уже четыре перехода назадъ, и только тогда, когда Турки вторгнулись въ княжества, сожгли Галацъ и достигли Фокшанъ, я снова двинулъ свои войска впередъ; потомъ Эрфуртскимъ соглашеніемъ было обезпечено за мною обладаніе Молдавіей и Валахіей. Слѣдовательно, я нисколько не нарушилъ принятыхъ мною обязательствъ.

„Что касается до завоеванія Финляндіи, то оно вовсе не входило въ виды моей политики, и ваше величество можете припомнить, что

я предпринялъ войну съ Швеціей только изъ-за континентальной системы. Успѣхи моего оружія доставили мнѣ обладаніе Финляндіей, но при неуспѣхѣ я могъ бы лишиться и своихъ областей. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ я не нарушалъ никакихъ обязательствъ. Если ваше величество указываете на тѣ выгоды, которыя пріобрѣла Россія вслѣдствіе союза съ Франціей, то не могу ли я въ свой чередъ указать на тѣ, которыя извлекла изъ него Франція, на огромныя пріобрѣтенія, которыя она сдѣлала въ Италіи, на сѣверѣ Германіи и въ Голландіи?

Я думаю, что много разъ доказалъ вашему величеству, какъ мало я обращалъ вниманія на внушенія тѣхъ, которымъ выгодно было насъ поссорить. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что я всякій разъ сообщалъ о нихъ вашему величеству, полагаясь постоянно на вашу дружбу. Между тѣмъ, когда дѣйствія начали подтверждать слухи, ходившіе повсюду, то самое меньшее что я могъ сдѣлать—это принять мѣры предосторожности. Вооруженія въ герцогствѣ Варшавскомъ продолжались непрерывно. Число войскъ въ этомъ герцогствѣ было увеличено несоразмѣрно съ количествомъ народонаселенія. Не переставали воздвигать новыя укрѣпленія. Тѣ же, которыя я воздвигаю съ своей стороны, возводятся на Двинѣ и Днѣпрѣ. Ваше величество слишкомъ хорошо знаете военное дѣло, чтобы не понимать, что когда строятся новыя укрѣпленія на такомъ разстояніи отъ границъ, на какомъ находится Страсбургъ отъ Парижа; то безъ сомнѣнія, они дѣлаются не съ наступательною, но исключительно съ оборонительною цѣлію. Мои вооруженія ограничиваются только улучшеніемъ устройства уже существующихъ полковъ. Это и ваше величество дѣлали у себя постоянно. Впрочемъ все, что дѣлается въ герцогствѣ Варшавскомъ, а также постоянное увеличеніе вашихъ силъ на сѣверѣ Германіи, обязываетъ меня къ тому. Таково истинное положеніе дѣлъ.

„Слѣдовательно, мои укрѣпленія доказываютъ, что я не имѣю въ виду никакихъ наступательныхъ дѣйствій. Мой тарифъ, установленный только на одинъ годъ, не имѣетъ другой цѣли, какъ только уменьшить невыгоды нашего курса и доставить мнѣ средства неуклонно слѣдовать той системѣ, которую я разъ уже принялъ, и отъ которой не отступалъ. Мой протестъ, который я долженъ былъ сдѣлать, чтобы сохранить достоинство моего государства и моего дома, будучи вынужденъ къ тому явнымъ нарушеніемъ условія Тильзитскаго договора, доказываетъ однакожь очевиднымъ образомъ мое желаніе со-

хранить союзъ съ вашимъ величествомъ. Впрочемъ, не желая никакихъ пріобрѣтеній отъ моихъ сосѣдей, любя Францію, къ чему бы мнѣ думать о войнѣ съ нею? Россіи не нужно завоеваній; она, можетъ быть, и такъ уже слишкомъ обширна. Зная великій военный геній вашего величества, могу ли я думать, что эта война не представитъ мнѣ большихъ затрудненій? Притомъ, мое личное самолюбіе связано съ политическою системою, основанною на союзѣ съ Франціей. Принявъ его за основаніе для русской политики и защищая его, въ продолженіе долгаго времени, отъ нападеній всѣхъ, кто придерживался старыхъ мнѣній, могъ ли бы я разрушать мое собственное дѣло и начать войну съ вашимъ величествомъ? Если вы столько же желаете этой войны, какъ и я, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что ея не будетъ. Чтобы убѣдить васъ еще болѣе въ этомъ, предлагаю вашему величеству рѣшить дѣло объ Ольденбургѣ по собственному вашему усмотрѣнію. Назначьте такое вознагражденіе, котораго вы сами пожелали бы, будучи въ подобномъ положеніи. Ваше величество обладаете всѣми способами устроить дѣло такъ, чтобъ еще тѣснѣе соединить обѣ имперіи и предотвратить навсегда возможность разрыва. Съ своей стороны я готовъ въ этомъ случаѣ оказать всякое содѣйствіе. Повторяю, если начнется война, то лишь потому, что вы ея желали, и употребивъ всѣ усилія чтобы предотвратить ее, я съумѣю сражаться и дорого продамъ мое существованіе (je saurais alors combattre et vendre chèrement mon existence). Если же вмѣсто того, вы захотите имѣть въ моемъ лицѣ друга и союзника, то найдете во мнѣ тѣ же чувства привязанности и дружбы, которыя вамъ уже извѣстны“ [1]).

Читая, въ присутствіи Чернышева, это письмо императора Александра, Наполеонъ часто прерывалъ чтеніе, дѣлая замѣчанія на разныя мѣста и выраженія. Когда онъ прочелъ строки, гдѣ говорилось о военныхъ приготовленіяхъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, и о томъ, что число польскихъ войскъ несоразмѣрно съ количествомъ народонаселенія, онъ замѣтилъ: „Это невѣрно, въ герцогствѣ отъ трехъ до четырехъ милліоновъ жителей, поэтому по всѣмъ правиламъ оно можетъ имѣть 40-тысячное войско. Я не могу понять, какъ можно до сихъ поръ упорствовать въ той мысли, будто я хочу возстановить Польшу; стоитъ не много подумать объ этомъ, чтобы замѣтить, что изъ этого возстановленія я не могъ бы извлечь для себя никакихъ

[1]) Письмо императора Александра къ Наполеону въ мнѣ (въ отпускѣ число не обозначено) 1811 г., посланное съ Чернышевымъ.

существенныхъ выгодъ. Я не стремился къ этому въ болѣе благопріятныя времена, а теперь я объявляю торжественно и готовъ поклясться всѣмъ, что̀ есть священнаго на свѣтѣ, что менѣе всего меня озабочиваетъ мысль о возстановленіи этого королевства".

Продолжая чтеніе и дойдя до того мѣста, гдѣ Александръ возражалъ на мысль Наполеона, что союзъ съ Франціею доставилъ Россіи обладаніе Финляндіей и Дунайскими княжествами, и замѣчалъ, что Франція извлекла изъ этого союза еще большія выгоды,—Наполеонъ рѣзко замѣтилъ: „Послѣ Тильзитскаго мира, я ничего не присоединилъ отъ Италіи; Голландія прежде была завоевана, при конвентѣ, точно также и Ганзейскіе города".

Чернышевъ отвѣчалъ, что Голландія послѣ этого завоеванія была сначала самостоятельною республикой, а потомъ хотя союзною съ Франціей, но самостоятельною монархіей, и независимою; между тѣмъ какъ теперь она—только одинъ изъ департаментовъ Французской имперіи... Чернышевъ хотѣлъ продолжать свой отвѣтъ, но Наполеонъ прервалъ его, начавъ снова громко читать письмо императора Александра.

„Вашему величеству", писалъ Чернышевъ государю объ этой сценѣ,—„хорошо знакома личность императора Наполеона, и потому вы изволите понять, что простому офицеру, котораго онъ допустилъ къ себѣ на аудіенцію, не возможно продолжать говорить безъ нарушенія уваженія къ его особѣ, когда онъ нашелъ излишнимъ его слушать; поэтому я рѣшился молчать".

Продолжая чтеніе письма, Наполеонъ остановился на томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось о тарифѣ. „Я полагаю", сказалъ онъ уже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ,—„что меня никто не считаетъ до такой степени безумнымъ, чтобъ я позволилъ себѣ вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія Россіей или противиться тѣмъ постановленіямъ, которыя она издаетъ въ этомъ отношеніи". Онъ объяснилъ, что жалобы его направлены не противъ сущности указа, *которая хороша сама по себѣ*, но противъ формы, и въ этомъ отношеніи, въ качествѣ *перваго друга* и *искренняго союзника* Россіи, онъ полагалъ, что имѣетъ полное право жаловаться, тѣмъ болѣе, что той же цѣли, къ которой направленъ указъ, можно было достигнуть, употребивъ тотъ способъ, который онъ предлагалъ, чтобы оба государства уплачивали одинъ другому *за товары товарами*, а *не деньгами*, то-есть, чтобъ одно государство не брало у другаго столько товаровъ, сколько ему нужно, а другое брало бы болѣе, нежели сколько ему нужно. Впрочемъ въ этомъ слу-

чаѣ", продолжалъ онъ,—„вопросъ не касается только выгодъ. Вся торговля Франціи съ Россіей простирается до 12 милліоновъ, и половина этой суммы покрывается ввозомъ русскихъ произведеній, и только другая половина уплачивается деньгами. Но дѣло въ томъ, что это произвело дурное впечатлѣніе на всю Европу, какъ признакъ непріязненныхъ отношеній между двумя имперіями. „Хорошъ союзъ", сказалъ онъ;—„вы конфискуете все, что̀ приходитъ отъ меня, и я дѣлаю то же съ своей стороны; этотъ союзъ похожъ болѣе на войну! Но, что выходитъ уже изъ всѣхъ предѣловъ, чего я не могу терпѣть, и что возмущаетъ всѣхъ моихъ торговцевъ, это предписаніе ваше—жечь всѣ товары, которые приходятъ къ вамъ изъ Франціи. Я не могу смотрѣть на него иначе, какъ на величайшее оскорбленіе, которое только можно было мнѣ нанести".

Чернышевъ отвѣчалъ на это, что товары не сожигаются публично, что это впрочемъ старинный законъ, существующій со временъ Екатерины, и онъ вовсе не направленъ противъ произведеній того или другаго государства; но противъ нарушителей нашихъ постановленій.

„Позвольте сказать вамъ, милостивый государь", съ возрастающимъ раздраженіемъ отвѣчалъ Наполеонъ—„во времена Екатерины Россія предписывала законы всей Европѣ и притомъ причислялась къ числу недостаточно просвѣщенныхъ народовъ; но съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась европейскою страною, должно знать, что есть приличія, которыя и она обязана исполнять. Я тоже жгу англійскіе товары, но это потому, что веду съ Англіей войну на смерть и притомъ не въ тѣхъ собственно видахъ, что это можетъ причинить ущербъ ихъ торговлѣ, но чтобъ уязвить ихъ честь, нанесть имъ нравственно зло. Знайте же, что я приказалъ во всѣхъ портахъ, находящихся въ моей власти, жечь лѣсъ, поташъ, пеньку и вообще все, что̀ вывозится изъ Россіи. Вотъ прекрасный союзъ, поучительная дружба между нами!"

Продолжая чтеніе письма и дойдя до вопроса о герцогствѣ Ольденбургскомъ, Наполеонъ замѣтилъ, что не извѣстилъ предварительно Русскаго императора о присоединеніи этого герцогства къ Франціи, полагая, что Александръ можетъ принимать участіе только въ личности герцога, какъ члена своего семейства, которому, изъ уваженія къ Русскому государю, онъ и предложилъ, какое могъ, вознагражденіе, но вовсе не въ самой странѣ. „Эту страну", говорилъ Наполеонъ,—„я присоединилъ потому, что *находясь между Франціей и Англіей* она могла служить поводомъ къ разнымъ спорамъ и пререканіямъ *именно съ Россіей*. Будь она на берегахъ Средиземнаго моря

или въ срединѣ Германіи, я конечно, не коснулся бы до нея. Впрочемъ, если изъ бездѣлицъ хотятъ дѣлать важные вопросы, то какія бы объясненія я ни представилъ, ихъ найдутъ недостаточными".

Затѣмъ, онъ дочиталъ письмо до конца и, конечно, не найдя въ немъ той покорности своей волѣ, которую найдти желалъ, ухватившись за послѣднія выраженія, разразился слѣдующею рѣчью: „Кто угрожаетъ вашему существованію (qui est ce qui en veut à votre existance), кто намѣревается напасть на васъ! Конечно, я не до такой степени не понимаю своихъ выгодъ, чтобы ринуться въ войну противъ великой державы, которая обладаетъ огромными средствами, и которой храбрыя войска будутъ защищать свои собственныя жилища. Письмо, которое вы мнѣ привезли, не похоже на прежнія письма. Императоръ Александръ не хотѣлъ понять моего письма, ни отдать справедливости той откровенности, съ которою я приглашалъ его скорѣе водворить согласіе между нами для обоюдныхъ нашихъ выгодъ. Онъ забылъ Тильзитъ и Эрфуртъ и слушаетъ внушенія Англичанъ и извѣстія своихъ посольствъ. Вы говорите, что онъ искренно желаетъ мира, но развѣ не важнымъ побужденіемъ къ войнѣ можетъ служить его распоряженіе о передвиженіи многихъ дивизій изъ Дунайской арміи къ границамъ Варшавскаго герцогства. Что вы сказали бы, еслибъ въ настоящее время я вызвалъ свои войска изъ Испаніи съ тѣмъ, чтобы двинуть ихъ на сѣверъ Германіи? Не произвело ли бы это на васъ того же самого впечатлѣнія, и не приняли-ли бы вы этого съ полною справедливостію за объявленіе войны. Скажу болѣе: во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, вы дѣлаете большую политическую ошибку. Я буду съ вами разсуждать не какъ императоръ Наполеонъ, но какъ ревностный слуга императора Александра, какъ настоящій Русскій долженъ разсуждать. Предположимъ, что вы твердо рѣшились разорвать союзъ со мною и соединиться съ Англіей; въ такомъ случаѣ для васъ необходимо было совершенно отказаться отъ Дунайскихъ княжествъ, чтобы достигнуть слѣдующихъ выгодъ: если бы вы только рѣшились на это, то вашъ миръ съ Турками былъ бы заключенъ безъ всякихъ затрудненій, потому что этимъ вы исполнили бы ихъ желанія. Тогда вы могли бы быть совершенно спокойны съ этой стороны, потому что Турки, неохотно вмѣшиваясь въ чужія распри, безъ сомнѣнія, остались бы спокойными. Доказательствомъ можетъ служить то, что мнѣ въ продолженіе четырехъ лѣтъ не удалось побудить ихъ къ объявленію войны Англичанамъ. Заключивъ миръ съ Турками, вы имѣли бы въ полномъ распоряженіи всѣ тѣ войска, которыя противъ

нихъ дѣйствуютъ и могли бы употребить ихъ для большой войны. Но этимъ самымъ вы достигли бы другой важнѣйшей цѣли: поправили бы ваши отношенія къ Австріи; между тѣмъ при настоящемъ положеніи дѣлъ, если я не могу вполнѣ разчитывать на эту державу, то вы еще менѣе можете на нее разчитывать съ тѣхъ поръ, какъ ей извѣстны ваши виды на Турцію. Такое поведеніе съ вашей стороны даетъ мнѣ возможность употребить противъ васъ всѣ мои итальянскія войска, чего я прежде никакъ не могъ бы сдѣлать безопасно. Если же, напротивъ, Россія желаетъ поддерживать союзъ съ Франціей, или по крайнѣй мѣрѣ не отступать отъ ея системы; то вы сами теряете всѣ выгоды вашего положенія отъ того, что отозвали часть вашей Дунайской арміи — подъ вліяніемъ воображаемаго страха. Я вамъ сказалъ передъ послѣднимъ вашимъ отъѣздомъ, и вы сами могли въ этомъ убѣдиться, что я не могу, если бы даже и хотѣлъ, начать съ вами войну ранѣе октября мѣсяца. Въ такомъ случаѣ вы имѣли бы достаточно времени, чтобы совершить ваше завоеваніе, предписать миръ Портѣ и еще двинуть ваши войска къ границамъ герцогства, еслибъ я также двинулъ мои войска. Между тѣмъ, при теперешнемъ положеніи, вы ни того, ни другаго не можете достигнуть. Я сержусь на императора Александра не какъ французскій императоръ, но какъ человѣкъ, искренно ему преданный и никогда еще не встрѣчавшій человѣка, въ которомъ доброта характера была бы соединена съ такими любезными и очаровывающими пріемами въ обхожденіи, какъ въ немъ. Предписывая такое движеніе войскамъ, онъ, очевидно, дѣйствовалъ вопреки своимъ собственнымъ выгодамъ. Съ одной стороны, вы враги Англіи и Турціи, потому что слѣдуете системѣ Франціи; съ другой, не рѣшаясь заключить мира съ Турціей, вы угрожаете и возбуждаете неудовольствіе Австріи въ то самое время, какъ выводя свои войска изъ Турціи, вы возбуждаете тревогу во Франціи, гдѣ не могутъ не внушать недовѣрія всѣ ваши движенія. Послѣдствіемъ всего этого было то, что вы поставили себя въ дурныя отношенія ко всѣмъ, а Пруссію — даже въ жалкое положеніе. Меня уже извѣщаютъ что Гарденбергъ являлся къ Сенъ-Марсану для объясненія по случаю движенія войскъ, предназначенныхъ для Данцигскаго гарнизона. Онъ говорилъ, что эту мѣру Франція оправдываетъ тѣмъ, что она направлена противъ Англичанъ; но она точно также можетъ быть направлена и противъ Россіи. Въ такомъ случаѣ, спрашивалъ онъ, — что̀ должна дѣлать Пруссія, — она будетъ поставлена въ ужасное положеніе. Должна ли она объявить себя на сторонѣ Франціи, или Рос-

сіи, или можетъ остаться нейтральною? Такое положеніе дѣлъ можетъ привести еще и къ тому, что вы насильно заставите Пруссію броситься въ руки Франціи. Я, съ своей стороны, уже дѣлаю попытки къ сближенію съ Портой и предписалъ Латуръ-Мобуру пригласить султана написать ко мнѣ (чего онъ еще не сдѣлалъ со вступленія своего на престолъ) и прислать ко мнѣ посланника, давъ знать, что я приму его благосклонно. Я думаю, что императоръ Александръ заблуждается на счетъ моихъ средствъ и думаетъ, что мы слабѣе въ настоящее время, нежели дѣйствительно. Онъ ошибается, я сильнѣе его, я могу воевать съ нимъ, не вызывая ни одного солдата изъ моей испанской арміи, потому что я уже не *хочу болѣе, чтобы былъ король* въ этой странѣ и надѣюсь также властвовать въ Кадиксѣ, какъ властвую въ Бордо. Я желаю мира, мои выгоды заставляютъ меня желать его; но если, къ несчастію, продолжится такое положеніе дѣлъ, и мы не прійдемъ къ соглашенію между собою, то я даю честное слово, если только вы сами не начнете, я не сдѣлаю на васъ нападенія въ продолженіе *четырехъ лѣтъ*; выжидать для меня — значитъ выигрывать, мой разчетъ сдѣланъ. Это остановитъ мои морскія приготовленія и будетъ стоить мнѣ денегъ; но 600 милліоновъ, которые лежатъ въ моихъ подвалахъ, будутъ мнѣ достаточны. Употребивъ уже изъ нихъ 100 милліоновъ въ этомъ году на чрезвычайные расходы, я буду имѣть къ октябрю мѣсяцу готовыхъ 300 тысячъ французскихъ войскъ въ моемъ распоряженіи, не считая войскъ конфедераціи. На слѣдующій годъ, истративъ 50 милліоновъ, я доведу ихъ до 600 тысячъ. Наконецъ, въ нѣсколько лѣтъ я въ состояніи буду располагать 800 или 900 тысячъ человѣкъ, — а тогда можетъ ли Россія противопоставить мнѣ такое количество! Если вы мнѣ не вѣрите, я готовъ васъ сейчасъ же повести въ боковую часть моего дворца, гдѣ хранятся деньги, чтобы вы ихъ сочли, а въ октябрѣ мѣсяцѣ показать вамъ всѣ мои войска, собравъ ихъ изъ внутренней Франціи, изъ Италіи, Неаполя, Иллиріи, Голландіи. Я хочу корпусъ Даву довесть до 100 тысячъ человѣкъ и устроить еще два лагеря, такой же силы, въ Утрехтѣ иЛіонѣ. Изъ 144 полковъ семьдесятъ находятся у меня въ Испаніи, а всѣ другіе въ моемъ распоряженіи, и я далъ приказаніе въ каждомъ изъ нихъ прибавить по шестому баталіону. Изъ семьнадцати моихъ кирасирскихъ полковъ, которые находятся въ Голландіи, каждый будетъ въ 1000 лошадей. Конскрипція этого года доставитъ мнѣ 120 тысячъ человѣкъ, да къ намъ еще прибавится 40 бѣглецовъ (réfractaires), для ловли я отправилъ 15 отрядовъ. Мои

гвардіи, французская, италіанская и голландская, также многочисленны, какъ вамъ извѣстно. Все это, соединенное вмѣстѣ, составитъ огромное, гигантское войско, которое будетъ снабжено не менѣе чѣмъ 800 пушекъ. Но не смотря на все это, я повторяю вамъ, мое искреннее желаніе состоитъ въ томъ, чтобы сохранить миръ, потому что даже въ случаѣ счастливой войны противъ васъ, я увѣренъ, что ничего не выиграю и никогда не буду въ состояніи вознаградить тѣ пожертвованія, которыхъ потребуетъ такое вооруженіе. Притомъ только *я* могу двигать такія огромныя массы, а моя жизнь слишкомъ дорога для моихъ дѣтей и моихъ народовъ, чтобъ я могъ подвергать ее опасности для такихъ незначительныхъ выгодъ".

Нельзя не замѣтить, что въ этой длиной рѣчи, которую Наполеонъ началъ съ жаромъ, и постепенно смягчаясь, заключилъ совершенно спокойно, онъ очень вѣрно очертилъ международныя отношенія Россіи; но что же поставило ее въ такое положеніе, какъ не политика самого Наполеона? На его слова Чернышевъ отвѣчалъ, что Русскій императоръ нисколько не заблуждается ни въ отношеніи къ силамъ Наполеона, ни въ его военныхъ дарованіяхъ; все, что ни дѣлалъ онъ до сихъ поръ, сдѣлано единственно въ видахъ предосторожности. Если онъ рѣшился отдѣлить часть отъ Дунайской арміи и приблизить ее къ западнымъ границамъ имперіи, то лишь послѣ полученія вѣрныхъ извѣстій о военныхъ приготовленіяхъ, которыя дѣлаются во Франціи, и о которыхъ самъ императоръ Наполеонъ теперь сообщилъ ему. Расположеніе къ миру императора Александра слишкомъ извѣстно, чтобы можно было сколько нибудь сомнѣваться въ томъ, чтобъ онъ отвергъ выслушать предложенія, которыя могли бы способствовать возобновленію прежнихъ отношеній между двумя имперіями, основанныхъ на дружбѣ и довѣріи. Онъ тѣмъ болѣе изъявитъ на это готовность, что та мѣра, къ которой онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть, лишаетъ его средствъ къ скорѣйшему окончанію войны съ Турціею.

„Но" прервалъ его Наполеонъ,—„въ письмѣ вашего императора не указано никакого способа, чтобы достигнуть соглашенія. Я очень радъ сохранить деньги въ моемъ карманѣ, и признаюсь, ожидалъ вашего пріѣзда съ большимъ нетерпѣніемъ, въ надеждѣ, что онъ разсѣетъ всѣ недоразумѣнія и позволитъ намъ избѣжать огромныхъ расходовъ, которыхъ требуютъ наши обоюдныя приготовленія; однако же я теперь вижу, мой любезный (mon cher ami), что не смотря на быстроту вашихъ поѣздокъ, письмо, которое вы мнѣ при-

везли, и все ваше посольство ограничивается лишь тѣмъ, чтобы сдѣлать мнѣ нѣсколько упрековъ. И вотъ мы на столько ушли впередъ, на сколько были и до вашего отъѣзда".

Когда Чернышевъ въ отвѣтъ на это началъ говорить, что цѣль его посольства заключалась именно въ томъ, чтобы объяснить дѣйствія Россіи, которымъ придавали совершенно ложное значеніе, и въ то же время, конечно, выразить совершенно справедливыя жалобы на поведеніе Франціи въ послѣднее время,—Наполеонъ снова его прервалъ, говоря: „Все это очень хорошо, но все-таки я не могу догадаться, чего желаетъ Россія въ вознагражденіе герцогу за Ольденбургъ".

„Послѣ этого", писалъ Чернышевъ императору,—„онъ взялъ меня за ухо,—что̀ служитъ признакомъ особенной ласки у императора Наполеона,—и сказалъ: „Будемъ теперь говорить какъ солдаты, безъ дипломатической болтовни: чего желаетъ императоръ въ вознагражденіе герцогу за Ольденбургъ?"

„Русскій императоръ", отвѣчалъ Чернышевъ, — „ничего не сообщалъ мнѣ о своихъ желаніяхъ въ этомъ отношеніи, и мнѣ невозможно по своему усмотрѣнію отвѣчать на этотъ вопросъ".

„Но, считая это мгновеніе благопріятнымъ для того, чтобъ исполнить приказаніе, данное мнѣ канцлеромъ при моемъ отъѣздѣ", доносилъ Чернышевъ,—„я прибавилъ, что все, что̀ я могу еще сообщить его величеству въ этомъ отношеніи, ограничится лишь тѣмъ, что во время моего пребыванія въ Петербургѣ графъ Румянцевъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что предполагаемый общій договоръ съ Франціей, заключеніе котораго мнѣ поручено предложить вашему величеству, долженъ касаться и дѣлъ Ольденбурга и Польши. Такъ какъ канцлеръ постоянно оказывалъ мнѣ расположеніе и довѣріе, то я осмѣлюсь, если ваше величество дозволите, передать вамъ нѣкоторыя изъ его словъ, по этому вопросу, сохраняя даже употребленныя имъ выраженія; по его словамъ, еслибъ удалось дѣла Польши и Ольденбурга уложить въ одинъ мѣшокъ, перемѣшать ихъ тамъ хорошенько и потомъ выбросить, то графъ Румянцевъ былъ увѣренъ, что союзъ между двумя имперіями могъ бы укрѣпиться сильнѣе прежняго, въ досаду не только Англичанъ, но и Нѣмцевъ. Лишь только я это сказалъ, Наполеонъ началъ большими шагами ходить по комнатѣ въ сильномъ волненіи, съ заносчивостію говоря мнѣ: „Нѣтъ, милостивый государь, мы еще не доведены до крайности. Отдать герцогство Варшавское за Ольденбургъ было бы верхомъ без-

умія. Какое впечатлѣніе произвела бы на Поляковъ уступка, хотя бы на одинъ шагъ ихъ земли въ то время, когда Россія намъ угрожаетъ. Ежедневно мнѣ доносятъ со всѣхъ сторонъ, что ваше намѣреніе заключается въ томъ, чтобы вторгнуться и занять герцогство. Ну что же, мы еще не всѣ перемерли. Я не хочу только хвастаться своими силами, я знаю, что ваши средства велики, что ваши войска также храбры и хороши, и я слишкомъ много давалъ сраженій, чтобы не знать—отъ какихъ иногда случайностей зависитъ ихъ успѣхъ; но какъ виды на успѣхъ будутъ для обѣихъ сторонъ одинаковы, и если богъ побѣдъ будетъ за насъ, то я заставлю раскаяваться Россію за эту попытку, и тогда-то она можетъ потерять не только польскія губерніи, но и Крымъ".

Лишь только Чернышевъ улучилъ возможность выговорить слово, онъ поспѣшилъ замѣтить, что, можетъ быть, онъ очень дурно поступилъ, что передалъ Наполеону простое соображеніе канцлера, выраженное имъ передъ человѣкомъ, котораго онъ удостоивалъ довѣрія. Притомъ, можетъ быть, онъ и не хорошо понялъ мысль графа Румянцева. Успокоившись послѣ сильнаго волненія, Наполеонъ сказалъ на это: „Теперь я догадываюсь; вы хотите получить въ замѣнъ Данцигъ. Годъ тому назадъ, даже шесть мѣсяцевъ только, я отдалъ бы его вамъ; но теперь, когда я питаю недовѣріе къ Россіи, когда она угрожаетъ мнѣ, какъ же вы хотите, чтобъ я уступилъ вамъ единственную крѣпость, которая, въ случаѣ войны противъ васъ, можетъ служить точкой опоры для всѣхъ моихъ дѣйствій на Вислѣ. Поэтому вы хотите, чтобъ я добровольно перенесъ черту моихъ дѣйствій на Одеръ, если бы меня вызвали на военныя дѣйствія".

„Хотя, по моему личному соображенію, Данцигъ могъ бы служить лучшимъ вознагражденіемъ за потерю Ольденбурга, нежели Эрфуртъ", отвѣчалъ Чернышевъ, „но мнѣ рѣшительно неизвѣстны взгляды моего государя на этотъ вопросъ".

— „Наполеонъ отвѣчалъ мнѣ на это", доноситъ Чернышевъ императору,—„съ тѣмъ видомъ откровенности и благодушія, который такъ знакомъ вашему величеству: „Скажите мнѣ откровенно, неужели императоръ Александръ и графъ Румянцевъ дѣйствительно полагаютъ, что возстановленіе Польши входитъ въ мои виды?" Я отвѣчалъ, что не знаю положительно, предполагаютъ ли они такое намѣреніе съ вашей стороны; но все, что дѣлается въ герцогствѣ Варшавскомъ со времени войны 1806 года, безъ сомнѣнія, должно ихъ безпокоить". Взявъ меня снова за ухо, онъ сказалъ, что непремѣнно

хочетъ знать, что̀ именно я объ этомъ думаю. На это я отвѣчалъ, что я слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобъ имѣть свое въ этомъ случаѣ мнѣніе; притомъ я обязанъ смотрѣть на вещи глазами моего государя. Принуждая меня отвѣчать, Наполеонъ забавлялся тѣмъ, что все сильнѣе и сильнѣе дергалъ меня за ухо, увѣряя, что онъ не перестанетъ до тѣхъ поръ, пока я не отвѣчу на его вопросъ. Эта шутка уже становилась непріятна, потому что мнѣ было уже больно, и я рѣшился ему сказать: „Если уже ваше величество желаете непремѣнно знать мое мнѣніе, то я выразилъ бы его вамъ, если бы могъ знать, такъ: считаете ли вы для себя выгоднымъ исполненіе такого предположенія, или нѣтъ? Если считаете выгоднымъ, то я былъ бы увѣренъ, что вы имѣете его въ виду, не смотря на вашъ союзъ съ Россіей, и что вы будете стремиться возстановить Польшу, лишь только освободитесь отъ другихъ войнъ“. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ, какъ можно такъ настоятельно приписывать ему такое намѣреніе. Это даже неблагоразумно, потому что постоянно повторяя эту мысль, можно, въ самомъ дѣлѣ, дать поводъ испробовать, нельзя ли дѣйствительно привести ее въ исполненіе въ томъ случаѣ, если нельзя найдти средствъ, чтобъ успокоить Россію. „Я убѣжденъ“, говорилъ онъ,—„что всякій Русскій, который заподозрилъ бы, что я имѣю такое намѣреніе, и слѣдовательно, хочу отторгнуть отъ его отечества до шести милліоновъ жителей и нѣсколько лучшихъ губерній, смотрѣлъ бы на меня какъ на величайшаго врага своего отечества, и слѣдовательно, готовъ былъ бы драться со мною на смерть. Посудите же сами, могу ли я желать подобной войны“. На это я возразилъ, что не я началъ разговоръ объ этомъ предметѣ, а вынужденъ былъ принудительными средствами, употребленными его величествомъ высказать мое личное мнѣніе“.

„А сколько вамъ лѣтъ“, улыбаясь спросилъ его Наполеонъ?

„Двадцать пять лѣтъ, государь“, отвѣчалъ Чернышевъ.

„Каково, какъ рано вы начинаете вашу дѣятельность“ (j'aime cela, vous faites votre noviciat bien jeune) и началъ подшучивать надъ молодымъ человѣкомъ.

Наконецъ, онъ вдругъ замолчалъ и чрезъ нѣсколько времени отрывисто спросилъ: „Скажите же мнѣ, сдѣлайте милость, хотятъ у васъ мира или войны?“ Чернышеву въ отвѣтъ на этотъ вопросъ пришлось снова повторять то, что̀ уже нѣсколько разъ выражалъ онъ въ продолженіе этого свиданія о миролюбивомъ настроеніи Русскаго императора. „Однако“, замѣтилъ Наполеонъ, — „императоръ Александръ,

очень недавно, разговаривая со шведскимъ посланникомъ о политикѣ, сказалъ, что въ случаѣ войны онъ будетъ имѣть то преимущество надо мною, что можетъ не опасаться за свой тылъ, между тѣмъ какъ за мною будетъ вся Германія, что̀ заставитъ меня опасаться за мой тылъ въ виду враждебнаго ея ко мнѣ настроенія. Такія рѣчи доказываютъ, что императоръ замышляетъ дѣйствовать противъ меня со стороны Германіи, и вовсе не свидѣтельствуютъ о миролюбивомъ его настроеніи".

Чернышевъ отвѣчалъ, что такого рода извѣстія обыкновенно измѣняютъ и даже искажаютъ то, что̀ дѣйствительно говорилось, но крайней мѣрѣ онъ увѣренъ, что это такъ и случилось въ этомъ случаѣ.

„Теперь", отвѣчалъ Наполеонъ, — „я выражу мое окончательное мнѣніе. Вотъ оно: меня увѣряютъ, что императоръ Александръ желаетъ мира, того же хочетъ и императоръ Наполеонъ; графъ Румянцевъ желаетъ мира, точно таково же, безъ сомнѣнія, желаніе Шампаньи; но это не препятствуетъ, однакоже, безпокойствамъ и опасеніямъ, что начнется война. Впрочемъ, если правда то, что̀ вы сообщаете мнѣ о миролюбивомъ расположеніи императора Александра, то для обоихъ государствъ будетъ выгодно, какъ можно скорѣе прійдти къ соглашенію. Я, съ своей стороны, возобновляю предложеніе объ Эрфуртѣ для герцога Ольденбургскаго, взявъ назадъ всѣ имѣнія, которыя я уже роздалъ въ этомъ герцогствѣ, и прибавлю къ нему все, что̀ будетъ нужно для полнаго вознагражденія герцога. Что касается Польши, то можете быть увѣрены, что я желаю только сохранить герцогство Варшавское въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ оно теперь находится, но вовсе не хочу сдѣлать изъ него великую державу, съ которою мнѣ пришлось бы вести переговоры и заключать трактаты. Если потребуется, то я снова готовъ подписать соглашеніе, о которомъ у насъ уже были ведены переговоры. Какія будутъ нужны обезпеченія для вашего спокойствія въ этомъ отношеніи, я всегда готовъ ихъ предоставить, лишь бы только они не затрогивали мою честь. Одно, чего я требую, это — чтобы вы отказались отъ обычая жечь товары, и тогда я предложу взаимное обезоруженіе (de désarmer sumultanément)".

Спросивъ Чернышева, не имѣетъ ли онъ чего-либо сообщить ему отъ имени Русскаго императора по этимъ предметамъ, и получивъ отрицательный отвѣтъ, Наполеонъ поручилъ ему письменно передать императору весь изложенный разговоръ; но въ то же время поручилъ замѣтить, что какъ привезенное имъ письмо, такъ и словесныя его

сообщенія нисколько не измѣняютъ положенія дѣлъ и не позволяютъ ему пріостановить своихъ приготовленій. „Я буду готовиться по прежнему“, сказалъ онъ, — „и прошу императора поспѣшить присылкою князю Куракину полномочій или назначить другое лицо по своему выбору для переговоровъ, чтобы скорѣе положить конецъ тѣмъ недоразумѣніямъ и недовѣрію, которыя существуютъ между двумя имперіями, и избавить отъ издержекъ, отяготительныхъ для нихъ и безполезныхъ“.

Ласково простившись съ Чернышевымъ послѣ разговора, продолжавшагося четыре съ половиною часа, Наполеонъ заявилъ, что скоро призоветъ его опять на свиданіе.

Если письмо императора Александра и свѣдѣнія, сообщенныя Чернышевымъ, ни на шагъ не подвинули нашихъ соглашеній съ Франціей, то чего же требовалъ отъ Россіи императоръ Наполеонъ? Конечно, не того, о чемъ говорилъ, а того, о чемъ счелъ нужнымъ умолчать.

Если, хвастаясь передъ молодымъ русскимъ офицеромъ, и быть можетъ, желая запугать его, онъ преувеличивалъ свои военныя средства, то во всякомъ случаѣ они были такъ велики, что значительно превышали средства Россіи. При такомъ отношеніи войскъ обѣихъ имперій, безъ сомнѣнія, не могло въ глазахъ Наполеона имѣть большаго значенія передвиженіе пяти дивизій изъ Дунайской арміи и нѣсколькихъ тысячъ изъ Финляндіи къ западнымъ границамъ имперіи. Еще менѣе могли его тревожить тѣ укрѣпленія, которыя возводились въ Россіи на дальнемъ разстояніи отъ границъ, а потому, очевидно, лишь съ оборонительными видами. Вопросъ объ Ольденбургѣ не разрывалъ союза Россіи съ Франціей, какъ было заявлено императоромъ Александромъ въ самомъ протестѣ; слѣдовательно, онъ не угрожалъ войной и могъ быть предметомъ мирныхъ переговоровъ и соглашеній. Постановленіе о томъ, чтобы сожигать ввезенные незаконно въ Россію, запрещенные къ ввозу въ нее иностранные товары относилось не къ Франціи или какому-нибудь иному государству, а къ тѣмъ лицамъ, которыя, прибѣгая къ обману, нарушали ея постановленія. Казался ли императору Французовъ варварскимъ этотъ способъ наказанія? Но онъ самъ жегъ всѣ ввозимые товары въ Европу, считая ихъ англійскими, и притомъ очень хорошо понималъ, что это обстоятельство легко могло быть устранено, и русское правительство не стало бы поддерживать стариннаго постановленія, какъ и доказало

это, немедленно предложивъ заключить новый торговый договоръ съ Франціей.

Все это, конечно, были простыя придирки; но былъ существенный вопросъ, о которомъ умолчалъ императоръ Наполеонъ, хотя письмо его союзника давало ему поводъ остановиться именно на этомъ вопросѣ. Самый тарифъ и частныя, заключавшіяся въ немъ предписанія, какъ уже мы замѣтили, были простымъ приложеніемъ къ постановленіямъ о нейтральной торговлѣ, и въ письмѣ императора Александра прямо сказано, что эти постановленія изданы въ видѣ облегченія упомянутой торговли, производившейся преимущественно подъ американскимъ флагомъ. Мнѣніе Русскаго императора, послѣдствіемъ котораго и было это постановленіе, было давно извѣстно Наполеону. Вопросъ о нейтральной торговлѣ составлялъ одинъ изъ главныхъ предметовъ переговоровъ его посланника въ Петербургѣ, и Колепкуръ подробно передавалъ ему взгляды на него нашего правительства.

Наполеонъ долженъ былъ умолчать объ этомъ вопросѣ именно потому, что на него уже положительно отвѣчала Россія. Еслибъ онъ согласился съ этимъ отвѣтомъ, то-есть, допустилъ бы нейтральную торговлю хотя бы въ одной Россіи, то это противорѣчило бы принятымъ имъ повсюду мѣрамъ противъ этой торговли и подрывало бы его систему континентальной блокады. Еслибъ онъ отвергъ отвѣтъ Россіи, то разорвалъ бы союзъ съ нею и объявилъ бы войну. Въ этомъ смыслѣ вопросъ и былъ имъ рѣшенъ: онъ считалъ войну неизбѣжною и готовился къ ней съ свойственною ему дѣятельностью. Но Наполеонъ тщательно скрывалъ свое рѣшеніе и желалъ отсрочить начало этой войны, опасаясь немедленныхъ дѣйствій со стороны Россіи, которыя, безъ сомнѣнія, заключались бы въ занятіи герцогства Варшавскаго и восточной Пруссіи, что̀ повлекло бы за собою союзъ Россіи съ Пруссіей, а можетъ быть, и съ Австріею. Поэтому, онъ старался вовлечь Россію въ новые переговоры и обмануть увѣреніями и даже клятвами, что онъ лично питаетъ самыя миролюбивыя чувства къ ней и искреннюю дружбу къ ея государю, вовсе не желаетъ войны и не будетъ ея зачинщикомъ.

Что̀ же вынуждало Наполеона медлить въ исполненіи уже принятаго рѣшенія? Всѣ распоряженія къ войнѣ съ Россіей были имъ уже сдѣланы въ январѣ мѣсяцѣ 1811 года; онъ не скрывалъ своего нерасположенія къ ней и выражалъ при каждомъ случаѣ и съ особенною рѣзкостью въ рѣчи, обращенной къ депутаціи отъ торговыхъ

палатъ. Въ Парижѣ носился уже говоръ во всѣхъ слояхъ общества о скорой войнѣ съ Россіей, на театральныхъ представленіяхъ уже глумились надъ нею, и въ періодической печати, въ которой принималъ участіе самъ Наполеонъ и его министерство полиціи, появились оскорбительныя на ея счетъ и угрожающія статьи. Министръ полиціи, Эавари герцогъ Ровиго, встрѣтивъ въ обществѣ старшаго секретаря нашего посольства графа Нессельроде, подшучивалъ надъ Чернышевымъ, говоря: „Пора ему перестать писать дипломатическія депеши. это дѣло посольствъ, пусть себѣ пляшетъ и веселится, сколько хочетъ".

Но въ началѣ апрѣля мѣсяца, все замолкло, не потому что измѣнилось настроеніе императора Наполеона относительно Россіи, но потому, что онъ счелъ нужнымъ сдержать его въ это время. Плохое положеніе дѣлъ въ Испаніи было тому причиною. Отступленіе маршала Массены, неудачи Виктора при Кадиксѣ, нѣсколько проигранныхъ сраженій, потеря Баядоза и вообще бѣдственное положеніе французскихъ войскъ, голодъ солдатъ, ссоры начальниковъ и постоянное усиленіе народной войны убѣдили, наконецъ, Наполеона въ необходимости усилить войска въ Испаніи. Но усиливая ихъ, онъ долженъ былъ ослаблять тѣ, которыя приготовилъ для войны съ Россіей. Ему нужно было собрать новыя силы и потому отсрочить войну съ нами. „Печальныя извѣстія о положеніи дѣлъ въ Испаніи и Португаліи", писалъ Чернышевъ императору Александру,—„послужили поводомъ къ тому, что императоръ измѣнилъ свой образъ дѣйствій въ отношеніи къ Россіи. Увѣряютъ, что эта перемѣна произошла въ немъ такъ быстро, что поразила всѣхъ Ея послѣдствіемъ было немедленное отправленіе въ Петербургъ Лористона, между тѣмъ какъ прежде было предположено дождаться извѣстій изъ Россіи и потомъ уже рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли его отправить или нѣтъ. Я ужъ имѣлъ счастіе, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, выразить вашему величеству мнѣніе, что императоръ Наполеонъ желаетъ выиграть только время. Настоящія обстоятельства не только не опровергаютъ этого, но, напротивъ, подкрѣпляютъ его справедливость. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ можетъ служить тотъ почетъ и предупредительность во всевозможныхъ случаяхъ, которыя мнѣ оказываютъ. Я довольно знакомъ съ нравами Тюльерійскаго дворца и знаю, что тамъ ничего не дѣлается безъ намѣренія, и каждый оттѣнокъ вниманія непремѣнно имѣетъ значеніе". Дѣйствительно, любезности императора Французовъ, повелителя всей Европы въ то время, оказанныя молодому

русскому офицеру гвардіи, должны были удивить всѣхъ. Черезъ два дня послѣ описаннаго свиданія (14-го апрѣля), принимая дипломатическій корпусъ. Наполеонъ, разчитывавшій на этихъ пріемахъ каждое свое слово, каждый шагъ, которые ловили и замѣчали дипломаты всѣхъ державъ съ тѣмъ, чтобы немедленно описать ихъ своимъ правительствамъ, два раза подходилъ къ Чернышеву и говорилъ ему любезности. Послѣ пріема русскій офицеръ обѣдалъ со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ за гофмаршальскимъ столомъ. На другой день его пригласилъ на обѣдъ герцогъ Кадорскій, а въ его отсутствіе, по случаю этого обѣда, къ нему два раза пріѣзжалъ самъ гофмаршалъ Дюрокъ, герцогъ Фріульскій, чтобы по порученію Наполеона, пригласить его на другой день на императорскую охоту въ Сенъ-Жерменскій лѣсъ и для переговоровъ съ нимъ. Подобныхъ приглашеній, служившихъ признакомъ особеннаго благоволенія, удостоивались немногія, почетныя лица.

Пріѣхавъ въ назначенное для сбора мѣсто, Чернышевъ нашелъ уже тамъ герцога Фріульскаго, который ему объявилъ, что императоръ, полагая, что при свиданіи съ нимъ не далъ ему возможности выразить все, что онъ имѣлъ ему сообщить, поручилъ ему продолжать съ нимъ бесѣду. Чернышевъ, отвѣчалъ, что онъ ничего не имѣетъ сообщить болѣе, и повторилъ ему съ нѣкоторою подробностію то же самое, что говорилъ и императору Наполеону. „Герцогъ Фріульскій", доносилъ потомъ Чернышевъ Александру,—„долженъ былъ признать справедливыми всѣ мои соображенія и не представилъ никакихъ противъ нихъ опроверженій". Желая оправдать лишь дѣйствія императора въ отношеніи къ герцогу Ольденбургскому, онъ замѣтилъ, что это герцогство входитъ въ составъ Рейнскаго союза, а потому императоръ Наполеонъ могъ распорядиться имъ по своему усмотрѣнію. „Это вовсе не даетъ права на подобныя дѣйствія, которыя Русскій императоръ иначе объяснить не можетъ, какъ умышленнымъ желаніемъ его оскорбить", отвѣчалъ я.—„Въ составѣ Германской имперіи находились владѣнія прусскія и англійскія, на которыя, однакоже, никогда никто не покушался. Ганноверъ былъ завоеванъ Франціей только послѣ объявленія войны Англіи". Обѣщая передать императору все, что слышалъ отъ Чернышева, Дюрокъ просилъ его, съ своей стороны, написать къ императору Александру и убѣдить его немедленно войдти въ переговоры, чтобы достигнуть соглашеній и избавить обѣ имперіи отъ огромныхъ расходовъ. „Если его величество императоръ", отвѣчалъ Чернышевъ, —„желаетъ скораго

соглашенія съ Россіей, то я прошу васъ предложить ему, чтобъ онъ опредѣлилъ, что онъ готовъ для насъ сдѣлать. Тогда его предложеніе съ первымъ же курьеромъ я доведу до свѣдѣнія моего государя, и, вѣроятно, его окончательный отвѣтъ не заставитъ себя долго ждать".

„Герцогу Фріульскому", писалъ Чернышевъ государю,—„кажется понравилось мое предложеніе, и онъ обѣщалъ довести его до свѣдѣнія императора Наполеона. Затѣмъ онъ сказалъ мнѣ, что по приказанію императора онъ имѣетъ сообщить мнѣ нѣчто лично до меня касающееся. „Его величество", сказалъ онъ,—„съ гнѣвомъ и негодованіемъ прочелъ статью *Офиціальной газеты* (*Journal de l'empire*), направленную противъ васъ. Въ справедливомъ негодованіи онъ сдѣлалъ выговоръ герцогу Ровиго, велѣлъ выгнать изъ службы при министерствѣ полиціи Эменара, сочинителя этой статьи, и на три мѣсяца уволить отъ изданія редактора журнала. Императоръ полагаетъ, что вы будете этимъ удовлетворены". Я отвѣчалъ, что лично подобный поступокъ не могъ меня оскорбить; но онъ поразилъ меня потому, что я ношу званіе флигель-адъютанта русскаго императора".

Въ это время извѣстили о прибытіи на охоту императора Наполеона, и Чернышевъ былъ приглашенъ въ числѣ немногихъ лицъ раздѣлить приготовленный для него завтракъ. Замѣтивъ, что Чернышевъ былъ блѣденъ, онъ съ участіемъ спрашивалъ его о здоровьѣ и вообще часто обращался къ нему въ общемъ разговорѣ. Во время охоты, при первой остановкѣ, зная, что Чернышевъ находится въ его свитѣ, но какъ будто его не замѣчая, онъ громко благодарилъ окружавшихъ его лицъ за удовольствіе, которое они доставили ему устройствомъ этой охоты и особенно тѣмъ, что приготовили для него лошадей, подаренныхъ ему Русскимъ императоромъ. Потомъ, какъ будто только теперь замѣтивъ Чернышева, Наполеонъ спросилъ его о томъ, какое употребленіе сдѣлалъ императоръ Александръ изъ тѣхъ лошадей, которыя онъ ему подарилъ, и услыхавъ, что онѣ находятся на императорскомъ конномъ заводѣ, сказалъ, что ему пріятнѣе было бы, еслибъ императоръ Александръ ѣздилъ на нихъ, потому что они напоминали бы ему о прежнемъ ихъ владѣльцѣ.

Когда вновь послѣдовала остановка на охотѣ, императоръ Наполеонъ подошелъ къ Чернышеву, говоря: „Герцогство Варшавское страшно васъ боится, также какъ боялась Баварія въ 1809 году". Чернышевъ разговаривалъ въ это время съ баварскимъ генераломъ Вреде,

который отошелъ въ сторону, услыхавъ эти слова. Наполеонъ продолжалъ: „По просьбѣ Поляковъ, я позволилъ имъ удалить артиллерію отъ пограничныхъ городовъ и вывезти архивы; меня извѣщаютъ, что на границахъ герцогства уже собрано до 150 тысячъ войскъ и постоянно приходятъ новыя". Повторивъ затѣмъ все то же, что̀ и прежде говорилъ Чернышеву, онъ прибавилъ, однакоже, что „по всѣмъ доходящимъ до него свѣдѣніямъ, онъ не могъ открыть ни малѣйшихъ слѣдовъ нашихъ соглашеній или сношеній съ Англіей, и что это обстоятельство еще даетъ ему надежду достигнуть соглашеній съ Россіей".

На другой день, герцогъ Фріульскій въ третій разъ посѣтилъ Чернышева, чтобъ узнать, по порученію императора, который замѣтилъ, что онъ не совсѣмъ былъ здоровъ,—не сдѣлала ли ему вреда продолжительная ѣзда верхомъ на охотѣ, послѣ его труднаго путешествія. При этомъ онъ вновь вступилъ въ переговоры и настаивалъ, чтобы Чернышевъ заявилъ, въ чемъ заключаются требованія императора Александра, и что, не имѣя ихъ въ виду, императоръ Наполеонъ не можетъ приступить къ переговорамъ. Однимъ словомъ, лаская и ухаживая всѣми способами даже за молодымъ русскимъ офицеромъ и ставя вопросъ о сношеніяхъ съ Россіею въ такое положеніе, что не только новые переговоры не могли подвигаться впередъ къ соглашенію, но даже и начаться, Наполеонъ, очевидно, только желалъ протянуть время. „Вопросъ заключался лишь въ томъ, только, которой изъ двухъ державъ это можетъ быть выгоднѣе", справедливо замѣтилъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, Чернышевъ, прибавивъ, что при такомъ положеніи дѣлъ „намъ предстояло выбрать одинъ изъ трехъ плановъ дѣйствія: 1) Немедленно и во что бы то ни стало заключить миръ съ Турками, соединить всѣ собранныя нами силы и двинуть ихъ впередъ съ возможною быстротою, чтобы воспользоваться тѣмъ обстоятельствомъ, что войска Наполеона находятся еще въ дальнемъ разстояніи. Это помогло бы намъ достигнуть важныхъ цѣлей: присоединить къ себѣ силы Пруссіи, поднять духъ народовъ, угнетенныхъ Наполеономъ и втайнѣ сочувствующихъ намъ, и сосредоточить наши военныя дѣйствія на кратчайшей линіи, упирающей съ одной стороны въ море, съ другой—на нейтральное государство (то-есть, Австрію). 2) Воспользоваться мыслью Наполеона о переговорахъ, требовать Данцига въ замѣну Ольденбурга, очищенія трехъ прусскихъ крѣпостей и тѣхъ обезпеченій въ отношеніи къ

Польшѣ, которыя онъ самъ вызывается дать. Но эти переговоры слѣдуетъ вести съ твердостію и не поддаваться задержкамъ и отсрочкамъ. Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ немедленно приступить къ приведенію въ исполненіе перваго предположенія. 3) Начать переговоры, казаться даже сговорчивыми, не щадя увѣреній и всевозможныхъ дѣйствій, которыя могли бы успокоить Наполеона на нашъ счетъ, согласиться на единовременное обезоруженіе, отодвинуть даже нѣсколько наши войска, однако не слишкомъ ихъ удаляя отъ границъ, заставить его направить свои силы на Испанію, и когда тамъ разгорится дѣло, воспользоваться имъ, чтобы сдѣлать диверсію“ [1]).

Послѣдній проектъ показывалъ, что Чернышевъ хорошо изучилъ политику Наполеона и совѣтовалъ подражать ему: Наполенъ желалъ мирными увѣреніями успокоить Россію, поджигая въ то же время войну съ Турками и приготовляясь напасть на насъ въ расплохъ.

Въ то время какъ Наполеонъ игралъ съ молодымъ русскимъ офицеромъ, осыпая его ласками и всевозможными любезностями, поддерживая и усиливая такія однакоже отношенія къ Россіи, которыя не могли привести ни къ какимъ соглашеніямъ, его новый министръ иностранныхъ дѣлъ Маре, герцогъ Бассано, велъ ту же самую игру съ престарѣлымъ нашимъ посланникомъ.

Чернышевъ, вмѣстѣ съ письмомъ императора Александра къ Наполеону, привезъ и депеши графа Румянцева къ князю Куракину. Русскій кабинетъ изъявилъ согласіе, чтобъ онъ вошелъ въ переговоры съ французскимъ по двумъ вопросамъ: по вознагражденію герцога Ольденбургскаго и въ отношеніи къ тарифу. По первому вопросу ему поручалось просить французское правительство указать, чѣмъ намѣрено оно вознаградить герцога соотвѣтственно отобранному отъ него его владѣнію, по второму—предложить заключеніе новаго торговаго договора между Россіей и Франціей, которымъ и могли бы быть измѣнены правила тарифа, возбудившія пререканія со стороны Франціи.

Получивъ эти сообщенія, князь Куракинъ немедленно передалъ ихъ герцогу Кадорскому и просилъ доложить императору Наполеону, а чрезъ два дня обѣщалъ пріѣхать къ нему, чтобы выслушать отвѣтъ. Дѣйствительно, онъ пріѣхалъ черезъ два дня и выслушалъ слѣдую-

---

[1]) Письмо Чернышева къ императору $^{9}/_{21}$ апрѣля 1811 г. изъ Парижа.

щій отвѣтъ: „Я немедленно отдалъ отчетъ о нашемъ послѣднемъ свиданіи императору, моему повелителю“, сказалъ ему герцогъ Кадорскій, — „но его величеству не угодно было дать мнѣ никакихъ приказаній въ отношеніи къ тому, что я долженъ вамъ отвѣчать. Въ самомъ дѣлѣ, какой же мы можемъ дать отвѣтъ? Вамъ не предписываютъ ничего положительнаго, вамъ не даютъ никакихъ полномочій. Протестовали противъ присоединенія герцогства Ольденбургскаго, предъявили этотъ протестъ всѣмъ европейскимъ дворамъ! Что-жь отвѣчать на это? Императоръ желаетъ окончить это дѣло наиболѣе пріятнымъ образомъ для вашего государя. Поэтому, теперь вашему государю остается только объявить — чего онъ желаетъ. Вы говорили, что по этому дѣлу нужна особая негоція, въ которой должны принять участіе и нѣкоторыя другія державы, именно Датскій король. Императоръ и на это согласенъ. Укажите — какъ должны быть устроены эти переговоры. Мы у васъ ничего не просимъ, мы желаемъ дружбы съ вами“.

„Нѣтъ вы просите“, отвѣчалъ князь Куракинъ, — „по того, что уже вы напередъ захватили; что же касается до дружбы, то чувства моего императора достаточно извѣстны, и вы не можете въ нихъ сомнѣваться. Говорили ли вы императору объ объясненіяхъ на счетъ тарифа?“

„Да, я передалъ ему всѣ ваши сообщенія по этому предмету“, отвѣчалъ герцогъ Кадорскій, — „но и въ отношеніи къ этому вопросу не могу дать вамъ никакого отвѣта“.

„Но въ депешѣ канцлера предлагается заключить новый торговый договоръ“, отвѣчалъ нашъ посланникъ, — „кажется, это дѣло важное и стоитъ отвѣта“ [1]).

Въ видахъ Наполеона это было бы очень важно, еслибы повело къ закрытію нейтральной торговли въ Россіи; но онъ зналъ очень хорошо, что и новый договоръ не поведетъ къ такимъ послѣдствіямъ. Что же касается до измѣненія нѣкоторыхъ правилъ тарифа, то они не составляли для него ничего существеннаго, а служили только поводомъ къ придиркамъ, которыя, конечно, онъ устранить и не желалъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора князь Куракинъ получилъ извѣстіе о смѣнѣ Шампаньи и назначеніи на его мѣсто Маре, герцога Бассано, и вслѣдъ затѣмъ, письмо отъ самого новаго министра иностранныхъ

---

[1]) Депеша князя Куракина 4/16 апрѣля 1811 года изъ Парижа.

дѣлъ, въ которомъ послѣдній, извѣщая о своемъ назначеніи, увѣрялъ, что одною изъ цѣлей его дѣятельности будетъ — какъ можно тѣснѣе скрѣпить союзъ Франціи съ Россіей [1]).

На другой день князь Куракинъ посѣтилъ герцога Бассано и встрѣтилъ самый любезный пріемъ. Новый министръ распространился о необходимости и пользѣ для Франціи находиться въ союзѣ съ Россіей, увѣрялъ, что онъ былъ постояннымъ защитникомъ этого союза, и что поэтому онъ даже и получилъ новое назначеніе, занявъ мѣсто герцога Кадорскаго, который не былъ расположенъ къ Россіи.

„Вамъ предстоитъ случай доказать на дѣлѣ это расположеніе“, замѣтилъ ему князь Куракинъ, — „испросивъ мнѣ положительный отвѣтъ императора Наполеона на предложенія, выраженныя въ депешахъ канцлера. отвѣтъ, котораго я тщетно добивался получить чрезъ вашего предшественника“.

Маре обѣщалъ познакомиться съ этими депешами и немедленно доложить о нихъ императору. Дѣйствительно, на другой же день онъ сообщилъ нашему посланнику, что императоръ Наполеонъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда герцогъ доложилъ ему какъ содержаніе своего разговора съ княземъ Куракинымъ, такъ и предложенія, выраженныя въ депешахъ канцлера графа Румянцева. Герцогъ Кадорскій, по словамъ герцога Бассано, представилъ столь поверхностный докладъ императору о разговорѣ своемъ съ княземъ Куракинымъ и о содержаніи депешъ, что императоръ, казалось, вовсе и не зналъ о томъ.

Сваливъ такимъ образомъ вину на отставленнаго отъ должности министра, герцогъ Бассано объявилъ, что императоръ Наполеонъ „съ удовольствіемъ узналъ, что его августѣйшій другъ и союзникъ хочетъ начать переговоры о герцогствѣ Ольденбургскомъ и о тарифѣ, и очень радъ пригласить къ участію Датскаго короля“. Но когда князь Куракинъ замѣтилъ на это, что теперь Франціи слѣдуетъ только объяснить, чѣмъ она намѣрена вознаградить герцога за потерю его владѣнія, герцогъ Бассано отвѣчалъ, что этого сдѣлать нельзя. Императоръ Наполеонъ поставленъ въ затруднительное состояніе (il éprouve une *sorte de pudeur*): „Жалобы, заявленныя Россіей по случаю этого вопроса всѣмъ Европейскимъ дворамъ, мѣшаютъ ему первому дѣлать предложенія; извѣстія о нихъ, получаемыя отовсюду, весьма ему непріятны,

---

[1]) Письмо герцога Бассано къ князю Куракину 18-го апрѣля 1811 г. н. ст. Отвѣтъ въ тотъ же день. Депеша Куракина графу Румянцеву 6/18 апрѣля.

хотя и не измѣняютъ его чувства дружбы къ императору Александру. Чтобъ уничтожить скорѣе это непріятное впечатлѣніе, онъ рѣшился считать эти жалобы (то-есть, протестъ) какъ-бы не существующими, не желая, чтобы въ его душѣ находило себѣ мѣсто хотя что нибудь могущее не согласоваться съ чувствами дружбы и расположенія къ русскому императору. Императоръ пересталъ даже придавать значеніе тѣмъ статьямъ тарифа, которыя первопачально возбуждали его негодованіе".

Не смотря на мирныя увѣренія, герцогъ Бассано нѣсколько разъ упоминалъ князю Куракину объ огромныхъ будто бы военныхъ приготовленіяхъ Россіи, которыя не могутъ не озабочивать Францію. По Парижу начали ходить въ это время преувеличенные слухи объ огромномъ собраніи русскихъ войскъ на самыхъ границахъ герцогства Варшавскаго и о намѣреніи Россіи немедленно занять это герцогство. Разглашали эти слухи Поляки, а источникомъ ихъ былъ князь Понятовскій, военный министръ и главнокомандующій войсками герцогства, который пріѣхалъ въ это время въ Парижъ поздравить Наполеона съ рожденіемъ сына, короля Римскаго, по порученію Саксонскаго короля какъ герцога Варшавскаго.

Желая отсрочить войну съ Россіей, французское правительство, конечно, опасалось наступательныхъ дѣйствій съ ея стороны, и чтобъ отклонить ее отъ этого намѣренія, усилило свои увѣренія въ миролюбивыхъ расположеніяхъ къ Россіи, а въ то же время желало попугать ее своими военными приготовленіями. Такъ дѣйствовалъ герцогъ Бассано въ отношеніи къ нашему посланнику; точно такъ же дѣйствовалъ и самъ императоръ Наполеонъ.

Князь Куракинъ получилъ въ это время собственноручное письмо императора Александра къ Наполеону, съ поздравленіемъ по случаю рожденія короля Римскаго. Нашъ посланникъ просилъ свиданія для личнаго доставленія этого письма Наполеону, и немедленно былъ приглашенъ въ Сенъ-Клу, 25-го апрѣля, въ день, когда назначена была большая охота въ Сенъ-Жерменскомъ лѣсу. Если и хотѣлъ императоръ Наполеонъ подшутить надъ нашимъ посланникомъ и помучить стараго подагрика, какъ помучилъ молодаго офицера, только что прискакавшаго на почтовыхъ отъ Копенгагена до Парижа, то дождливая погода, помѣшавшая охотѣ, выручила его изъ бѣды. Но предстояла еще другая. Принявъ письмо императора, благосклонно выслушавъ привѣтъ и поздравленіе отъ его лица, выраженныя княземъ Куракинымъ, и отвѣтивъ на нихъ самымъ любезнымъ образомъ,

Наполеонъ вдругъ „по своему обыкновенію“, какъ доносилъ потомъ князь Куракинъ,—„началъ ходить по комнатѣ, и эта прогулка, бывшая первою пробою для моихъ больныхъ ногъ, облеченныхъ въ бархатные сапоги, и которую я перенесъ благополучно, продолжалась около двухъ часовъ—во все время разговора“. Императоръ Наполеонъ, также по обыкновенію, когда онъ былъ чѣмъ-либо озабоченъ, проговорилъ длинную рѣчь, не давая отвѣчать или почти не обращая вниманія на отвѣты. „Императоръ Александръ“, говорилъ онъ Куракину,—„не любитъ уже менл, какъ прежде, онъ окруженъ злонамѣренными людьми, которые постарались возбудить въ его сердцѣ подозрѣніе и недовѣріе ко мнѣ. Никогда я не желалъ воевать съ нимъ и не могъ этого желать; его войска храбры, эта война не имѣла бы для меня никакой цѣли, она была бы для меня не выгодна. Но я не скрою отъ васъ, что вооружаюсь и долженъ это дѣлать. Ваши постоянныя вооруженія, въ которыхъ однакоже не сознаются, и которыя у васъ окружаютъ глубокою тайною, вынуждаютъ меня къ тому. Извѣстія, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, убѣждаютъ меня въ ихъ дѣйствительности. Изъ Стокгольма мнѣ пишутъ, что изъ Финляндіи вывели три дивизіи и двинули ихъ къ границамъ Варшавскаго герцогства; изъ Бухареста и Константинополя мнѣ сообщаютъ, что пять дивизій вашей арміи оставили Дунай, чтобы двинуться туда же“.

„Хотя мнѣ не пишутъ объ этихъ передвиженіяхъ войскъ, и я ничего о нихъ не знаю“, прервалъ его князь Куракинъ, — „но считаю долгомъ повторить вашему величеству то же, что говорилъ герцогу Кадорскому и герцогу Бассано, что эти распоряженія находятся навѣрное въ связи съ внутреннимъ устройствомъ нашего военнаго министерства, а вовсе не дѣлаются въ видахъ войны“.

„Положимъ такъ“, съ живостью возразилъ Наполеонъ. — „положимъ, что ваше мнѣніе справедливо, то зачѣмъ же этого не говорятъ? Это былъ бы по крайней мѣрѣ отвѣтъ, которымъ я могъ бы удовольствоваться и не имѣлъ бы повода жаловаться, какъ жалуюсь теперь на это таинственное молчаніе, котораго держатся у васъ въ отношеніи ко мнѣ по этому предмету. Вмѣсто того, когда герцогъ Виченцскій, какъ мнѣ извѣстно изъ послѣднихъ его донесеній, завелъ объ этомъ рѣчь съ графомъ Румянцевымъ, канцлеръ началъ отвергать дѣло явное и всѣмъ извѣстное. Когда, съ одной стороны, я вижу такую скрытность, а съ другой—что безъ всякой нужды отзываютъ большую часть войскъ, предназначенныхъ для войны съ Турками, и

которая, продолжая усилія и одерживая побѣды какъ въ прошломъ году, непремѣнно окончила бы ее въ это лѣто съ выгодой для васъ,— какъ вы хотите, чтобъ я оставался равнодушнымъ и не видалъ бы въ этомъ намѣреній, прямо направленныхъ противъ меня?"

Князь Куракинъ снова перервалъ императора Наполеона и началъ повторять, что миролюбивыя намѣренія императора Александра не могутъ быть подвергнуты сомнѣнію и всѣ принимаемыя имъ военныя приготовленія составляютъ простыя мѣры предосторожности.

„Позвольте, князь, теперь, когда вы входите ко мнѣ съ шлемомъ на головѣ, ваши миролюбивыя увѣренія не могутъ произвести на меня того впечатлѣнія, которое они произвели бы, еслибы вы вошли съ бѣлою тростью въ рукѣ".

„Но я могу васъ увѣрить, что голова моя не покрыта шлемомъ, и — въ рукѣ моей трость бѣлая, а потому увѣряю ваше величество въ мирныхъ расположеніяхъ моего государя", отвѣчалъ нашъ посланникъ.

„Ахъ, князь", воскликнулъ Наполеонъ, — „по всему, что вы говорите, я узнаю, что вамъ вовсе неизвѣстны тайные виды вашего кабинета. Вы повторяете то, что вамъ пишутъ, вы выражаете ваши собственныя мнѣнія и не знаете тѣхъ рѣшеній, которыя приняты въ Петербургѣ, потому что иначе не могли бы дѣйствовать такъ, какъ теперь дѣйствуютъ. Какъ можно приписывать мнѣ такія намѣренія, которыхъ я никогда не имѣлъ и не имѣю, какъ можно вѣрить въ призраки, не имѣющіе никакого основанія, такъ какъ тѣ слухи, которые могли васъ побудить къ мысли, что вамъ угрожаетъ какая-то опасность, не болѣе какъ призраки (des fantômes). Вы мнѣ угрожаете, но я никогда не пугался угрозъ. Я располагаю такими силами, что могу ихъ не бояться. Не угрозами можно заставить меня сдѣлать то, чего хотятъ. Вы хотите войны, а я не хочу ея. Но пусть будетъ такъ, мы будемъ драться, мы довершимъ раззореніе Европы, прольемъ много крови, снова заставимъ страдать человѣчество и — что же мы выиграемъ, тотъ или другой? Ровно ничего, мы только истощимъ одинъ другаго. Я не скрылъ отъ васъ, что я вооружаюсь; ваши вооруженія вынуждаютъ меня продолжать мои. Необходимо, чтобъ я держался въ уровень съ вами и съ своей стороны дѣлалъ то же, что вы дѣлаете. Ваши вооруженія стоютъ мнѣ уже 100 милліоновъ, которые я долженъ былъ употребить на свои, отклоняя ихъ отъ того назначенія, для котораго они были опредѣлены; вы препятствуете мнѣ заключить миръ съ Англіей, вы заставляете меня ослабить уси-

лія для того, чтобы подавить возмущеніе въ Испаніи, вы вынуждаете меня возлагать на мою страну новыя тягости. Одного принятаго вами положенія достаточно, чтобы связать меня во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ. Когда такая великая держава, какъ Россія, возстаетъ на васъ, то естественно она отвлекаетъ васъ отъ всѣхъ прочихъ дѣлъ, которыя у васъ на рукахъ. Императоръ Александръ не любитъ меня болѣе. Онъ забываетъ, чѣмъ онъ мнѣ обязанъ, онъ не хочетъ знать, что черезъ десять дней послѣ Фридландскаго сраженія, я могъ быть въ Вильнѣ, что я могъ возстановить Польское королевство, чего вы такъ напрасно боитесь, но чего я не хотѣлъ тогда, да и никогда впослѣдствіи. Будемъ говорить прямо: вы хотите завладѣть герцогствомъ Варшавскимъ, хотите въ него вторгнуться".

Князь Куракинъ перервалъ потокъ его рѣчи замѣчаніемъ о своемъ совершенномъ недоумѣніи—изъ какого источника могутъ происходить подобныя предположенія, которыя никогда, по его убѣжденію, и не входили въ виды Русскаго императора.

„Какъ бы вы ни усиливались, князь, разубѣдить меня", продолжалъ Наполеонъ,—„я остаюсь при моемъ мнѣніи и повторяю, что вамъ совершенно неизвѣстны намѣренія вашего кабинета. Все, что у васъ ни дѣлается, клонится именно къ этой цѣли. Но теперь моя честь уже требуетъ, чтобъ я поддержалъ цѣлость этого государства, которое состоитъ подъ моимъ покровительствомъ. Въ этомъ замѣшана моя честь, и я не могу потерпѣть, чтобъ отняли у этого государства хотя бы одну пядь земли. Отчего императоръ Александръ не принялъ перваго плана, который я предлагалъ ему въ Тильзитѣ? Тогда онъ избавилъ бы себя отъ тѣхъ безпокойствъ, которыя причиняетъ ему теперь Варшавское герцогство. Почему въ 1809 году такъ медленно двигалось и дѣйствовало русское войско? Еслибъ оно поспѣшило занять Галицію, что и должно было сдѣлать, Галиція осталась бы за вами. Не моя вина, что вы сами этого не хотѣли, и не смотря на то, статьею Вѣнскаго договора я выговорилъ вамъ отъ Австріи одинъ округъ Галиціи съ народонаселеніемъ въ 400 тысячъ человѣкъ. У васъ не могутъ не знать, что Австрійскій императоръ, для того, чтобы сохранить цѣлость своихъ нѣмецкихъ областей, предлагалъ мнѣ уступить обѣ Галиціи, и что въ это время, еслибъ я только хотѣлъ, я также могъ возстановить Польское королевство. Для чего императоръ Александръ, чтобы совершенно успокоиться на счетъ своихъ новыхъ подданныхъ, прежде бывшихъ Поляковъ, и на счетъ мнимаго востановленія Польши, не хотѣлъ заключить касательно ея кон-

венцію, въ которой мы ужъ условились, согласясь исправить по моему предложенію лишь нѣкоторыя выраженія въ первой ея статьѣ? Графъ Румянцевъ заставилъ его принять эту статью, изложенную въ такихъ выраженіяхъ, что она возлагала на меня обязанности, превышающія человѣческія силы, и на что я, конечно, не могъ согласиться. Послѣ того вы не заводили и рѣчи объ этой конвенціи, и она предана забвенью, не смотря на то, что вы могли ожидать отъ нея весьма выгодныхъ и пріятныхъ послѣдствій. Почему императоръ Александръ не поручилъ вамъ заключить ее со мною, зачѣмъ онъ не присылаетъ вамъ полномочій? Мы согласились бы, и она давно была бы заключена. Мнѣ вы угрожаете теперь уже на дѣлѣ; но я сказалъ вамъ, что я не привыкъ бояться угрозъ, не ими можно меня поколебать. Вы хотите герцогства Варшавскаго, вы хотите Данцига, — я знаю, что вы ихъ хотите. Вы отыскиваете только пустые предлоги, чтобы начать войну, въ надеждѣ, что посредствомъ войны вы достигнете своихъ цѣлей; но если императоръ Александръ, подчиняясь коварнымъ совѣтамъ, уже непремѣнно хочетъ воевать, я вамъ повторяю, — я готовъ на войну; я вооружаюсь—я вамъ это сказалъ,—и вооружусь еще болѣе; лишь только получу извѣстія о враждебномъ движеніи вашихъ войскъ, сяду на коня,—воевать мнѣ не учиться; войною, моими кампаніями, моими побѣдами, я сдѣлался тѣмъ, что я теперь. Что выиграетъ императоръ Александръ, вступивъ въ борьбу со мною? Мы только причинимъ бѣдствія нашимъ странамъ. Ваши войска храбры, я могу потерпѣть неудачи; но если счастіе будетъ на моей сторонѣ, то Россія очень будетъ раскаяваться, что необдуманно предприняла войну, для которой я не подалъ никакого повода. По истинѣ, я не могу понять вашего ослѣпленія; по видимому, не хотятъ и подумать о случайностяхъ будущаго, и эта новая система, которую принимаютъ у васъ, и которой, какъ кажется, рѣшились слѣдовать, для меня необъяснима! Я, по крайней мѣрѣ, не понимаю ея. Развѣ только императоръ Александръ рѣшился предпочесть союзъ съ Англіей союзу со мною".

На замѣчаніе князя Куракина, что ему особенно поручено увѣрить Наполеона въ искреннемъ желаніи императора Александра, а не разрывать союза съ Франціей, и въ томъ что мы не имѣемъ никакихъ сношеній съ Англіей, онъ отвѣчалъ, продолжая свою рѣчь:

„Хорошо, я готовъ этому вѣрить, потому что не имѣю извѣстій о противномъ; но изъ этого еще нельзя заключить, чтобъ эта мысль не существовала, и чтобы не могли думать о ея осуществленіи. Но,

во всякомъ случаѣ, вы оказываете большія услуги Англичанамъ уже тѣмъ, что принуждаете меня ограничивать тѣ мѣры, которыя я долженъ предпринять противъ нихъ, давая имъ поводъ предвидѣть возможность вашего разрыва со мною, и слѣдовательно, сближенія съ ними, что будетъ необходимымъ послѣдствіемъ этого разрыва. Сказавъ вамъ, что я вооружаюсь, и что вы принуждаете меня къ этому вопреки моему желанію, я долженъ вамъ сказать, что теперь я готовъ принять нападеніе. Данцигъ и крѣпости на Одерѣ, которыя въ моихъ рукахъ, уже приведены въ положеніе, готовое для защиты. Я вамъ признаюсь: я поручалъ герцогу Кадорскому сообщить вамъ, что я усиливаю гарнизонъ и укрѣпленія Данцига будто бы противъ Англичанъ; но это былъ только предлогъ, истинною причиною были вы, отъ вашего нападенія старался я обезпечить Данцигъ. Я предписалъ войскамъ герцогства Варшавскаго очистить его при малѣйшемъ движеніи вашихъ войскъ и сосредоточиться около Данцига и Одерскихъ крѣпостей; я приказалъ саксонскимъ войскамъ расположиться лагеремъ и быть готовыми въ случаѣ нужды оказать помощь войскамъ Варшавскаго герцогства. Если вы вступите въ область Рейнскаго союза, то берегитесь (gare à vous). Не заблуждайтесь на счетъ моихъ силъ, васъ обманываютъ ложные слухи, будто они поглощены Испанскою войною. Я выступлю противъ васъ съ 400 тысячами человѣкъ, соберу ихъ еще болѣе, если будетъ нужно. Я употреблю противъ васъ уже такія силы, какъ до Тильзитскаго мира. Состояніе ослѣпленія, въ которомъ у васъ находятся, точно такое же, въ какомъ находилась Пруссія до Іенскаго сраженія. Не могу этому не удивляться. Вы угрожаете мнѣ! Этотъ окружной протестъ по Ольденбургскому дѣлу, который вы разослали по всѣмъ Европейскимъ дворамъ, былъ угрозою противъ меня. Онъ доказываетъ, какъ мало дружбы сохранилъ ко мнѣ императоръ Александръ. Когда дѣлаютъ такого рода протесты, то значитъ, бросаютъ перчатку, говорятъ, что хотятъ вести войну за то дѣло, которое послужило поводомъ къ протесту. Но стоитъ ли того Ольденбургское герцогство, чтобъ изъ за него перессорились двѣ великія имперіи и вступили въ войну между собою? Берега Ольденбурга способствовали англійской контрабандѣ, я долженъ былъ ихъ присоединить къ моей имперіи, вмѣстѣ съ ганзейскими городами, слѣдуя принятой мною системѣ противъ морской войны и для избѣжанія войны на континентѣ, которую считаю великимъ бѣдствіемъ. Что-жь, — если императоръ Александръ непремѣнно желаетъ, то я вновь водворю герцога въ его владѣніяхъ, но

онъ будетъ подавленъ французскими войсками и таможнями и будетъ служить постояннымъ поводомъ къ раздору между Россіей и Франціей, чего я именно хотѣлъ избѣжать. Не нравится Эрфуртъ,— пусть скажутъ, чего хотятъ, пусть начнутъ переговоры, поручатъ ихъ вамъ; но вамъ не даютъ полномочій. Такимъ образомъ нельзя достигнуть соглашеній и кончить дѣла, которыя такъ легко окончить. Неужели мы будемъ оставаться пять-шесть лѣтъ во всеоружіи, постоянно держать въ безпокойствѣ другъ друга и безъ нужды истощать наши силы и финансы? Я совершенно иначе поступилъ по случаю вашего протеста; онъ меня оскорбляетъ, онъ меня огорчаетъ. я не ожидалъ его отъ моего друга и союзника; онъ долженъ служить мнѣ угрозой, и не смотря на то, я не отвѣчаю на него, я храню о немъ совершенное молчаніе. Мнѣ приготовили было отвѣтъ на этотъ протестъ, но я отвергъ его. Если бы вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ протесту, императоръ Александръ написалъ ко мнѣ, выразивъ то участіе, которое онъ принимаетъ въ близкомъ своемъ родственникѣ, еслибъ онъ выразилъ мнѣ желаніе, чтобъ я сдѣлалъ для него еще болѣе, нежели намѣренъ былъ сдѣлать, то я непремѣнно исполнилъ бы и съ особеннымъ удовольствіемъ его желаніе. Если бы даже для своего дяди онъ попросилъ у меня нѣсколько округовъ герцогства Варшавскаго въ вознагражденіе за Ольденбургское герцогство, то я не поколебался бы побудить Саксонскаго короля къ этой уступкѣ. Но тогда я сдѣлалъ бы это потому, что требованіе было бы выражено мнѣ дружески,—угрозой изъ меня ничего нельзя сдѣлать. Еслибъ до своихъ вооруженій императоръ Александръ потребовалъ у меня Данцига съ его округомъ, то вѣроятно, я и на это бы согласился".

Князь Куракинъ счелъ долгомъ указать на миролюбивый смыслъ этого протеста, который императоръ Александръ считалъ нужнымъ сдѣлать лишь для огражденія правъ своего семейства на герцогство Ольденбургское.

„Все, что вы говорите", продолжалъ императоръ Наполеонъ, не давая долго разсуждать нашему посланнику, — „нисколько не измѣняетъ моего мнѣнія о смыслѣ и значеніи этого протеста. Впрочемъ, у васъ, какъ кажется, не хотятъ вспомнить, что вступленіе герцога Ольденбургскаго въ Рейнскій союзъ, значительно измѣнило права его семейства на это герцогство, и что нужно быть членомъ этого союза и принадлежать къ нему, чтобъ имѣть право на владѣніе областью, вошедшею въ его составъ. Но я хочу вознаградить герцога, я сдѣлалъ мои предложенія и тѣмъ исполнилъ мою обязанность. Ихъ от-

вергли и герцогъ, и Россія; теперь дѣло за императоромъ Александромъ, онъ долженъ объявить, чего желаетъ для вознагражденія герцога".

Ближайшимъ поводомъ къ этой рѣчи, безъ сомнѣнія, были извѣстія, привезенныя княземъ Понятовскимъ [1]). Конечно, онъ сообщилъ императору Наполеону то же самое, что̀ сообщалъ только что прибывшему передъ этимъ временемъ въ Варшаву новому французскому резиденту г. Баньону, именно—что въ первыхъ мѣсяцахъ этого 1811 г. русскимъ правительствомъ было рѣшено немедленно объявить войну Франціи. Планъ военныхъ дѣйствій былъ составленъ, средства приготовлены, съ Турками рѣшено было вести лишь оборонительную войну, которая не потребовала бы значительнаго количества войскъ, для обезпеченія Финляндіи со стороны Швеціи, которой Россія не опасалась, также достаточно было небольшихъ силъ. Войско же въ 130 или 140 тысячъ человѣкъ, за которымъ непосредственно слѣдовалъ бы резервъ отъ 60 до 80 тысячъ, должно было занять герцогство Варшавское и немедленно двинуться къ Одеру, чтобы привлечь къ себѣ Пруссію и принудить къ нейтралитету Саксонію. Распоряженія объ этомъ походѣ уже были сообщены всѣмъ генераламъ въ запечатанныхъ пакетахъ съ приказаніемъ открыть ихъ тогда, когда послѣдуетъ особое о томъ повелѣніе. Такія вѣсти сообщалъ князь Понятовскій, увѣряя, что онъ до такой степени убѣжденъ въ ихъ достовѣрности, какъ будто слышалъ ихъ изъ устъ самого императора Александра. „Дѣйствительно", говоритъ Биньонъ,—„въ этомъ случаѣ былъ только одинъ посредникъ между нимъ и императоромъ Александромъ, посредникъ, котораго честность выше всякихъ подозрѣній", а именно князь Адамъ Чарторижскій.

Вліяніе этихъ извѣстій отразилось на рѣчи, произнесенной Наполеономъ князю Куракину. Ему не хотѣлось, конечно, чтобы Россія заставила его вступить въ войну съ нею прежде, нежели онъ успѣлъ поправить свои дѣла на Пиренейскомъ полуостровѣ и достаточно приготовиться къ этой войнѣ. Онъ не хотѣлъ измѣнять уже обдуманнаго и рѣшеннаго имъ плана военныхъ дѣйствій и затягивать войну, которую онъ думалъ окончить скоро, послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ ударовъ. Онъ опасался, что рѣшившись выступить противъ него наступательно, Россія привлечетъ къ союзу съ собою Пруссію и

---

[1]) *Bignon*, Souvenirs d'un diplomate, Paris. 1864, стр. 45 и слѣд. Его же Histoire de France, гл. XXVII. Брюссельское изданіе, стр. 376—377.

Австрію. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ соображеній, онъ желалъ отклонить это намѣреніе Россіи, увѣряя, давая честное слово и даже клятву, что никогда не желалъ воевать съ нею, не желаетъ и теперь и не будетъ зачинщикомъ войны. Чтобы выиграть время, онъ хотѣлъ втянуть русскій кабинетъ въ новые переговоры, увѣряя, что они помогутъ весьма легко устранить всѣ недоразумѣнія, которыя возникли между двумя имперіями. „Я не хочу войны", заключилъ онъ свой разговоръ съ княземъ Куракинымъ, — а особенно съ вами. Мнѣ не учиться военному искусству, я занимался имъ всю жизнь, и кажется, умѣю разчитывать и подготовлять напередъ военныя событія". Говоря, что ожидаетъ извѣстій отъ Лористона и возвращенія Коленкура въ Парижъ, чтобы на основаніи ихъ сообщеній опредѣлить свой дальнѣйшій образъ дѣйствій въ отношеніи къ Россіи, онъ пользовался каждымъ случаемъ въ это время, чтобы убѣдить императора Александра въ своей любви лично къ нему и въ желаніи сохранить миръ между двумя имперіями.

Въ это время, по семейнымъ дѣламъ, находился въ Парижѣ графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ. Собираясь возвратиться въ Россію, онъ счелъ долгомъ учтивости извѣстить объ этомъ императора Наполеона, и какъ генералъ-адъютантъ Русскаго государя,— спросить его, не пожелаетъ ли онъ дать какихъ-нибудь порученій къ нему. Къ удивленію графа, онъ немедленно былъ приглашенъ въ Сенъ-Клу на свиданіе (1/13-го мая), и Французскій императоръ часа полтора бесѣдовалъ съ нимъ въ своемъ кабинетѣ. Въ своихъ рѣчахъ онъ повторилъ тѣ же самыя мысли, какія выразилъ незадолго передъ тѣмъ и нашему посланнику. Но съ какимъ увлеченіемъ и запальчивостью ни говорилъ бы Наполеонъ, онъ никогда не проговаривалъ той мысли, которую хотѣлъ скрыть. Онъ всегда говорилъ то, что хотѣлъ сказать въ это время, и если впослѣдствіи считалъ, что сказалъ что-нибудь, чего не слѣдовало, то лишь подъ вліяніемъ ужъ измѣнившихся обстоятельствъ, какъ это случилось съ его рѣчью къ депутаціи отъ торговыхъ палатъ. Но тѣмъ не менѣе, при каждомъ новомъ разговорѣ объ однихъ и тѣхъ же вопросахъ, въ его рѣчахъ вырывались выраженія, ближе и ближе подходившія къ его тайнымъ мыслямъ. Графъ Шуваловъ, полтора года оставившій уже Россію, конечно, не могъ отвѣчать ничего положительнаго на его жалобы относительно нашихъ военныхъ приготовленій и потому заявилъ, что хотя онъ ничего не знаетъ о движеніи нашихъ войскъ, однакоже увѣренъ, что императоръ Александръ не начнетъ войны съ Франціей, и всѣ это при-

готовленія могутъ имѣть лишь оборонительное значеніе. „Но вы знаете“, возразилъ Наполеонъ,—„что обыкновенно отъ обороны переходятъ къ наступленію. Мнѣ то же, что вы говорите, пишутъ Коленкуръ и Ренваль, но я изорвалъ ихъ письма, — я вѣрю не письмамъ, а положительнымъ дѣйствіямъ. Меня увѣряли, что императоръ Александръ хочетъ объявить себя Польскимъ королемъ,—этому я не повѣрилъ, но меня увѣряли и увѣряютъ даже теперь, что хлопочетъ объ этомъ князь Адамъ Чарторижскій, вашъ бывшій министръ.

„Вы однако не вѣрите этому, государь?“ засмѣявшись спросилъ графъ Шуваловъ.

„Не вѣрю“, отвѣчалъ императоръ Наполеонъ,—„но когда ваши войска подвигаются къ польскимъ границамъ, могу ли я спокойно на это смотрѣть? Я не ясно еще понимаю, что дѣлается, и потому приготовляюсь. Чего отъ меня хочетъ императоръ Александръ? Я желаю только, чтобъ оставилъ меня въ покоѣ. Я не хочу воевать съ Россіей, это было бы преступленіе съ моей стороны, потому что эта война не имѣла бы цѣли, я еще не потерялъ разсудка, слава Богу, я еще не сумасшедшій! Притомъ, я не могу начать войны, у меня 300 тысячъ войска въ Испаніи. Я не начну войны съ Россіей, пока она не нарушитъ Тильзитскаго трактата“.

Такъ говорилъ Наполеонъ, который съ самаго заключенія Тильзитскаго договора не исполнялъ его условій и нарушилъ ихъ торжественно присоединеніемъ къ Франціи герцогства Ольденбургскаго. Но частныя условія договора, можетъ быть, и не входили въ его соображенія въ эту минуту: онъ разумѣлъ общій его смыслъ, то-есть, союзъ Россіи съ Франціей и разрывъ съ Англіей. Когда графъ Шуваловъ сталъ увѣрять, что императоръ Александръ, не будучи къ тому вынужденъ, не начнетъ войны, онъ отвѣчалъ: „Но когда онъ увидитъ въ сборѣ свои войска, въ немъ возбудится это желаніе, а общественное мнѣніе понудитъ его къ тому“.

„Если и найдутся въ Россіи люди, желающіе войны“, говорилъ графъ Шуваловъ, — „то ихъ не много; государь войны не желаетъ, и народъ точно также. Что можетъ заставить императора начинать войну, если ваше величество дѣйствительно желаете продолженія союза и будете этому способствовать вашими дѣйствіями?

„Можетъ быть, Англичане“, прервалъ Наполеонъ.

„Этого быть не можетъ“, рѣзко перервалъ его графъ Шуваловъ,— „я готовъ подписать кровью своею завѣреніе, что этого быть не можетъ“.

Только это и желалъ знать Наполеонъ. Онъ былъ увѣренъ, что императоръ Александръ, чтобы начать съ нимъ войну, долженъ былъ вступить въ союзъ съ Англіей. Если нѣтъ признаковъ этого сближенія, то онъ смѣло могъ разчитывать еще на годъ мира, который дастъ ему полную возможность приготовиться къ тому, чтобы нанесть грозный ударъ Россіи. Послѣ отвѣта Шувалова по этому вопросу, Наполеонъ уже спокойно и съ участіемъ къ Россіи сталъ продолжать разговоръ:

„Вашъ курсъ очень дуренъ?“ спросилъ онъ.

„Чрезвычайно дуренъ“, отвѣчалъ графъ Шуваловъ,—„и причина отчасти заключается въ нашей войнѣ съ Турками“.

„Да, вы платите металломъ“, перервалъ его Наполеонъ,—ну, такъ отчего же не сказать, что вы убавляете число войскъ на Дунаѣ потому, что содержаніе ихъ обходится вамъ слишкомъ дорого. Я стою еще на томъ, чтобы вы присоединили Дунайскія княжества, такъ я заявилъ и Туркамъ. Чего мнѣ бояться, вы не пойдете въ Константинополь! Императоръ Александръ дружескими отношеніями ко мнѣ гораздо болѣе можетъ выиграть, нежели военными угрозами. Онъ знаетъ мою дружбу къ нему,—видитъ, Богъ какъ я его люблю (Dieu sait si je l'aime),—а онъ какъ поступаетъ? Публично заявляетъ протестъ, вмѣстѣ того, чтобы объясниться дружески со мною. Вездѣ есть чувство чести (le point d'honneur existe partout); когда я вамъ говорю: вы ошибаетесь, это не обидно; но если я скажу: вы солгали—это оскорбленіе. Сколько уже выгодъ пріобрѣла Россія отъ союза со мною. Это извѣстно вашему двору, и графъ Румянцевъ воспользовался этимъ, показавъ тайно шведскому посланнику одну ноту, въ которой было сказано, что я съ удовольствіемъ буду смотрѣть на то, что Россія пріобрѣтетъ Аландскіе острова. Возможно ли, что на такомъ важномъ мѣстѣ, въ Парижѣ, на такомъ дальнемъ разстояніи, императоръ держитъ посланника, къ которому ни онъ, ни графъ Румянцевъ не имѣютъ довѣрія, который ничего не знаетъ, ничего объяснить не можетъ. Князь Куракинъ человѣкъ разумный и честный, онъ не орелъ, конечно, но что-жь изъ этого, онъ—хорошій Русскій. Надо бы назначить къ нему достойнаго молодаго человѣка, и все бы пошло хорошо. Прежде у васъ не такъ дѣйствовали“.

Графъ Шуваловъ заявилъ, что постарается съ точностію довести до свѣдѣнія своего государя, что слышалъ отъ императора французовъ.

„Да“, отвѣчалъ Наполеонъ,—„скажите ему: государь, не слѣдуетъ

терять времени, чтобы прійдти къ соглашенію; если вы не желаете войны, пришлите скорѣе полномочіе для начатія переговоровъ, и если вы не желаете возстановленія Польши, то слѣдуетъ дѣйствовать миролюбиво, потому что въ противномъ случаѣ она непремѣнно будетъ возстановлена".

Постоянныя заявленія императора Наполеона, что онъ желаетъ поддержать миръ и для того вызываетъ Россію на новые переговоры, оказало дѣйствіе и на нашего посланника; онъ просилъ какъ императора, такъ и графъ Румянцева, чтобы ему выслали поскорѣе полномочія для переговоровъ о вознагражденіи герцога Ольденбургскаго и о Польшѣ. „Я смѣю думать", писалъ онъ,—„что мнѣ удастся покончить здѣсь эти два дѣла лучше и скорѣе, нежели они могутъ быть покончены въ Петербургѣ, отдаленіе котораго отъ Парижа уже представляетъ значительное неудобство". Зная хорошо какъ характеръ Наполеона, такъ и всѣ его виды, князь Куракинъ, безъ сомнѣнія, не думалъ, что новый договоръ можетъ предотвратить войну, но вѣроятно, полагалъ, что онъ можетъ отсрочить ее и дать Россіи время приготовиться къ ней: онъ не считалъ ее достаточно приготовленною, особенно въ виду того, что не былъ еще заключенъ миръ съ Турціей [1]).

Какъ князь Куракинъ не получалъ отъ нашего правительства никакихъ извѣстій о военныхъ приготовленіяхъ, такъ и Коленкуръ былъ въ полномъ невѣденіи о томъ, что въ этомъ отношеніи дѣлалось во Франціи. Между тѣмъ императоръ Александръ получалъ вѣрныя и своевременныя о нихъ извѣстія и каждый разъ сообщалъ ихъ французскому посланнику. На его увѣренія, что эти слухи или не вѣрны, или преувеличены, онъ отвѣчалъ: „Не отрицайте, я знаю вѣрно то, что говорю. Очевидно, васъ оставляютъ въ невѣденіи, потому что не имѣютъ къ вамъ болѣе довѣрія. Хотя я и желаю вамъ все объяснить и дѣлаю это охотно, потому что считаю васъ честнымъ человѣкомъ, но я знаю, что это потерянный трудъ. Императоръ Наполеонъ вамъ не повѣритъ, потому что вы говорите ему правду. То же будетъ и съ Лористономъ, который тоже честный человѣкъ, и слѣдовательно, будетъ говорить своему государю то же, что вы". Только въ то время, когда на мѣсто Коленкура былъ назначенъ новый

---

[1]) Письмо князя Куракина къ императору изъ Парижа 25-го апрѣля (7-го мая) 1811 г. Депеша къ графу Румянцеву 27-го апрѣля (9-го мая) и $^{2}/_{14}$-го мая 1811 г. Письмо графа Шувалова къ императору $^{3}/_{15}$ мая 1811 г. изъ Парижа

посланникъ, французское правительство поручило ему сообщить о своихъ вооруженіяхъ и объяснить ихъ тѣмъ, что ихъ вызвала Россія своими военными приготовленіями. „Вы предполагаете, что я вооружаюсь“, отвѣчалъ ему императоръ,—„я этого вовсе не отрицаю. Я дѣйствительно вооружаюсь, я готовъ, я совершенно готовъ съ силою отразить нападеніе; но что подумали бы вы обо мнѣ, еслибъ я дѣйствовалъ иначе, еслибъ я былъ такъ простъ, такъ не внимателенъ къ моимъ обязанностямъ, что оставилъ бы мое государство на жертву произвола вашего государя. Но я началъ вооружаться тогда, когда получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что Данцигъ укрѣпляется, что увеличивается его гарнизонъ, что усиливаются и сосредоточиваются войска маршала Даву, что Поляки и Саксонцы приведены въ военное положеніе, что оканчиваются укрѣпленія Модлина, исправляются укрѣпленія Торна, и всѣ эти крѣпости снабжаются запасами. Вотъ что сдѣлалъ я послѣ этого...“ При этихъ словахъ императоръ взялъ за руки Коленкура и ввелъ его въ другой кабинетъ, гдѣ были разложены военныя карты Россіи. Онъ показалъ ему расположеніе всѣхъ войскъ, мѣста, гдѣ строились укрѣпленія, и объяснилъ при этомъ, какъ онъ увеличилъ и устроилъ войска. „У меня нѣтъ такихъ генераловъ какъ ваши“, продолжалъ онъ говорить,—„я самъ не такой генералъ и администраторъ, какъ Наполеонъ; но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ обходиться съ нами, какъ съ Голландцами или Гамбургцами. Но увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейдти Нѣманъ, и самъ его не перейду. Будьте увѣрены, что я васъ не обманываю, я не хочу войны. Мой народъ, хотя и оскорбленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, хотя возмущенъ вашими попытками и предположеніями на счетъ Польши, точно также, какъ и я, не хочетъ войны, потому что онъ знаетъ ея опасности. Но если на него нападутъ, то онъ съумѣетъ защищаться всѣми силами“.

Между тѣмъ какъ въ переговорахъ съ нашимъ посланникомъ въ Парижѣ французское правительство вовсе не выражало опасенія о возможности сближенія Россіи съ Англіей, и самъ императоръ Наполеонъ говорилъ, что не имѣетъ никакихъ данныхъ подозрѣвать въ этомъ отношеніи наше правительство, однакожь какъ въ послѣднихъ депешахъ Коленкуру, такъ и въ наставленіяхъ Лористону поручалось обратить особенное вниманіе именно на этотъ вопросъ. Это опасеніе дѣйствительно питалъ Наполеонъ въ то время, но скрывалъ и какъ

бы нечаянно выразилъ его въ разговорѣ съ графомъ Шуваловымъ. Торговля съ нейтральными казалась ему первымъ шагомъ нашего желанія сблизиться съ Англіей. Поэтому, на слова императора Александра Коленкуръ отвѣчалъ, что и независимо отъ войны между Россіей и Франціей положеніе дѣлъ можетъ быть таково, что по своей важности можетъ равняться войнѣ, что тайное желаніе Россіи, присоединивъ Дунайскія княжества и заключивъ миръ съ Турками, сблизиться съ Англіей и возобновить торговыя сношенія съ нею, императоръ Наполеонъ сочтетъ совершенно одинаковымъ съ объявленіемъ ему войны.

„О сближеніи съ Англіей я вовсе не думаю“, сказалъ Александръ. — „Окончивъ войну съ Турками, присоединивъ къ моей имперіи Финляндію, Молдавію и Валахію, я буду считать политическія и военныя дѣйствія моего царствованія оконченными. Я не хочу подвергать себя новымъ случайностямъ, я хочу спокойно пользоваться тѣмъ, что́ пріобрѣлъ, и заботиться о просвѣщеніи моей имперіи, а не объ увеличеніи ея предѣловъ. Чтобы сблизиться съ Англіей, я долженъ бы разорвать союзъ съ Франціей, слѣдовательно, вызвать войну съ нею, которую я считаю самою для себя опасною. И съ какою цѣлію? Чтобы служить Англіи, чтобы поддерживать ея морскія теоріи, которыхъ я вовсе не раздѣляю? Это было бы безуміемъ съ моей стороны. Окончивъ войну съ Турками, я желаю оставаться въ мірѣ, довольный моими пріобрѣтеніями, весьма незначительными въ сравненіи съ вашими, какъ говорятъ противники политики Тильзитскаго договора, но достаточными въ моихъ глазахъ. Я остаюсь вѣренъ этой политикѣ, мои порты останутся закрытыми для торговли съ Англіей; но я вамъ уже говорилъ, и теперь повторяю, что не могу запретить моимъ подданнымъ всякую вообще торговлю и особенно съ Американцами. Конечно, этимъ путемъ входитъ въ Россію нѣсколько англійскихъ товаровъ, но вы впускаете ихъ во Францію по крайней мѣрѣ столько же вашими исключительными разрѣшеніями (vos licences) и особенно вашимъ тарифомъ, облагающимъ ихъ пошлиною въ 50 на сто. Не могу-жь я стѣснить себя болѣе, нежели вы сами себя стѣсняете. На этомъ надо остановиться, и я прямо вамъ объявляю, что не прійму никакихъ болѣе стѣснительныхъ мѣръ въ отношеніи, къ нашей торговлѣ, хотя бы мнѣ угрожала война“.

Выразивъ рѣшительно свой взглядъ на нейтральную торговлю, императоръ изъявилъ готовность положиться на добросовѣстность Наполеона, предоставляя ему разрѣшить недоумѣнія, возникшія по

другимъ вопросамъ, составлявшимъ предметъ пререканій между Россіей и Франціей. „Хотя Поляки слишкомъ шумятъ, причиняютъ мнѣ много затрудненій, провозгласивъ во всеуслышаніе скорое возстановленіе Польши", говорилъ онъ Коленкуру, — „однако я полагаюсь въ этомъ случаѣ на обѣщанія Наполеона, хотя онъ и отказался подписать конвенцію". Въ дѣлѣ Ольденбургскомъ онъ желалъ только, чтобы соблюдено было *приличіе* и вознагражденіе, назначаемое герцогу, не представлялось бы насмѣшкою. На желаніе Коленкура, чтобъ императоръ Александръ самъ указалъ, чѣмъ можно вознаградить герцога, онъ отвѣчалъ: „Гдѣ вы хотите, чтобъ я указалъ ему вознагражденіе? Въ Польшѣ? Императоръ Наполеонъ скажетъ, что я желаю раздробить герцогство Варшавское и изъ-за Польши хочу воевать съ нимъ. Еслибъ онъ предложилъ все герцогство Варшавское, то и тогда я не согласился бы. Въ Германіи? Онъ скажетъ германскимъ государямъ, что я хочу ихъ разворять!" [1]).

Конечно, поступокъ Наполеона съ герцогомъ Ольденбургскимъ былъ оскорбителенъ для императора Александра. Онъ долженъ былъ, какъ самъ говорилъ Коленкуру, протестовать, чтобы поддержать свое достоинство, какъ предъ своимъ народомъ, такъ и передъ Европою. Но и въ самомъ-протестѣ онъ заявилъ, что этотъ поступокъ не послужилъ поводомъ ни къ разрыву союза съ Франціей, ни къ войнѣ съ нею. Считая его личнымъ оскорбленіемъ, Александръ изъявилъ даже готовность положиться на добросовѣстность императора Наполеона, предоставляя ему самому вознаградить герцога и изгладить то впечатлѣніе, которое онъ произвелъ во всей Европѣ. Но уступая въ личномъ вопросѣ, Русскій императоръ положилъ рѣшительный предѣлъ всѣмъ требованіямъ Франціи въ отношеніи къ вопросу о нейтральной торговлѣ, отъ котораго зависѣло благосостояніе Россіи.

Новый посланникъ не привезъ никакихъ новыхъ извѣстій императору, — его наставленія заключали лишь то, что̀ поручалось говорить и что̀ говорилъ Коленкуръ. Но и Коленкуръ, и Лористонъ все-таки говорили о вопросахъ, на которые, не теряя своего достоинства, могли отвѣчать Русскій императоръ и его кабинетъ; но письмо Наполеона, которое привезъ къ императору Александру новый французскій посланникъ, выходило изъ предѣловъ даже простаго приличія. Вотъ это письмо:

„Лишь только я узналъ отъ герцога Виченцскаго, что назначеніе

[1]) *Thiers*, Histoire de l'empire, liv. XXIII; *Bignon*, Histoire de France, гл. XXVI.

Лористона пріятно вашему величеству, какъ немедленно приказалъ ему отправиться къ мѣсту его назначенія. Я посылаю къ вамъ человѣка неопытнаго въ дѣлахъ, но прямаго и честнаго и пользующагося моимъ расположеніемъ. Однакоже, я каждый день получаю извѣстія о Россіи вовсе не мирнаго свойства. Вчера я узналъ изъ Стокгольма, что русскія дивизіи выведены изъ Финляндіи и должны приблизиться къ границамъ герцогства Варшавскаго. Незадолго передъ тѣмъ меня извѣстили изъ Бухареста, что пять дивизій выступили изъ Дунайскихъ княжествъ, чтобы двинуться въ Польшу, и что на Дунаѣ войска вашего величества остались лишь въ числѣ четырехъ дивизій. Всѣ эти произшествія доказываютъ только, что *повтореніе* есть одна изъ самыхъ сильныхъ фигуръ въ реторикѣ. Вашему величеству такъ часто повторяли о моемъ недоброжелательствѣ, что поколебали ваше довѣріе ко мнѣ. Русскія войска оставляютъ ту границу, на которой необходимо ихъ присутствіе, чтобы перейдти туда, гдѣ у вашего величества только друзья. Но я долженъ былъ обратить вниманіе на эти дѣйствія и принять съ своей стороны предосторожности. Мои приготовленія послужатъ поводомъ для вашего величества увеличивать свои, а это, въ свою очередь, заставитъ и меня увеличивать мои вооруженія; между тѣмъ, все это вызвано пустыми призраками. Я вижу въ этомъ повтореніе того, что дѣлалось въ Пруссіи въ 1807 году и въ Австріи въ 1809.

„Что касается меня, я останусь другомъ особы вашего величества, если даже эта слѣпая судьба, увлекающая Европу, вынудитъ, наконецъ, оба народа выступить другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ. Я буду соображать свои дѣйствія съ дѣйствіями вашего величества и никогда не начну войны, и мои войска не двинутся впередъ до тѣхъ поръ, пока ваше величество не разорветъ Тильзитскаго договора. Я первый готовъ обезоружиться и привести дѣла въ то положеніе, въ которомъ они находились годъ тому назадъ, если ваше величество возвратите мнѣ ваше довѣріе. Имѣли ли вы поводъ раскаяваться въ томъ довѣріи, которое вы ко мнѣ питали? Я поручаю особенно графу Лористону передать, что желаю вамъ всякаго счастія, — какъ непріятно мнѣ думать, что васъ смущаютъ ложные слухи о моей политикѣ и моихъ чувствахъ, и какъ я былъ бы счастливъ, еслибы вы возвратились на тотъ путь, по которому слѣдовали въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ“ [1]).

---

[1]) Письмо изъ Парижа 6-го апрѣля н. ст. 1811 г.

Въ этомъ письмѣ не было ни слова правды. Наполеонъ очень хорошо зналъ и даже признавался впослѣдствіи, что условія Тильзитскаго договора были имъ самимъ много разъ нарушены; онъ зналъ и то, что вооруженія Россіи были послѣдствіемъ его вооруженій, и что слухамъ о сосредоточеніи нашихъ силъ на границахъ Варшавскаго герцогства нельзя вѣрить уже потому, что ихъ сообщали ему Поляки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ часто заявлялъ, что въ Россіи есть собственно одинъ человѣкъ, который искренно къ нему расположенъ — это императоръ Александръ; иногда онъ говорилъ: два, присоединяя сюда графа Румянцева. Но въ такомъ случаѣ можно ли было говорить этому единственному человѣку и притомъ Русскому императору, что самъ онъ не видитъ ничего и не понимаетъ, а дѣйствуетъ подъ вліяніемъ посторонннихъ внушеній, часто повторяемыхъ, и напоминать о фигурахъ схоластической реторики?

Естественно, подобное письмо не могло произвести благопріятнаго впечатлѣнія на императора Александра, особенно если къ этому присоединить, что новый посланникъ Франціи не привезъ никакихъ новыхъ наставленій, которыя могли бы пособить разрѣшенію недоразумѣній, существовавшихъ между двумя имперіями, но даже дать приличный поводъ къ началу новыхъ переговоровъ, какъ того желалъ императоръ Французовъ. Такое настроеніе императора Александра было такъ сильно, что явно выразилось въ слѣдующемъ его отвѣтѣ на письмо Наполеона:

„Мирныя выраженія письма и точно такія же заявленія вашего посланника доставили бы мнѣ большое удовольствіе, еслибъ ихъ подтверждали самыя событія. Извѣстія о движеніи моихъ войскъ, о которыхъ ваше величество упоминаете, совершенно ложны. Я убѣдилъ въ томъ вашего посланника, показавъ ему во всей подробности размѣщеніе моихъ войскъ, и предлагалъ даже ему послать своего адъютанта повѣрить его на мѣстахъ. Дивизіи, находившіяся въ Финляндіи, никогда не оставляли ея и теперь находятся тамъ въ числѣ трехъ. Изъ пяти дивизій Молдавской арміи, о которыхъ вы упоминаете, три еще тамъ находятся, а двѣ подвинуты къ Днѣстру, а не къ границамъ герцогства Варшавскаго, какъ это было донесено вашему величеству. Слѣдовательно, моя Молдавская армія не убавлена до четырехъ дивизій, но состоитъ изъ семи. Никакого сбора войскъ не дѣлалось съ моей стороны на границахъ Варшавскаго герцогства, никакіе даже отряды не приближались къ этимъ границамъ. Конечно, распоряженіе, уменьшающее силу моей Молдавской арміи, весьма для меня не-

выгодно, препятствуя развитію военныхъ дѣйствій на Дунаѣ; но оно вынуждено благоразумною осторожностію. Таково положеніе моихъ дѣлъ. Между тѣмъ, въ то самое время какъ графъ Лористонъ передавалъ мнѣ письмо вашего величества, и съ своей стороны, выражалъ самыя успокоительныя увѣренія, я получилъ положительныя извѣстія о сборѣ и приведеніи на военное положеніе саксонскихъ войскъ, вслѣдствіе приказанія вашего величества, а равно и о движеніи французской кирасирской дивизіи для соединенія съ ними. И такъ, кто же изъ насъ двухъ приготовляется къ войнѣ? Моя армія занимаетъ постоянныя свои квартиры, а ваша вся въ движеніи. Всѣ эти данныя могутъ достаточно объяснить, справедливы ли выражаемые вами упреки, и я ли подалъ поводъ къ передвиженію вашихъ войскъ. Ваше величество указываете мнѣ на то, что случилось съ Пруссіей въ 1807 и съ Австріей въ 1809 годахъ. Позволю себѣ замѣтить на это, что обѣ указанныя эпохи не имѣютъ никакого сходства съ настоящею. Пруссія и Австрія желали войны, а я не хочу воевать, я ни отъ кого ничего не домогаюсь и не ищу пріобрѣтеній. Я желаю только точнаго исполненія Тильзитскаго договора; а ваше величество нарушили одно изъ его условій, лишивъ мое семейство владѣнія, которое принадлежало ему въ продолженіе девяти вѣковъ. Не смотря на то, я поручилъ герцогу Виченцскому объявить вамъ, что я удовольствуюсь возстановленіемъ силы этого договора въ его цѣлости. Позволяю себѣ думать, что этотъ поступокъ съ моей стороны довольно умѣренъ. Я надѣялся, что послѣ шестимѣсячнаго ожиданія по́лучу отъ графа Лористона свѣдѣнія о вашихъ намѣреніяхъ въ этомъ отношеніи, но убѣдился въ противномъ.

„Повторяю снова, я не питаю никакихъ властолюбивыхъ видовъ, не желаю разширять предѣлы моего государства, а желаю только спокойствія и безопасности. То, что̀ совершилось въ послѣднее время, оправдываетъ мои опасенія, и ваше величество, конечно, согласитесь со мною, что я имѣю право требовать, чтобы нашъ союзъ и вообще наши отношенія не подавали повода къ сомнѣніямъ“ [1]).

Вручая это письмо на прощальномъ свиданіи Коленкуру, императоръ Александръ, въ присутствіи Лористона, снова со всею подробностію высказалъ свой взглядъ на отношенія къ Франціи и ея повелителю и поручалъ какъ тому, такъ и другому, довести его въ точности до свѣдѣнія императора Наполеона. „Впрочемъ“, сказалъ

[1]) Письмо 6-го мая 1811 г.

онъ, обращаясь къ графу Лористону,—„вамъ также не повѣрятъ, какъ и Коленкуру; скажутъ, что я васъ увлекъ, соблазнилъ, что вы попались въ мои сѣти и сдѣлались болѣе Русскимъ, нежели Французомъ".

Дѣйствительно, генералъ Лористонъ писалъ своему правительству то же самое о намѣреніяхъ императора Александра, что̀ и его предшественникъ, и даже съ большею рѣшительностію. „Я могу видѣть только то, что̀ дѣйствительно вижу", доносилъ онъ, — „и описывать то, что̀ вижу. Положеніе дѣлъ таково, какъ я его описалъ, и если не хотятъ удовольствоваться единственно возможными уступками, то будетъ война, а будетъ потому, что вы сами ея хотите. Но эта война будетъ ужасная, судя по всему тому, что̀ я вижу здѣсь и что̀ замѣчалъ на моемъ пути".

Извѣстія Лористона произвели однако совершенно иное впечатлѣніе на императора Французовъ, нежели извѣстія его предшественника, и онъ не говорилъ о немъ, какъ о Коленкурѣ, что онъ сдѣлался Русскимъ. Впрочемъ, онъ остался весьма доволенъ и тѣми сообщеніями, которыя ему изустно заявилъ, возвратившись изъ Петербурга, Коленкуръ, и которыя ничѣмъ не различались съ прежними извѣстіями и даже съ письмомъ императора Александра. Убѣдясь, что Россія не начнетъ войны, не откроетъ наступательныхъ дѣйствій въ этомъ году, Наполеонъ радовался тому, что имѣетъ въ своемъ распоряженіи достаточно времени, чтобы приготовиться къ нанесенію ей болѣе сильнаго удара, чѣмъ какъ предполагалъ прежде. Онъ въ этомъ смыслѣ писалъ къ маршалу Удино и усилилъ военныя приготовленія, намѣреваясь напасть на Россію не съ 400, но уже съ 600 тысячами войска [1]). Герцогъ Бассано немедленно сообщилъ князю Куракину, что императоръ Наполеонъ остался весьма доволенъ извѣстіями, сообщенными Коленкуромъ и Лористономъ, и особенно увѣдомленіемъ послѣдняго о словахъ, сказанныхъ ему императоромъ Александромъ, что онъ возвратилъ бы въ свою Дунайскую армію вызванныя оттуда дивизіи, еслибъ императоръ Наполеонъ убавилъ на половину гарнизонъ Данцига. „Это въ первый разъ", говорилъ Бассано, — „вашъ кабинетъ сознался, что вызвалъ пять дивизій съ Дуная. Это откровенное заявленіе было очень пріятно императору. Какъ жаль, что не объяснились прежде, тогда не пришлось бы прибѣгать къ нѣкоторымъ военнымъ приготовленіямъ".

„Но по крайней мѣрѣ теперь", отвѣчалъ князь Куракинъ, когда

---

[1]) *Тьеръ.* Histoire de l'empire, liv. XXIII.

послѣдовало объясненіе,—„я смѣю надѣяться, что императоръ Наполеонъ поспѣшитъ исполнить желаніе моего государя, чтобы тѣмъ доказать свою дружбу къ нему, и сдѣлаетъ распоряженіе объ уменьшеніи Данцигскаго гарнизона."

„Судя по отвѣту, который получилъ я на этотъ вопросъ", увѣдомлялъ князь Куракинъ нашъ дворъ, — „мнѣ кажется, императоръ Наполеонъ не расположенъ рѣшиться на эту мѣру такъ скоро, какъ мы бы желали. Герцогъ Бассано сказалъ мнѣ, что это можетъ быть только послѣдствіемъ общихъ переговоровъ, которые устранятъ всѣ пререканія, существующія между двумя имперіями". Эти пререканія онъ считалъ далеко не на столько важными, чтобъ онѣ могли повести къ разрыву; но напротивъ того, выражалъ увѣренность, что устранить ихъ очень легко, на предстоящихъ переговорахъ, къ которымъ французское правительство готово приступить немедленно, лишь только князь Куракинъ получитъ *полномочія* отъ своего правительства. Но выражая это мирное расположеніе со стороны Франціи, герцогъ Бассано сообщилъ нашему посланнику, по приказанію императора Наполеона, что онъ намѣренъ увеличить свои войска въ Германіи съ цѣлію обезпечить сѣверные берега отъ нападенія Англичанъ. Дѣйствительно, 32 баталіона перешли Рейнъ и двинулись къ Эльбѣ; для усиленія войскъ маршала Удино устроенъ былъ укрѣпленный лагерь при Утрехтѣ, и Саксонская армія приведена въ военное положеніе. Но въ то же время изъ Данцига были отозваны два баталіона Вестфальцевъ, и объ этомъ поручено было трубить всѣмъ газетамъ Франціи и Германіи, какъ о признакѣ миролюбивой политики императора Французовъ, рѣшившагося на уменьшеніе Данцигскаго гарнизона. Сообщая объ этихъ распоряженіяхъ нашему двору, князь Куракинъ писалъ графу Румянцеву, что не считаетъ нужнымъ „входить въ какія бы то ни было соображенія объ этихъ дѣйствіяхъ, которыя говорятъ сами за себя. Я позволю себѣ только припомнить вашему сіятельству", продолжалъ онъ,—„что подъ тѣмъ же самымъ предлогомъ былъ значительно увеличенъ Данцигскій гарнизонъ въ началѣ этого года, а между тѣмъ, нѣсколько недѣль спустя послѣ такихъ же увѣреній герцога Кадорскаго, какія повторилъ теперь герцогъ Бассано, самъ императоръ Наполеонъ, при свиданіи въ Сенъ-Клу, безъ всякихъ оговорокъ объявилъ мнѣ, что онъ принужденъ былъ усилить укрѣпленія Данцига и увеличить его гарнизонъ, чтобы обезпечить его отъ нападеній съ нашей стороны" [1]).

[1]) Депеши князя Куракина графу Румянцеву $^{2}/_{14}$ и $^{4}/_{16}$ іюля.

Такія распоряженія Наполеона, конечно, не внушали надежды нашему посланнику, что новые переговоры, которыхъ такъ настоятельно требовало французское правительство, поведутъ къ какимъ нибудь соглашеніямъ. Онъ считалъ долгомъ просить полномочій у нашего правительства, чтобъ отклонить впослѣдствіи упрекъ, будто бы Россія отказалась отъ мирнаго разрѣшенія недоразумѣній; но былъ увѣренъ, что императоръ Наполеонъ только желаетъ выиграть время, и полагалъ, что эти переговоры могли бы еще повести къ достиженію цѣли лишь въ томъ случаѣ, „еслибъ Веллингтону удалось одержать хорошую побѣду надъ Французами въ Испаніи и намъ заключить миръ съ Турками. Съ самой женитьбы Наполеона", говорилъ Куракинъ,—„уже сдѣлалось явнымъ для всѣхъ, что онъ намѣренъ воевать съ Россіей, и что эта война не можетъ имѣть другой цѣли, какъ вдвинуть ее въ прежніе предѣлы, то-есть, отнять всѣ пріобрѣтенія отъ Швеціи и Польши, возстановить это королевство, и однимъ словомъ, поставить Россію въ то положеніе, въ которомъ она находилась до славнаго царствованія Петра Великаго, сдѣлать ее азіатскою державой, лишить того значенія, которое она имѣетъ въ Европѣ" [1]). Возможность заключенія нами мира съ Турками чрезвычайно озабочивала императора Наполеона, и онъ употреблялъ всѣ средства, чтобы предотвратить это непріятное для него событіе. При частыхъ посѣщеніяхъ герцога Бассано, нашъ посланникъ постоянно встрѣчалъ въ его залахъ посланника Оттоманской Порты. Извѣстіе о побѣдѣ при Рущукѣ сильно смутило Наполеона, но не надолго,—вслѣдъ затѣмъ было получено извѣстіе объ отступленіи нашихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная. что̀, конечно, подало поводъ предполагать, что при Рущукѣ мы не только не побѣдили Турокъ, но напротивъ, потерпѣли пораженіе и должны были отступить. „Это извѣстіе", доносилъ князь Куракинъ,—„герцогъ Бассано получилъ въ то время, когда императоръ Наполеонъ былъ въ театрѣ. Онъ немедленно отправился къ нему въ ложу, чтобы сообщить эту *добрую вѣсть*, которая произвела такое на его величество впечатлѣніе, какое трудно и выразить. Лица, которыя присутствовали при его отправленіи ко сну (à son coucher) увѣряютъ, что рѣдко приходилось имъ видѣть его въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, такимъ веселымъ и довольнымъ, какъ въ этотъ вечеръ. Онъ имѣлъ причины радоваться, потому что для него

[1]) Депеши князя Куракина $^{5}/_{17}$ іюля и $^{3}/_{15}$ августа, частное письмо къ графу Румянцеву $^{4}/_{16}$ августа 1811 г.

всего было бы непріятнѣе — потерять эту диверсію, которая такъ благопріятствуетъ его намѣреніямъ“ [1]).

Намѣренія Наполеона были очень хорошо извѣстны императору Александру, и онъ не сомнѣвался въ нихъ болѣе. Когда Лористонъ говорилъ ему объ отозваніи двухъ вестфальскихъ баталіоновъ изъ Данцига, онъ отвѣчалъ ему, что 32 баталіона перешли Рейнъ и идутъ на подкрѣпленіе войскъ Удино. „Впрочемъ“, прибавилъ онъ,—„я не отстаю отъ императора Наполеона, онъ заставилъ отступить два баталіона, а я—цѣлую дивизію“ [2]). Поэтому императоръ Александръ не соглашался, не смотря на усиленныя просьбы Лористона, ни объявить, какого желаетъ вознагражденія для герцога Ольденбургскаго, ни отправить уполномоченнаго въ Парижъ для новыхъ переговоровъ. Поэтому и князь Куракинъ не получалъ не только новыхъ полномочій, но даже отвѣта на свои требованія оныхъ. Напротивъ того, въ концѣ іюля ему поручено было объявить французскому правительству, что Русскій императоръ считаетъ достаточными тѣ полномочія, которыми онъ ужь облеченъ въ качествѣ посланника, для того, чтобы вести переговоры о тѣхъ предложеніяхъ, которыя могутъ быть ему сдѣланы со стороны Тюльерійскаго кабинета. Всѣ дѣйствія Русскаго императора — говорилось въ предписаніи князю Куракину—могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что онъ постоянно желалъ сохранить союзъ съ Франціей, что̀ засвидѣтельствуютъ, конечно, Французскому императору, какъ герцогъ Виченцскій, такъ и графъ Лористонъ. Поэтому его намѣреніе заключается вовсе не въ томъ, чтобы поспѣшить вступленіемъ въ новые переговоры, а въ томъ, чтобъ устранить поводы къ несогласіямъ и притомъ прочнымъ способомъ, одинаково удовлетворительнымъ какъ для Россіи, такъ и для Франціи, и который уничтожилъ бы навсегда происки тѣхъ, кто желаетъ разорвать этотъ союзъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, его величество императоръ Александръ съ полною довѣренностію обращается къ императору Наполеону, своему союзнику, чтобъ онъ самъ нашелъ средство успокоить Европу и устранить повсюду распространившуюся тревогу, въ виду слуховъ о скоромъ разрывѣ между двумя имперіями, союзъ которыхъ служилъ ручательствомъ продолжительнаго и благотворнаго мира.

---

[1]) Депеша Куракина $^{6}/_{17}$ іюля и $^{5}/_{17}$ августа 1811 г.

[2]) Графъ Кутузовъ, принявъ начальство надъ Дунайскою арміей, возвратилъ назадъ одну изъ пяти дивизій, слѣдовавшихъ уже къ Днѣстру въ это время.

Въ этомъ заявленіи повторялась та мысль, которую императоръ Александръ уже выразилъ прежде въ собственноручномъ письмѣ къ Наполеону; но теперь онъ поручалъ своему посланнику дополнить ее слѣдующими объясненіями: Русскій императоръ питаетъ надежду, основываясь на словахъ самого императора Наполеона, употребленныхъ имъ въ послѣдней рѣчи законодательному собранію, въ которой объявлялось о присоединеніи Голландіи къ Франціи, объ *условномъ* занятіи сѣверныхъ областей Германіи и о томъ, что герцогство Ольденбургское будетъ возвращено его законному владѣтелю. Это единственный способъ разрѣшенія вопроса, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаетъ Русскій императоръ. Такимъ объясненіемъ императоръ Александръ желалъ положить конецъ переговорамъ о вознагражденіи герцога Ольденбургскаго и давалъ понять, что не вѣритъ искренности Тюльерійскаго кабинета. Передавая изложенныя соображенія герцогу Бассано, князь Куракинъ прибавилъ, что постоянное повтореніе требованія о томъ, чтобы русское правительство опредѣлило способъ вознагражденія герцога, измѣняя сущность самого вопроса, только затрудняетъ его разрѣшеніе. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы чѣмъ-нибудь обезпечить существованіе герцога Ольденбургскаго, но о томъ, чтобы возвратить ему законное его владѣніе, устроенное по желанію Россіи и обезпеченное особою статьею Тильзитскаго договора. Въ этомъ смыслѣ и былъ заявленъ нашимъ правительствомъ протестъ передъ лицомъ всей Европы о незаконномъ присоеніи этого герцогства Франціей.

Такія заявленія крайне смутили герцога Бассано. Въ нихъ ясно выражались, что на материкѣ Европы есть, кромѣ Франціи, еще держава, которая считаетъ себя вполнѣ независимою, а не находящеюся въ покорныхъ къ Франціи отношеніяхъ, и что эта держава твердо рѣшилась сохранить за собою свободу дѣйствій и самостоятельность. Герцогъ понялъ смыслъ этихъ заявленій и смутился, зная, какое впечатлѣніе они произведутъ на его повелителя, признававшаго только свой произволъ рѣшителемъ судебъ всего міра, и какую, вѣроятно, прійдется ему выдержать бурю.

„Изъ вашихъ сообщеній я вижу“, отвѣчалъ онъ князю Куракину,—„что наши отношенія не подвинулись впередъ, и мы остаемся въ томъ же положеніи, въ какомъ находились до полученія вами этихъ новыхъ наставленій отъ вашего двора. Вамъ отказываютъ въ полномочіяхъ, а безъ нихъ не возможно приступить къ новымъ переговорамъ, которые безъ сомнѣнія устранили бы весьма легко всѣ недо-

разумѣнія, послужившія поводомъ къ пререканіямъ. Вамъ не только не объявляютъ, что̀ желали бы получить въ вознагражденіе герцогу Ольденбургскому, но изъ вашихъ сообщеній видно, что императоръ Александръ желаетъ, чтобы герцогу возвращено было его прежнее владѣніе. Но это рѣшительно невозможно. Это могло бы еще устроиться въ дружескихъ переговорахъ, если бы къ нимъ приступила Россія прежде, нежели вооружилась. Не съ оружіемъ ли въ рукахъ можетъ императоръ Александръ предъявлять подобное требованіе и ожидать согласія на него со стороны императора Наполеона. Императоръ Французовъ не можетъ отступиться отъ принятаго уже имъ рѣшенія, торжественно заявленнаго и приведеннаго въ исполненіе. Это затрогиваетъ его честь; онъ ничего не можетъ сдѣлать; что̀ стала бы говорить Европа! Графъ Румянцевъ, вѣроятно, писалъ вамъ свою депешу, не зная, что императоръ Наполеонъ сказалъ прямо депутатамъ новыхъ департаментовъ, что они навсегда присоединяются ко Франціи. Впрочемъ", прибавилъ герцогъ,—„я не могу вести съ вами никакихъ переговоровъ, вы не получили на то полномочій".

„Еслибъ я даже и получилъ новыя уполномочія", замѣтилъ ему князь Куракинъ,—„то это не измѣнило бы хода дѣла, я не могъ бы рѣшиться своею властію ни на какія окончательныя заключенія, а конечно, спесся бы предварительно съ своимъ кабинетомъ и просилъ бы его разрѣшенія довести доставленныя имъ мнѣ извѣстія до свѣдѣнія императора Наполеона и затѣмъ сообщить въ Петербургъ отвѣтъ императора".

Но ожиданія князя Куракина — получить отвѣтъ Наполеона не оправдались. Сначала герцогъ Бассано говорилъ ему, что передалъ всѣ извѣстія императору, но что Наполеонъ ничего не отвѣчалъ. Затѣмъ послѣ продолжительныхъ настояній нашего посланника, герцогъ заявилъ, что онъ не считаетъ нужнымъ отвѣчать на нихъ ни словесно, ни на письмѣ.

Унизительное положеніе нашего посланника вслѣдствіе отказа отвѣчать на заявленія русскаго правительства, и крайнее неприличіе такого поступка въ отношеніи къ нашему кабинету, конечно, вовсе не обращали на себя вниманія императора Наполеона: но по личному своему характеру, онъ не могъ сохранить надолго сдержаннаго положенія, когда его самолюбіе было задѣто за живое, и ему показали явно, что поняли каковъ онъ есть, а не какимъ желаетъ казаться. Онъ подготовилъ нашему посланнику точно такую сцену, какія устроилъ лорду Витворту въ 1803 году, передъ разрывомъ Аміенскаго до-

говора, и графу Меттерниху въ 1809 году передъ началомъ послѣдней войны съ Австріей.

3/15-го августа, въ день именинъ императора, былъ большой пріемъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ всѣхъ высшихъ чиновъ имперіи, духовныхъ и свѣтскихъ, всего дипломатическаго корпуса и высшаго Парижскаго общества. Послѣ утренняго пріема, торжественной обѣдни въ дворцовой капеллѣ, парадnаго обѣда и вечернихъ увеселеній, въ то время, когда всѣ присутствовавшіе уже начали разъѣзжаться, и для самой императорской семьи готовы были экипажи, чтобы возвратиться въ Сенъ-Клу, императоръ Наполеонъ встрѣтилъ въ тронной залѣ князя Куракина и началъ съ нимъ разговоръ, продолжавшійся болѣе двухъ часовъ. Онъ началъ съ того, что выразилъ неудовольствіе на послѣднія сообщенія, которыя получилъ нашъ посланникъ отъ своего двора.

„Они не объясняютъ ничего“, говорилъ онъ,—„не приводятъ ни къ какому заключенію, которое такъ должно быть желательно для обѣихъ сторонъ. Я поручилъ герцогу Бассано сказать вамъ, что вмѣсто того, чтобъ идти впередъ, мы сдѣлали шагъ назадъ. Вашъ дворъ рѣшительно не хочетъ объясниться и отвѣчать на попытки къ соглашенію, которыя мы дѣлаемъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Я желаю вознаградить герцога Ольденбургскаго, но Россія молчитъ и не говоритъ, чего хочетъ. Вамъ не сообщили полномочій, которыхъ я желалъ, и поэтому нельзя вступать съ вами въ переговоры и заключить договоръ, который такъ для насъ необходимъ. Вы не можете увѣрять, что эти полномочія для васъ излишни, что вы, какъ посланникъ, имѣете уже достаточныя полномочія; я знаю, что они недостаточны для того, чтобы вести и окончить переговоры, еслибъ я велѣлъ ихъ начать съ вами“.

Затѣмъ Наполеонъ распространился о томъ, что Россія не имѣетъ никакихъ непосредственныхъ правъ на Ольденбургъ, что это герцогство принадлежитъ къ Рейнскому союзу, и что онъ, какъ покровитель союза, могъ бы предать герцога имперскому суду за нарушенія имъ своихъ обязанностей, за то, что онъ не прислалъ своего военнаго контингента во время войны съ Австріей и за постоянную контрабанду съ Англіей.

„Не смотря на то“, говорилъ Наполеонъ,—„я желаю его вознаградить вполнѣ, но вы не указываете чѣмъ, у васъ есть заднія мысли, вы хотите Данцига, но я не могу его уступить, такъ какъ Россія уже вооружилась; вы хотите части Варшавскаго герцогства, но на это я никогда не соглашусь: моя честь обязываетъ меня сохранить

цѣлость этого новаго государства, созданнаго мною. Я обѣщалъ и сдержу свое слово,—не уступлю ни на шагъ земли въ герцогствѣ, ни одной деревни. Я отдалъ его Саксонскому королю, извѣстному своимъ благоразуміемъ, именно для того, чтобъ избавить Россію отъ вѣчныхъ опасеній. Если я увеличилъ герцогство Варшавское, присоединивъ къ нему Галицію, то этого требовала моя честь: во время войны съ Австріей, Поляки приняли мою сторону. Вы хотите захватить герцогство Варшавское, но мой долгъ побуждаетъ меня этому воспротивиться. Я не хочу войны, но вы меня вызываете. Постоянно увеличивая вооруженія, дѣлая для этого значительныя пожертвованія, я прійду наконецъ къ невозможности продолжать ихъ далѣе и долженъ буду начать войну. Но я ея не хочу, не пойду ее искать на дальнемъ сѣверѣ, я не намѣреваюсь возстановить Польшу. Я заявилъ объ этомъ въ рѣчи законодательной палатѣ, я это сказалъ князю Понятовскому. Поляки это знаютъ. Но когда я буду принужденъ начать войну, то конечно, могу потерпѣть пораженіе; если не потерплю, то возстановленіе Польши будетъ первымъ ея послѣдствіемъ. Но я и теперь готовъ въ этомъ отношеніи успокоить Россію, готовъ дать какія хотите обезпеченія и гарантію со стороны Австріи, готовъ заключить конвенцію въ томъ же родѣ, какъ мы было заключили, но которую я не могъ утвердить только изъ-за одного слова, изъ-за выраженія, которое графъ Румянцевъ непремѣнно желалъ въ ней сохранить, на что̀ я согласиться не могъ, потому что нельзя согласиться на то, что̀ въ исполненіи превышало человѣческія силы. Я согласенъ заключить конвенцію, только бы графъ Румянцевъ не настаивалъ на выраженіи, что *Польша никогда не будетъ возстановлена*".

Подагрикъ князь Куракинъ, едва вынося продолжительное стояніе, старался однако же сохранить спокойное и даже улыбающееся выраженіе лица, какъ онъ доносилъ потомъ канцлеру,—и пытался возражать Наполеону; но онъ, едва выслушивая первыя слова, перерывалъ его и возобновлялъ свою рѣчь. Особенно князь желалъ отклонить обвиненіе, что Россія вызываетъ Францію на войну, и началъ было въ сотый разъ повторять увѣренія въ желаніи императора Александра поддержать мирныя и дружескія отношенія съ своимъ союзникомъ...

„А вашъ манифестъ по Ольденбургскому дѣлу!" прервалъ его Наполеонъ.

Русскій посланникъ началъ было говорить, что это простое заявленіе своихъ правъ, которое не нарушаетъ союза съ Франціей...

„Нѣтъ“, прервалъ Наполеонъ, — „это формальный протестъ, вы обозвали меня грабителемъ (spoliateur) передъ Германіей, передъ Рейнскимъ союзомъ. Что касается до выраженія въ этомъ протестѣ чувствъ императора о желаніи сохранить союзъ, то это обычныя условныя формы, которыя не имѣютъ значенія. Этимъ манифестомъ вы вызываете меня на войну. Мнѣ извѣстно, что этотъ манифестъ не произвелъ того впечатлѣнія на Пруссію и Австрію, какого вы ожидали. Пруссія не забыла, что вы взяли у нея Бѣлостокъ, и Австрія помнитъ, что для округленія границъ вы охотно отрѣзали у нея нѣсколько округовъ Галиціи. Я понимаю, что присоединеніе Гамбурга могло не понравиться Россіи въ виду его торговыхъ отношеній съ нею; но я не понимаю теперешняго образа дѣйствій Россіи и ея предначертаній. Въ Россіи есть люди съ дарованіями, но что́ у васъ дѣлается показываетъ мнѣ, что вы или потеряли голову, или питаете задніе мысли. Въ первомъ случаѣ вы походите на зайца, у котораго дробь въ головѣ, и который кружится то въ ту, то въ другую сторону, не зная куда побѣжитъ и куда добѣжитъ. Или же вы слушаете внушеній Англіи, которая увѣряетъ, что я намѣренъ воевать съ вами. Не понимая, что́ вы дѣлаете, я поступаю какъ человѣкъ въ состояніи природы: не понимая, онъ наблюдаетъ, и при видѣ, что направляются въ его сторону, не довѣряетъ и готовится къ защитѣ. Вы воюете съ Англіей, воюете съ Турками, да еще и ссоритесь съ Франціей. Я полагалъ, что свелъ свои счеты съ Россіей въ Тильзитѣ подъ Фридландомъ и Аустерлицемъ, такъ какъ разчитался съ Австріей, поведеніемъ которой по заключеніи послѣдняго мира я очень доволенъ. Она думала воспользоваться моею войною въ Испаніи и возвратить то, что́ прежде потеряла, но она раскаялась въ этомъ“.

Постоянно увѣряя, что Россія прежде него начала свои вооруженія и тѣмъ побудила и его приступить къ военнымъ приготовленіямъ, Наполеонъ перечислилъ всѣ громадныя силы, которыя приготовилъ и еще намѣренъ приготовить: „Своими вооруженіями вы уже нанесли себѣ большой вредъ; отведя пять дивизій изъ Дунайской арміи, вы лишили себя средствъ нанесть сильный ударъ Туркамъ и тѣмъ принудить ихъ къ заключенію выгоднаго для васъ мира. Не понимаю, на чемъ основаны ваши надежды на мирные переговоры въ Бухарестѣ. Убоявшись мнимой опасности, разглашаемой нѣкоторыми газетами, вы

ослабили Дунайскую армію до такой степени, что она не можетъ успѣшно поддерживать даже оборонительное положеніе. Чрезвычайно трудно защищать такую растянутую линію, какъ отъ Видина до Чернаго моря. Нельзя защитить берегъ рѣки, не имѣя средствъ всегда перейдти на противоположный берегъ, а для этого надо имѣть въ своихъ рукахъ береговыя укрѣпленія".

Князь Куракинъ началъ было говорить о храбрости русскихъ войскъ и побѣдѣ при Рущукѣ....

„Да, да," прервалъ его Наполеонъ,—„ваши солдаты храбры, это безъ труда мы, Французы, можемъ признать; но ваши генералы не стоютъ вашихъ солдатъ. Они дѣйствовали противъ всѣхъ правилъ. Вы говорите, что побѣдили при Рущукѣ, а Турки говорятъ, что побѣдили они. Положимъ, съ точки зрѣнія военныхъ, какъ мы", продолжалъ онъ, взглянувъ на князя Шварценберга, который стоялъ рядомъ съ нашимъ посланникомъ,—„это побѣда; но смотря на дѣло съ политической точки зрѣнія, надо сказать, что вы были побиты, потому что вы были въ необходимости оставить Рущукъ и отступить, между тѣмъ какъ должны были оставить его въ своихъ рукахъ, какъ мостовое укрѣпленіе. Императоръ Александръ говоритъ, что не хочетъ войны, вы мнѣ это повторяете безпрерывно, и желаю этому вѣрить; но слова не согласуются съ дѣлами. Герцогъ Виченцскій возвратился совершенно плѣненный Россіей и хотѣлъ меня увѣрить, что пять дивизій не двинуты изъ Дунайской арміи, тогда какъ я имѣю положительныя объ этомъ свѣдѣнія. Онъ повѣрилъ тому, что̀ ему говорили въ Петербургѣ. Графъ Лористонъ также осыпанъ знаками благосклонности къ нему императора Александра въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, какъ онъ находится въ Петербургѣ. Я понимаю, что посланникъ долженъ быть признателенъ за такую благосклонность, но не долженъ забываться до того, чтобы только льстить, ухаживать за страною, куда посланъ: есть случаи, когда онъ долженъ дѣйствовать съ силой и раскрывать истину. Дѣло объ Ольденбургѣ должно быть окончено. Оно одно вызвало и поддерживаетъ всѣ наши недоразумѣнія. Вамъ не хотѣли дать полномочій, о которыхъ вы просили, такъ пусть же пришлютъ сюда уполномоченныхъ, чтобы договориться объ этомъ дѣлѣ и покончить его; я только этого желаю и требую. Между тѣмъ у васъ отнимаютъ хорошаго секретаря, къ которому вы привыкли, и ставятъ васъ въ затрудненіе, лишая опытнаго помощника, который могъ бы облегчить ваши труды".

„Но графъ Нессельродъ долженъ былъ ѣхать въ Россію", возра-

зилъ князь Куракинъ,—„для устройства своихъ частныхъ дѣлъ и потому испросилъ себѣ отпускъ“.

„Императоръ Александръ и графъ Румянцевъ“, продолжалъ Наполеонъ, не останавливая вниманія на отвѣтахъ нашего посланника,—„будутъ виновны въ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя навлекутъ на Европу новою войною. Можно знать, когда хочешь ее начать, но нельзя знать—когда и какъ удастся ее окончить. Великія державы должны говорить между собою откровенно; но этого правила у васъ не держатся. Я былъ чрезвычайно обрадованъ, когда Лористонъ извѣстилъ меня о словахъ императора Александра, что онъ возвратилъ бы пять дивизій назадъ на Дунай, еслибъ я уменьшилъ Данцигскій гарнизонъ. Въ этой откровенности я увидалъ было начало къ сближенію, я надѣялся, что окончатся всѣ недоразумѣнія между нами; но отъ васъ это скрыли, вамъ объ этомъ ничего не говорятъ въ депешахъ, которыя вы получили; не захотѣли даже, чтобы вы мнѣ подтвердили это официально. Конечно, вы сообщали, что́ я говорилъ съ вами, что́ я повторилъ потомъ графу Шувалову—и ни на что́ не отвѣчаютъ. Это молчаніе не ясно ли обличаетъ, что въ Петербургѣ питаютъ задніе мысли, имѣютъ намѣренія, которыя прикрываютъ только мирными увѣреніями. Мнѣ не понятно это затмѣніе, я его не понимаю, они дѣйствуютъ какъ Пруссія, когда стремилась къ собственной гибели. Я не похожъ на графа Румянцева, который только надъ всѣмъ посмѣивается и сочиняетъ остроты (qui s'amuse á rire et à faire des calembours), я этого не умѣю, я на все смотрю серьезно и дѣйствую, соображаясь съ моими обязанностями, съ выгодами моего народа и съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ. Мнѣ извѣстно, что вы хотите отправить нарочнаго въ Петербургъ. Пошлите его и сообщите императору Александру все, что́ вы слышали. Я знаю здравый смыслъ императора и разчитываю на него. Вотъ уже съ годъ, какъ я началъ замѣчать перемѣну въ его отношеніяхъ ко мнѣ. Я не официально говорилъ съ вами, — это простая бесѣда. Я искренно желаю, чтобъ осуществились и ваши желанія, и чтобы вамъ скоро удалось увидѣть, что всѣ затрудненія между нами, какъ вы полагаете, уладятся, и наши отношенія придутъ въ прежнее положеніе“ [1]).

---

[1]) Депеша князя Куракина къ графу Румянцеву. Парижъ, $\frac{8}{15}$-го августа 1811 г. Въ нашемъ разказѣ мы руководствовались по преимуществу этою депешею, но разказъ нашего посланника въ главныхъ чертахъ совершенно сходенъ съ разказомъ г. Тьера (Histoire de l'empire, кн. XXIII), который не зналъ де-

Въ этой рѣчи императоръ Наполеонъ не сказалъ ничего новаго въ отношеніи къ политическимъ вопросамъ, составлявшимъ предметъ пререканія между двумя кабинетами, противъ того, что̀ говорилъ прежде. Она замѣчательна не тѣмъ, что̀ онъ говорилъ, но тѣмъ, что̀ онъ умол-

---

пеши князя Куракина и излагаетъ разговоръ на основаніи другихъ источниковъ. Самъ Наполеонъ подробно пересказалъ потомъ свои рѣчи герцогу Бассано и поручилъ ему передать ихъ въ окружной депешѣ всѣмъ европейскимъ дворамъ. Его рѣчи ясно слышали стоявшіе подлѣ нашего посланника графъ Шварценбергъ и Виртембергскій посланникъ и подробно передали ихъ въ донесеніяхъ своимъ кабинетамъ. На этихъ источникахъ основанъ разказъ Тьера. Депеша герцога Бассано, составленная со словъ Наполеона, конечно, не могла бы служить достовѣрнымъ источникомъ для историка: извѣстно, какъ смотрѣлъ Наполеонъ на составляемыя имъ депеши: этотъ самый разговоръ въ передачѣ Тьера можетъ служить тому доказательствомъ. Отвѣчая на заявленія князя Куракина о побѣдѣ нашихъ войскъ при Рущукѣ и о томъ, будто бы финансовыя затрудненія заставили насъ вывести пять дивизій изъ Дунайскихъ княжествъ, онъ сказалъ: «Tenez, prince, parlons nous sérieusement? *Dictons*-nous ici *les dépêches* ou écrivons-nous pour les journaux? S'il en est ainsi, je tomberai d'accord avec vous, que vos généraux ont été constamment victorieux, que la gêne de vos finances vous a obligé de rétirer une partie de vos troupes, qui vivaient au dépens de Turcs, pour les faire vivre au dépens du trésor russe, j'accorderai tout cela; mais si nous parlons franchement devant trois ou quatre de vos collègues, qui savent tout, je vous dirai, que vous avez été battus, bien battus etc.». Но депеша герцога Бассано подтверждается отчетами австрійскаго и виртембергскаго пословъ. Эти три пересказа, замѣчаетъ Тьеръ, въ главныхъ чертахъ не противорѣчатъ между собою, а дополняютъ другъ друга нѣкоторыми подробностями, болѣе или менѣе важными, ускользнувшими изъ памяти одного и удержанными памятью другаго. Точно въ такомъ же отношеніи къ этимъ источникамъ находится и разказъ князя Куракина. Онъ даже болѣе другихъ могъ забыть подробности полуторачасоваго разговора, потому что, не смотря на навыкъ опытнаго дипломата, былъ уже довольно старъ въ то время, и притомъ этотъ разговоръ, безъ сомнѣнія, поразилъ его болѣе всѣхъ другихъ слушателей. Эта самая депеша можетъ служить доказательствомъ сказаннаго нами. Въ концѣ ея, какъ случалось и въ другихъ его депешахъ, на другой день по написаніи онъ сдѣлалъ приписку, начинающуюся слѣдующими словами: «При внимательномъ прочтеніи этой депеши, уже переписанной, моя память лучше послужила мнѣ, чѣмъ когда я писалъ ее между 12 и 6 часами утра, борясь со сномъ и усталостью. Я вспомнилъ нѣсколько частныхъ мыслей и выраженій императора, которыя не припомнилъ при первомъ ея составленіи. Какъ все, сказанное этимъ государемъ, имѣетъ значеніе, то спѣшу ихъ сообщить вамъ». И вслѣдъ затѣмъ онъ приводитъ слова Наполеона: «Ne concevant rien à la marche, qu'on suit chez vous, je suis comme homme dans l'état de nature, qui, lorsqu'il ne comprend pas—se méfie. Il y a pourtant des talents en Russie, mais ce que s'y fait, prouve ou qu'on a perdu la tête, ou qu'on a des arrières-pensées. Dans le premier cas vous ressemblez à un lièvre, qui a du plomb

чалъ, и тѣми особыми обстоятельствами, при которыхъ она была произнесена. Онъ умолчалъ о главномъ и существенномъ вопросѣ, составлявшемъ постоянный предметъ его помысловъ и страстныхъ заботъ,—о нейтральной торговлѣ. Указывая на то, что съ нѣкотораго времени онъ замѣчаетъ перемѣну въ отношеніяхъ къ нему императора Александра, онъ умолчалъ о личной своей дружбѣ и расположеніи къ нему, о чемъ любилъ съ особымъ ударепіемъ говорить прежде, пользуясь каждымъ случаемъ, съ тою цѣлію, чтобы своимъ союзомъ, основаннымъ не только на взаимныхъ выгодахъ обѣихъ державъ, но и на личныхъ отношеніяхъ ихъ повелителей, на дружбѣ его съ послѣднимъ могущественнымъ государемъ Европы, заставить молчать и преклоняться передъ собою всѣхъ другихъ. Но такая цѣль уже потеряла для него всякое значеніе въ это время. Онъ зналъ, что волею-неволею держитъ въ своихъ рукахъ всю континентальную Европу. Пруссія ужь искала союза съ Франціей; Австрія, послѣ Вѣнскаго мира сблизившаяся съ нимъ семейными узами, за одно дѣйствовавшая противъ насъ въ Константинополѣ, не могла разчитывать даже на сохраненіе нейтралитета. Онъ не терялъ еще надежды на содѣйствіе Швеціи и на во-

dans la tête, qui tourne et tourne sans savoir, quelle direction il suivra et où il arrivera». Тотъ же самый эпизодъ разговора у Тьера разказанъ такъ: «Vous êtes comme un lièvre, qui recevant du plomb dans la queue, sa leve sur ses pattes pour regarder et s'éxpose ainsi à en recevoir à la tête... Moi, je suis défiant comme l'homme de la nature... j'observe... je vois qu'on se dirige de mon côté, je me défie, je mets la main sur mes armes». Приведенныя выписки показываютъ, что въ депешѣ князя Куракина встрѣчаются только такія же разнорѣчія, которыя находилъ Тьеръ въ тѣхъ источникахъ, которыми онъ пользовался; въ отношеніи же къ сущности передаваемыхъ рѣчей, они совершенно съ ними согласны. Но есть еще одно несогласіе между ними. Нашъ посланникъ говоритъ, что рѣчь Наполеона—avec des formes plus amicales a été cependant par sa nature et par le but qu'elle indiquait, le pendant de celle, que l'empereur a eue le même 15 août il y a trois ans à St. Cloud avec le c-te de Metternich. Тьеръ разказываетъ, что всѣ слова Наполеона имѣли насмѣшливый характеръ, и что онъ постоянно ставилъ въ неловкое положеніе князя Куракина и подтрунивалъ надъ нимъ. Соображая обстоятельства того времени, когда говорилъ Наполеонъ эти рѣчи нашему посланнику, и послѣдующій образъ дѣйствій французскаго правительства въ отношеніи къ нему съ личнымъ характеромъ Наполеона, кажется, надо повѣрить тѣмъ источникамъ, которыми руководствовался Тьеръ въ своемъ разказѣ. Сравнивая рѣчи Наполеона нашему посланнику съ рѣчами графу Меттерниху и лорду Витворту, нельзя не замѣтить, что первыя отличаются особенною сдержанностію. Но сдерживая волновавшій его гнѣвъ въ отношеніи къ Россіи, не могъ онъ не выразить его хотя бы въ отношеніи къ нашему посланнику.

зобновленіе военныхъ дѣйствій противъ насъ со стороны Оттоманской Порты. Наполеонъ, не смотря на свою геніальность, при одинаковыхъ обстоятельствахъ постоянно дѣйствовалъ одинаковымъ образомъ, повторялся, употреблялъ одни и тѣ же пріемы, такъ что опытные наблюдатели очень вѣрно могли предугадывать послѣдствія его поступковъ. Мы уже сказали, что его разговоръ съ княземъ Куракинымъ былъ повтореніемъ разговора съ англійскимъ посланникомъ въ 1803 и австрійскимъ — въ 1809 году: та же обстановка, тотъ же смыслъ рѣчей, тѣ же можно было предвидѣть и послѣдствія, то-есть, бѣдствія войны. Разговоръ съ Куракинымъ отличался отъ двухъ другихъ только умѣренностію; императоръ не возвышалъ голоса и говорилъ довольно тихо, не увлекался гнѣвомъ и, напротивъ, желалъ придать своимъ словамъ видъ откровеннаго доброжелательства. „Разговоръ этотъ", писалъ нашъ посланникъ,—„продолжался болѣе двухъ часовъ и былъ такъ длиненъ и оживленъ, что долженъ былъ приковать вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ. Въ формахъ болѣе дружественныхъ онъ, по своему свойству и своей цѣли, былъ повтореніемъ того, который велъ императоръ три года тому, въ то же число 15-го августа, съ графомъ Меттернихомъ въ Сенъ-Клу, и который въ свое время такъ много надѣлалъ шуму. Признаюсь, я безутѣшенъ. Я испыталъ неудовольствіе выслушать отъ императора *при всѣхъ* все то, что онъ уже говорилъ мнѣ на частной аудіенціи, которую онъ мнѣ давалъ три мѣсяца тому назадъ, все то, что впослѣдствіи, въ томъ же смыслѣ и о тѣхъ же предметахъ, говорилъ онъ графу Шувалову".

Безъ сомнѣнія, тотъ же самый разговоръ въ частной бесѣдѣ съ посланникомъ союзной державы имѣлъ бы совершенно иное значеніе. Онъ выражалъ бы, конечно, возникшія между государствами затрудненія, возбудилъ бы переговоры и сношенія, но не обличалъ бы разрыва и возможности войны. Напротивъ того, будучи произнесенъ въ торжественномъ собраніи, въ присутствіи дипломатическаго корпуса, и сообщенъ потомъ самимъ французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ всѣмъ европейскимъ державамъ, разговоръ этотъ получалъ именно значеніе прелюдіи къ войнѣ.

Такова была сущность этихъ рѣчей Наполеона; но онъ желалъ придать ей менѣе рѣшительное на видъ значеніе. Онъ говорилъ безъ той рѣзкости, безъ той заносчивости, которыми обыкновенно отличались его рѣчи въ подобныхъ случаяхъ. Онъ началъ разговоръ съ нашимъ посланникомъ, выждавъ время, когда многіе уже разъѣхались, и около него и Куракина находилось только нѣсколько лицъ дипло-

матическаго корпуса, — князь Шварценбергъ, герцогъ Кампо-Кіаро и нѣкоторые другіе. Онъ выжидалъ время, не смотря на то, что придворные экипажи уже были готовы, и что какъ онъ, такъ и его семейство, спѣшили ѣхать въ Сенъ-Клу. Онъ говорилъ такъ тихо, что, по словамъ нашего посланника, только „ближайшіе его сосѣди по обѣ стороны, послы австрійскій и неаполитанскій, могли слѣдить за ходомъ его мыслей и явственно слышать весь разговоръ; всѣ другія лица, остававшіяся еще въ залѣ, могли только дѣлать догадки и предположенія".

Хотя время года до нѣкоторой степени уже устраняло возможность немедленнаго начала военныхъ дѣйствій, котораго не желалъ и самъ Наполеонъ, не считая себя окончательно приготовленнымъ, тѣмъ не менѣе онъ не хотѣлъ выражать и явнаго разрыва, явно вызывать на войну, и потому, прикрывалъ его вызовомъ на новые переговоры, увѣреніями, что первый не начнетъ войны, и обѣщаніями, что начатые переговоры могутъ весьма легко повести къ соглашеніямъ между обѣими державами. Увѣренный въ своемъ вліяніи на Пруссію и Австрію, онъ однако опасался упустить ихъ изъ своихъ рукъ, потому что ихъ содѣйствіе въ войнѣ съ Россіей еще не было обезпечено никакими договорами, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опасался вынудить и Россію, вызванную имъ на войну, — къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя, конечно, открылись бы занятіемъ герцогства Варшавскаго и восточной Пруссіи.

Его хитрость увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, но потому только, что императоръ Александръ твердо рѣшился въ это время выжидать нападенія со стороны своего противника и не приступать къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Но тѣмъ не менѣе, смыслъ рѣчей Наполеона, сказанныхъ $^{3}/_{15}$-го августа нашему посланнику, былъ очень опредѣленно и ясно понятъ какъ въ Россіи, такъ и во всей Европѣ. „Я желалъ бы", говорилъ графу Лористону императоръ Александръ, — „не придавать особеннаго значенія этой рѣчи, но о ней говорятъ во всѣхъ домахъ Петербурга, и это новое обстоятельство укрѣпляетъ только мой народъ въ твердой рѣшимости, не вызывая войны, защищать свое достоинство и свою независимость до послѣдней крайности. Впрочемъ, императоръ Наполеонъ прибѣгаетъ къ такимъ рѣчамъ только рѣшившись воевать, — тогда онъ не считаетъ нужнымъ сдерживаться. Я вспоминаю его разговоръ съ лордомъ Витвортомъ въ 1803 году и графомъ Меттернихомъ въ 1809. Поэтому, онъ служитъ для

меня весьма дурнымъ признакомъ для поддержанія мира“ [1]). Не смотря однако на эти слова, императоръ Александръ, не желая ускорять разрыва, поручалъ нашему посланнику постоянно заявлять французскому правительству, „что онъ твердо сохраняетъ союзъ съ Франціею, считая его полезнымъ какъ для своей имперіи, такъ и для общаго блага, и потому желаетъ поддержать его, устраняя все то, что могло бы его ослабить“. Оставаясь вѣрнымъ тѣмъ началамъ политики, которыя были установлены въ Тильзитѣ, до тѣхъ поръ пока и Франція, съ своей стороны, будетъ имъ слѣдовать, императоръ поручалъ князю Куракину заявить, „что, не считая нужнымъ съ своей стороны дѣлать какія-либо предложенія, онъ готовъ выслушать всякія предложенія, которыя сдѣлаетъ ему императоръ его союзникъ, для устраненія пререканій, возникшихъ между двумя дворами“. Объ этихъ предложеніяхъ нашему посланнику поручалось доводить немедленно до свѣдѣнія нашего кабинета.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Румянцевъ писалъ князю Куракину, „что императоръ узналъ изъ его депешъ, что императоръ Французовъ предполагаетъ, будто бы его величество желаетъ обладать Данцигомъ или частію герцогства Варшавскаго. Императоръ не можетъ даже объяснить себѣ, что подало поводъ къ такому предположенію, лишенному всякаго основанія, и предписываетъ вамъ заявить самымъ положительнымъ образомъ, что онъ не имѣетъ никакихъ видовъ ни на Данцигъ, ни на часть Варшавскаго герцогства и вовсе не желаетъ обладать ими. Довольный предѣлами имперіи, которую Провидѣніе вѣрило его управленію, его величество не имѣетъ никакихъ видовъ на то, что составляетъ собственность другихъ, и заботится единственно о сохраненіи общаго мира и спокойствія, столь необходимыхъ для того, чтобы залечить глубокія раны, причиненныя Европѣ двадцатью годами бѣдствій и страданій“ [2]).

Какъ смыслъ рѣчей, произнесенныхъ торжественно Наполеономъ нашему посланнику, былъ очень хорошо понятъ нашимъ кабинетомъ, такъ, безъ сомнѣнія, были поняты и императоромъ Французовъ эти

[1]) *Тьеръ*. Histoire de l'empire, гл. XXIII. Correspondance diplomatique de J. de Maistre, т. I, стр. 25. Письмо $^{10}/_{22}$-го сентября 1811 года.

[2]) Депеша канцлера графа Румянцева князю Куракину 25-го сентября 1811 года (напечатана частію у *Богдановича*: Исторія Александра I, т. III, примѣч. къ гл. XXIX, стр. 40—42).

заявленія нашего правительства. Разрывъ между двумя имперіями совершился окончательно.

II.

Сношенія съ Франціей въ концѣ 1811 и въ началѣ 1812 годовъ.

День 3-го августа 1811 года, вмѣстѣ съ общимъ значеніемъ для всей Европы, имѣлъ и особенное—для нашего посланника. Онъ могъ писать канцлеру, что находится въ *безутѣшномъ* положеніи (je suis inconsolable), потому что его положеніе было дѣйствительно крайне затруднительное. Опытному дипломату, старику, высокопоставленному какъ въ общественномъ, такъ и въ служебномъ отношеніяхъ, послу Русскаго императора, торжественно говоритъ союзникъ его государя, что ему, послу, неизвѣстны виды русскаго правительства, что отъ него скрываютъ ихъ, что ему не отвѣчаютъ на его вопросы, не даютъ необходимыхъ ему полномочій, въ самое нужное время у него отнимаютъ лучшаго и способнѣйшаго изъ его помощниковъ, и заявляютъ желаніе, чтобы былъ присланъ новый уполномоченный для переговоровъ, которые должны уладить и устранить возникшіе между двумя имперіями затрудненія. Вслѣдъ за Наполеономъ, его министръ иностранныхъ дѣлъ, пользуясь всякимъ случаемъ, повторяетъ послу то же самое. Обѣщавъ сообщить отвѣтъ императора на послѣднія его представленія, министръ объявляетъ потомъ, что онъ не считаетъ нужнымъ на нихъ отвѣчать, и самъ Наполеонъ, встрѣчаясь съ посломъ, избѣгаетъ говорить о политикѣ. „Клянусь вамъ", писалъ князь Куракинъ канцлеру, который былъ двоюроднымъ его братомъ,—„что страданія душевныя далеко превосходятъ тѣ, которыя испытываетъ мое тѣло, въ продолженіе трехъ недѣль отъ жестокихъ припадковъ кашля и подагрическихъ болей. Происшествія грустныя, невѣроятныя, которыхъ не могутъ предотвратить всѣ мои старанія, и которыхъ я долженъ быть невольнымъ свидѣтелемъ здѣсь въ качествѣ посла, выходятъ изъ области тѣхъ явленій, кои я могъ бы ожидать, и которыя позволялъ бы себѣ считать возможными. Мнѣ грустно видѣть, что такъ не долго продолжались тѣ связи, которыя мнѣ было поручено развивать и укрѣплять съ искреннимъ сочувствіемъ, потому что ихъ послѣдствіемъ было бы общее спокойствіе Европы. Тайное предчувствіе, заставлявшее меня отказываться отъ назначенія въ Парижъ и много разъ просить императора не возлагать на меня этой обязанности, оправдалось жестокимъ образомъ

на самомъ дѣлѣ. Я долженъ съ грустью сказать, что наша честность (loyauté) встрѣчаетъ здѣсь недоброжелательство, наша вѣрность принятымъ на себя обязательствамъ—вѣроломство, наша любовь къ миру—жажду къ захватамъ и страсть къ переворотамъ! Я не предполагалъ, чтобы къ концу моей жизни мнѣ пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ въ такое время, какое теперь настало и какое еще вслѣдъ за нимъ наступитъ. Я въ отчаяніи въ виду тѣхъ бѣдствій, которыя снова испытаетъ Европа, и которыя разразятся и надъ нашимъ отечествомъ въ царствованіе самое человѣчное, самое честное, лучшаго изъ государей! Если я до сихъ поръ настаиваю на томъ, что нужно наконецъ удовлетворить императора Наполеона, который такъ упорно требуетъ, чтобы мнѣ были даны особенныя полномочія и назначены здѣсь отдѣльные переговоры по Ольденбургскому вопросу, то не потому только, что считаю возможнымъ посредствомъ этой мѣры предотвратить войну, но и для того, чтобъ отнять у Франціи предлогъ умножать свои жалобы и притязанія противъ насъ, хотя въ сущности совершенно несправедливыя. Можетъ ли Франція скрыть, что она сама подала всѣ поводы къ разрыву? Нашъ образъ дѣйствія въ продолженіе союза съ нею, который мы постоянно старались поддержать, былъ безукоризненъ. Въ чемъ же мы собственно виноваты? Не будемъ скрывать отъ себя нашей вины: мы весьма виноваты въ глазахъ такого завоевателя, которому до сихъ поръ все удавалось, каковъ императоръ Наполеонъ, который только и стремится къ тому, чтобы не было ему равныхъ,—но мы виноваты только въ томъ, что Россія есть единственная изъ великихъ державъ въ Европѣ, сохранившая свою независимость, самостоятельность и цѣлость своихъ владѣній. Конечно, въ этомъ мы сами не можемъ винить себя; не намъ желать нашего собственнаго униженія. Надо молить Бога, чтобъ онъ дозволилъ намъ разумно воспользоваться всѣми нашими силами и средствами поддержать себя въ этомъ положеніи“ [1]).

Затруднительное положеніе нашего посланника въ отношеніи къ французскому правительству усложнялось еще тѣмъ, что имѣло вліяніе на его общественныя отношенія. Рѣчи Наполеона 15-го августа развязали всѣмъ языкъ. Самъ императоръ Наполеонъ послѣ того при каждомъ случаѣ заявлялъ свои жалобы на Россію. Вслѣдъ за нимъ

---

[1]) Частное письмо кн. Куракина къ гр. Румянцеву изъ Парижа $^{10}/_{22}$-го ноября 1811 года.

съ особенною ревностью повторялъ ихъ герцогъ Бассано, а за нимъ — толпа безкорыстныхъ и корыстныхъ поклонниковъ Наполеона, или восхищавшихся всѣми его дѣйствіями и особенно военными, или жаждавшихъ извѣстности и корысти. Но рядомъ съ ними, во французскомъ обществѣ было много тайныхъ недоброжелателей Наполеона — или поклонниковъ стараго порядка вещей, или честныхъ людей, неспособныхъ примириться съ отсутствіемъ всякихъ понятій о чести, съ захватомъ чужихъ владѣній и воодушевиться мыслью о всемірномъ владычествѣ. Къ нимъ въ тайнѣ примыкалъ почти весь дипломатическій корпусъ находившихся въ Парижѣ посланниковъ другихъ державъ. Сколько одни восхищались и хвастались выходкой Наполеона 15-го августа, столько же другіе находили ее неприличною въ отношеніи къ великой державѣ, какъ Россія, и неучтивою въ отношеніи къ ея представителю при Тюльерійскомъ дворцѣ. Послѣдніе сообщали нашему посланнику все, что позволяли себѣ говорить о Россіи какъ самъ Наполеонъ, такъ и его министры, всѣ даже тайныя ихъ дѣйствія, все, что говорилось въ обществѣ. Конечно, въ этихъ вѣстяхъ могло быть много преувеличеннаго и даже невѣрнаго въ подробностяхъ; но общій ихъ смыслъ былъ вѣренъ, его подтверждали постоянныя распоряженія французскаго правительства объ увеличеніи военныхъ средствъ и о направленіи ихъ ближе и ближе къ границамъ Россіи.

„Признаки враждебныхъ замысловъ императора Наполеона противъ Россіи“, писалъ въ концѣ 1811 года князь Куракинъ нашему правительству, — „съ каждымъ днемъ обозначаются и увеличиваются все болѣе и болѣе. Военныя приготовленія производятся неутомимо и теперь ужь открыто и явно. Значительныя силы стягиваются отовсюду къ сѣверу Германіи, а чтобы обезопасить южную Францію, а равно и ея западные берега отъ нападеній, принимаются соотвѣтственныя мѣры. Въ восьми южныхъ департаментахъ Франціи, сосѣднихъ съ Испаніей, учреждается національная гвардія, которая устроивается такимъ образомъ, что дастъ возможность императору Наполеону вывесть изъ Испаніи большую часть своихъ старыхъ войскъ и двинуть ихъ на сѣверъ. Точно также будетъ поступлено и въ отношеніи береговъ океана, о безопасности которыхъ будетъ заботиться цѣлое новое войско, изъ двухъ сотъ отрядовъ, составленныхъ изъ таможенной и береговой стражи, привыкшей уже къ службѣ. Лагери Булонскій и Утрехтскій составляютъ только резервы германской арміи. Импера-

торская гвардія скоро должна выступить. Фуры, въ которыхъ она должна быть перевозима на почтовыхъ, приготовляются здѣсь въ Парижѣ. Ординарцы императора (les officiers d'ordonnance) получили уже каждый по 25 тысячъ франковъ, для того, чтобы приготовиться къ походу, а это никогда не дѣлается иначе, какъ въ самое послѣднее время передъ началомъ войны. Во всѣхъ больницахъ Парижа приготовляютъ корпію для войскъ. Военный министръ въ разговорѣ съ однимъ довѣреннымъ лицомъ говорилъ, что Франція никогда еще не бывала такъ готова къ войнѣ, какъ теперь, потому что имѣла достаточно времени для приготовленій. Приготовленныя средства огромны.

„Будучи свидѣтелемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, очевидно доказывающихъ что непремѣнно начнется война, я могу только желать, чтобъ и мы были приготовлены къ ней въ достаточной степени.

„Обхожденіе со мною соотвѣтствуетъ тому угрожающему положенію, которое принялъ противъ насъ повелитель Франціи. На послѣднемъ вечерѣ, которые бываютъ послѣ театра въ Тюльери, онъ нѣсколько разъ проходилъ мимо меня, не сказавъ мнѣ ни слова, чего никогда не случалось прежде. Даже поведеніе въ отношеніи ко мнѣ герцога Бассано видимо измѣнилось. Вчера по обыкновенію я былъ на его балѣ, которые у него бываютъ постоянно по субботамъ. Онъ очень поздно вышелъ изъ своего кабинета, за полночь, и вмѣсто того, чтобы найдти меня, какъ онъ всегда это дѣлалъ, въ залѣ, гдѣ танцовали и гдѣ дѣйствительно я находился, онъ остался въ одной изъ тѣхъ, гдѣ играли въ карты, и самъ принялъ участіе въ игрѣ, прежде нежели повидался со мною, какъ бывало прежде. Только къ концу бала, когда я собирался ужь отправиться домой, проходя чрезъ ту залу, гдѣ онъ сидѣлъ за карточнымъ столомъ, я увидалъ его, сѣлъ рядомъ съ нимъ и вынудилъ его отвѣчать мнѣ на самые обыкновенные и ничтожные вопросы.

„При обстоятельствахъ, все болѣе и болѣе предвѣщающихъ разрывъ, въ такомъ трудномъ положеніи, въ какомъ я нахожусь, мнѣ тяжело сознавать, что я не имѣю никакихъ приказаній, никакихъ наставленій, никакихъ свѣдѣній о видахъ нашего кабинета. Я возобновляю мое ходатайство о томъ, чтобъ его величество поручилъ сообщить мнѣ свои распоряженія какъ въ отношеніи лично ко мнѣ, такъ и къ моимъ подчиненнымъ и о томъ, какія мѣры долженъ я принять въ отношеніи къ архиву посольства? Въ послѣднюю нашу войну

съ Франціей онъ оставался на храненіи у австрійскаго посланника; но я сомнѣваюсь, чтобы при настоящемъ отношеніи къ намъ Австріи, или лучше сказать, при отношеніяхъ ея къ Наполеону, можно было прибѣгнуть къ этому способу. Всѣ другія посольства, которыя здѣсь находятся, представляютъ то же самое неудобство. Я предполагаю, что мнѣ прійдется увезти его съ собою, и сообразно съ этимъ, уже принимаю нѣкоторыя мѣры. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ я ожидаю наставленій, сообразно съ которыми могъ бы располагать моими дѣйствіями. Если-жь я буду лишенъ этихъ наставленій, какъ до сихъ поръ, и долженъ буду дѣйствовать по своему усмотрѣнію, то предвижу, что окажусь въ томъ же положеніи, въ какомъ находился Филиппъ Кобенцль въ 1805 году и графъ Меттернихъ четыре года спустя послѣ него. Они оставались чѣмъ-то въ родѣ плѣнниковъ въ Парижѣ, тогда какъ австрійскія войска давно уже дрались съ французскими.

„Признаюсь, я не имѣю уже никакой надежды, чтобы наши пререканія съ Франціей могли быть полюбовно окончены какими-нибудь переговорами. Пріѣздъ графа Нессельрода, о которомъ здѣсь говорили, и которому я радовался прежде, кажется мнѣ уже средствомъ недостаточнымъ для того, чтобы предотвратить готовящуюся грозу. На какихъ условіяхъ Франція можетъ отказаться отъ своихъ военныхъ противъ насъ приготовленій, стоившихъ ей столько денегъ и времени, когда они совершенно окончены и составляютъ грозную силу, готовую для вторженія въ наши предѣлы? Какія для нашего государя могутъ быть ручательства въ добросовѣстности его союзника, послѣ четырехлѣтнихъ опытовъ, которые достаточно показали, что въ отношеніи къ нему можно единственно полагаться на силу своего собственнаго оружія?

Уже болѣе года, какъ я замѣтилъ, что дружескія отношенія между Россіей и Франціей разстроились, и представлялъ, какія могутъ произойдти изъ того послѣдствія. Мысль объ отставкѣ постоянно приходила мнѣ на умъ; но я считалъ долгомъ, лично до меня касавшіяся, соображенія принесть въ жертву моей преданности особѣ нашего государя и ревности къ его службѣ. Тѣ же самыя причины и въ настоящее время препятствуютъ мнѣ просить увольненія отъ моей должности, и жертвуя собою, я все свое счастіе полагаю въ томъ, чтобъ исполнить мои обязанности, согласныя съ моими чувствами преданности государю. Эта мысль служитъ мнѣ утѣшеніемъ

въ томъ, что подъ конецъ моей службы и моей жизни я долженъ перенесть столько непріятностей и огорченій“ [1])

Дѣйствительно, непріятное положеніе князя Куракина усиливалось еще болѣе тѣмъ, что онъ не получалъ наставленій о томъ, какъ долженъ дѣйствовать въ случаѣ разрыва съ Франціей. Но какія нашъ кабинетъ могъ дать ему наставленія на тотъ случай, котораго онъ предполагать не желалъ, и когда французское посольство спокойно пребывало въ Петербургѣ.

Графъ Лористонъ, вполнѣ довѣряя наставленіямъ, полученнымъ имъ отъ своего правительства, старался убѣдить нашъ кабинетъ, что императоръ Наполеонъ не желаетъ войны съ Россіей, что онъ будетъ вынужденъ на эту непріятную для него случайность единственно въ томъ случаѣ, если Россія вступитъ въ союзъ съ Англіей, и старался всѣми способами уговорить императора Александра войдти въ особыя соглашенія съ Франціей. Императоръ не скрывалъ отъ него, также какъ и отъ его предшественника, своего убѣжденія, что императоръ Наполеонъ рѣшился на войну съ Россіей и что переговоры не поведутъ уже къ соглашенію,—но тѣмъ не менѣе обходился съ нимъ, не только соблюдая приличія образованнаго правительства къ посланнику европейской державы, но предупредительно и даже ласково. Онъ часто приглашалъ его къ своему столу; графъ Лористонъ обѣдалъ у него даже наканунѣ отъѣзда его въ Вильну, въ главную квартиру своихъ войскъ, и такъ былъ увѣренъ въ поддержаніи мира и союза съ Россіей, что заботился нанять и даже купить для себя дачу къ веснѣ 1812 года [2]). Конечно, ему и на мысль приходить не могло никакое опасеніе, какъ о себѣ, такъ и о членахъ своего посольства и о посольскихъ архивахъ.

Князь Куракинъ находился совершенно въ иномъ положеніи. Не вѣря мирнымъ заявленіямъ императора Наполеона, находившимся

---

[1]) Депеша князя Куракина къ графу Румянцеву 24-го декабря 1811 года (5-го января 1812 года); частное письмо къ канцлеру 6-го (18-го) декабря 1811 года.

[2]) C-te Joseph de Maistre, Correspond. Politique, т. I, стр. 74—75, письмо отъ $^{9}/_{21}$-го апрѣля 1812 года: Lauriston parle déjà de sa maison de campagne pour le mois prochain et comme il joue la comédie *sans être fin*, il dit l'autre jour qu'il en voulait acheter une. Понятно, что въ обществѣ дипломатовъ не могли предполагать, чтобы посланникъ Наполеона не зналъ его политическихъ видовъ. Но это такъ и было. Лористонъ не хитрилъ, но не понялъ тайныхъ видовъ съ его повелителя—sans être fin.

въ явномъ противорѣчіи съ его дѣйствіями, испытывая неприличный образъ дѣйствій какъ съ его стороны, такъ и со стороны его министра иностранныхъ дѣлъ, лично къ нему и къ нашему кабинету, онъ предвидѣлъ войну въ близкомъ будущемъ и опасался за свою судьбу и судьбу всего посольства. Зная характеръ императора Наполеона и недавній еще случай съ австрійскимъ посланникомъ, графомъ Кобенцелемъ, онъ имѣлъ основаніе опасаться тѣмъ болѣе, что въ это время въ Парижѣ начали ходить темные слухи, будто бы наше посольство за деньги получаетъ такія свѣдѣнія изъ военнаго министерства, которыя французское правительство сохраняетъ въ строгой тайнѣ. Но безъ сомнѣнія, нашъ кабинетъ не могъ дать князю Куракину предписаній на случай войны, когда еще правительства обѣихъ имперій говорили о взаимномъ желаніи поддерживать миръ и союзъ между ними, и когда императоръ Александръ рѣшился не быть зачинщикомъ войны и не давать никакихъ поводовъ къ подозрѣнію въ этомъ отношеніи, которое и такъ уже заявлялъ Наполеонъ. Такой взглядъ императора раздѣлялъ и его канцлеръ иностранныхъ дѣлъ. Они различались только тѣмъ, что императоръ съ начала 1811 года считалъ войну неизбѣжною, канцлеръ же, напротивъ того, разсуждалъ какъ теоретикъ, не принимающій въ соображеніе ни страстей, ни другихъ случайностей дѣйствительной жизни,—что союзъ Франціи съ Россіей самый естественный и выгоденъ для Россіи, но еще болѣе для самой Франціи [1]), и что императоръ Наполеонъ, какъ человѣкъ геніальный, понимаетъ это очень хорошо. Поэтому, изъ-за частныхъ затрудненій онъ не захочетъ пожертвовать этимъ союзомъ, и всѣ его военныя приготовленія клонятся лишь къ тому, чтобъ угрозою войны вынудить Россію къ мирнымъ переговорамъ. „Императоръ Наполеонъ удаляется отъ насъ, но онъ возвратится къ намъ", говорилъ онъ часто Коленкуру,—„если только желаетъ всеобщаго мира" [2]).

„Позвольте сдѣлать вамъ упрекъ", писалъ Румянцевъ Куракину,— „изъ того, что я не отвѣчаю вамъ, вы могли подумать, будто я не обращаю особеннаго вниманія на то, что вы постоянно повторяете, то-есть, что намъ угрожаетъ страшная война. Для нея не представляется никакихъ поводовъ со стороны того, кто предполагаетъ вое-

[1]) Въ этой мысли, послѣ женитьбы Наполеона на австрійской эрцгерцогинѣ и рожденія Римскаго короля, графъ Румянцевъ укрѣпился еще болѣе.

[2]) *Bignon*, Hist. de France, гл. XXI. Эти слова сердили Наполеона: «Je ne sais ce que m-r de Roumanzof entend par notre éloignement et notre retour; il paraît qu'il a entièrement désappris ce pays-ci», говорилъ онъ.

вать съ нами, и эта война *діаметрально* противна выгодамъ его монархіи. Но если этотъ государь уже *рѣшился* воевать съ нами, то что-жь иное мы сдѣлать можемъ, какъ не *рѣшиться* также выдержать эту войну? Если ея можно избѣгнуть, то не вслѣдствіе того, что̀ *мы* ему можемъ *сказать*, а того, что̀ онъ *самъ себѣ скажетъ*. По истинѣ, я полагаюсь гораздо болѣе на собственныя соображенія этого государя, нежели на какіе бы то ни было переговоры" [1]). Впрочемъ, слухи о томъ, что императоръ Александръ намѣревался послать графа Нессельрода въ Парижъ для особыхъ переговоровъ, имѣли нѣкоторое основаніе, хотя французскій посланникъ въ Петербургѣ и русскій—въ Парижѣ придавали этому посольству не то значеніе, какое имѣло въ виду наше правительство.

Графъ Лористонъ постоянно упрашивалъ императора Александра для пользы человѣчества, для сохраненія мира, сдѣлать первый шагъ къ примиренію, удовлетворить настоятельнымъ требованіямъ Наполеона, снабдивъ полномочіями для новыхъ переговоровъ князя Куракина или пославъ особаго уполномоченнаго. Императоръ Александръ отвѣчалъ постояннымъ отказомъ. Не подавъ повода къ неудовольствіямъ и считая требованія Наполеона простыми придирками для того, чтобы выиграть время и приготовиться къ рѣшенной уже въ его умѣ войнѣ, онъ считалъ униженіемъ для себя и для Россіи явиться какъ-бы просителемъ мира. Онъ зналъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что не можетъ отступиться отъ принятыхъ имъ рѣшеній въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ и торжественному отреченію отъ протеста по Ольденбургскому дѣлу, и что новые переговоры могутъ только довести до болѣе рѣзкаго выраженія различные взгляды двухъ правительствъ и тѣмъ самымъ ускорить войну. Императоръ Александръ хотя и считалъ войну неизбѣжною, могъ согласиться на новые переговоры не иначе однакоже, какъ считая себя вполнѣ приготовленнымъ къ ней. Между тѣмъ Россія не была въ такомъ положеніи, пока продолжалась еще война съ Турками. Поэтому императоръ Александръ, вызываемый настояніями Наполеона, могъ рѣшиться на послѣднее заявленіе своихъ условій для поддержанія мира и союза съ Франціей (на ultimatum) только въ томъ случаѣ, еслибы миръ съ Оттоманскою Портою былъ дѣломъ рѣшеннымъ и не подверженнымъ никакимъ сомнѣніямъ. Нѣкоторое время, а именно осенью 1811 года, императоръ находился въ такомъ положеніи. Блистательныя дѣйствія генерала Голенищева-Ку-

[1]) Частное письмо графа Румянцева къ князю Куракину 27-го февраля 1812 г.

тузова на Дунаѣ, побѣды надъ Турками, плѣнъ верховнаго визиря съ его войсками, и вслѣдъ затѣмъ, переговоры, открытые въ Бухарестѣ, подавали надежду на скорое заключеніе мира съ Турками. Въ это время императоръ Александръ дѣйствительно рѣшался отправить въ Парижъ для перегоровъ графа Нессельрода, бывшаго до тѣхъ поръ совѣтникомъ нашего тамъ посольства и теперь находившагося въ Петербургѣ въ отпуску. Такое посольство было-бъ исполненіемъ той мысли, которую императоръ Александръ заявлялъ много разъ герцогу Виченцскому въ отвѣтъ на подозрѣніе Наполеона, что заключивъ миръ съ Турціей, Россія немедленно вступитъ въ союзъ съ Англіей и объявитъ войну Франціи. Онъ заявлялъ ему, что наоборотъ, тогда онъ будетъ стремиться къ тому, чтобы поддержать всеобщій миръ и для того скрѣпить союзъ Россіи съ Франціей, но безъ сомнѣнія, на правахъ самостоятельной державы и безъ ущерба для ея достоинства.

Получивъ извѣстіе объ открытіи мирныхъ переговоровъ съ Турками въ Бухарестѣ и уступая мольбамъ графа Лористона, императоръ Александръ сказалъ ему о своемъ намѣреніи отправить уполномоченнымъ для переговоровъ въ Парижъ графа Нессельроде. Ему была уже заготовлена инструкція слѣдующаго содержанія: По пріѣздѣ въ Парижъ, ему поручалось черезъ посредство герцога Кадорскаго требовать особаго свиданія съ императоромъ Наполеономъ, которому онъ долженъ былъ заявить самымъ положительнымъ образомъ, что мысль о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи никогда не входила въ виды Русскаго императора. Только присоединеніе Ольденбургскаго герцогства къ Франціи, никогда не можетъ служить для него поводомъ къ войнѣ съ нею, и пока Франція не посягнетъ на существованіе Пруссіи, русскія войска не переступятъ границъ имперіи. Императоръ Наполеонъ, съ самаго начала возникшихъ между Россіей и Франціей пререканій, заявлялъ, что онъ сочтетъ войну объявленною, если русскія войска вступятъ въ границы Варшавскаго герцогства; точно также императоръ Александръ поручалъ графу Нессельроде заявить Наполеону, что онъ сочтетъ объявленіемъ войны всякое покушеніе на Пруссію, всякое отправленіе новыхъ французскихъ войскъ въ это государство. „Сохраненіе существованія этого государства, хотя и ослабленнаго вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, въ высшей степени необходимо для блага моей имперіи“,—поручалъ ему говорить императоръ Александръ,—„особенно по его положенію относительно Франціи. Если эта преграда будетъ уничтожена, Россія прійдетъ въ непосредственное сосѣдство съ Франціей, между тѣмъ,

какъ самъ императоръ Наполеонъ, во многихъ разговорахъ со мною, развивалъ мысль о неудобствахъ такого отношенія между Россіей и Франціей". Поэтому оказывалось необходимымъ, чтобы между ними существовала нейтральная страна, которая нѣкоторымъ образомъ вознаградила бы для Россіи выгоды, представляемыя для Франціи герцогствомъ Варшавскимъ. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ выгоды обѣихъ имперій еще далеко не могутъ быть одинаковы; потому что герцогство Варшавское, входящее въ составъ Рейнскаго союза, находится въ полной зависимости отъ Франціи, между тѣмъ какъ Пруссія—совершенно нейтральное государство, которое не только не находится ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ въ отношеніи къ Россіи, но даже въ послѣднее время готова была войдти въ союзъ съ Франціей. Но всѣ договоры въ пользу независимости Пруссіи будутъ безполезны, если французскія войска будутъ постоянно занимать крѣпости по Одеру. Поэтому, въ доказательство миролюбивыхъ намѣреній своего союзника и для утвержденія прочнаго и постояннаго спокойствія, императоръ Александръ поручалъ своему уполномоченному требовать: 1) чтобы освобождены были отъ французскихъ войскъ крѣпости Штетинъ, Кюстринъ и Глогау: 2) чтобъ уменьшенъ былъ гарнизонъ въ Данцигѣ, и договоромъ опредѣлено количество войскъ, его составляющихъ; 3) чтобы договорено было, что французскія войска не будутъ посылаемы въ Варшавское герцогство; и 4) чтобы войска этого герцогства были уменьшены до количества, соотвѣтственнаго средствамъ страны, необходимымъ для ихъ содержанія.

Только на этихъ условіяхъ императоръ обѣщалъ дать согласіе на присоединеніе къ Франціи герцогства Ольденбургскаго. Въ случаѣ же несговорчивости французскаго правительства, онъ позволялъ графу Нессельроду сдѣлать уступку въ отношеніи къ первой статьѣ, но при одномъ изъ двухъ слѣдующихъ условій: или постановить въ договорѣ, что Пруссіи возвращаются немедленно тѣ крѣпости, которыя по условіямъ, заключеннымъ съ нею Франціей, уже должны быть возвращены Пруссіи потому, что истекъ срокъ удержанія ихъ во временной власти Французовъ, и что вслѣдъ за тѣмъ, по мѣрѣ уплаты Пруссіей остальной части контрибуціи, будутъ возвращаемы ей и остальныя крѣпости; или же — постараться извлечь выгоду для этой страны изъ постановленій Тильзитскаго договора, по которому предполагалось уступить Пруссіи часть Ганноверской области съ 300 тысячами жителей, если только Ганноверъ не будетъ снова возвращенъ Англіи. Такъ какъ Наполеонъ уже включилъ Ганноверъ въ

составъ Вестфальскаго королевства, и вѣроятно, не захочетъ отдѣлить отъ него часть для Пруссіи, то императоръ Александръ предполагалъ, что Франція могла бы взамѣнъ этой уступки убавить соотвѣтственную часть той контрибуціи, которую должна заплатить ей Пруссія. Для насъ это послѣднее условіе представляло бы наиболѣе выгодъ, потому что разомъ устранило бы тѣ придирки, вслѣдствіе которыхъ Франція удерживаетъ въ своихъ рукахъ крѣпости по Одеру, и ускорило бы возвращеніе другихъ.

Русское правительство уже достаточно знало по прежнимъ опытамъ все двусмысліе политики Наполеона въ отношеніи къ вопросамъ о Польшѣ; поэтому оно предвидѣло, что четвертое условіе о томъ, чтобъ уменьшены были войска герцогства Варшавскаго, можетъ встрѣтить затрудненіе со стороны Тюльерійскаго кабинета, и дозволило уступить въ этомъ случаѣ, если будетъ сильное упорство съ его стороны. Но условіями sine qua non для договора съ Франціей признавались слѣдующія: 1) возвратить Пруссіи хотя бы одну изъ Одерскихъ крѣпостей; 2) постепенно возвращать другія по мѣрѣ уплаты ею контрибуціи; 3) уменьшить число Данцигскаго гарнизона, и 4) не посылать французскихъ войскъ въ Варшавское герцогство [1]).

Приведенное содержаніе тѣхъ наставленій, которыми наше правительство предполагало снабдить своего уполномоченнаго для новыхъ переговоровъ съ Франціей, ясно показываетъ, что Русскій императоръ вовсе не думалъ дѣлать новыхъ уступокъ притязаніямъ запосчиваго союзника и своею уступчивостью купить нѣкоторыя уступки съ его стороны въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ, какъ это полагали посланники обѣихъ имперій, графъ Лористонъ и князь Куракинъ; а напротивъ того, императоръ Александръ желалъ обуздать его произволъ въ дѣйствіяхъ въ отношеніи, по крайней мѣрѣ, къ одной изъ сосѣднихъ съ Россіей державъ. Онъ полагалъ, что императоръ Наполеонъ можетъ согласиться на предлагаемыя имъ условія, „если онъ дѣйствительно желаетъ сохраненія мира".

Но этого-то и не желалъ императоръ Наполеонъ. Вызывая Россію на новые переговоры, когда не предстояло никакой въ нихъ нужды, онъ именно и разчитывалъ на то, что они состояться не могутъ, что ему удастся протянуть время, отсрочить войну, составлявшую предметъ его настойчивыхъ заботъ, до той поры, когда по его соображеніямъ онъ могъ начать ее съ полною увѣренностію на успѣхъ. По-

[1]) Проектъ инструкціи графу Нессельроду, составленный въ октябрѣ 1811 г.

этому извѣстіе, полученное имъ отъ своего посланника, о скоромъ отправленіи въ Парижъ графа Нессельроде произвело на него непріятное впечатлѣніе. Онъ опасался, что эти переговоры выведутъ, наконецъ, изъ двусмысленности отношенія между двумя имперіями и дадутъ поводъ Россіи къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Онъ опасался, что Россія, введя войска въ герцогство Варшавское и восточную Пруссію, можетъ захватить приготовленные имъ боевые и продовольственные запасы и вынудить его на военныя дѣйствія въ самое неблагопріятное для нихъ время года.

Принимая прусскаго посла г. Круземарка въ частной аудіенціи, Наполеонъ завелъ рѣчь объ отношеніяхъ своихъ къ Россіи, продолжавшуюся весьма долго. По принятому имъ въ это время обычаю, упрекая Россію за то, что она хранитъ молчаніе на счетъ своихъ видовъ и не желаетъ высказаться откровенно, перечисляя всѣ употребленныя имъ усилія, чтобы вывесть ее изъ этого молчанія,— Наполеонъ сказалъ, наконецъ, что „съ прискорбіемъ видитъ совершенную неизбѣжность разрыва между Россіей и Франціей, потому что рѣшительно невозможно, чтобы настоящее положеніе дѣлъ могло долѣе продолжаться; „У императора Александра есть заднія мысли, которыхъ онъ не хочетъ выразить; я увѣренъ, что онъ желаетъ пріобрѣсть Данцигъ и нѣкоторые округа герцогства Варшавскаго; но на подобную сдѣлку я никогда не соглашусь. Притомъ дѣла такъ далеко зашли, что уже не могутъ разрѣшиться иначе, какъ войною. Но война съ Россіей, особенно въ настоящее время, не входила въ мои виды и если, къ несчастію, она начнется, то ея причину слѣдуетъ искать въ силѣ обстоятельствъ и непонятномъ образѣ дѣйствій Петербургскаго кабинета, который поставилъ себя въ дурныя отношенія ко всѣмъ державамъ".

Воображая, что обманываетъ всѣхъ и каждаго, Наполеонъ сердился, ибо замѣчалъ, что это ему не удается. Нѣсколько времени передъ тѣмъ, привлекая уже Австрію къ вооруженному союзу противъ Россіи, онъ сказалъ князю Шварценбергу, что вовсе не понимаетъ, чего можетъ опасаться Россія со стороны Франціи. Когда австрійскій посолъ, отвѣчая на этотъ вопросъ, началъ излагать причины опасеній, говоря, что Россія не можетъ смотрѣть равнодушно на присоединеніе Ганзейскихъ городовъ, особенно если подобныя присоединенія пойдутъ далѣе, и слѣдовательно, стѣснятъ совершенно торговлю Балтійскаго моря, — Наполеонъ вдругъ прервалъ его и завелъ рѣчь о другомъ предметѣ [1]).

[1]) Письмо Чернышева къ графу Румянцеву $^{7}/_{19}$-го сентября 1811 года.

„Впрочемъ", сказалъ онъ, продолжая разговоръ съ графомъ Круземаркомъ,— „кажется, въ настоящее время удалось объяснить русскому правительству, какой оно подвергаетъ себя опасности, и императоръ Александръ рѣшился, какъ мнѣ пишетъ Лористонъ, отправить въ Парижъ графа Нессельроде для переговоровъ о всѣхъ предметахъ пререканій между двумя имперіями. Я очень этому радъ, хотя нахожу, что русское правительство сдѣлало большую ошибку. Вмѣсто того, чтобъ отправить графа Нессельроде на прежнюю его должность — мѣсто совѣтника здѣшняго русскаго посольства, хотя бы и снабдивъ его особыми полномочіями, его посылаютъ, возведя въ званіе статсъ-секретаря императора, какъ-бы чрезвычайнымъ уполномоченнымъ и тѣмъ придаютъ особенную важность и значеніе его посольству. Если подобные переговоры не удадутся, то это можетъ только ускорить разрывъ. Нѣтъ, императоръ Александръ не знаетъ, какими силами я могу располагать противъ него; зная его лично, я не могу не любить его и не отдавать справедливости его хорошимъ качествамъ, и потому весьма жалѣю о немъ. Заблужденіе, въ которое его ввели, можетъ дорого ему стоить".

Замѣтивъ, что графъ Нессельроде, который долго жилъ въ Парижѣ, могъ бы сообщить вѣрныя свѣдѣнія о его военныхъ приготовленіяхъ, Наполеонъ спросилъ: „Не принадлежитъ ли онъ къ сторонникамъ войны? Знакомы ли вы съ нимъ?"

Выслушавъ утвердительный отвѣтъ Круземарка о давнишнемъ знакомствѣ съ нашимъ дипломатомъ, и о миролюбивомъ его настроеніи, онъ продолжалъ: „А Чернышевъ, онъ военный, что онъ имъ пишетъ? Не можетъ же онъ утверждать, что мы слабы, что у насъ ничего нѣтъ; приготовленія наши таковы, что ихъ скрыть нельзя, и онъ не можетъ ихъ не знать?"

„Я не знаю", отвѣчалъ прусскій посланникъ,—что пишетъ Чернышевъ своему правительству; но могу засвидѣтельствовать, что онъ нисколько не заблуждается въ военныхъ силахъ и способахъ Франціи и точно также вовсе не принадлежитъ къ сторонникамъ войны.

„Если такъ", воскликнулъ Наполеонъ,—„если они не скрывали истины отъ своего правительства, то чѣмъ же объяснить то упрямство, съ которымъ преслѣдуютъ направленіе столь ложное и противное союзу съ Франціей, отъ котораго зависитъ спокойствіе всей Европы. Въ Петербургѣ не понимаютъ той опасности, какая имъ грозитъ; не слушаютъ никакихъ предложеній, не отвѣчаютъ на наши вопросы. Заб-

веніе своихъ собственныхъ выгодъ они довели до того, что не только отклонили предложеніе о посредничествѣ вашего правительства для соглашенія ихъ съ Франціей, но и не хотѣли отдать должную справедливость добрымъ намѣреніямъ вашего короля и его письмо къ императору Александру съ насмѣшкою показывали моему посланнику. Не приняли также и предложенія Австріи о посредничествѣ, говоря, что находятся въ дружественныхъ отношеніяхъ со мною и не требуютъ чужаго вмѣшательства. Вообще, кажется, что отношенія между Австріей и Россіей весьма холодны. Время, въ которое мы живемъ, кажется таково, что самые естественные друзья могутъ внушать только недовѣріе другъ къ другу. Между тѣмъ, отклонивъ посредничество двухъ державъ, не хотятъ объясниться и со мною, продолжаютъ военныя приготовленія. Меня нельзя удовлетворить краснымъ словомъ (de belles phrases); мнѣ нужно не слово, а дѣло, и въ этомъ отношеніи я вовсе не раздѣляю взглядовъ моихъ господъ посланниковъ. Они судятъ о вещахъ по мѣрѣ того вниманія и учтивости, съ которыми обходятся съ ними; всѣ ихъ донесенія состоятъ изъ разказовъ о томъ, какъ съ ними поступаютъ. Они полагаютъ, что сообщивъ ихъ мнѣ, могутъ убѣдить меня въ истинномъ расположеніи Русскаго двора. Императоръ Александръ очень любезенъ, онъ обходится съ ними весьма милостиво, часто приглашаетъ ихъ къ своему столу, дѣлаетъ имъ разные подарки, даетъ лошадей и вообще употребляетъ всѣ средства, чтобы привлечь ихъ къ себѣ. Въ этомъ помогаетъ ему и графъ Румянцевъ своими любезностями до того, что выходитъ на дѣлѣ, что при Петербургскомъ дворѣ я имѣю не посланниковъ Франціи, а угодниковъ императора Александра, которые на все смотрятъ его глазами. Такимъ былъ Коленкуръ, таковъ теперь Лористонъ. Если я знаю что-нибудь вѣрное о томъ, что̀ дѣлается въ Россіи, то не отъ нихъ, а изъ другихъ источниковъ".

Не смотря на холодный и разчетливый умъ, императора Наполеона постоянно волновала страсть, и въ этомъ случаѣ, опасаясь, чтобы переговоры съ графомъ Нессельроде не разстроили его соображеній, онъ сказалъ болѣе, нежели хотѣлъ и нежели слѣдовало сказать. Въ то время, когда онъ выражалъ Круземарку свой взглядъ на поступки Россіи въ отношеніи предложеній Пруссіи и Австріи о посредничествѣ, онъ поручалъ своему посланнику въ Петербургѣ благодарить императора Александра за оказанное ему въ этомъ случаѣ довѣріе и то же самое заявилъ, чрезъ своего министра иностранныхъ

дѣлъ, нашему посланнику въ Парижѣ [1]). Неприлично выдавъ своихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, онъ указывалъ на тайные пути, которыми приходятъ къ нему свѣдѣнія, отличныя отъ тѣхъ, которыя они ему сообщаютъ, и болѣе достойныя вѣры. Поэтому, вечеромъ въ тотъ же день, когда происходилъ этотъ разговоръ, герцогъ Бассано, увидѣвшись съ г. Круземаркомъ, поручалъ ему сохранить его въ глубокой тайнѣ, особенно отъ русскаго посольства; но тѣмъ же утромъ, вслѣдъ за аудіенціей, Чернышеву удалось повидаться съ прусскимъ посланникомъ и получить отъ него подробныя о ней свѣдѣнія.

Но откуда же получалъ Наполеонъ тѣ свѣдѣнія о Россіи, которымъ придавалъ болѣе вѣры, нежели донесеніямъ своихъ посланниковъ? „Безъ сомнѣнія", писалъ Чернышевъ [2]) въ то же время,— „эти свѣдѣнія онъ получаетъ изъ Польши и отъ Поляковъ?" Такъ и было дѣйствительно; но въ то же время нельзя не замѣтить, что имъ еще менѣе могъ бы довѣрять проницательный умъ Наполеона, еслибъ они не соглашались съ его видами. Разчитывая на честность и благородство Русскаго императора, онъ изыскивалъ всѣ способы къ тому, чтобы обвинить Россію въ томъ, что она, вопреки его желанію, вызываетъ его на войну. Онъ надѣялся, что желая отстранить отъ себя нареканія, которыя и самъ онъ завѣдомо считалъ ложными, Россія не захочетъ начать войну, втянется въ переговоры и дастъ ему полную свободу напасть на нее, когда онъ захочетъ.

Пріѣздъ Нессельроде могъ ускорить развязку и заставить его ранѣе начать войну, и потому извѣстіе о немъ вынудило Наполеона принять рѣшительныя мѣры для окончательнаго приготовленія къ войнѣ. Онъ предписалъ сборъ конскриптовъ на 1812 годъ, потребовалъ условленныхъ, полныхъ контингентовъ отъ государствъ Рейнскаго союза, предписалъ италіанскимъ войскамъ сосредоточиться на сѣверныхъ границахъ Италіи и быть готовыми къ походу, вызвалъ польскіе полки и молодую гвардію изъ Испаніи, отовсюду приближалъ войска къ Эльбѣ и Вислѣ и вступилъ въ рѣшительные переговоры о заключеніи союза съ Пруссіей и Австріей [3]).

---

[1]) Нота графа Румянцева князю Куракину $^{13}/_{25}$-го сентября; нота князю Куракину графа Румянцева $^{4}/_{16}$-го ноября 1811 года.

[2]) Письмо Чернышева къ графу Румянцеву изъ Парижа 31-го декабря 1811 года (12 декабря 1812 года).

[3]) Thiers. Histoire de l'Empire, гл. XXV.

Но посольство графа Нессельроде не состоялось потому, что вмѣсто ожиданныхъ извѣстій о заключеніи мира съ Турками, получены были къ концу 1811 года такія извѣстія о новыхъ предложеніяхъ султана, которыя грозили перерывомъ переговоровъ и возможностію продолженія войны и въ слѣдующемъ году. Не считая, конечно, нужнымъ сообщать подобныя свѣдѣнія о томъ французскому посланнику, императоръ Александръ объявилъ ему однако, что полагаетъ ненужнымъ посылать уже съ особыми порученіями графа Нессельроде въ Парижъ, потому что изъ послѣднихъ извѣстій, полученныхъ имъ изъ Парижа и отовсюду, онъ видитъ съ сожалѣніемъ, что императоръ Наполеонъ рѣшился воевать съ Россіей, и слѣдовательно, новые переговоры не могутъ повести ни къ какимъ благопріятнымъ послѣдствіямъ.

Не одинъ Русскій императоръ такъ смотрѣлъ на положеніе дѣлъ; этотъ взглядъ раздѣляли и въ Парижѣ высокопоставленные люди, не сочувствовавшіе видамъ своего повелителя, и прямо выражали его нашимъ представителямъ: „*Лица*, которыя удостоиваютъ меня своею довѣренностію и откровенно говорятъ со мною, подтверждаютъ тѣ предположенія, которыя я имѣлъ уже честь сообщать вашему сіятельству“, писалъ Чернышевъ къ графу Румянцеву,—„а именно, что императоръ Наполеонъ вовсе не имѣетъ рѣшительнаго намѣренія начать переговоры съ нами, чтобы миролюбиво разрѣшить всѣ возникшія затрудненія. Они, къ сожалѣнію, не предвидятъ, какимъ бы способомъ возможно устранить тотъ разрывъ, который твердо рѣшенъ въ видахъ Наполеона. На тѣ вопросы, которые составляютъ предметъ спора, *они* смотрятъ какъ на простыя придирки, которыми его политика хочетъ прикрыть дѣйствительные свои виды. Они увѣрены, что лишь только съ нашей стороны была бы выражена готовность вступить въ переговоры и даны были бы полномочія нашимъ дипломатамъ, какъ Наполеонъ возбудилъ бы новые вопросы, которые послужили бы поводомъ къ новымъ нескончаемымъ преніямъ, справедливо подкрѣпляя это предположеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что еслибы Тюльерійскій кабинетъ искренно желалъ соглашенія съ нашимъ, то послѣ столькихъ переговоровъ, онъ давно бы выразилъ свои предложенія, которыя могли бы служить основаніемъ для переговоровъ“ [1]).

[1]) Письмо Чернышева къ графу Румянцеву, $\frac{10}{22}$-го ноября 1811 г. изъ Парижа. Изъ всей переписки Чернышева и объясненій о своихъ отношеніяхъ къ разнымъ лицамъ, занимавшимъ высшія должности въ правительствѣ Наполеона, можно съ достовѣрностію предполагать, что изъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ не позволяетъ себѣ называть по именамъ, главнымъ былъ Талейранъ.

Сколько сокрушался графъ Лористонъ, искренно желавшій предотвратить войну, сообщая извѣстіе о томъ, что предположенное посольство графа Нессельроде не состоится, столько же имъ былъ обрадованъ императоръ Наполеонъ. Ему удалось еще на нѣкоторое время продлить неопредѣленное положеніе, среднее между миромъ и войною, во время котораго — онъ былъ въ томъ увѣренъ — Россія не приступитъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно давало ему поводъ къ новымъ жалобамъ на русское правительство, которое, уступивъ будто бы его искреннему желанію новыми переговорами привести къ взаимному соглашенію обѣ державы и тѣмъ поддержать миръ Европы, рѣшившись уже послать уполномоченнаго въ Парижъ,— отступилось отъ своего намѣренія и тѣмъ возбуждаетъ его недовѣріе къ ней и вызываетъ къ принятію мѣръ предосторожности. Въ этомъ смыслѣ и говорилъ герцогъ Бассано нашему посланнику, и эта новая придирка со стороны Франціи вызвала подробное объясненіе со стороны нашего правительства. „Невѣрныя понятія, которыя вообще составили себѣ въ Парижѣ“, писалъ нашъ канцлеръ къ князю Куракину,— „о предполагавшейся поѣздкѣ графа Нессельроде, и разговоръ объ этомъ съ вами герцога Бассано вынуждаютъ меня сообщить вамъ подробныя объясненія объ ея значеніи и цѣли. Въ немногихъ словахъ я постараюсь объяснить существенный вопросъ, который послужилъ поводомъ къ предположенію объ отправленіи графа Нессельроде въ Парижъ и причины, которыя были препятствіемъ къ исполненію этого предположенія. Когда императоръ счелъ нужнымъ, для сохраненія своихъ правъ на Ольденбургъ, сдѣлать заявленіе о нихъ всей Европѣ, онъ былъ увѣренъ, что этому простому дѣйствію, необходимому для поддержанія его достоинства, во Франціи не придадутъ совершенно инаго значенія, нежели онъ самъ ему придавалъ. Присоединивъ къ нему самыя положительныя увѣренія, его величество полагалъ, что объяснилъ достаточно, въ какихъ предѣлахъ долженъ быть понятъ этотъ поступокъ. Но во Франціи никогда не хотѣли понимать его въ этомъ смыслѣ, придавали ему гораздо болѣе значенія и предполагали, что онъ поведетъ совершенно къ инымъ послѣдствіямъ, нежели предполагалъ самъ Русскій императоръ, вынужденный къ нему прибѣгнуть. Такое различіе взглядовъ на это дѣйствіе повело и къ разнымъ предположеніямъ о его послѣдствіяхъ. Франція желала завести особые о немъ переговоры; мы, напротивъ, увѣряли, что дѣло вовсе ихъ не требуетъ. Но не хотѣли понять того простаго и естественнаго заявленія, что государь желаетъ только

сохранить за собою свои права и заявляя о томъ, вовсе не думалъ ни уничтожать силу существующихъ договоровъ, ни требовать какихъ-нибудь вознагражденій, а предполагали какія-то затаенныя мысли именно потому, что не хотѣли остановиться на самой простой. Какъ только такой взглядъ укрѣпился въ Парижѣ, что же могъ онъ предвѣщать намъ? Какія послѣдствія—могли мы предполагать—поведетъ за собою то упорство, съ которымъ постоянно, не смотря на объясненія, искажали самое простое по своему значенію дѣйствіе? Французскій кабинетъ до сихъ поръ держится того мнѣнія, что необходимы особые переговоры, особыя полномочія для того, чтобы разрѣшить эти недоразумѣнія. Но какія же могутъ быть основанія для этихъ переговоровъ, когда мы прямо заявляемъ, что не имѣемъ тѣхъ намѣреній, которыя Франція намъ приписываетъ? Какіе могутъ быть переговоры между двумя сторонами, когда одна изъ нихъ считаетъ себя удовлетворенною тѣмъ, что заявила свои права и не требуетъ ихъ осуществленія? Но уступая сколько было возможно тому взгляду, который въ отношеніи къ этому дѣйствію составили во Франціи, мы рѣшились было объяснить его еще болѣе и для того предполагали отправить особаго уполномоченнаго. Но исполненіе этого намѣренія зависѣло отъ двухъ существенныхъ условій. Цѣль этого посольства заключалась единственно въ томъ, чтобы, представивъ всевозможныя объясненія, поставить вопросъ въ его естественные предѣлы. Время отправленія посольства также было опредѣлено, именно миромъ съ Турціей, котораго заключеніе казалось близкимъ въ то время. Естественно было предполагать, что это событіе могло усилить тѣ подозрѣнія, которыя питали во Франціи въ отношеніи къ тайнымъ видамъ Россіи. Поэтому представлялось необходимымъ разсѣять ихъ и представить новыя доказательства Тюльерійскому кабинету, что мы твердо придерживаемся принятыхъ уже нами началъ, не смотря на окончаніе войны съ Турками. Таковы были намѣренія императора, когда онъ предполагалъ отправить въ Парижъ особаго уполномоченнаго".

Конечно, тѣ заявленія, которыя нашъ кабинетъ предполагалъ возможнымъ сдѣлать Наполеону послѣ заключенія мира съ Турками, онъ не считалъ уже нужнымъ открывать въ то время, когда убѣдился, что этотъ миръ далеко не такъ близокъ, какъ можно было предполагать въ концѣ 1811 года. Поэтому, считая нужнымъ объяснить, почему не состоялась посылка графа Нессельроде въ Парижъ, нельзя уже было говорить о существенной ея цѣли и пришлось ограничиться заявленіемъ цѣли второстепенной, объяснивъ ее съ новой точки зрѣнія. Нельзя не

обратить вниманія на ту дипломатическую ловкость, съ которою представленъ вопросъ о дѣйствіи Русскаго государя, какъ выраженіе представителя государства независимаго и самостоятельнаго, который не намѣренъ жертвовать своими правами властолюбивымъ прихотямъ властителя Франціи, но въ то же время своихъ династическихъ правъ не желаетъ поддерживать силою оружія и тѣмъ нарушать благодѣяній мира своей державы и всей Европы.

Ничего не могло быть болѣе оскорбительнымъ для Наполеона, какъ именно такая постановка вопроса объ Ольденбургѣ. Онъ стремился только къ тому, чтобы вызвать Русскаго императора на торговлю, на вопросъ о вознагражденіи. Какъ онъ, такъ и его министры и посланники постоянно увѣряли нашъ дворъ, что стоитъ только предъявить Россіи—какого она желаетъ вознагражденія для герцога Ольденбургскаго, чтобы этотъ вопросъ былъ немедленно разрѣшенъ, потому что императоръ Французовъ готовъ сдѣлать все возможное, что было бы *пріятно* его союзнику. Конечно, ни на Данцигъ, ни на герцогство Варшавское въ это время разчитывать было нельзя; но едва ли можно сомнѣваться, что, отдавая Эрфуртъ герцогу Ольденбургскому, Наполеонъ дополнилъ бы это вознагражденіе всѣми возможными другими, денежными или территоріальными. Хотя война съ Россіей была рѣшена въ его умѣ, и всѣ приготовленія къ ней почти окончены, тѣмъ не менѣе онъ охотно пошелъ бы на подобную сдѣлку. Протестъ Россіи по Ольденбургскому дѣлу сильно уязвилъ самолюбіе Наполеона, потому что служилъ выраженіемъ не только самостоятельности Россіи, которая его весьма тяготила, но и самостоятельности другихъ европейскихъ государствъ, существованіе которыхъ онъ допускалъ лишь въ той тѣрѣ, въ какой онъ позволялъ имъ существовать. Заявленіе, что въ виды русскаго кабинета вовсе не входятъ желанія или требованія о вознагражденіи, но возстановленіе нарушеннаго *права*, еще болѣе взволновало самолюбіе императора Французовъ, потому что внѣ своей воли, онъ не признавалъ никакихъ правъ, которыя могли бы стѣснить ея выраженія на дѣлѣ. Даже обязательства, имъ самимъ взятыя на себя по договорамъ, онъ считалъ временною уступкою случайнымъ обстоятельствамъ, и они тяготили его—не по ихъ значенію, но потому, что они ставили въ извѣстные предѣлы его произволъ, ограничивали его дѣйствія. Вслѣдствіе того первое его стремленіе, послѣ заключенія имъ всякаго договора, состояло въ томъ, какъ бы его нарушить и не исполнить. Онъ часто заявлялъ, что въ то время происшествія такъ быстро слѣдовали одно

за другимъ, положеніе дѣлъ въ Европѣ такъ часто измѣнялось, что нельзя придавать прочнаго значенія договорамъ, условія которыхъ необходимо должны измѣняться вслѣдъ за измѣненіемъ общаго положенія дѣлъ: но что слѣдуетъ полагаться лишь на его доброе расположеніе къ Россіи, союзъ съ которою онъ считаетъ естественнымъ и выгоднымъ для Франціи, а особенно на его дружбу къ Русскому императору.

Если бы Русскій императоръ согласился на вознагражденіе герцога Ольденбургскаго, то первымъ послѣдствіемъ этого соглашенія естественно было бы то, что онъ долженъ былъ бы взять назадъ свой протестъ, чего именно и желалъ императоръ Наполеонъ, и что прямо заявлялъ нашему посланнику герцогъ Бассано. Это послѣдствіе, устранивъ одно изъ непріятныхъ для Наполеона дѣйствій нашего правительства, повлекло бы естественнымъ образомъ еще другія: доказало бы силу Наполеона, безсиліе Россіи и унизило бы Русскаго императора, рѣшившагося на торговую сдѣлку.

Къ этимъ объясненіямъ по вопросу объ Ольденбургѣ нашему посланнику поручено было присовокупить удивленіе: возможно ли предполагать, чтобы поддержаніе союза между великими державами, связанными между собою столькими важными выгодами, могло зависѣть отъ пссольства молодаго дипломатическаго чиновника, каковъ графъ Нессельроде, если дѣйствительно существуютъ важныя пререканія между ними, которыя могутъ поколебать самыя основы ихъ взаимныхъ отношеній?

Графа Нессельроде русское правительство избрало для этого посольства, имѣвшаго самое второстепенное значеніе, потому только, что, состоя при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ, онъ былъ знакомъ со всѣми обстоятельствами нашихъ сношеній съ Франціею, а по пріѣздѣ въ Петербургъ узналъ и взгляды своего правительства. Если же посылкѣ этого молодаго дипломата придавали такое важное значеніе, то это показываетъ, что или предметы пререканій между Россіей и Франціей не такъ важны, какъ ихъ желаютъ представить, или если они, къ несчастію, дѣйствительно важны, то средство, которое считали достаточнымъ, чтобъ ихъ устранить, было вовсе безсильно для этого. Между тѣмъ какъ политика Русскаго императора, одушевляемая желаніемъ поддержать миръ, слѣдуетъ твердо и хладнокровно по одному направленію, ограничиваясь лишь устраненіемъ несправедливыхъ противъ нея обвиненій, слухи о близкой войнѣ все болѣе и болѣе распространяются по всей Европѣ. Не лучше

ли безпристрастно изслѣдовать тѣ коренныя причины, которыя послужили поводомъ къ этимъ слухамъ, и тогда, быть можетъ, нашелся бы самый удобный способъ не только разсѣять ихъ, но и уничтожить тѣ самыя причины, которыя ихъ возбудили. Вслѣдъ за Тильзитскимъ миромъ, французскій кабинетъ тревожило подозрѣніе, что старыя связи Россіи снова возьмутъ верхъ надъ новыми, и торговыя выгоды, основанныя на привычныхъ уже порядкахъ, вынудятъ наше правительство измѣнить тѣмъ началамъ, которыя приняла его новая политика. Вслѣдствіе этого подозрѣнія, постоянно изыскивали изобличеній Россіи въ желаніи сблизиться съ Англіей. На такую попытку удобно могло наводить дѣйствительно постоянное стремленіе Англіи всѣми способами сблизиться съ Россіей; но опытъ пяти лѣтъ, казалось бы, достаточно могъ убѣдить, что всѣ попытки Англіи въ этомъ отношеніи остались тщетными.

Смѣло можете говорить, поручало наше правительство князю Куракину,—что Тюльерійскій кабинетъ не откроетъ никакихъ слѣдовъ политическихъ нашихъ сношеній съ Англіей. Что же касается до торговыхъ сношеній, то мѣры, принятыя въ этомъ отношеніи нашимъ правительствомъ, гораздо строже тѣхъ, какія принимаются даже въ самой Франціи. Оно неуклонно слѣдовало континентальной системѣ, усвоивъ себѣ вполнѣ ея начала, и строгость мѣръ въ этомъ отношеніи могла бы быть усилена развѣ только безусловнымъ запрещеніемъ нейтральной торговли въ нашихъ портахъ. Когда, вслѣдствіе того, какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ важныхъ торговыхъ городахъ, постепенно падали самые твердые дома, торговавшіе съ Англіей, когда наши порта загружены хлѣбомъ и другими русскими произведеніями, когда нашъ денежный курсъ упалъ до нельзя, нужны ли еще какія-нибудь болѣе убѣдительныя доказательства для того, чтобъ опредѣлить настоящее положеніе нашей торговли? Напрасно хотятъ противопоставить этимъ важнымъ явленіямъ такіе частные случаи, какъ сильныя спекуляціи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, потворство нейтральной торговлѣ и случайныя выгоды нѣкоторыхъ неважныхъ отраслей нашей торговли. Находясь внѣ круга дѣйствій правительства и ускользая по своей незначительности отъ его надзора, всѣ эти явленія, вмѣстѣ взятыя, не могутъ представлять доказательства твердо установленныхъ торговыхъ сношеній съ Англіей. Они не могутъ имѣть никакого значенія въ виду общаго запрещенія этой торговли, сопровождаемаго конфискаціей товаровъ и строго соблюдаемаго. Не смотря на очевидность всѣхъ этихъ явленій, преднамѣренно задались

мыслью подозрѣвать насъ въ желаніи отступиться отъ континентальной системы. Это подозрѣніе, ни на чемъ не основанное. еще могло представлять нѣкоторую вѣроятность въ первое время нашего союза съ Франціей. Различіе общественнаго мнѣнія съ взглядомъ правительства, образовавшееся естественно вслѣдствіе быстрой перемѣны политической системы и торговыхъ отношеній, могло служить предлогомъ для тѣхъ, которые пытались предсказать новую перемѣну. Но какъ же можно поддерживать эту мысль теперь, когда общественное мнѣніе, убѣдившись опытами, уже совершенно согласилось съ началами, принятыми правительствомъ, и когда постояннымъ и сильнымъ руководствомъ правительству удалось, не смотря на всѣ препятствія и укоренившіяся привычки, направить выгоды частныхъ лицъ на постоянное развитіе внутренней промышленности, въ надеждѣ вознаградить тѣмъ потери, претерпѣваемыя во внѣшней торговлѣ? Но по мѣрѣ того, какъ Россія успѣвала въ своихъ видахъ скрѣпленія союза съ Франціей, Франція наоборотъ все болѣе и болѣе выражала недовѣріе къ союзу съ нами. Она приступила къ усиленію своихъ военныхъ средствъ вскорѣ послѣ того, какъ нашъ императоръ своимъ участіемъ въ войнѣ съ Австріей вновь доказалъ на дѣлѣ, что свято исполняетъ принятыя на себя обязательства. При такомъ положеніи дѣлъ, какъ же приходилось дѣйствовать Россіи? Неужели она не должна была обращать вниманія на эти признаки недовѣрія? Самое обыкновенное благоразуміе вынуждало ее принимать мѣры предосторожности. Но даже эти мѣры были соображаемы со степенью обнаруживаемаго къ намъ недовѣрія. Мы слѣдовали, или лучше сказать, были вынуждены слѣдовать, и то не въ полной мѣрѣ, за увеличиваніемъ Франціей своихъ военныхъ приготовленій въ сѣверной Германіи. Въ это-то время случай, по видимому постороній въ отношеніи къ существенному вопросу, но очень важный по своимъ послѣдствіямъ въ связи со всѣми другими, неожиданно усложнилъ взаимныя отношенія между двумя имперіями. Поляки задумали возстановленіе прежняго ихъ государства, и эти стремленія были усилены увеличеніемъ области герцогства Варшавскаго, послѣ Вѣнскаго договора. Но для того, чтобъ ихъ желанія могли осуществиться, надо было нарушить миръ. Война сдѣлалась необходимою цѣлію ихъ желаній, наиболѣе выгоднымъ для нихъ положеніемъ дѣлъ. Мы имѣемъ вѣрныя и неопровержимыя доказательства—какія они употребляли средства для того, чтобы возбудить войну. Въ кружкѣ этихъ интригановъ, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Польскимъ народомъ.—составля-

лись въ этихъ видахъ преувеличенныя извѣстія о взаимныхъ вооруженіяхъ и будущихъ предположеніяхъ о Польшѣ. напышенныя описанія тѣхъ огромныхъ средствъ, которыя эта страна можетъ доставить во время войны, извѣстія о воодушевленіи народа и т. п. Всѣ эти пышныя слова одновременно заявлялись какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Парижѣ съ соотвѣтственными измѣненіями. Тюльерійскій кабинетъ слишкомъ просвѣщенъ для того, чтобы придавать вѣру этимъ легкомысленнымъ и явно пристрастнымъ заявленіямъ. Но можетъ случиться, что этимъ заявленіямъ, присоединивъ ихъ къ существующимъ уже недоразумѣніямъ между двумя имперіями, захотятъ придавать нѣкоторую степень вѣроятности и такимъ образомъ могутъ довести ихъ до такой степени, что достоинство государства заставитъ разрѣшить вопросъ не иначе, какъ силою оружія? Какъ ни невѣроятно это предположеніе, однако же оно возможно (на что мы имѣемъ доказательства). Въ такомъ случаѣ, страсти и увлеченія людей или корыстныхъ, или одушевленныхъ несбыточными мечтами, могутъ грозить разрывомъ мирныхъ отношеній между двумя великими державами и новою европейскою войною; между тѣмъ для того, чтобы поддержать общій миръ Европы, слѣдовало бы укрѣплять союзъ между ними. Такое предположеніе слишкомъ гибельно, и трудно повѣрить въ его дѣйствительность; но къ сожалѣнію, оно можетъ сдѣлаться вѣроятнымъ, если Франція будетъ продолжать свое недовѣріе, если будетъ предполагать у насъ тайныя мысли и тѣмъ самымъ давать и намъ поводъ предполагать еще съ большимъ основаніемъ, что она сама руководствуется подобными мыслями въ своихъ дѣйствіяхъ. Постепенное увеличеніе французскихъ войскъ на сѣверѣ Германіи и въ Варшавскомъ герцогствѣ можетъ служить доказательствомъ, которое, въ свою очередь, подкрѣпляется новымъ только что совершившимся происшествіемъ. У сосѣдней съ нами державы, у Швеціи вдругъ отнята вооруженною рукою цѣлая область безъ объявленія войны. Можетъ ли Россія хладнокровно смотрѣть, какъ отнимаютъ области у ея союзниковъ, почти подлѣ самыхъ ея границъ, можетъ ли не принимать мѣръ предосторожности, видя постоянное повтореніе подобныхъ происшествій? Русскому кабинету хорошо извѣстно, что выраженіемъ мѣры предосторожности очень часто злоупотребляли; но генію Наполеона не слѣдовало бы ошибаться въ этомъ и смѣшивать дѣйствительныя мѣры предосторожности съ преувеличенными о нихъ слухами пристрастныхъ въ этомъ отношеніи людей".

Въ заключеніе нашему посланнику поручалось заявить Тюльерій-

скому кабинету, что „дѣло объ Ольденбургѣ въ томъ смыслѣ, который мы ему придаемъ, не можетъ служить поводомъ къ особымъ переговорамъ, потому что, заявивъ о нашихъ правахъ, мы вовсе не думаемъ ни устранять силу существующихъ договоровъ, ни требовать вознагражденій, что предположеніе объ особомъ посольствѣ было въ зависимости отъ обстоятельствъ времени и имѣло особое назначеніе. Но если Тюльерійскій кабинетъ будетъ по прежнему считать Ольденбургскій вопросъ требующимъ разрѣшенія, то отъ него зависитъ заявить о томъ способѣ—какимъ онъ желаетъ его разрѣшить. Петербургскій кабинетъ готовъ способствовать этому разрѣшенію всѣми зависящими отъ него мѣрами. Императоръ уполномочиваетъ васъ представить всѣ эти объясненія Тюльерійскому кабинету и выслушать его предположенія по Ольденбургскому вопросу, представивъ ихъ потомъ на усмотрѣніе его величества. Если сообщаемыя нами объясненія не удовлетворятъ этого кабинета, мы тѣмъ не менѣе сохранимъ глубокое убѣжденіе, что никакимъ дѣйствіемъ, никакою заднею мыслью мы не подали ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы поддерживать слухи о близкой войнѣ, распространяющіеся по всей Европѣ; напротивъ того, мы увѣрены, что они поддерживаются тѣмъ недовѣріемъ, которое Франція выказываетъ къ Россіи, и увеличеніемъ ея войскъ на сѣверѣ Германіи, и распространяются умышленно нѣкоторыми Поляками, которые дѣйствительно желаютъ возбудить войну. Разсѣять эти слухи весьма легко, и мы готовы содѣйствовать Франціи въ этомъ случаѣ“ [1]).

Хотя Наполеонъ и очень былъ доволенъ тѣмъ, что не состоялось посольство графа Нессельрода, но онъ не желалъ, чтобы Россія убѣдилась въ томъ, что прошло время переговоровъ, и что несогласія между нею и Франціей могутъ быть рѣшены единственно силою оружія. Такая увѣренность могла бы повести Россію къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыхъ онъ такъ опасался. Между тѣмъ новый захватъ съ его стороны, Шведской Помераніи во время мира съ Швеціей, безъ объявленія ей войны—могъ послужить благовиднымъ къ

[1]) Нота графа Румянцева къ князю Куракину 24-го февраля 1812 года. Мы подробно изложили ея содержаніе, и почти собственными ея словами, потому особенно, что начерно она вся писана рукою самого императора Александра, какъ и весьма многія другія дипломатическія бумаги того времени. Съ черновой императора она была два раза переписана и снова имъ исправлена, впрочемъ весьма незначительно въ отношеніи къ слогу, и затѣмъ за подписью канцлера отправлена нашему посланнику въ Парижъ.

тому предлогомъ; поэтому, желая еще на нѣсколько мѣсяцевъ продлить бездѣйствіе Россіи и возбудить снова надежду на возможность миролюбивыми соглашеніями отклонить бѣдствія грозившей войны, въ то самое время какъ была составлена и отправлена въ Парижъ къ нашему посланнику нота, которой мы изложили содержаніе, императоръ Наполеонъ поручалъ герцогу Бассано увѣдомить Чернышева, что онъ назначаетъ ему свиданіе.

Чернышевъ находился постоянно въ Парижѣ съ тѣхъ поръ, какъ привезъ Наполеону письмо императора Александра, около года ожидая своего отправленія въ Россію. Пользуясь благосклоннымъ вниманіемъ Наполеона, посѣщая даже семейные вечера членовъ его семейства, какъ напримѣръ, принцессы Полины, еженедѣльно присутствуя на вечерахъ герцога Бассано, онъ въ продолженіе долгаго пребыванія въ Парижѣ разширилъ кругъ своихъ общественныхъ отношеній и близко познакомился со многими лицами. Успѣхи въ обществѣ давали ему средства узнавать все, что дѣлалось въ Парижѣ и Франціи, и разумѣется, сообщать своему правительству. Но именно такое положеніе по мѣрѣ приближенія войны съ Россіей и должно было обратить на него подозрительное вниманіе французской полиціи. Руководимая министромъ полиціи Савари, особенно его не любившимъ, она слѣдила за каждымъ его шагомъ. Чернышевъ, конечно, это замѣтилъ и въ заключеніи послѣдняго своего письма за 1811 годъ къ графу Румянцеву убѣждалъ его обратить вниманіе на личную его просьбу. „Продолженіе моего пребыванія въ Парижѣ“, писалъ онъ,—„зависитъ исключительно отъ императора Наполеона. Между тѣмъ я не только имѣю поводъ думать, но вслѣдствіе нѣкоторыхъ свѣдѣній совершенно увѣренъ, что онъ не намѣренъ меня отправить въ Россію. Я позволю себѣ даже заявить, что слишкомъ много придаютъ мнѣ чести и значенія, опасаясь моего возвращенія, а потому намѣреваются задержать здѣсь. Поэтому, очень можетъ случиться, что внезапный отъѣздъ императора Наполеона къ войскамъ поставитъ насъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, въ положеніе похожее на то, въ которомъ находился въ 1809 году графъ Меттернихъ съ своимъ посольствомъ. Ваше сіятельство, безъ сомнѣнія, увѣрены, что меня устрашаютъ не одни непріятности подобнаго положенія, что я не только желаю избѣжать того, чтобы схватили мои бумаги, и можетъ быть самого меня лишили свободы; но если дѣйствительно меня задержатъ въ Парижѣ, то я смотрю на это какъ на величайшее несчастіе, потому что буду лишенъ возможности служить моему государю на томъ поприщѣ дѣя-

тельности, которому я посвятилъ себя. Хотя это случилось бы и независимо отъ моей воли, но я глубоко былъ бы оскорбленъ, лишившись возможности занять свое мѣсто по первому призыву къ войнѣ. Удостойте, графъ, повергнуть мои чувства къ стопамъ его императорскаго величества и подкрѣпите вашимъ заступничествомъ мою просьбу, чтобы подъ какимъ-нибудь предлогомъ, вызвали меня въ Петербургъ теперь же, когда императоръ Наполеонъ еще не имѣетъ никакихъ поводовъ меня удержать. Участіемъ въ этомъ случаѣ вы окажете мнѣ благорасположеніе и пріобрѣтете вѣчную мою благодарность" [1]).

Приведенныя строки доказываютъ—въ какомъ въ это время тревожномъ состояніи духа находился Чернышевъ—эту тревогу, впрочемъ, раздѣляли и всѣ члены нашего посольства—и объяснятъ—съ какою радостью, онъ выслушалъ заявленіе герцога Бассано, что императоръ Наполеонъ призываетъ его на свиданіе. Это заявленіе было ему сдѣлано недолго спустя послѣ того, какъ онъ послалъ письмо, изъ котораго мы привели выдержку (13/25-го февраля). „Можетъ быть, его величеству угодно отправить меня въ Петербургъ?" отвѣчалъ Чернышевъ министру иностранныхъ дѣлъ Наполеона, не успѣвъ скрыть тайнаго своего желанія. „Мнѣ еще неизвѣстны намѣренія моего государя", отвѣчалъ герцогъ Бассано, и оставивъ между страхомъ и надеждою, повезъ его съ собою во дворецъ.

Сомнѣнія Чернышева разсѣялись однако же съ первыхъ словъ, сказанныхъ ему Наполеономъ, когда онъ явился къ нему вмѣстѣ съ Бассано. Императоръ объявилъ, что намѣренъ съ своимъ письмомъ, которое доставитъ ему герцогъ, отправить его къ императору Александру. „Это письмо будетъ коротко", сказалъ онъ,—„потому что государи не должны писать обширныхъ писемъ при такихъ обстоятельствахъ, когда ничего пріятнаго не могутъ сказать одинъ другому", и прибавилъ притомъ, что его словесныя объясненія съ Чернышевымъ послужатъ дополненіемъ и объясненіемъ его письма.

Наполеонъ объявилъ, что содержаніе депешъ, только что полученныхъ отъ Лористона, вынуждаетъ его прямо обратиться къ Русскому императору единственно съ тою цѣлію, чтобъ еще разъ попытаться разсѣять тѣ ложныя мнѣнія, которыя господствуютъ въ Петербургѣ о его намѣреніяхъ относительно Польши. Ему было весьма непріятно, что канцлеръ имперіи еще недавно говорилъ Лористону,

---

[1]) Письмо отъ $\frac{\text{31-го декабря 1811 года}}{\text{21-го января 1812 года}}$ изъ Парижа.

что намѣреніе возстановить Польшу и Варшавскіе происки онъ считаетъ существенными причинами того тревожнаго состоянія, въ которомъ въ продолженіе 15-ти мѣсяцевъ находится Европа. „Поэтому", сказалъ Наполеонъ,—„я спѣшу снова и положительно объявить, что предположеніе о возстановленіи Польскаго королевства вовсе не входитъ въ мои политическіе виды и что вопросы, которые къ несчастію подали поводъ къ несогласіямъ, касаются исключительно Франціи, а вовсе не иностранцевъ".

Такъ какъ его посланникъ не перестаетъ утверждать, что въ Россіи вовсе не хотятъ войны, а напротивъ какъ правительство, такъ и общество желаютъ поддержать союзъ съ Франціей, то онъ, съ своей стороны, считаетъ долгомъ выразить императору Александру, что есть еще возможность достигнуть мирно соглашеній, не смотря на то, что войска обѣихъ сторонъ почти стоятъ одно передъ другимъ, если только теперешнее отношеніе между двумя имперіями онъ приписываетъ вопросу о Польшѣ. Французскія войска придвинулись уже почти къ границамъ потому только, что русское правительство отказывалось постоянно войдти въ объясненія по вопросамъ, по ихъ сущности весьма незначительнымъ. Если бы захотѣли только откровенно и прямо отнестись къ этимъ вопросамъ, то сами собою и давнымъ-давно разсѣялись бы всѣ недоразумѣнія, возникшія между двумя державами.

Таково было начало рѣчей Наполеона, обращенныхъ къ Чернышеву, изъ которыхъ онъ узналъ, что по свидѣтельству Лористона русское правительство выставляло вопросъ о Польшѣ, не придавая значенія никакимъ другимъ, какъ существенную причину своего разрыва съ Франціей, то-есть, основывало всю свою политику на одномъ подозрѣніи, что императоръ Наполеонъ предполагаетъ возстановить Польское королевство въ прежнемъ его составѣ, не смотря на то, что онъ постоянно заявлялъ о несоотвѣтствіи подобнаго намѣренія съ видами его политики. Но могъ ли что-нибудь подобное писать Лористонъ, котораго донесенія вообще отличались правдивостію, какъ и его предшественника? Донесенія Лористона, на которыя ссылался императоръ Наполеонъ, были тѣ самыя, въ которыхъ онъ извѣщалъ, что посольство графа Нессельрода не состоится, и прибавлялъ, что императоръ Александръ сообщилъ ему объ этомъ съ видимымъ прискорбіемъ, потому что не желаетъ войны. По разказу Лористона, императоръ Александръ говорилъ ему, что для поддержанія мира онъ употреблялъ всѣ средства, строго соблюдалъ условія Тильзитскаго договора, рѣшился даже отвлечь свое вниманіе отъ захвата Ольден-

бурга, лишь бы только императоръ Наполеонъ вознаградилъ герцога по своему усмотрѣнію; что онъ готовъ *терпѣть существованіе* Варшавскаго герцогства, лишь только бы оно не было *началомъ возстановленія* Польскаго королевства, и что онъ поддерживалъ постоянно континентальную систему, прервавъ совершенно торговлю съ Англичанами. Но преслѣдуя эту цѣль, императоръ Александръ, по словамъ Лористона, сознавалъ невозможность дойдти до того, чтобы запретить всякую торговлю съ нейтральными и особенно съ Американцами. Такое требованіе, которое раззорило бы Россію также, какъ Варшавское герцогство, могло бы быть основано только на декретахъ Берлинскомъ и Миланскомъ, состоявшихся безъ всякаго участія Россіи. „Это я говорилъ много разъ", сказалъ Лористону императоръ Александръ, — „и теперь повторяю, что никакая власть въ мирѣ не заставитъ меня отступить отъ моего рѣшенія въ этомъ случаѣ; я готовъ скорѣе десять лѣтъ вести войну, отступить въ Сибирь, нежели низвесть Россію до того положенія, въ какомъ находятся Пруссія и Австрія" [1]). Изъ донесеній Лористона оказывается, что Русскій императоръ вовсе не придавалъ того значенія вопросу о Польшѣ, которое придалъ императоръ Наполеонъ. Этотъ вопросъ давно уже былъ сведенъ съ поприща дипломатическихъ переговоровъ, а потому и графъ Румянцевъ не могъ говорить о немъ Лористону въ этомъ смыслѣ [2]).

Очевидно, Наполеону нужна была только *новая* придирка, чтобы вынудить Россію отвѣчать на новый вопросъ, ввести ее въ переговоры и выиграть еще нѣсколько мѣсяцевъ времени, которые онъ считалъ необходимыми до открытія военныхъ дѣйствій.

Дальнѣйшій ходъ его рѣчей, обращенныхъ къ Чернышеву, можетъ служить тому доказательствомъ. Поговоривъ съ нимъ о Польскомъ вопросѣ, которымъ только хотѣлъ прикрыть другой, дѣйствительно существенный въ глазахъ русскаго правительства, Наполеонъ сейчасъ же

---

[1]) *Thiers*, Hist. de l'Empire, кн. XXV, такъ передаетъ содержаніе депешъ Лористона 3-го февраля нов. ст. 1812 года, полученныхъ въ Парижѣ 15-го и 17-го февраля нов. ст. Разговоръ Наполеона съ Чернышевымъ происходилъ послѣ полученія этихъ депешъ, и Чернышевъ пріурочиваетъ его къ $^{13}/_{25}$-му февраля въ своей запискѣ, представленной имъ императору, уже по возвращеніи въ Петербургъ, подъ заглавіемъ: Exposé des discours que m'a tenu S. M. l'empereur Napoleon à Fontenebleau au bal le $^{8}/_{21}$ Oct. et ensuite le 23 à mon audience de congé, qui a duré plus de trois heures. На этой запискѣ и основанъ нашъ разказъ.

[2]) На полѣ записки Чернышева противъ этого мѣста собственною рукою императора Александра написано: «Jamais rien de pareil n'a été articulé».

перешелъ къ вопросу о нейтральной торговлѣ. Сказавъ, что кромѣ Польскаго вопроса, всѣ другіе, составлявшіе предметъ пререканій между двумя имперіями, не имѣютъ особенной важности, онъ продолжалъ: „Но для того, чтобы могло возобновиться въ прежнемъ видѣ доброе согласіе и тѣсная дружба, которыя существовали между Россіей и Франціей, необходимо возвратиться къ Тильзитскому договору и снова подтвердить условіе, чтобъ англійскія суда не имѣли доступа въ русскіе порты, и совершенно запретить ввозъ колоніальныхъ товаровъ. Это только дурная шутка (mauvaise plaisanterie), когда говорятъ, что мы допускаемъ лишь торговлю съ Американцами, тогда какъ на Лондонской биржѣ прямо дѣлаются заказы для Россіи, и когда вся Европа знаетъ, что Англичане, подъ названіемъ Американцевъ, являются въ Ригу и другіе русскіе порты. Великобританское правительство, которое готово уже поссориться съ Американскими Соединенными Штатами, конечно, не дозволило бы американскимъ кораблямъ въ такомъ огромномъ числѣ отправиться въ Россію, а эти корабли въ продолженіе послѣдняго лѣта принесли безконечную пользу Англіи и почти совершенно уничтожили значеніе континентальной системы, наводнивъ всю Европу колоніальными товарами. Они входятъ въ нее черезъ Броды, которые сдѣлались складочнымъ мѣстомъ англійской торговли, какъ прежде былъ Амстердамъ. Потомъ эти товары по сухопутнымъ дорогамъ проникаютъ въ Австрію, Пруссію и достигаютъ до Франціи, что̀ совершенно уничтожаетъ значеніе строгихъ мѣръ принятыхъ во Французской имперіи и въ другихъ странахъ, находящихся подъ ея властью. Такого порядка вещей я не могу терпѣть", продолжалъ онъ, — „потому что это значило-бъ отказаться отъ принятой мною системы и отъ всѣхъ усилій, которыя я употребилъ, чтобы раздавить Англичанъ, лишивъ всякаго сбыта ихъ колоніальные товары. Эти мѣры нанесли имъ уже неизчислимыя бѣдствія, и наконецъ, совершенно уничтожили бы ихъ торговлю, если бы Россія строго исполняла принятыя ею на себя обязательства. Еслибъ я принужденъ былъ терпѣть подобныя нарушенія обязательствъ, то мнѣ ничего не оставалось бы болѣе дѣлать, какъ открыть Гавръ и всѣ другіе порты имперіи для англійской торговли. Но я неуклонно слѣдую своей системѣ, не откажусь отъ нея и говорилъ нѣсколько разъ, что немедленно объявлю войну Россіи, лишь только узнаю, что она отказывается отъ исполненія мѣръ, постановленныхъ декретами Берлинскимъ и Миланскимъ, которымъ по Тильзитскому трактату подчинился императоръ Александръ". Если Россія въ отношеніи къ англійской

торговлѣ будетъ также снисходительна въ приближающейся навигаціи, какъ прошлымъ лѣтомъ, то—заявилъ Наполеонъ,—онъ сочтетъ это признакомъ окончательнаго разрыва съ Франціей, все равно, вступитъ ли Россія въ союзъ съ Англіей, или нѣтъ, потому что она доставляетъ ей всѣ выгоды въ ущербъ Франціи. Между тѣмъ она должна бы щадить именно выгоды Франціи, особенно въ то время, когда своимъ упорнымъ молчаніемъ, отклоненіемъ миролюбивыхъ объясненій и постоянными вооруженіями вынудила Францію дать иное направленіе тѣмъ средствамъ, которыя она могла бы употребить для того, чтобы окончательно покорить Испанію. Россія совершенно заблуждается, если считаетъ возможнымъ торговать съ Англіей, и въ то же время находиться въ дружескихъ отношеніяхъ къ Франціи въ надеждѣ, что она не обратитъ вниманія на ея поведеніе въ этомъ отношеніи. Великая держава, какъ Россія, не можетъ быть въ войнѣ съ другою державою на основаніи договора и въ то же время безнаказанно поощрять не позволенную торговлю съ нею. Такой маленькой и презрѣнной странѣ, какъ Швеціи, можно еще питать надежду согласить такое двусмысленное поведеніе съ обязательствами, наложенными на нее договорами; но допустить это въ отношеніи Россіи никакъ невозможно.

„Единственно, чего я требовалъ отъ императора Александра въ Тильзитѣ", продолжалъ Наполеонъ,—„это того, чтобъ онъ объявилъ себя противъ Англіи. Лишь только онъ согласился на это, я отвѣчалъ немедленно: нашъ миръ заключенъ, во всемъ остальномъ мы легко согласимся". Перейдя затѣмъ къ нашему тарифу на 1811 г., Наполеонъ сказалъ, что видѣлъ въ немъ уже перемѣну направленія въ императорѣ Александрѣ, потому что нельзя не признать, что тарифъ составленъ съ явнымъ намѣреніемъ повредить Франціи и оскорбить его лично; что таково и мнѣніе о немъ всѣхъ Французовъ,—что онъ и замѣтилъ мнѣ, писалъ Чернышевъ, при свиданіи въ то время, когда былъ обнародованъ этотъ тарифъ.

Воспользовавшись небольшимъ промежуткомъ непрерывно продолжавшейся рѣчи Наполеона, Чернышевъ позволилъ себѣ замѣтить, что послѣ всѣхъ объясненій значенія этой мѣры, какъ чисто административной, и особенно послѣ того, что онъ самъ ему говорилъ о ней впослѣдствіи, онъ считалъ этотъ вопросъ совершенно сошедшимъ съ поприща переговоровъ.

„Я говорю не о существѣ этой мѣры", прервалъ его Наполеонъ,—„но формы, въ какихъ она была изложена, не могли не поразить меня. Тѣхъ же послѣдствій можно было достигнуть, не оскорбляя меня

такъ чувствительно; можно было предварительно условиться и согласить выгоды своего государства съ выгодами союзниковъ. Я не знаю настолько внутреннее устройство вашего правительства, чтобы назвать лицо, которому поручено было составить изложеніе этого постановленія, но совершенно увѣренъ въ томъ, что это лицо принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые ненавидятъ меня и весьма расположены къ Англіи".

Самый придирчивый и предубѣжденный критикъ въ изложеніи нашего положенія о торговлѣ на 1811 годъ, съ приложенными къ нему тарифами, безъ сомнѣнія, ничего не нашелъ бы оскорбительнаго ни для Франціи, ни еще менѣе — лично для самаго Наполеона. Но съ его стороны это была простая придирка къ изложенію, такая же, какъ и прежде къ самому тарифу, когда онъ не хотѣлъ еще высказать своей главной мысли о нейтральной торговлѣ, не приготовившись къ войнѣ. Теперь онъ былъ готовъ къ ней и уже прямо выражалъ, что не потерпитъ торговли Россіи съ Американцами, и лишь повторялъ, съ видоизмѣненіемъ весьма не ловкимъ, старую придирку, желая показать, что онъ не измѣнятъ своихъ мнѣній, и не предполагая даже, что тѣ, которые слушаютъ его рѣчи, могутъ понимать, что онъ думаетъ совсѣмъ не то, что̀ говоритъ. Его самоувѣренность достигла до такой степени, что онъ позволялъ себѣ измѣнять по своему желанію историческія событія, совершившіяся на виду у всѣхъ. Онъ говорилъ Чернышеву, что императоръ Александръ обязался въ Тильзитѣ исполнять правила Берлинскаго и Миланскаго декретовъ. Но Миланскій декретъ состоялся 17-го декабря 1807 г., послѣ распоряженія англійскаго правительства 11-го ноября того же года объ осмотрѣ (visite) нейтральныхъ кораблей, и предписывалъ всякій корабль, подчинившійся этому требованію великобританскаго правительства считать за англійскій. Тильзитскій же договоръ подписанъ 25-го іюня (7-го іюля), то-есть, полгодомъ ранѣе появленія Миланскаго декрета. Могъ ли онъ быть обязательнымъ для императора Александра по Тильзитскому договору? Но въ этомъ договорѣ не было упомянуто и о Берлинскомъ декретѣ о континентальной блокадѣ, хотя онъ состоялся и прежде его, (21-го ноября 1806 г.). Поэтому Россія прервала торговлю съ Англіей не въ силу этихъ декретовъ, а потому, что по Тильзитскому договору обязалась объявить войну Англіи, если взятое ею посредничество къ примиренію ея съ Франціей не будетъ имѣть успѣха. Война съ Англіей была причиною присоединенія Россіи къ кон-

типентальной системѣ Франціи въ той мѣрѣ, какъ она касалась торговли съ Англіей, а не съ державами нейтральными, къ которымъ относятся правила Миланскаго декрета [1]). Но мысль Наполеона, которую, конечно, онъ не хотѣлъ выразить прямо, явно проглядывала въ его широковѣщательныхъ рѣчахъ какъ теперь, такъ и прежде. Ему не удалось прямо причислить Русскаго императора къ числу своихъ союзниковъ того же разряда, какъ государей Рейнскаго союза, которые, какъ его вассалы, безпрекословно повиновались всѣмъ его повелѣніямъ; но онъ той же цѣли думалъ достигнуть сперва путемъ лести, затѣмъ устрашенія и, наконецъ, насилія. Эта мысль никогда его не покидала, и въ своемъ упоеніи властью Наполеонъ никого не могъ признавать равнымъ самому себѣ, въ качествѣ государя самостоятельной державы. Мысль, что кромѣ личности государей, существуетъ *народъ*, конечно, не приходила ему въ голову, и поголовное возстаніе Испаніи представлялось ему безсмысленнымъ и грубымъ мятежемъ; ему не приходила въ голову даже мысль, что могутъ существовать независимыя отъ него и *не враждебныя Франціи государства*. Поэтому политику Россіи въ это время онъ постоянно объяснялъ измѣненіемъ чувствъ императора Александра въ отношеніи лично къ нему, происшедшимъ будто бы отъ вліянія на него козней Англіи и отъ окружавшихъ людей, лично питавшихъ ненависть къ императору Французовъ.

Поэтому, продолжая держать свою рѣчь Чернышеву, Наполеонъ объяснялъ, что императоръ Александръ потому уклоняется отъ исполненія обязательствъ въ отношеніи къ Франціи, что измѣнились тѣ его личныя къ нему чувства, которыя онъ выражалъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. „Вашъ протестъ по случаю герцогства Ольденбургскаго", говорилъ Наполеонъ, — „былъ настоящій манифестъ, объявленіе войны; его разослали даже по всѣмъ европейскимъ государствамъ, какъ бы призывая меня къ ихъ суду, которому я не обязанъ отдавать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ. Этимъ протестомъ императоръ Александръ выразилъ ко мнѣ недовѣріе; онъ, какъ говорится, бросилъ мнѣ перчатку, но какъ я желаю искренно поддержать миръ съ Россіей, то и не поднялъ ея и до сихъ поръ не отвѣ-

---

[1]) Противъ словъ Наполеона о Берлинскомъ и Миланскомъ декретахъ на запискѣ Чернышева рукою императора Александра написано: «Jamais le traité de Tilsit n'a rien stipulé des decrets de Berlin et de Milan, qui n'y sont pas nommés seulement».

чалъ на этотъ протестъ, потому что, согласно съ достоинствомъ, иначе отвѣчать не могу, какъ объявленіемъ войны. Я предпочелъ заявить другимъ державамъ, что объяснюсь объ этомъ вопросѣ впослѣдствіи, когда сочту удобнымъ въ видахъ моей политики, удерживая такимъ образомъ за собою возможность или отвѣчать такъ, какъ слѣдуетъ, или совершенно устранить это дѣло, если вы пойдете на такое соглашеніе, которое могло бы изгладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное вашимъ протестомъ. Но если вы будете хранить молчаніе по прежнему и дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовали до сихъ поръ, то я объявлю, что герцогъ Ольденбургскій, не приславшій своего контингента въ австрійскую войну и такимъ образомъ нарушившій обязанности члена Рейнскаго союза [1]), потерялъ свои права на обладаніе герцогствомъ. Правъ на него русскаго императорскаго дома я не признаю, и если я до сихъ поръ не обнародовалъ этого заявленія, то это изъ снисхожденія къ императору Александру, котораго я постоянно призывалъ къ миролюбивому рѣшенію этого дѣла".

Упрекая русское правительство за то, что оно не хочетъ выразить своихъ мыслей, не смотря на всѣ его старанія прервать это молчаніе, не понимая никакой другой силы, кромѣ внѣшней силы оружія, Наполеонъ съ чувствомъ сильно оскорбленнаго достоинства продолжалъ говорить: „Развѣ императоръ Александръ меня разбилъ, что могъ позволить себѣ обходиться со мною такъ унизительно? Неужели мы кажемся ему такими презрѣнными, что онъ не удостоиваетъ насъ отвѣтомъ и не хочетъ входить въ объясненія? Если гордость препятствуетъ избрать мѣстомъ переговоровъ Парижъ, то пусть онъ выберетъ какой угодно городъ въ Германіи и пошлетъ туда своихъ уполномоченныхъ. Я уже болѣе пятнадцати мѣсяцевъ настаиваю на томъ, чтобы снабдили необходимыми наставленіями князя Куракина, но, кажется, къ нему не имѣютъ довѣрія. Зачѣмъ же не присылаютъ графа Нессельрода? Вы пріѣхали годъ тому назадъ, почему тогда же не далъ вамъ полномочій императоръ Александръ? Конечно, ваша обязанность заключается въ сообщеніи военныхъ свѣдѣній [2]); но вы довольно зна-

---

[1]) Противъ этого рукою императора Александра на запискѣ Чернышева написано: «Il n'y a pas été même requis de le faire, car ce contingent existait à peine et commencait seulement à se former».

[2]) Противъ этихъ словъ императоръ Александръ написалъ: «Des pouvoirs à un jeune officier! Cela serait assez plaisant».—Нѣтъ нужды доказывать до какой степени Русскому императору должно было показаться страннымъ такое заявле-

комы съ ходомъ дѣлъ, показали, что ихъ понимаете, и притомъ въ то время они были такъ не сложны, что можно было немедленно достигнуть соглашеній. Впрочемъ, моя политика ясна, и я не скрываю своихъ дѣйствій; для меня не имѣетъ большаго значенія выборъ уполномоченнаго; пусть пришлютъ хотя г. Маркова, когда хотятъ,—только бы развязали языкъ и начали бы переговоры. Что касается до военныхъ приготовленій, которыя дѣлаются теперь во Франціи, то они составляютъ необходимое послѣдствіе принятой мною системы дѣйствій, а вовсе не враждебныхъ намѣреній противъ Россіи, какъ это предполагаютъ. Внушивъ мнѣ недовѣріе, вынудили меня дѣйствительно приготовиться къ войнѣ, что̀ и я сдѣлалъ. Вы который часто посѣщали Парижъ и проживали въ немъ подолгу, можете лучше другихъ судить, какое различіе представляетъ въ этомъ отношеніи настоящее время въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ было даже годъ тому назадъ. Въ то время не думали о войнѣ; теперь обстоятельства измѣнились. Впрочемъ, я много разъ, при разныхъ случаяхъ, заявлялъ, что̀ я дѣлаю, и что̀ можетъ произойдти; отчасти я говорилъ объ этомъ графу Шувалову и особенно во время аудіенціи $^{3}/_{15}$-го августа. Неужели вы думаете, что я говорилъ князю Куракину при всѣхъ безъ цѣли и намѣренія? Конечно, нѣтъ; я имѣлъ въ виду, что моя рѣчь выведетъ васъ изъ нерѣшительнаго положенія и заставитъ рѣшиться на что-нибудь. Но не смотря на мое желаніе, мнѣ не удалось достигнуть этой цѣли, и я продолжалъ мои вооруженія. Но въ этомъ случаѣ я дѣйствовалъ совершенно иначе, нежели прежде. Въ прежнихъ войнахъ въ 1805 и 1807 годовъ я спѣшилъ вызвать на бой Пруссаковъ и Австрійцевъ прежде, нежели вы прійдете къ нимъ на помощь; теперь я употребилъ гораздо болѣе времени на мои приготовленія къ войнѣ по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому, что я не желаю войны и постоянно питалъ надежду, что мы прійдемъ къ соглашенію; потомъ потому, что чѣмъ болѣе я употреблю времени на приготовленія, тѣмъ грознѣе будетъ моя сила. Вы желаете вести переговоры, имѣя за собою четырестатысячное войско, и я сдѣлалъ то же; не могъ же я оставить на жертву войска Варшавскаго герцогства. Поэтому, когда вы будете возвращаться въ Россію чрезъ Пруссію, вы встрѣтите корпусъ Даву

ніе Наполеона, хотя онъ отдавалъ справедливость способностямъ Чернышева, какъ доказываетъ слѣдующая собственноручная его подпись на донесеніи Чернышева $^{9}/_{21}$ апрѣля 1811 года: «Pourquoi n'ai—je pas beaucoup de ministres comme ce jeune homme».

на пути къ Штетину и вслѣдъ за нимъ другіе корпуса, такъ что я могу вамъ сказать, что мои аванпосты находятся на Вислѣ, а главныя силы на Одерѣ. Если я получу скоро отвѣтъ и такой, *какого я желаю*, то *можетъ быть*, я остановлю ихъ переходъ черезъ Одеръ,— иначе я придвину ихъ къ Вислѣ. Во всякомъ случаѣ я имѣю право продолжать движеніе моихъ войскъ до Данцига".

Дѣйствительно, заключивъ съ Пруссіей наступательный союзъ противъ Россіи, Наполеонъ былъ въ правѣ распоряжаться областью своего союзника, тѣмъ болѣе, что и прежде распоряжался ею, какъ достояніемъ побѣжденнаго и униженнаго имъ государя. Понимая такое положеніе Пруссіи, Чернышевъ позволилъ себѣ ему замѣтить: „Это-то именно право вашего величества и служитъ поводомъ къ безпокойству съ нашей стороны и вынудило насъ собрать значительныя силы, чтобы быть готовымъ при всякихъ неожиданныхъ обстоятельствахъ. Лучшимъ доказательствомъ, что сосредоточеніе нашихъ войскъ было только предохранительною мѣрою, можетъ служить то обстоятельство, что Русскій императоръ не объявлялъ войны Франціи полтора года, годъ и даже шесть мѣсяцевъ тому назадъ, когда военныя приготовленія Франціи еще далеко не достигли тѣхъ размѣровъ, какъ въ настоящее время. Я не могу скрыть отъ вашего величества, что вступленіе вашихъ войскъ въ Пруссію подтвердитъ то недовѣріе, которое уже питаетъ къ Франціи наше правительство, и произведетъ сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ".

„Но кто же виноватъ въ этомъ случаѣ", прервалъ его Наполеонъ;— „вы говорите, что не желаете войны, зачѣмъ же вы отказываетесь отъ переговоровъ и продолжаете вооружаться. Прежде на очищеніе Пруссіи французскими войсками вы смотрѣли какъ на побѣду, а теперь вынуждаете меня вновь ввести ихъ туда. Что касается до меня, то я *положительно васъ увѣряю, что не начну съ вами войны въ этомъ году*, если только ваши войска не вступятъ въ Варшавское герцогство или въ Пруссію, которая въ союзѣ со мною. Подобное положеніе дѣлъ для меня выгодно, я могу продолжать все болѣе и болѣе мои вооруженія, для этого еще есть въ моей казнѣ болѣе 300 милліоновъ; между тѣмъ вы теперь уже принуждены прибѣгать къ новымъ налогамъ, какъ извѣщаетъ меня Лористонъ. Императоръ Александръ въ одномъ изъ разговоровъ съ нимъ, стараясь доказать, что я намѣренъ начать войну, привелъ то обстоятельство, что часть моихъ верховыхъ лошадей я велѣлъ отправить въ Германію. Въ этомъ онъ ошибается. Правда, что съ тѣхъ поръ какъ я вынужденъ былъ

прибѣгнуть къ значительнымъ вооруженіямъ на сѣверѣ, я долженъ былъ отказаться отъ намѣренія отправиться въ Испанію, какъ предполагалъ, чтобы лично распорядиться экспедиціей въ Португалію. Для этого уже были приняты всѣ мѣры, часть моихъ верховыхъ лошадей и экипажей находились тамъ уже около полутора года. Но ваши вооруженія разстроили мои предположенія, и если бы возгорѣлась война на сѣверѣ, то конечно, потребовала бы моего личнаго присутствія. Поэтому я велѣлъ вывести моихъ лошадей изъ Испаніи и отправить въ Германію единственно съ тою цѣлію, чтобы предупредить возможность тѣхъ опасностей, которымъ я подвергался въ 1809 году, когда мнѣ приходилось ѣздить на неизвѣстныхъ мнѣ лошадяхъ".

Перейдя затѣмъ къ испанскимъ дѣламъ, Наполеонъ выразилъ мысль, что въ Петербургѣ не имѣютъ о нихъ надлежащаго понятія, и вѣроятно, потому не сговорчивы, что полагаютъ, будто бы испанская война отвлекаетъ большую часть его силъ, и что онъ не можетъ имѣть достаточнаго количества войскъ для войны съ Россіей. „Повѣрьте мнѣ", говорилъ онъ, — „что независимо отъ тѣхъ военныхъ силъ, которыя я назначаю противъ васъ, у меня еще остается достаточно, чтобы разомъ покончить дѣла въ Испаніи. Тамъ нужно только придать единство дѣйствіямъ. Каждая изъ пяти или шести армій, которыя тамъ находятся, считаетъ себя въ правѣ имѣть свой взглядъ на дѣйствія, несогласный съ другими. Въ этомъ отношеніи только мое личное присутствіе могло бы пособить дѣлу; но меня остановили дѣйствія вашего правительства, которыя, я увѣренъ, зависятъ только отъ того, что оно ошибается въ отношеніи къ числу войскъ, которыми я могу располагать: вы должны имѣть болѣе точныя свѣдѣнія о числѣ моихъ войскъ, нежели другіе;— скажите мнѣ ваше мнѣніе; мнѣ любопытно его знать, чтобы не предполагать, что можетъ быть, и вы вводили въ заблужденіе ваше правительство въ этомъ отношеніи?"

Въ это время французскій министръ полиціи, лично не любившій Чернышева, подозрѣвая, что онъ имѣетъ сношенія съ военнымъ министерствомъ и тайно получаетъ оттуда свѣдѣнія о составѣ и движеніяхъ войскъ, дѣятельно велъ изслѣдованіе съ цѣлію обличить Чернышева,—конечно, съ вѣдома императора Наполеона. Очень можетъ быть, что предлагая подобный вопросъ, императоръ полагалъ, что въ отвѣтъ на него Чернышевъ войдетъ въ такія подробности, которыя

могутъ подать ему поводъ предложить другой: откуда русскій офицеръ могъ получить такія свѣдѣнія?

Но отвѣтъ Чернышева не подалъ къ тому повода. Онъ отвѣчалъ, что русское правительство вовсе не заблуждается на счетъ тѣхъ войскъ, которыя онъ можетъ употребить противъ насъ; что оно совершенно увѣрено, что Наполеону не предстоитъ никакой надобности вызывать свои войска изъ Испаніи, чтобы противупоставить, по крайней мѣрѣ, равное нашимъ число войскъ, и что дѣйствія нашего правительства вовсе не разчитаны на ходъ военныхъ событій, удачныхъ или нѣтъ, въ этой странѣ.

Въ заключеніе разговора императоръ Наполеонъ сказалъ, что если дѣйствія нашего правительства не разчитаны на то, чтобы непремѣнно возгорѣлась война съ Франціей, а напротивъ того, мы желаемъ отклонить войну, то можемъ достигнуть мирныхъ соглашеній съ Франціей на слѣдующихъ основаніяхъ: вопервыхъ, строгое соблюденіе условій Тильзитскаго договора и всѣхъ мѣръ, принятыхъ Франціей противъ англійской торговли; допущено можетъ быть только одно послабленіе въ отношеніи къ вывозу произведеній страны въ обмѣнъ на предметы ввоза, то-есть, *отдѣльныхъ позволеній* (système de licences), вслѣдствіе которой выгоды не будутъ на сторонѣ Англичанъ, но распредѣлятся равномѣрно между обоими государствами, и которая не наноситъ большаго вреда главной континентальной системѣ; вовторыхъ, заключеніе торговаго договора или конвенціи, которая, не отступая отъ главныхъ основаній русскаго тарифа, устранила - бъ изъ него однакоже все то, что̀ неблагопріятно для Франціи, и втретьихъ, соглашеніе на счетъ герцогства Ольденбургскаго, которое, по самой своей сущности загладило бы непріятное впечатлѣніе, произведенное русскимъ протестомъ, черезъ прямой отказъ отъ всякаго вознагражденія для герцога Ольденбургскаго, или черезъ принятіе условленнаго вознагражденія, лишь только бы оно не касалось Данцига и никакой изъ областей Варшавскаго герцогства.

„Увѣряю васъ“, говорилъ онъ Чернышеву,—„что два года тому назадъ я никакъ бы не повѣрилъ въ возможность разрыва между Россіей и Франціей, по крайней мѣрѣ, при нашей жизни. Императоръ Александръ молодъ, а я долженъ жить долго,—поэтому наши взаимныя чувства, казалось мнѣ, обезпечиваютъ миръ Европы. Что касается до моихъ къ нему чувствъ, то можете его увѣрить, что они останутся прежнія, хотя бы печальная необходимость и вызвала войну между двумя могущественными въ свѣтѣ державами изъ-за ничтож-

ныхъ причинъ (pour des péccadilles de demoiselles). Я по рыцарски буду вести войну, безъ всякой ненависти, безъ всякаго озлобленія, и если обстоятельства позволятъ, я готовъ предложить императору Александру завтракать съ нимъ на аванпостахъ. Чтобы снять съ себя отвѣтственность, я рѣшаюсь на новую попытку: откровенно выразилъ вамъ мои мысли и посылаю васъ въ качествѣ моего уполномоченнаго къ императору Александру въ надеждѣ, что еще можно достигнуть соглашенія и не проливать крови сотни тысячъ храбрыхъ воиновъ изъ-за бездѣлицъ (parceque nous ne sommes pas d'accord sur la couleur d'un ruban). Годъ тому назадъ, нѣсколько даже позднѣе, легче было достигнуть соглашенія, теперь это все-таки болѣе возможно, чѣмъ черезъ три мѣсяца. Поэтому если вы хотите предотвратить разрывъ, то надо немедленно прислать уполномоченнаго для переговоровъ".

Три мѣсяца только и нужны были для императора Наполеона, чтобъ удержать Россію отъ наступательныхъ дѣйствій, затянувъ ее въ новые переговоры. Черезъ три мѣсяца, по сдѣланнымъ уже имъ распоряженіямъ, всѣ части его войскъ должны были достигнуть мѣстъ своего назначенія и быть въ готовности вторгнуться въ Россію. Черезъ три мѣсяца онъ надѣялся избѣжать грязныхъ дорогъ, топей и болотъ Восточной Пруссіи, герцогства Варшавскаго и прилегавшихъ къ нему губерній Русской имперіи, съ успѣхомъ передвигать огромныя массы своихъ войскъ въ этихъ мѣстностяхъ и найдти достаточный подножный кормъ для громаднаго количества лошадей его конницы и безчисленныхъ обозовъ съ продовольствіемъ, боевыми и вообще военными припасами.

Въ продолженіе полутора слишкомъ года императоръ Наполеонъ упорно обвиняетъ Россію въ ея *молчаніи*, въ томъ, что она отказывается опредѣленно выразить свои требованія, которыя и послужили бы основою для переговоровъ, и снабдить достаточными полномочіями своего посланника въ Парижѣ вести эти переговоры, которыя, по его мнѣнію, безъ особенныхъ затрудненій привели бы къ мирнымъ соглашеніямъ по всѣмъ вопросамъ, составлявшимъ предметъ пререканій между двумя державами. Русскій кабинетъ постоянно отвѣчаетъ, что онъ не можетъ предъявить никакихъ требованій, потому что ничего не требуетъ; онъ желаетъ оставаться при условіяхъ существующихъ договоровъ, которыхъ никогда не нарушалъ. Очевидно, предъявлять требованія могла только та изъ сторонъ, которая нарушила условія этихъ договоровъ.

Тѣ же упреки Россіи императоръ Наполеонъ выразилъ и въ продолженіи разговора съ Чернышевымъ, но въ заключеніе неожиданно самъ объявилъ свои требованія, которыя такъ упорно отказывалъ высказать прежде. Не въ томъ дѣло — могло ли согласиться съ ними русское правительство; это было бы предметомъ обсужденія на самыхъ переговорахъ; но дѣло въ томъ, что эти условія дѣйствительно могли служить основою для новыхъ переговоровъ. Но почему же императоръ Наполеонъ не выражалъ ихъ годъ или болѣе тому назадъ? Полномочія нашего посланника въ Парижѣ были достаточны для того, чтобъ ихъ выслушать и сообщить своему правительству. Для этого никакой не было необходимости назначать особаго уполномоченнаго и тѣмъ болѣе снабжать ими молодаго гвардейскаго офицера [1]). Причина заключалась въ самой сущности выраженныхъ имъ требованій.

Что касается до заключенія торговаго договора и измѣненія нѣкоторыхъ статей тарифа, то безъ сомнѣнія, это требованіе не встрѣтило бы никакихъ затрудненій со стороны нашего правительства, тѣмъ болѣе, что оно само предлагало заключить именно такой договоръ и при этомъ случаѣ пересмотрѣть тарифъ, установленный въ видѣ временной мѣры, только на одинъ годъ; но само французское правительство устраняло это предположеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что необходимо начать общіе переговоры по всѣмъ спорнымъ вопросамъ.

Ольденбургскій вопросъ не могъ служить поводомъ къ войнѣ, какъ заявилъ торжественно въ самомъ протестѣ императоръ Александръ, и самый этотъ протестъ, такъ оскорбившій самолюбіе императора, устранился бы тою сдѣлкою французскаго правительства съ герцогомъ о вознагражденіи, которую не отказывалось признать русское правительство.

Но этими требованіями, равно и вопросомъ о Польшѣ, котораго вовсе не поднимала русская дипломатія въ это время, Наполеонъ только обставлялъ, такъ сказать, главное требованіе, въ которомъ и заключалась сущность дѣла, а именно — признаніе Россіей силы де-

---

[1]) На запискѣ Чернышева, противъ словъ Наполеона о томъ, что князю Куракину не давали полномочій, императоръ Александръ написалъ: «Le pr. Kourakine avait les pouvoirs necessaires pour tout entendre, mais on ne pouvait lui donner ceux de conclure sans referer à sa cour et c'est là ce qu'on a éxigé». Выше приведена замѣтка императора Александра о томъ, почему не дали полномочій Чернышеву.

кретовъ Берлинскаго и Миланскаго и преимущественно послѣдняго, и такимъ образомъ, совершенное уничтоженіе своей внѣшней торговли чрезъ закрытіе портовъ и для судовъ нейтральныхъ державъ. Конечно, предлагая это требованіе, Наполеонъ очень хорошо зналъ изъ донесеній своихъ посланниковъ при Петербургскомъ дворѣ, что русское правительство не согласится принять его добровольно, и потому не заявлялъ его до тѣхъ поръ, пока не приготовился окончательно къ войнѣ. Онъ разчитывалъ вынудить это признаніе отъ императора Александра или угрозою войны, для которой подготовилъ громадныя силы, или рѣшительною побѣдою.

Разговоръ Наполеона, немедленно переданный Чернышевымъ нашему посланнику, произвелъ на него такое впечатлѣніе, что будто бы императоръ Французовъ еще не рѣшился окончательно воевать съ Россіей, и что остается надежда предотвратить войну, вступивъ въ переговоры, которые онъ предлагаетъ. „Объясненія, въ которыя вошелъ сегодня императоръ Наполеонъ въ разговорѣ съ Чернышевымъ", писалъ князь Куракинъ къ графу Румянцеву,—„состоятъ въ томъ, что онъ не расположенъ прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ, но крайней мѣрѣ пока не будетъ вынужденъ нами, и что, въ общихъ видахъ своей политики, настоящее время онъ не считаетъ еще благопріятнымъ для себя, чтобы начать войну противъ насъ. Если, какъ увѣряетъ императоръ Наполеонъ, можно прійдти къ соглашеніямъ по вопросамъ Ольденбургскому и о Польшѣ то я не вижу, какія причины могли бы заставить насъ нашимъ упорнымъ молчаніемъ придать неблагопріятный для насъ самихъ оборотъ дѣламъ, котораго онъ самъ желаетъ избѣгнуть. Хотя онъ и постоянно вызываетъ насъ на соглашенія, но не должно отводить вниманія отъ тѣхъ огромныхъ средствъ, которыми онъ можетъ располагать противъ насъ, и должно сознаться, что если и теперь еще онъ желаетъ избѣжать войны, то не потому, чтобы не надѣялся на успѣхъ, а, конечно, потому, что всякая война представляетъ неизвѣстность, а онъ не хочетъ подвернуться случайностямъ. Зачѣмъ мы отклонимъ то, что̀ предписываетъ намъ благоразуміе еще въ гораздо большей мѣрѣ, нежели ему; новыми отказами вступить въ переговоры мы вызовемъ нападеніе на насъ огромныхъ силъ, къ которымъ надо присоединить и Пруссію, потому что императоръ Наполеонъ ясно выразилъ,—и это весьма вѣроятно,—что эта держава будетъ дѣйствовать за одно съ нимъ, что онъ считаетъ ее своею союзницею и нападеніе наше прійметъ за начало военныхъ дѣйствій противъ Франціи. По истинѣ, на продолженіе нашего молчанія

и смотрю какъ на способъ все потерять и ничего не выиграть. Я не вижу, какой вредъ могли бы причинить намъ переговоры, еслибы даже они дали намъ возможность только выиграть время. Напротивъ того, ужь этимъ самымъ они принесли бы дѣйствительную пользу, потому что приготовленія императора Наполеона совершенно окончены, между тѣмъ какъ выигрывая время, мы имѣли бы возможность окончить нашу войну съ Турками и еще увеличить наши силы на границахъ герцогства Варшавскаго?"

Увлекаясь такимъ взглядомъ, князь Куракинъ немедленно, до отъѣзда еще Чернышева изъ Парижа, имѣлъ свиданіе съ герцогомъ Бассано, чтобы выслушать отъ него болѣе подробныя объясненія образа мыслей императора Наполеона.

Герцогъ Бассано очень охотно вступилъ въ объясненія съ русскимъ посланникомъ, начавъ ихъ по обычаю обвиненіями противъ Россіи, вызвавшей будто бы своими дѣйствіями Францію къ вооруженіямъ. Онъ говорилъ, что императоръ, его повелитель, постоянно желалъ прійдти къ соглашеніямъ съ Россіей и лишь только узналъ,—будто въ первый разъ, — изъ депешъ Лористона о желаніи императора Александра поддержать миръ, какъ поспѣшилъ сдѣлать предложенія о переговорахъ, предоставляя ему избрать для нихъ какой угодно городъ въ Германіи. Движеніе войскъ къ Одеру и Вислѣ не измѣняетъ положенія дѣлъ, время помириться еще не ушло; Французы могутъ подвигать свои войска до самыхъ русскихъ границъ, между тѣмъ какъ русскія войска, собранныя уже на границахъ, не могутъ сдѣлать ни шагу впередъ, не нарушивъ неприкосновенности областей тѣхъ государствъ, которыя Франція обязана защищать.

„Письмо императора Наполеона, конечно, будетъ весьма пріятно получить моему государю", замѣтилъ князь Куракинъ,—„но можно ли надѣяться, что ваши войска, постоянно подвигаясь впередъ, не начнутъ военныхъ дѣйствій прежде, нежели будетъ полученъ отвѣтъ на него?"

„О, безъ всякаго сомнѣнія", отвѣчалъ г. Бассано, — „императоръ очень охотно подождетъ отвѣта и не предпишетъ никакихъ новыхъ движеній войскамъ до его полученія, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ увѣренъ, что отвѣтъ будетъ соотвѣтствовать его желанію. Впрочемъ, эта отсрочка", прибавилъ герцогъ весьма откровенно, —не можетъ причинить никакихъ неудобствъ, потому что въ виду ранняго времени года, совершенно невозможно иначе, какъ черезъ два мѣсяца, ввести войска въ Польшу, не завязивъ ихъ въ тамошнія грязи, которыя мы уже знаемъ по опыту".

„Но еслибы я получилъ новыя наставленія, или бы пріѣхалъ графъ Нессельроде, или иной уполномоченный, и наши инструкціи не разрѣшили бы всѣхъ предметовъ, которые желалъ бы опредѣлить въ новомъ договорѣ императоръ Наполеонъ, то можно ли быть увѣреннымъ, что онъ будетъ ожидать тѣхъ разрѣшеній по этимъ предметамъ, которыхъ мы должны испросить у нашего правительства, и не приступитъ къ новымъ военнымъ распоряженіямъ".

„Не только не приступитъ", отвѣчалъ ему съ увѣренностію г. Бассано,—„въ томъ случаѣ, на который вы указываете, но ему было бы весьма пріятно, еслибы новый уполномоченный пріѣхалъ прежде, нежели былъ бы полученъ отвѣтъ императора Александра на его письмо, потому что это послужило бы доказательствомъ, что онъ дѣйствительно расположенъ къ поддержанію мира и согласія съ Франціей, какъ заявляетъ Лористонъ".

Отвѣты герцога Бассано успокоили нашего посланника, которому представлялось уже немедленное нашествіе на Россію грозныхъ ополченій повелителя Франціи, и возбудили въ немъ надежду въ дѣйствительную возможность переговоровъ. Поэтому, князь Куракинъ счелъ нужнымъ вызвать французскаго министра иностранныхъ дѣлъ на размѣнъ мыслей о тѣхъ вопросахъ, которые должны быть разрѣшены новымъ договоромъ. Исполняя его желаніе, г. Бассано повторилъ ему съ нѣкоторыми подробностями то же самое, что̀ императоръ Наполеонъ уже выразилъ Чернышеву, остановившись особенно на торговлѣ Россіи съ Американцами. „Хотя въ Петербургѣ", говорилъ онъ, —„и существуетъ особый комитетъ, которому поручено изслѣдовать дѣйствительную національность приходящихъ кораблей, и американскими признаются только тѣ, которыхъ національность засвидѣтельствуетъ г. Адамсъ, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, но я вамъ предложу вопросъ: почему же англійскій флотъ, который ходитъ въ Балтійскомъ морѣ, даетъ свободный проходъ американскимъ кораблямъ, если не предположить, что ихъ грузъ, хотя отчасти, состоитъ изъ англійскихъ товаровъ? Англійскій курсъ повысился, что̀ можетъ уже служить доказательствомъ увеличенія вывоза ихъ произведеній. Дѣйствительно, въ настоящее время Броды сдѣлались такимъ же складомъ этихъ произведеній для всей Европы, какъ прежде былъ Антверпенъ".

„Но американскіе корабли принимаются и во французскихъ портахъ, замѣтилъ князь Куракинъ.

„Да", отвѣчалъ г. Бассано,—„но Англичане ихъ ловятъ, какъ военную добычу, а покровительствуютъ тѣмъ, которые идутъ въ Россію",

и подробно изложилъ требованія, что для поддержанія континентальной системы необходимо, чтобы Россія, съ одной стороны, приняла систему частныхъ дозволеній (licences), запретивъ совсѣмъ нейтральную торговлю, а съ другой—подчинила ввозимые товары такимъ же тарифамъ, какимъ они подчинены во Франціи.

Князь Куракинъ снисходительно отнесся и къ этимъ требованіямъ, давая надежду, что наше правительство согласится принять систему частныхъ дозволеній и выражая лишь сомнѣнія на счетъ тарифовъ. Очевидно, онъ не зналъ взгляда русскаго правительства на этотъ вопросъ въ то время. Отклоняя вообще отъ Парижа всякіе переговоры по вопросамъ болѣе важнымъ, наше правительство дѣйствительно по многимъ изъ нихъ вовсе не сообщало своихъ взглядовъ князю Куракину [1]). Будучи, по личнымъ своимъ убѣжденіямъ, которыя онъ часто заявлялъ, противникомъ континентальной системы, онъ въ этомъ случаѣ полагалъ, что поступалъ согласно съ наставленіями, которыя графъ Румянцевъ написалъ ему собственноручно во время своего пребыванія въ Парижѣ въ 1809 году, когда Куракинъ только что пріѣхалъ на свой постъ при Наполеонѣ, и которыя впослѣдствіи были одобрены императоромъ Александромъ. Въ этихъ же наставленіяхъ было сказано: „Стремясь разорвать нашъ союзъ съ Франціей, представители иностранныхъ державъ, безъ сомнѣнія, будутъ вамъ говорить о томъ, какъ наша торговля страдаетъ отъ континентальной системы, будутъ вамъ представлять паденіе нашего курса и т. под. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти заявленія совершенно справедливы; но благоволите знать, что эта система составляетъ основаніе нашего союза, что то затруднительное положеніе, въ которомъ находится наша торговля, было принято въ соображеніе, и на нѣкоторое время мы пожертвовали выгодами торговли для достиженія высшей политической цѣли примиренія съ Англіей. Поэтому, въ отношеніи къ этому вопросу дѣйствуйте какъ можно осторожнѣе и не дѣлайте никакихъ представленій французскому правительству, особенно офиціальными нотами, не получивъ прямыхъ предписаній изъ Петербурга“ [2]).

Передавая нашему правительству свѣдѣнія о переговорахъ съ Пассано, князь Куракинъ заключалъ свое донесеніе слѣдующими

[1]) Депеша князя Куракина къ графу Румянцеву отъ $^{13}/_{25}$ февраля 1812 года.

[2]) Записка князя Румянцева подъ заглавіемъ: Au Prince Kourakine à Paris $^{2}/_{14}$ fevrier 1809.

словами: „Мнѣ кажется, что для насъ крайне нужно въ тотъ короткій срокъ, который остается намъ, чтобы прійдти къ какому-нибудь рѣшенію,—воспользоваться расположеніемъ императора Наполеона и достигнуть соглашенія съ нимъ, чтобы сохранить миръ, безъ сомнѣнія, гораздо болѣе для насъ выгодный, нежели можетъ быть хотя бы самая счастливая война. Позволяю себѣ предполагать, что послѣдствія войны будутъ не въ нашу пользу, а противъ насъ, и потому надѣюсь, что мудрость нашего государя, прежде нежели рѣшиться на нее, употребитъ всѣ средства для ея устраненія".

Какія же причины заставили нашего посланника предполагать, что именно въ это время, когда императоръ Наполеонъ приготовилъ уже громадныя военныя средства, когда его войска приближались къ Одеру, а ихъ аванпосты достигли уже береговъ Вислы, онъ не желалъ начинать войны съ Россіей?

Въ разговорѣ съ Чернышевымъ Наполеонъ прямо выразилъ мысль, что послѣ Эрфуртскаго свиданія онъ никогда не имѣлъ намѣренія воевать съ Россіей, постоянно желалъ и желаетъ до сей поры сохранить съ нею миръ и положительно увѣряетъ, что не начнетъ войны въ *этомъ году*. По такому опытному дипломату, каковъ былъ князь Куракинъ, вовсе не увлекавшійся геніемъ Наполеона до забвенія достоинства и пользъ своего отечества, было очень хорошо извѣстно, что не только тѣ увѣренія, которыя императоръ Наполеонъ выражалъ словесно, но и условія международныхъ договоровъ, самымъ торжественнымъ способомъ заключенныхъ, онъ не считалъ для себя обязательными при перемѣнѣ обстоятельствъ. По обстоятельства въ то время, какъ говорилъ самъ Наполеонъ и вслѣдъ за нимъ повторяли его министры иностранныхъ дѣлъ, измѣнялись такъ быстро, что не доставало даже времени, чтобы договаривающіяся стороны могли снестись между собою объ измѣненіи нѣкоторыхъ условій договора. Средоточіемъ политической дѣятельности былъ Парижъ, оттуда, то есть, лично отъ самого Наполеона, проистекали всѣ дѣйствія, измѣнявшія обстоятельства времени: поэтому, онъ постоянно выражалъ желаніе, чтобы нашихъ посланниковъ, находившихся въ Парижѣ; русское правительство снабдило такими полномочіями, при коихъ они не нуждались бы въ сношеніяхъ съ Петербургомъ, для заключенія съ французскимъ правительствомъ новыхъ сдѣлокъ, которыхъ требовали измѣнившіяся обстоятельства. Этотъ взглядъ онъ выражалъ каждому изъ нашихъ посланниковъ, начиная съ графа Маркова и оканчивая княземъ Куракинымъ.

Нашъ посланникъ очень хорошо зналъ свойства Наполеона, и его

личныя увѣренія въ желаніи поддержать миръ должны были бы скорѣе убѣдить его въ противномъ. Императоръ Наполеонъ повторялъ ихъ давно, но именно такое впечатлѣніе они и производили на князя Куракина, который постоянно увѣрялъ наше правительство, что въ мысляхъ Наполеона окончательно рѣшена война съ Россіей, и что онъ увѣряетъ въ своихъ мирныхъ чувствахъ къ ней для того только, чтобы выиграть время, поправить свои дѣла въ Испаніи и Португаліи и приготовиться какъ можно сильнѣе къ нанесенію Россіи рѣшительнаго удара. Почему же теперь, когда императоръ Наполеонъ успѣлъ значительно усилить свои войска въ Испаніи, совершенно приготовиться къ войнѣ съ Россіей, придвинуть главныя силы къ Одеру и передовые отряды къ Вислѣ, заключить союзъ съ Пруссіей, и какъ можно уже было догадываться, съ Австріей, онъ вдругъ измѣнилъ свой взглядъ и повѣрилъ въ искренность желаній Наполеона поддержать мирныя отношенія къ Россіи? Потому именно, что война уже приблизилась и почти началась, измѣнился образъ мыслей нашего посланника подъ вліяніемъ... страха!

Въ наше время, конечно, трудно вдуматься въ тогдашнее положеніе дѣлъ, когда чувство страха предъ геніемъ Наполеона было могущественнымъ, историческимъ двигателемъ въ общественной жизни европейскихъ государствъ, хотя вовсе не обличало ни слабости ума, ни слабости характера тѣхъ, которые боялись, но часто напротивъ служило выраженіемъ искренней ихъ любви къ своему отечеству. Но такъ было въ то время. и этотъ страхъ, охватывавшій по преимуществу образованные круги европейскаго общества, лицъ, принадлежавшихъ къ составу высшихъ правительствъ, былъ такого свойства, какъ будто онъ былъ внушенъ роковою, стихійною силою, борьба съ которою казалась невозможною. Его отголоски хотя и рѣдко, но слышались даже въ Англіи въ выраженіяхъ желаній помириться съ Франціей. Онъ вынуждалъ многихъ Испанцевъ примыкать къ новому правительству Наполеонова брата даже въ то время, когда весь народъ поголовно возсталъ противъ чужеземнаго насилія, грабежа и угнетеній. Онъ почти вполнѣ покорилъ всѣ высшіе слои общества въ государствахъ Германіи, кромѣ немногихъ избранныхъ, да кромѣ молодежи и народа. Онъ значительно проникъ и въ высшій слой русскаго общества, но, уединенно, хотя и довольно долго, держался въ немъ. Конечно, всего естественнѣе подверглись его вліянію наши посланники и дипломаты, находившіеся при дворахъ континентальныхъ

державъ, и въ ихъ числѣ—князь Куракинъ [1]). Подъ вліяніемъ этого страха вдругъ увѣровавъ въ правдивость заявленій Наполеона, съ какою заботливостію онъ желалъ вывѣдать у герцога Бассано, остановитъ ли Наполеонъ движеніе своихъ войскъ до тѣхъ поръ, пока прійдетъ отвѣтъ императора Александра на его письмо и всѣ его предложенія. Его, опытнаго дипломата, любившаго свое отечество, не поразило даже, но утѣшило заявленіе французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что императоръ Наполеонъ очень будетъ радъ, если на нѣсколько времени будутъ замедлены его военныя дѣйствія, потому что ранѣе двухъ мѣсяцевъ онъ не считаетъ возможнымъ подвинуть свои войска въ области бывшей Польши. Князь Куракинъ полагалъ, что Россія не достаточно приготовилась къ отраженію грознаго врага, утративъ содѣйствіе Пруссіи и Австріи, не успѣвъ заключить мира съ Турціей и не имѣя достаточныхъ силъ для своей обороны, и — боялся за ея судьбу.

Но каковъ же въ дѣйствительности былъ взглядъ Наполеона: рѣшился ли онъ воевать съ Россіей или искренно желалъ начать мирные переговоры?

На этотъ вопросъ могутъ представить положительный отвѣтъ депеши къ графу Лористону, по его приказанію составленныя и посланныя именно въ тѣ дни, когда Наполеонъ бесѣдовалъ съ Чернышевымъ, отправляя его съ своимъ письмомъ къ императору Александру, а герцогъ Бассано подробно изъяснялъ нашему посланнику миролюбивыя желанія своего повелителя.

Въ этихъ депешахъ Наполеонъ въ первый разъ объявилъ своему посланнику о рѣшительномъ намѣреніи начать войну съ Россіей, но

---

[1]) Записки графа П. Х. Граббе: «Мое убѣжденіе (въ близкомъ паденіи Наполеона) было такъ сильно, что я съ удивленіемъ и нетерпѣніемъ видѣлъ безнадежность посланника нашего (въ Мюнхенѣ—князя П. П. Барятинскаго) въ предстоящей, неизбѣжной войнѣ и въ жаркихъ спорахъ на благоразумные его доводы въ неодолимомъ преимуществѣ генія надъ генералами обыкновенными,—огромной арміи, въ побѣдахъ воспитанной, надъ малочисленною сравнительно и поколебленною; не имѣя чѣмъ возразить, упрекалъ его, что въ исчисленіи своемъ онъ забываетъ Россію и Бога-мстителя. Позже, послѣ событія, онъ самъ вспомнилъ при встрѣчѣ со мною эти пророческіе порывы. Въ слѣдующемъ году (1811 г.) на праздникѣ французскаго посла въ Дрезденѣ, по случаю рожденія у Наполеона сына, нашъ посланникъ Ханыковъ, показывая мнѣ иллюминацію, изображающую полусолнце, прибавилъ: «Еще восходящее солнце!» «Почему же не заходящее», отвѣчалъ я. Этотъ отвѣтъ остался у него въ памяти, и въ Дрезденѣ же, въ 1813 г., онъ мнѣ напомнилъ его». *Русскій Архивъ* 1873 г., кн. I, ст. 855.

предписывалъ ему „постоянно выражать самыя мирныя чувства“. „Императору нужно“, писалъ г. Бассано,—„чтобъ его войска, постепенно подходя къ Вислѣ, имѣли бы время отдохнуть, устроиться, укрѣпиться, выстроить мостовыя укрѣпленія и вообще прійдти въ такое положеніе, которое обезпечивало бы успѣхъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Императоръ весьма мало обращаетъ вниманія на переговоры, если они не будутъ производиться въ Парижѣ. Онъ не возлагаетъ надежды ни на какіе переговоры, если четыреста пятьдесятъ тысячъ войска, которыя двинулъ его величество (а это только количество дѣйствующей арміи), не заставятъ задуматься Петербургскій кабинетъ, не вынудятъ его войдти въ систему дѣйствій, установленную въ Тильзитѣ, и не поставятъ Россіи въ то положеніе подчиненности, въ которомъ она тогда находилась (et ne replacent la Russie dans l'état d'infériorité où elle était alors). Ваши дѣйствія, графъ, должны быть направлены исключительно къ тому, чтобы выиграть время. Передовые отряды италіанской арміи уже находятся въ Мюнхенѣ, и повсюду производится общее движеніе войскъ. Старайтесь при каждомъ случаѣ заявлять, что если послѣдуетъ война, то въ этомъ будетъ виновата сама Россія, и что возстановленіе Польши вовсе не входитъ въ виды императора, котораго цѣль заключается лишь въ поддержаніи той системы, отъ которой хотѣла Россія отказаться, какъ доказываютъ ея вооруженія и другіе поступки“ [1]).

Очевидно, императоръ Наполеонъ могъ желать мира только на томъ условіи, чтобы Россія стала къ нему въ тѣ же отношенія, какъ члены Рейнскаго союза и другія европейскія державы. Но онъ, конечно, зналъ, что она не подчинится такимъ условіямъ добровольно, и хотѣлъ принудить ее къ тому войною.

Письмо, привезенное Чернышевымъ императору Александру Павловичу, было дѣйствительно кратко, какъ объявилъ Наполеонъ, даже—до неприличія. Вотъ оно:

„Государь мой братъ! По прибытіи нарочнаго, присланнаго графомъ Лористономъ 6-го числа сего мѣсяца, я счелъ нужнымъ переговорить съ полковникомъ Чернышевымъ о непріятныхъ дѣлахъ, возникшихъ уже болѣе пятнадцати мѣсяцевъ. Отъ вашего величества вполнѣ зависитъ ихъ окончить. Прошу ваше величество не сомнѣ-

---

[1]) *Bignon*, Hist. de France, гл. XXXIII; *Тьеръ*, Hist. de l'Empire, гл. XXV; депеша герцога Бассано къ Лористону 25-го февраля 1812 года.

ваться въ моемъ желаніи доказать чувства искренняго уваженія, которыя я къ вамъ питаю“ [1]).

Придавая важное значеніе тѣмъ переговорамъ, на которые вызывалъ нашъ кабинетъ, императоръ Наполеонъ устранялъ однакожь отъ участія въ нихъ какъ своего посланника при русскомъ дворѣ, которому не довѣрялъ, такъ и нашего посланника при его дворѣ, котораго считалъ не достаточно облеченнымъ полномочіями, и поручалъ ихъ молодому русскому офицеру. Порученіе, возложенное Наполеономъ на Чернышева, заключалось не только въ томъ, чтобы вручить его письмо своему государю, но и передать ему все то, что императоръ французовъ говорилъ ему. Чернышевъ не зналъ содержанія письма, которое привезъ, и не ожидалъ предстать предъ своимъ государемъ въ качествѣ уполномоченнаго со стороны императора Французовъ.

Такой поступокъ императора Наполеона, конечно, не оставлялъ уже никакого сомнѣнія въ его намѣреніи начать войну. Не смотря на то, Русскій государь рѣшился отвѣчать ему собственноручнымъ письмомъ, хотя и не безъ нѣкотораго весьма естественнаго въ этомъ случаѣ, колебанія. Только спустя двѣ недѣли послѣ пріѣзда Чернышева, императоръ рѣшился написать и отправить слѣдующее письмо:

„Государь мой братъ! Съ большимъ вниманіемъ я выслушалъ отчетъ полковника Чернышева о разговорѣ съ нимъ вашего величества при отправленіи его въ Петербургъ. Тѣ сообщенія, которыя я поручаю князю Куракину передать вашему министерству иностранныхъ дѣлъ, а равно и тѣ, которыя были передаваемы прежде, могутъ служить передъ цѣлымъ свѣтомъ доказательствомъ моего постояннаго желанія миролюбиво окончить всѣ возникшія пререканія. Таковыми и на будущее время остаются мои чувства, и *все зависитъ единственно отъ вашего величества.* Прошу принять увѣреніе въ моемъ особенномъ къ вамъ уваженіи“ [2]).

Хотя это письмо было также кратко, какъ и то, на которое оно служило отвѣтомъ, но въ немъ однакожь императоръ объявлялъ,

---

[1]) Письмо изъ Парижа отъ 24-го февраля н. ст. 1812 г.

[2]) Письмо 27-го марта ст. 1812 г. Въ письмѣ императора Наполеона отъ 24-го февраля сказано: il ne dépend que de votre majesté de tout terminer. Въ отвѣтномъ письмѣ императоръ Александръ—не безъ намѣренія, конечно,—повторяетъ выраженія Наполеона: Les communications que le prince Kourakin est chargé de faire au ministère de V. M... prouveront au monde entier combien j'ai toujours été prêt à *tout terminer.* Je resterai constamment dans ces sentiments et *tout ne dépend que de votre majesté.*

что князю Куракину поручено сдѣлать новыя сообщенія правительству французскому, и слѣдовательно, вступить въ переговоры. Итакъ, русское правительство уступило, согласилось исполнить постоянно повторяемое Наполеономъ требованіе о новыхъ переговорахъ и новыхъ для того полномочіяхъ нашему посланнику.

Нота канцлера графа Румянцева къ князю Куракину, помѣченная тѣмъ же числомъ, что и приведенное письмо императора, имъ самимъ исправленная и дополненная, поручала нашему посланнику сдѣлать слѣдующія сообщенія герцогу Бассано: русскія войска не перейдутъ русскія границы, пока французскія останутся за Одеромъ. Переходъ же послѣднихъ за эту рѣку будетъ принятъ съ нашей стороны за объявленіе войны. При такомъ положеніи, въ какомъ еще находились военныя силы обѣихъ державъ, наше правительство дозволяло князю Куракину войдти въ переговоры съ французскимъ правительствомъ, но съ такимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ оно дало торжественное обѣщаніе, что первымъ послѣдствіемъ новыхъ соглашеній будетъ (la première condition de toute négociation doit être une promesse formelle que la première conséquense de tout arrangement sera..): 1) совершенное очищеніе французскими войсками Прусскихъ владѣній, не исключая крѣпостей по Одеру, которыя на основаніи конвенціи, заключенной въ 1808 году, уже давно слѣдовало возвратить Пруссіи, и 2) Уменьшеніе Данцигскаго гарнизона.

Заручившись такимъ рѣшительнымъ обѣщаніемъ, князю Куракину дозволялось войдти въ переговоры по всѣмъ вопросамъ, о которыхъ упоминалъ императоръ Наполеонъ въ разговорѣ съ Чернышевымъ. „Его величество“, писалъ графъ Румянцевъ,—„крайне удивляется жалобамъ императора Наполеона, который при каждомъ случаѣ заявляетъ, что мы способствуемъ англійской торговлѣ и вообще не соблюдаемъ съ надлежащею строгостію правилъ континентальной системы. Подчиниться континентальной системѣ во всемъ ея объемѣ, безъ всякихъ ограниченій, въ томъ видѣ, какъ Франція наложила ее на Германію, Италію и Пруссію, не соблюдая ея въ той силѣ въ отношеніи къ себѣ самой, было бы противно не только нашимъ выгодамъ, но и достоинству Россіи, какъ великой державы. Впрочемъ, никакимъ договоромъ не обязаны мы запрещать нейтральную торговлю [1]). По союзному договору, заключенному въ Тильзитѣ, его вели-

[1]) D'ailleurs aucun engagement ne nous oblige *de prohiber le commerce des neutres*. Эти слова написаны въ проектѣ ноты самимъ императоромъ.

чество приняль на себѣ обязательство вести войну съ Англіей; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ императоръ Наполеонъ имѣлъ право требовать, чтобъ онъ остановилъ всякую вообще торговлю въ своей имперіи или подчинился правиламъ двухъ декретовъ, изъ которыхъ одинъ изданъ былъ даже нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ заключенія Тильзитскаго мира". Въ отношеніи ко внѣшней торговлѣ Россія строго соблюдаетъ два правила: допущеніе нейтральной торговли и совершенное запрещеніе всякой торговли непосредственно съ Англіей. Всѣ ввезенные къ намъ товары пришли на американскихъ судахъ, подъ начальствомъ американскихъ капитановъ, прямо изъ Соединенныхъ Штатовъ, и ихъ документы строго были провѣрены особою коммисіей. Запрещая непосредственную торговлю съ Англіей, „Россія лишила себя двухъ третей всей своей внѣшней торговли. На этомъ и должно остановиться дѣло".

Что касается до свидѣтельствъ на внѣшнюю торговлю, выдаваемыхъ во Франціи частнымъ лицамъ (systeme des licences), то герцогъ Бассано упомянулъ о нихъ мимоходомъ, не развивъ главныхъ основаній этого способа торговли. „Если французское правительство", писалъ графъ Румянцевъ,—„еще будетъ настаивать на томъ, чтобъ и у насъ были введены такія свидѣтельства, то необходимо, чтобъ оно сообщало вамъ подробныя соображенія, достаточныя для того, чтобы составить понятіе объ этомъ способѣ торговли. Вы можете даже возбудить надежду, что его величество рѣшится принять его, если только способъ этотъ не стѣснитъ еще болѣе нашей торговли, этого главнаго источника народнаго богатства, необходимаго для нашего существованія". Въ отношеніи къ новому тарифу князю Куракину поручалось заявить, что при его составленіи не имѣлось виду ни поощрять торговлю съ Англіей, ни стѣснять торговлю съ Франціей. Но если Тюльерійскій кабинетъ считаетъ нѣкоторыя постановленія стѣснительными въ отношеніи къ французской торговлѣ, то наше правительство изъявляетъ готовность пересмотрѣть тарифъ и замѣнить тѣ статьи, которыя возбудили неудовольствіе французскаго, новыми по взаимному соглашенію. По вопросу о герцогствѣ Ольденбурскомъ ему поручалось рѣшительно отвергнуть всякую мысль о томъ, будто бы русское правительство желало получить Данцигъ или герцогство Варшавское въ замѣнъ отнятыхъ у герцога владѣній.

Вслѣдствіе этихъ переговоровъ русское правительство соглашалось заключить новый договоръ съ Франціей на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Французское правительство даетъ обѣщаніе, что непосредственнымъ его послѣдствіемъ будетъ очищеніе всей Шведской Помераніи и соглашеніе съ Швеціей по другимъ вопросамъ, очищеніе Прусскихъ владѣній и уменьшеніе гарнизона въ Данцигѣ.

2. Мы не можемъ измѣнить ни въ чемъ нашихъ правилъ относительно нейтральной торговли и навигація въ этомъ году будетъ совершаться точно также, какъ и въ предшедшіе годы; но мы готовы войдти въ соглашеніе о системѣ частныхъ торговыхъ свидѣтельствъ и приступить къ ней въ томъ случаѣ, если отъ этого не уменьшатся наши торговыя сношенія.

3. Если Франція удовлетворитъ насъ въ отношеніи къ первому условію и откажется отъ тѣхъ притязаній, которыя предъявляетъ въ отношеніи ко второму, то мы готовы согласиться на такія измѣненія въ тарифѣ, которыя, не уничтожая сущности этой мѣры, удовлетворили бы императора Наполеона въ отношеніи къ тѣмъ его статьямъ, которыя особенно обратили на себя его вниманіе.

4. Предположивъ, что первыя два условія будутъ приняты безъ затрудненій, императоръ рѣшается въ такомъ случаѣ войдти въ соглашенія по Ольденбургскому вопросу и возьметъ назадъ свой протестъ по окончаніи этого дѣла по взаимному согласію.

5. Наконецъ, буде французское правительство прійметъ предлагаемыя для соглашенія условія, то его величество изъявляетъ готовность снабдить необходимыми полномочіями своего посланника въ Парижѣ для подписанія договора, если императоръ Наполеонъ для ускоренія дѣла не найдетъ болѣе удобнымъ поручить эти переговоры графу Лористону“ [1]).

Содержаніе этой ноты, списокъ съ которой наше правительство уполномочивало князя Куракина сообщить французскому министру иностранныхъ дѣлъ, служитъ достаточнымъ объясненіемъ, почему Русскій государь рѣшился отвѣчать на письмо императора Наполеона и согласился войдти въ переговоры для заключенія новаго международнаго обязательства между двумя имперіями. Россія не только не уступала ни одному изъ притязаній Франціи, но отклоняла ихъ всѣ и предъявляла свои требованія, отъ принятія или устраненія которыхъ ставила въ зависимость мирныя и союзныя отношенія между двумя имперіями на будущее время. Это было послѣднее слово нашей дипломатіи (ultimatum), послѣдствіемъ котораго могло быть одно

---

[1]) Нота графа Румянцева кн. Куракину 27-го марта 1812 года.

изъ двухъ: или уступка со стороны Франціи, или полный разрывъ, прекращеніе мирныхъ отношеній и – война.

Сличая эту ноту нашего канцлера съ проектомъ инструкціи графу Нессельроде, нельзя не замѣтить почти совершеннаго тожества между ними. Въ ней выражены тѣ же самыя условія, на основаніи которыхъ предполагалось поручить графу Нессельроду вести переговоры съ Франціей, но въ усиленномъ видѣ вслѣдствіе вновь совершившихся обстоятельствъ. Наше правительство требовало не только возвращенія Пруссіи крѣпостей по Одеру, но и очищенія отъ французскихъ войскъ всѣхъ прусскихъ владѣній, Шведской Помераніи, только что захваченной Наполеономъ, и соглашенія съ Швеціей по вопросамъ внѣшней торговли. Эти требованія оно считало безусловно необходимыми (conditio sine qua non), чтобы вступить въ переговоры съ Франціей для мирнаго соглашенія по вопросамъ, составлявшимъ предметъ предсказаній между двумя имперіями. Конечно, императоръ Наполеонъ, поручая Чернышеву выразить русскому императору свои притязанія, много разъ отвергнутыя, не думалъ о поддержаніи мира, но желалъ только выиграть нѣсколько мѣсяцевъ времени для большаго удобства начать войну. Онъ зналъ, что Россія не согласится на уступки, которыхъ онъ требовалъ,—если только въ его соображенія не входилъ тотъ страхъ, которымъ онъ держалъ въ рабскомъ повиновеніи всю Европу, который можетъ объять и Россію въ виду тѣхъ грозныхъ силъ, которыя онъ приготовилъ, чтобы разгромить ее (écraser), по его выраженію. Но эти соображенія отходили въ отдаленную область замысловъ о всемірномъ владычествѣ, о походѣ въ Индію и т. п. Дѣйствительною же необходимостью для него въ это время было: отсрочить на нѣсколько мѣсяцевъ войну. Точно также императоръ Александръ Павловичъ очень хорошо зналъ, что предложенныя имъ условія не будутъ приняты Наполеономъ. Заступничество за Швецію могло только раздражить его. Во главѣ ея правительства стоялъ бывшій маршалъ Франціи, который обязанъ былъ, по мнѣнію императора Французовъ, безусловно исполнять его требованія. Что же касается Пруссіи, то въ это время Наполеонъ уже вовлекъ ее въ заключеніе оборонительнаго и наступательнаго союза съ Франціей. Не смотря на эти обстоятельства, Русскій императоръ рѣшился отвѣчать на письмо Наполеона и дозволить нашему посланнику вступить въ переговоры для того только, что желалъ сложить съ себя отвѣтственность, что не испыталъ всѣхъ способовъ отклонить войну. Но онъ рѣшился вступить въ переговоры на такихъ условіяхъ,

которыя охраняли бы какъ его личную честь, такъ и достоинство имперіи, въ качествѣ государства независимаго и самостоятельнаго.

Со времени отъѣзда Чернышева изъ Парижа съ письмомъ императора Наполеона и до того времени, пока баронъ Сердобинъ привезъ туда отвѣтъ Русскаго императора и ноту графа Румянцева, прошло довольно долго времени и это время тревожно проводилъ нашъ посланникъ въ Парижѣ. Каждый день доходили до него слухи про враждебные отзывы императора Наполеона и его министра иностранныхъ дѣлъ о Россіи, про новыя военныя распоряженія и про постоянное движеніе французскихъ войскъ къ нашимъ границамъ. „Никогда во всю жизнь я не испытывалъ столько тревогъ“, писалъ онъ графу Румянцеву.—„Мои желанія и мои опасенія не измѣнюются. Я желаю мира и ежедневно вижу, что война приближается все болѣе и болѣе. Самый слабый лучъ надежды остается еще для меня въ томъ отвѣтѣ, который послѣдуетъ со стороны нашего государя на письмо и словесныя предложенія Наполеона, посланныя съ Чернышевымъ. Мнѣ повторяютъ постоянно одно и то же, что, не смотря на огромныя военныя приготовленія и сосредоточенія войскъ почти у самыхъ нашихъ границъ, они не перейдутъ Вислы, пока еще остается надежда, что могутъ начаться мирные переговоры. Но предполагая даже, что нашъ императоръ согласится вступить въ переговоры, которые, быть можетъ, могли-бъ окончиться благопріятно годъ и даже шесть мѣсяцевъ тому назадъ, не можемъ ли мы опасаться, что въ настоящее время Франція не заявитъ такихъ условій, на кои мы не можемъ согласиться? Во всякомъ случаѣ послѣдствіемъ будетъ война, на которую, какъ видно по всему, давно уже рѣшился императоръ Наполеонъ. Все различіе съ настоящими нашими отношеніями къ Франціи будетъ заключаться лишь въ томъ, что война нѣсколько замедлится. Но я все-таки думаю, что мы должны всѣми способами стараться ее замедлить. Всякая отсрочка для насъ выгодна, потому что даетъ возможность увеличить наши силы и войдти въ соглашеніе съ тою державою, которую послѣ Тильзитскаго договора мы постоянно отъ себя отталкивали. Это соглашеніе будетъ для насъ весьма полезно. Кто можетъ добросовѣстно упрекать или порицать насъ за это, когда наша долговременная снисходительность привела къ тому, что мы должны защищать наши жилища и сражаться противъ единственнаго нашего союзника, для котораго мы жертвовали самыми дорогими для насъ интересами. Я увѣренъ, что на этотъ во-

просъ уже обращено вниманіе нашего добраго государя, и что онъ входитъ въ число вашихъ соображеній. Какъ бы я былъ радъ, еслибы мой взглядъ на дѣло былъ въ этомъ случаѣ одинаковъ съ вашимъ. Между тѣмъ тайно я дѣлаю приготовленія къ моему отъѣзду, хотя и не знаю, когда и какъ мнѣ прійдется оставить Парижъ. Я даже на случай поручилъ нанять себѣ домъ въ Петербургѣ. Но меня постоянно тревожитъ мысль, что и я могу оказаться въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ графъ Кобенцль въ 1805 году" [1]).

Тревожное состояніе нашего посланника, не считавшаго себя огражденнымъ началами международнаго права, которыми никогда не стѣснялся въ своихъ дѣйствіяхъ повелитель Франціи, еще болѣе усиливалось въ это время однимъ обстоятельствомъ, надѣлавшимъ много шуму въ Парижѣ.

Уже нѣсколько времени носился слухъ, что тайная полиція, руководимая герцогомъ Ровиго, производитъ какое-то слѣдствіе о сношеніяхъ нѣкоторыхъ Русскихъ съ чиновниками военнаго министерства, которые будто бы доставляютъ имъ свѣдѣнія о военныхъ приготовленіяхъ, дѣлаемыхъ французскимъ правительствомъ. Слѣдили за всѣми русскими, подозрѣвали чиновниковъ посольства, и носились даже слухи, что хотятъ схватить всѣ бумаги нашего посольства; но болѣе всѣхъ подозрѣвали Чернышева. Въ самый день его отъѣзда изъ Парижа полиція схватила его слугу, Саксонца Кундта, допрашивала привратника дома, въ которомъ онъ жилъ, о примѣтахъ тѣхъ лицъ, которыя его посѣщали, произвела обыскъ въ его квартирѣ, нашла клочки изорванныхъ бумагъ и визитныя карточки и по нимъ напала на слѣдъ этихъ сношеній. Вслѣдъ затѣмъ полиція схватила привратника посольскаго дома, австрійскаго подданнаго Вурстингера, не предваривъ даже князя Куракина. На всѣ его требованія, чтобы возвратили привратника и объяснили причины его задержанія, герцогъ Бассано сначала ему отвѣчалъ, что это дѣло до него не касается, что онъ ничего о немъ не знаетъ, и производство его находится въ рукахъ министра полиціи. Потомъ министръ обѣщалъ собрать справки и только мѣсяцъ спустя отвѣчалъ уклончивымъ письмомъ, говоря, что не можетъ сообщить свѣдѣнія прежде, нежели судъ постановитъ рѣшеніе по этому дѣлу, такъ какъ, къ прискорбію его, пришлось

[1]) Частное письмо къ канцлеру графу Румянцеву изъ Парижа 11-го апрѣля 1812 года.

бы говорить объ участіи въ немъ такихъ лицъ какъ флигель-адъютантъ Русскаго императора Чернышевъ, что кажется ему, министру, невѣроятнымъ. По этому дѣлу было наряжено особое слѣдствіе, и носились слухи, что множество лицъ оказываются къ нему прикосновенными. Но обнародованный наконецъ обвинительный актъ говорилъ противъ одного лишь чиновника военнаго министерства Мишеля, который и былъ приговоренъ потомъ судомъ къ смертной казни. Въ этомъ актѣ онъ прямо обвинялся въ томъ, что тайно сообщалъ Россіи свѣдѣнія о военныхъ распоряженіяхъ французскаго правительства и „доставлялъ этой державѣ способы предпринять войну противъ Франціи". Князь Куракинъ составилъ объясненіе, обративъ особенное вниманіе на эти слова, и прочитавъ его, г. Бассано, изъявилъ желаніе, чтобъ оно было обнародовано въ правительственной газетѣ. Уклонялся отъ подробныхъ объясненій, не сообщая точныхъ свѣдѣній, г. Бассано говорилъ что эти слова обвинительнаго акта не относятся къ настоящему времени, но къ тому, когда во главѣ русскаго посольства стоялъ Убри, и когда готовилась коалиція европейскихъ державъ противъ Франціи, и что обнародовать объясненіе князя Куракина онъ считаетъ неудобнымъ, потому что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны Убри, Нессельроде, Чернышевъ и Крафтъ: „Я готовъ испросить дозволеніе у императора напечатать ваше объясненіе; но тогда бы пришлось напечатать и всѣ документы, относящіеся къ этому дѣлу, чего именно не хотѣлъ императоръ, и они не были обнародованы въ *Монитерѣ* потому, что могли быть непріятны какъ для вашего государя, такъ и для вашего посольства. Но обнародованіе этихъ документовъ повело бы еще къ большимъ для васъ непріятностямъ, потому что я долженъ бы былъ тогда испросить приказаніе императора заявить вамъ формальную жалобу на дѣйствія нѣкоторыхъ членовъ русскаго посольства и требовать удовлетворенія".

„По въ чемъ же вы насъ обвиняете", отвѣчалъ ему князь Куракинъ,—„не употребляете ли вы точно такихъ же средствъ, чтобъ узнать то, что̀ для васъ нужно знать? На что̀ употребляются тѣ суммы, которыя стоятъ въ вашихъ бюджетахъ подъ рубрикою *тайныхъ расходовъ министерства иностранныхъ дѣлъ*?"

Хотя неопредѣленныя свѣдѣнія, сообщенныя по этому дѣлу французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ не могли удовлетворить нашего посланника, но онъ не хотѣлъ настаивать на своемъ требованіи, конечно—потому, что не считалъ приличнымъ придавать особенную гласность подобнымъ дѣламъ, и притомъ въ то время, когда

онъ ожидалъ разрѣшенія нашего кабинета приступить къ новымъ переговорамъ [1]).

[1]) Депеши князя Куракина отъ $^{11}/_{23}$-го марта и $^{7}/_{19}$-го апрѣля. Савари, герцогъ Ровиго, министръ полиціи императора Наполеона въ это время, подробно разказываетъ, какъ подъ его руководствомъ ему подвѣдомые полицейскіе чиновники слѣдили за дѣйствіями Чернышева (Mémoires du duc de Rovigo, т. V, гл. XVII, изд. 2-е, 1829 г.). Поводомъ къ наблюденію, по его словамъ, послужило то обстоятельство, что онъ узналъ навѣрное, что дѣло идетъ о томъ, чтобы переманить генерала Жомини въ русскую службу. Дѣйствительно, это обстоятельство совершенно вѣрно: генералъ Жомини заявилъ это желаніе еще графу Нессельроду и потомъ Чернышеву, и дѣло шло только о томъ, какъ безопаснѣе устроить это дѣло для Жомини, который, какъ швейцарскій уроженецъ, не считалъ себя неразрывно связаннымъ съ Франціей (Донесеніе Чернышева императору изъ Парижа $^{3}/_{15}$-го января 1811 г.). Конечно, это желаніе трудно было исполнить въ то время, но онъ исполнилъ его дѣйствительно впослѣдствіи. Это открытіе Савари не повлекло за собою никакихъ послѣдствій, но не остановило его наблюденій за Чернышевымъ, къ которому онъ питалъ ненависть вслѣдствіе частныхъ, семейныхъ отношеній. Онъ окружилъ его шпіонами. Хотя молодой офицеръ это скоро замѣтилъ и принималъ предосторожности, но имъ удавалось выкрадывать нѣкоторыя бумаги изъ его портфеля. Савари доносилъ о своихъ открытіяхъ Наполеону; но или эти бумаги онъ не считалъ важными, какъ его министръ полиціи, или зналъ о его личныхъ отношеніяхъ къ Чернышеву, или наконецъ одна полиція въ этомъ случаѣ сталкивалась съ другою,— а ихъ было много у императора Наполеона,—только онъ не придалъ значенія доносамъ Савари, а напротивъ запретилъ ему продолжать свои наблюденія, говоря, что это дѣло поручено герцогу Бассано. «Молодой русскій офицеръ сдѣлался нѣкотораго рода властью, которой неловко было не заслужить благосклонность (il était devenu une sorte de puissance à laquelle il était maladroit de déplaire)», говоритъ Савори. Не смотря на то, министръ полиціи усиленно продолжалъ свои наблюденія. Когда въ началѣ 1811 г. сдѣлалось извѣстнымъ въ Парижѣ, что Чернышевъ снова пріѣдетъ съ письмомъ Русскаго императора къ Наполеону—«герцогъ Ровиго», писалъ Чернышевъ,—«при встрѣчѣ съ графомъ Нессельроде сказалъ ему, что онъ не совѣтуетъ мнѣ вмѣшиваться въ дѣла дипломатическія (de me mêler d'écrire des dépêches), предоставивъ это послу и посольству, а лишь веселиться, сколько мнѣ угодно (de chercher à m'amuser ici le mieux que je pourrais et d'en faire mon unique occupation)». Узнавъ объ этомъ, Чернышевъ послѣ представленія императору Наполеону, прямо изъ Тюльери, поѣхалъ къ министру полиціи. «Онъ принялъ меня прекрасно», писалъ Чернышевъ потомъ государю,—«и нѣсколько разъ цѣловалъ меня, выражая удовольствіе видѣть меня снова въ Парижѣ. Послѣ нѣсколькихъ словъ, я обратился къ тому, что онъ говорилъ графу Нессельроду, увѣряя, что я готовъ все сдѣлать, чтобъ изгладить то дурное мнѣніе, которое онъ имѣетъ обо мнѣ,—что онъ получалъ невѣрныя свѣдѣнія, полагая, что я вмѣшиваюсь въ дипломатическія дѣла, и что никто болѣе меня не желаетъ сохраненія союза и дружбы между двумя императорами. Для того, чтобы доказать до какой степени я желаю, чтобы

Въ такомъ положеніи находился нашъ посланникъ, когда, наконецъ, 12-го апрѣля пріѣхалъ баронъ Сердобинъ и привезъ давно ожидаемый имъ отвѣтъ императора Александра на письмо Наполеона

мои поступки не заслужили неодобренія, я прошу его самого указать, какъ я долженъ поступать, и какіе дома я могу посѣщать. Савари мнѣ отвѣчалъ, что онъ говорилъ вообще о всѣхъ и вовсе не называлъ меня, что онъ ничего не можетъ сказать противъ моего образа дѣйствій и совѣтуетъ дѣйствовать по прежнему». Очевидно, онъ желалъ, чтобы молодой офицеръ не сдѣлался еще болѣе осторожнымъ и тѣмъ не лишилъ бы его наблюденій надъ нимъ всякихъ послѣдствій. Но Чернышевъ понялъ значеніе ласкъ герцога Ровиго. «Что касается до меня, государь», заключалъ онъ свое донесеніе императору $^{9}/_{21}$-го апрѣля 1811 г. изъ Парижа,— «то не смотря на всевозможныя ласки и учтивости, которыми меня осыпаютъ, за мною наблюдаютъ и подсматриваютъ. Мнѣ удалось выпроводить двухъ эмиссаровъ герцога Ровиго, которые подъ разными предлогами явились ко мнѣ съ своими предложеніями. Смѣю увѣрить ваше величество, что благоразуміе и осторожность будутъ руководить моими дѣйствіями въ Парижѣ». Въ это время бывшему министру полиціи Фуше, находившемуся въ немилости и въ изгнаніи, дозволено было поселиться въ своемъ помѣстьи неподалеку отъ Парижа; это происшествіе объясняли Французы возвратомъ милости Наполеона своему прежнему слугѣ и желали, чтобъ онъ занялъ свое прежнее мѣсто. «Дѣйствительно», писалъ Чернышевъ графу Румянцеву,—«герцогъ Ровиго сдѣлался невыносимо тяжелъ для всѣхъ; невозможно деспотизмъ и тиранію довести до большей степени, нежели какъ онъ ихъ довелъ. Его направленіе состоитъ въ томъ, чтобы разрушать всякія общества, всякія собранія самыя невинныя и неспособныя внушать никакихъ подозрѣній. Особенно иностранцевъ онъ желаетъ удалить отъ общества; эту мысль онъ выражалъ многимъ изъ тѣхъ, у кого онъ бываетъ. Поэтому пребываніе въ Парижѣ сдѣлалось опаснымъ и страшнымъ и особенно невыносимымъ для тѣхъ, которые по обязанности должны узнавать о ходѣ дѣлъ. Герцогъ Ровиго изгналъ изъ Парижа г-жу Рекамье, потому только что у нея собирались ея знакомые, что̀ не нравилось правительству, и потому, что она ѣздила повидаться съ г-жею Сталь. Г. Матвѣй Монморанси, извѣстный своею набожностію и совершенно удалявшійся отъ свѣта, сосланъ по тому же, что видался съ г-жею Сталь». Также была выслана изъ Парижа «княгиня Беневентская Талейранъ. На праздникѣ въ Тріанонѣ, императоръ Наполеонъ цѣлый часъ проговоривъ съ нею, окончивъ разговоръ словами: «Vous êtes un diable d'homme, je ne puis ne pas venir vous parler de mes affaires, ni m'empecher de vous aimer». Не смотря на то, это не отклонило ея высылки изъ Парижа на другой же день». (Донесеніе Чернышева графу Румянцеву изъ Парижа $^{7}/_{19}$-го сентября 1811). При такомъ положеніи дѣлъ, естественно Парижане могли желать даже, чтобы Фуше вновь занялъ мѣсто министра полиціи; но это желаніе должно было возбудить опасеніе Савари потерять его и потому послужило ему поводомъ къ усиленію своей дѣятельности, чтобы показать свою службу Наполеону необходимою и полезною. Какъ уже сказано выше, Чернышеву удалось однако избѣгнуть козней Савари до самаго отъѣзда своего изъ Парижа. Но лишь только онъ оставилъ Парижъ, полиція ворвалась

и новыя ему наставленія. Въ тотъ же день Куракинъ отправился къ герцогу Бассано, подробно передалъ ему содержаніе только что полученныхъ депешъ и просилъ доложить императору Наполеону о

въ его квартиру, обшарила всѣ углы и отыскала нѣсколько клочковъ бумаги, изъ которыхъ можно было догадаться, что ему доставилъ какія-то свѣдѣнія кто-то, служащій въ военномъ министерствѣ. Началось слѣдствіе, которое и раскрыло, что одинъ изъ дѣлопроизводителей военнаго министерства, Мишель, доставлялъ подобныя свѣдѣнія нашему посольству. Когда, по поводу ареста слуги Чернышева Саксонца Кундта и швейцара посольскаго дома, Австрійца Вурстингера, князь Куракинъ обратился съ запросомъ къ герцогу Бассано, то послѣдній отвѣчалъ ему, что ничего не знаетъ объ этомъ, что это дѣло полиціи. (Депеши князя Куракина графу Румянцеву $\frac{18\text{ февраля}}{1\text{ марта}}$, $\frac{19\text{ февраля}}{2\text{ марта}}$, $\frac{24\text{ февраля}}{7\text{ марта}}$ и $^{4}/_{16}$ марта). По получивъ запросъ нашего посланника, герцогъ Бассано сперва хотѣлъ отвѣчать подробно, и безъ сомнѣнія, съ одобренія императора Наполеона, приготовилъ проектъ ноты, въ которой въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицался образъ дѣйствій Чернышева (*Bignon*, Hist. de France. гл. XXXIII); эта нота не была однако послана и осталась въ портфеляхъ министра. Почему-жъ однако не была послана эта нота нашему посланнику, безъ сомнѣнія также по распоряженію императора Наполеона? Очевидно, по той причинѣ,что слѣдствіе привело не къ тому, къ чему желалъ бы привесть его Савари. Онъ увѣряетъ, что Наполеонъ еще могъ бы остановить Чернышева на пути въ Россію; но императоръ не воспользовался этимъ средствомъ и не сдѣлалъ его поступка предметомъ офиціальныхъ переговоровъ, очевидно — потому также, что этотъ поступокъ вовсе не имѣлъ того значенія, которое желали ему придать. Въ первое время и князь Куракинъ, смущенный тѣмъ волненіемъ, которое это дѣло произвело въ Парижѣ, думалъ, что дѣйствительно Чернышевъ поступилъ неосторожно, и даже заявлялъ нашему правительству, что Чернышеву уже невозможно возвратиться въ Парижъ. «Таковы обыкновенно бываютъ послѣдствія», писалъ онъ графу Румянцеву,—«когда поручаютъ дѣла людямъ неопытнымъ и не имѣютъ полной довѣренности къ тѣмъ, кто призванъ заниматься ими» (депеши князя Куракина $^{4}/_{16}$-го и $^{9}/_{21}$-го марта 1812 г.). По Чернышевъ, какъ удостовѣряетъ и Савари, былъ такъ поставленъ въ Парижскомъ обществѣ, что ему не представлялось нужды добывать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ низшихъ чиновничьихъ слояхъ: онъ могъ получить ихъ изъ самыхъ высшихъ круговъ, гораздо болѣе знакомыхъ съ ними. Герцогъ Бассано, въ письмѣ отъ 26-го марта н. ст. къ графу Румянцеву, извиняясь, что долго не отвѣчалъ на его письмо отъ 2-го марта, оправдывается тѣмъ, что тогда пришлось бы говорить ему противъ образа дѣйствій Чернышева, который казался ему невѣроятнымъ, и сообщать выдуманныя обвиненія (Comment croire en effet qu'un officier qui appartient à S. M. L'empereur Alexandre, qui est attaché à son auguste personne en qualité d'aide de camp et qui est venu à Paris comme l'intermédiaire de la correspondance directe des deux souverains, ait pu se prêter au rôle qu'on voudrait lui faire jouer. Cela est à mes yeux hors de toute vraisemblance. Je ne pouvais donc, Mr. l'ambassadeur, vous communiquer des renseignements, que je dois regarder comme controuvés). Очевидно, слѣдствіе открыло не то, что думалъ найдти Савари. Но что-жъ оно

назначеніи ему свиданія для врученія отвѣта Русскаго государя на его письмо. „Сегодня императоръ будетъ на охотѣ, завтра въ воскресенье у обѣдни и затѣмъ будетъ общій пріемъ. Можетъ быть, онъ приметъ васъ въ понедѣльникъ", отвѣчалъ герцоръ Бассано. Нашего посланника, еще вѣрившаго въ искреннее желаніе императора Французовъ вступить въ переговоры съ Россіей, удивилъ подобный отвѣтъ. „Я не ожидалъ такихъ отсрочекъ для полученія письма нашего государя, когда императоръ Наполеонъ постоянно выражалъ, что ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ", писалъ онъ графу Румянцеву [1]). Но въ тотъ же день вечеромъ князь получилъ письмо отъ герцога Бассано, въ которомъ министръ увѣдомлялъ его, что завтра въ девять часовъ утра императоръ Наполеонъ приметъ его въ Сенъ-Клу.

13-го апрѣля, князь Куракинъ явился въ кабинетъ императора, и прежде всего выразилъ увѣренность, что Наполеону извѣстны его искреннее желаніе и старанія поддержать миръ и добрыя отношенія между двумя имперіями, и что поэтому онъ, конечно, благосклонно выслушаетъ и справедливо оцѣнитъ тѣ предложенія нашего прави-

---

открыло? Что одинъ изъ дѣлопроизводителей военнаго министерства доставлялъ нѣкоторыя свѣдѣнія второстепеннымъ чиновникамъ нашего посольства съ того времени, когда должность посланника исправлялъ Убри и въ послѣднее время — графу Нессельроде. Если вѣрить показаніямъ французскихъ писателей, то Чернышевъ отвезъ въ Россію такого рода документъ, доставленный ему Мишелемъ; но это случилось, очевидно, потому, что графъ Нессельроде былъ уже въ отпуску и находился въ Россіи, а Чернышевъ долженъ былъ немедленно ѣхать изъ Парижа (*Bignon.* Souvenirs d'un diplomate etc. изд. 1864 г. гл. 1). Что-жъ однако былъ это за документъ? Савари говоритъ, что для императора Наполеона составлялись черезъ каждыя двѣ недѣли вѣдомости о числѣ войскъ и о томъ, гдѣ какія изъ нихъ находились, и такую-то вѣдомость увезъ съ собою Чернышевъ. Но числа войскъ вовсе не скрывалъ императоръ Наполеонъ; онъ довольно вѣрно опредѣлялъ его въ тѣхъ разговорахъ своихъ съ княземъ Куракинымъ и Чернышевымъ, о которыхъ поручалъ имъ довесть до свѣдѣнія Русскаго императора. Онъ думалъ запугать Россію тѣми огромными силами, которыя онъ приготовилъ на случай войны съ нею. Вѣдомость, привезенная Чернышевымъ, только могла подтвердить его слова, и слѣдовательно, содѣйствовала его видамъ. Что же касается до обозначенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ какія части войскъ находились, то ихъ передвиженія по Германіи не могли быть тайною для Россіи, когда повсюду еще находились наши посольства. Въ глазахъ французскаго правительства важенъ былъ не документъ, но дѣйствія чиновника его министерства. Но дѣйствительно ли привезъ Чернышевъ эту вѣдомость,—это еще подлежитъ сомнѣнію, по крайней мѣрѣ для меня, потому что мнѣ не удалось найдти подтвержденія тому въ нашихъ источникахъ.

[1]) Депеша къ графу Румянцеву $\frac{14}{26}$-го апрѣля 1812 г.

тельства, которыя князь ему сообщитъ, и которыя одни могутъ еще предотвратить войну.

„Что касается вашего личнаго образа мыслей", отвѣчалъ ему Наполеонъ,—„то онъ мнѣ хорошо извѣстенъ; я не могу не отдать справедливости вашимъ постояннымъ стараніямъ поддержать добрыя отношенія между двумя имперіями; знаю, что вы сожалѣете, также какъ и я, что упущено было время, въ которое можно было внимательно обсудить средства возстановленія этихъ отношеній,—что вамъ не давали достаточныхъ для этого полномочій....."

Вслѣдъ за вступительною рѣчью, конечно, напередъ обдуманною и разчитанною на то, что послѣ нея императоръ Наполеонъ выслушаетъ предложенія нашего правительства, князь Куракинъ намѣревался изложить ихъ съ подробностью; но императоръ, не давая вымолвить слова нашему посланнику, продолжалъ говорить безъ остановки:

„...Но вмѣсто того вы начали вооружаться и вынудили меня къ тому же. Я этого и не скрывалъ съ той поры. Я говорилъ вамъ объ этомъ нѣсколько разъ и нарочно повторилъ при всѣхъ во время собранія въ Тюльери $^{3}/_{15}$-го августа. Я не скрывалъ моихъ дѣйствій, я говорилъ о нихъ и Чернышеву передъ его поѣздкою въ Петербургъ и теперь не скрываю отъ васъ, что я совершенно готовъ къ войнѣ. Я уже стою на Вислѣ. Но на какихъ условіяхъ вы хотите достигнуть со мною соглашеній? Герцогъ Бассано уже говорилъ мнѣ, что вы требуете, чтобъ я очистилъ Пруссію. Это невозможно; самое требованіе это есть ужь оскорбленіе для меня. Моя честь не позволитъ мнѣ подчиниться ему. Вы сами дворянинъ (gentilhomme),—какъ вы можете дѣлать мнѣ подобныя предложенія? Въ Петербургѣ, должно быть, совсѣмъ потеряли голову, если могли подумать, что угрозами можно заставить меня сдѣлать угодное имъ. Я иначе дѣйствовалъ въ отношеніи къ императору Александру, когда онъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Тильзитъ, послѣ моей побѣды подъ Фридландомъ; я щадилъ его и не предложилъ ему ничего такого, что̀ было бы несогласно съ его честью, или могло оскорбить его чувства. Я дѣйствовалъ совершенно противоположно. Начнемъ переговоры, условимся въ томъ, что̀ мы можемъ требовать одинъ отъ другаго. Герцогъ Бассано снабженъ мною полномочіями,—снабжены ли и вы такими же? Начинайте съ нимъ переговоры".

„Но прежде, нежели приступить къ разсужденіямъ о тѣхъ вопросахъ, которые должны быть предметомъ нашихъ переговоровъ, прежде нежели рѣшиться на тѣ уступки, которыя мы можемъ сдѣлать въ

пользу Франціи", отвѣчалъ князь Куракинъ, -я долженъ убѣдиться, что будетъ принято первое условіе, на которое мнѣ указано въ повелѣніяхъ моего государя, то-есть, объ очищеніи Пруссіи отъ французскихъ войскъ и объ уменьшеніи Данцигскаго гарнизона. и что оно послужитъ основой и введеніемъ въ тотъ договоръ, который мы имѣемъ заключить. Поэтому я поспѣшилъ прочесть герцогу Бассано полученныя мною депеши, чтобъ онъ предварилъ ваше величество о ихъ содержаніи, и именно о томъ, что всѣ тѣ неожиданныя и выгодныя для Франціи уступки, которыя намѣревается сдѣлать наше правительство, зависятъ отъ одного условія, которое, прежде всего, я обязывался предъявить".

„Вы дѣйствуете совершенно также какъ Пруссія передъ Іенскимъ сраженіемъ", прервалъ его Наполеонъ;—„она требовала, чтобъ я вывелъ мои войска изъ сѣверной Германіи. Я не могу согласиться теперь на то, чтобъ очистить Пруссію; это требованіе затрогиваетъ мою честь!"

„Но сами же вы, государь", продолжалъ нашъ посланникъ,—„въ вашихъ разговорахъ съ моимъ государемъ въ Тильзитѣ, пришли къ тому убѣжденію, что для того, чтобы придать прочность союзу, который вы только что заключили, необходимо, чтобы между Россіей и тѣми странами, которыя находятся подъ вашимъ владычествомъ, находилось независимое государство. Тогда Пруссія и была признана именно такимъ государствомъ и потому Варшавское герцогство было уступлено Саксоніи. Въ собственномъ вашемъ мнѣніи, государь, мы имѣемъ достаточное основаніе требовать того, что наиболѣе можетъ способствовать укрѣпленію союза и добрыхъ отношеній между двумя имперіями, а именно, чтобы Пруссія приведена была въ состояніе независимаго государства, какъ вы сами предполагали, и чтобы договоръ, который вы съ нею заключили, былъ оставленъ безъ послѣдствій".

„Я не могу на это согласиться", замѣтилъ Наполеонъ, —„вступимъ въ переговоры, устроимъ соглашеніе. Если вы хотите договариваться, то и не напоминайте мнѣ объ этомъ требованіи".

Съ одной стороны, усиленно приглашая нашего посланника вступить въ переговоры съ его министромъ иностранныхъ дѣлъ, съ другой—отклоняя рѣшительно то условіе, безъ принятія котораго онъ не имѣлъ права вступить въ переговоры, Наполеонъ ставилъ князя Куракина въ безвыходное положеніе. „Ваше величество очень хорошо знаете", говорилъ ему князь,—„что всякій государь обязанъ требовать повиновенія отъ своихъ подданныхъ, и что никто не требуетъ его въ

большей мѣрѣ, какъ вы отъ своихъ. Поэтому ваше величество поймете, что я слѣпо исполняю приказанія, полученныя мною отъ моего императора и состоящія въ томъ, чтобы не входить ни въ какіе переговоры прежде, нежели вы согласитесь на первое условіе, какое я имѣлъ честь заявить. Безъ этого я не могу начать никакихъ переговоровъ съ вашимъ министерствомъ. Да позволитъ мнѣ ваше величество возвратиться къ прошедшему. Ваши огромныя вооруженія и всѣ враждебныя мѣры, которыя вы принимаете, въ ихъ совокупности, области, въ которыхъ въ настоящее время вы сосредоточили всѣ ваши средства, собранныя противъ насъ, не могутъ ли для насъ служить непреложнымъ доказательствомъ справедливости нашихъ опасеній и не оправдываютъ ли вполнѣ всѣ приготовленія съ нашей стороны, предпринимаемыя единственно для охраненія нашего существованія и соразмѣрно съ пространствомъ и могуществомъ Россіи? Въ такомъ положеніи Россіи еще ничего нѣтъ враждебнаго въ отношеніи къ вамъ. Императоръ Александръ говорилъ это постоянно вашему посланнику, точно также какъ и я, по его приказанію, повторялъ вамъ и вашему министерству. Но вы заключили новый договоръ съ Пруссіей, котораго содержаніе, безъ сомнѣнія, направлено противъ насъ, потому что онъ не былъ сообщенъ намъ, и котораго значеніе уже выразилось въ движеніи вашихъ войскъ на Одеръ и ихъ аванпостовъ на Вислу. Не есть ли это уже начало военныхъ дѣйствій противъ Россіи? Мнѣ предписано объявить министерству вашего величества, что если войска въ значительныхъ силахъ перейдутъ Одеръ, то этотъ переходъ мы пріймемъ за объявленіе войны. Въ предположеніи подобнаго случая, мнѣ предписано и я считаю необходимымъ заявить, что и наши войска могутъ перейдти границы имперіи. Но это движеніе можетъ быть вызвано только военными соображеніями, чтобы занять хорошую позицію и защитить наши границы; оно не будетъ имѣть значенія наступательнаго и тѣмъ болѣе завоевательнаго, и наши войска немедленно будутъ отодвинуты въ наши границы, какъ только сдѣлается извѣстнымъ, что предлагаемыя нами условія переговоровъ будутъ приняты. При такомъ положеніи дѣлъ возможно предполагать, что тѣ заявленія, которыя я буду обязанъ сообщить моему правительству объ отвѣтахъ вашего кабинета на его предложенія, могутъ прійдти уже не во-время, и постоянное движеніе французскихъ войскъ къ нашимъ границамъ повредетъ, естественно, къ тому, что и наши войска вынуждены будутъ переступить границы имперіи“.

Съ необычнымъ долготерпѣніемъ выслушалъ Наполеонъ длинныя

рѣчи нашего посланника и не перебивалъ его, продолжая лишь нить своихъ собственныхъ мыслей и не обращая вниманія на тѣ, которыя излагалъ ему Куракинъ.

„Маршалъ Даву уже на Вислѣ", сказалъ онъ, когда князь окончилъ свою рѣчь,—„его главная квартира уже въ Торнѣ. Послѣднія извѣстія, которыя я отъ него имѣю, отъ 19-го апрѣля; въ это время съ вашей стороны еще не было замѣтно никакихъ движеній. Для того, чтобы какъ можно скорѣе получать извѣстія отъ маршала Даву, я устроилъ особенныя эстафеты, а также телеграфъ".

Очевидно, онъ отвѣчалъ не на тотъ вопросъ, на который желалъ бы получить отвѣтъ нашъ посланникъ, но на то сообщеніе Куракина, что русскія войска могутъ перейдти границы въ виду наступленія его армій, и слѣдовательно, войдти въ Пруссію и Варшавское герцогство. Нашего посланника, вѣровавшаго не только въ возможность, но и въ успѣхъ переговоровъ, занимала мысль, чтобы движеніе военныхъ силъ не привело къ войнѣ прежде, нежели возможно будетъ приступить къ переговорамъ. Напротивъ того, императоръ Наполеонъ рѣшившись воевать и только выигрывая время постояннымъ заявленіемъ желанія вступить въ переговоры, разчитывалъ лишь на то, чтобы Россія спокойно выжидала, пока онъ не только приготовится къ войнѣ, но и пока всѣ его войска придутъ въ назначенныя мѣста, отдохнутъ, сосредоточатся и приготовятся къ дальнѣйшимъ движеніямъ, которыя онъ имъ предпишетъ, когда это будетъ нужно по его разчетамъ и прибывъ самъ на мѣсто дѣйствія. Между тѣмъ сообщенія нашего посланника о возможности перехода нашихъ войскъ черезъ границы, разстраивали соображенія Наполеона, и притомъ въ такое время, когда ему удалось уже почти вполнѣ приготовиться къ войнѣ, и оставалось не болѣе какъ на мѣсяцъ или полтора усыпить еще вниманіе русскаго правительства, чтобы громаднымъ ударомъ разразиться надъ Россіей. Разчитывая на честность Русскаго императора, онъ продолжалъ:

„Тѣ области, гдѣ еще находятся мои войска, принадлежатъ мнѣ или моимъ союзникамъ. Герцогство Варшавское находится подъ моимъ покровительствомъ потому, что оно подчинено власти государя, члена Рейнскаго союза. Король Прусскій—мой союзникъ, я долженъ его защищать. Но что касается до васъ, то вы не можете перейдти ваши границы, не нарушивъ неприкосновенности чужихъ владѣній. Вы не можете сдѣлать одного шага въ герцогствѣ Варшавскомъ, не встрѣтивъ тамъ сопротивленія, а лишь только раздастся хотя бы одинъ

пистолетный или ружейный выстрѣлъ съ той или другой стороны, это уже будетъ началомъ войны. Замедленіе отвѣта, котораго я ожидалъ отъ императора Александра послѣ пріѣзда Чернышева, возбудило во мнѣ безпокойство. Я приказалъ маршалу Даву отразить непріятельскія дѣйствія какъ только возможно будетъ предвидѣть ихъ начало. Я предписалъ Лористону оставить Петербургъ вмѣстѣ со всѣми посланниками государей Рейнскаго союза, лишь только онъ узнаетъ, хотя бы частнымъ образомъ, что ваши войска перешли свои границы. По извѣстіямъ, сообщеннымъ мнѣ отъ 1-го апрѣля, я уже пятыя сутки ожидаю отъ него нарочнаго и удивляюсь, что онъ до сихъ поръ не пріѣзжаетъ. Ужь не остановили ли его у васъ?"

„Это уже рѣшительно невозможно", позволилъ себѣ прервать его рѣчь князь Куракинъ,—„такой образъ дѣйствій не въ нашемъ обычаѣ. Но меня чрезвычайно удивляетъ та поспѣшность, съ какою ваше величество сочли нужнымъ дать приказанія графу Лористону и маршалу Даву, когда съ нашей стороны еще ничто не подавало къ тому повода, и ваше величество еще не получили отвѣта отъ моего государя. Этотъ отвѣтъ теперь въ рукахъ вашего величества. Послѣ того, чтб вамъ угодно было мнѣ сообщить, я считаю долгомъ предупредить, что если графъ Лористонъ имѣетъ уже предварительное предписаніе оставить Петербургъ, то и мнѣ послѣ его отъѣзда нельзя болѣе оставаться при вашей особѣ, и какъ только я узнаю о его отъѣздѣ, я немедленно потребую моихъ паспортовъ.

„Но вы не можете уѣхать отсюда, не имѣя на то прямаго предписанія вашего государя", отвѣчалъ Наполеонъ.

„При подобныхъ обстоятельствахъ я не могу ожидать предписанія; отозваніе вашего посланника будетъ такого рода явленіемъ, которое я полагаю достаточнымъ для того, чтобы рѣшиться на этотъ поступокъ по собственному своему разсужденію. Я сочту своимъ долгомъ дѣйствовать такимъ образомъ и не измѣню моего намѣренія. Но пока я осмѣливаюсь просить ваше величество прочитать письмо моего государя".

Императоръ Наполеонъ началъ читать письмо, которое такъ долго держалъ не распечатывая въ рукѣ, и прочитавъ, сказалъ князю Куракину: „Вотъ, наконецъ, письмо, которымъ я очень доволенъ. Оно прилично и совершенно основательно (elle est convenable et parfaitement en règle). Въ немъ нѣтъ ничего того, чтб вы мнѣ говорите, и чего отъ меня требуете!" И съ этими словами Наполеонъ прочелъ нашему посланнику письмо императора Александра. Безъ сомнѣнія,

Наполеонъ не могъ быть доволенъ этимъ письмомъ; напротивъ того, оно сильно оскорбляло его гордость, потому что составлено было совершенно соотвѣтственно его письму, даже съ буквальнымъ повтореніемъ существенныхъ выраженій. Но его мысль работала надъ тѣмъ извѣстіемъ, которое ему сообщилъ нашъ посланникъ. Если дѣйствительно русскія войска перейдутъ границы, и война должна будетъ начаться ранѣе, нежели онъ предположилъ, то это обстоятельство во всякомъ случаѣ разстроитъ его предположенія, такъ тщательно обдуманныя, такъ ловко приводимыя въ исполненіе. Еще нѣсколько недѣль спокойнаго ожиданія со стороны Россіи, и они окончательно будутъ приведены въ исполненіе. Выиграть это время, не заявлять полнаго разрыва, а убаюкать еще вниманіе Россіи возможностію переговоровъ,—вотъ что занимало его мысль, и потому онъ сдѣлалъ видъ, будто очень доволенъ письмомъ императора Александра. Но въ этомъ письмѣ было прямо указано на тѣ сообщенія, которыя поручалось нашему посланнику сдѣлать французскому правительству, и потому князь Куракинъ не могъ ошибиться въ значеніи этого письма.

„Я считаю себя счастливымъ“, сказалъ онъ Наполеону, выслушавъ это письмо,—„что слышу новое подтвержденіе тѣхъ чувствъ, которыя питаетъ къ особѣ вашего величества мой августѣйшій государь; но тѣмъ не менѣе предписанія, которыя я получилъ, остаются во всей силѣ, и прежде, нежели вступить въ какіе-либо переговоры и соглашенія, я долженъ предварительно настаивать на томъ, чтобы дано было обѣщаніе очистить Пруссію отъ французскихъ войскъ и уменьшить гарнизонъ въ Данцигѣ. Если ваше величество отказываетесь принять это условіе, то тѣмъ самымъ вы лишаете меня возможности войдти въ совѣщанія о всѣхъ другихъ, которыя мнѣ предписано предложить вслѣдъ за нимъ и которыя имѣютъ цѣлію удовлетворить всѣ требованія, предъявленныя вашимъ величествомъ нашему правительству...

Нашъ посланникъ поставилъ бы въ затруднительное положеніе своего собесѣдника, еслибъ этимъ заявленіемъ окончилъ свою рѣчь. Очевидно, этимъ самымъ покончилась бы и всякая мысль о возможности переговоровъ, наступилъ бы полный разрывъ, который могъ ускорить начало военныхъ дѣйствій, противъ желаній Наполеона. Но князь Куракинъ продолжалъ свою рѣчь и самъ далъ Наполеону способъ выйдти ему изъ затрудненія. „Но такъ какъ ваше величество не желаетъ принять предварительное условіе“, говорилъ онъ,—„то тѣмъ самымъ прерываете всякіе переговоры и лишаете меня возможности приступить къ нимъ. Поэтому, позвольте мнѣ обратиться къ тому, что при на-

столицемъ положеніи дѣлъ представляется наиболѣе нужнымъ, если обратить вниманіе на тѣ страны, которыя должны сдѣлаться поприщемъ войны. Я хочу сказать о тѣхъ предписаніяхъ, которыя ваше величество сдѣлали маршалу Даву и графу Лористону. Весьма вѣроятно, что, имѣя свѣдѣнія о постоянномъ приближеніи вашихъ войскъ, и наши войска перешли уже границы; полагаете-ли вы, государь, что и въ этомъ случаѣ еще возможно предупредить пролитіе человѣческой крови?"

„Маршалу Даву", отвѣчалъ Наполеонъ,—„было предписано не переходить Вислы и ожидать извѣстія объ исходѣ переговоровъ, на которые я разчитывалъ; но потомъ я пересталъ на нихъ надѣяться, не получая отвѣта на мое письмо, который вы только теперь мнѣ доставили, не видя пріѣзда вашего секретаря... какъ его зовутъ... Новосильцевъ?.."

„Нессельроде", подсказалъ князь Куракинъ.

„Да, Нессельроде", продолжалъ Наполеонъ;—„я началъ уже думать, что вовсе не получу никакого отвѣта. Но чтобъ отвѣчать на вашъ вопросъ, я скажу, что если ваши войска займутъ только правый берегъ Нѣмана, мои не перейдутъ Вислы. Если даже ваши займутъ Мемель, я противъ этого ничего не скажу. Но если вы перейдете Нѣманъ, если вы займете Кенигсбергъ, гдѣ встрѣтите двадцать тысячъ Пруссаковъ подъ начальствомъ генерала Граверта, или если вы войдете въ герцогство Варшавское, то маршалъ Даву дастъ вамъ отпоръ, потому что моя честь требуетъ того, чтобъ я защитилъ области Прусскаго и Саксонскаго королей. Но если вы останетесь на правомъ берегу Нѣмана, то Даву не перейдетъ Вислы. Я пошлю предписаніе Лористону остановиться въ Маріенвердерѣ, ожидать тамъ уполномоченнаго со стороны императора Александра и начать съ нимъ переговоры".

„Но этого еще мало", отвѣчалъ князь Куракинъ.—„Пока графъ Лористонъ будетъ ожидать въ Маріенвердерѣ пріѣзда нашего уполномоченнаго, военныя дѣйствія могутъ начаться. Необходимо предотвратить эту возможность".

„Вы правы", замѣтилъ Наполеонъ.—„Итакъ, я предлагаю неограниченное временемъ перемиріе съ тѣмъ, чтобъ о его прекращеніи было объявлено за пятнадцать дней до начала военныхъ дѣйствій, если переговоры не приведутъ насъ къ соглашеніямъ".

„Но, государь", отвѣчалъ нашъ посланникъ,—„недостаточно этого, что вы мнѣ заявляете такое предложеніе: необходимо, чтобъ я былъ

увѣренъ, что предписанія въ этомъ смыслѣ будутъ даны маршалу Даву и графу Лористону, и чтобъ я могъ послать втораго затѣмъ нарочнаго, съ которымъ отправилъ бы заявленіе, что такія предписанія, дѣйствительно, отправлены, и что герцогъ Экмюльскій ихъ получилъ".

„Я желалъ бы", сказалъ Наполеонъ,—„чтобы вы два-три дня повременили отправленіемъ вашего перваго нарочнаго, который, конечно, повезетъ императору Александру вашъ отчетъ о нашемъ теперешнемъ разговорѣ, пока я не получу извѣстій отъ Лористона. Мнѣ нужно знать, что̀ ему сказали о переходѣ нашихъ войскъ черезъ границы, и оставитъ ли онъ Петербургъ А между тѣмъ повидайтесь съ Бассано и постарайтесь условиться съ нимъ о перемиріи. Можете ли вы теперь подписать его вмѣстѣ съ нимъ?"

„Я не имѣю на это полномочія", отвѣчалъ князь Куракинъ, —„потому что подобный случай не былъ предвидѣнъ; но видя, до какого положенія дошли дѣла въ настоящее время, я готовъ его подписать условно, sub sperati, предоставляя волѣ моего государя согласиться. или нѣтъ на это перемиріе".

„Первымъ послѣдствіемъ этого перемирія", продолжалъ Наполеонъ,—„будетъ то, что если военныя дѣйствія уже начались, и наши войска заняли Кенигсбергъ, то они немедленно очистятъ его и удалятся за Нѣманъ, а мои—за Пасаргу".

Удивленный этимъ извѣстіемъ, нашъ посланникъ перервалъ рѣчь Наполеона.

„Какъ же, ваше величество только что сказали, что предписали маршалу Даву не переходить Вислы, а теперь говорите, что онъ долженъ будетъ отступить за Пасаргу. Это совершенно измѣнитъ то положеніе, въ которомъ должны находиться наши войска за Вислой, и приближаетъ ихъ къ нашимъ границамъ?"

„Ну, я откровенно объяснюсь вамъ", отвѣчалъ пойманный въ расплохъ Наполеонъ,—„причины, почему это такъ случилось. Страна по лѣвую сторону Вислы очень песчана и не представляетъ достаточныхъ средствъ для продовольствія моихъ войскъ; гораздо болѣе этихъ средствъ представляетъ страна за Пасаргою".

„Да", отвѣчалъ князь Куракинъ,—„вы желаете воспользоваться плодородною мѣстностью старой прусской Польши; но это соображеніе съ вашей стороны, естественно, приводитъ меня къ мысли о томъ, сколько же потребуется продовольствія и фуража для всѣхъ войскъ, простирающихся до 500 тысячъ человѣкъ, которыя, по сло-

вамъ вашего величества, вы собрали противъ насъ. Подумали ли вы, сколько затрудненій можетъ представить ихъ продовольствованіе?"

„Въ этомъ отношеніи я не встрѣчу никакихъ затрудненій", съ увѣренностью отвѣчалъ Наполеонъ,—„я все предвидѣлъ, я устроилъ напередъ огромные запасы продовольствія въ Данцигѣ и Торнѣ, у меня девять тысячъ подводъ для перевозки муки, и начинающаяся весна родитъ продовольствіе подъ ногами лошадей, куда бы я ни двинулъ мою конницу. Вы недовольны моимъ договоромъ съ Пруссіей. Но Прусскій король посылалъ своего генералъ-адъютанта къ императору Александру сказать ему, что я не желаю войны, и предложить ему свое посредничество. Ему отвѣчали, что императоръ также не желаетъ войны, но не нуждается въ такомъ посредничествѣ. Что-жъ оставалось болѣе дѣлать Прусскому королю, какъ не вступить въ соглашеніе со мною? Австрія находилась точно въ такомъ же положеніи. Она представляла вамъ точно такія же увѣренія о моихъ намѣреніяхъ, дѣлала такія же предложенія и получила точно такой же отвѣтъ, какъ и Пруссія".

„Какъ", прервалъ его князь Куракинъ, — „долженъ ли я изъ словъ вашего величества заключить, что и Австрія противъ насъ?"

„Безъ всякаго сомнѣнія", отвѣчалъ Наполеонъ.

„Стало быть, тотъ австрійскій наблюдательный корпусъ, что̀ расположенъ въ Галиціи, предназначенъ для того, чтобы дѣйствовать противъ насъ?"

„Да", если начнется война, онъ будетъ дѣйствовать сообща съ моими войсками", отвѣчалъ Наполеонъ и продолжалъ свою рѣчь: „Я, какъ человѣкъ, который уважаетъ императора Александра, намѣренъ доказать мое личное къ нему расположеніе даже въ манифестахъ, которые долженъ буду обнародовать противъ Россіи,—я не могу понять, какими совѣтниками онъ себя окружаетъ, и кто могъ ему внушить такъ легкомысленно оставить то прекрасное положеніе, въ какомъ онъ находился. Вслѣдствіе союза со мною онъ пріобрѣлъ Финляндію, которую такъ усиленно желали пріобрѣсть всѣ его предшественники. Точно также я уступилъ ему Молдавію и Валахію Онѣ уже давно принадлежали бы ему, еслибъ онъ не отозвалъ пяти дивизій изъ своихъ дунайскихъ войскъ и не вывелъ ихъ оттуда для того, чтобы придвинуть къ польскимъ границамъ. Еслибъ онъ не предпринялъ этой неудачной мѣры, то доведенные до крайности и разбитые Турки не могли бы вамъ противостоять, и вы заключили бы съ ними миръ— на какихъ бы хотѣли условіяхъ. Но вмѣсто того пришлось отступить.

Теперь вы предлагаете имъ границею Прутъ, и на это они не соглашаются".

„Ихъ упорство объяснить не трудно", перервалъ его рѣчь князь Куракинъ,—„они разчитываютъ на войну, которую вы предпринимаете противъ насъ".

„Послушайте, я вамъ скажу всю правду, я постоянно отклонялъ всѣ заискиванія Турокъ; но шесть недѣль тому назадъ я, дѣйствительно, вошелъ въ сношенія съ ними. Подумайте, могъ ли я вѣрить тѣмъ сообщеніямъ, которыя присылалъ мнѣ Лористонъ, когда отзывъ пяти дивизій изъ дунайской арміи явно обнаруживалъ мнѣ враждебные ваши замыслы противъ герцогства Варшавскаго. Я долженъ былъ двинуть мои войска, чтобы противодѣйствовать такъ явно выраженнымъ вашимъ намѣреніямъ. Не могъ я также не замѣтить презрѣнія и враждебнаго ко мнѣ расположенія въ вашемъ упорномъ молчаніи, котораго вы никакъ не хотѣли прервать".

„Но все, чего вы требовали отъ насъ", замѣтилъ князь Куракинъ,—„вы можете получить теперь съ выгодою для вашей имперіи, если только согласитесь принять то условіе, которое мы считаемъ необходимымъ для нашего спокойствія".

„Да, очистить Пруссію,—но это оскорбленіе, котораго я не могу вынести. Въ Тильзитѣ, послѣ Фридландскаго сраженія, я щадилъ вашу честь, а вы не щадите моей. Вы заставили меня отложить мои дѣйствія въ Испаніи, я вернулъ оттуда мои экипажи, которые находились уже тамъ; вы заставили меня истратить огромныя суммы денегъ на военныя приготовленія, и послѣ всего этого вы предлагаете мнѣ невозможныя условія. Не говорите мнѣ объ этомъ болѣе и вступайте въ переговоры съ герцогомъ Бассано", добавилъ Наполеонъ.

„Но я долженъ повторить вашему величеству", отвѣчалъ посланникъ,—„что не могу никакихъ начинать переговоровъ, прежде чѣмъ не получу вашего согласія на это условіе".

„Я не понимаю вашего кабинета", возражалъ императоръ,—„онъ хочетъ обходиться со мною также, какъ привыкъ обходиться съ прежнимъ Польскимъ королемъ и принудить меня вступить въ переговоры, предложивъ условіе sine qua non напередъ, тогда какъ оно можетъ быть только послѣдствіемъ этихъ переговоровъ. Намѣрены ли вы сообщить ноту по этому предмету герцогу Бассано?"

„Если я и сообщу ему ноту, то она, во всякомъ случаѣ, бу-

детъ касаться только этого перваго условія, которое предварительно должно быть принято Если-жь я не получу обѣщанія, что изъ Пруссіи будутъ выведены наши войска, то и не приступлю къ переговорамъ о другихъ вопросахъ", отвѣчалъ князь Куракинъ.

„Если вы не хотите придать другаго смысла вашей нотѣ, то лучше вовсе не посылайте никакой,—потому что вы слышали и сами можете судить, какъ она будетъ принята. Если даже императоръ Александръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи до четырехъ сотъ тысячъ войска, то у меня готово пятьсотъ тысячъ, да новая конскрипція дастъ еще сто тысячъ. Перевѣсъ все-таки на моей сторонѣ".

Рѣзко прервавъ на этомъ рѣчь, но еще не отпуская князя Куракина, императоръ Наполеонъ началъ съ нимъ говорить о дошедшихъ до него слухахъ, что императоръ Александръ ѣдетъ въ Вильну, будто бы хочетъ провозгласить себя Польскимъ королемъ, также о паденіи Сперанскаго. Поговоривъ нѣсколько времени объ этихъ слухахъ и желая отпустить, наконецъ, нашего посланника, Наполеонъ обратился снова къ главному предмету разговора: „Повидайтесь, однакоже, съ герцогомъ Бассано", сказалъ онъ,—„сговоритесь съ нимъ, но не настаивайте на условіи, на которое я не могу согласиться Если же вамъ предписано рѣшительно настаивать на немъ, то постарайтесь, по крайней мѣрѣ, представить его въ такомъ видѣ, чтобъ я не былъ вынужденъ его отвергнуть".

Обѣщавъ въ тотъ же день повидаться съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, князь Куракинъ повторилъ, что отъѣздъ Лористона изъ Петербурга вынудитъ и его требовать своихъ паспортовъ и оставить Парижъ. „Такимъ образомъ", сказалъ онъ,—„это свиданіе, которымъ ваше величество меня удостоили, быть можетъ, уже послѣднее, и я считаю долгомъ воспользоваться имъ, чтобы выразить вамъ благодарность за тѣ личныя милости, которыя вамъ угодно было оказывать мнѣ во время моего здѣсь пребыванія; воспоминаніе о нихъ я сохраню постоянно въ моей памяти. Позволяю себѣ думать, что чистота побужденій, которыми я руководствовался въ моихъ дѣйствіяхъ, даетъ и мнѣ нѣкоторое право на благосклонную память объ нихъ со стороны вашего величества".

Императоръ Наполеонъ въ отвѣтъ на эти слова съ особенною ласкою выразилъ ему свое благоволеніе, и намекая на Тильзитскій миръ, прибавилъ: Если вы уже непремѣнно хотите уѣхать отсюда, то я пожелалъ бы только одного, если согласится императоръ Александръ,—

чтобы вы поскорѣе возвратились для заключенія во *второй* разъ со мною мира". [1]).

Предположеніе императора Наполеона не сбылось, и князю Куракину не пришлось явиться къ нему для заключенія *втораго* Тильзитскаго договора, хотя Наполеонъ и былъ увѣренъ, что никогда не получитъ его добровольно, но силою непремѣнно вырветъ его у Россіи, на которую онъ смотрѣлъ съ той же точки зрѣнія, какъ и на всѣ прочія континентальныя державы Европы.

Наоборотъ, предположеніе князя Куракина, что эта аудіенція можетъ быть *послѣднею*, совершенно оправдалось, — ему не пришлось уже болѣе бесѣдовать съ Наполеономъ, хотя онъ вовсе этого не предполагалъ тогда и еще вѣрилъ въ возможность продолжать переговоры.

Заключая свой отчетъ объ этомъ свиданіи, князь писалъ графу Румянцеву: „Окончивъ эту работу, я поѣду къ г. Бассано, чтобъ отъ него подробнѣе узнать о мысляхъ императора Наполеона и переговорить съ нимъ о главныхъ основаніяхъ для переговоровъ, которыя, кажется, достаточно опредѣлились для обѣихъ сторонъ, чтобы предотвратить возможность войны, чего, по видимому, *желаетъ въ сущности и самъ императоръ Наполеонъ*.

Эта продолжавшаяся два съ половиною часа бесѣда между французскимъ императоромъ и русскимъ посломъ не можетъ не обратить на себя вниманія своею двусмысленностію. Первая ея половина не только не соотвѣтствуетъ второй, но находится въ совершенномъ противорѣчіи съ нею. Нашъ посланникъ, подъ вліяніемъ страха опасности, угрожавшей Россіи, и желанія предотвратить пролитіе человѣческой крови, не только вѣрилъ въ готовность Наполеона предотвратить войну, но полагалъ даже, что тѣ условія, на основаніи которыхъ наше правительство согласилось вступить въ мирныя соглашенія, весьма *умѣренны* и даже *выгодны* для Франціи. Но при этомъ случаѣ онъ забывалъ ту истину, которую самъ же выражалъ постоянно въ своихъ донесеніяхъ нашему правительству, что Франція такъ же угнетена, какъ и остальная Европа, и составляетъ не болѣе какъ простое орудіе для осуществленія властолюбивыхъ замысловъ своего повелителя. Вопросъ заключался не въ томъ—умѣренны ли и выгодны ли были условія, предложенныя для мирныхъ со-

[1]) Депеша кн. Куракина $^{16}/_{28}$-го апрѣля 1812. Парижъ.

глашеній въ отношеніи къ Франціи, но въ томъ: могъ ли ихъ принять императоръ Наполеонъ и особенно въ это время?

Вся политика Наполеона, послѣ Вѣнскаго мира и женитьбы на австрійской эрцгерцогинѣ, клонилась къ тому, чтобъ усиливъ дѣйствіе континентальной системы, грозившей раззореніемъ самой Франціи, принудить къ миру Англію. Владѣя всѣми берегами Европы по Средиземному морю, онъ долженъ былъ завладѣть и берегами Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, чтобы совершенно преградить англійскимъ товарамъ доступъ во всѣ порты. Въ виду этой цѣли, онъ присоединилъ къ Французской имперіи Голландію и Ганзейскіе города, занялъ войсками Шведскую Померанію, держалъ въ полной зависимости Данію и Пруссію. Для довершенія предпринятыхъ имъ мѣръ, ему необходимо было поставить въ такую же зависимость отъ своей власти и все балтійское прибрежье Россіи, послѣ чего ему не трудно уже было бы управиться и со Швеціей, почти явно продолжавшею торговыя сношенія съ Англіей. Достигнуть этой цѣли невозможно было иначе какъ разгромивъ Россію также, какъ въ 1807 году онъ разгромилъ Пруссію и въ 1809 году Австрію. Для этого онъ пожертвовалъ своими выгодами въ Испаніи, собралъ огромныя боевыя силы, истратилъ милліоны на военныя приготовленія, болѣе полутора года дѣятельно велъ всѣ дипломатическіе переговоры единственно съ тою цѣлію, чтобъ отклонить Россію отъ наступательныхъ дѣйствій, придвинулъ наконецъ всѣ свои силы къ Одеру и далѣе, прикрывая ихъ на сѣверѣ прусскими войсками, а на югѣ саксонскими, то есть польскими изъ герцогства Варшавскаго и такимъ образомъ занявъ все теченіе Вислы отъ Балтійскаго моря до Галиціи, гдѣ они опирались на вспомогательный корпусъ, выставленный Австрійцами. И въ это время, когда онъ находился уже въ союзѣ съ Пруссіей, подписавшею съ нимъ наступательный и оборонительный договоръ противъ Россіи, русское правительство потребовало отъ него, чтобы прежде вступленія въ мирные переговоры, чего онъ такъ домогался, онъ отвелъ бы свои войска назадъ, очистилъ бы Пруссію, возвратилъ бы ей крѣпости по Одеру и оставилъ бы Шведскую Померанію. Еслибъ онъ согласился на эти условія, то въ возмездіе ему предлагалась уступка по вопросу Ольденбургскому, и пересмотръ нѣкоторыхъ статей тарифа, но рѣшительно отклонялось требованіе подчинить свою торговлю Тріанонскому тарифу, декретамъ Берлинскому и Миланскому, и выражена была твердая рѣшимость не стѣснять еще болѣе своей внѣшней торговли, не устранять доступа нейтральнымъ судамъ въ наши порты и принять въ соображеніе систему отдѣльныхъ

дозволеній (licences) въ томъ лишь случаѣ, если возможно согласовать ее съ положеніемъ нашей внѣшней торговли, не нанеся послѣдней ущерба.

Очевидно, подобныя предложенія не могли быть приняты Наполеономъ и должны были въ высшей степени раздражить его гордость и самоувѣренность. Онъ называлъ ихъ нашему посланнику *угрозою, вызовомъ* на войну и *оскорбленіемъ*, ему наносимымъ, и былъ совершенно правъ съ своей точки зрѣнія. Это были для Наполеона въ тогдашнее время не предложенія для мирныхъ переговоровъ, а объявленіе войны.

Точно такъ смотрѣло на нихъ и само русское правительство, или лучше сказать, самъ императоръ Александръ, который держалъ въ своихъ рукахъ всю русскую политику этого времени. Заявляя постоянно, что онъ желаетъ поддержать миръ Европы, но не цѣною униженія Россіи и самого себя,—что онъ не будетъ зачинщикомъ войны, но готовъ къ отпору до послѣдней крайности, императоръ Александръ былъ увѣренъ, что Наполеонъ рѣшился на войну, и что всѣ его заявленія о мирныхъ переговорахъ клонятся лишь къ тому, чтобъ обмануть русскій кабинетъ, отклонить Россію отъ военныхъ приготовленій или по крайней мѣрѣ замедлить ихъ, а самому выиграть время. Точно съ такимъ же предложеніемъ очистить Пруссію императоръ Александръ намѣревался еще въ 1811 году послать въ Парижъ графа Нессельроде, но не иначе какъ по заключеніи мира съ Турціей. Считая себя связаннымъ этою войною и не желая, пока она продолжается, ускорять другую, болѣе грозную, хотя и неизбѣжную по его вѣрному соображенію, онъ не послалъ своего уполномоченнаго съ этимъ предложеніемъ, какъ только миръ съ Турціей не состоялся. Но почему-жь онъ рѣшился сдѣлать то же предложеніе теперь въ болѣе усиленномъ видѣ? Именно потому, что считалъ войну еще болѣе неизбѣжною и уже почти начавшеюся, когда французскія войска съ ихъ союзными захватили все теченіе Вислы отъ Балтійскаго моря до Галиціи, и хотѣлъ въ послѣдній разъ сказать своему грозному противнику, что ни Русскій императоръ не можетъ сдѣлаться его подручникомъ, ни Россія изъ самостоятельной державы превратиться въ подвластную ему страну.

Императоръ Наполеонъ понималъ это значеніе предложеній русскаго кабинета и выразилъ его въ разговорѣ съ нашимъ посланникомъ; но потомъ въ концѣ разговора, какъ будто изъявляя уже согласіе принять эти предложенія, поручилъ князю Куракину войдти въ сношеніе

съ г. Бассано и лишь выразить ихъ *въ такомъ видѣ*, чтобъ онъ *не былъ вынужденъ отвергнуть ихъ*.

Причиною этой перемѣны въ рѣчахъ Наполеона, подавшихъ снова надежду нашему посланнику на возможность еще замедлить войну мирными переговорами, послужило заявленіе князя Куракина, выраженное весьма рѣшительно по порученію нашего правительства, что если французскія войска перейдутъ Вислу, то и наши перейдутъ Нѣманъ. Переходъ нашихъ войскъ черезъ Нѣманъ былъ бы началомъ военныхъ дѣйствій, и маршалъ Даву, въ силу своихъ наставленій, долженъ бы начать ихъ. Между тѣмъ этотъ послѣдній разговоръ нашего посланника съ императоромъ Наполеономъ происходилъ въ концѣ апрѣля ($^{15}/_{27}$-го числа), а онъ рѣшился начать войну въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Поэтому Наполеонъ долженъ былъ выиграть еще мѣсяцъ времени и остановить движеніе русскихъ войскъ за Нѣманъ, увлекши русскій кабинетъ въ новые переговоры. Его оборотливый и быстрый въ соображеніяхъ умъ вдругъ, среди самаго разговора, придумалъ новый видъ этихъ переговоровъ *во время перемирія*, такъ сказать, въ виду готовыхъ къ бою войскъ двухъ противниковъ—въ Маріенвердерѣ; это было придумано съ тою цѣлію, чтобы сбить нашего посланника съ толку и еще болѣе убѣдить его въ нежеланіи Наполеона начинать войну, тѣмъ болѣе, что самъ Куракинъ высказывалъ къ тому расположеніе, и соблазненный словами Наполеона, могъ въ этомъ смыслѣ представить нашему правительству свой отчетъ объ разговорѣ своемъ съ Французскимъ императоромъ.

Кромѣ заявленія Куракина о возможности перехода нашихъ войскъ за Нѣманъ, императоръ Наполеонъ, еще до свиданія съ княземъ, уже зналъ о всѣхъ тѣхъ условіяхъ, на которыхъ Россія изъявила готовность приступить къ мирнымъ переговорамъ. Они были сообщены ему его министромъ иностранныхъ дѣлъ, который выслушалъ ихъ отъ нашего посланника за три дня до этого свиданія (24-го апрѣля н. ст.). Слѣдствіемъ этихъ сообщеній было то, что на другой же день (25-го апрѣля) императоръ Наполеонъ написалъ письмо къ императору Александру, а герцогъ Бассано — обширную ноту графу Румянцеву и наставленія къ графу Нарбонну, которому поручалось изъ Берлина, гдѣ онъ находился въ это время, ѣхать прямо въ главную квартиру Русскаго государя въ Вильну [1]). Хотя цѣль посольства графа Нарбонна была

[1]) *Bignon*. Hist. de France, гл. XXXIV. *Thiers*. Hist. de l'empire, кн. XXV.

совершенно иная, однако же Наполеонъ, поручая ему предложить русскому канцлеру условія для переговоровъ и въ то же время побуждая князя Куракина вступить въ соглашенія съ герцогомъ Бассано, обнаруживалъ ясно, что не придаетъ никакого значенія ни тѣмъ, ни другимъ переговорамъ, а употребляетъ ихъ какъ средство для того, чтобы выиграть время, необходимое прежде, чѣмъ приступить къ военнымъ дѣйствіямъ.

Конечно, это обстоятельство, то-есть, посольство графа Нарбонна, было тщательно скрыто отъ нашего посланника, и онъ съ полною надеждою на добросовѣстность императора Наполеона исполнилъ его желаніе и немедленно отправился для совѣщаній къ его министру иностранныхъ дѣлъ.

„Я знаю", началъ съ нимъ разговоръ герцогъ Бассано,—„вы не совсѣмъ довольны тѣмъ, что вамъ не удалось убѣдить императора согласиться на то условіе, которое вы считаете существенно необходимымъ, чтобы вступить въ соглашеніе по всѣмъ другимъ вопросамъ. Но въ продолженіе разговора съ нимъ вы должны были убѣдиться, до какой степени онъ расположенъ къ мирнымъ соглашеніямъ. Онъ не отказывается даже удовлетворить ваше желаніе въ отношеніи къ очищенію Пруссіи, лишь только вы выразили бы это условіе въ такой формѣ, которая не оскорбляла бъ его чести и достоинства".

Князь Куракинъ отвѣчалъ, что не можетъ отступить отъ повелѣнія своего государя, выраженнаго прямо и рѣшительно, но понимаетъ, что имѣютъ основаніе и тѣ соображенія, которыя высказалъ ему императоръ Наполеонъ. Поэтому, чтобы примирить оба эти обстоятельства, Куракинъ предложилъ составить предварительный договоръ о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, о которыхъ онъ долженъ войдти въ совѣщаніе. Первою статьею этого договора и было бы установлено очищеніе Пруссіи и уменьшеніе Данцигскаго гарнизона. Это условіе, поставленное въ рядъ съ другими статьями, утратило бы свое значеніе предварительнаго требованія, безъ принятія котораго прежде всего онъ не могъ бы вести переговоры о другихъ вопросахъ, и явилось бы какъ послѣдствіе, какъ выводъ изъ всѣхъ переговоровъ, по всѣмъ этимъ вопросамъ. Составленный такимъ образомъ договоръ онъ соглашался подписать, какъ предварительный (sub sperati), до дальнѣйшаго утвержденія нашимъ правительствомъ.

Герцогъ Бассано совершенно одобрилъ этотъ способъ для выхода изъ затруднительнаго положенія, говоря, что такимъ образомъ будутъ соблюдены приличія и удовлетворены обѣ стороны. „Намъ

остается только", прибавилъ онъ,—„приступить къ составленію самаго проекта конвенціи, въ которой первою статьею будетъ именно та, на которую вы указали, а за нею послѣдуютъ статьи объ отношеніяхъ Россіи къ континентальной системѣ, о выгодахъ, предоставляемыхъ ею торговлѣ съ Франціей и объ Ольденбургскомъ дѣлѣ". Онъ выразилъ даже мысль, что едва ли по этимъ вопросамъ и могутъ возникнуть недоразумѣнія, и что обѣ стороны, по видимому, и теперь не слишкомъ расходятся въ своихъ взглядахъ въ отношеніи къ нимъ.

Соглашаясь съ нимъ вообще, нашъ посланникъ счелъ нужнымъ однакоже замѣтить, что мы не измѣнимъ тѣхъ началъ, которыя мы строго наблюдаемъ въ отношеніи къ торговлѣ съ Англіей, и не войдемъ въ непосредственныя съ нею торговыя сношенія, но не отступимся также и отъ нейтральной торговли. Желая сдѣлать угодное императору Наполеону, мы можемъ согласиться лишь на то, чтобъ упомянуть въ проектѣ договора, что русское правительство готово войдти впослѣдствіи въ подробныя соображенія о такъ-называемой системѣ частныхъ дозволеній (licences) и ввести ихъ въ Россіи въ томъ случаѣ, если не пострадаетъ отъ того ея внѣшняя торговля. Точно также будетъ постановлено, что наше правительство войдетъ въ соглашеніе о измѣненіи нашего тарифа въ пользу произведеній Франціи и о вознагражденіи герцога Ольденбургскаго. То и другое будетъ предметомъ особыхъ договоровъ, а въ послѣднемъ будетъ сказано, что Россія беретъ назадъ свой протестъ, объявленный ею по случаю присоединенія Ольденбурга къ Франціи.

Всѣ эти предложенія съ полнымъ сочувствіемъ были приняты министромъ иностранныхъ дѣлъ Наполеона. Какъ-бы желая ускорить ходъ этого дѣла, онъ просилъ нашего посланника составить самый проектъ договора, и обѣщаясь съ своей стороны написать другой (контръ-проектъ), пригласилъ князя къ себѣ въ тотъ же день для того, чтобы совокупно обсудить оба проекта, а затѣмъ приступить къ составленію акта о перемиріи, согласно съ предложеніемъ, которое было сдѣлано самимъ императоромъ Наполеономъ.

Князь Куракинъ исполнилъ желаніе герцога Бассано и въ тотъ же день пріѣхалъ къ нему съ готовымъ проектомъ договора; но документъ этотъ остался у него въ карманѣ. Герцогъ объявилъ ему, что не видалъ еще императора Наполеона, что увидитъ его только завтра въ Сенъ-Клу и потому не считаетъ еще возможнымъ войдти теперь въ переговоры съ княземъ.

„Впрочемъ", замѣтилъ онъ, — „я не терю надежды прійдти къ соглашеніямъ", и когда князь Куракинъ напомнилъ ему о первой статьѣ, то онъ отвѣчалъ: „Что за дѣло до того, будетъ ли она первая или вторая и третья, лишь бы она стояла въ проектѣ договора".

„Если вы согласитесь принять самую статью, то конечно, я не буду настаивать, подъ какимъ номеромъ она будетъ поставлена", отвѣчалъ ему князь Куракинъ, — „но надо будетъ однакожь условиться о срокѣ, къ которому французскія войска должны будутъ очистить Пруссію".

„Объ этомъ я ничего не могу вамъ сказать", отвѣчалъ герцогъ Бассано,—„не переговоривъ съ императоромъ" [1]).

Это свиданіе еще болѣе увѣрило нашего посланника въ миролюбивомъ расположеніи императора Наполеона, и онъ съ полною довѣренностію ожидалъ новаго свиданія съ герцогомъ Бассано. Волнуемый однакожь опасеніемъ, что самая сила обстоятельствъ, движеніе впередъ войскъ обѣихъ державъ, постепенно ихъ сближая, приведетъ къ началу военныхъ дѣйствій прежде, нежели удастся начать мирные переговоры, онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ герцогу Бассано, но не заставалъ его дома,—нѣсколько разъ писалъ о назначеніи свиданія и—не получалъ отвѣта. Это обстоятельство возбудило въ немъ подозрѣніе. Наше правительство, посылая ему свои условія для переговоровъ, поручало ему придать рѣшительное значеніе своему заявленію и даже дать г. Бассано списокъ съ депеши графа Румянцева. Полагаясь на миролюбивое заявленіе императора Наполеона и его министра иностранныхъ дѣлъ, онъ ограничивался до сихъ поръ только словеснымъ ихъ сообщеніемъ. По видя замедленія со стороны французскаго министерства приступать къ переговорамъ, онъ писалъ [2]) къ герцогу Бассано, что не можетъ дожидаться болѣе и долженъ отдать отчетъ императору о томъ, какъ онъ исполнилъ его приказанія.

„Сообщивъ словесно условія нашего правительства какъ императору, такъ и вамъ", писалъ Куракинъ,—„я ласкалъ себя надеждою, что могу сообщить уже моему государю проектъ конвенціи, составленной на тѣхъ основаніяхъ, которыя я предложилъ, и тѣмъ доказать, что я успѣшно исполнилъ его желаніе. Но въ продолженіе двухъ дней я былъ лишенъ возможности васъ видѣть, продолжать и окончить вмѣ-

---

[1]) Депеша князя Куракина къ графу Румянцеву $^{16}/_{28}$-го апрѣля 1812 года изъ Парижа.

[2]) Нота князя Куракина герцогу Бассано $^{18}/_{30}$-го апрѣля 1812 г. Парижъ.

стѣ съ вами работу, важную и крайне спѣшную, для исполненія которой нельзя терять и одного дня, я потерялъ увѣренность, что она будетъ немедленно окончена и предупредить тѣ гибельныя послѣдствія, которыя могутъ произойдти отъ взаимнаго сближенія войскъ обоихъ государствъ. Поэтому считаю долгомъ, исполняя приказанія моего правительства и для избѣжанія отвѣтственности, которой я могъ бы подвергнуться, сообщить вамъ офиціально, на письмѣ, тѣ условія, которыя сообщалъ уже словесно".

Изложивъ въ офиціальной нотѣ эти условія, князь Куракинъ думалъ вызвать скорѣйшій отвѣтъ со стороны французскаго правительства, не предполагая, конечно, чтобы вопреки дипломатическимъ приличіямъ и эта нота могла остаться безъ отвѣта. Дѣйствительно, на другой же день ($\frac{\text{19-го апрѣля}}{\text{1-го мая}}$) г. Бассано назначилъ ему свиданіе. При этомъ свиданіи, состоявшемся на слѣдующій день, онъ объявилъ нашему посланнику, что пріѣхалъ нарочный изъ Петербурга съ депешами отъ графа Лористона, которыя разсѣяли всѣ сомнѣнія и успокоили Тюльерійскій кабинетъ. „Графъ Лористонъ и не думалъ оставлять Петербургъ", говорилъ онъ,—„съ нимъ обходятся по прежнему предупредительно и ласково, наканунѣ отъѣзда нарочнаго онъ имѣлъ честь обѣдать у императора Александра. Во время обѣда онъ говорилъ о движеніи войскъ Даву къ Вислѣ, но вовсе не обнаруживалъ намѣренія подвинуть свои войска за границы имперіи, какъ вы намъ заявляли. Напротивъ, съ вашей стороны—все спокойно, что̀ подтверждаетъ и письмо, которое я получилъ отъ одного изъ моихъ знакомыхъ изъ Ковенской губерніи. Онъ пишетъ, что со стороны вашихъ войскъ не обнаруживается никакого движенія къ границамъ и нѣтъ никакихъ признаковъ, которые давали бы поводъ предполагать начало военныхъ дѣйствій. За этимъ же обѣдомъ императоръ объявилъ графу Лористону, что намѣренъ предпринять поѣздку для осмотра резервныхъ корпусовъ своей арміи, заявивъ при этомъ миролюбивыя чувства къ Франціи, которыя, по его словамъ, не измѣнятся въ немъ, гдѣ бы онъ ни находился, въ Петербургѣ или Тобольскѣ. Послѣ обѣда императоръ говорилъ съ нимъ о торговлѣ нейтральныхъ... Впрочемъ", прервалъ свою рѣчь герцогъ Бассано,—„я слишкомъ ужь откровенно разказываю вамъ содержаніе депешъ нашего посланника, которыя я еще не докладывалъ императору; но скажу однакоже, что ни императоръ Александръ, ни графъ Румянцевъ не говорили ему ничего подобнаго тѣмъ условіямъ для переговоровъ, которыя вы намъ сообщали".

Князь Куракинъ отвѣчалъ герцогу, что онъ очень радъ, что депеши графа Лористона разсѣяли всѣ ихъ сомнѣнія и недоразумѣнія о дѣйствіяхъ Россіи и что это даетъ ему поводъ надѣяться, что онъ приступитъ къ заключенію съ нимъ проекта конвенціи на предложенныхъ съ русской стороны основаніяхъ.

„Но императоръ Александръ не сказалъ ни одного слова нашему посланнику о требованіи очистить Пруссію“, возразилъ герцогъ Бассано.

„Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго“, отвѣчалъ князь Куракинъ,—„это дѣло поручено волею государя моему попеченію, и потому было бы безполезно о немъ говорить графу Лористону“.

Приведенный разговоръ и вообще замедленіе приступить къ переговорамъ о заключеніи конвенціи, возбудившее подозрѣніе князя Куракина, явно показывали, что Тюльерійскій дворъ намѣревался повторить ту же продѣлку съ послѣдними предложеніями нашего правительства, какую онъ уже сдѣлалъ съ протестомъ противъ захвата герцогства Ольденбургскаго. Онъ не хотѣлъ признавать даже ихъ существованія и давалъ видъ, что начинаетъ переговоры непосредственно съ нашимъ кабинетомъ чрезъ графа Нарбонна, а нашего посланника обманывалъ ложными обѣщаніями, препятствуя ему въ то же время сообщать о нихъ своему правительству.

При свиданіи съ княземъ Куракинымъ императоръ Наполеонъ, какъ мы видѣли, совѣтовалъ ему не посылать своего нарочнаго въ Петербургъ до тѣхъ поръ, пока французскій кабинетъ не получитъ извѣстій отъ Лористона. Исполняя желаніе императора, князь замедлилъ его отправленіемъ, но нарочный графа Лористона пріѣхалъ съ депешами, которыхъ ожидало французское правительство, а между тѣмъ г. Бассано и не упомянулъ ему о паспортѣ, котораго онъ требовалъ для своего нарочнаго. Поэтому князь Куракинъ прямо выразилъ неудовольствіе, какое причиняетъ ему такой необыкновенный и неожиданный образъ дѣйствій. Никогда и ни въ какомъ случаѣ посланнику державы, находившейся въ мирныхъ отношеніяхъ, ни одно правительство не отказывало въ паспортахъ для проѣзда нарочнымъ, по обычаю отправляемымъ ими къ своимъ правительствамъ. Неудовольствіе нашего посланника отъ обращенія съ нимъ, которое онъ имѣлъ полное право считать неприличнымъ въ обычныхъ отношеніяхъ независимыхъ между собою державъ, усилилось еще болѣе, когда герцогъ Бассано сказалъ ему, что для полученія такого паспорта нужно получить дозволеніе князя Невшательскаго, то-есть,

Бертье, начальника главнаго штаба императора Наполеона. Такое заявленіе давало чувствовать нашему посланнику, что онъ уже находится какъ-бы въ плѣну у державы, находящейся въ военныхъ отношеніяхъ съ его отечествомъ.

Отказавшись рѣшительно просить подобнаго дозволенія у Бертье, князь Куракинъ требовалъ, чтобы герцогъ Бассано доставилъ ему обыкновенный паспортъ для посольскихъ нарочныхъ.

„Вы меня ставите въ затруднительное положеніе вашимъ требованіемъ", отвѣчалъ ему герцогъ Бассано,—„самъ императоръ просилъ васъ повременить отправленіемъ вашего нарочнаго".

„Императоръ говорилъ мнѣ", отвѣчалъ нашъ посланникъ,—„чтобъ я на два, на три дня отложилъ отправленіе моего нарочнаго, пока онъ получитъ извѣстія, которыхъ ожидалъ отъ графа Лористона. Съ тѣхъ поръ прошло шесть дней, эти извѣстія получены, и я не могу болѣе медлить отправленіемъ отчета моему государю о разговорѣ съ императоромъ Наполеономъ и объ его увѣреніяхъ въ желаніи приступить къ мирнымъ соглашеніямъ, которыя и вы мнѣ подтвердили. Я желаю сегодня отправить моего нарочнаго и потому прошу прислать паспортъ".

„Боже мой", воскликнулъ герцогъ,—„вы не хотите понять, что это не отъ меня зависитъ; я не могу этого сдѣлать, я долженъ испросить повелѣніе императора".

„И такъ, испросите", отвѣчалъ князь Куракинъ, — „я увѣренъ, что императоръ Наполеонъ не найдетъ никакихъ поводовъ отказывать мнѣ въ этомъ случаѣ. Отказать въ выдачѣ паспорта для нарочнаго посланника такой державы, которая находится еще въ дружбѣ и союзѣ съ Франціей, было бы такимъ нововведеніемъ, какому нельзя найдти примѣра. Притомъ я всегда руководствовался въ моихъ дѣйствіяхъ желаніемъ поддержать дружескія отношенія между двумя имперіями и позволяю себѣ сказать, что не заслужилъ того, чтобы со мною обходились подобнымъ образомъ".

Смущенный этимъ замѣчаніемъ нашего посланника, герцогъ Бассано разсыпался въ изъявленіяхъ чувствъ уваженія къ нему, обѣщалъ испросить немедленно дозволеніе императора и спросилъ: „Какою дорогою вы отправите вашего нарочнаго?"

„Тою, по которой онъ скорѣе доѣдетъ до мѣстопребыванія моего государя въ настоящее время", отвѣчалъ князь Куракинъ [1]).

[1]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву $\frac{20\text{-го апрѣля}}{2\text{-го мая}}$ 1812 года. Парижъ.

Этотъ вопросъ герцога Бассано обличаетъ причину, которая вынуждала императора Наполеона отсрочивать выдачу паспорта. Кромѣ того, что онъ не хотѣлъ показать, что намѣренъ вступить въ переговоры съ нашимъ посланникомъ, онъ зналъ, что всякій курьеръ нашего посольства, проѣзжая въ Россію чрезъ Германію и Пруссію, встрѣчалъ на каждомъ шагу французскія войска и привозилъ извѣстія о постепенномъ ихъ приближеніи къ предѣламъ Россіи. Наполеонъ зналъ это по извѣстіямъ своихъ посланниковъ, и желая скрыть послѣднія, такъ сказать, движенія своихъ войскъ, замедлялъ выдачу паспорта нарочному нашего посольства, который, конечно сообщилъ бы нашему правительству, что эти войска находятся далеко уже за Вислой, а ихъ аванпосты приблизились къ самымъ почти границамъ Русской имперіи.

Рѣшительныя заявленія князя Куракина оказали дѣйствіе; въ тотъ же день вечеромъ онъ получилъ паспортъ для своего нарочнаго, и отправивъ его немедленно, ожидалъ еще два дня для того, чтобы дать время герцогу Бассано получить наставленія отъ императора Наполеона для переговоровъ по всѣмъ статьямъ, которыя должны были войдти въ проектъ конвенціи. На третій день, $\frac{\text{20-го апрѣля}}{\text{6-го мая}}$, онъ отправился къ нему. На вопросъ нашего посланника, получилъ ли онъ, наконецъ, приказанія отъ императора Наполеона на счетъ переговоровъ о конвенціи, герцогъ Бассано отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, все еще не получалъ никакихъ предписаній и потому не можетъ войдти съ нимъ ни въ какіе переговоры.

„Такой отвѣтъ мнѣ весьма прискорбно слышать; въ настоящихъ обстоятельствахъ дороги не только дни, но каждый часъ, для того, чтобы предупредить угрожающія Европѣ дѣйствія“, отвѣчалъ князь Куракинъ.

Между тѣмъ, въ парижскомъ обществѣ носились уже слухи, что получаются письма отъ французскихъ офицеровъ изъ Мемеля, — что Неаполитанскій король пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы принять начальство надъ всею кавалеріей, и что князь Шварценбергъ внезапно уѣхалъ, чтобы начальствовать надъ корпусомъ австрійскихъ войскъ, расположенныхъ въ Галиціи. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ нашимъ посланникомъ, часто видался съ нимъ, очень дружелюбно бесѣдовалъ съ нимъ за день до отъѣзда, не упомяная объ этомъ ни слова, и вдругъ уѣхалъ—не только не простившись въ нимъ, но и не предувѣдомивъ его. Говорили повсюду, что императоръ Наполеонъ

весьма скоро отправится въ Дрезденъ. Герцогъ Бассано подтверждалъ этотъ слухъ, но увѣрялъ, что время отъѣзда еще не опредѣлено.

„Если императоръ Наполеонъ оставитъ Парижъ, то безъ сомнѣнія, и вы за нимъ послѣдуете, наши сношенія будутъ прерваны, въ какомъ же положеніи я буду оставаться въ Парижѣ и какой будущности могу ожидать“, говорилъ ему князь Куракинъ.

„Вы никакъ не хотите оставить вашихъ опасеній“, отвѣчалъ герцогъ Бассано;—„ничто еще не рѣшено, вашъ императоръ еще находится въ Петербургѣ, и его войска не переступали границъ; императоръ Наполеонъ еще въ Парижѣ, и наши войска не переходили Вислы. Еще въ нашемъ распоряженіи довольно времени, чтобы прійдти къ соглашеніямъ“.

„Но вотъ прошла уже цѣлая недѣля, и вы еще не получили никакихъ приказаній отъ вашего императора“, возражалъ князь Куракинъ.—„Я не могу оставаться такъ долго въ неизвѣстности о томъ, какіе послѣдуютъ отвѣты на наши предложенія. Представьте себя самого на моемъ мѣстѣ, подумайте объ важной отвѣтственности моей предъ моимъ государемъ, передъ отечествомъ, передъ обществомъ образованнымъ и безпристрастнымъ всѣхъ странъ, которое судитъ о политикѣ и о поведеніи тѣхъ, кто долженъ принимать въ ней участіе. Я не могу равнодушно относиться къ подобнымъ отсрочкамъ, особенно когда дѣло идетъ о предотвращеніи такой ужасной войны. Когда вы увидите императора?“

„Завтра я буду заниматься съ нимъ по важнымъ дѣламъ до совѣта министровъ и послѣ него“, отвѣчалъ герцогъ Бассано.

„Когда же вы возвратитесь домой?“

„Не ранѣе восьми часовъ вечера“.

„Слѣдовательно, я не могу съ вами увидаться завтра; я пріѣду послѣ завтра“.

„Нѣтъ, не пріѣзжайте“, поспѣшилъ отвѣчать герцогъ Бассано,—„я буду у императора съ обыкновеннымъ моимъ докладомъ, потомъ будетъ спектакль въ Сенъ-Клу, куда приглашается весь дипломатическій корпусъ“.

„Итакъ. я пріѣду на слѣдующій затѣмъ день и прошу рѣшительно сообщить мнѣ заключенія императора Наполеона. У меня ужь истерся въ карманѣ листокъ съ проектомъ конвенціи, который я безполезно вожу съ собою каждый разъ, когда пріѣзжаю къ вамъ“.

Подозрѣвая, и не безъ основанія, что взгляды и рѣшенія императора Наполеона давно извѣстны его министру, и переговоры о заклю-

ченіи конвенціи отсрочиваются по какимъ-либо инымъ соображеніямъ, нашъ посланникъ всѣми силами старался вовлечь герцога въ разговоръ, чтобы вывѣдать отъ него что-нибудь. Хотя герцогъ Бассано упорно отмалчивался, увѣряя, что не можетъ сообщить ему ничего въ отвѣтъ на предложенія Россіи за полученіемъ приказаній императора, но подъ конецъ выразилъ однакоже, что предвидитъ особенное затрудненіе для соглашеній по вопросу о нейтральной торговлѣ и повторивъ при этомъ всѣ свои прежнія соображенія и упреки русскому правительству [1]).

Нетерпѣливо ожидая условленнаго для свиданія дня и опасаясь въ то же время, чтобъ и это свиданіе не было столь же безплоднымъ, какъ и прежнія, князь Куракинъ рѣшился снова написать офиціальную ноту французскому министру иностранныхъ дѣлъ.

Изложивъ въ ней, что прошли пятнадцать дней съ тѣхъ поръ, какъ онъ предъявилъ условія русскаго правительства, до сихъ поръ не получилъ на нихъ никакого отвѣта,—что самъ императоръ Французовъ предложилъ ему войдти въ немедленныя соглашенія съ его министерствомъ о заключеніи конвенціи и что эти переговоры постоянно откладываютъ, князь заключалъ: „Въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находятся обѣ имперіи, продолженіе вновь отсрочекъ для переговоровъ, которые могли бы повесть къ соглашеніямъ, я буду считать какъ принятое напередъ намѣреніе вовсе не входитъ въ объясненія и переговоры, и слѣдовательно, какъ рѣшимость на войну. Не могу скрыть отъ васъ, герцогъ, что всякую новую отсрочку я пойму именно въ этомъ смыслѣ. Поэтому считаю долгомъ предупредить, что если въ тотъ день, когда условлено свиданіе между нами, вы по прежнему скажете мнѣ, что не получили еще никакихъ приказаній императора, и не объявите мнѣ рѣшительныхъ отвѣтовъ на предложенія моего правительства, то я пріймy это за признакъ рѣшимости Франціи воевать съ Россіей, и въ такомъ случаѣ я буду считать мое пребываніе въ Парижѣ совершенно излишнимъ, особенно послѣ объявленнаго уже отъѣзда послѣ завтра императора Наполеона. Къ величайшему моему прискорбію, послѣ пятилѣтнихъ заботъ поддержать миръ и союзъ, оставшихся тщетными я вынужденъ буду потребовать моихъ паспортовъ, чтобъ оставить Парижъ, и прошу васъ испросить напередъ распоряженій объ этомъ императора и короля“ [2]). Отправить эту ноту вынудило нашего

---

[1]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву $\frac{24\text{-го апрѣля}}{6\text{-го мая}}$ 1812 года. Парижъ.

[2]) Нота князя Куракина герцогу Бассано $\frac{25\text{-го апрѣля}}{7\text{-го мая}}$ 1812 года.

посланника еще и то обстоятельство, что въ то время, когда герцогъ Бассано увѣрялъ нашего посланника, что положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось, императоръ Наполеонъ находится въ Парижѣ и еще не опредѣлено, когда онъ поѣдетъ въ Дрезденъ, дано уже было приказаніе объявить, что императоръ Наполеонъ выѣзжаетъ $\frac{\text{27-го апрѣля}}{\text{9-го мая}}$, и это объявленіе появилось въ газетахъ на другой же день послѣ свиданія нашего посланника съ французскимъ министромъ.

Не отвѣчая и на эту ноту, герцогъ Бассано вечеромъ наканунѣ дня, назначеннаго для свиданія съ нашимъ посланникомъ, прислалъ ему сказать, что онъ долженъ ѣхать въ Сенъ-Клу и поэтому принять его не можетъ. Вынужденный письменными потомъ требованіями князя Куракина, онъ объявилъ, что можетъ принять его въ часъ по полудни 27-го апрѣля, то-есть, именно въ тотъ день, когда императоръ Наполеонъ долженъ былъ выѣхать въ Дрезденъ.

„Вотъ до чего вы меня довели, не отвѣчая на мои ноты“, началъ свой разговоръ съ нимъ князь Куракинъ, явившись къ нему въ условленный часъ,—„вы принудили меня потребовать моихъ паспортовъ“.

„Но какъ вы могли рѣшиться на такой поступокъ“, прервалъ его герцогъ Бассано,—„который возложитъ на васъ отвѣтственность за войну? Развѣ вы имѣете на то приказанія императора Александра?“.

„Нѣтъ“, отвѣчалъ князь Куракинъ,—„я ихъ и не могу имѣть. Мой государь не могъ ни предвидѣть подобный образъ дѣйствій съ вашей стороны, ни предполагать, что на сообщенія, сдѣланныя вамъ мною отъ его имени, не послѣдуетъ никакого отвѣта въ продолженіе столь долгаго времени. Я вижу, что императоръ Наполеонъ рѣшился на войну; все для нея приготовлено, и самъ онъ уѣхалъ“.

„Но“. возразилъ герцогъ Бассано,—„положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось съ того времени, какъ вы получили послѣднія сообщенія отъ вашего правительства; о нашихъ вооруженіяхъ вы давно знаете, самъ императоръ вамъ говорилъ о нихъ нѣсколько разъ. Подумайте какую вы принимаете на себя отвѣтственность, возбуждая преждевременно разрывъ. Вашъ отъѣздъ послужитъ знакомъ объявленія войны. Покуда вы будете находится здѣсь, никто въ Европѣ не подумаетъ, что можетъ начаться война. Вы рѣшаетесь оставить Парижъ единственно по собственному побужденію. Эта рѣшимость, равно какъ и языкъ вашихъ послѣднихъ нотъ. находятся въ совершенномъ противорѣчіи съ тѣми примирительными чувствами, которыя вы постоянно показывали. Вы удаляетесь отъ цѣли, къ которой постоянно стреми-

лись сблизить обѣ монархіи и возобновить дружескія между ними отношенія. Вы хотите уѣхать, когда графъ Лористонъ находится въ Петербургѣ и вовсе не приготовляется его оставлять, и когда вамъ извѣстно, что императоръ Александръ самъ извѣстилъ его о своей поѣздкѣ, сказавъ, что она продолжится не болѣе мѣсяца. Вашъ императоръ поѣхалъ осматривать войска; съ тою же цѣлію оставилъ Парижъ и императоръ Наполеонъ. Единственное его желаніе заключается въ томъ, чтобы поддержать миръ, и я съ своей стороны, не какъ министръ, но какъ герцогъ Бассано, увѣряю васъ, что питаю полную надежду въ этомъ отношеніи. Зачѣмъ вашимъ отъѣздомъ вы хотите разрушить эти надежды?".

„Я продолжаю настаивать на моемъ требованіи паспортовъ", отвѣчалъ ему князь Куракинъ,—„и повторяю его со всею настоятельностію, которую дастъ мнѣ убѣжденіе въ томъ, что императоръ Наполеонъ рѣшился на войну, что онъ бросилъ перчатку, которую намъ остается только поднять. Таково положеніе дѣлъ. Никто болѣе меня не скорбитъ о немъ, потому что никто не старался болѣе меня поддержать миръ и доброе расположеніе; но какъ моему государю не остается ничего иного, какъ выдержать войну, которую онъ ничѣмъ не вызывалъ, для отклоненія которой употреблялъ всѣ средства, то онъ будетъ воевать и употребитъ всѣ средства, которыя Провидѣніе дало въ его распоряженіе. Но какъ вы продолжаете увѣрять въ расположеніи императора Наполеона къ мирнымъ соглашеніямъ и сохраняете надежду, что они могутъ еще состояться, то я позволю себѣ сказать, что еслибъ эта надежда осуществилась, то я нисколько не буду сожалѣть, что онѣ состоятся безъ моего участія. Только бы состоялись соглашенія и я буду доволенъ. Конечно, я не желаю разрушать ваши надежды, которыя и во мнѣ вы хотите возбудить. Справедливо и то, что теперь оба императора будутъ находиться въ болѣе близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, и что они скорѣе могутъ войдти между собою въ соглашеніе, но это еще не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобъ я отложилъ мысль объ отъѣздѣ и пересталъ требовать паспортовъ. Одними словесными вашими объясненіями я не могу удовлетвориться въ этомъ случаѣ. Необходимо, чтобы по этому поводу вы сообщили мнѣ офиціальную ноту. Я соображу тѣ выраженія, какія вы употребите въ этомъ случаѣ, и на этомъ основаніи или соглашусь отложить требованіе паспортовъ по вашему желанію, или снова возобновлю мои требованія. Но кромѣ этого соображенія, я не скрою отъ васъ, что ваша офиціальная нота будетъ мнѣ весьма нужна

для представленія ея моему государю не съ цѣлью объяснить, почему я рѣшился отложить мой отъѣздъ, а чтобы скорѣе сообщить ему ваши новыя увѣренія въ томъ, что императоръ Наполеонъ расположенъ къ соглашеніямъ и желаетъ поддержать миръ. Чѣмъ неожиданнѣе для него будетъ это извѣстіе, тѣмъ оно будетъ ему пріятнѣе".

„Очень хорошо", отвѣчалъ герцогъ Бассано,—„я займусь составленіемъ этой ноты. Подумаю, что я могу вамъ сказать. Между тѣмъ я долженъ вамъ замѣтить, что въ вашихъ нотахъ вы требуете, чтобы предлагаемыя вами условія были просто и прямо приняты, безъ всякихъ измѣненій. Но это — угроза, и вы сами знаете, что нельзя подѣйствовать угрозою на императора Наполеона, который располагаетъ такими огромными силами".

„Я буду ожидать вашей ноты", отвѣчалъ ему князь Куракинъ, не входя въ разсужденія о послѣднемъ его замѣчаніи и просилъ доставить паспорты для нарочнаго, котораго онъ намѣренъ отправить къ государю съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ императора и для служителей посольства. Обращаясь потомъ къ вопросу, который постоянно занималъ его въ это время, о переговорахъ для заключенія новой конвенціи, князь Куракинъ напомнилъ герцогу Бассано, что онъ до сихъ поръ не отвѣчалъ на три его ноты. Двѣ изъ нихъ, на которыя ужъ указано въ этомъ разказѣ, относились именно къ этому вопросу.

„Прежде нежели я сочту возможнымъ отвѣчать на нихъ", сказалъ герцогъ Бассано,—„я долженъ былъ самъ предложить вамъ вопросъ, который и выразилъ въ письмѣ. Вы найдете его у себя, возвратившись домой. Этотъ вопросъ таковъ: имѣете ли вы въ своихъ рукахъ полномочія вашего государя окончательно опредѣлить условія, заключить и подписать договоръ, и если имѣете, то прошу васъ сообщить ихъ мнѣ?"

„Вашъ вопросъ, герцогъ, крайне меня удивляетъ", отвѣчалъ ему князь Куракинъ.—„Я нахожу его совершенно неумѣстнымъ, потому что, не прибѣгая къ этому вопросу, вы напередъ знали очень хорошо, что у меня нѣтъ такихъ полномочій. Я вамъ это говорилъ и повторялъ нѣсколько разъ. Я вамъ прочиталъ подлинныя депеши канцлера, въ которыхъ онъ, сообщая мнѣ положительныя предписанія императора, извѣщалъ, что полномочія немедленно будутъ мнѣ высланы, если императоръ Наполеонъ изъявитъ согласіе на главныя основанія, на которыхъ долженъ быть основанъ договоръ, безъ чего я не имѣлъ права входить въ переговоры о всѣхъ другихъ вопросахъ. Поэтому

я принимаю ваше письмо за попытку затянуть дѣло и продлить неопредѣленное положеніе, въ какомъ находятся обѣ державы, и которое слѣдовало бы покончить какъ можно скорѣе. Вы получили приказанія императора Наполеона, какъ я заключаю изъ вашихъ словъ; поэтому не будемъ терять времени, воспользуемся нашимъ теперешнимъ свиданіемъ; сообщите мнѣ ваши замѣчанія на мои предложенія, однимъ словомъ—приступимъ къ переговорамъ, установимъ статьи договора, и потомъ я подпишу его вмѣстѣ съ вами, sub sperati. Еще десять дней тому назадъ мы могли бы это сдѣлать, но вы заставили меня потерять ихъ даромъ. Я немедленно представилъ бы этотъ проектъ договора императору и увѣренъ, что онъ утвердилъ бы его, еслибъ онъ былъ составленъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя онъ поручилъ мнѣ объявить. Тогда мы оказали бы дѣйствительную услугу нашимъ государямъ и государствамъ".

„Нѣтъ", отвѣчалъ герцогъ Бассано,— „мы находимся не въ одинаковомъ положеніи, я имѣю полномочія, а у васъ ихъ нѣтъ. Болѣе года мы просимъ, чтобы васъ снабдили этими полномочіями. Пока вы ихъ не получите, какъ вы хотите, чтобъ я началъ съ вами переговоры? Я не могу на это рѣшиться".

„Вы столько разъ говорили мнѣ то же самое, что я не считаю нужнымъ повторять то, что постоянно вамъ отвѣчалъ; замѣчу только, что вы лишаете меня послѣдняго способа предотвратить разрывъ", сказалъ ему князь Куракинъ и просилъ его отвѣчать ему на ту ноту [1]), которую онъ отправилъ къ нему по слѣдующему обстоятельству: привратникъ посольскаго дома, который послѣ отъѣзда Чернышева былъ схваченъ полиціей, просидѣлъ въ заключеніи нѣсколько недѣль, подвергался разнымъ допросамъ и наконецъ былъ выпущенъ на свободу. Князь Куракинъ разсчелъ его и хотѣлъ отправить въ Вѣну на его родину, по желанію самого герцога Бассано, который и прислалъ уже для него паспортъ. Вдругъ его схватили снова, среди дня, въ то время, когда онъ выходилъ изъ дома посольства.

„Это явное нарушеніе началъ международнаго права", говорилъ ему князь Куракинъ.—„Послѣ той умѣренности, съ какою я дѣйствовалъ во время перваго его ареста единственно въ тѣхъ видахъ, чтобы не умножить пререканій между двумя дворами, я не думалъ подвергнуться подобному оскорбленію и вынужденъ былъ послать вамъ официальную ноту".

---

[1]) Нота князя Куракина 6-го мая н. ст. къ герцогу Бассано 1812 года.

„Но я увѣряю васъ", отвѣчалъ герцогъ Бассано,—„что я ничего не знаю объ этомъ арестѣ; я обращался къ министру полиціи, чтобы получить отъ него объясненія; но и онъ ничего о немъ не знаетъ. Впрочемъ способъ толкованія началъ международнаго права не вездѣ одинаковъ, какъ вы предполагаете. Каждое государство слѣдуетъ своимъ правиламъ при этомъ толкованіи. Вашъ бывшій привратникъ схваченъ не въ посольскомъ домѣ, но внѣ его; слѣдовательно, не было нанесено никакого оскорбленія вашимъ правамъ. Онъ иностранецъ, не Русскій. Еслибъ онъ былъ Русскій, то вы имѣли бы еще право жаловаться".

„Я имѣю право жаловаться", отвѣчалъ князь Куракинъ —„потому что онъ находится у меня въ услуженіи, онъ еще не былъ окончательно мною уволенъ и потому принадлежитъ къ моему дому. Ваше увѣреніе, что ни вы, ни герцогъ Ровиго ничего не знаютъ объ этомъ происшествіи, выходитъ изъ предѣловъ моего разумѣнія и внѣ всякаго вѣроятія. Впрочемъ, я не могу въ этомъ случаѣ удовлетвориться простымъ разговоромъ, я послалъ къ вамъ ноту по этому дѣлу и ожидаю, что вы будете отвѣчать такимъ же образомъ".

„Я *отвѣчу* на ваши ноты", сказалъ герцогъ Бассано,—„когда *получу отъ васъ отвѣтъ* на мое письмо" [1]).

Возвратившись домой, нашъ посланникъ дѣйствительно нашелъ письмо, которое отправилъ къ нему г. Бассано въ то время, когда онъ самъ пріѣхалъ къ нему на совѣщаніе. Оно состояло изъ нѣсколькихъ строкъ, начиналось тѣми же словами, которыми онъ окончилъ разговоръ съ княземъ Куракинымъ, и заключало въ себѣ тотъ самый вопросъ, который онъ и повторилъ ему въ этомъ разговорѣ [2]).

Старикъ, проведшій всю жизнь въ кругу образованнаго европейскаго общества, пользовавшійся почетомъ, какъ опытный дипломатъ и образованный человѣкъ, привыкшій къ правиламъ дипломатическихъ и свѣтскихъ приличій, князь Куракинъ, конечно, не могъ равнодушно переносить все неприличіе образа дѣйствій французскаго правительства въ отношеніи къ нему, какъ человѣку, и особенно, какъ послу Русскаго императора. Онъ требовалъ своихъ паспортовъ, показывая, что понимаетъ положеніе дѣлъ и не хочетъ быть игрушкою обмана и насилія. Но не желая отступать отъ дипломатическихъ приличій и давать поводъ къ придиркамъ, онъ счелъ нужнымъ отвѣчать на непри-

---

[1]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву $\frac{\text{27-го апрѣля}}{\text{9-го мая}}$ 1812 года.

[2]) Письмо Маре къ князю Куракину 9-го мая н. ст. 1812 года.

личное письмо герцога Бассано, тѣмъ болѣе, что онъ поставилъ въ зависимость отъ этого отвѣта свой отвѣтъ на три официальныя ноты нашего посланника.

Конечно, въ своемъ отвѣтѣ онъ долженъ былъ повторить то, что уже сообщалъ ему въ разговорѣ съ нимъ, отвѣчая на тотъ же вопросъ, и только прибавить, что „еслибы даже я въ настоящее время имѣлъ спеціальное по этому предмету полномочіе, то по принятымъ уже обычаямъ потребовалась бы непремѣнно ратификація этого договора обоими государями, прежде нежели этотъ договоръ вошелъ бы въ полную силу“ [1]).

Въ заключеніе онъ просилъ герцога Бассано отвѣчать ему на его ноты, но получилъ отъ него на другой день слѣдующее письмо: „Имѣю честь препроводить вашему сіятельству паспорты, которыхъ вы требовали. Исполняя приказанія моего государя, я немедленно долженъ выѣхать изъ Парижа. Очень сожалѣю, что не могъ побывать у васъ сегодня, чтобы выразить вамъ чувства моего высокопочитанія, въ которомъ честь имѣю васъ увѣрить“ [2]).

О днѣ отъѣзда императора Наполеона изъ Парижа нашъ посланникъ узналъ изъ объявленія, напечатаннаго въ правительственной газетѣ. Герцогъ Бассано увѣдомилъ его о своемъ отъѣздѣ приведеннымъ письмомъ, хотя еще наканунѣ увѣрялъ, что пробудетъ еще нѣкоторое время въ Парижѣ; притомъ герцогъ распорядился, чтобы князь Куракинъ получилъ это письмо уже по отъѣздѣ его изъ Парижа. Вообще Бассано показывалъ себя достойнымъ слугою своего повелителя. Лишенный всякаго достоинства и неприличный образъ дѣйствій Тюльерійскаго кабинета въ отношеніи къ нашему посланнику особенно обращаетъ на себя вниманіе, если сравнить его съ отношеніями русскаго кабинета и Русскаго императора къ графу Лористону даже въ то время, когда совершился уже полный разрывъ между двумя имперіями, и нашествіе полчищъ Наполеона на Россію считалось неизбѣжнымъ.

На другой же день нашъ посланникъ отвѣчалъ герцогу Бассано, отправивъ свое письмо къ нему уже въ Дрезденъ. Указавъ на то, что вмѣсто нѣсколькихъ паспортовъ, которыхъ онъ требовалъ, онъ прислалъ только одинъ для Кологривова и не обозначилъ въ немъ даже, что послѣдній ѣдетъ какъ нарочный русскаго посланника, а также,

---

[1]) Нота князя Куракина къ герцогу Бассано $\frac{\text{27-го апрѣля}}{\text{9 го мая}}$ 1812 года.

[2]) Письмо герцога Бассано къ князю Куракину 10-го мая н. ст. 1812 года.

что за нѣсколько часовъ до своего отъѣзда герцогъ увѣрялъ его, что пробудетъ еще нѣсколько дней въ Парижѣ, Куракинъ продолжалъ: „Вы не сочли нужнымъ отвѣчать мнѣ на три мои ноты по весьма важнымъ вопросамъ, хотя по принятому обычаю на всякое официальное заявленіе посланника слѣдовало отвѣчать такимъ же образомъ, особенно при такихъ важныхъ обстоятельствахъ, каковы настоящія. Вы мнѣ не сообщили также письменно, какъ обѣщали, соображенія о причинахъ, на которыхъ я долженъ бы продолжить мое пребываніе въ Парижѣ и не требовать моихъ паспортовъ. Ваше молчаніе въ этомъ случаѣ ставитъ меня въ то же положеніе, въ которомъ я находился, когда потребовалъ ихъ въ первый разъ. Не получая отъ васъ официальныхъ объясненій, на письмѣ, какъ вы мнѣ обѣщали, о тѣхъ причинахъ, которыя могли бы вынудить меня отложить мой отъѣздъ изъ Парижа, объясненій, которыя я въ подлинникѣ могъ бы послать моему государю, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ довести до его свѣдѣнія и тѣ надежды, которыя вы еще питали на возможность мирныхъ соглашеній, я принужденъ возобновить мое требованіе о паспортахъ и прошу при первомъ случаѣ доложить о немъ его императорскому и королевскому величеству".

Въ ожиданіи этихъ паспортовъ, Куракинъ выѣхалъ изъ Парижа, *чтобы болѣе туда не возвращаться*, какъ увѣдомлялъ въ томъ же письмѣ герцога Бассано, и поселился на своей дачѣ въ Севрѣ.

III.

Сношенія Россіи съ Швеціею.

По мѣрѣ того, какъ укрѣплялась увѣренность въ неизбѣжной войнѣ съ Франціей, которая могла увлечь за собою всю континентальную Европу и угрожать западнымъ границамъ имперіи, естественно политики нашего двора должны были обратить особенное вниманіе на наши окраины. На югѣ продолжалась война съ Турціей, которой союзъ съ Наполеономъ могъ придать новую ему силу и увеличить опасность для Россіи. На сѣверѣ находилась Швеція, недружелюбно, конечно, расположенная къ намъ послѣ недавней войны, окончившейся для ней потерею Финляндіи, составлявшей треть всѣхъ ея владѣній. Ни Турція, ни Швеція, каждая порознь, ни даже обѣ въ одно и то же время, не могли угрожать большою опасностью Россіи, пока она находилась въ мирѣ и союзѣ съ императоромъ Французовъ, достигшимъ высшей степени могущества и располагавшимъ

судьбами Европы. Но и та и другая получали рѣшительное значеніе въ случаѣ войны съ Франціей. Дѣйствуя за одно съ нею и съ ея помощію, онѣ угрожали лишить Россію всѣхъ пріобрѣтеній великаго Петра на сѣверѣ, и великой Екатерины на югѣ. Со стороны сѣвера эта опасность увеличивалась еще тѣмъ, что грозила столицѣ имперіи, Петербургу.

Хотя присоединеніе Финляндіи и вызывалось государственною необходимостію и было неминуемымъ послѣдствіемъ значенія Петербурга, какъ столицы имперіи, хотя сумасшедшій Шведскій король самъ бы началъ войну съ Россіей, еслибъ она не предупредила его, но тѣмъ не менѣе, на это новое пріобрѣтеніе смотрѣли въ Россіи какъ на даръ Наполеона и не встрѣтили его съ сочувствіемъ. При разрывѣ съ Франціей ожидали непремѣнно и враждебныхъ дѣйствій со стороны Швеціи. Оградивъ присоединеніемъ Финляндіи Петербургъ отъ возможности внезапнаго нападенія со стороны Швеціи, императоръ Александръ постоянно изъявлялъ желаніе не только сохранить мирныя съ нею отношенія, но и способствовать ея благосостоянію. Статья третья Фридрихсгамскаго мирнаго договора служила явнымъ выраженіемъ этого желанія. Но конечно, императоръ не могъ разчитывать на подобныя отношенія со стороны Швеціи и потому, съ одной стороны, онъ осыпалъ милостями жителей новоприобрѣтеннаго края, даже въ ущербъ выгодамъ имперіи, а съ другой—нашъ кабинетъ не безъ нѣкотораго удовольствія смотрѣлъ на ослабленіе Швеціи, разстроенной управленіемъ Густава IV и волнуемой внутренними безпорядками, послѣ свержепія его съ престола. Графъ Румянцевъ говорилъ о ней съ такимъ же презрѣніемъ, какъ и о Турціи, называя ее *больною, которой не надо мѣшать умереть* [1]). Но вслѣдъ за извѣстіемъ о мятежѣ въ Стокгольмѣ послѣ внезапной кончины наслѣднаго принца, герцога Зюдерманландскаго, по поводу которой такъ выразился о Швеціи нашъ канцлеръ, внезапно пришло извѣстіе о выборѣ единогласно представителями всѣхъ сословій Шведскаго королевства на сеймѣ въ Еребро наслѣдникомъ престола—Наполеонова маршала Бернадота, князя Понте-Корво.

---

[1]) Депеша графа Стендинга къ Шведскому королю 25-го іюня (7-го іюля) 1810 г. Mémoires posthumes du C-te de *Stendingk*, изд. графа *Діорштерна*. Парижъ, 1847 г., т. III, стр. 111—116: «C'est un malade qui s'éteint et auquel il ne faut pas toucher avant qu'il expire. On prétend même qu'il a tenu un propos pareil en plein conseil et que plusieurs membres ont dit assez haut pour être entendus, qu'ils croyaient le comte Romanzow plus malade que la Suède».

Это извѣстіе было неожиданнымъ и для шведскаго посланника при нашемъ дворѣ, графа Стендинга, незадолго передъ тѣмъ получившаго свѣдѣнія отъ своего правительства, что всѣ вѣроятности клонятся къ тому, что будетъ избранъ герцогъ Августенбургскій, старшій братъ умершаго наслѣднаго принца и племянникъ Датскаго короля [1]). Сообщая вслѣдъ затѣмъ своему посланнику въ Петербургъ извѣстіе объ избраніи маршала Бернадота, шведское правительство поручало ему успокоить Россію (il est à désirer que la Russie ne s'effarouche point). Къ этой депешѣ баронъ Енгестремъ, занявшій мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ въ шведскомъ кабинетѣ, собственноручно приписалъ: „Теперь, графъ, отечество нуждается въ вашихъ дарованіяхъ, въ вашемъ благоразумін и въ томъ уваженіи, которое вы заслужили въ Россіи. Дѣло въ томъ, чтобъ убѣдить эту державу, что никакое иностранное вліяніе не имѣло мѣста въ этомъ избраніи, и что король не отступится отъ той мирной политики, которой онъ слѣдовалъ до сихъ поръ". Но какія бы увѣренія ни представлялъ графъ Стендингъ, дѣйствительно пользовавшійся уваженіемъ въ Петербургѣ, какъ высоко-образованный, исполненный благородныхъ чувствъ человѣкъ и старѣйшій членъ дипломатическаго корпуса, они не могли успокоить нашего правительства потому, прежде всего, что едва ли успокоивали его самого, вовсе не принадлежавшаго къ поклонникамъ Наполеона. Притомъ, еслибы даже и не подъ вліяніемъ Франціи совершился выборъ ея маршала въ наслѣдники шведскаго престола, то подъ руководствомъ этого избранника Швеція, какъ государство слабое, могла попасть подъ вліяніе самой могущественной державы въ то время, явно выражавшей уже враждебное расположеніе къ Россіи и угрожавшей ей войною въ непродолжительномъ времени.

Въ тотъ же день, какъ графъ Стендингъ получилъ это извѣстіе, онъ поѣхалъ сообщить его графу Румянцеву. „Кажется, извѣстіе было таково", увѣдомлялъ онъ потомъ своего короля,—„что должно было бы произвести на него впечатлѣніе, но опытный въ искусствѣ притворяться (habile dans l'art de se composer), онъ не показалъ ни малѣйшаго знака удивленія или неодобренія. Напротивъ, онъ нашелъ весьма естественнымъ, что король предложилъ чинамъ выбрать князя Понте-Корво, котораго единодушно желалъ избрать весь народъ Шведскій.

---

[1]) Депеша барона Веттерстеда къ графу Стендингу 8-го августа 1810 года; черезъ 10 дней, отъ 28-го августа, онъ увѣдомилъ его объ избраніи Бернадота.

Не смотря, однакоже, на это видимое спокойствіе, я положительно знаю, что Русскіе въ отчаяніи отъ этого выбора, точно также, какъ и Датчане, что̀, мнѣ кажется, служитъ хорошимъ предзнаменованіемъ для Швеціи“ [1]).

Представители малыхъ державъ, не смотря на личныя ихъ достоинства, подвержены слабости величаться и радоваться, если вслѣдствіе какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ ихъ отечество можетъ находиться въ положеніи, угрожающемъ великой державѣ. Графъ Стендингъ также не избѣгъ этого недостатка, зависящаго, впрочемъ, отъ любви къ отечеству и народной гордости. Представители великихъ державъ, въ свой чередъ, страдаютъ иногда другимъ недугомъ—ко всему относиться въ подобныхъ случаяхъ съ невниманіемъ и какъ-бы съ презрѣніемъ, какъ будто къ ничтожнымъ явленіямъ. Но графъ Румянцевъ только хитрилъ въ этомъ случаѣ, какъ дипломатъ старой школы, что̀ не ускользнуло, впрочемъ, отъ вниманія столь же опытнаго дипломата, каковъ былъ графъ Стендингъ. Но ни нашъ канцлеръ, ни представитель Швеціи не были правы. Ни Россія, ни русскій кабинетъ не могли прійдти въ *отчаяніе* отъ избранія маршала Бернадота, подобно Даніи; но конечно, къ этому происшествію, значительно усложнявшему заботы нашего правительства неизвѣстностію на счетъ того, къ какимъ послѣдствіямъ оно можетъ повести, русскій кабинетъ не могъ относиться равнодушно.

Извѣстіе объ избраніи маршала Бернадота было неожиданнымъ и для французскаго посла въ Петербургѣ. Незадолго до его полученія, при свиданіи съ графомъ Стендингомъ, герцогъ Виченскій указалъ ему на статью, только что появившуюся во французскихъ газетахъ, въ которой было выражено мнѣніе, что было бы всего выгоднѣе для Швеціи избрать наслѣднымъ принцемъ Датскаго короля: „Подумайте о томъ положеніи безсилія, въ какомъ находится ваша страна, поставленная въ необходимость опасаться вторженія отовсюду. Конечно, этого не случится при жизни императора Александра, а послѣ него? “говорилъ Коленкуръ. -„Между тѣмъ, соединеніе трехъ слабыхъ державъ, то-есть, Даніи, Швеціи и Норвегіи, въ одно сильное государство придастъ вамъ значеніе и обезпечитъ навсегда отъ вторженія Русскихъ. Сообразите, что это единственный случай, который представляется вамъ, чтобъ увеличить ваши владѣнія и усилиться

[1]) Депеша графа Стендинга къ Шведскому королю 22-го августа (3-го сентября) 1810 г.

безъ всякой опасности,— такой случай, который, если вы его упустите, можетъ быть и не повторится уже болѣе никогда". Онъ говорилъ, указывая съ особеннымъ удареніемъ на это соображеніе и какъ-бы давая подозрѣвать, что эта журнальная статья имѣетъ важное значеніе потому, что выраженное въ ней мнѣніе раздѣляетъ и самъ императоръ Наполеонъ, какъ и писалъ своему правительству графъ Стендингъ [1]). Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ какъ пришло въ Петербургъ извѣстіе объ избраніи Бернадота, французскій посланникъ получилъ отъ своего правительства порученіе увѣрить нашъ кабинетъ, что императоръ Наполеонъ желалъ, чтобы Швеція избрала наслѣдникомъ своего престола герцога Августенбургскаго или Датскаго короля, и что онъ не принималъ никакого участія въ избраніи князя Понте-Корво; но коль скоро послѣдній былъ избранъ единодушно шведскими чинами, Наполеонъ не считалъ возможнымъ запрещать своему маршалу принять это почетное и тяжелое назначеніе. Впрочемъ, Коленкуру поручалось говорить такъ: маршалъ уже не молодъ, онъ много испыталъ военныхъ трудовъ; этотъ опытъ, конечно, заставитъ его цѣнить покой, и поэтому его желанія будутъ состоять въ томъ, чтобы сохранить миръ и привести въ порядокъ внутреннее неустройство Швеціи. и что этотъ выборъ не представляетъ ничего противнаго выгодамъ Россіи. Еще прежде французское правительство сообщило своему послу, для представленія нашему кабинету, списки съ письма Шведскаго короля къ императору Наполеону, въ которомъ онъ извѣщалъ. что для болѣе тѣсной связи съ Даніей онъ желалъ бы избранія герцога Августенбургскаго, а также отвѣта Наполеона на это письмо. въ которомъ, одобряя мнѣніе короля, императоръ выражалъ мысль, что болѣе тѣсная связь съ Даніей можетъ доставить выгоды Швеціи [2]).

Но для Франціи извѣстіе объ этомъ избраніи не было неожиданнымъ. Въ Парижѣ за нѣсколько уже времени ходили объ этомъ слухи въ такой степени, что императоръ Наполеонъ счелъ нужнымъ упомянуть о нихъ при прощальномъ свиданіи съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ Куракинымъ, нашимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который былъ посланъ въ Парижъ, какъ чрезвычайный посолъ, поздравить Французскаго императора со вступленіемъ въ бракъ съ австрійскою эрцгерцогиней. „Что касается до шведскихъ дѣлъ", говорилъ онъ ему,—

---

[1]) Депеша къ королю 7/19-го іюля 1810 г.

[2]) *Тьеръ*, кн. XXIII; *Бильонъ*, гл. XXII.

„которыя, безъ сомнѣнія, должны привлекать ваше вниманіе, то вы, конечно, можете быть недовольны, если повѣрите слухамъ, распространившимся въ обществѣ, о намѣреніи Шведовъ избрать наслѣдникомъ престола одного изъ французскихъ генераловъ. Но я сообщалъ уже вашему императору письмо ко мнѣ Шведскаго короля и мой отвѣтъ на него, въ которомъ я писалъ, что готовъ одобрить все, что король сочтетъ за благо сдѣлать для Швеціи, а онъ желалъ, чтобы наслѣдникомъ престола былъ избранъ принцъ Августенбургскій“ [1]). Это избраніе давно уже было предметомъ толковъ въ высшихъ слояхъ Парижскаго общества и особенно между представителями иностранныхъ державъ, съ тѣхъ поръ, какъ только что было получено извѣстіе о внезапной кончинѣ бывшаго наслѣдника. Это избраніе было дѣломъ необходимости, потому что король Шведскій, совершенно неожиданно вынужденный возложить на себя корону Швеціи, послѣ лишенія престола Густава IV, былъ человѣкъ старый, бездѣтный и болѣзненный, нуждавшійся не только въ преемникѣ своего достоинства, но и въ помощникѣ въ дѣлѣ управленія государствомъ. Между тѣмъ, такое событіе измѣнило положеніе европейскихъ дѣлъ, а Европа давно уже привыкла къ той мысли, что всякое такое измѣненіе совершается не иначе, какъ по волѣ императора Французовъ. Поэтому всѣхъ занимала мысль о томъ, какъ онъ отнесется къ этому вопросу. Но его взглядъ не былъ извѣстенъ, и потому возникали различныя предположенія, о которыхъ подробно извѣщалъ наше правительство полковникъ Чернышевъ, тщательно слѣдившій за всѣмъ и ловко узнававшій придворныя и правительственныя тайны. Въ продолженіе нѣкотораго времени, но очень недолго, говорили въ Парижѣ, что будетъ избранъ малолѣтній сынъ свергнутаго Густава IV. „Какъ можно предполагать“, говорилъ шведскій посланникъ при Тюльерійскомъ дворѣ баронъ Лагербіелке Чернышеву, который довольно сблизился съ нимъ, — „чтобы мы избрали ребенка наслѣдникомъ престола. Ему только восемь лѣтъ, а по нашимъ законамъ король достигаетъ совершеннолѣтія только въ восемьнадцать лѣтъ. Поэтому въ то время, когда онъ вступитъ въ управленіе государствомъ, его отцу будетъ только 40 лѣтъ, и тогда онъ, или отстранитъ его отъ себя и въ такомъ случаѣ будетъ дурнымъ сыномъ, или же подчинится его вліянію и будетъ мстить за него. Сдѣлать подобный вы-

---

[1]) Депеша князя Алексѣя Борисовича Куракина графу Румянцеву $^{8}/_{20}$-го августа 1810 г.

боръ значило бы приготовить въ будущемъ новыя бѣдствія для Швеціи". Баронъ Лагербіелке принадлежалъ къ французской партіи и принималъ дѣятельное участіе въ переворотѣ, окончившимся сверженіемъ Густава IV съ престола. Въ это время съ нимъ съ особенною благосклонностію обходилось французское правительство; императоръ и графъ Шампаньи часто видались съ нимъ и подолгу бесѣдовали. Но противъ избранія малолѣтняго сына Густава, хотя болѣе всѣхъ имѣвшаго на это права, были не только лица такъ-называвшейся французской партіи въ Швеціи, но и общее мнѣніе всѣхъ сословій государства.

„Я знаю изъ вѣрныхъ источниковъ", писалъ Чернышевъ графу Румянцеву,—„что слухъ о возможности избранія его высочества принца Георга Ольденбургскаго наслѣдникомъ Шведскаго престола, чрезвычайно непріятенъ императору Наполеону: его политика требуетъ того, чтобъ избранъ былъ французскій принцъ, на котораго можно было бы вполнѣ полагаться и въ случаѣ разрыва съ Россіей сдѣлать диверсію со стороны Швеціи, что можетъ быть весьма для насъ опасно Это обстоятельство императоръ считаетъ до такой степени важнымъ, что полагаютъ многіе, будто онъ послалъ значительныя суммы къ Дезожье, французскому уполномоченному въ Стокгольмѣ, человѣку умному и весьма ловкому, чтобъ усилить тамъ французскую партію. Говорятъ даже, что король, напуганный послѣдними происшествіями готовъ подчиниться вліянію Франціи и прямо писалъ объ этомъ императору Наполеону. Многія лица положительно меня увѣряли, что императоръ предлагалъ Вестфальскому королю и вице-королю Италіанскому предложить себя кандидатами при этомъ избраніи; но они отказались. что возбудило его гнѣвъ противъ нихъ. Послѣ того его вниманіе обратилось на князя Понте-Корво. Этотъ маршалъ, котораго расположеніемъ я пользуюсь и часто у него бываю, три недѣли тому назадъ уѣхалъ съ семействомъ въ Пломбьеръ. Онъ мнѣ всегда казался преданнымъ Россіи и постоянно отдавалъ ей должную справедливость. За нѣсколько дней до своего отъѣзда, лишь только пришло извѣстіе о смерти наслѣднаго шведскаго принца, онъ, разговаривая со мною объ этомъ происшествіи, сказалъ: „Я буду говорить съ вами не какъ французскій генералъ, но какъ другъ Россіи и вашъ; ваше правительство должно употребить всѣ способы, чтобы воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и посадить на Шведскій престолъ государя, на котораго оно могло бы надѣяться. Такая политика съ его стороны необходима и важна потому, чтобы въ случаѣ войны съ

Франціей или съ Австріей, быть увѣреннымъ въ Швеціи и не опасаться диверсіи съ ея стороны въ пользу той державы, съ которою вамъ прійдется вести войну. Если вы будете имѣть возможность сосредоточить всѣ ваши силы въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ, то изъ этого можете извлечь неизчислимыя выгоды". — Я считаю нужнымъ замѣтить, что такъ говорилъ мнѣ маршалъ Бернадотъ въ то время, когда былъ весьма недоволенъ здѣшнимъ дворомъ, и потому я предполагаю, что онъ говорилъ искренно" [1]).

Слухи о различныхъ лицахъ для выбора въ наслѣдники шведскаго престола начали ходить въ Парижѣ еще прежде, нежели въ самой Швеціи. На больнаго короля смерть его наслѣдника и затѣмъ народный бунтъ, окончившійся убійствомъ гр. Ферзена, одного изъ важныхъ сановниковъ, такъ подѣйствовали, что даже возникло опасеніе за его жизнь. Эта опасность, грозившая повергнуть Швецію въ положеніе еще болѣе затруднительное, доводила въ первое время правительственныхъ лицъ королевства до отчаянія. „Безъ наслѣдника престола, не зная откуда его взять, мы находимся между Франціей, которая настаиваетъ, чтобы мы объявили войну Англіи, и между флотомъ Англіи, который можетъ уничтожить всю нашу торговлю и завладѣть нашими заморскими владѣніями. Надо стараться не потерять головы и дѣйствовать, не теряя достоинства, на сколько наше безсиліе это позволитъ. Судьба и сила обстоятельствъ, можетъ быть, выведутъ насъ изъ этого печальнаго положенія, но мнѣ тяжело на склонѣ моей жизни оплакивать несчастія отечества" [2]). Такъ писалъ шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Энгестремъ къ посланнику при нашемъ дворѣ гр. Стендингу, который ему отвѣчалъ, что „никогда настоящее не представлялось такимъ сомнительнымъ, а будущее такимъ неопредѣленнымъ для Швеціи. Если мы соединимся съ Даніей, то можетъ быть, не будемъ уже болѣе Шведами; если не соединимся, то обѣимъ странамъ грозитъ опасность завоеванія со стороны ихъ могущественныхъ сосѣдей". Если мысль о соединеніи скандинавскихъ державъ и представлялась увлекательною для нѣкоторыхъ государственныхъ лицъ Швеціи, какъ и гр. Стендингу, то единственно какъ отвлеченная мысль, но совершенно не исполнимая на дѣлѣ.

---

[1]) Письмо къ гр. Румянцеву 1/13 іюля, 1810 г. О предположеніяхъ Наполеона Вестфальскому королю и вице-королю Италіанскому увѣдомлялъ канцлера и гр. Нессельродъ 28-го іюня (10-го іюля) 1810 г.

[2]) Депеша 1-го іюля н. ст. 1810 г.

Народъ ненавидѣлъ Датчанъ; образованныя сословія, привыкшія къ свободнымъ учрежденіямъ, опасались абсолютизма датскаго правленія и личнаго характера короля. Поэтому, предлагая его сейму для избранія въ наслѣдники шведскаго престола въ числѣ другихъ, нельзя было не знать, что онъ непремѣнно будетъ отвергнутъ [1]). Но этого выбора желалъ императоръ Наполеонъ.

Слабая держава, какъ Швеція, въ выборѣ наслѣдника престола должна была имѣть въ виду поставить себя подъ покровительство одной изъ великихъ державъ. Въ Европѣ ихъ было только три въ то время — Англія, Россія и Франція.

Мирныя связи съ Англіей были весьма важны для Швеціи въ видахъ ея внутренняго благоденствія, зависѣвшаго въ сильной степени отъ внѣшней торговли; но въ политическомъ отношеніи, находившаяся въ непримиримой враждѣ съ Франціей, Англія не могла ей оказать дѣйствительнаго покровительства, пока Франція находилась въ союзѣ съ Россіей. Сухопутными границами Скандинавскій полуостровъ единственно соприкасался съ Россійскою имперіей. Безъ этого обстоятельства она была бы островомъ, столь же неуязвимымъ для Наполеона, какъ и самая Англія, которой флоты оградили бы ее отъ всякихъ высадокъ и вторженій, а согласіе на присоединеніе Норвегіи вознаградило бы за потерю Померанія.

Не желая, конечно, входить въ явно враждебныя отношенія къ Англіи, Швеція въ дѣлѣ выбора наслѣдника престола должна была имѣть въ виду преимущественно Россію и Францію. Дѣйствительно, родилась мысль избрать въ наслѣдники престола принца Георга Ольденбургскаго, мужа русской великой княгини Екатерины Павловны, зятя Русскаго императора. Но эта мысль не могла осуществиться на дѣлѣ по многимъ причинамъ. Съ одной стороны, она имѣла весьма незначительное число приверженцевъ въ Швеціи, и они заявляли ее нашему посланнику, но онъ отвѣчалъ, что зять императора едва ли захочетъ стать во главѣ „вольнаго и мятежнаго народа", а наше правительство, съ своей стороны, не предпринимало никакихъ мѣръ,

[1]) Депеша гр. Стендинга къ Шведскому королю 7/19-го іюля и къ б. Энгестрему 9/21-го авг. Депеша б. Вестерштедта гр. Стендингу 8-го авг. н. ст. 1810 г. «Что касается до Датскаго короля, то вся Швеція противъ этого избранія». Mémorial de S-te Helene: «Le vrai roi de ma politique», говорилъ Наполеонъ, — «celui du véritable intérêt de la France, c'était le roi de Danemark, parce que j'eusse alors gouverné la Suède par mon simplecontact avec les provinces danoises.

чтобы придать силу этой мысли [1]). Съ другой стороны, общее мнѣніе Швеціи вовсе не было въ пользу Россіи, только что воевавшей съ нею и присоединившей къ себѣ всю Финляндію, такъ какъ на это мнѣніе имѣли значительное вліяніе всѣ военные люди.

При такомъ положеніи дѣлъ, естественно, Шведскій король, или лучше сказать, шведское правительство чрезъ него вынуждено было обратиться къ Наполеону и просить его совѣта и указанія. Но король заявилъ и свое желаніе, при этомъ случаѣ, объ избраніи брата умершаго наслѣднаго престола, принца Августенбургскаго.

Такимъ образомъ, самая сила обстоятельствъ открыла широкое поприще для свободныхъ дѣйствій императору Наполеону. Естественно, въ его виды входило распространять свое господство и надъ Швеціей. Онъ такъ дѣйствовалъ и до этого времени, употребляя своимъ орудіемъ Россію, какъ единственную державу, соприкасавшуюся сухопутными границами со Швеціей. Предполагая воевать съ Россіей, конечно, онъ понималъ, такъ же, какъ и Бернадотъ, какое значеніе въ этомъ случаѣ можетъ получить Швеція, и какую важную помощь можетъ она ему оказать. Ему оставалось только послѣдовательно дѣйствовать въ прежнемъ направленіи, соображаясь съ новыми обстоятельствами и не встрѣчая особенно никакихъ препятствій со стороны политики Россіи, уклонявшейся отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Шведскаго королевства. Въ этихъ видахъ, онъ и желалъ, чтобъ избранъ былъ Датскій король, который вслѣдствіе своихъ владѣній на континентѣ находился въ полной отъ него зависимости, то-есть, Наполеонъ указывалъ на такого кандидата, на котораго никто бы не указалъ, зная напередъ, что онъ избранъ не будетъ. Но въ соображенія императора Наполеона вовсе не входили ни народныя желанія, ни свободныя учрежденія страны. Народы должны были повиноваться всякой власти, какой ему угодно было подчинить ихъ. Такъ онъ дѣйствовалъ въ отношеніи ко всѣмъ народамъ западной Европы и въ это время упорно преслѣдовалъ эту мысль въ отношеніи къ Испаніи. Что же касается до свободныхъ учрежденій Шведскаго королевства, то они возбуждали только его ненависть. Ихъ существованіе онъ приписывалъ единственно слабости власти и надѣялся, что Датскій король вырветъ ихъ съ корнемъ. При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, былъ бы избранъ герцогъ Августенбургскій, братъ покойнаго наслѣднаго принца. Въ коммисіи, составляемой обык-

---

[1]) Депеша Алопеуса къ гр. Румянцеву $^{13}/_{25}$-го апрѣля 1809 г.

новенно передъ общимъ собраніемъ чиновъ, онъ получилъ всѣ избирательные голоса, кромѣ одного; но король Датскій запретилъ ему, какъ подданному и родственнику, соглашаться на этотъ выборъ, и подстрекаемый французскою политикой, упорно настаивалъ на своемъ избраніи. При такихъ-то обстоятельствахъ совершенно случайно совершился выборъ маршала Бернадота. Но случайность относилась только къ его лицу, потому что Швеція готова была избрать всякого кандидата, который былъ бы пріятенъ Франціи и доказалъ бы ея желаніе заслужить покровительство Наполеона [1]).

Въ то время, когда въ Швеціи уже совершался этотъ выборъ, Чернышевъ писалъ гр. Румянцеву изъ Парижа, что „слѣдующія лица увѣрили его, что предложеніе б. Лагіербіелке о князѣ Поите-Корво не входитъ въ виды Наполеона, потому что съ его политикою не согласно, — возводить на престолъ одного изъ своихъ генераловъ, не находящагося съ нимъ въ родствѣ и характеру котораго, твердому и рѣшительному, онъ не довѣряетъ. Поэтому еще не знаютъ — на что онъ рѣшится, а предполагаютъ, что если ему не удастся доставить это назначеніе одному изъ членовъ своего семейства, то онъ скорѣе согласится на то, чтобы выборъ палъ на незначительнаго нѣмецкаго князька, который находился-бы подъ его полнымъ вліяніемъ" [2]).

Что касается до того, что будто бы императоръ Наполеонъ желалъ, чтобы наслѣдникомъ шведскаго престола былъ избранъ кто-либо изъ его родственниковъ, то это были только предположенія Парижскаго общества, имѣвшія весь видъ вѣроятности по согласію съ прежнимъ образомъ дѣйствій Наполеона, но ничѣмъ не подтверждаемыя. Избраніе же Бернадота, конечно, льстило самолюбію Французскаго императора [3]), но не было ему пріятно, потому что онъ не любилъ Бернадота, считалъ его слишкомъ либеральнымъ и опасался, подозрѣвая его въ недоброжелательствѣ къ себѣ. Если весь народъ свободнымъ избраніемъ возводитъ на престолъ одного старѣйшихъ генераловъ Наполеоновыхъ войскъ, то конечно, онъ не могъ не

---

[1]) Депеша гр. Сухтелена къ гр. Румянцеву $^{6}/_{18}$-го сентября 1810 изъ Стокгольма; *G.Swedenus*, Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808—1814. переводъ *Фриша*, т. I, гл. 10, стр. 99—109; *Bignon*, Hist. de l'empire, deuxieme époque, гл. XXII; *Тьеръ*, Hist. de l'empire кн. XXIII.

[2]) Письмо къ гр. Румянцеву $^{8}/_{20}$-го августа 1810 г.

[3]) Депеша кн. Куракина къ гр. Румянцеву 24 авг. (5 сент.) 1810 изъ Клиши.

согласиться на это избраніе. Но онъ принялъ Бернадота учтиво и холодно [1]). Впослѣдствіи, отпуская Чернышева въ Петербургъ, Наполеонъ поручилъ ему объяснить императору Александру, что онъ не принималъ никакого участія въ этомъ избраніи (qu'il n'y avait été pour rien). Когда въ первый разъ маршалъ сообщилъ ему о такомъ намѣреніи шведскихъ членовъ, то онъ ему не повѣрилъ. Но потомъ, когда Шведскій король увѣдомилъ его объ этомъ избраніи, онъ долженъ былъ согласиться: „Я бы желалъ лучше, чтобы Швеція строже соблюдала континентальную систему, нежели видѣть на ея престолѣ моего маршала, не соединеннаго родствомъ съ моимъ семействомъ. Это можетъ только вскружить головы всѣмъ другимъ; каждый изъ нихъ, можетъ быть, станетъ думать, что имѣетъ право на корону“ [2]). И въ заключеніе онъ прибавилъ, что въ видахъ Франціи слѣдовало бы желать, чтобы королевство Шведское слилось съ Датскимъ.

Въ то время, когда дѣло шло о выборѣ маршала Бернадота, и слухи объ этомъ не умолкали въ Парижѣ, онъ находился въ Пломбьерѣ, и возвратясь оттуда, былъ хорошо принимаемъ при дворѣ, но никого не принималъ изъ своихъ знакомыхъ у себя дома. „Можетъ быть“, писалъ Чернышевъ,—сознавая свою неспособность къ скрытности, и на оборотъ, склонность къ откровенности, онъ боялся выдать самъ себя и потому рѣшился никого не принимать“. Только въ первыхъ числахъ сентября онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать Чернышева, который вообще былъ дружески принятъ въ его домѣ, и послѣ обѣда, отведя его въ сторону, сказалъ ему: „Итакъ, вы знаете, мой другъ, что̀ случилось со мною! Я скажу вамъ откровенно, что въ первый разъ, когда мнѣ сдѣлали это предложеніе, мнѣ показалось, что камень упалъ на мою голову, и я готовъ былъ отказаться; но потомъ я подумалъ: если, по моей извѣстности, доблестный народъ считаетъ, что я обладаю достаточными дарованіями и силою воли, чтобъ управлять имъ, то съ моей стороны было бы низостью не исполнить его желанія. Скажу откровенно, что въ этомъ случаѣ дѣйствовало и самолюбіе, и участіе къ этому дѣлу со стороны императора, исполненное благоволенія. Я знаю, что на меня падетъ огромная от-

---

[1]) Депеша кн. Куракина изъ Парижа, $^{8}/_{20}$-го августа 1810; депеша гр. Сухтелена изъ Стокгольма $^{7}/_{19}$-го декабря 1810 г.

[2]) Exposé des discours que m'a tenu S. M. l'empereur.... de 23 octobre à mon audience de congé, представленное Чернышевымъ государю по возвращеніи изъ Парижа въ 1810 г.

вѣтственность, когда я достигну престола; я знаю, что шведскій народъ, хотя и добрый и обладающій многими прекрасными качествами, однакоже народъ безпокойный; но я пережилъ всю революцію въ моемъ отечествѣ, научился опытомъ и могу предостеречь Шведовъ отъ многихъ заблужденій. Вамъ извѣстенъ мой характеръ и мой образъ мыслей, поэтому мнѣ не нужно увѣрять васъ, что я буду *хорошимъ сосѣдомъ*. Я знаю, что военный человѣкъ, не лишенный дарованій, если начнетъ воевать съ твердымъ намѣреніемъ дѣлать завоеванія, рано или поздно можетъ достигнуть своей цѣли; но по моему мнѣнію, благоденствіе народа не зависитъ отъ обширности его владѣній. Всѣ мои заботы будутъ обращены на то, чтобы привести въ порядокъ всѣ отрасли управленія, сухопутныя и морскія силы, чтобы покровительствовать торговлѣ страны и обезпечить ея спокойствіе отъ внѣшняго нападенія. Я нисколько не заблуждаюсь въ трудности моего положенія и знаю—какого рода могутъ встрѣтиться обстоятельства. Таковъ мой взглядъ на вещи, мой другъ; онъ вытекаетъ изъ тѣхъ началъ, которымъ я всегда слѣдовалъ, и которымъ никогда не измѣню; но конечно, я Французъ, люблю мое отечество и многимъ обязанъ императору" [1]).

Хотя Бернадотъ не любилъ и имѣлъ причины не любить императора Наполеона, нѣсколько завидовалъ ему, считая и себя призваннымъ къ высшему назначенію, а не къ тому только, чтобы быть покорнымъ слугою своего товарища по оружію, но едвали можно сомнѣваться въ томъ, что онъ искренно желалъ быть въ мирныхъ отношеніяхъ съ своею родною страной и не возбуждать неудовольствія ея повелителя.

Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться такимъ расположеніемъ новаго наслѣдника Шведскаго престола, согласнымъ и съ общимъ мнѣніемъ Швеціи, императоръ Наполеонъ только усилилъ свои притязанія. Его посланникъ обходился съ Бернадотомъ надменно и дерзко, настаивая на томъ, чтобы Швеція непремѣнно объявила войну Англіи. Онъ и Чернышеву поручилъ просить императора Александра, чтобъ онъ, какъ союзникъ Франціи, дѣйствовалъ за одно съ нею въ этомъ случаѣ; но нашъ кабинетъ не успѣлъ еще обратиться съ своими представленіями къ Швеціи, какъ пришло извѣстіе, что она уже объявила войну Англіи, получивъ настоятельное требованіе Франціи

---

[1]) Депеша Чернышева гр. Румянцеву 5/17-го сентября 1810 г.

въ три дня рѣшить вопросъ: воевать ли съ Англіей, или—съ Франціей и ея союзниками [1]).

Когда гр. Стендингъ сообщилъ это извѣстіе гр. Румянцеву, то послѣдній выразилъ ему удивленіе, почему такъ Швеція скоро рѣшилась на такой шагъ. При свиданіяхъ съ Чернышевымъ императоръ Наполеонъ и не упоминалъ о войнѣ. „Я не могу сказать, чтобъ этотъ вашъ поступокъ не былъ согласенъ съ видами Россіи", говорилъ гр. Румянцевъ,—„потому что мы дѣйствуемъ на основаніи одинаковыхъ началъ съ Франціей; но онъ повлечетъ большія неудобства для васъ, а мы желаемъ спокойствія Швеціи. Повѣрьте мнѣ, что у васъ не хотѣли воспользоваться нашимъ къ вамъ расположеніемъ, а обратились въ другую сторону, между тѣмъ какъ у насъ всѣ счеты съ вами покончены, и мы не желаемъ болѣе никакихъ пріобрѣтеній" [2]). Эти слова поразили шведскаго посланника, который и поспѣшилъ сообщить ихъ своему правительству, прибавивъ, что общественное мнѣніе въ Россіи крайне не довольно тѣмъ, что Швеція объявила войну Англіи.

Въ то время, когда политика Россіи выразила желаніе сблизиться съ Швеціей, императоръ Наполеонъ все болѣе и болѣе усиливалъ свои требованія. То онъ требовалъ, чтобы Швеція прислала во Францію въ его распоряженіе одинъ изъ лучшихъ своихъ полковъ, то чтобы доставила въ Брестъ 6000 матросовъ для французскихъ кораблей, то чтобъ отдала свои таможни въ завѣдываніе французскимъ чиновникамъ. Французскіе корсары ловили шведскія торговыя суда и брали ихъ въ плѣнъ, какъ у воюющей державы, даже въ шведскихъ водахъ. На письма Бернадота императоръ Наполеонъ вовсе не отвѣчалъ, и его посланникъ обходился съ нимъ, какъ съ подданнымъ своего императора, который безусловно долженъ исполнять его приказанія.

Если оставить въ сторонѣ личныя чувства Бернадота къ императору Французовъ, то нельзя не замѣтить, что образъ дѣйствій Франціи въ отношеніи къ Швеціи былъ таковъ, что вынуждалъ послѣднюю совершенно предаться Россіи; въ союзѣ съ нею представлялось единственное для Швеціи спасеніе. Принудивъ ее объявить войну Англіи и признать континентальную систему, Наполеонъ поставилъ ее въ безвыходное положеніе. Дѣйствительной войны съ Англіей Швеція вести

---

[1]) Депеша гр. Румянцева кн. Куракину.

[2]) Депеша Стендинга къ королю 20-го ноября (2-го декабря) 1810 г.

не могла, не имѣл на то ни достаточно силъ, ни средствъ. Англія уничтожила бы ея флотъ. разгромила бы порты, и французскіе корсары не могли бы защитить ея, какъ не защитили Даніи. Строго слѣдовать континентальной системѣ Швеція могла еще менѣе; ей въ непродолжительномъ времени грозило бы не только простое раззореніе, но совершенная невозможность существованія: она нуждалась бы въ хлѣбѣ и соли. Такое положеніе дѣлъ необходимо возбудило бы волненіе въ странѣ, первою жертвою которыхъ сдѣлался бы Бернадотъ.

Съ другой стороны, объявляя войну на бумагѣ и поддерживая на дѣлѣ мирныя отношенія къ Англіи, ведя въ ней торговлю вопреки континентальной системѣ и въ ущербъ ей, Швеція ставила себя цѣлью постоянныхъ нападеній и угрозъ со стороны Франціи [1]) Бернадотъ очень хорошо понималъ это положеніе, и безъ сомнѣнія, скорѣе рѣшился бы на разрывъ съ Франціей, нежели съ Англіей, еслибы къ требованію Наполеона объявить ей войну не присоединила бы свой голосъ Россія. Швеція должна была уступить въ этомъ случаѣ потому, что только со стороны одной Россіи могла ей грозить дѣйствительная опасность. Къ Россіи примыкали ея сухопутныя границы, а въ зимніе мѣсяцы и ледъ Ботническаго залива не былъ не проходимъ, какъ это ужь извѣстно было по опыту. Безъ этого обстоятельства Швеція была островъ, столько же огражденный отъ покушеній Франціи, какъ и острова Великобританіи. Въ союзѣ съ нею, она не могла бы опасаться нападеній. При такомъ положеніи дѣлъ весьма естественно, что все вниманіе шведской политики было обращено на Россію, и Бернадотъ искренно желалъ снискать расположеніе Русскаго императора и заявлялъ свое расположеніе нашему посланнику, который сообщилъ ихъ и нашему двору.

Наслѣдному принцу было чрезвычайно пріятно, писалъ Сухтеленъ къ Румянцеву, когда, по порученію императора, онъ, какъ русскій посланникъ, объявилъ ему, что Россія почитаетъ всѣ свои счеты съ Швеціей оконченными и желаетъ находиться съ нею въ дружелюб-

[1]) Письмо гр. Стединга къ королю 31-го мая (12-го іюня) 1810 года Les Anglais, qui vont en Russie pour y faire le commerce illicite, sont dans l'usage de se faire recevoir bourgeois dans quelque ville de Suède. Ils viennent ensuite chez moi, leurs lettres de bourgeoisie à la main, me demander une lettre de protection, que je ne puis pas leur refuser. L'inconvénient ne serait pas grand, si ces messieurs étaient tant soit peu discrets, mais, comme ils ne le sont guère, il ne se cachent pas de cette manoevre, et ils compromettent la mission de V. M. qui par là devient véritablement la protectrice du commerce anglais en Russie».

ныхъ отношеніяхъ; что же касается лично до него, наслѣднаго принца, то императоръ цѣнитъ его дарованія, дорожитъ его расположеніемъ и обѣщаетъ свою взаимность въ этомъ отношеніи. Россія, какъ союзница Франціи, обязана была содѣйствовать ей въ томъ, чтобы ввести Швецію въ континентальную систему и вынудить ее объявить войну державѣ, въ войнѣ съ которою она сама находится, вмѣстѣ съ Франціей. По собственно Швеціи Россія не угрожаетъ и желаетъ находиться съ нею въ мирныхъ и дружескихъ отношеніяхъ [1]). Это извѣстіе, сообщенное Бернадоту дипломатическимъ путемъ, получило для него еще большее значеніе, когда онъ узналъ о неожиданномъ пріѣздѣ въ Стокгольмъ, съ особымъ порученіемъ отъ императора, флигель-адъютанта А. И. Чернышева. Самый выборъ такого лица, не состоявшаго на дипломатической службѣ, но употреблявшагося для личныхъ сношеній Русскаго государя съ императоромъ Наполеономъ, а въ то же время знакомаго Бернадоту и пользовавшагося его расположеніемъ, не могъ не возбудить его вниманія.

Въ началѣ ноября мѣсяца 1810 года Чернышевъ только что возвратился въ Петербургъ изъ Парижа, съ письмомъ Наполеона къ императору Александру. Отпуская Чернышева, Французскій императоръ, между прочимъ, говорилъ ему: „Императоръ Александръ первый меня понялъ и только одинъ могъ понять, также какъ и его министръ, и потому я надѣюсь, что онъ обратитъ вниманіе на мое требованіе во всемъ его объемѣ. Въ такомъ случаѣ необходимо рѣшительно отказаться отъ всякихъ полумѣръ, при которыхъ отношенія между двумя имперіями могутъ продолжаться кое-какъ годъ или два, но окончатся непремѣнно ссорою. Но еслибъ его величество неуклонно слѣдовалъ принятому направленію, не обращая вниманія на крики и жалобы купцовъ, которые повсюду Англичане въ глубинѣ души, то можно бы надѣяться, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я получаю изъ Англіи, что въ непродолжительномъ времени мы достигли бы общаго мира. Необходимо, чтобы Россія принудила Швецію выполнить ея обязательства въ этомъ отношеніи. До сихъ поръ я чрезвычайно былъ недоволенъ, потому что Англичане въ Балтійскомъ морѣ запасались у нея дровами и водою“. Такое поведеніе Швеціи Наполеонъ приписывалъ господствовавшей тамъ анархіи и интригамъ и надѣялся, что оно измѣнится, если князь Понте-Корво исполнитъ данное имъ при отъѣздѣ обѣщаніе. Но если его обѣ-

[1]) Депеша Сухтелена къ гр. Румянцеву $^{2}/_{14}$-го декабря 1811 г.

щаніе было неискренно, и если Швеція къ веснѣ не запретъ своихъ портовъ и не встрѣтитъ Англичанъ пушечными выстрѣлами, то Наполеонъ выражалъ намѣреніе снова занять Померанію и пригласить насъ опять начать войну со Швеціей. „Безъ этого", прибавилъ онъ,— „Швеція будетъ смѣяться надо мною, потому что я не могу иначе напасть на нее" [1]). Въ то же время, какъ императоръ Наполеонъ давалъ такое порученіе Чернышеву, онъ пригласилъ въ Фонтенебло шведскаго посланника Лагербьелке и въ рѣзкихъ выраженіяхъ объявилъ ему, что Швеція должна или немедленно объявить войну Англіи, прекратить всякія торговыя съ нею сношенія и конфисковать ея товары, или воевать съ Франціей, и что онъ далъ уже предписаніе своему повѣренному въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ потребовать отъ шведскаго правительства въ пять дней рѣшительнаго отвѣта на это требованіе [2]). Баронъ Алькье, предъявляя это требованіе, прямо выражалъ, что Россія, какъ союзная держава съ Франціей, готова поддержать его, тогда какъ Петербургскій кабинетъ еще не могъ имѣть времени отвѣчать на предложеніе императора Наполеона, привезенное Чернышевымъ. Внезапное извѣстіе о томъ, что Швеція уступила настояніямъ Франціи и объявила войну Англіи, избавило его отъ необходимости выразить свой взглядъ на отношенія къ Швеціи, совершенно измѣнившіяся послѣ заключенія Фридрихсгамскаго мира. „Что касается до того", писалъ графъ Румянцевъ къ князю Куракину, — „что императоръ Наполеонъ говорилъ Чернышеву о Швеціи, его величество, желая представить новыя доказательства своего союза съ Франціей, намѣревался поручить генералу Сухтелену поддерживать представленія б. Алькье, какъ узналъ, что Швеція дала уже отвѣтъ, соотвѣтствовавшій желанію императора Наполеона. Не смотря на то, его величество поручилъ Чернышеву возвратиться во Францію черезъ Швецію съ тою цѣлію, чтобъ его появленіе въ Стокгольмѣ послужило свидѣтельствомъ согласія, существующаго между союзниками" [3]). Но этого согласія не существовало даже и въ дипломатическихъ бумагахъ, потому что въ этой же самой нотѣ русскій канцлеръ, по предписанію императора, поручалъ нашему посланнику при Тюльерійскомъ дворѣ отклонить всѣ требованія Наполеона о безусловномъ запрещеніи внѣшней торговли даже съ нейтральными. Россія покончила всѣ счеты съ Швеціей, и во-

---

[1]) Записка Чернышева, Exposé des discours etc.

[2]) *Bignon*, Hist. de l'Empere, 2-me époque, гл. XXIV.

[3]) Нота гр. Румянцева, 24-го ноября 1810 г.

нечно, не начала бы новой войны съ нею въ угоду Франціи, которая, очевидно для всѣхъ, угрожала ей войною. Чернышеву поручено было объявить тайно наслѣдному принцу, что „ни *кому* изъ своихъ союзниковъ Россія не обязывалась не только воевать съ Швеціей, но и участвовать въ войнѣ, которую кто-нибудь *изъ нихъ* объявитъ ей. Его величество", говорилось далѣе въ инструкціи Чернышеву, — „прямо заявляетъ, что онъ рѣшительно намѣренъ сохранять миръ съ Швеціей; ему надоѣли войны, которыя онъ вынужденъ былъ вести, и все его желаніе заключается въ томъ, чтобы водворить миръ какъ для своего государства, такъ и для всей Европы, залитой кровью и обѣднѣвшей отъ упадка торговли вслѣдствіе жестокихъ мѣръ, которыя грозятъ повергнуть ее къ временамъ варварства и въ какое время? —въ то, которое гордится своимъ просвѣщеніемъ. Его величество, любя миръ, съ удовольствіемъ узналъ, что тѣ же чувства выразилъ наслѣдный принцъ, отвѣчая на привѣтствіе шведскихъ чиновъ. Поэтому онъ желаетъ его довѣрія къ положительному его увѣренію, что единственнымъ его желаніемъ, согласнымъ и съ политическими выгодами, будетъ поддерживать благосостояніе Швеціи. Послѣ заключенія Фридрихсгамскаго мира, все измѣнилось, между двумя державами окончилась продолжительная вражда, которая часто поднимала одну изъ нихъ противъ другой. Въ настоящее время выгоды обѣихъ державъ вынуждаютъ ихъ поддерживать взаимную дружбу, и особенно Россія должна желать, чтобы никакія внутреннія несогласія не возмущали спокойствія Швеціи. Въ этомъ отношеніи политика Россіи твердо убѣдилась въ томъ, готова всегда слѣдовать этому началу и представила уже много доказательствъ тому послѣ окончанія войны. Слѣдовательно, выгоды государства, личныя желанія императора, все даетъ поводъ надѣяться, что наслѣдный принцъ не откажетъ ему въ довѣріи, которое онъ постарается оправдать своими дѣйствіями, кои несомнѣнно докажутъ, что онъ желаетъ благоденствія Швеціи и готовъ ему содѣйствовать всѣми способами" [1]).

Такой взглядъ на отношенія Россіи къ Швеціи Русскій императоръ поручалъ Чернышеву выразить наслѣдному принцу. Чернышевъ пріѣхалъ въ Стокгольмъ въ ночь съ 1-го на 2-е декабря 1810 года, совершивъ чрезвычайно трудное путешествіе чрезъ Аландскіе острова по льду Ботническаго залива. Посвятивъ утро на официальныя посѣ-

[1]) Иструкція Чернышеву, при поѣздкѣ въ Стокгольмъ, 19-го ноября 1810 г., писанная самимъ императоромъ.

щенія шведскихъ министровъ и посланниковъ другихъ державъ, онъ особенно ласково былъ принятъ б. Енгерштремомъ, который, встрѣтившись съ нимъ въ тотъ же день во второй разъ, заявилъ ему, что наслѣдный принцъ, узнавъ о его пріѣздѣ, поручилъ ему сказать, что онъ чрезвычайно этимъ обрадованъ и съ величайшимъ нетерпѣніемъ желаетъ его видѣть, особенно потому, что онъ пріѣхалъ прямо изъ Петербурга и можетъ сообщить, въ какомъ расположеніи къ нему находится императоръ. Онъ въ отчаяніи, что придворные обычаи препятствуютъ ему имѣть свиданіе съ нимъ, прежде нежели онъ представится королю. На другой же день утромъ Бернадотъ устроилъ его представленіе, и больной король, не смотря на то, что съ трудомъ могъ говорить, ласково бесѣдовалъ съ Чернышевымъ около получаса. Онъ говорилъ объ искреннемъ желаніи быть въ дружбѣ съ Россіей, поручалъ обратиться къ наслѣдному принцу, котораго весьма хвалилъ, и наконецъ, замѣтилъ, что ему пріятно было узнать, что Чернышевъ принадлежитъ къ числу старинныхъ знакомыхъ Бернадота, который говорилъ ему очень много хорошаго о немъ.

Послѣ представленія королю, Чернышевъ, вмѣстѣ съ г. Сухтеленомъ, немедленно отправился къ наслѣдному принцу. Лишь только Бернадотъ увидалъ входящаго Чернышева, какъ поспѣшилъ подойдти къ нему, поцѣловалъ его нѣсколько разъ и осыпалъ привѣтствіями. „Въ присутствіи Сухтелена и Енгерштрема“, доносилъ императору Чернышевъ, — „я только сказалъ принцу, что ваше величество поручили мнѣ выразить ему ваши чувства уваженія къ его заслугамъ и качествамъ. Его высочество принялъ это заявленіе съ живою радостію и отвѣчалъ мнѣ, что послѣ этого онъ считаетъ себя совершенно счастливымъ и всѣ свои желанія исполненными. Когда г. Сухтеленъ сообщилъ ему о вашемъ къ нему расположеніи, то онъ до такой степени былъ проникнутъ признательностію, что позволилъ себѣ выразить ее вамъ на письмѣ. Затѣмъ онъ сказалъ, что проситъ меня довести до вашего свѣдѣнія, что послѣ всего того, что онъ слышалъ о вашемъ характерѣ, его единственное желаніе заключается въ томъ, чтобъ имѣть счастіе сойдтись душою съ вами (d'avoir le bonheur de s'entendre d'ame avec elle) и доказать, что онъ не недостоинъ этого“.

Говоря такимъ образомъ, Бернадотъ нѣсколько отдалился отъ присутствовавшихъ. Этимъ движеніемъ воспользовался Чернышевъ, чтобы не слышно для другихъ сказать ему: „Государь, мой повелитель, узнавъ, что прежде ваше королевское высочество удостоивали меня благосклонности и довѣрія, именно поэтому поручилъ мнѣ ѣхать че-

резъ Стокгольмъ, чтобы передать истинныя его чувства къ вамъ и тѣмъ предупредить возможность всякаго недоразумѣнія, которое можетъ быть вредно для обоихъ государствъ. Позвольте мнѣ просить васъ прежде моего отъѣзда назначить мнѣ особое свиданіе".

Назначивъ ему явиться черезъ день въ опредѣленный часъ. Бернадотъ сказалъ, что надѣется повидаться съ нимъ и не одинъ еще разъ. „Мнѣ необходимо знать расположенія императора, чтобы согласовать съ ними мой образъ дѣйствій. При настоящемъ положеніи дѣлъ я понимаю, что Россія есть единственная держава, отъ благорасположенія и покровительства которой зависитъ не только благосостояніе Швеціи, но и самое ея существованіе. О немъ-то я прошу императора и поручаю вамъ передать ему мою просьбу. Что касается до меня, то я даю рѣшительное обѣщаніе, что шведское правительство готово все сдѣлать, чтобы заслужить благорасположеніе Россіи, и будетъ избѣгать всего, что могло бы навлечь самое малѣйшее противъ нея неудовольствіе. Конечно, потеря Финляндіи составляетъ еще свѣжую рану; но смотря на вещи безпристрастно, я самъ понимаю, что эта провинція была слишкомъ удалена отъ Швеціи, и она не могла долго удерживать ее за собою. Въ настоящее время Швеціи нуженъ миръ, она должна довольствоваться тѣмъ, что имѣетъ и стараться отклонить тѣ опасности, которымъ угрожаетъ настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ. Россія, если захочетъ, то можетъ обратить свое оружіе противъ востока, юга и запада и быть вполнѣ увѣренною, что Швеція не измѣнитъ своей политики и желанію оставаться съ нею въ мирѣ, потому что она очень хорошо знаетъ, что можетъ обойдтись безъ всѣхъ другихъ государствъ, кромѣ Россіи, отъ которой зависитъ ея спокойствіе и миръ". Затѣмъ Бернадотъ изъявилъ Чернышеву прискорбіе, что не имѣетъ чести быть лично знакомъ императору, и выразилъ мысль, что ему было бы весьма пріятно, еслибъ императоръ дозволилъ ему пріѣхать въ Петербургъ нынѣшнимъ лѣтомъ, чтобы лично выразить чувства своего уваженія. Говоря такимъ образомъ, Бернадотъ приблизился къ тѣмъ лицамъ, которыя находились въ этой залѣ, и ловко перевелъ разговоръ на предметы, не имѣвшіе особеннаго значенія.

Черезъ день (4-го декабря), въ назначенное Бернадотомъ время, Чернышевъ снова явился къ нему послѣ представленія королевѣ, которая приняла его также милостиво, какъ и король. Около двухъ часовъ будущій король Швеціи по титулу, но дѣйствительно уже царствовавшій въ ней подъ инымъ именемъ, велъ съ 25-лѣтнимъ

офицеромъ русской гвардіи разговоръ, весьма важный въ политическомъ отношеніи.

Осыпавъ любезностями Чернышева, относившимися лично къ нему, при началѣ свиданія Бернадотъ заявилъ, что будетъ говорить съ нимъ также откровенно „какъ бы говорилъ съ самимъ собою“ (comme avec ses entrailles). Дѣйствительно, въ этомъ разговорѣ онъ выразилъ тотъ же взглядъ, какъ и при первомъ свиданіи, но съ такою ясностію и рѣшительностію, что должно было устраниться всякое сомнѣніе о его будущемъ образѣ дѣйствій. Онъ говорилъ, что пріѣздъ Чернышева въ Стокгольмъ и то, что́ онъ ему сказалъ о расположеніи къ нему Русскаго императора, тѣмъ болѣе возбуждаетъ въ немъ радость, что носились слухи, будто его поѣздка въ Парижъ касается именно отношеній Франціи къ Швеціи и жалобъ на нее. Говорили даже, что дѣла приходятъ въ такое положеніе, что Швеціи грозитъ разрывъ съ Россіей, еслибъ она не согласилась безпрекословно исполнять всѣ требованія Франціи. „Россія“, говорилъ Бернадотъ, — „единственная держава, которой можетъ бояться Швеція, и которой покровительство и защита безусловно необходимы для ея существованія и спокойствія. Швеція никогда бы не рѣшилась сдѣлать этотъ гибельный для общаго спокойствія шагъ, не объявила бы войны Англіи, еслибъ императоръ Наполеонъ не увѣрялъ, что Русскій императоръ поддерживаетъ его въ этомъ случаѣ. Конечно, Швеція приходится имѣть свою долю участія въ общемъ дѣлѣ всей континентальной Европы; но ея положеніе отлично отъ всѣхъ другихъ государствъ, потому что она только и можетъ существовать, сохраняя миръ и поддерживая торговлю. Между тѣмъ эта война лишаетъ ее доходовъ и предметовъ первой необходимости, безъ которыхъ она обойдтись не можетъ, какъ напримѣръ, соль и др. По объявленіемъ войны Англіи Швеція сдѣлала все, что́ только могла въ угоду Франціи; всѣ другія ея требованія не могутъ быть исполнены безъ нарушенія основныхъ законовъ страны. Напримѣръ, чтобы конфисковать товары, которые уже находятся внутри страны, въ домахъ и прошли черезъ таможни, надо разрѣшеніе сейма, а собирать съ этою цѣлію сеймъ было бы крайне опасно. Король не можетъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, которая можетъ повлечь за собою гибельныя послѣдствія. Положеніе Швеціи послѣ объявленія войны Англіи таково, что она не можетъ выносить его болѣе восьми или десяти мѣсяцевъ, не лишась самыхъ необходимыхъ предметовъ для своего существованія. „Вамъ я могу сказать прямо“, прибавилъ Бернадотъ, — „что всѣ эти мѣры

только продолжаютъ и усиливаютъ страданія и несчастія всей Европы, тогда какъ, по моему мнѣнію, онѣ могли бы принести пользу, если бы гордость и самолюбіе французскаго правительства не были помѣхою".

Замѣтивъ изъ послѣднихъ словъ настоящее расположеніе наслѣднаго принца къ Франціи, Чернышевъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заявить ему, что дѣйствительно императоръ Наполеонъ обращался къ Русскому государю съ просьбою подкрѣпить своимъ участіемъ его требованія, предъявленныя Швеціи, но что послѣ Фридрихсгамскаго мира желанія и политическія выгоды Россіи требуютъ какъ внутренняго благоденствія Швеціи, такъ и поддержанія постоянныхъ дружескихъ сношеній съ нею. При такомъ расположеніи, въ ея виды вовсе не входитъ стѣснять свободу дѣйствій шведскаго правительства, которое, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ, можетъ дѣйствовать сообразно своимъ собственнымъ выгодамъ, не опасаясь никакого препятствія со стороны русскаго правительства.

„То, что̀ вы мнѣ говорите", отвѣтилъ на эти слова Бернадотъ, — „возвращаетъ мнѣ душевный миръ и спокойствіе. Швецію хотѣли всѣми способами напугать и дѣйствительно напугали. Французскіе агенты не только увѣряли, что Россія начнетъ войну съ Швеціей, если она не исполнитъ требованій ея союзника Наполеона, но что между двумя дворами уже въ ходу мысль о томъ, что Франція готова уступить всю Швецію Россіи въ замѣнъ балтійскихъ береговъ. Я готовъ былъ", продолжалъ Бернадотъ, — „пожертвовать собою и всѣмъ своимъ семействомъ для блага Швеціи, которая не лишена и способовъ защищаться; но я убѣжденъ, что для ея благоденствія и счастія необходимо сохранять миръ. Откровенно вамъ скажу, что то ужасное положеніе, въ которое поставила меня Франція въ послѣднее время, повергаетъ меня въ невыразимую грусть. Я никогда не ожидалъ такого образа дѣйствій со стороны державы, которой я не безъ пользы и не безъ славы прослужилъ тридцать лѣтъ, ни со стороны императора Наполеона, которому прежде я оказывалъ услуги и избавлялъ его отъ многихъ непріятностей и затрудненій. Я полагалъ, что онъ будетъ моимъ защитникомъ, будетъ покровительствовать мнѣ, а не поставитъ меня въ грустное положеніе съ первыхъ дней моего прибытія въ Швецію и не сдѣлаетъ жертвою своего случайнаго дурнаго расположенія духа потому только, что я имѣлъ несчастіе изъ его товарищей сдѣлаться его подданнымъ. Но и въ качествѣ подданнаго

я не сталъ бы выносить подобныхъ выходокъ. Ничто не можетъ изгладить во мнѣ тяжелаго сознанія, отравляющаго мою жизнь, что странѣ, которая такъ почетно призвала меня, чтобы царствовать въ ней, я принесъ войну, которая ее раззоритъ".

Послѣ такихъ откровенныхъ заявленій, Чернышевъ позволилъ себѣ выразить главную мысль, составлявшую существенную сторону его посольства, что цѣль императора Александра заключается именно въ томъ, чтобы достигнуть мира, въ которомъ одинаково нуждаются всѣ Европейскія государства, и что поэтому онъ поручалъ ему заявить наслѣдному принцу въ знакъ своего къ нему уваженія, намѣреніе свое сохранить мирныя отношенія къ Швеціи при всевозможныхъ обстоятельствахъ. Императоръ Александръ не обязывался никому изъ своихъ союзниковъ воевать съ нею и даже принять участіе въ войнѣ, которую кто-либо изъ нихъ объявилъ бы Швеціи. По дѣлая это сообщеніе, императоръ надѣется, что Бернадотъ сохранитъ его въ тайнѣ, потому что разглашеніе его можетъ причинить вредъ обоимъ государствамъ.

Выслушавъ это заявленіе, наслѣдный принцъ не могъ скрыть своей радости и увѣрялъ, что теперь онъ можетъ быть не только спокоенъ, но и счастливъ, заслуживъ довѣріе и расположеніе императора, и что съ этого времени всѣ его старанія будутъ направлены къ тому, чтобъ оправдать ихъ и доказать, что какъ онъ, такъ и Швеція, достойны его покровительства. „Императоръ можетъ обратить свое оружіе", повторилъ онъ Чернышеву,—„на Константинополь, Вѣну или Варшаву,— Швеція останется спокойною. Ея единственная цѣль будетъ состоять въ томъ, чтобы находиться въ союзѣ съ Россіей и довольствоваться тѣмъ, чѣмъ она владѣетъ, не вмѣшиваясь въ чужіе споры Никогда его величество не увидитъ, чтобы Швеція рѣшилась пролить кровь хотя бы одного изъ своихъ подданныхъ или истратить одинъ талеръ въ такомъ дѣлѣ, которое могло бы быть непріятно Россіи, и никогда она не начнетъ войны ни съ кѣмъ, если не нападутъ на нее, а это невозможно. Пока Швеція находятся въ союзѣ съ Россіей, цѣлый міръ не можетъ ей ничего сдѣлать. Смотря безпристрастно на положеніе Швеціи и обдумывая всевозможныя предположенія, я прихожу къ глубокому убѣжденію, что ей нуженъ только союзъ съ Россіей и ея покровительство. Что касается до Финляндіи, которая дѣйствительно въ глазахъ Шведскаго народа составляетъ еще не изцѣлившуюся рану, то я убѣжденъ, что еслибъ и возможно было возвратить ее, воспользовавшись обстоятельствами, когда Россія находилась бы въ войнѣ съ

кѣмъ-либо изъ своихъ сосѣдей, то обладаніе такою отдаленною провинціей для Швеціи, у которой и такъ мало рукъ для обработки своихъ земель, было бы гибельно. Если бы случайно и удалось мнѣ удержать ее за собою при жизни, то во всякомъ случаѣ я чрезъ нее завѣщалъ бы моему сыну непремѣнную войну, которая могла бы лишить его престола, потому что достаточно простаго здраваго смысла, чтобы понять, что рано или поздно сорокъ милліоновъ народа одержутъ верхъ надъ двумя съ половиною. Между тѣмъ теперь, когда оба государства отдѣляются другъ отъ друга естественными границами, я могу спокойно предаться усовершенствованію земледѣлія и заняться тѣмъ, чтобы дать Швеціи хорошую конституцію, что я считаю весьма важнымъ и неотложнымъ дѣломъ. Скажите его величеству", прибавилъ онъ,—„что съ прибытіемъ моимъ въ Швецію я сдѣлался совершенно человѣкомъ сѣвера, и увѣрьте его, что онъ можетъ смотрѣть на Швецію какъ на свой вѣрный ведетъ. Я хорошо понимаю все, чѣмъ я обязанъ Франціи, и употреблю всѣ старанія, чтобы сохранить съ нею дружескія отношенія; но это никогда не заставитъ меня потерять изъ виду свои выгоды, то есть, выгоды Швеціи, сдѣлавшіяся моими" [1]).

Искренни ли были заявленія Бернадота какъ о чувствахъ его къ русскому императору, котораго онъ не зналъ лично, такъ и объ отношеніяхъ къ Россіи, только что завоевавшей у Швеціи Финляндію? Вѣря ихъ искренности, не ошибался ли молодой русскій офицеръ, случайно сдѣлавшійся орудіемъ важныхъ политическихъ сношеній? Этотъ вопросъ представлялся бы излишнимъ, еслибъ современныя сообщенія своему правительству французскаго посланника изъ Стокгольма не бросали на нихъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія.

Въ началѣ 1811 года баронъ Алькье писалъ своему правительству, что „*однажды*; указывая на развернутую карту на своемъ столѣ, Бернадотъ сказалъ ему: „Намъ нужно что-нибудь, чтобы вознаградись насъ за потерю Финляндіи; намъ нужна граница, которой у насъ нѣтъ". „Не разумѣете ли ваше высочество Норвегію?" спросилъ его французскій посланникъ. „Конечно", отвѣчалъ Бернадотъ,—„Норвегію, которая сама желаетъ присоединиться къ Швеціи, и которую мы можемъ получить помимо Франціи, при помощи Англіи. Но что касается до меня, то я желалъ бы получить ее отъ императора. Пусть

[1]) Донесеніе Чернышева императору изъ Стокгольма отъ 7-го декабря 1810 года.

онъ ее отдастъ намъ, и тогда я буду силенъ. Я обѣщаю ему сорокъ тысячъ войска къ маю мѣсяцу и еще десять тысячъ къ началу іюля; Данію можно вознаградить, отдавъ ей Мекленбургъ и Померанію. Тогда я обѣщаю, что крѣпко запру Швецію для торговли съ Англіей". Алькье увѣдомлялъ свое правительство, что б. Енгерштрёмъ постоянно ему выражалъ желаніе сблизиться съ Франціей. „Мы не Русскіе, мы не Англичане", говорилъ онъ ему, — „мы желаемъ быть французами, если только императоръ этого захочетъ. Мы желали бы возвращенія тѣхъ временъ, когда мы по прежнему будемъ союзниками Франціи, Польши и Турціи" [1]) Нельзя не обратить вниманія на послѣднія слова, въ которыхъ дѣйствительно выражается издавняя, традиціонная политика Швеціи, и не признать ихъ весьма естественными въ устахъ ея министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ выражалъ общее мнѣніе Швеціи, враждебно настроенное противъ Россіи и сочувственно стремившееся къ Франціи. Едва ли много можно было найдти лицъ въ Швеціи, которыя раздѣляли бы взглядъ, выраженный наслѣднымъ принцемъ Чернышѐву, на ея отношенія къ Россіи, особенно въ это время, когда, по его выраженію, потеря Финляндіи составляла еще болѣвшую рану. Весьма вѣроятно, что лично б. Енгерштрёмъ и не сочувствовалъ ему въ началѣ и только потомъ, увлекаемый съ одной стороны Бернадотомъ, а съ другой—раздражаемый оскорбительными дѣйствіями Франціи, вошелъ въ его виды, какъ вошло и общественное мнѣніе Швеціи [2]). Но что касается до разговора наслѣднаго принца съ б. Алькье о Норвегіи, то здѣсь обнаруживается весьма важное обстоятельство, что и видно изъ депеши Алькье. Если этотъ разговоръ происходилъ прежде свиданій наслѣднаго принца съ Чернышѐвымъ, то онъ вовсе не обличаетъ двоедушія Бернадота и коварства его политики, въ чемъ упрекаютъ его писатели Французы, безотчетные поклонники Наполеона. Только это свиданіе могло убѣдить Бернадота въ желаніи Россіи находиться въ мирныхъ отношеніяхъ къ Швеціи. До тѣхъ поръ она была въ его глазахъ союзницею Франціи, и какъ онъ полагалъ, вмѣстѣ съ нею принудила Швецію объявить войну Англіи, которую онъ считалъ гибельною для своей страны и не напрасно.

---

[1]) Депеши б. Алькье къ герцогу Кадорскому изъ Стокгольма 7-го февр., 22-го марта и 10-го апр. с. ст. 1811 г. *Bignon*. Hist. de France, глава XXIX (1811 годъ).

[2]) *Svedstas*. Schwedens Politik Ac. I, гл. 17, стр. 132.

Вѣра Чернышева въ искренность заявленія Бернадота о своемъ политическомъ взглядѣ совершенно оправдалась послѣдовавшими событіями. Этотъ взглядъ могъ бы казаться подозрительнымъ или случайнымъ и непрочнымъ въ соображеніи предстоявшихъ дѣйствій, еслибъ его выразилъ потомокъ прежнихъ государей Швеціи, тѣсно связанныхъ съ прошлою ея исторіей, который не могъ не сочувствовать воинской славѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ предковъ и прежнему значенію Швеціи въ числѣ сѣверныхъ державъ. Но Бернадотъ былъ человѣкъ новый, желавшій упрочить Шведскій престолъ какъ для себя, такъ и для своего потомства. Сочувствіе къ Франціи, не основанное ни на какихъ важныхъ политическихъ выгодахъ для Швеціи, случайно возбужденное въ это время раздраженіемъ противъ Россіи за присоединеніе Финляндіи, не могло служить ему основаніемъ для прочныхъ политическихъ соображеній. Онъ понималъ политику императора Наполеона и зналъ личныя его свойства Созиданіе сильныхъ государствъ вовсе не входило въ виды послѣдняго, и если онъ желалъ, чтобъ образовалось Скандинавское государство изъ Даніи, Швеціи и Норвегіи, то этою маскою прикрывалось иное намѣреніе, а именно—присоединить собственно Швецію къ Даніи, владѣвшей уже Норвегіей. Этимъ способомъ онъ вывелъ бы Швецію изъ ея уединеннаго положенія въ отношеніи къ материку Европы, изъ положенія, неуязвимаго для него также почти, какъ положеніе Англіи — безъ помощи Россіи. Нуждаться въ посторонней помощи, и притомъ самостоятельной и великой державы,—не согласовалось съ властолюбіемъ Наполеона, между тѣмъ какъ Данія, находившаяся въ полной отъ него зависимости, овладѣвъ Швеціей, стала бы исполнять безусловно всѣ его повелѣнія.

Но это предположеніе, соединенное для Швеціи съ потерею государственной самостоятельности и свободныхъ учрежденій, возбуждало всеобщее негодованіе Шведовъ. Оно послужило первымъ основаніемъ, которымъ воспользовался Бернадотъ, чтобы повернуть общественное мнѣніе противъ Франціи, объяснивъ цѣль ея политики. Затѣмъ, послѣ избранія его наслѣдникомъ престола, когда Шведы разчитывали на покровительство императора Наполеона, начался рядъ преслѣдованій и униженій со стороны Франціи, которыя дали Бернадоту возможность окончательно увлечь за собою общественное мнѣніе страны. Еслибы на престолѣ Швеціи онъ оставался простымъ подручникомъ Наполеона и безусловно исполнялъ бы его желанія, то довелъ бы страну до раззоренія и гибели и вызвалъ бы возмущеніе, котораго самъ первый сдѣлался бы жертвою. Едвали возможно сомнѣваться въ искренности

политическихъ убѣжденій, выраженныхъ имъ Чернышеву. Но въ то время онъ считалъ еще возможнымъ, при угрожавшемъ разрывѣ между Россіей и Франціей, сохранить нейтралитетъ для Швеціи, также какъ казалось это осуществительнымъ и для нѣкоторыхъ другихъ державъ, какъ напримѣръ, для Австріи. Поэтому онъ постоянно говорилъ Чернышеву, что для Швеціи необходимы миръ и спокойствіе. Если онъ не заводилъ съ нимъ рѣчи о Норвегіи, то лишь потому, что хорошо зналъ, что Петербургскому кабинету извѣстно это условіе, которое единственно могло заставить Шведовъ забыть о потери Финляндіи, укрѣпить союзъ съ Россіей и упрочить его династію на шведскомъ престолѣ [1]).

Вообще свидѣтельства агентовъ Наполеона подозрительны, тѣмъ болѣе показаніе такого заносчиваго и легкомысленнаго человѣка, какъ б. Алькье, котораго неумѣренность долженъ былъ сдерживать самъ Наполеонъ, и наконецъ, даже отозвать его изъ Стокгольма [2]). Его образъ дѣйствій въ отношеніи къ шведскому кабинету и особенно къ наслѣдному принцу выразился и во время пребыванія Чернышева въ Стокгольмѣ.

Россія находилась еще въ союзѣ съ Франціей, и потому Чернышевъ долженъ былъ посѣтить французскаго посланника. Въ первый день своего пріѣзда онъ поѣхалъ къ нему вмѣстѣ съ г. Сухтеленомъ; но не засталъ его дома. Отплачивая за посѣщеніе посѣщеніемъ, б. Алькье также не засталъ дома Чернышева. Только чрезъ нѣсколько дней, на обѣдѣ, который Сухтеленъ давалъ дипломатическимъ чинамъ, они познакомились другъ съ другомъ. Наговоривъ Чернышеву множество любезностей, Алькье отвелъ его въ сторону и объяснилъ, что его пріѣздъ въ Стокгольмъ будетъ весьма пріятенъ французскому правительству, потому что служитъ новымъ доказательствомъ со стороны Русскаго императора дружескаго расположенія къ Франціи и желанія которое онъ всегда выражалъ, дѣйствовать за одно съ нею. Въ виду этого представители обѣихъ державъ должны быть проникнуты взаимною довѣренностію въ своихъ дѣйствіяхъ и сообщеніяхъ и потому онъ считаетъ нужнымъ сообщить ему, что Швеція ведетъ себя чрезвычайно дурно какъ въ отношеніи къ внутреннему управленію, такъ и къ

---

[1]) Депеши гр. Стендинга Шведскому королю [illegible]-го февраля и [illegible]-го марта 1810 г., т. III, стр. 70 и 83.

[2]) Депеши шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ гр. Стендингу 19-го февраля 1811 г. [illegible]

внѣшнимъ сношеніямъ. Наслѣдный принцъ принялъ совершенно ложное направленіе и ведетъ себя неприлично, позволяя себѣ такія выходки противъ Наполеона, которыя могутъ его оскорбить. Въ этомъ отношеніи онъ доходитъ даже до смѣшнаго, угрожая, что долженъ будетъ предаться совершенно въ руки Россіи, какъ будто ея политика не одна и та же съ французскою. Конечно, императоръ Наполеонъ не придаетъ большаго значенія личности наслѣднаго принца, но необходимо, чтобы какъ Россія, такъ и Франція дѣйствовали съ нимъ рѣшительно.

„Вообще баронъ Алькье", писалъ Чернышевъ императору,—„выражается на счетъ наслѣднаго принца въ высшей степени неприлично, говоря, что въ сущности онъ однакоже добрый малый (un bon diable, un bon homme), который не лишенъ даже нѣкоторыхъ способностей, но что это—южная голова, исполненная слишкомъ волканическихъ мыслей, что онъ имѣетъ привычку слишкомъ много болтать и слушаться такихъ совѣтовъ, которые приводятъ его на ложный путь. Императоръ Наполеонъ, который не вмѣшивался въ его избраніе Шведами, конечно, не имѣетъ никакихъ причинъ его поддерживать и тѣмъ болѣе измѣнять для него свои великія соображенія".

На эту выходку Чернышевъ скромно отвѣчалъ Алькье, что все, что онъ слышитъ отъ него объ образѣ дѣйствій наслѣднаго принца, объясняется, по его мнѣнію, страхомъ, чтобы новая война, которая совпала съ его пріѣздомъ въ Швецію, и конечно, непріятна купцамъ и всѣмъ лицамъ, имѣющимъ соотношенія съ торговыми оборотами, не повредила ему въ общественномъ мнѣніи; но что въ сущности, ему кажется, что какъ наслѣдный принцъ, такъ и вообще Шведское правительство, рѣшившись немедленно объявить войну Англіи, доказали готовность исполнять желанія императора Наполеона.

„Не смотря на то", возразилъ ему б. Алькье, дѣлается однако же, „очень много плутней и вы не можете себѣ представить, до какой степени Шведы заслуживаютъ того, чтобъ ихъ называть сѣверными Гасконцами".

Подобныя рѣчи не могли не поразить своею странностію Чернышева. Онъ даже пришелъ къ тому заключенію, что, вѣроятно, французское правительство предписало Алькье говорить такимъ образомъ,—или для того чтобъ окончательно устранить подозрѣніе, что оно принимало участіе въ избраніи Бернадота, или чтобы поссорить насъ съ Швеціей, возбуждая противъ нея постоянно новыя жалобы, потому что Франція, конечно, готова пожертвовать и наслѣднымъ принцемъ,

и Швеціей, лишь только бы возбудить новую войну противъ Россіи. Но въ этомъ случаѣ большое значеніе имѣлъ личный характеръ б. Алькье. Французское правительство хотя и одобряло въ сущности его дѣйствія, но постоянно однако же предписывало ему быть сдержаннѣе и умѣреннѣе въ своихъ поступкахъ Но это мало на него дѣйствовало. Увидавшись снова черезъ нѣсколько дней съ Чернышевымъ, онъ спросилъ его: какъ относится наслѣдный принцъ къ послѣднимъ мѣрамъ, принятымъ Шведскимъ правительствомъ по настоянію Франціи?

„Что касается до объявленной войны, то мнѣ показалось", отвѣчалъ Чернышевъ,—„что его высочество готовъ поддерживать континентальную систему, не имѣть никакихъ сношеній съ Англіей и запретить какъ ввозъ, такъ и вывозъ товаровъ. Что же касается колоніальныхъ товаровъ, которые уже ввезены и находятся въ Швеціи, то на основаніи конституціи ни онъ, ни король не могутъ ихъ тронуть".

„Да", съ запальчивостью отвѣчалъ баронъ Алькье, „въ Швеціи не существуетъ королевской власти, всѣ головы здѣсь возбуждены до такой степени, и все находится въ такомъ броженіи, что можно подумать, что находишься во времена террора во Франціи. Наслѣдный принцъ слишкомъ слабъ для того, чтобъ измѣнить этотъ порядокъ дѣлъ, когда онъ взойдетъ на престолъ, однимъ государственнымъ ударомъ, который только и представляетъ надежное средство, чтобы спасти Швецію. Онъ не съумѣетъ воспользоваться тѣмъ увлеченіемъ, съ которымъ относятся къ нему Шведы. Между тѣмъ все это могло бы совершиться, еслибъ императоръ Наполеонъ захотѣлъ избрать наслѣдника для шведскаго престола. Конечно, не Бернадота посадилъ бы онъ своимъ намѣстникомъ" (comme son lieutenant). Затѣмъ, обращаясь къ образу дѣйствій Швеціи, Алькье выразилъ убѣжденіе въ томъ, что не смотря на обѣщанія, она не исполняетъ ни одного изъ своихъ обязательствъ, что Готенбургъ и другіе ея порты наводнены англійскими товарами, что торговые обороты этого города въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ были громадны, что, какъ положительно извѣстно, въ настоящее время тамъ имѣется до 10 милліоновъ ливровъ сахара, 7 милліоновъ кофею и на 6 милліоновъ бумаги, и что даже теперь Швеція позволяетъ себѣ дѣйствовать совершенно въ противность мирному договору, заключенному ею съ Франціей. „Я могу вамъ сообщить всѣ свѣдѣнія", сказалъ онъ,—„но только прошу не говорить объ этомъ въ Стокгольмѣ". И потомъ Алькье разсказалъ Чернышеву, что на одномъ балѣ, около двухъ недѣль тому назадъ, наслѣдный принцъ подошелъ къ датскому повѣренному въ дѣлахъ Дорроту и

предложилъ войдти въ соглашеніе между обоими правительствами, чтобы дозволить свободное плаваніе судамъ обѣихъ державъ съ англійскими видами, принимая за правило, что флагъ покрываетъ грузъ. Дернота будто бы крайне поразило такое предложеніе, и онъ отказался даже сообщить о немъ своему правительству, какъ рѣшительно несогласномъ съ его видами. Баронъ Алькье увѣрялъ, что велѣдъ затѣмъ подобное предложеніе сдѣлалъ Дерноту и баронъ Энгерштремъ, и что въ настоящее время въ Копенгагенѣ находится полковникъ Северштремъ, чтобы начать переговоры по этому дѣлу.

Чернышевъ выразилъ Алькье удивленіе, чтобы могло произойдти что-нибудь подобное, ибо въ наслѣдномъ принцѣ онъ замѣтилъ совершенно иныя расположенія въ отношеніи къ этому предмету; но Алькье отвѣчалъ ему, что у Бернадота чрезвычайно перемѣнчивый характеръ: сегодня онъ дѣйствуетъ такъ—съ полнымъ убѣжденіемъ, но никакъ нельзя отвѣчать, чтобы черезъ недѣлю и даже черезъ сутки онъ не измѣнилъ своего мнѣнія подъ вліяніемъ лицъ своего министерства, которыя всѣ болѣе или менѣе получаютъ свои выгоды отъ этой торговли. Забывая о своемъ значеніи, какъ посланника Франціи, онъ продолжалъ: „Я долженъ сознаться, что положеніе Швеціи весьма тяжелое, и что долго она выносить его не въ состояніи; но тѣмъ не менѣе я долженъ исполнять мои обязанности". Прощаясь съ Чернышевымъ, Алькье просилъ его заявить императору Наполеону, что онъ объяснилъ ему положеніе дѣлъ въ Швеціи съ совершенною откровенностію. Но французскій дипломатъ не только откровенно выразилъ Чернышеву свои взгляды, но даже распустилъ по городу слухъ, что русское правительство совершенно раздѣляетъ ихъ, что Чернышевъ именно для того присланъ, чтобы вліяніемъ Россіи подкрѣпить всѣ тѣ требованія, которыя онъ, Алькье, предлагаетъ отъ лица Французскаго императора, и что въ этомъ смыслѣ русскій агентъ имѣлъ уже настоятельные переговоры съ наслѣднымъ принцемъ. Эти слухи распространились до такой степени въ Стокгольмѣ, что смутили даже Бернадота.

Когда по его приглашенію (5-го декабря) Чернышевъ пріѣхалъ къ нему завтракать наединѣ съ нимъ, онъ прежде всего съ видимымъ смущеніемъ просилъ его объяснить значеніе слуховъ, распускаемыхъ французскимъ посланникомъ. Соблюдая необходимую сдержанность, потому что Россія находилась еще въ союзѣ съ Франціей, Чернышевъ отвѣчалъ: „Императоръ, какъ я говорилъ уже вашему высочеству, желаетъ по мѣрѣ силъ сохранить миръ между Россіей и ея союзниками,

и особенно съ Франціей. Получивъ извѣстіе, что Швеція исполнила требованія императора Наполеона, онъ послалъ меня объявить ея правительству, что ему пріятно видѣть, что въ отношеніи къ континентальной системѣ Швеція дѣйствуетъ согласно съ Франціей; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ желалъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы выразить вамъ свое уваженіе и заявить чрезъ меня настоящія его чувства и увѣрить васъ, что онъ не имѣетъ никакого намѣренія стѣснять свободу дѣйствій Швеціи и желаетъ ей благоденствія, а не несчастія".

Бернадотъ, поняв значеніе этого отвѣта, остался имъ очень доволенъ и говорилъ, что даетъ священный обѣтъ (sa parole d'honneur sacrée), что Швеція останется спокойною, въ какихъ бы Россія ни находилась обстоятельствахъ, и ничего не сдѣлаетъ, что могло бы ей быть непріятно. Онъ говорилъ, что готовъ выразить это обѣщаніе даже на письмѣ. „Потомъ", писалъ Чернышевъ къ императору,— „онъ распространился въ жалобахъ на Францію, говоря, что императоръ Наполеонъ выразилъ свое желаніе властвовать надъ цѣлымъ міромъ и недоброжелательство въ отношеніи къ нему лично, доведенное до послѣдней степени. Еслибъ онъ захотѣлъ подождать еще четыре мѣсяца, что для него весьма было возможно по случаю времени года, которое не вынуждало къ такому скорому принятію этой мѣры, то и принцъ самъ пожелалъ бы остаться въ хорошихъ отношеніяхъ и старался бы по мѣрѣ возможности исполнить то, что требовала его система. Затѣмъ онъ снова прибавилъ, что всему причиною то, что угрожали ему Россіею. Сверхъ того, какъ онъ мнѣ сказалъ, особенно его возмущало то, что требованія императора Наполеона заявлялись такимъ грубымъ и дерзкимъ образомъ, и онъ не вынесъ бы такого обращенія, даже будучи его подданнымъ, а тѣмъ болѣе теперь онъ не допуститъ себя до этого въ другой разъ. Лучше погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели допустить унижать народъ, который избралъ его управлять имъ. Императоръ Наполеонъ ничего ему не можетъ сдѣлать, если только не вмѣшается Россія; но еслибы даже и могъ, то неизвѣстно еще—на чью бы сторону стали французскіе солдаты, разъ вступивъ на шведскую почву. Онъ очень имъ извѣстенъ, любимъ ими и уважаемъ, часто начальствовалъ надъ ними и въ нѣкоторой степени можетъ разчитывать на нихъ".

Любезность наслѣднаго принца къ Чернышеву простиралась до того, что онъ во время пребыванія послѣдняго въ Стокгольмѣ не только видался съ нимъ почти ежедневно и бесѣдовалъ наединѣ, но

даже пригласилъ его на прощанье обѣдать къ себѣ. „По придворнымъ обычаямъ я не могу давать обѣдовъ иностранцамъ; но я испросилъ у короля позволенье сдѣлать это исключеніе для васъ“, сказалъ онъ ему. Лишь только явился въ назначенное время Чернышевъ, онъ пригласилъ его въ кабинетъ и еще долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Прежде всего онъ поручилъ ему отвезти въ Парижъ два письма, одно—къ Наполеону, другое—къ его сестрѣ, принцессѣ Полинѣ. Затѣмъ, если Наполеонъ будетъ спрашивать о немъ, то просилъ его отвѣчать, что Чернышевъ оставилъ его въ большомъ горѣ относительно положенія Швеціи, которое вслѣдствіе объявленія войны Англіи, сдѣлалось едва не безвыходнымъ. Чтобъ угодить императору Наполеону, онъ будетъ строго соблюдать обязанности, которыя эта война на него возлагаетъ; но онъ обращается къ его великодушію и проситъ облегчить его положеніе, которое въ скоромъ времени сдѣлаетъ его совершенно несчастнымъ, потому что Швеція будетъ нуждаться въ соли и другихъ необходимыхъ предметахъ продовольствія, между тѣмъ какъ ея склады наполнены желѣзомъ, торговля которымъ составляетъ главнѣйшій ея доходъ. Что касается до колоніальныхъ товаровъ, находящихся уже внутри государства, то по законамъ страны, король не можетъ до нихъ коснуться, а еслибъ онъ захотѣлъ дѣйствовать насильственно, то непремѣнно самъ погибъ бы въ нѣсколько дней. То же самое случилось бы и съ 50-ю другими королями, которые послѣдовали бы за нимъ. „Въ этомъ“, сказалъ Бернадотъ Чернышеву,—„болѣе или менѣе и заключается содержаніе моего письма къ императору Наполеону. Вы можете въ настоящее время сдѣлать Швеціи очень много зла или очень много добра“. Эту послѣднюю мысль онъ подробно развилъ Чернышеву, очевидно, желая дать направленіе его дѣйствіямъ въ отношеніи къ Швеціи передъ французскимъ правительствомъ.

„Если вы скажете“, говорилъ онъ.—„что нашли меня совершенно счастливымъ и Швецію въ цвѣтущемъ положеніи, которая только изъ недоброжелательства къ Франціи тяготится имъ, то вслѣдствіе этого заявленія Наполеонъ убѣдится въ справедливости своихъ требованій, потомъ усилитъ ихъ еще болѣе и по необходимости выведетъ насъ изъ терпѣнія и заставитъ рѣшиться на крайнія мѣры, чтобы защищать свою независимость. Конечно, Швеція не можетъ вести правильную войну; но внутри государства мѣстныя условія и духъ народный представятъ ему достаточныя средства для обороны отъ несправедливаго нападенія, особенно если въ этой войнѣ Россія не

пріймет участія". Бернадотъ увѣрялъ Чернышева, что, возбудивъ народный духъ и руководя имъ нѣсколько разумно, можно достигнуть того, что императоръ Наполеонъ найдетъ въ Швеціи вторую Испанію; между тѣмъ Франціи слѣдовало бы избѣгать подобныхъ бѣдствій, потому что онъ хоть и своякъ короля Іосифа, но къ прискорбію, совершенно убѣжденъ, что Наполеону не дожить до окончанія этой злополучной войны. „Но вы можете оказать величайшую услугу Швеціи", продолжалъ Бернадотъ,—„если скажете императору Наполеону, въ какомъ бѣдственномъ положеніи она находится, и что ей грозитъ разореніе. Въ такомъ случаѣ, быть можетъ, онъ и отступитъ отъ своихъ требованій. Неужели", говорилъ онъ, — „шведскій народъ и я не можемъ разчитывать только на то, чтобъ онъ не мѣшался въ дѣла маленькаго уголка земли, находящагося на краю свѣта, который желаетъ только спокойно заниматься своими дѣлами".

Рѣзкость французской политики, не обращавшей никакого вниманія на мѣстное положеніе Швеціи и внутреннее ея устройство, и требованія, заявляемыя съ наглою грубостью представителемъ Франціи въ Стокгольмѣ, довели Бернадота, дѣйствительно, до раздраженія, которое онъ не всегда умѣлъ скрывать, и развили его старинное нерасположеніе къ императору Наполеону до ненависти. Въ концѣ разговора съ Чернышевымъ онъ не выдержалъ и началъ укорять Наполеона въ неблагодарности за тѣ важныя заслуги, которыя онъ ему оказалъ во многихъ случаяхъ его жизни. Излагая ихъ съ подробностью, онъ, между прочимъ, указалъ на весьма важный случай. Во время послѣдней войны съ Австріей (въ 1809 г.), когда Наполеонъ находился въ Шенбруннѣ и велъ переговоры о мирѣ, удаливъ изъ арміи Бернадота, которымъ былъ недоволенъ,—Англичане сдѣлали высадку къ берегамъ Голландіи, на островъ Вальхернъ. Не считая возможнымъ ослаблять находившіяся подъ его рукою войска, когда заключеніе мира еще не было обезпечено, Наполеонъ предписалъ составить войско изъ мѣстныхъ силъ, остававшихся во Франціи, и двинуть его противъ Англичанъ. Начальство надъ этимъ войскомъ ввѣрено было Бернадоту, какъ единственному опытному маршалу, находившемуся въ то время въ Парижѣ. „Когда я былъ въ Антверпенѣ, партія недовольныхъ, а ихъ было весьма много въ это время", говорилъ онъ Чернышеву,— „предлагала мнѣ стать во главѣ правительства, пользуясь отсутствіемъ Наполеона и затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ онъ находился. Отъ меня зависѣло возбудить междоусобную войну во Фран-

ціи, которая, для блаюденствія Европы, поставила бы Наполеона въ ужасное положеніе. Но, сохраняя мою вѣрноподданническую присягу, я отвергъ это предложеніе. Наполеонъ знаетъ о моемъ поступкѣ и не оцѣнилъ его". Не менѣе выразилъ раздраженія Бернадотъ, когда заговорилъ о г. Дернотѣ, посланникѣ Датскаго короля, котораго называлъ покорнымъ слугою б. Алькье, и который способствовалъ наиболѣе своими происками и донесеніями къ тому, что Швецію принудили объявить войну Англіи. „Я гораздо болѣе", сказалъ наслѣдный принцъ,— могъ бы причинить зла Даніи, нежели она Швеціи; чтобъ отмстить ей, мнѣ стоило бы только послушаться призыва сосѣдняго города, желающаго освободиться отъ ига Даніи и соединиться съ Швеціей. Это единственное пріобрѣтеніе, котораго, можетъ быть, могла бы желать впослѣдствіи Швеція для того, чтобъ имѣть естественныя границы; но строго слѣдуя моей системѣ и вовсе не желая завоеваній, которыя считаю бѣдственными для народовъ, я останусь покойнымъ, пока природный врагъ Швеціи не выведетъ ея изъ терпѣнія".

Въ такомъ условномъ видѣ въ первый разъ было выражено наслѣднымъ шведскимъ принцемъ желаніе пріобрѣсти впослѣдствіи Норвегію.

Отдавая отчетъ императору о своемъ посольствѣ, Чернышевъ писалъ, что считаетъ себя счастливымъ, что оправдалось на дѣлѣ все то, что онъ сообщалъ о характерѣ наслѣднаго принца. „Онъ говорилъ со мною такъ откровенно и съ такимъ чувствомъ", писалъ Чернышевъ,— „что я не могу не вѣрить его словамъ. Онъ, конечно, не преданный Наполеону человѣкъ; его самолюбіе слишкомъ уязвлено, и онъ совершенно потерянъ для Франціи. Свою откровенность онъ довелъ до того, что сказалъ мнѣ: „Швеція бѣдна, и потому я долженъ извлечь изъ Франціи все—до послѣдняго рубля моего тамъ имущества". Что касается до его чувствъ въ отношеніи къ Россіи, то я осмѣливаюсь увѣрить ваше величество, что онъ искренно расположенъ къ намъ, и если мы будемъ щадить его, то вполнѣ можемъ на него разчитывать. Ваше величество можете быть совершенно покойны на счетъ Финляндіи и даже располагать свободно частью войскъ, которыя тамъ находятся, потому, вопервыхъ, что Швеція не имѣетъ средствъ для наступательной войны, ни денегъ, ни строевыхъ войскъ, ни продовольствія, и вовторыхъ, что наслѣдный принцъ слишкомъ убѣжденъ, что всѣ выгоды Швеціи состоятъ именно въ томъ, чтобъ ис-

кать покровительства и защиты вашего величества,—поэтому онъ будетъ дѣйствовать согласно съ вашими желаніями“ [1]).

Бернадотъ не только искренно такъ думалъ, но могъ и выражать свой взглядъ Чернышеву, конечно, въ тайнѣ, какъ уполномоченному державы, еще не разорвавшей союза съ Наполеономъ, потому что общественное мнѣніе Швеціи уже совершенно отвернулось отъ Франціи. Послѣ пріѣзда Бернадота Шведы надѣялись, что императоръ Наполеонъ поможетъ имъ деньгами и войсками вновь отторгнуть Финляндію отъ Россіи; но вмѣсто того послѣдовали безпрерывныя настойчивыя требованія его политики, выражаемыя повелительно и грубо его представителемъ въ Стокгольмѣ и вынудившія Швецію объявить войну Англіи, которая могла уничтожить ея благоденствіе. Недовольствіе противъ Франціи сдѣлалось въ Швеціи всеобщимъ, всѣ сословія одинаково рѣзко выражали свою ненависть къ ней. Наслѣдному принцу съ трудомъ удавалось, при свободѣ шведской печати удерживать появленіе сочиненій противъ Наполеона и еще съ большимъ трудомъ, при всеобщей ненависти къ Французамъ въ это время, не утратить расположенія къ нему Шведовъ [2]). Не смотря на трудное положеніе, онъ вышелъ изъ него съ успѣхомъ, и по свидѣтельству Чернышева, пользовался всеобщимъ довѣріемъ, конечно, и потому, что вынужденъ былъ смотрѣть сквозь пальцы на торговлю съ Англіей, безъ которой Швеція и существовать не могла.

Изъ Стокгольма, черезъ Зундъ и Бельтъ, съ большими затрудненіями Чернышевъ пріѣхалъ въ Данію и черезъ 14 дней былъ уже въ Парижѣ. Его посольство на этотъ разъ было особенно затруднительно; онъ былъ какъ-бы представителемъ двухъ державъ, снабженный собственноручными письмами какъ Русскаго императора, такъ и наслѣднаго шведскаго принца къ императору Французовъ. Сверхъ того и б. Алькье поручилъ ему доставить его донесеніе графу Шампаньи, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, будто Бернадотъ желаетъ привлечь Данію къ тайному покровительству англійской торговлѣ. Чернышеву предстояло показать, что Россія въ отношеніи къ Швеціи дѣйствуетъ совершенно согласно съ видами Франціи, между тѣмъ, какъ она измѣнила уже свою политику въ этомъ отношеніи, а также, что Швеція охотно покоряется волѣ Наполеона, на сколько это воз-

---

[1]) Письмо Чернышева къ императору Александру изъ Стокгольма 7-го декабря 1810 г. его же донесеніе изъ Парижа отъ $^{3}/_{15}$-го февраля 1822 г.

[2]) *Stendingk.* Mémoires posthumes. т. III, стр. 297 и слѣд.

можно, но въ тоже время и стараться, чтобъ императоръ Французовъ смягчилъ свои требованія.

Какую ни придавалъ императоръ Наполеонъ важность сношеніямъ съ Россіей въ это время, однако же при свиданіи съ Чернышевымъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и получивъ письмо императора Александра, прежде всего заговорилъ съ нимъ о состояніи дѣлъ въ Швеціи и о Бернадотѣ Не владѣя теченіемъ своихъ рѣчей, онъ долго и непрерывно говорилъ; но вся его рѣчь состояла изъ многочисленныхъ вопросовъ, на которые онъ однако не давалъ времени отвѣчать Чернышеву. „Наконецъ", доносилъ Чернышевъ императору Александру, *когда императоръ Наполеонъ позволилъ мнѣ говорить*,—„я отвѣчалъ ему, что императоръ Александръ, по возвращеніи его въ Петербургъ и послѣ пяти-шести дней отдыха, намѣренъ былъ послать его въ Стокгольмъ, чтобы своими представленіями поддержать требованія, предъявленныя имъ Швеціи въ отношеніи къ Англіи и тѣмъ представить новое доказательство своей дружбы къ Франціи. Узнавъ потомъ, что настоянія б. Алькье увѣнчались успѣхомъ, онъ все-таки счелъ нужнымъ отправить его въ Парижъ, черезъ Стокгольмъ, съ порученіемъ объяснить шведскому правительству, что виды нашего кабинета совершенно одинаковы съ видами Франціи, и засвидѣтельствовать о совершенномъ согласіи между обѣими имперіями. Судя по тому, что король Шведскій говорилъ Чернышеву, послѣдній выразилъ мнѣніе, что шведское правительство рѣшилось строго соблюдать тѣ обязательства, которыя возлагаетъ на ихъ страну объявленіе войны Великобританіи.

Представивъ затѣмъ письмо Бернадота, Чернышевъ говорилъ, что наслѣдный шведскій принцъ поручилъ ему залвить его скорбь по случаю того ужаснаго положенія, въ какое поставлена Швеція послѣ объявленія этой войны, которой она не имѣетъ никакихъ средствъ поддерживать. Притомъ, не смотря на искреннее желаніе короля и самого наслѣднаго принца чтобы заслужить благосклонность императора Наполеона, они не могутъ исполнить другихъ его требованій въ отношеніи къ колоніальнымъ товарамъ, которые уже ввезены и находятся въ предѣлахъ Швеціи. Конституція страны запрещаетъ имъ наложить на нихъ руку, а прибѣгнуть къ государственному перевороту они опасаются, потому что это погубитъ ихъ самихъ. Не смотря на то, наслѣдный принцъ даетъ положительныя увѣренія, что шведское правительство строго исполнитъ всѣ принятыя имъ обязательства въ отношеніи къ Англичанамъ, не будетъ продолжать съ ними никакихъ сношеній,

прекратить торговлю съ ними и даже вооруженною рукою готово противиться ввозу ихъ товаровъ.

„Я предсказалъ наслѣдному принцу", отвѣчалъ императоръ Наполеонъ,—„въ какое затруднительное положеніе онъ себя поставитъ, и какія произойдутъ послѣдствія, если онъ не уничтожитъ эту конституцію. Не стоило и царствовать, не имѣя возможности дѣйствовать свободно и будучи рабомъ народа безпокойнаго и своевольнаго. Одна уже свобода печати представляется чудовищнымъ явленіемъ и противнымъ королевской власти, особенно у народа тревожнаго и не отдающаго себѣ отчета въ томъ, чего онъ хочетъ. Надѣется ли онъ, когда достигнетъ престола, дѣйствовать лучше, нежели его предшественникъ король?"

Свободныя учрежденія вообще какой бы то ни было страны возбуждали ненависть императора Наполеона, а конституція Швеціи по преимуществу, потому что она препятствовала ея правительству также безусловно исполнять его приказанія въ отношеніи къ торговлѣ съ Англіей и въ распоряженіи своими подданными, какъ исполняла ихъ Данія, которая снабжала его корабли своими матросами и конфисковала англійскіе товары. По этимъ учрежденіямъ Швеціи и былъ обязанъ своимъ избраніемъ маршалъ Бернадотъ и самъ считался ихъ защитникомъ даже во Франціи. По личному убѣжденію, онъ не могъ ихъ уничтожить, да едва ли имѣлъ достаточную для того силу, еслибы даже, въ угоду императора Наполеона, и рѣшился на такой государственный переворотъ. Вопросъ, предложенный Наполеономъ, поставилъ Чернышева, конечно, въ затруднительное положеніе, но онъ долженъ былъ отвѣчать на него.

„Въ продолженіе немногихъ дней, которые я провелъ въ Стокгольмѣ", говорилъ онъ,—„я замѣтилъ однакоже, что наслѣдный принцъ успѣлъ заслужить довѣріе короля и преданность народа, который весьма расположенъ къ нему, какъ мнѣ извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ". Замѣтивъ, что своимъ вліяніемъ ему удалось даже достигнуть того, что въ печати не появляется сочиненій, которыя могли бы оскорблять какое-нибудь изъ европейскихъ государствъ, Чернышевъ поспѣшилъ обратить разговоръ къ другимъ предметамъ.

Баронъ Альбье, не подозрѣвая настоящей цѣли посольства Чернышева въ Швецію и съ полною самоувѣренностію считая русскій кабинетъ совершенно покорнымъ исполнителемъ требованій Наполеона, выразилъ ему откровенно свой взглядъ на дѣйствія наслѣднаго принца и вообще Швеціи и даже поручилъ ему доставить его депешу гр. Шам-

паньи. Чернышевъ подозрѣвалъ, и весьма основательно, что въ этой депешѣ онъ сообщалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ тоже извѣстіе, которое на словахъ передавалъ ему, именно—будто бы наслѣдный принцъ приглашаетъ датское правительство дѣйствовать совокупно съ Швеціей въ пользу торговыхъ сношеній съ Англіей, слѣдовательно, желаетъ отвлечь ее отъ покорности Тюльерійскому кабинету и съ этою цѣлію отправилъ въ Данію особаго агента, полковника Седестрема. Изъ разговоровъ съ наслѣднымъ принцемъ, Чернышевъ замѣтилъ его презрѣніе къ датскому посланнику, котораго онъ считалъ подручникомъ и паушникомъ Алькье, и его недовѣріе вообще къ датскому правительству; поэтому Чернышевъ былъ убѣжденъ, что Бернадотъ не могъ обратиться съ подобнымъ предложеніемъ къ Даніи. Считая такимъ образомъ извѣстіе, сообщаемое французскимъ посланникомъ при шведскомъ дворѣ, однимъ изъ вымысловъ, направленныхъ къ тому, чтобы болѣе и болѣе раздражать императора Наполеона, онъ счелъ долгомъ смягчить то впечатлѣніе, которое оно могло произвести на него. Потому, заявивъ о немъ, какъ о слухѣ, онъ выразилъ сомнѣніе въ его справедливости, такъ какъ замѣтилъ изъ словъ короля и наслѣднаго принца, что вообще между шведскимъ и датскимъ правительствами существуетъ непріязнь и недовѣріе. Полковникъ Седестремъ дѣйствительно находился въ Копенгагенѣ, какъ онъ узналъ, проѣзжая чрезъ этотъ городъ, но съ цѣлію поблагодарить, отъ лица наслѣднаго принца, Датскаго короля за почести, оказанныя его супругѣ, при проѣздѣ ея чрезъ Данію въ Парижъ. Седестремъ испросилъ дозволеніе остаться нѣсколько долѣе въ Копенгагенѣ для свиданія съ родственниками, которыхъ у него тамъ много. „Баронъ Алькье“ продолжалъ Чернышевъ, удостоивалъ меня полной довѣренности въ своихъ разговорахъ. По его мнѣнію, положеніе Швеціи весьма затруднительно и будетъ все болѣе и болѣе ухудшаться. Ея магазины наполнены желѣзомъ, составляющимъ главный предметъ ея торговли, чрезъ семь или восемь мѣсяцевъ у нея совершенно не будетъ соли, которая ей существенно необходима, между прочемъ для соленія рыбы, составляющей пищу большей части ея народонаселенія“. „Дѣйствительно“, отвѣчалъ ему императоръ Наполеонъ,—„положеніе Швеціи весьма печально; но и всѣ другія государства вынуждены переносить значительныя лишенія. Поэтому и Швеціи слѣдуетъ страдать при общемъ страданіи“. Вслѣдъ затѣмъ, къ изумленію Чернышева, Наполеонъ весьма быстро почти шепотомъ и съ видимымъ волненіемъ проговорилъ: „*Если Англичане еще продержатся нѣсколько времени, то я не знаю, что*

изъ этого выйдетъ, и что я буду дѣлать". И потомъ, какъ-бы желая изгладить впечатлѣніе, произведенное невольно вырвавшимися словами, онъ началъ распрашивать Чернышева о подробностяхъ образа жизни наслѣднаго принца, какое носитъ онъ платье, кѣмъ окруженъ, хорошъ ли дворецъ, въ которомъ онъ помѣщается и т. под. [1]).

Невольно вырвавшіяся слова Наполеона обличаютъ, что онъ могъ бы сознавать всю неисполнимость той задачи, которую такъ упорно преслѣдовалъ; но въ его геніальномъ умѣ пробуждалось сознаніе не для того, чтобы просвѣтлять мысль и ограничить волю предѣлами возможнаго, а для того только, чтобы сильнѣе возбудить страсть и вынудить на новыя невозможныя дѣйствія. Чтобы заставить Англію подчиниться своей волѣ, онъ счелъ необходимымъ подчинить себѣ напередъ Россію, въ которой видѣлъ послѣднюю и единственную помѣху для исполненія своихъ замысловъ, единственную преграду его безграничному произволу. Эта одна мысль поглотила всю его дѣятельность, и онъ, не упускавшій ничего изъ виду, упустилъ Швецію, понадѣявшись на то, что во главѣ ея управленія стоялъ Французъ, бывшій его маршалъ, которому онъ считалъ возможнымъ только приказывать и обращаться съ нимъ, какъ съ своимъ рабомъ. Чернышевъ не могъ, конечно, выступать передъ нимъ ходатаемъ за Швецію, а его описаніе бѣдственнаго ея положенія не послужило для императора Наполеона достаточнымъ намекомъ на то, чтобы смягчить свои требованія. Напротивъ, сознавая что для достиженія своихъ видовъ, онъ подвергаетъ страданіямъ всю Европу, онъ считалъ даже справедливымъ, чтобы въ этомъ общемъ страданіи приняла свою долю участія и Швеція. Также мало подѣйствовало на него и письмо наслѣднаго шведскаго принца, которое привезъ ему Чернышевъ. „Хотя Швеція доходитъ до такого бѣдственнаго положенія", писалъ онъ Наполеону,—„что не будетъ имѣть средствъ вести войну, которую объявила, однакожь ея правительство и при такомъ положеніи употребляетъ всевозможныя усилія, чтобы поддержать ее. Но король не имѣетъ власти придать такое широкое дѣйствіе конфискаціямъ, какъ это возможно въ другихъ странахъ. Конституція страны ограждаетъ права личныя и собственность каждаго гражданина, и еслибы король рѣшился принять мѣру противную конституціи, то никто изъ его совѣтниковъ не согласился бы на это, и непосредственнымъ послѣдствіемъ подобной мѣры была бы междоусобная война. Я пользуюсь

[1]) Письмо Чернышева къ императору изъ Парижа 31-го января 1811 г

довѣріемъ народа, но безъ сомнѣнія, потерялъ бы всякую нравственную силу съ того дня, какъ рѣшился бы предложить мѣру, которая нанесла бы ударъ конституціи, хотя бы самый незначительный. Король готовъ сдѣлать все угодное вашему величеству, что̀ не выходитъ изъ предѣловъ его власти; онъ не остановится ни передъ какимъ пожертвованіемъ, чтобы доказать свою преданность Франціи; но я заклинаю васъ, государь, принять въ соображеніе наши средства и почтить насъ довѣріемъ, котораго мы заслуживаемъ за нашу искреннюю и неизмѣнную преданность“ [1]).

„Вы удивитесь“, писалъ Бернадотъ въ то же время къ принцессѣ Полинѣ, сестрѣ императора Наполеона, „когда узнаете, что между тѣмъ какъ всѣ предполагаютъ, будто я мирно пользуюсь тѣмъ блистательнымъ положеніемъ, въ какомъ нахожусь, я самый несчастный человѣкъ. Но вы удивитесь еще болѣе, если я вамъ скажу, что всѣ причины моихъ несчастій проистекаютъ отъ Франціи, моего отечества, которому я служилъ, которое защищалъ съ оружіемъ въ рукахъ тридцать лѣтъ, и которое я оставилъ съ душой, угнетенною грустью и сожалѣніемъ“. Далѣе въ этомъ письмѣ Бернадотъ прямо говорилъ, что Швеція не можетъ вести войну, которую Франція заставила ее объявить, что ея существованіе отдано на жертву Англіи и совершенно зависитъ отъ послѣдней. Бернадотъ надѣялся, что любимая сестра Наполеона можетъ оказать ему пособіе; но она боялась и говорить объ этомъ письмѣ, утративъ все значеніе при дворѣ своего брата, который послѣ женитьбы на австрійской эрцгерцогинѣ, нерасположенной къ ней, счелъ нужнымъ иначе уже смотрѣть на легкое поведеніе принцессы Полины.

Всѣ мольбы Швеціи, выраженныя въ письмахъ наслѣднаго принца, императоръ Наполеонъ оставлялъ безъ отвѣта и крайне грубо обращался съ ея посланникомъ при его дворѣ. Во время пріемовъ дипломатическихъ чиновъ всѣхъ государствъ, онъ не только не говорилъ съ нимъ ни слова, но, какъ-бы не признавая его присутствія, оборачивался къ нему спиной. Его министерство усиленно настаивало на запрещеніи всякихъ торговыхъ сношеній съ Англіей и на строгомъ преслѣдованіи ея товаровъ. Его посланникъ при Стокгольмскомъ дворѣ доводилъ требованія Франціи до послѣдней степени неучтивости. Конечно, личный характеръ барона Альбе имѣлъ влія-

---

[1]) Письма къ императору Наполеону и принцессѣ Полинѣ 21-го декабря 1810 года н. ст.

ніе на его образъ дѣйствій, но тѣмъ не менѣе онъ согласовался и съ тѣми наставленіями, которыя получалъ отъ своего правительства.

Въ началѣ 1811 года болѣзнь Шведскаго короля такъ усилилась, что опасались скорой его смерти, и все управленіе страною перешло въ руки наслѣднаго принца. Въ виду неопредѣленнаго положенія дѣлъ между Россіей и Франціей, опасаясь постоянныхъ преслѣдованій Наполеона, Бернадотъ выразилъ его посланнику мысль, что *нуждается въ его совѣтахъ* и желалъ бы заключить съ нимъ союзъ, полагая возможнымъ обезпечить нейтралитетъ Швеціи при ожидаемой войнѣ. Наполеонъ воспользовался этимъ предложеніемъ, конечно, съ иными видами и поручилъ барону Алькье войдти въ переговоры, но вести ихъ, не приводя ни къ какимъ опредѣленнымъ заключеніямъ, потому что этотъ союзъ онъ желалъ заключить только въ случаѣ *войны съ Россіею*, о которой избѣгалъ говорить въ это время, далеко еще не окончивъ свои приготовленія къ ней и озабоченный плохимъ положеніемъ своихъ дѣлъ въ Испаніи. Но отдаляя заключеніе союза, увлекая неопредѣленными переговорами, Наполеонъ въ то же время настаивалъ на томъ, чтобы наслѣдный принцъ принялъ рѣшительныя мѣры противъ торговли съ Англіей. Не довольствуясь однако же подобными требованіями отъ государей своихъ союзниковъ, онъ самъ распоряжался за нихъ и его каперы, пользуясь правомъ плаванія въ водахъ союзныхъ съ нимъ державъ, ловили не только англійскія суда, нагруженныя товарами, но и принадлежавшія Россіи, Даніи и Швеціи. При захватѣ шведскихъ судовъ французскимъ каперомъ въ Стральзундѣ произошла стычка между шведскими конскриптами и экипажемъ французскаго судна. Это случайное обстоятельство, вызванное разбойническими дѣйствіями французскихъ каперовъ, императоръ Наполеонъ счелъ за оскорбленіе Франціи и предписалъ своему посланнику потребовать удовлетворенія отъ шведскаго правительства, хотя честь Франціи не была оскорблена въ этомъ случаѣ, ибо мѣстныя власти арестовали виновныхъ и нѣсколько времени продержали ихъ въ заключеніи. Это требованіе баронъ Алькье выразилъ въ нотѣ, наполненной дерзкими и оскорбительными выраженіями противъ Швеціи и ея правительства. Шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ просилъ его замѣнить эту ноту другою, отказываясь принять ее и довести до свѣдѣнія короля въ томъ видѣ, какъ она была написана. Вмѣсто того, Алькье ту же самую ноту отправилъ прямо къ наслѣдному принцу, увѣдомивъ, что не войдетъ ни въ какія болѣе сношенія съ барономъ Енгестрёмомъ. Наслѣдный принцъ, съ своей стороны, не желая дово-

дить отношеній съ Франціей до явнаго разрыва, уговаривалъ его точно также измѣнить эту ноту; но встрѣтивъ упорное сопротивленіе со стороны французскаго уполномоченнаго и грубые упреки шведскому правительству, отказался ее принять и разгорячась выразилъ съ своей стороны упреки его образу дѣйствій какъ въ отношеніи къ Швеціи, такъ и лично къ нему [1]).

Французское правительство, которое баронъ Алькье немедленно увѣдомилъ объ этомъ происшествіи, тайно выразивъ неодобреніе своему посланнику, въ отношеніи къ шведскому правительству какъ-бы подтвердило ихъ разрывомъ дипломатическихъ съ нимъ сношеній. Оно перевело Алькье посланникомъ въ Копенгагенъ, никого не назначивъ на его мѣсто къ Стокгольмскому двору.

Въ такихъ непріятныхъ сношеніяхъ съ Франціею прошелъ 1811 г. для Швеціи. Въ началѣ слѣдующаго года, совершились два важныя для нея происшествія. Въ январѣ мѣсяцѣ нашъ посланникъ получилъ депешу [2]) гр. Румянцева, въ которой канцлеръ поручалъ ему сообщить наслѣдному принцу желаніе императора лично познакомиться съ нимъ и выбрать время и мѣсто для ихъ свиданія. Баронъ Николаи представилъ ее въ подлинникѣ наслѣдному принцу, и тотъ прочелъ ее въ слухъ съ большимъ вниманіемъ. „Я не могу описать того выраженья", доносилъ нашъ посланникъ гр. Румянцеву, — „какое приняло лицо наслѣднаго принца во время чтенія, явно обнаруживавшее, что онъ сильно тронутъ тѣмъ вниманіемъ, которое оказывалъ ему нашъ государь. Потомъ его королевское высочество сказалъ мнѣ: „Замѣтьте, прошу васъ, что я глубоко проникнутъ признательностью къ этому новому знаку довѣрія, которое оказываетъ мнѣ императоръ. Я чрезвычайно этимъ обрадованъ и могу присовокупить, что и король, котораго я предупредилъ о сообщеніи, какое вы мнѣ дѣлаете, также весьма доволенъ. По приказанію императора, я готовъ отправиться для свиданія туда и въ то время, какое угодно будетъ ему назначить. Я отдаю себя въ полное его распоряженіе, чего, конечно, не сдѣлалъ бы ни для какого другаго государя. Еслибъ императоръ Наполеонъ пожелалъ имѣть свиданіе со мною, то я назначилъ бы долину, на которую каждый изъ насъ пріѣхалъ бы во главѣ эскадрона; но для свиданія съ императоромъ Александромъ я

[1]) Нота б. Енгестрёма къ гр. Стендингу 19-го февраля н. ст. 1811 г. *Bignon*, Hist. de l'Empire, гл. XXIX.

[2]) Депеша гр. Румянцева 31-го декабря 1811 г.

отправлюсь одинъ туда, куда онъ назначитъ. Я прошу васъ сообщить объ этомъ и графу Румянцеву". Получая постоянныя извѣстія о той поспѣшности, съ которою императоръ Наполеонъ приготовляетъ военныя средства и передвигаетъ свои войска, приближая ихъ болѣе и болѣе къ предѣламъ Россіи, Бернадотъ полагалъ, что военныя дѣйствія начнутся скоро, и потому опасался, что императоръ Александръ долженъ будетъ отправиться къ войскамъ, а это можетъ отсрочить его свиданіе съ нимъ. „Въ такомъ случаѣ", прибавилъ Бернадотъ,— „я буду письменно и постепенно сообщать императору мои мнѣнія. Я желаю славы и счастія императору Александру. Его слава будетъ славою всей Европы, его счастіе будетъ счастіемъ всего человѣчества. Я увѣренъ, что вы весьма скоро встрѣтите непріятеля со всѣми его физическими и моральными силами".

Бернадотъ очень хорошо понималъ, что сила Наполеона заключается не въ однихъ его войскахъ, что имъ предшествуетъ и пособляетъ проповѣдь идей, провозглашенныхъ революціей, которыми Наполеонъ лишь прикрывалъ свой деспотизмъ, но которыя могли увлекать умы, угнетенные средневѣковымъ рабствомъ. „Надо дѣйствовать повсюду на направленіе умовъ", говорилъ шведскій наслѣдный принцъ нашему посланнику;—„мнѣ кажется, что чѣмъ скорѣе императоръ Александръ провозгласитъ себя Польскимъ королемъ, предоставивъ большія выгоды странѣ, тѣмъ это будетъ лучше. Въ Германіи надо распустить слухъ о громадномъ количествѣ русскихъ войскъ, преувеличивая даже ихъ число, и о томъ, что имъ идутъ на помощь 60 тысячъ Шведовъ и будутъ дѣйствовать въ тылъ французской арміи. Надо привлечь къ себѣ Австрію и особенно увлечь эрцгерцога Карла, указавъ ему въ будущемъ на корону баварскую или италіанскую. Мнѣ весьма непріятно, что вашъ миръ съ Турками до сихъ годъ не заключенъ. Я дѣйствую въ Константинополѣ; но для васъ настало теперь время нанести сильный ударъ съ этой стороны; забудьте о Персіи, сосредоточьте ваши силы, нападите на Турокъ, и разбивъ ихъ, предложите имъ миръ на возможно выгодныхъ для нихъ условіяхъ и никакъ не увеличивайте вашихъ требованій. Необходимо образовать большую силу въ защиту блага человѣчества. Самая тѣсная связь между Россіей и Швеціей уже не можетъ подлежать сомнѣнію; настало время, когда она должна быть заявлена передъ цѣлымъ міромъ; но къ этому союзу слѣдуетъ привлечь Турцію, Австрію, Пруссію, Англію и Испанію. Надо распространить въ этой странѣ мысль, что императоръ Александръ сочувствуетъ дѣлу испанскаго народа, поощрить юнту, и это окажетъ великое вліяніе на

весь народъ. Я люблю короля Іосифа, но и умѣю отдѣлить это чувство отъ того, которое я питаю къ человѣчеству. Я особенно прошу васъ обратить вниманіе на это и заявить, что не только желаю, но и прошу его величество не давать большаго генеральнаго сраженія, но маневрировать, отступать, затягивать войну на долго; таковъ долженъ быть способъ дѣйствій противъ Французовъ. Если война продолжится два года, то я обѣщаю, что они будутъ побѣждены. Генералы будутъ сражаться храбро—въ этомъ и сомнѣнія быть не можетъ; но многіе изъ нихъ при продолжительной кампаніи перейдутъ на нашу сторону. Лучше постоянно отступайте, но не рѣшайтесь на сраженіе, и если Французы подойдутъ даже къ воротамъ Петербурга, тогда я съ большею увѣренностію скажу, что они пропали, нежели даже когда ваши войска достигли бы береговъ Рейна".

Такимъ образомъ планъ дѣйствій, который совѣтовалъ принять Бернадотъ, совпадалъ въ общихъ чертахъ съ тѣмъ, на которомъ останавливалось и наше правительство—не вступать въ рѣшительныя сраженія, заманивать непріятеля въ глубь страны, истощать его силы переходами и дѣйствіями отдѣльныхъ отрядовъ, а между тѣмъ дѣйствовать въ его фланги и тылъ, стараясь отрѣзать его сообщен-я. Но Бернадотъ не зналъ боевыхъ силъ ни Россіи, ни Франціи. „Я предполагаю", говорилъ онъ нашему посланнику, что—„войска Наполеона будутъ состоять изъ 250 тысячъ; но будьте увѣрены, что съ вами будутъ сражаться только 150 тысячъ; остальныя ему необходимо оставить въ своемъ тылу. Я особенно совѣтую вамъ дѣйствовать казаками, доводите ихъ число до 12,000, если это возможно. Это войско составляетъ большое преимущество вашей арміи передъ французскою, у которой нѣтъ ничего подобнаго. Пусть главною цѣлію казаковъ будетъ—проникнуть въ непріятельскую главную квартиру и даже захватить самого Наполеона. Вообще, пусть они стараются разрушить все въ тылу непріятельской арміи. Французскій солдатъ деретея хорошо, но если онъ узнаетъ, что у него отнимаютъ солому и лѣкарство, онъ падетъ духомъ; не берите плѣнныхъ, кромѣ офицеровъ. Но мы должны дѣйствовать политикою еще болѣе, нежели войсками, и когда войска сдѣлаютъ одинъ шагъ, политика должна сдѣлать три" [1]).

Второе произшествіе, вынуждавшее, съ одной стороны, Швецію приступить окончательно къ союзу съ Россіей, а съ другой—и Россію принять болѣе дѣятельныя мѣры для заключенія этого союза, было

---

[1]) Депеша б. Николаи 29-го января (10-го февраля) 1812 г.

именно занятіе французскими войсками Шведской Помераніи, о которомъ наслѣдный принцъ заявилъ нашему посланнику. „Теперь мы свободны отъ всѣхъ обязательствъ въ отношеніи къ Франціи", сказалъ б. Енгельштремъ нашему посланнику. Узнавъ объ этомъ, канцлеръ имперіи, по повелѣнію императора, писалъ къ б. Николаи [1]), „что такое явное насиліе и *во всякое время* было бы непріятно его величеству, но въ *настоящее* оно оскорбляетъ его особенно, а потому императоръ, не колеблясь, поручаетъ вамъ объявить наслѣдному принцу свое соболѣзнованіе и выразить по случаю этого важнаго для Швеціи обстоятельства не безплодныя лишь увѣренія въ дружбѣ, но то убѣжденіе, что императоръ рѣшился не отдѣлять своихъ выгодъ отъ выгодъ Швеціи, и что никакое предложеніе Наполеона, какъ бы оно ни было благопріятно для Россіи, не заставитъ его измѣнить этому убѣжденію" [2]). Но въ то же самое время, какъ была отправлена депеша, шведское правительство рѣшилось отправить особаго посланника въ Петербургъ именно для заключенія союза съ нами. Это порученіе возложено на адъютанта короля гр. Лёвенгельма, котораго Бернадотъ снабдилъ слѣдующимъ письмомъ къ императору [3]). „Занятіе Шведской Помераніи французскими войсками вынуждаетъ короля отправить къ вашему величеству довѣренное лицо, которое объяснитъ причины этого вторженія, совершенно противнаго всѣмъ договорамъ. Берега Средиземнаго моря, Голландія и Балтика, постепенно забираемыя подъ власть Франціи, а также Германія, стѣсненная внутри, показываютъ самымъ недальновиднымъ государямъ, что всѣ правила политики устранены, и ихъ мѣсто заступила система, разрушающая всякое равновѣсіе, соединяя множество народовъ подъ властію одного. Подвластные государи, испуганные этимъ постоянно возростающимъ владычествомъ, съ ужасомъ ожидаютъ дальнѣйшаго развитія этой системы. Во время этой всеобщей скорби взоры всѣхъ обращаются на ваше величество; всѣ смотрятъ на васъ, государь, съ вѣрою и упованіемъ. Но позвольте замѣтить вашему величеству, что во всякомъ успѣхѣ въ жизни, ничто не можетъ сравниться съ обаяніемъ перваго момента; пока продолжается сила этого обаянія, все покоряется тому, кто первый возьмется за дѣло; умы, пораженные удивленіемъ, не способны раз-

---

[1]) Депеша б. Николаи 21-го января (2-го февраля) 1812 г. изъ Стокгольма.

[2]) Депеша гр. Румянцева, 25-го января 1812 г.

[3]) Депеша б. Николаи 26-го января (7-го февраля) 1812 г.

суждать, и все преклоняется передъ волею и силою обаянія, которыхъ боятся, или которыя ихъ привлекаютъ“ [1]).

Послѣднія строки этого письма показываютъ, что Бернадотъ вызывался даже начать военныя дѣйствія противъ Франціи, что́ дѣйствительно входило въ его соображенія. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого письма, встрѣтивъ нашего посланника на балѣ у Браге (Brahe), наслѣдный принцъ сказалъ ему: „Взоры всей Европы, всего человѣчества устремлены на императора Александра. Отъ сохраненія Россіи зависитъ будущая участь всѣхъ насъ. Для защиты нашего дѣла, я готовъ пролить кровь до послѣдней капли. Но“, прибавилъ онъ,—„необходима настойчивость: эта война только тогда можетъ быть успѣшна, когда долго продлится, по крайней мѣрѣ два года“ [2]).

Такимъ образомъ, оба двора, въ одно и то же время, приступили къ осуществленію одной и той же мысли, то есть, къ заключенію оборонительнаго и наступательнаго союза между собою, къ которому намѣревались привлечь Англію и такимъ образомъ превратить его въ общій союзъ сѣверныхъ державъ. Безъ сомнѣнія, гр. Левенгельмъ былъ принятъ съ полною благосклонностію императоромъ Александромъ, и немедленно, по обоюдному согласію, были утверждены предварительныя условія союзнаго договора. Эти условія заключались въ томъ, что обѣ державы обезпечивали взаимно цѣлость своихъ владѣній. Такое условіе имѣло важное значеніе для Россіи, только что присоединившей къ имперіи Шведскую Финляндію и Аландскіе острова, потому что окончательно отклоняло всякую мысль со стороны Швеціи о ихъ возвращеніи. Но въ замѣнъ этого условія, важнаго для Россіи, она допустила другое, выгодное для Швеціи: Русскій императоръ обѣщался оказать содѣйствіе въ присоединеніи Норвегіи къ Швеціи, вслѣдствіе ли мирныхъ соглашеній съ Даніей, вознаградивъ послѣднюю другими областями въ Германіи, или силою оружія. Но обѣщаясь помогать Швеціи въ пріобрѣтеніи Норвегіи, Россія выговорила и помощь съ ея стороны противъ общаго врага. Швеція обязывалась образовать корпусъ войскъ изъ 25 или 30 тысячъ человѣкъ, къ которому Россія присоединяла своихъ отъ 15 до 20 тысячъ. Этотъ союзный корпусъ подъ начальствомъ Бернадота, въ случаѣ нужды долженъ былъ дѣйствовать противъ Норвегіи, а потомъ высадиться на берега Германіи для дѣй-

[1]) Письмо Бернадота 6-го февраля н. ст. 1812 г. изъ Стокгольма.

[2]) Депеша Николаи 29-го января (10-го февраля) 1812 г. изъ Стокгольма.

ствія во флангъ Французамъ. Къ этому союзу обѣ державы положили привлечь и Англію [1]).

Но прежде, нежели эти условія были облечены въ форму предварительнаго договора, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній гр. Левенгельма съ канцлеромъ гр. Румянцевымъ, императоръ Александръ отправилъ въ Стокгольмъ генерала Сухтелена въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго, поручивъ ему наиболѣе важныя извѣстія сообщать непосредственно и помимо министерства иностранныхъ дѣлъ наслѣдному принцу. Генералу Сухтелену поручено было доставить ему слѣдующее письмо императора: „Спѣшу отправить въ Стокгольмъ генерала Сухтелена, чтобы докончить такъ хорошо начатое дѣло тѣснаго союза сѣверныхъ государствъ. Только этотъ союзъ можетъ служить противодѣйствіемъ постоянно возростающему могуществу Франціи, опирающейся на зависимыя отъ нея государства. Швеція и Россія подаютъ примѣръ, и можно надѣяться, что ему послѣдуютъ и другія государства. Высокія дарованія вашего королевскаго высочества принесутъ существенную пользу этому великому дѣлу. Вамъ предстоитъ играть великую роль, идя по стопамъ Густава-Адольфа, и довершить то, что онъ могъ только начать. Но къ этимъ политическимъ видамъ присоединяются другіе, гораздо болѣе существенные, по моему мнѣнію. Они состоятъ въ томъ, чтобы возродить снова либеральныя идеи въ Европѣ, предохранить ее отъ того варварства, къ которому она приближается такими быстрыми шагами, и обратить ея вниманіе къ заботамъ о счастіи бѣднаго человѣчества, угнетаемаго такимъ жестокимъ образомъ и въ продолженіе стольнихъ лѣтъ. Что касается до меня, то я готовъ содѣйствовать великимъ видамъ вашего величества, и вы постоянно будете находить во мнѣ друга и соревнователя, а не соперника, ревниваго къ славѣ. Мнѣ кажется, что содѣйствовать ей—уже достаточно хорошее призваніе. Его-то я желаю исполнить. Необходимо, чтобы полнѣйшая довѣренность сопутствовала всѣмъ нашимъ дѣйствіямъ, только она одна можетъ обезпечить намъ успѣхъ. Я, съ своей стороны, обѣщаю вамъ, что никакимъ тайнымъ видамъ, никакой задней мысли я не позволю занять мой умъ ни на одно мгновеніе и требую взаимности въ этомъ отношеніи. Я позволю себѣ сказать, что по нашимъ взаимнымъ чувствамъ мы созданы для того, чтобы во всемъ быть согласными, и къ счастію, выгоды нашихъ государствъ такъ сложились, что обязываютъ насъ

[1]) Предварительный союзный трактатъ, подписанный 24-го марта (5-го апр.) ля) въ Петербургѣ гр. Румянцевымъ и гр. Левенгельмомъ.

къ согласнымъ дѣйствіямъ. Божественное Провидѣніе да увѣнчаетъ успѣхомъ предпріятіе, котораго цѣлію служитъ счастіе людей и странъ, Имъ населенныхъ; а ваше высочество я усердно прошу содѣйствовать мнѣ вашими совѣтами и познаніями“ [1]).

Нельзя не остановить пристальнаго вниманія на этомъ письмѣ императора, послужившемъ поводомъ къ постоянной перепискѣ съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ, продолжавшейся во все время Отечественной войны. Оно проникнуто такою искренностію, такимъ довѣріемъ, что невольно возбуждается вопросъ: какимъ образомъ, Французъ, бывшій маршалъ Наполеона, соединенный даже узами родства съ его семействомъ, сражавшійся еще недавно подъ его начальствомъ противъ Россіи и случайно введенный въ сонмъ государей, могъ внушить къ себѣ не только такое довѣріе со стороны Русскаго императора, но и личное расположеніе?

Конечно, политическія соображенія требовали употребить всѣ старанія, чтобы Швеція не соединилась съ Французами противъ насъ, но или оставалась нейтральною, или—что еще важнѣе вступила бы въ союзъ съ нами. Но политическія соображенія не могутъ создать личныхъ чувствъ къ человѣку, хотя-бъ и нужному по обстоятельствамъ времени. Императоръ не измѣнялъ своихъ личныхъ чувствъ въ отношеніи ко многимъ лицамъ, услугами которыхъ именно въ это время онъ считалъ себя вынужденнымъ обстоятельствами воспользоваться, или удалить отъ общественной дѣятельности тѣхъ, къ которымъ питалъ личное расположеніе, которое сохранилъ и впослѣдствіи. Весь образъ дѣйствій маршала Бернадота съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ на шведскую почву, въ отношеніи къ Россіи дѣйствительно могъ внушать довѣріе къ его политическимъ воззрѣніямъ. Даже его враги, легитимисты и поклонники Бурбоновъ, недовѣрчиво и презрительно относившіеся къ нему, измѣнили въ это время свой взглядъ. „Ваше величество съ удивленіемъ замѣтите невѣроятную странность совершающихся событій“, писалъ въ это время Сардинскому королю гр. Местръ;—„законный государь теряетъ престолъ, потому что противъ всѣхъ правилъ благоразумія желаетъ продолжать войну противъ Франціи, а его преемникъ—и какой преемникъ—самъ объявляетъ ей войну. Но за него—Россія, а Швеція составляетъ островъ, если Россія за нее. Если человѣкъ, призванный такимъ непостижимымъ образомъ на престолъ Швеціи, явится на континентѣ, чтобы драться про-

[1]) Письмо изъ Петербурга 26-го февраля 1812 г.

тивъ бывшаго своего государя, то Наполеонъ встрѣтитъ въ немъ самаго большаго и опаснаго врага. Я не знаю, государь, что̀ сдѣлаетъ этотъ человѣкъ, но я хорошо знаю, что онъ имѣетъ все, чтобы сдѣлать многое, потому что нужно же обладать значительными достоинствами, чтобы подчинить себѣ общественное мнѣніе, какъ онъ сдѣлалъ въ Швеціи. Если онъ сдѣлаетъ проломъ какъ солдатъ, то многіе государи могутъ пройдти въ него, какъ въ рукахъ швеи желѣзная игла заставляетъ проходить золотую нитку, которая и остается на своемъ мѣстѣ, тогда какъ ломкое орудіе становится уже не нужнымъ. Я желаю, чтобы сравненіе до конца осталось вѣрнымъ, потому что не должно и невѣроятно, чтобы онъ сдѣлался основателемъ династіи“ [1]). Но не таковъ былъ взглядъ (не оправданный потомъ событіями), который имѣлъ императоръ Александръ на личность наслѣднаго принца шведскаго. Онъ не смотрѣлъ на него какъ на орудіе, очень полезное въ данное время, но которое впослѣдствіи можно бросить по непадобности; онъ выражалъ чувства искренней дружбы къ Бернадоту. На чемъ же она могла быть основана, что̀ было общаго между ними? Императоръ самъ отчасти объясняетъ это. Маршалъ Бернадотъ слылъ защитникомъ такъ называвшихся въ то время либеральныхъ идей и потому—врагомъ Наполеоновскаго деспотизма. Сверхъ того, въ глазахъ императора имѣла важное значеніе боевая опытность Бернадота, какъ бывшаго маршала Наполеона и потому близко знакомаго съ его военными соображеніями и распоряженіями. Потому, возвышая его дарованія въ этомъ отношеніи, Александръ проситъ у него совѣтовъ и указаній и такимъ образомъ вызываетъ уже на дальнѣйшую переписку.

Г. Сухтеленъ отправился изъ Петербурга въ концѣ февраля, а 8-го марта уже прибылъ въ Стокгольмъ, совершивъ трудный переѣздъ по льду Ботническаго залива. Баронъ Енгенштрёмъ немедленно увѣдомилъ короля и наслѣднаго принца о его пріѣздѣ и просилъ его въ тотъ же день повидаться съ нимъ, или же на другой день, если онъ „чувствуетъ необходимость отдохнуть послѣ столь труднаго путешествія“ [2]).

---

[1]) Къ письму 24-го февраля приписка 25-го февраля 1812 г. Correspondance diplomatique de J. de Mestre, т. I, стр. 52 и 53.

[2]) Депеша Б. Николаи къ гр. Румянцеву 8-го марта 1812 года. Гр. Местръ Correspondance diplomatique, т. I, стр. 78: «Le vieux général s'est conduit en jeune homme, arrivé aux îles d'Aland, il a trouvé que la glace commençait à céder; il a donc mis un bateau sur deux patins, il s'est mis dedans avec son aide-de-camp et

Жребій Швеціи былъ брошенъ, она отдавалась въ руки Россіи, и потому пріѣздъ Сухтелена естественно возбудилъ нетерпѣливое любопытство въ особенности наслѣднаго принца. Онъ зналъ уже, какъ былъ принятъ въ Петербургѣ баронъ Левенгельмъ, и благодаря за этотъ пріемъ, говорилъ нашему посланнику: „Увѣрьте императора, что какія бы ни послѣдовали обстоятельства. счастливыя или несчастныя, въ какихъ будетъ находиться его величество. я и Швеція останутся ему вѣрными союзниками. Смѣю думать, что съ тѣхъ поръ, какъ Наполеонъ возвысился до званія перваго консула, всѣ уже видѣли, что я не принадлежу къ числу обыкновенныхъ людей. Съ того мгновенія, какъ я сталъ ногою на шведскую почву, я уже предалъ совершенному забвенію всѣ мои прежнія чувства и заботился только о благѣ моего новаго отечества. Я убѣжденъ, что Швеція на будущее время должна крѣпко держаться союза съ Россіей, котораго узы еще болѣе скрѣпляются для меня моими личными чувствами къ вашему императору. Я много разъ уже говорилъ вамъ въ этомъ смыслѣ и снова повторяю вамъ то же для того, чтобы замѣтить, что при нашемъ союзѣ не должно быть мѣста для сомнѣній и подозрѣній. Напишите вашему кабинету отъ моего имени, что только слабость и происки нашихъ непріятелей могутъ возбуждать сомнѣнія о твердости нашего союза и, что, будучи увѣренъ въ самомъ себѣ и въ чувствахъ императора Александра, я не измѣню моего образа дѣйствій“ [2]).

Главная цѣль посольства Сухтелена въ Швецію заключалась, конечно, не въ томъ, чтобы передать наслѣдному принцу на словахъ главныя условія союза, заключаемаго Россіей съ Швеціей, такъ какъ эти условія были ему извѣстны изъ сообщеній б. Левенгельма; цѣль посольства была иная. Съ одной стороны, при содѣйствіи шведскаго правительства ему поручалось привлечь къ этому союзу Англію, дипломатическій агентъ которой, серъ Тортонъ, тайно находился уже въ Швеціи, а съ другой - уговориться съ наслѣднымъ принцемъ о составѣ и переправѣ въ Швецію русскаго вспомогательнаго корпуса, который долженъ былъ поступить подъ его начальство. и вмѣстѣ съ шведскими войсками, дѣйствовать во флангъ Наполеону. Ему также

---

son portefeuille et il s'est lancé dans ce bel équipage, flottant ou glissant, suivant l'occasion; il est arrivé heureusement».

[1]) Письмо б. Енгенштрема къ Сухтелену $\frac{8}{20}$-го марта.

[2]) Депеша Наполеона къ гр. Румянцеву 29-го февраля (2-го марта) 1812 г.

поручалось сообщать императору военныя соображенія наслѣднаго принца, которымъ онъ придавалъ особенное значеніе. Сухтеленъ, какъ военный генералъ, весьма образованный, могъ, по мнѣнію императора, успѣшно исполнить это порученіе, и потому Александръ поручалъ ему писать объ этомъ, непосредственно на свое имя.

По пріѣздѣ въ Стокгольмъ, генералъ Сухтеленъ почти ежедневно видался съ наслѣднымъ принцемъ, при чемъ постоянно заходила рѣчь о томъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать противъ Наполеона, тѣмъ болѣе что Сухтеленъ самъ вызывалъ на это Бернадота. Всѣ его соображенія онъ сообщалъ подробно въ письмахъ къ императору.

Бернадотъ не придавалъ безусловнаго значенія напередъ составленнымъ планамъ военныхъ дѣйствій. Многіе изъ нихъ, по его мнѣнію, оказывались неудачными при самомъ началѣ кампаніи, потому что непріятели, понявъ планъ своего противника, предупреждали своими дѣйствіями его исполненіе. Но если даже и удалось бы начать приводить такой планъ въ исполненіе, то при дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ онъ могъ бы быть исполненъ лишь отчасти, въ большей или меньшей степени, смотря по тому, какъ будетъ дѣйствовать противникъ. Но для всякой войны есть однакоже независимыя отъ обстоятельствъ общія правила, основанныя на соображеніяхъ о мѣстности, характерѣ непріятеля, свойствахъ самихъ войнъ и средствахъ той и другой изъ воюющихъ сторонъ. Въ томъ положеніи, въ которомъ тогда находилась Россія въ отношеніи къ Франціи, ей всего выгоднѣе было, по мнѣнію Бернадота, затягивать войну на продолжительное время, потому что для нее это было возможно, а для Наполеона рѣшительно невозможно. Россіи не слѣдовало разчитывать на случайность, и потому необходимо было избѣгать большихъ сраженій; гораздо лучше было по возможности превратить войну въ рядъ мелкихъ стычекъ (à guerre de postes). Поэтому на операціонныхъ линіяхъ для большихъ армій Бернадотъ совѣтовалъ избирать позиціи, крѣпкія по природѣ, и укрѣплять ихъ еще болѣе и не въ дальнемъ отъ нихъ разстояніи содержать значительные резервы; остальными же частями арміи дѣйствовать на фланги непріятеля, чтобы такимъ образомъ заставить его отдѣлить отряды отъ главныхъ силъ, изнурять его переходами, заставлять ходить взадъ и впередъ, что всего непріятнѣе для французскаго солдата, и въ чемъ можно взять перевѣсъ надъ нимъ. Всего болѣе важнымъ условіемъ Бернадотъ считалъ — имѣть какъ можно было болѣе казаковъ, и притомъ повсюду, но не сосредоточивать ихъ при главной арміи, гдѣ

они были бы менѣе полезны, нежели при отдѣльныхъ отрядахъ, а давать имъ дѣйствовать въ разныхъ направленіяхъ въ тылу у непріятеля, отнимая у него все, что возможно: транспорты, продовольствіе. Бернадотъ предполагалъ, что русскія войска не перейдутъ Вислу, что главное поприще войны будетъ между Вислой и Нѣманомъ, и что Гродно сдѣлается средоточіемъ дѣйствій. Онъ не совѣтовалъ выдвигать нашъ центръ слишкомъ далеко впередъ, но скорѣе нашъ лѣвый флангъ, если только насъ не предупредитъ въ этомъ случаѣ непріятель. По его мнѣнію, мы могли бы войдти въ восточную Пруссію, также, какъ Наполеонъ вошелъ въ Шведскую Померанію безъ объявленія войны, извѣстивъ, что входимъ какъ друзья короля, для сохраненія ему этой области. Этимъ способомъ, быть можетъ, еще возможно было бы привлечь къ себѣ прусскія войска. Онъ совѣтовалъ занять Кенигсбергъ, и если возможно—Грауденецъ, но прежде всего Пиллау и блокировать Данцигъ, лишь только море откроется. Содержа флотилію у Пиллау, мы сохранимъ наше сообщеніе съ флотомъ, будемъ господствовать въ гафахъ и угрожать всему прибрежью. Пиллау Бернадотъ считалъ самымъ важнымъ мѣстомъ, гдѣ съ 15 тысячъ войска, или болѣе, смотря по обстоятельствамъ, мы въ состояніи будемъ держать на сторожѣ весь лѣвый флангъ непріятеля. Для того, чтобы содержать тамъ такое количество войскъ, необходимо устроить два укрѣпленные лагеря, одинъ—близъ города, другой—нѣсколько впереди, при началѣ перешейка (isthme). Къ этому надо присоединить незначительное укрѣпленіе у Лохштадта, если только позволитъ мѣстность. Дѣйствуя такимъ образомъ, мы можемъ сильно угрожать лѣвому флангу непріятеля, заставить его отвлечь туда значительную часть силъ и содержать большой гарнизонъ въ Данцигѣ. Если же онъ захотѣлъ бы усиленно дѣйствовать на этомъ флангѣ, тогда только нашъ центръ могъ бы двинуться впередъ, угрожая флангу, который непріятель вынужденъ былъ бы намъ открыть. Съ нашего крайняго лѣваго фланга преимущественно должны быть направлены значительные отряды казаковъ и азіатскихъ наѣздниковъ. Какъ бы ни было значительно ихъ число, надо стараться его увеличить еще болѣе.

„При незначительномъ даже успѣхѣ“, говорилъ Бернадотъ,—„будь это хотя удачное авангардное дѣло, необходимо распустить воззванія, которыя подѣйствовали бы на общественное мнѣніе. Для ихъ содержанія можно найдти много предметовъ, напримѣръ, хотя все то, что намѣрены сдѣлать для Польши, уничтоженіе Рейнскаго союза, возстановленіе Германскаго и т. под. Однимъ словомъ, наиболѣе

необходимо дѣйствовать на умы, а наименѣе драться, то-есть, вести правильную войну. Въ случаѣ неудачи, нужно постоянство. Если бы пришлось отступить за Двину и, даже до Невы, нужно только постоянно преслѣдовать свою цѣль и она будетъ достигнута: Наполеонъ также кончитъ борьбу съ Александромъ, какъ Карлъ XII съ Петромъ I. Предположимъ", говорилъ Бернадотъ, все болѣе и болѣе одушевляясь, — „предположимъ самое величайшее несчастіе, какое только можетъ быть, — Петербургъ въ опасности! Что мнѣ помѣшало бы летѣть къ нему на помощь, посадить всѣ войска на суда и сдѣлать высадку въ тылу Французовъ или идти въ Финляндію". Бернадотъ постоянно увѣрялъ нашего посланника, что ему извѣстно изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что Наполеонъ находится уже въ крайне затруднительномъ положеніи, всѣ средства его истощены, онъ не можетъ вести войну въ продолженіе двухъ лѣтъ, у него не будетъ ни денегъ, ни людей, ни лошадей, и въ это время тѣмъ далѣе онъ углубится въ Россію, тѣмъ будетъ для него хуже. „Конечно не желательно", заключалъ Бернадотъ, — „чтобы дѣла получили такой оборотъ, потому что сильно пострадаютъ области, которыя будутъ заняты, и особенно Литва", и потому онъ выражалъ желаніе, чтобы въ Гродно были сооружены укрѣпленія, хотя бы тетъ-де-понъ, и разширены укрѣпленія Риги.

Предлагая такой образъ дѣйствій для главныхъ русскихъ силъ, наслѣдный принцъ полагалъ въ то же время необходимымъ содѣйствовать имъ съ обоихъ флотовъ, чтобы заставить непріятеля раздѣлить свои силы и угрожать его сообщеніямъ. Для этой цѣли Бернадотъ предполагалъ сдѣлать, съ одной стороны, вылазку на берега Европы, въ тылъ французскимъ войскамъ, шведскихъ и русскихъ войскъ подъ его начальствомъ, а съ другой — привлечь къ союзу Турокъ, и соединивъ ихъ войска съ дунайскою нашею арміей дѣйствовать въ Далмаціи и Италіи. Съ помощію нашихъ флотовъ, говорилъ онъ Сухтелену, — мы можемъ высадиться на островъ Фіонію, потомъ въ Шлезвигъ, и владѣя обоими морями, подвигаться впередъ къ Ганзеатическимъ городамъ, чтобы занять положеніе, угрожающее лѣвому флангу французскихъ войскъ, можетъ быть — около Ганновера или въ странѣ, жители которой наиболѣе выкажутъ намъ расположенія. Это движеніе вынудитъ Наполеона отдѣлить значительные отряды отъ своей большой арміи и такимъ образомъ окажетъ важное пособіе главнымъ русскимъ силамъ. Еслибъ ему противопоставили такое значительное количество силъ, что онъ былъ бы принужденъ отсту-

пать, то и въ такомъ случаѣ цѣль диверсіи была бы достигнута. Онъ полагалъ отступать на Ютландскій полуостровъ, представляющій весьма много хорошихъ воѣнныхъ позицій, которыя тѣмъ удобнѣе было бы защищать, что съ помощію флотовъ, онъ не могъ бы опасаться за свои фланги, между тѣмъ какъ непріятель чѣмъ болѣе подавался бы впередъ, тѣмъ болѣе по той же самой причинѣ подвергалъ бы опасности свои фланги. Непріятель никогда не могъ бы ни принудить, ни помѣшать наслѣдному принцу сѣсть на суда, чтобы сдѣлать высадку гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ Послѣ потери Шведской Померанін и острова Ригена съ тою частью, которая отошла къ Пруссіи, Бернадотъ считалъ этотъ планъ дѣйствій удобнѣе высадки въ Шведскую или Прусскую Померанію, которая могла бы окончиться неблагополучно, еслибы непріятель противопоставилъ ему количество силъ несоразмѣрно значительнѣе его отряда: тутъ сообщенія наслѣднаго принца съ флотомъ могли быть перерѣзаны, потому что по неудобству береговъ флотъ не всюду могъ бы подходить къ нимъ.

Къ войскамъ шведскимъ предполагалось присоединить русскій отрядъ изъ 24 баталіоновъ, четырехъ ротъ артиллеріи и одного казачьяго полка. Бернадотъ очень былъ доволенъ, что въ русскомъ отрядѣ, назначаемомъ подъ его начальство, будутъ находиться казаки, которыхъ значеніе во время войны онъ высоко цѣнилъ Но узнавъ, что казачій полкъ состоитъ не болѣе какъ изъ 500 человѣкъ, онъ поручилъ Сухтелену просить государя назначить еще одинъ полкъ, а Сухтеленъ, который также долженъ былъ находиться при этомъ отрядѣ, просилъ, съ своей стороны, прибавить роту піонеровъ.

Выражая свои предположенія о диверсіи совокупныхъ шведскихъ и русскихъ силъ, наслѣдный принцъ не выдавалъ ихъ за окончательныя, но только за общія мысли, которыя могутъ измѣняться сообразно съ обстоятельствами. Конечно, чтобы подобная диверсія могла имѣть успѣхъ, нужно было прежде всего войдти въ мирныя соглашенія съ Англіею. „Въ какомъ находятся положеніи ваши сношенія съ Англіей?“ спросилъ онъ при этомъ случаѣ генерала Сухтелена. Конечно, онъ подразумѣвалъ тайныя сношенія, потому что Россія, находясь въ союзѣ съ Франціей и въ войнѣ съ Англіей, не могла явно имѣть никакихъ мирныхъ сношеній съ послѣднею. По этому предмету Сухтеленъ не могъ сообщить ему никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. „Какъ отнесется императоръ, если я вмѣшаюсь въ это дѣло?“ спросилъ его Бернадотъ. „Мнѣ кажется“, отвѣчалъ Сухтеленъ,—„все, что можетъ способствовать нашему дѣлу, было бы весьма желательно. Во вся-

комъ случаѣ все, что ваше высочество сдѣлаете отъ своего лица, мы можемъ этого и не знать, и слѣдовательно, императоръ не можетъ быть поставленъ въ затруднительное положеніе". „Въ такомъ случаѣ положитесь уже на меня", замѣтилъ Бернадотъ.

„Воспользовавшись этимъ разговоромъ", писалъ Сухтеленъ императору,—„я сказалъ наслѣдному принцу, что ваше величество поручили мнѣ особенно благодарить его и короля за полномочіе, данное гр. Левенгельму, отправить отъ себя нарочнаго въ Константинополь. Принцъ мнѣ сказалъ, что онъ только того и хочетъ, чтобы предупреждать ваши желанія, и что если вы одобрите, то онъ намѣренъ отправить туда генерала Таваста съ особеннымъ порученіемъ открыть глаза Туркамъ и объяснить, чего они могутъ ожидать отъ Наполеона. Ему положительно извѣстно, что императоръ Французовъ не только никогда не отказывался отъ прежнихъ своихъ замысловъ въ отношеніи Египта, но напротивъ того, болѣе ими занятъ съ тѣхъ поръ, какъ Франція потеряла всѣ свои колоніи. Въ настоящее время однимъ камнемъ онъ замышляетъ сдѣлать два удара: подъ видомъ помощи Туркамъ со стороны Далмаціи, что во всякомъ случаѣ составляетъ диверсію противъ васъ, онъ проведетъ войска въ Морею и овладѣетъ ею. Оттуда, захвативъ суда и хорошихъ матросовъ, онъ сдѣлаетъ экспедицію въ Египетъ. Наслѣдный принцъ хочетъ указать на это Туркамъ и объяснить имъ, что они не только должны заключить миръ съ нами, но и союзъ. Принцъ желаетъ только знать, одобрите ли вы его намѣреніе".

Выслушавъ это предложеніе, нашъ посланникъ заявилъ, что, безъ сомнѣнія, императоръ его одобритъ, и что онъ не считаетъ даже нужнымъ испрашивать на это особыхъ приказаній и только донесетъ о томъ императору.

Въ первые дни послѣ пріѣзда Сухтелена въ Стокгольмъ, Бернадотъ неожиданно получилъ странную депешу изъ Парижа безъ подписи, съ предложеніями отъ лица Наполеона вступить въ союзъ съ Франціей. Эта депеша была прислана съ нарочнымъ французскаго министерства, но отъ супруги наслѣднаго принца, находившейся въ это время въ Парижѣ, и была написана рукою герцога Бассано. „Наслѣдный принцъ $^{13}/_{25}$-го марта получилъ", увѣдомлялъ Сухтеленъ наше правительство.—„отъ императора Наполеона официальную ноту, хотя безъ подписи, но написанную извѣстною рукою, слѣдовательно, имѣющую всѣ признаки подлинности. Въ этой нотѣ, вслѣдъ за льстивымъ предисловіемъ и похвалами лично наслѣдному принцу, ему предла-

гается объявить намъ войну въ то время, какъ сдѣлается извѣстнымъ, что императоръ Французовъ началъ войну съ нами, и напасть на Финляндію. За это Наполеонъ обѣщаетъ Швеціи не заключать мира съ Россіей, пока она не обяжется возвратить Швеціи Финляндію. Сверхъ того, онъ обѣщаетъ Швеціи часть Норвегіи, ежемѣсячно по полтора милліона франковъ субсидіи и въ началѣ выдачу ихъ за три мѣсяца впередъ, наконецъ, на 20 милліоновъ колоніальныхъ товаровъ въ какихъ-либо изъ портовыхъ нѣмецкихъ городовъ, при чемъ Шведы могутъ перевезти эти товары къ себѣ или продать на мѣстѣ. Наслѣдному принцу предоставляютъ всевозможныя для него выгоды, если онъ заключитъ наступательный и оборонительный союзъ съ Франціей, съ которою уже заключили союзы Саксонія, Пруссія, Австрія, Турція и другія. Требуется рѣшительный отвѣтъ до 12-го апрѣля новаго стиля. Наслѣдный принцъ былъ такъ благосклоненъ, что *показалъ мнѣ* эту бумагу, которую только что получилъ, но замѣтилъ при этомъ, что она не введетъ его въ обманъ, и что онъ неразрывно связалъ свою судьбу съ вашимъ величествомъ. Наслѣдный принцъ замѣтилъ также, что въ этой бумагѣ упоминается объ Австріи, которая, какъ онъ увѣренъ, останется нейтральною, и нѣтъ ни слова о Даніи“ [1]).

Этотъ странный образъ дѣйствій съ независимою державою вполнѣ соотвѣтствовалъ однакоже какъ вообще характеру Наполеона, такъ и его настроенію въ это время. Онъ не любилъ Бернадота, когда онъ былъ его маршаломъ, за его свободныя убѣжденія и нѣкоторую, хотя и весьма скромную, самостоятельность въ дѣйствіяхъ; онъ возненавидѣлъ его, когда тотъ, съ его согласія, принялъ предложеніе Швеціи, и сдѣлавшись наслѣдникомъ ея престола, выражая постоянное желаніе дѣйствовать въ согласіи съ Франціей, сохранялъ однакоже свою самостоятельность и не хотѣлъ жертвовать свободными учрежденіями страны, призвавшей его на престолъ, и ея существованіемъ прихотливому произволу повелителя Франціи. Императоръ Наполеонъ, прервавъ всѣ сношенія съ нимъ, считалъ унизительнымъ—вмѣсто того, чтобы давать простыя приказанія своему бывшему маршалу, войдти въ правильныя дипломатическія сношенія съ нимъ. Но привлечь его на свою сторону онъ считалъ необходимымъ, начиная войну съ Россіей, въ виду той пользы, которую Бернадотъ могъ

---

[1]) Письмо Сухтелена къ императору изъ Стокгольма, $^{18}/_{30}$-го марта 1812 г.; Mémoires posthumes de Stendingk, т. III, стр. 198 и слѣд. *Bignon*, Hist. de l'Empire, 2-me époque, т. XXXIII.

ему оказать, угрожал съ сѣвера Русской имперіи, и особенно Петербургу. Наполеонъ не терялъ надежды на успѣхъ въ этомъ случаѣ, потому что вѣрилъ въ успѣхъ всякаго своего предпріятія, и разчитывалъ на то, что Бернадотъ—все-таки Французъ, и что, поставивъ на испытаніе его народное чувство, онъ вынудитъ его принять сторону Франціи, чтобы не подвергнуть себя упреку въ измѣнѣ бывшему своему отечеству. Герцогъ Бассано въ концѣ 1811 г. жаловался одному изъ посланниковъ на образъ дѣйствій Россіи, подготовляя мысль о необходимости воевать съ нею; на вопросъ его—можетъ ли Франція въ случаѣ этой войны разчитывать на Швецію, Бассано отвѣчалъ, что хотя Тюльерійскій кабинетъ имѣетъ много причинъ быть недовольнымъ поступками шведскаго правительства, но тѣмъ не менѣе надѣется, что въ случаѣ войны Швеція не будетъ дѣйствовать противъ Франціи. „Эти слова", увѣдомлялъ Чернышевъ наше правительство,—„поразили этого посланника потому особенно, что нѣсколько времени тому назадъ герцогъ Бассано говорилъ ему, что на Швецію можно вполнѣ положиться, что она будетъ дѣйствовать за одно съ Франціей по первому *приказанію* императора". Можетъ быть, въ это время Наполеонъ уже не совсѣмъ вѣрилъ въ силу этого приказанія въ отношеніи къ Швеціи, но не предполагалъ однакоже возможности, чтобъ она могла дѣйствовать за одно съ врагами Франціи.

Гордость препятствовала императору Наполеону войдти въ прямыя сношенія съ Швеціей, какъ онъ вошелъ съ Пруссіей и Австріей; но выгода союза съ нею вынуждала его однакоже стремиться къ такому сближенію. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ прибѣгъ къ слѣдующему средству: въ Парижѣ проживала въ это время супруга Бернадота, родная сестра жены его брата Іосифа. Онъ поручилъ герцогу Бассано войдти черезъ нее въ переговоры съ Швеціей. Но она не рѣшилась передавать своему мужу словесныя заявленія министра французскаго императора и требовала, чтобъ онъ изложилъ ихъ письменно. Исполняя ея желаніе, герцогъ Бассано привезъ ей эту ноту, но безъ своей подписи, чтобы такимъ способомъ устранить мысль о правильныхъ сношеніяхъ своего двора съ Стокгольмскимъ кабинетомъ, и въ случаѣ, если Бернадотъ захочетъ разгласить эту попытку, сохранить за своимъ повелителемъ возможность отказаться отъ этой ноты, признавъ ее неправильною и потому какъ-бы не вышедшею изъ Тюльерійскаго кабинета.

[1]) Письмо Чернышева гр. Румянцеву, 7/19-го сентября 1811 г.

Конечно, подобный образъ дѣйствій могъ только еще болѣе оскорбить самолюбіе Бернадота; онъ понялъ его, и показавъ немедленно эту ноту нашему посланнику, увѣрялъ его въ желаніи сохранить неразрывно союзъ съ Россіей. Говоря съ нимъ о современномъ положеніи дѣлъ, Бернадотъ сообщилъ ему, что Наполеонъ всѣми способами завлекаетъ Австрію въ союзъ съ нимъ, но придавая вѣру заявленіямъ ея посланника, Бернадотъ увѣрялъ, что она не прельщается этими заманчивыми предложеніями и твердо рѣшилась сохранять нейтралитетъ. „Я поручилъ", говорилъ Бернадотъ,—„написать къ эрцгерцогу Карлу, чтобы пробудить его отъ сна, что онъ старѣйшій изъ европейскихъ генераловъ[1] съ успѣхомъ сражавшійся съ славными полководцами; что если возгорится война, то онъ обязанъ передъ собою, передъ своимъ храбрымъ народомъ, передъ Европой и человѣчествомъ—уговорить своего брата-императора принять участіе въ борьбѣ, отъ которой зависитъ судьба Европы. Если дѣла пойдутъ такъ, какъ слѣдуетъ надѣяться, то въ Европѣ окажется два или три свободные престола или прійдется устроить нѣсколько новыхъ, не считая польскаго. Онъ рожденъ для того, чтобы занять одинъ изъ нихъ, который сочтетъ болѣе приличнымъ для себя и для своего дома. Казалось бы, италіанскій престолъ долженъ обратить на себя его вниманіе. Однимъ словомъ", заключилъ Бернадотъ, „мнѣ хотѣлось возбудить его; не знаю, что изъ этого выйдетъ".

Такое ревностное участіе въ приготовленіяхъ къ борьбѣ съ Наполеономъ принималъ бывшій его маршалъ. Давая совѣты Россіи, предлагая свою помощь, онъ въ то же время сносился съ Англіей, Турціей, Австрій, и заботился о сближеніи нашего посланника съ англійскими агентами и сообщалъ ему различныя свѣдѣнія, которыя получалъ изъ Парижа и Франціи отъ прежнихъ своихъ друзей. Но въ это время онъ еще разчитывалъ на то, что Пруссія и Австрія будутъ дѣйствовать за одно съ Россіей. Онъ понималъ однакоже, что Пруссія, находившаяся совершенно въ тискахъ у Франціи, не могла добровольно приступить къ союзу съ Россіей. Этотъ союзъ могъ быть только вынужденъ наступательными военными дѣйствіями. Убѣдившись, что Россія не начнетъ наступательной войны, онъ, конечно пересталъ разчитывать на Пруссію, но постоянно сохранялъ убѣжденіе, что Австрія ни въ какомъ случаѣ не вступитъ въ союзъ съ Наполеономъ. Онъ думалъ, что если она не заключитъ союза и съ Рос-

[1]) Письмо Сухтелена къ императору изъ Стокгольма, 25-го марта 1812 г.

сіей, то во всякомъ случаѣ сохранитъ нейтралитетъ, какъ вдругъ австрійскій посланникъ при Стокгольмскомъ дворѣ, неожиданно и для него самого, не объявилъ Бернадоту, что Австрія заключила уже оборонительный и наступательный союзъ съ Наполеономъ и приглашаетъ Швецію приступить къ этому союзу. Эта новая продѣлка Наполеона вынудить Швецію по вступленію съ нимъ въ союзъ, не входя въ прямыя сношенія съ нею, еще болѣе раздражила Бернадота. Онъ осыпалъ упреками австрійскаго посланника, генерала Нейперга, который постоянно увѣрялъ его, что Австрія никогда не рѣшится дѣйствовать противъ Россіи. „Мы получили дурныя извѣстія", сказалъ онъ г. Сухтелену при первомъ свиданіи съ нимъ послѣ заявленія австрійскаго посланника;—„но они могутъ только укрѣпить насъ въ нашемъ образѣ мыслей. Теперь болѣе нежели когда-нибудь оказывается, что императоръ Александръ не желалъ войны, потому что въ противномъ случаѣ онъ давно бы началъ ее, въ то время, когда могъ еще спасти Пруссію и предупредить союзъ Наполеона съ Австріей; теперь надо заботиться о томъ, чтобы выиграть время [1]).

Конечно, такое важное обстоятельство, какъ союзъ Франціи съ Пруссіей и Австріей, долженъ былъ значительно измѣнить взгляды Бернадота на способъ военныхъ дѣйствій Россіи противъ Наполеона. Его совѣтъ занять русскими войсками восточную Пруссію и нѣкоторыя изъ ея крѣпостей представлялся уже невозможнымъ. Послѣ того какъ Пруссія вступила въ союзъ съ Наполеономъ, это было бы равносильно началу наступательной войны съ самою Франціей. Союзъ Австріи съ Франціей, который въ разговорахъ съ нашимъ посланникомъ Бернадотъ называлъ „негоднымъ союзомъ" (vilaine alliance), особенно его озабочивалъ, и онъ отыскивалъ способы разорвать его. Хотя Австрія – думалъ онъ—не можетъ выставить въ настоящее время для дѣйствія противъ Россіи болѣе 35 или 40 тысячъ войскъ, но къ осени ихъ число она можетъ увеличить до 80.000. Тогда Россіи по необходимости придется противопоставить имъ достаточное войско и такимъ образомъ ослабить главныя свои силы, которыя предназначаются для дѣйствія противъ французскихъ войскъ. Если, какъ предполагалъ Бернадотъ, императоръ Наполеонъ „не можетъ вывести противъ насъ болѣе 220 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ едва 100 тысячъ настоящихъ Французовъ", то и въ этомъ случаѣ обстоятельства, въ которыя будетъ поставлена Россія, представлялись ему

[1]) Депеша г. Сухтелена $^{19}/_{31}$-го марта 1812 г.

крайне затруднительными, особенно потому, что Турки могутъ угрожать нашему лѣвому флангу. Поэтому Бернадотъ совѣтовалъ, во чтобы то ни стало, заключить съ ними миръ и даже привлечь ихъ къ союзу съ Россіей, что̀ можетъ удержать Австрійцевъ въ осторожномъ положеніи. Онъ предполагалъ, что можно даже ограничить предѣлы Россіи теченіемъ Серета, а если настаивать на томъ, чтобы границею былъ Прутъ, то можно обѣщать Туркамъ пріобрѣтеніе впослѣдствіи Далмаціи, или Іоническихъ острововъ, также верховныя права (suserenité) надъ Сербіей и Черногоріей, и даже въ крайнемъ случаѣ, Трансильванію. Въ виду этихъ обѣщаній, говорилъ Бернадотъ, Турки не устоятъ и согласятся не только на миръ, но и на союзъ съ нами.

Способный увлекаться, иногда заносчивый, французскій маршалъ, незнакомый, конечно, съ вѣковою политикою Россіи въ отношеніи къ Турціи, могъ добросовѣстно предлагать, въ виду достиженія главной цѣли, подобныя уступки Туркамъ со стороны Россіи; возможно предположить и то, что воспитаннику революціи и политики своего бывшаго повелителя не приходило на мысль, что можно смѣло обѣщать то, чего при измѣнившихся обстоятельствахъ можно и не исполнить и даже нельзя будетъ исполнить впослѣдствіи. Какъ опытный военачальникъ, онъ хорошо понималъ значеніе угрозы Наполеоновскимъ силамъ со стороны фланговъ. Съ сѣвера онъ самъ предполагалъ дѣйствовать совокупно съ Русскими, съ юга онъ желалъ къ подобнымъ же дѣйствіямъ направить Турцію и потому вызывалъ Россію на всевозможныя уступки ей и предлагалъ свое содѣйствіе, чтобы склонить Турцію къ союзу съ Россіей противъ общаго врага. Онъ объявилъ Сухтелену, что отправляетъ въ Константинополь генерала Таваста съ важными извѣстіями, которыя могутъ напугать Турокъ, открывъ имъ настоящіе замыслы Наполеона. Не смотря на то, его устрашалъ союзъ Австріи съ Наполеономъ, и онъ придумывалъ способы его разорвать: „Необходимо стараться“, говорилъ онъ Сухтелену,—„всѣми способами отторгнуть Австрійскаго императора отъ союза съ Наполеономъ, обѣщая ему возвращеніе Тироля, королевство Италіанское вмѣстѣ съ Піемонтомъ, съ одной стороны, и до границъ Этрурія съ другой—какъ независимое государство для эрцгерцога Карла, королевство Этрурію—для какого-либо другаго эрцъ-герцога, и Венецію съ Истріей—для третьяго, но подъ верховнымъ владычествомъ Австрійскаго дома. Если же она не согласится, то можно представить ей, что она сама будетъ виновницей великихъ для себя бѣдъ,—особенно если дѣйствовать такъ, чтобы Венгрія отдѣлилась отъ нея,

избравъ себѣ особаго короля, и если присоединить къ послѣдней Трансильванію (въ томъ случаѣ если только она не будетъ обѣщана Туркамъ), тѣмъ болѣе, что эта область весьма возбуждена противъ Австріи въ настоящее время за нетерпимость въ дѣлахъ вѣры. Кстати о вѣрѣ", прибавилъ Бернадотъ,—„она можетъ служить сильнымъ орудіемъ противъ Наполеона. Въ числѣ предположеній у него было и то, чтобы во всей Европѣ было только одно вѣроисповѣданіе, все равно какое, одна церковь, которой онъ объявилъ бы себя главою. Такъ какъ онъ, вѣроятно, не склонился бы къ вѣроисповѣданію греческому, то всѣ принадлежащіе къ этому исповѣданію могли бы опасаться гоненій. Этотъ предметъ очень важенъ для возбужденія умовъ и можетъ придать войнѣ народный характеръ, какъ въ Испаніи".

Отступленіе русскихъ войскъ внутрь страны и прежде входило въ соображенія Бернадота, а теперь онъ считалъ его уже дѣломъ необходимости. „Столько соединенныхъ враговъ противъ Россіи вынудятъ, наконецъ, ея войско", говорилъ онъ,—„отступить за Двину и временно, можетъ быть, еще далѣе. Надо все предвидѣть—и хорошее, и дурное". Онъ предполагалъ, что одна изъ нашихъ армій будетъ отступать по направленію къ Твери и Москвѣ, другая, придерживаясь болѣе къ сѣверу,—на Динабургъ, но никакъ не на Ригу и Нарву. Въ этомъ направленіи онъ полагалъ достаточнымъ для дѣйствій менѣе значительной корпусъ войскъ, который, постоянно отступая, дрался бы съ непріятелемъ и замедлялъ бы быстроту его движенія. При такомъ расположеніи войскъ, по его мнѣнію, можно было бы и оказать помощь Ригѣ и Динабургу, еслибъ они были осаждены, дѣйствовать на фланги и сообщенія непріятеля и помогать одною арміей другой.

Экспедиція соединенныхъ русскихъ и шведскихъ войскъ въ Германію, такъ занимавшая его прежде, въ это время уже не представлялась ему возможною немедленно и отодвигалась въ неопредѣленное будущее. „Онъ предполагалъ, если дѣла пойдутъ уже очень дурно, чего избави Боже", писалъ Сухтеленъ императору,—„что онъ могъ бы явиться съ своею арміей на главномъ поприщѣ войны и принять въ ней участіе. Въ такомъ случаѣ онъ высадилъ бы войско на островѣ Эзелѣ и оттуда въ Эстляндію, но для этого необходимо заготовить тамъ продовольствіе, госпитали и т. под. Онъ надѣется, что въ этомъ не будетъ предстоять нужды; но во всякомъ случаѣ, не смотря на то, что приходится отказаться отъ всѣхъ выгодъ первоначальнаго предположенія объ экспедиціи, онъ увѣряетъ, что не задумается ни

на мгновеніе отложить его и явится съ войсками на главное поприще войны".

Безъ сомнѣнія, собственная судьба и судьба Швеціи должны были составлять главный предметъ заботъ Бернадота; но нельзя не замѣтить, однакоже, что онъ почти совсѣмъ не заводилъ рѣчи о Норвегіи. Какъ только Русскій императоръ далъ ему на это свое согласіе и обѣщалъ содѣйствіе къ тому, Бернадотъ считалъ это дѣло уже окончепнымъ въ сущности, а его исполненіе, то-есть, дѣйствительное присоединеніе Норвегіи къ Швеціи, только вопросомъ времени. По Нетербургскому договору наше правительство обѣщало содѣйствовать этому присоединенію или путемъ мирныхъ переговоровъ, или вооруженною рукою. Съ этою цѣлію нашъ кабинетъ, считая необходимымъ испробовать первое средство прежде, нежели прибѣгнуть ко второму, полагалъ отправить въ Копенгагенъ нашего посланника при Стокгольмскомъ дворѣ барона Николаи [1]). Когда Сухтеленъ извѣстилъ объ этомъ намѣреніи Бернадота, то послѣдній отвѣчалъ „что вполнѣ сочувствуетъ мысли императора дѣйствовать мирными способами на Данію, не прибѣгая къ насильственнымъ средствамъ, и очень бы желалъ, чтобъ это было возможно, но сомнѣвается въ томъ. Онъ полагалъ, что баронъ Розенкрапцъ, датскій министръ иностранныхъ дѣлъ, понимаетъ всю тягость для Даніи Наполеоновскаго ига, которое рано или поздно будетъ имѣть гибельныя для нея послѣдствія, но что король не отступитъ отъ принятаго имъ образа дѣйствій и притомъ слишкомъ боится Наполеона. Поэтому Бернадотъ полагалъ, что посылка барона Николаи въ настоящее время въ Копенгагенъ не только не будетъ имѣть полезныхъ послѣдствій, но только встревожитъ Данію". Напасть на Норвегію вооруженною рукой онъ также считалъ затруднительнымъ, хотя и дѣлалъ различныя предположенія въ случаѣ этого нападенія. Притомъ ему не хотѣлось ссориться съ Даніей вслѣдствіе особыхъ причинъ. „Наслѣдный принцъ", писалъ Сухтеленъ,—„сообщилъ мнѣ за тайну, что онъ имѣетъ намѣреніе согласить Датскаго короля, чтобъ онъ выдалъ свою дочь за его сына Оскара, которому теперь 13 лѣтъ, а принцессѣ, второй дочери короля, кажется, семь. Такое соглашеніе, кажется, весьма желательно для наслѣднаго принца".

Дѣйствительно, эта мысль весьма занимала Бернадота, и онъ желалъ, чтобъ ея исполненіе было также обезпечено согласіемъ импе-

[1]) Союзный трактатъ между Россіей и Швеціей 24-го марта (5-го апрѣля) 1812 года, подписанный гр. Румянцевымъ и гр. Левенгельмомъ въ Петербургѣ, ст. 111.

ратора Александра, какъ и присоединеніе Норвегіи. Поэтому онъ поручилъ барону Енгенштрему приготовить отдѣльную дополнительную статью къ Петербургскому договору и переговорить о ней съ нашимъ уполномоченнымъ.

Приготовленія къ сейму, который долженъ былъ открыться въ Еребро согласіемъ народныхъ представителей Швеціи одобрить образъ дѣйствій, принятый ея правительствомъ, или лучше сказать, Бернадотомъ, безъ сомнѣнія, должны были занимать его вниманіе. Въ Швеціи еще оставались приверженцы Франціи, желавшіе возвратить назадъ Финляндію. Если они и понимали, что не могутъ достигнуть этого собственными силами Швеціи, то современныя обстоятельства давали возможность добиться того же при помощи Наполеона, призывавшаго Швецію къ союзу съ нимъ именно этою цѣною. Но не смотря на труды и работы по предстоявшему сейму, наслѣдный принцъ поручилъ барону Енгенштрему непремѣнно до отъѣзда въ Еребро приготовить эту дополнительную статью къ Петербургскому договору. Швеція нуждалась еще въ хлѣбѣ и просила Россію снабдить ее мукою. Этимъ обстоятельствомъ прикрывалась необходимость скорѣйшаго заключенія этой статьи. На обѣдѣ, который наслѣдный принцъ давалъ передъ отъѣздомъ въ Еребро, 27-го мая (8-го апрѣля) онъ спросилъ нашего посланника: говорилъ ли ему баронъ Енгенштремъ объ этой статьѣ? „Онъ только что сообщилъ мнѣ о ней", отвѣчалъ Сухтеленъ,—„и просилъ послѣ обѣда заѣхать въ министерство иностранныхъ дѣлъ, чтобы прочесть ее". „Прочтите же ее прежде, а потомъ я поговорю съ вами о ней на вечерѣ у королевы". Этотъ вечеръ былъ въ тотъ же день, и лишь только пріѣхалъ туда Бернадотъ, какъ отозвалъ въ сторону Сухтелена и спросилъ, читалъ ли онъ статью. „Я готовъ ее подписать", отвѣчалъ Сухтеленъ,—„уже потому, что она только прибавочная къ договору, но и по существу ея я увѣренъ, что императоръ, въ виду того расположенія, которое онъ питаетъ къ вамъ, утвердитъ ее, если только не остановитъ его то соображеніе, что всякій семейный договоръ не можетъ быть составленъ безъ согласія представителей семьи во всѣхъ ея линіяхъ. Во всякомъ случаѣ, я доведу до свѣдѣнія его величества ваше желаніе". „Хорошо", отвѣчалъ Бернадотъ, не имѣя возможности въ многочисленномъ собраніи долго продолжать разговоръ",—эта статья, потомъ хлѣба и болѣе всего заботы о безопасности и сохраненіи особы императора" [1]). Послѣднія слова относились къ

[1]) Письмо Сухтелена къ императору Александру 29-го марта (10-го апрѣля) 1812 г.

тому извѣстію, которое онъ получилъ изъ Парижа и сообщилъ нашему уполномоченному, что императоръ Наполеонъ намѣренъ чрезъ масоновъ покуситься на его жизнь: наслѣдный принцъ предохранялъ отъ подобнаго же покушенія и нашего императора.

Наслѣдный принцъ отправлялся на сеймъ въ Еребро, а императоръ Александръ—въ главную квартиру русскихъ войскъ въ Вильну. Увѣдомляя императора о предложеніи Австріи и объ отвѣтѣ на него шведскаго правительства, Бернадотъ писалъ: „Усилія французскихъ агентовъ распустить слухи, что ваше величество вызываете на войну Наполеона, заставляютъ меня думать, что онъ хочетъ отложить начало войны. Графъ Нейпергъ увѣрялъ меня, что онъ готовъ войдти въ соглашеніе, и что Австрійскій императоръ желаетъ этого. Если военныя дѣйствія еще не начались, то я не усматриваю въ этомъ предложеніи ничего, что̀ могло бы повредить выгодамъ сѣвера. Выигрывая время, мы пріобрѣтаемъ только друзей, и справедливость нашего дѣла постепенно будетъ подрывать силу общественнаго мнѣнія, на которой только основывались успѣхи императора Наполеона. Если столкновеніе съ Франціей отложится, то это только облегчитъ вашему величеству возможность окончить войну съ Портой, и я полагаю, что вамъ слѣдуетъ рѣшиться на всевозможныя пожертвованія, чтобы достигнуть этого. Султанъ, узнавъ объ угрожающей ему опасности, быть можетъ, войдетъ въ союзъ съ вами, Англіей и Швеціей. Быть можетъ, онъ легче согласится на это, если ему обѣщать протекторатъ надъ Рагузой, и Іоническими островами и присоединеніе Далмаціи. Сообщая эти мысли, я прошу вѣрить, что желаю только вашей славы и независимости сѣвера“ [1]).

Австрійскіе посланники, обманутые сами своимъ правительствомъ, вводили въ заблужденіе и другихъ. Подъ вліяніемъ Нейперга, Бернадотъ еще надѣялся, что война между Россіей и Франціей можетъ быть отсрочена. Въ этомъ смыслѣ написанъ и отвѣтъ Шведскаго двора на приглашеніе Австріи къ союзу съ Франціей. Но императоръ Александръ уже не считалъ возможнымъ, чтобы могъ состояться конгрессъ, и вообще чтобы переговоры остановили военныя дѣйствія. Въ самый день своего отъѣзда въ Вильну, онъ писалъ Бернадоту, отвѣчая на это письмо, что получаемыя свѣдѣнія объ Австріи „чрезвычайно непріятны; но съ твердостію и постоянствомъ,—говорилъ императоръ,—„я увѣренъ, что мы успѣшно окончимъ приготовляющуюся войну. Во

[1]) Письмо къ императору 1-го апрѣля 1812 г. изъ Стокгольма.

всякомъ случаѣ я раздѣляю мнѣніе вашего высочества, что не должно отвергать предложеній о конгрессѣ, если только они будутъ сдѣланы со стороны императора Наполеона, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы за основаніе была напередъ принята мысль о независимости сѣверныхъ государствъ. Но такъ какъ трудно предполагать, чтобъ императоръ Наполеонъ рѣшился принять въ основаніе эту мысль, то держусь того мнѣнія, что слѣдуетъ все приготовить, чтобы въ противномъ случаѣ употребить всѣ средства для успѣшной борьбы съ нашимъ врагомъ. Мнѣ кажется, слѣдуетъ принять обширный планъ дѣйствій. Славянскія племена воинственны по природѣ, и если ихъ возбудить, то они могутъ составить значительную силу, которая, соединясь съ недовольными Венграми, можетъ произвести сильную диверсію противъ Австріи и французскихъ владѣній на Адріатическомъ морѣ. Въ случаѣ удачи можно даже черезъ Боснію и Кроацію проникнуть далѣе и войдти въ сношенія съ Тиролемъ и Швейцаріей. Я посылаю адмирала Чичагова, человѣка съ головою, устроить все въ этомъ смыслѣ; но для этого необходимо, чтобъ Англія оказала намъ сильную помощь, приславъ въ Балтійское море свой флотъ и принявъ на свой счетъ содержаніе нѣмецкихъ баталіоновъ, которые можно оставить изъ дезертировъ войскъ Рейнскаго союза, такъ и снабжая деньгами Славянъ, которые будутъ дѣйствовать съ цѣлію общей независимости. Сегодня я уѣзжаю въ Вильну, потому что, по полученнымъ мною свѣдѣніямъ, Французы приближаются уже къ Кенигсбергу. Во всякомъ случаѣ, безъ крайней необходимости, я не рѣшусь быть зачинщикомъ войны; но находясь на мѣстѣ, я буду имѣть возможность вѣрнѣе судить о положеніи дѣлъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя слѣдуетъ предпринять.[1]).

IV.

Окончаніе войны съ Турціей и Бухарестскій миръ

Если сѣверъ озабочивалъ политику русскаго кабинета, то югъ долженъ былъ не менѣе привлекать ея вниманіе и даже болѣе возбуждать заботъ. Съ Швеціей во всякомъ случаѣ Россія находилась въ мирѣ, хотя этотъ миръ и могъ внушать опасенія. Нашей политикѣ предстояло только, конечно, цѣною будущихъ выгодъ для Швеціи, поддержать этотъ миръ, отвлечь ее отъ союза съ Наполеономъ, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, привлечь къ союзу съ нами. Между тѣмъ на югѣ продолжалась упорная война, и надо было одер-

[1]) Письмо 9-го апрѣля 1812 г. изъ Царскаго Села.

жать блистательные успѣхи надъ Турками, чтобы принудить ихъ къ выгодному для насъ миру.

Война съ Турціей представлялась въ глазахъ Россіи, живо еще помнившей времена Екатерины, явленіемъ страннымъ и непонятнымъ. Вызванная Турціей по происканъ Наполеона и безъ всякихъ поводовъ съ нашей стороны, она съ 1806 года продолжалась безпрерывно уже шестой годъ. Самая продолжительность показывала, что эта война имѣетъ особое значеніе, дѣлавшее ее не похожею на предшествовавшія наши войны съ Оттоманскою Портою. Пять полководцевъ, опытныхъ и пользовавшихся достойно пріобрѣтенною извѣстностію, одинъ за другимъ предводительствовали нашими войсками: Мелессино, князь Прозоровскій, князь Багратіонъ, графъ Каменскій, и наконецъ, послѣ временнаго и недолгаго начальства графа Ланжерона, генералъ отъ инфантеріи Голенищевъ-Кутузовъ. Не было недостатка въ обдуманныхъ планахъ военныхъ дѣйствій, въ ревностномъ ихъ исполненіи, въ блестящихъ подвигахъ, въ побѣдахъ, въ содѣйствіи молдавской арміи со стороны нашихъ войскъ на Кавказѣ и въ Персіи, флота въ Черномъ морѣ и эскадры адмирала Сенявина въ Архипелагѣ; но общимъ послѣдствіемъ было продолженіе войны, постоянно затягивавшейся на неопредѣленное время, не смотря на то, что наше правительство постоянно изъявляло желаніе приступать къ мирнымъ переговорамъ. Сильнѣе ли сдѣлалась Турція въ это время, нежели была прежде? Увеличились ли ея вещественные и нравственные способы для военныхъ дѣйствій?

Напротивъ того, она не только ослабѣла сравнительно съ прежнимъ временемъ, но даже нѣсколько разъ находилась почти на краю гибели отъ внутреннихъ кровавыхъ переворотовъ. Въ продолженіе этой войны три раза вспыхивали возмущенія въ Константинополѣ; послѣ бунта, стоившаго жизни султану Селиму, Мустафа Барьлаторъ возбудилъ народъ къ новому возстанію, свергъ султана Мустафу и на его мѣсто посадилъ его молодаго брата Махмуда. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вновь вспыхнулъ бунтъ янычаръ, въ которомъ погибъ прежній султанъ Мустафа и Мустафа Барьлакторъ. Жизнь Махмуда была пощажена только потому, что онъ былъ послѣднимъ въ родѣ Османовъ. Эти происшествія служили явнымъ признакомъ слабости Турціи, которою однакоже не могла воспользоваться Россія. Въ первомъ случаѣ война съ Франціей за Пруссію лишила ея свободы дѣйствій въ отношеніи къ Турціи. Послѣдовавшій затѣмъ Тильзитскій миръ окончательно передалъ въ руки Наполеона возмож-

ность нашего примиренія съ нею. По Тильзитскому договору посредничество въ примиреніи Россіи съ Турціей принялъ на себя императоръ Французовъ, и переговоры о мирѣ перенесены были въ Парижъ. Послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ было усиленное стремленіе русской политики освободиться отъ этого коварнаго посредничества, послужившее однимъ изъ поводовъ къ Эрфуртскому свиданію. По договору, заключенному въ Эрфуртѣ, Наполеонъ отказался отъ статьи Тильзитскаго договора, обязывавшей Россію очистить Дунайскія княжества, и подтвердилъ свои словесныя обѣщанія, данныя въ Тильзитѣ, на присоединеніе ихъ къ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отказался и отъ посредничества въ заключеніи нами мира съ Оттоманскою Портою. Русской политикѣ были такимъ образомъ развязаны руки въ одномъ изъ важнѣйшихъ для нея вопросовъ: она торжествовала побѣду; но то же самое условіе развязало руки и Наполеону дѣйствовать противъ насъ, не стѣсняясь данными по этому вопросу обязательствами. Находясь въ видимомъ союзѣ съ Россіей, онъ послѣ заключенія Вѣнскаго мира и женитьбы на австрійской эрцъ-герцогинѣ, избралъ своимъ орудіемъ Австрію. Эта роль совершенно совпадала съ видами ея политики на востокѣ. Она давно уже и постоянно дѣйствовала враждебно намъ въ Константинополѣ. Послѣ Эрфуртскаго свиданія, предлагая намъ свое посредничество, въ замѣнъ французскаго, Австрія убѣждала Порту не дѣлать никакихъ уступокъ Россіи. Подъ ея вліяніемъ Турція заключила союзъ съ Англіей, которая враждебно относилась ко всѣмъ пріобрѣтеніямъ Россіи отъ Турціи, какъ въ Европѣ, такъ особенно на азіатскихъ границахъ. Содѣйствуя Англіи, она впослѣдствіи сдѣлалась въ одно и то же время и посредницею Франціи во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ насъ въ Константинополѣ. Нужны были особенное, такъ сказать—прирожденное австрійской политикѣ, неизмѣнное коварство и беззастѣнчивая ловкость, чтобы въ этомъ случаѣ направлять къ общей цѣли дѣйствія двухъ заклятыхъ между собою враговъ, каковы были Франція и Англія въ это время.

Особенное свойство этой продолжительной войны заключалось и въ томъ, что обѣ воюющія стороны постоянно и искренно желали ее окончить, то-есть, какъ будто вели ее по неволѣ. Такъ и было дѣйствительно: политика Франціи вынудила Порту нарушить свои договоры съ Россіей и вызвать ее на войну; политика Франціи поставила нашъ кабинетъ въ такое положеніе, что безъ ущерба достоинства Россіи онъ не считалъ возможнымъ убавить свои требованія о воз-

награжденіяхъ за войну, вызванную самою Оттоманскою Портою. Обыкновенно мирные переговоры бываютъ послѣдствіемъ войны; удачныя или неудачныя военныя дѣйствія оказываютъ вліяніе на условія этихъ договоровъ. Въ этомъ случаѣ было иначе: рядомъ съ военными дѣйствіями постоянно начинались и мирные переговоры, и ни тѣ, ни другіе не приводили ни къ какимъ послѣдствіямъ, потому что одни ослабляли силу дѣйствія другихъ. Наши побѣды не внушали страха, который могъ бы возбуждать желаніе во что бы ни стало заключить миръ, ибо Порта знала всегдашнюю готовность нашего кабинета приступить къ переговорамъ, которые предоставляли ей постоянную возможность окончить войну и заключить миръ. Вступая въ переговоры, часто мы давали Туркамъ возможность выигрывать время для увеличенія ихъ военныхъ силъ и упускали удобное время для военныхъ дѣйствій. Единственнымъ послѣдствіемъ этой долгой войны было какъ истощеніе силъ обѣихъ воюющихъ сторонъ, такъ и опустошеніе областей, которыя служили поприщемъ военныхъ дѣйствій. Вызванная на войну самою Турціей, сдѣлавъ значительныя пожертвованія для этой войны, Россія, конечно, имѣла право требовать вознагражденій со стороны Турціи; но мѣра этихъ вознагражденій опредѣлилась случайными обстоятельствами, совершенно отклонившими вниманіе отъ дѣйствительнаго положенія и выгодъ, какъ Россіи, такъ и Турціи. При Тильзитскихъ переговорахъ императоръ Наполеонъ обѣщалъ нашему государю не только не противиться присоединенію Дунайскихъ княжествъ къ Русской имперіи, но соблазнялъ его потомъ надеждами на еще большія пріобрѣтенія, вовлекая въ переговоры объ изгнаніи Турокъ изъ Европы и раздѣлѣ ея европейскихъ владѣній. Эрфуртскимъ договоромъ Наполеонъ прямо призналъ присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ княжествъ и заявилъ объ этомъ законодательной палатѣ [1]). Заручившись этимъ согласіемъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ всѣмъ европейскимъ дворамъ, русскій кабинетъ естественно считалъ униженіемъ своего достоинства, признакомъ безсилія — ограничить свои требованія; а между тѣмъ, если не въ упоеніи своимъ могуществомъ, а съ умысломъ такъ поступилъ императоръ Наполеонъ, то этотъ поступокъ былъ геніальнымъ выраженіемъ самой коварной политики: онъ лишалъ русское правительство свободы въ дѣйствіяхъ при заключеніи мира съ Турціей и замедлялъ переговоры.

---

[1]) Рѣчь при открытіи засѣданій законод. корпуса 3-го декабря 1809 года.

Но это одна сторона дѣла; была и другая, можетъ быть, еще болѣе обращавшая на себя вниманіе русскаго кабинета: общественное мнѣніе Россіи было противъ того направленія нашей политики, которое началось съ Тильзитскаго договора. Оно порицало союзъ съ Наполеономъ и высказывалось противъ тѣхъ войнъ, которыя Россія вынуждена была начать подъ его вліяніемъ, и особенно противъ Турецкой, тянувшейся такъ долго и стоившей стольких пожертвованій. Пріобрѣтеніемъ Финляндіи ограждая безопасность столицы, и пріобрѣтеніемъ на югѣ границъ по Дунай ограждая наши южныя области, русскій кабинетъ желалъ оправдать эту политику передъ Россіей. Онъ полагалъ, что Порта, при томъ неустройствѣ, въ которомъ находились ея внутреннія дѣла, не въ состояніи противиться требованіямъ Россіи, и упрямство ея приписывалъ исключительно вліянію иностранныхъ державъ, не смотря на то, что главнокомандующіе русскими войсками положительно считали невозможнымъ достигнуть согласія Порты на уступку не только Молдавіи и Валахіи, но даже Бессарабіи. „Императоръ принялъ уже нѣкоторымъ образомъ обязательство передъ своими подданными и въ глазахъ цѣлой Европы“, писалъ графъ Румянцевъ къ графу Каменскому,— „присоединить къ Россіи Молдавію и Валахію и потому не можетъ отмѣнить сего условія. Положеніе дѣлъ въ Европѣ чрезвычайно благопріятно къ достиженію нашей цѣли. Наполеонъ крайне озабоченъ пораженіями своихъ войскъ въ Испаніи и при каждомъ случаѣ увѣряетъ Россію въ дружбѣ. Австрія, не взирая на женитьбу Наполеона на эрцъ-герцогинѣ Маріѣ-Луизѣ, тайно изъявила желаніе пребывать съ императоромъ Александромъ въ прежнихъ, самыхъ искреннихъ сношеніяхъ“ [1]).

Дѣйствительно, императоръ Наполеонъ, желая привести въ сколько-нибудь сносное положеніе свои дѣла въ Испаніи и дѣятельно приготовляя огромныя средства для вторженія въ Россію, чтобы выиграть время, постоянно заявлялъ о своемъ добромъ расположеніи къ Русскому императору и о желаніи поддержать союзъ съ нимъ. При каждомъ представлявшемся случаѣ онъ указывалъ на присоединеніе къ Россіи, кромѣ Финляндіи, еще и Дунайскихъ княжествъ, какъ на совершившіеся уже факты и какъ на тѣ огромныя выгоды, которыя пріобрѣла Россія вслѣдствіе тѣснаго союза съ Франціей.

Въ 1810 г., при аудіенціяхъ нашему чрезвычайному послу князю

---

[1]) Отношеніе графа Румянцева къ графу Каменскому 8-го августа 1810 г.

Алексѣю Борисовичу Куракину, который былъ посланъ императоромъ Александромъ съ особенною цѣлью—поздравить Наполеона съ заключеннымъ брака съ австрійскою Эрцъ-герцогинею, Французскій императоръ говорилъ: „Въ моемъ посланіи законодательной палатѣ я выразилъ ясно мое удовольствіе, что Россія пріобрѣла Финляндію, Молдавію и Валахію. Въ настоящее время я предписалъ моему посланнику въ Константинополѣ объявить Портѣ. чтобъ она забыла и думать объ этихъ княжествахъ, что Россія не можетъ и не должна ихъ возвращать, и что упорство Порты въ этомъ случаѣ ни къ чему не поведетъ, кромѣ безполезной потери людей". Черезъ нѣсколько недѣль, отпуская князя Куракина обратно въ Россію, Наполеонъ сказалъ ему, что снова предписалъ Латуръ-Мобуру убѣждать Порту, чтобъ она не думала о возвращеніи ей Молдавіи и Валахіи. „Хотя послѣднія извѣстія изъ Константинополя", говорилъ онъ,—„увѣдомляютъ, что султанъ ходилъ въ мечеть и самъ намѣренъ отправиться къ войскамъ, это не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Султанъ—молодой человѣкъ, слабый и ограниченный; въ войскахъ нѣтъ никакой дисциплины, въ управленіи господствуетъ совершенное безпачаліе. Между нами будь сказано: я не люблю Турокъ; но если бы въ ихъ главѣ находился человѣкъ, способный возбудить ихъ прежнія свойства, то быть можетъ, онъ возродилъ бы этотъ народъ. Но при теперешнемъ разстройствѣ, въ которомъ находится Турція, ей нуженъ только миръ, и я увѣренъ, что отъѣздъ султана къ войскамъ предположенъ именно съ цѣлію начать мирные переговоры. Не подлежитъ сомнѣнію, что вы заключите миръ еще въ этомъ году, лишь только я объявлю, что признаю княжества собственностію Россіи. Я не измѣню моего мнѣнія, хотя, говоря такимъ языкомъ съ Турціей, я могу потерять то вліяніе, которое имѣю на эту страну. Вы отняли у Французовъ и Австрійцевъ тѣ привиллегіи, которыми они пользовались въ Молдавіи и Валахіи. Австрія спрашивала моего совѣта, какъ слѣдуетъ поступить въ этомъ случаѣ? Я отвѣчалъ, что, признавъ уже Дунайскія княжества принадлежащими Россіи, я болѣе ничего не могу ей сказать. Я даже долженъ желать, чтобъ онѣ вамъ принадлежали, во-первыхъ потому, что такимъ образомъ упрочиваются ваши границы: лѣвый берегъ Дуная—природою положенная граница, и онъ долженъ принадлежать вамъ; вовторыхъ, что это пріобрѣтеніе удовлетворяетъ желаніямъ императора Александра, а мнѣ всегда пріятно все то, что онъ считаетъ для себя выгоднымъ; наконецъ, втретьихъ, я не скрою отъ васъ, что желаю этого пріобрѣтенія для Россіи потому, что

этимъ самымъ она дѣлаетъ себѣ врагомъ Австрію, которая, между нами будь сказано, боится васъ столько же, сколько и меня. Пріобрѣтеніе вами Финляндіи совершенно противно моей политикѣ; но я радовался этому пріобрѣтенію Россіи, потому что вы отняли ее у союзника Англіи, у такого короля, который никакъ не хотѣлъ жить въ мирѣ со мною. Присоединеніе Молдавіи и Валахіи увеличиваетъ владѣнія Россіи вопреки Тильзитскому трактату, въ которомъ было установлено очищеніе этихъ княжествъ. Союзъ съ Франціей доставилъ вамъ значительныя выгоды. Дунай—съ одной стороны, Финляндія—съ другой, не объ этомъ ли постоянно мечтали ваши предки, со временъ Петра Великаго? И вотъ ихъ мечта осуществилась. Я удивляюсь, почему у васъ нѣтъ значительнаго флота на Черномъ морѣ, который вы могли бы противопоставить турецкому. Балтійскій флотъ вамъ ни на что не нуженъ, вы не можете соперничать тамъ съ англійскимъ".

„Когда императоръ Наполеонъ говорилъ объ опредѣленіи нашей границы теченіемъ Дуная и четыре раза возвращался къ этому предмету", писалъ князь Куракинъ, графу Румянцеву,—„я позволилъ себѣ замѣтить ему, что три крѣпости, расположенныя на правомъ берегу этой рѣки, составляютъ какъ-бы мостовыя укрѣпленія и ворота въ нашу имперію. Онъ не счелъ нужнымъ отвѣчать мнѣ на это замѣчаніе и перевелъ разговоръ на другіе предметы" [1]). Но впослѣдствіи онъ прямо и рѣшительно отвѣчалъ на это замѣчаніе въ разговорѣ съ полковникомъ Чернышевымъ. Разсуждая съ нимъ о военныхъ дѣйствіяхъ графа Каменскаго противъ Турокъ, онъ сказалъ: „Только въ двухъ случаяхъ Франція можетъ поссориться съ Россіей: если вы заключите отдѣльный миръ съ Англіей, я буду воевать съ вами; точно также—если вы захотите перейдти за Дунай. Пока дѣло идетъ о теченіи Дуная, я согласенъ; но лишь только вы захотите что либо пріобрѣсть на правомъ берегу, я буду воевать съ вами. Существованіе Турціи слишкомъ важно для политическаго равновѣсія Европы, и я не могу относиться равнодушно къ дальнѣйшему ея раздробленію. Я не употреблялъ никакихъ способовъ, чтобы замедлить заключеніе вашего мира съ Турками. Я смотрю на это съ точки зрѣнія выгодъ Франціи; если, съ одной стороны, говорилъ я самъ себѣ, такая обширная держава, какъ Россія, увеличится еще пріобрѣтеніемъ двухъ прекрасныхъ областей, которыя умножатъ ея средства,

---

[1]) Депеша князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа къ графу Румянцеву 30-го мая (11-го іюня) и $^{8}/_{20}$-го августа 1810 г.

то съ другой—я выигрываю то, что Австрія сдѣлается такимъ ея врагомъ, какимъ никогда не бывала. Скажу вамъ отровенно, если я согласился въ Эрфуртѣ на присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ княжествъ, то сдѣлалъ это по ненависти къ Австріи" [1]).

Наполеону, мечтавшему о всемірномъ владычествѣ, никогда не приходила въ голову мысль о раздѣлѣ съ кѣмъ бы то ни было своей власти. Онъ выражалъ ее иногда, уступая обстоятельствамъ, но не придавалъ ей инаго значенія, какъ простой временной уступки, какъ дипломатической хитрости, которой никогда не намѣревался исполнить на дѣлѣ. Такъ прельщалъ онъ императора Александра возможностію раздѣлить съ нимъ власть надъ Европой, и какъ-бы приступая къ осуществленію этой мысли, вовлекъ нашъ кабинетъ въ переговоры о раздѣлѣ Турціи. Они не привели, конечно, къ предположенной цѣли, но достигли другой, которой именно и желалъ достигнуть императоръ Наполеонъ: они продлили нашу войну съ Турками и послужили поводомъ къ требованіямъ такихъ тягостныхъ пожертвованій со стороны Турціи, на которыя она не могла согласиться. Эта послѣдняя причина заставила Наполеона признать за Россіей пріобрѣтеніе Бессарабіи и Дунайскихъ княжествъ Эрфуртскимъ договоромъ и объявить объ этомъ во всеуслышаніе Европы. Къ ней присоединилась и другая, которую въ печальной откровенности, что заговаривался часто дѣлалъ Наполеонъ, онъ выразилъ самъ Чернышеву—ненависть къ Австріи. Замышляя нанести послѣдній и рѣшительный ударъ этому государству, онъ долженъ былъ заручиться увѣренностію, что Россія не только не окажетъ ей въ помощи, но будетъ ему содѣйствовать. Онъ не только не думалъ раздѣлять свою власть надъ Европою съ Русскимъ императоромъ, но всѣми способами старался ослабить Россію, вовлекая ее въ войну съ Швеціей и Австріей и способствуя продолженію войнъ съ Турціей и Персіей, чтобы такимъ образомъ ослабляя Россію, удобнѣе подчинить ее своей власти въ то время, когда онъ сочтетъ это нужнымъ для своихъ цѣлей.

Это время и наступило, по мнѣнію Наполеона, послѣ женитьбы на австрійской эрцъ-герцогинѣ. Дѣйствительно, его могущество достигло тогда, по общему мнѣнію, до высшей степени и началось паденіе, что впрочемъ замѣчали лишь немногіе. Оставалась одна дер-

---

[1]) Записка Чернышева 1810 г. Exposé des discours que m'a tenu S. M l'Empereur Napoleon etc.; депеша герцога Кадорскаго Коленкуру 20-го іюля 1810 г. *Bignon*, Histoire de France, гл. XXI.

жава въ Европѣ, которую предстояло ему сокрушить, именно—Россія. Ненависть къ Австріи уже не могла имѣть болѣе мѣста; но въ его душѣ она не замѣнилась дружбою. Онъ готовъ былъ оказать ей покровительство въ той мѣрѣ, въ какой она могла быть ему полезна, но не заключать съ нею союза, какъ равный съ равною. Расчеты Вѣнскаго кабинета въ этомъ случаѣ потерпѣли полное крушеніе; но поѣздка Меттерниха въ Парижъ, не вызванная никакими особыми обстоятельствами, не могла не озабочивать нашъ кабинетъ. Канцлеръ поручилъ нашему посланнику собрать по возможности точныя свѣдѣнія о ея цѣли и значеніи. „Все, что̀ дѣлаетъ здѣсь Меттернихъ“, отвѣчалъ ему князь Куракинъ,—„хранится въ глубочайшей тайнѣ. Однакоже, я имѣю основательныя причины предполагать, что до сихъ поръ онъ не успѣлъ заключить наступательнаго и оборонительнаго союза съ Франціей. Но Тюльерійскій кабинетъ желаетъ держать насъ въ подозрѣніи на этотъ счетъ, всѣми способами распространяетъ эту мысль и хочетъ доказать ея справедливость тѣми ласками и вниманіемъ, которыя оказываетъ лично Меттерниху. Этимъ объясняются газетныя статьи и слухи, распространяемые въ Германіи, которые достигли и до васъ. Въ то время, когда императоръ Наполеонъ такимъ образомъ направляетъ свою политику въ отношеніи къ намъ, возбуждая безпокойство съ нашей стороны на счетъ Австріи, онъ желаетъ возбудить въ ней зависть къ Россіи, представляя крайне опасными для нея наши виды на Турцію. Эта тактика не нова; ею пользовался императоръ Наполеонъ во всѣ времена, посѣвая подозрѣнія и раздоры между европейскими государствами, которыхъ согласіе было бы ему опасно, и этимъ способомъ онъ достигъ того всеобщаго господства надъ Европою, которымъ теперь обладаетъ“ [1]). Въ то же время и Чернышевъ увѣдомлялъ графа Румянцева изъ Парижа, что Наполеонъ употребляетъ всѣ способы возбудить Австрію противъ насъ, указывая ей на наши дѣйствія во время послѣдней войны и упрекая, что мы рѣшились взять у нея одинъ изъ округовъ Галиціи: „Извѣстія о нашихъ побѣдахъ въ Турціи производили на него непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что они служили предзнаменованіемъ скораго и блестящаго мира, тогда какъ онъ былъ совершенно убѣжденъ, что эта война затянется на долго. Онъ подшучивалъ надъ дѣйствіями нашихъ войскъ въ Турціи, но побѣды заставили его измѣ-

[1]) Депеша князя Куракина къ графу Румянцеву 29-го іюля (9-го августа) 1810 года.

нить свои рѣчи“ [1]). Сколько непріятны были ему наши побѣды, столько же радовался онъ пораженіямъ, и немедленно сообщалъ о нихъ своему посланнику въ Петербургѣ, предполагая, что тамъ не узнаютъ иначе истины [2]). Ему не нравился образъ дѣйствія нашихъ войскъ въ Турціи. „Зачѣмъ ваши войска перешли Дунай“, говорилъ онъ Чернышеву, — „это возбудило только фанатизмъ Турокъ, и они дрались лучше, нежели въ прошломъ году. Какая цѣль этого движенія? Идти въ Константинополь? Но этотъ походъ встрѣтилъ бы весьма много затрудненій и не со стороны однихъ Турокъ, но и другихъ державъ. Чтобы привести въ исполненіе такое предположеніе, нужно имѣть во главѣ войскъ человѣка, одареннаго военными способностями, и въ то же время рѣшительнаго политика. По если графъ Каменскій и обладаетъ первыми качествами, то весьма слабъ во вторыхъ“. Осаду Рущука Наполеонъ считалъ ошибкою, которая повела бы къ гибельнымъ послѣдствіямъ, еслибы графу Каменскому не удалось потомъ одержать побѣду надъ Турками подъ Шумлою. Онъ полагалъ, что намъ слѣдовало содержать на Дунаѣ только четыре дивизіи и ограничиваться защитою его лѣваго берега, отражая нападенія Турокъ, которые, увидя, что всѣ ихъ попытки остаются тщетными, рѣшились бы наконецъ заключить миръ на тѣхъ условіяхъ, которыя мы бы имъ предложили. „Но цѣль нашего перехода за Дунай“, отвѣчалъ ему Чернышевъ,—„состояла, лишь въ томъ, чтобы разбить непріятеля и тѣмъ принудить его къ заключенію мира. Подобный образъ дѣйствій ваше величество сами не разъ употребляли и достигали своей цѣли“.

„Да, конечно“, отвѣчалъ Наполеонъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что этотъ переходъ на правый берегъ Дуная очень встревожилъ Австрію. „Она просила у меня объясненій на счетъ тайныхъ статей Эрфуртскаго договора, но я успокоилъ ее, говоря, что въ нихъ идетъ рѣчь только о Молдавіи и Валахіи“ [3]).

Австрію дѣйствительно тревожило всякое удачное дѣло нашихъ войскъ въ Турціи, и особенно появленіе нашихъ войскъ въ Бѣлградѣ. Это послѣднее обстоятельство возбудило даже дипломатическое вмѣшательство и со стороны Тюльерійскаго кабинета, но его скоро успокоилъ отвѣтъ Россіи, что вступленіе нашихъ войскъ въ Сербію условливалось военными соображеніями, а вовсе не видами при-

[1]) Письмо Чернышева къ графу Румянцеву изъ Парижа 13/25-го іюля 1810 г.

[2]) *Bignon*, Hist. de France, гл. XX.

[3]) Записка Чернышева 1810 г.

соединенія Сербіи къ Россіи. Но безпокойство Австріи поддерживалъ и усиливалъ самъ императоръ Наполеонъ. Въ началѣ 1811 года онъ рѣшился уже прямо дипломатическимъ путемъ спросить Австрію, какое направленіе пріймегъ политика Вѣнскаго кабинета въ отношеніи къ войнѣ Россіи съ Турціей. „Я желаю", писалъ онъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, — „чтобы графъ Отто разузналъ, чего хочетъ въ этомъ отношеніи Австрія, и какъ намѣрена она дѣйствовать. Франція, по Тильзитскому договору, установила возвратить Туркамъ Молдавію и Валахію и только въ Эрфуртѣ отказалась отъ своего вмѣшательства. Франція такъ поступила изъ ненависти къ Австріи (en haine de l'Autriche), которая приготовлялась тогда воевать съ Франціей. Но ничто не можетъ быть такъ противно Австрійской монархіи, какъ присоединеніе этихъ княжествъ къ Россіи. Теперь Франція съ неудовольствіемъ относится къ такому значительному увеличенію Русской имперіи, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе послѣдняго указа (относительно тарифа) въ Молдавію и Валахію не будетъ допущенъ ввозъ французскихъ товаровъ. Но возможно ли надѣяться, чтобы Порта и въ слѣдующемъ году могла защищать эти княжества? Не слѣдуетъ ли опасаться, что вмѣстѣ съ ними она можетъ потерять и Сербію? Франція не можетъ выразить мнѣнія противъ присоединенія Молдавіи и Валахіи къ Россіи, не вынудивъ Россію заключать миръ съ Англіей, что́ повлекло бы за собою немедленно войну. Впрочемъ, и Россія едвали согласится добровольно отказаться отъ нихъ. Но вопросъ о Молдавіи и Валахіи имѣетъ второстепенное значеніе для Франціи, между тѣмъ какъ для Австріи онъ въ высшей степени важенъ. Поэтому необходимо знать, на что́ можетъ рѣшиться въ этомъ случаѣ ея политика? Рѣшится ли Австрія воевать съ Россіей? Вообще, какъ намѣрена она дѣйствовать? Надѣется ли она, что Турки не уступятъ этихъ княжествъ" [1]).

Вѣнскій кабинетъ, лишившись уже надежды заключить наступательный и оборонительный союзъ съ Франціей, конечно, понялъ, что императоръ Наполеонъ хочетъ руками Австріи загребать жаръ, и отвѣчалъ, что не считаетъ возможнымъ противодѣйствовать видамъ Россіи вооруженною рукою, но съ этого времени удвоилъ свои старанія въ Константинополѣ, при помощи Франціи и Англіи, поддержать упорство Турціи, совѣтуя ей не соглашаться на уступку Россіи этихъ

[1]) Письмо императора Наполеона къ герцогу Кадорскому 25-го февраля н. ст. 1811 г. *Bignon*, Hist. de France, гл. XXVIII.

княжествъ и продолжать войну съ нею, а въ то же время увѣрялъ Петербургскій кабинетъ, что, не смотря на семейныя связи съ Наполеономъ, Австрія желаетъ сохранить дружественныя отношенія къ Россіи. Конечно, образъ дѣйствій французской политики не былъ тайною для Петербургскаго кабинета; графъ Румянцевъ нѣсколько разъ давалъ это замѣтить герцогу Виченскому, который извѣщалъ о томъ свой кабинетъ. Но императоръ Наполеонъ считалъ оскорбленіемъ своего величія, когда осмѣливались не поддаваться его обманамъ, понимать тайныя его намѣренія и дѣйствія и не вѣрили не только его словамъ, но и торжественнымъ обѣщаніямъ. Онъ сильно гнѣвался за это и гнѣвъ свой выражалъ при каждомъ случаѣ. „Графъ Румянцевъ вѣритъ всякимъ слухамъ", говорилъ онъ Чернышеву, — „онъ считаетъ меня способнымъ поощрять упрямство Турокъ и стараться продолжать вашу войну съ ними. Я слишкомъ могущественъ для того, чтобы прибѣгать къ подобнымъ средствамъ; такая политика прилична только маленькимъ нѣмецкимъ государствамъ, какъ Пруссія, которыя и не умѣютъ дѣйствовать иначе. Не прибѣгая къ подобнымъ средствамъ, я прямо объявилъ бы войну"... „Всякій разъ, какъ вы начнете подозрѣвать меня въ интригахъ", говорилъ Наполеонъ князю А. Б Куракину, — „вы жестоко меня оскорбите и покажете, что вмѣсто заботы о сохраненіи союза вы ищете случая поссориться со мною" [1]). Таковы были отношенія европейской политики къ нашимъ войнѣ и миру съ Турками въ 1810 г. Въ концѣ этого года Порта заявила, что не иначе приступитъ къ переговорамъ о мирѣ, какъ съ принятіемъ Россіей предварительнаго условія, что ея граница съ Турціей будетъ опредѣлена рѣкою Днѣстромъ. На этомъ условіи Австрія предлагала свое посредничество нашему кабинету въ примиреніи насъ съ Оттоманскою Портою. Императоръ Александръ отвергъ какъ посредничество Австріи, такъ и условіе, предложенное Портою. „Неужели въ Царьградѣ", писалъ онъ графу Каменскому, — „могутъ думать, что мы согласимся на такое предложеніе, когда Бессарабія, Молдавія и Валахія давно уже покорены россійскому оружію, когда мы имѣемъ въ нашей власти всѣ крѣпости на Дунаѣ, съ значительнымъ пространствомъ впереди ихъ? Не Портѣ Оттоманской слѣдуетъ сдѣлать уступку въ пользу Россіи, но Россіи возвратитъ Портѣ все то, что́ не нужно намъ за собою оставить".

---

[1]) Записка Чернышева 1810 г.; депеша князя Куракина къ графу Румянцеву 6-го августа 1810 г. изъ Парижа; *Bignon*, гл. XXI.

Императоръ прямо выражалъ, что не находитъ „ни нужды, ни приличія довольствоваться иною границею, какъ Дунай".

Между тѣмъ разрывъ Россіи съ Франціей ни для кого уже не былъ тайной, и военныя приготовленія Наполеона достигли такого развитія, что вся Европа была увѣрена, что въ слѣдующемъ 1811 году онъ начнетъ войну съ Россіей. Нѣкоторое время въ этомъ былъ увѣренъ и нашъ кабинетъ и потому императоръ, въ январѣ мѣсяцѣ этого года предписалъ графу Каменскому отъ девяти дивизій, находившихся подъ его начальствомъ, пять отправить обратно въ Россію, а съ четырьмя остальными ограничиться оборонительною войною противъ Турокъ, защищая лишь лѣвый берегъ Дуная и удерживая за собою крѣпости на правой ея сторонѣ [1]). Уменьшеніе войскъ на половину, предписаніе вести только оборонительную войну, и въ то же время, рѣшительное требованіе заключить миръ не иначе, какъ на прежнихъ условіяхъ, поставили графа Каменскаго въ крайне затруднительное положеніе. „Когда не могли мы", отвѣчалъ онъ государю,— „достигнуть сихъ условій силой оружія, то какую надежду можемъ питать согласить Турокъ на уступки, когда увидятъ они, что мы принуждены вести войну оборонительную" [2]).

Въ такомъ положеніи находились наши дѣла на Дунаѣ, когда пораженный смертельною болѣзнью, молодой и даровитый полководецъ графъ Н. М. Каменскій былъ замѣненъ престарѣлымъ военачальникомъ временъ Екатерины—генераломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Ему предстояли какъ въ военномъ, такъ и въ дипломатическомъ отношеніи задачи, гораздо болѣе трудныя, нежели всѣмъ его предшественникамъ. Съ войскомъ, убавленнымъ болѣе, нежели на половину, состоявшемъ всего изъ 46 тысячъ человѣкъ, онъ не только долженъ былъ продолжать военныя дѣйствія, но и заключить миръ, во что бы то ни стало, потому что необходимость его заключенія съ каждымъ днемъ становилась болѣе и болѣе настоятельною. Между тѣмъ нашъ кабинетъ зналъ, что *единственное средство* принудить Турцію къ заключенію мира состоитъ въ томъ, чтобы нанести сильное пораженіе ея войскамъ, какъ постоянно писалъ графъ Румянцевъ князю Багратіону, какъ зналъ по опыту нашъ кабинетъ, а также зналъ хорошо и самъ Кутузовъ [3]).

[1]) Повелѣніе императора графу Каменскому, 15-го января 1811 года.

[2]) Донесеніе графа Каменскаго государю 22-го января 1811 года.

[3]) Рескриптъ императора Александра къ кн. Прозоровскому 23-го января 1809 г.; отношеніе графа Румянцева къ князю Багратіону 28-го ноября 1809 г.

Но возможно ли было надѣяться, располагая незначительными средствами, при оборонительной войнѣ нанесть такое сильное пораженіе непріятелю, чтобы принудить его искать мира и согласиться на тяжелыя условія? Возможно ли даже было съ такимъ недостаточнымъ количествомъ войскъ не только успѣшно оборонять границу по теченію Дуная почти на 1 000 верстъ протяженія, но и удерживать крѣпости на правой его сторонѣ и не выпустить изъ рукъ Молдавію, Валахію и Бессарабію, уже занятыя давно нашими войсками? Едва-ли какое-нибудь совѣщаніе ученыхъ теоретиковъ, знатоковъ стратегіи и тактики отвѣчало бы на эти вопросы иначе, какъ отрицательно. Но, конечно, они разрѣшались иначе въ соображеніяхъ опытнаго вождя и дипломата временъ Екатерины, безпрекословно принявшаго новое назначеніе на закатѣ своей жизни, исполненной доблестныхъ подвиговъ и увѣнчанной славою. *Правая рука* Суворова, по собственному его выраженію, на первой порѣ своей военной службы замѣченный Екатериною и удостоенный потомъ постояннымъ ея вниманіемъ и покровительствомъ, онъ, конечно, также какъ и всѣ ея сподвижники, проникнутъ былъ чувствомъ безусловнаго повиновенія верховной власти, олицетворявшейся для нихъ въ видѣ женщины, озаренной геніемъ. Въ половинѣ марта (15-го числа) Кутузовъ выѣхалъ изъ Вильны и къ апрѣлю мѣсяцу прибылъ въ Бухарестъ, гдѣ его ожидалъ умирающій Каменскій, радуясь, что передаетъ начальство надъ войсками опытному полководцу [1]).

Трудное положеніе новаго главнокомандующаго усиливалось еще болѣе рѣшимостью султана не только продолжать войну оборонительную, но дѣйствовать даже наступательно, если Россія не измѣнитъ своихъ условій для заключенія мира. Два обстоятельства придали силу упрямому и настойчивому характеру султана въ это время: отступленіе пяти дивизій изъ Молдавской арміи въ границы Россіи и усиленныя подстреканія Франціи. Эти послѣднія не имѣли-бъ особаго значенія для Турокъ, ненавидѣвшихъ Наполеона и не придававшихъ вѣры его обѣщаніямъ, но ихъ поддерживали Австрія и Англія, съ своей стороны, отклонявшая Турокъ отъ примиренія съ Россіей на тѣхъ условіяхъ, которыя предлагалъ нашъ кабинетъ.

Приближавшаяся война Россіи съ Франціей ободряла Турокъ къ продолженію военныхъ дѣйствій противъ насъ; а что дѣйствительно

---

[1]) Письма Кутузова къ его супругѣ 1-го, 6-го и 13-го апрѣля 1811 г. *Русск. Старина*, 1872 г., т. V.

близка эта война, въ томъ убѣждалъ Турцію отзывъ пяти дивизій изъ арміи, дѣйствовавшей противъ нея,—отзывъ, вынужденный необходимостью для Россіи усиливать средства обороны противъ новаго врага. Престарѣлый визирь Юзуфъ-паша, неспособный къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, былъ смѣненъ и на его мѣсто назначенъ Ахметъ-бей, прославившійся у Турокъ отбитіемъ приступа князя Прозоровскаго къ Браилову. Ему въ сотрудники приданъ Бошнякъ-Ага, не менѣе его извѣстный упорною защитою Рущука противъ графа Каменскаго. Съ поспѣшностію отовсюду собирались войска и сосредоточивались у Шумлы и Софіи и къ маю мѣсяцу составляли 75-тысячную армію, готовую двинуться на лѣвый берегъ Дуная [1]).

Въ то время, когда Турки собирались съ силами, нашъ главнокомандующій не предпринималъ никакихъ военныхъ дѣйствій; но строго слѣдуя плану, напередъ разчитанному и соображенному съ обстоятельствами времени, мѣстностью и давно знакомыми ему свойствами Турокъ, принималъ дѣятельныя мѣры для защиты 1.000 верстной черты, занимаемой нашими войсками отъ Бѣлграда до самыхъ устьевъ Дуная. „Тщетно было бы помышлять", писалъ онъ военному министру,—„такое огромное разстояніе занять вездѣ сильно. Раздробленіе же войскъ безъ подвижныхъ корпусовъ отворитъ путь въ Валахію первому непріятельскому корпусу, нѣсколько значительному". Поэтому онъ срылъ и взорвалъ укрѣпленія Никополя и Силистріи и перевелъ всѣ войска на лѣвый берегъ Дуная, расположивъ главныя свои силы у Бухареста, Журжи и Рущука, правое крыло въ Краіовѣ, лѣвое у Слободзеи, а на оконечностяхъ оборонительной линіи оставилъ небольшіе отряды при устьяхъ Дуная и въ Бѣлградѣ. „Расположеніе войскъ сообразно съ нынѣшними обстоятельствами", писалъ онъ государю;—„оно можетъ перемѣниться, и я мгновенно передвину войска. Идти къ Шумлѣ атаковать верховнаго визиря не возможно и безполезно. Завоеваніе Шумлы по принятому правилу оборонительной войны совсѣмъ не нужно. Но, можетъ быть, *скромнымъ поведеніемъ* моимъ ободрю самого визиря выйдти изъ Шумлы или выслать значительное число войскъ къ Разграду и далѣе къ Рущуку. Тогда, соединивъ корпуса Ланжерона и Ессена и оставивъ небольшой гарнизонъ въ Рущукѣ, поведу ихъ на непріятеля; *конечно*, съ помощію

[1]) Полн. собр. соч. *Михайловскаго-Данилевскаго*, т. III, гл. XXX и слѣд.; *Zinkeisen*, Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, т. VII, гл. III и IV.

Божіей, *разобью* его и могу преслѣдовать его по плоскости верстъ 25 за Разградъ, безъ всякой для себя опасности. Въ то же время Зассъ (составлявшій правое крыло его войскъ), по крайней мѣрѣ, съ 10 баталіонами пѣхоты, соразмѣрнымъ числомъ конницы и артиллеріи переправится за Дунай и пойдетъ къ Врацѣ. Къ сей переправѣ приказалъ я въ тайнѣ дѣлать всѣ приготовленія, но дѣйствій Засса не велю приводить въ исполненіе, если непріятель противъ него будетъ сильнѣе 12 тысячъ человѣкъ. Главный мой корпусъ и корпусъ Засса не должны предпринимать нападеній на сильныя укрѣпленія, а только на слабые окопы, дѣлаемые Турками на всякомъ почлегѣ; ибо брать приступомъ крѣпости съ большою потерею людей и съ тѣмъ, чтобы вслѣдствіе войны оборонительной, опять оставлять ихъ, стоило бы дорого и было бы не благоразумно. Сожалѣю очень, что не могу представить повѣствованія о блистательныхъ моихъ дѣйствіяхъ и быстрыхъ побѣдахъ, но доношу только о весьма умѣренныхъ, единственно оборонительной войнѣ свойственныхъ предположеніяхъ" [1]).

Защищать Рущукъ, требовавшій значительнаго гарнизона при малочисленномъ войскѣ, и въ видахъ оборонительной войны было также затруднительно и безполезно, какъ и оборонять другія укрѣпленныя мѣста на правомъ берегу Дуная. Но главнокомандующій напередъ объяснилъ причины, по которымъ счелъ нужнымъ еще удерживать Рущукъ въ нашихъ рукахъ. Намѣреваясь вызвать самихъ Турокъ на дѣйствія наступательныя, онъ предполагалъ, что визирь двинется противъ него и пошлетъ корпусъ къ Виддину для вторженія въ Валахію; онъ надѣялся разбить его между Рущукомъ и Разградомъ и принималъ мѣры противъ вторженія Турокъ въ Валахію. Разбить Турокъ онъ считалъ необходимымъ не только по военнымъ соображеніямъ, но и потому, что совершенно былъ увѣренъ, что они не только не будутъ уступчивы, но вовсе не войдутъ въ мирныя соглашенія, если не потерпятъ сильныхъ пораженій, и особенно войска верховнаго визиря. До того времени онъ не хотѣлъ вызывать Турокъ на переговоры о мирѣ, но охотно воспользовался, подготовляя для нихъ почву, случаемъ войдти въ пріязненныя сношенія съ верховнымъ визиремъ,

---

[1]) Донесеніе государю 20-го мая и отношеніе къ военному министру того же числа 1811 г., сходное по содержанію. Въ концѣ донесенія государю М. И. Кутузовъ излагаетъ однакоже предположенія, какъ бы онъ дѣйствовалъ, если бы могъ вести наступательную войну. Этотъ планъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ совершенно сходенъ съ планомъ, которому слѣдовалъ графъ Дибичъ въ 1829 г.

который самъ подалъ ему поводъ къ тому. Пріѣхавъ въ Бухарестъ, М. И. Кутузовъ нашелъ тамъ Ахмета-Агу, посланнаго визиремъ къ графу Ланжерону съ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ дозволенія доставить деньги Пеглеванъ-пашѣ, находившемуся у насъ въ плѣну. „По опытности, какую я имѣлъ случай пріобрѣсть въ сношеніяхъ съ министерствомъ Порты, не хотѣлъ я для начатія таковыхъ моихъ сношеній съ визиремъ дѣлать перваго шагу", писалъ Кутузовъ Румянцеву; но воспользовавшись его письмомъ къ графу Ланжерону, онъ поспѣшилъ увѣдомить его о своемъ назначеніи главнокомандующимъ Молдавскою арміей. Увѣряя визиря, что онъ приметъ мѣры для отправленія посланнаго имъ Ахмета-Аги къ Пеглевану-пашѣ, онъ писалъ ему, что по прибытіи къ войскамъ съ удовольствіемъ узналъ, что почти въ одно и то же время, какъ онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Молдавскою арміей, и Ахметъ-Паша былъ возведенъ въ высокое званіе визиря. „Считаю долгомъ", писалъ онъ ему, — „поздравить васъ съ этимъ назначеніемъ, основываясь на моемъ старинномъ знакомствѣ съ вами, которое началось около 19 лѣтъ тому назадъ. Я съ удовольствіемъ вспоминаю то время и радуюсь счастливому случаю, поставившему меня въ настоящее время въ непосредственныя отношенія къ вашей свѣтлости, дающія мнѣ возможность выразить тѣ чувства, которыя я питаю къ вамъ съ такого отдаленнаго времени. Смѣю думать, что несчастныя обстоятельства, поставившія во враждебныя отношенія двѣ имперіи, не могутъ имѣть вліянія на нашу старинную дружбу. Она можетъ быть совмѣстна съ тѣмъ усердіемъ и вѣрностію, которыя мы питаемъ къ нашимъ государямъ"[1]).

Не задолго до того, какъ Кутузовъ отправилъ это письмо къ визирю, въ главную квартиру Молдавской арміи прибылъ Италинскій, бывшій нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ, съ предписаніемъ нашего кабинета вызвать Турокъ на мирные переговоры. Съ этою цѣлію рѣшено было отправить переводчика Фонтона къ визирю; но Кутузовъ задержалъ его отправленіе въ ожиданіи отвѣта на свое письмо. Онъ не хотѣлъ сдѣлать перваго шага, какъ онъ выражался въ этомъ случаѣ, и ожидалъ, что его сдѣлаетъ самъ визирь въ отвѣтѣ на пись-

[1]) Письмо визиря къ графу Ланжерону 12-го апрѣля; письмо Кутузова къ визирю 20-го апрѣля; и о же донесеніе графу Румянцеву изъ Бухареста 24-го апрѣля 1811 г.

мо. Его ожиданіе оправдалось. „Поспѣшность, съ которою ваше превосходительство извѣстили меня о своемъ назначеніи“, писалъ ему Ахметъ-Паша,—„поздравленія, которыми вы почтили меня по случаю моего вступленія въ верховный визиріатъ, и желаніе возобновить наши частныя, старинныя дружескія отношенія, все это мнѣ чрезвычайно пріятно и побуждаетъ вознести мольбы къ Всевышнему, чтобы несогласія и вражда, продолжающіяся до настоящаго времени между двумя имперіями, которыя нѣкогда были соединены узами дружбы, были бы какъ можно скорѣе устранены, и чтобы намъ суждено было слѣлаться орудіями мира“. Упоминая о прежнихъ предположеніяхъ на счетъ мирныхъ переговоровъ, заявленныхъ графомъ Ланжеропомъ, Ахметъ-бей уже прямо выражалъ желаніе прислать уполномоченныхъ для переговоровъ съ нашими [1]).

Получивъ это письмо, Кутузовъ немедленно отправилъ переводчика Фонтона въ Шумлу съ своимъ отвѣтомъ, въ которомъ выражалъ согласіе принять Турецкихъ уполномоченныхъ для переговоровъ съ Италинскимъ. Съ Фонтономъ прибылъ изъ Шумлы Турецкій уполномоченный Гамидъ-Ефенди. По послѣ первыхъ переговоровъ съ нимъ, наши уполномоченные замѣтили, что ему не велѣно даже приступать къ переговорамъ, если мы будемъ настаивать объ границѣ по Дунай [2]).

Эта неудача, въ самомъ началѣ грозившая разрывомъ переговоровъ, произошла отъ того, что, исполняя предписанія нашего кабинета, Италинскій написалъ верховному визирю, что онъ назначенъ по Высочайшему повелѣнію для переговоровъ о мирѣ [3]). Изъ этого письма визирь понялъ то, что такъ тщательно желалъ скрыть Кутузовъ,—что самъ русскій кабинетъ дѣлаетъ первый шагъ въ этомъ случаѣ. Въ разговорахъ уже съ Фонтономъ, во время его пребыванія въ Шумлѣ, онъ измѣнилъ тонъ и выражалъ надменныя требованія, которыя и повторилъ Гамидъ-паша нашему уполномоченному. Увѣдомляя объ этомъ канцлера, Кутузовъ писалъ ему, что „не имѣя ни малѣйшей надежды получить себѣ успѣха отъ сихъ переговоровъ, мы старались по крайней мѣрѣ исполнить волю его императорскаго ве-

---

[1]) Письмо визиря 28-го апрѣля; отношенія Кутузова къ графу Румянцеву 26-го апрѣля и 3-го и 6-го мая 1811 г.

[2]) Письмо Кутузова къ визирю 7-го мая; донесеніе Фонтона Кутузову изъ Шумлы 15-го мая; отношенія Кутузова къ графу Румянцеву 12-го, 20-го мая и 1-го іюня 1811 г.

[3]) Письмо Италинскаго къ визирю 3-го мая, 1811 г.

личества, склонивъ Гамида-Ефенди остаться на нѣкоторое время здѣсь, подъ благовиднымъ предлогомъ, ибо какъ онъ самъ, такъ и мы должны донести нашимъ дворамъ о несогласіяхъ, встрѣтившихся при самомъ началѣ переговоровъ“ [1]).

Кутузовъ перенесъ по военнымъ соображеніямъ главную квартиру въ Журжу (6-го іюня). Тайный совѣтникъ Италинскій оставался въ Бухарестѣ, гдѣ всѣми способами старался удержать подолѣе Гамида-Ефенди, доставляя ему всевозможныя удовольствія. Но время длилось, и ожидать успѣховъ отъ переговоровъ было невозможно, пока нашъ кабинетъ не рѣшится измѣнить своихъ требованій. Кутузовъ это понималъ и ожидалъ только, какое вліяніе окажутъ на Турокъ подготовляемыя имъ военныя дѣйствія, не рѣшаясь писать къ государю о томъ, что необходимо измѣнить наши требованія, чтобы достигнуть заключенія мира. Онъ не рѣшался, конечно, зная, что подобныя предложенія дѣлали его предшественники, но они были не удачны.

Изъ этого затруднительнаго положенія вывело его отношеніе графа Румянцева отъ 6-го іюня, въ которомъ канцлеръ увѣдомлялъ его, что одинъ изъ плѣнныхъ Турокъ, Румелійскій бегларъ-бей Исманлъ-паша, взятый въ плѣнъ вмѣстѣ съ Пехлеваномъ при Базарджикѣ и содержавшійся въ Орлѣ, по его желанію и съ разрѣшенія правительства, пріѣзжалъ въ Петербургъ и сообщилъ различныя свѣдѣнія о положеніи Турціи, которыя имѣли вліяніе на взгляды нашего кабинета. Изъ разговоровъ съ нимъ убѣдились, что Порта никогда не уступитъ Молдавіи и Валахіи, и притомъ не вслѣдствіе вліяній посторонихъ державъ, каковы Франція, Австрія и другія, но по упрямству самого султана. Сообщая объ этомъ разговорѣ Кутузову, по повелѣнію государя, канцлеръ писалъ: „Хотя его величество и не перемѣняетъ мнѣнія своего, что на случай трактованія о мирѣ первая и главнѣйшая цѣль наша должна быть утвержденіе за нами обоихъ княжествъ, и что никакія другаго рода пріобрѣтенія замѣнить того не могутъ, но воздавая полную цѣну и справедливость превосходнымъ талантамъ вашимъ и усердію, его величество не только дозволяетъ вамъ, но и вызываетъ васъ сказать ему мнѣніе ваше, полагаете ли вы, по зрѣломъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, такое султаново упорство въ самомъ дѣлѣ непреодолимымъ, и чтобъ онъ имѣлъ способы надолго еще устоять въ ономъ? И въ такомъ случаѣ не признаете ли вы для насъ полезнѣе, для совершенной развязки дѣлъ слѣдующую перемѣну:

[1]) Отношеніе Кутузова къ графу Румянцеву 10-го іюня 1811 г.

чтобы требовать уступки Молдавіи по рѣку Серетъ, а въ замѣнъ же за остальную часть сего княжества, и за всю Валахію, чтобы Порта намъ заплатила, буде не можетъ болѣе, то хотя 20 милліоновъ піастровъ? Государь императоръ указалъ мнѣ также, по безпредѣльной и неограниченной его къ вамъ довѣренности, сообщить вамъ всѣ мысли его по сему предмету во всей откровенности. Граница по рѣку Серетъ была бы всегда имъ признаваема за наилучшую для Россіи; но пріобрѣтеніе обоихъ княжествъ оставляло бы въ нашихъ рукахъ способъ сдѣлать какой-нибудь выгодный промѣнъ съ Австріей, уступкою ей Валахіи за другую область. А хотя бы таковаго промѣна не послѣдовало, то имѣя возможность постепенно предлагать ей Валахію, въ видѣ ли уступки или обмѣна, сохраняли бы мы всегда чрезъ то сильнѣйшій вѣсъ въ политической системѣ Вѣнскаго кабинета и надолго бы его къ себѣ привязали. Вотъ причины, по коимъ наиболѣе желательно для насъ пріобрѣтеніе обоихъ княжествъ, и по онымъ его величество почитаетъ сіе пріобрѣтеніе наиважнѣйшимъ для своей имперіи. Передавая всѣ сіи замѣчанія извѣстному вашему усердію къ пользѣ отечества, вашей прозорливости и великой опытности въ дѣлахъ, его величеству угодно знать ваши заключенія по симъ предметамъ, вслѣдствіе того что будетъ предлагаемо турецкимъ чиновникамъ“ [1]).

Это отношеніе канцлера, конечно, весьма обрадовало Кутузова какъ выраженіе довѣрія къ нему государя, и особенно потому, что обличало возможность со стороны нашего кабинета, измѣнить тѣ требованія отъ Порты, на которыхъ онъ такъ долго и упорно настаивалъ. Онъ немедленно отвѣчалъ канцлеру. Подтвердивъ заявленіе Измаила-паши о характерѣ султана, раздѣляемое не только Турками, но всѣми иностранцами, знакомыми съ Портою, онъ видѣлъ главную причину неуступчивости его въ отношеніи къ Молдавіи и Валахіи не въ этомъ одномъ обстоятельствѣ. „Мы требуемъ“, писалъ онъ, — „*четырехъ* провинцій отъ Порты: Малой Валахіи, Большой Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи. Но не столько входятъ въ расчетъ пространство и качество сихъ земель, сколько корысть частныхъ людей, кои управляютъ дѣлами Порты или въ управленіи участвовать надѣются, а наиболѣе *Фанарскихъ Грековъ*, тѣхъ, кои льстятся достигнуть до княжества, и множества тѣхъ, кои подъ покровительствомъ господаріи надѣются обогатиться при мѣстахъ, въ сихъ княжествахъ. Отъ

[1]) Отношеніе графа Румянцева къ Кутузову 6-го іюня 1811 г.

сихъ Грековъ переходятъ ежегодно подарками превеликія суммы ко всѣмъ чиновникамъ Порты, и вліяніе сихъ людей на умы министерства турецкаго извѣстно; а оное множество частныхъ пользъ препятствовать можетъ долгое время къ постановленію мира на томъ основаніи, чтобы повсемѣстно Дунай сдѣлать границею". Упорство султана не устояло бы долго противъ неудовольствія народа, и особенно янычаръ, требовавшихъ заключенія мира. Внушеніямъ иностранныхъ державъ Порта не довѣряла, особенно Франціи, зная о прежнихъ замыслахъ Наполеона и Австріи, которой своекорыстная политика была давно ей извѣстна. Намѣренія султана съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о движеніи пяти дивизій изъ молдавской арміи обратно въ Россію, о нашемъ намѣреніи вести оборонительную войну и перенести военныя дѣйствія на лѣвый берегъ Дуная, давали нашему главнокомандующему даже удобный случай успѣшно исполнить свои собственныя предположенія о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турокъ. Но устранить вліяніе фанаріотовъ и другихъ Грековъ на Порту онъ считалъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ такъ скоро, какъ этого требовали обстоятельства, вынуждавшія насъ не медлить заключеніемъ мира. Онъ очень хорошо зналъ, что эти Греки представляютъ не только умъ и знаніе въ турецкомъ правительствѣ, но держатъ въ своихъ рукахъ всѣхъ ея сановниковъ и чиновниковъ ежегодными богатыми подкупами. Онъ зналъ по опыту корыстолюбіе чиновниковъ Порты и еще большее корыстолюбіе и властолюбіе этихъ Грековъ, уже нѣсколько столѣтій хищнически грабившихъ Дунайскія княжества, и конечно, не желавшихъ выпустить изъ своихъ рукъ богатую добычу. Поэтому, даже уступку Австріи обѣихъ Валахій онъ не считалъ такимъ условіемъ, которое могло бы облегчить намъ заключеніе мира съ Турками. „Если бы даже Австрія рѣшилась принять ихъ", продолжалъ Кутузовъ, — „и заняла бы ихъ своими войсками, то и тогда война продолжалась бы столько же долго". Различіе состояло бы только въ томъ, что она „не была бы для насъ такимъ бременемъ, какъ нынѣ. Короткая операціонная линія и соединеніе почти съ губерніями Подольскою и Кіевскою, облегчило бы въ разныхъ отношеніяхъ военное наше положеніе, когда напротивъ того, раздвинувшись до самой Сербіи, — положимъ и въ мирное время, - какую надежность имѣть можно при всѣхъ оборотахъ политическихъ дѣлъ удерживать такія провинціи. Какое протяженіе границъ, и какой расходъ войска! Почитаю при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и съ хорошими способами (то есть, съ гораздо большимъ количествомъ войскъ), едва возможнымъ пріоб-

рѣтеніе въ *годъ* или *два* Валахіи; но считаю не весьма труднымъ достигнуть до уступки Молдавіи".

М. П. Кутузовъ основывалъ свое мнѣніе главнѣйше на томъ соображеніи „что корыстолюбивые виды частныхъ людей въ Константинополѣ съ сохраненіемъ обѣихъ Валахій еще довольно будутъ имѣть пищи для своей алчности". Молдавіей же не особенно дорожатъ фанаріоты. „Драгоманъ Порты князь Мурузи при разговорахъ, когда рѣчь коснется этого княжества, называетъ его *безполезнымъ* для Порты, состоящимъ какъ будто на особыхъ правахъ". Сверхъ того, Кутузовъ надѣялся, что „вопль народа и корпуса янычарскаго, желающихъ мира, будетъ имѣть болѣе важности, если будутъ знать, что требованія наши столь умѣренны". Въ подтвержденіе этого мнѣнія, онъ упоминалъ о разказахъ австрійскаго генеральнаго консула Раабе, только что прибывшаго изъ Константинополя, и давно знакомаго Кутузову, который утверждалъ „что между людьми, которые трутся около министровъ, носится мнѣніе, что необходимо отдать землю до Прута. что̀ ужь и составляетъ половину того, что̀ при уступкѣ всей Молдавіи они потерять могли". Но, предполагая возможность поземельныхъ уступокъ со стороны Турціи, Кутузовъ прямо опровергалъ мнѣніе Измаила-паши о денежныхъ вознагражденіяхъ, и былъ увѣренъ, что Порта никогда на нихъ не согласится: „Скорѣе думаю", писалъ онъ, — „она согласится на уступку Молдавіи, нежели на пожертвованіе 20 милліоновъ піастровъ, что̀ хотя и дѣлаетъ только 2 милліона червонныхъ, но никакъ не согласно съ глупостію Турокъ".

Выражая надежду, что Порта можетъ уступить Молдавію, онъ не упоминаетъ однакожь о границѣ по Серетъ, а указываетъ на то, что Турки безъ особыхъ затрудненій уступятъ земли по Прутъ; напоминаетъ о Бессарабіи, про которую какъ будто забыли въ нашихъ сообщеніяхъ, говоря постоянно о Молдавіи и Валахіи. „Въ концѣ моего письма", заключаетъ онъ, — „вижу, что отвѣчалъ болѣе, какъ то, о чемъ меня вопрошали; но уповаю, что простится мнѣ что-либо излишнее и отнесется къ моей ревности", и усердно просилъ, что, если государю угодно будетъ сдѣлать въ требованіяхъ нашихъ какую перемѣну", то сообщить ему немедленно, чтобъ онъ могъ воспользоваться пребываніемъ Гамида-Эфенди въ Бухарестѣ и приступить къ настоящимъ переговорамъ" [1]).

Въ этомъ письмѣ выразился не военачальникъ только, но и опыт-

[1]) Письмо Кутузова къ графу Румянцеву изъ Журжи 18-го іюня 1811 г.

ный политикъ, дипломатъ, хорошо знавшій Турокъ и ихъ правительство. Онъ первый указалъ на главную и существенную причину, поддерживавшую упорство султана, не хотѣвшаго и слышать объ уступкѣ Россіи Дунайскихъ княжествъ, то есть, на *Грековъ-фанаріотовъ*, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе этими княжествами [1]). Наше правительство того времени думало покровительствовать княжествамъ, оставляя обычное устройство диванов въ Молдавіи и Валахіи и назначая въ нихъ по одному только русскому сановнику въ качествѣ посредника между народнымъ правленіемъ и нашими главнокомандующими; но вмѣсто того оно покровительствовало Грекамъ, угнетавшимъ народъ. „Весьма сомнительно", писалъ Фонтонъ еще князю Багратіону, — „чтобы бояре управляющіе были къ намъ преклонны. Имъ однакожъ, хотя бы изъ благодарности, надлежало быть намъ преданными, ибо мы позволяемъ имъ грабить безнаказанно. Они притворяются, будто вздыхаютъ о народномъ бѣдствіи, и имѣютъ безстыдство приписывать сіе расходамъ, причиняемымъ арміей. Но достовѣрно то, что земля сія при хорошемъ управленіи могла бы содержать армію вдвое многочисленнѣе. Бѣдность есть токмо слѣдствіе ихъ грабительствъ. Никогда земля сія не была такъ угнетена, какъ при греческихъ господаряхъ. Почему ваше сіятельство не перемѣните расположенія вашего къ боярамъ, коимъ ввѣрили управленіе? Почему оно не можетъ быть лучше ввѣрено россійской коммисіи" [2]).

Слыша отовсюду о жалобахъ народа, а въ то же время и самихъ подчиненныхъ ему войскъ, онъ со вниманіемъ изслѣдовалъ положеніе дѣлъ и донесъ о немъ императору. „Надлежало бы", писалъ онъ,— „исписать цѣлую книгу, когда бы хотѣлъ изобразить во всей ясности тѣ истерженія, которыя себѣ валахское правительство позволяло и которыя довели обывателей до отчаянія". [3]). Онъ рѣшился собрать

---

[1]) Это обстоятельство замѣтилъ впослѣдствіи и прусскій агентъ въ Константинополѣ б. Вертернъ: «Je me permets de faire une observation, qu' aussi longtemps que la cour imperiale persistera à se faire ceder les provinces au dela de Sereth, elle excite tous les Grecs d'ici à une opposition sourde, qui étant d'accord avec les dispositions guerières du souverain, ne restera pas sans effet et qui cesserait aussitot que l'on laisserait aux Turcs les provinces en deçu du Prouth; puisqu'alors une assez grande partie de la Moldavie leur resterait pour en former une principauté en faveur des Grecs». Депеша 25-го ноября 1811 г., полученная въ Петербургѣ въ январѣ 1812 г.

[2]) Отношеніе Фонтона къ князю Багратіону 8-го декабря 1809 г.

[3]) Донесеніе государю князя Багратіона 3-го февраля 1810 г.

всѣхъ бояръ, чтобы выбрать новыхъ чиновниковъ; но и тѣ оказались такими же, какъ и прежніе, потому что были избраны изъ той же самой среды [1]). Опасаясь съ присоединеніемъ княжествъ къ Россіи лишиться наконецъ возможности грабить народъ, они усилили грабежъ въ это время и сваливали вину на русскія войска, и когда обличали ихъ, то они взводили клеветы на русскихъ главнокомандующихъ.

Какъ вопли народа, такъ и клеветы на русскія войска и ихъ вождей доходили до Петербурга, возбуждали негодованіе императора и распространялись даже по Европѣ. „Что ваши генералы сильно грабятъ въ Турціи“? спросилъ Наполеонъ Чернышева въ одномъ изъ разговоровъ съ нимъ въ 1810 году. На его отвѣтъ, что подобныя злоупотребленія неизвѣстны въ нашихъ войскахъ, и что въ послѣднихъ нашихъ войнахъ въ Финляндіи и Турціи строго соблюдалась дисциплина, онъ возразилъ смѣясь: „Вы не откровенны со мною; я знаю, что русскія войска не такъ грабятъ, какъ мои; но не отвѣчаю за вашихъ авангардныхъ начальниковъ и казачьихъ полковниковъ“ [2])

Очевидно, при такихъ условіяхъ управленія Дунайскими княжествами, какія бы ни принималъ мѣры новый главнокомандующій, онъ не много могли облегчить несчастное положеніе народа. Но въ первое время послѣ пріѣзда въ главную квартиру онъ и не могъ принимать этихъ мѣръ [3]), озабоченный военными соображеніями и при-

---

[1]) Воззваніе кн. Багратіона къ боярамъ, напечатано въ ст. *И. Ѳ. Дубровина* о князѣ Багратіонѣ, *Военный Сборникъ* 1865 г. № 2, стр. 215—221. «Я старался», говоритъ Багратіонъ въ началѣ,—«проникнуть и наслѣдовать источники зла: старанія мои обнаружили мнѣ картину, ужасающую самое человѣчество» и въ концѣ прибавляетъ послѣ подробнаго описанія злоупотребленій національнаго правительства княжествъ: «но что всего болѣе меня оскорбляетъ это то, что доведеніе народа до столь жалостнаго положенія, самымъ постыднымъ образомъ въ глазахъ печалію удрученныхъ обывателей, приписывается требованіямъ арміи россійской, когда все вышеописанное по сущей истинѣ обнаруживаетъ во всей ясности, что не армія россійская, но сами управители земли суть виновники угнетенія народа».

[2]) Записка Чернышева 1810 г. Exposé des discours etc.

[3]) Впрочемъ, вотъ что говоритъ молдо-валашскій митрополитъ Игнатій въ проповѣди, произнесенной въ Бухарестскомъ соборѣ 6-го апрѣля 1811 г. послѣ разсказа о подвигахъ Кутузова, какъ военачальника и дипломата: «Лишь только онъ пріѣхалъ и едва успѣлъ бросить взглядъ на страну, онъ немедленно приказалъ не брать подводъ у крестьянъ. Такимъ образомъ, покровительствуя землевладѣльцу, онъ далъ ему во время сѣять и предотвратилъ голодъ, отъ котораго уже такъ ужасно страдала страна».

готовленіями, чтобы не только отразить вторженіе Турокъ въ Валахію со стороны Виддина, но и вызвать верховнаго визиря изъ Шумлы и разбить его войска на правомъ берегу Дуная. Это послѣднее соображеніе, конечно, не согласовалось съ видами оборонительной войны и недостаточными боевыми средствами. Графъ Ланжеронъ, временно, по случаю болѣзни графа Каменскаго, начальствовавшій надъ уменьшенною на пять дивизій Молдавскою арміей, не рѣшился на военныя дѣйствія за Дунаемъ. Но Кутузовъ руководствовался въ этомъ случаѣ не одними военными соображеніями. Не побѣды надъ Турками, привычныя для стараго генерала, столько разъ побѣждавшаго ихъ, составляли предметъ его заботъ; но заключеніе мира съ ними, котораго необходимость въ это время онъ понималъ, какъ русскій и государственный человѣкъ, достойный великой европейской державы. Но для успѣха мирныхъ переговоровъ онъ считалъ необходимымъ напередъ разбить Турокъ, чтобы сдѣлать ихъ сговорчивыми. Онъ поджидалъ, не выступитъ ли визирь изъ Шумлы и своимъ бездѣйствіемъ поощрялъ его къ этому движенію. Дѣйствительно, визирь вышелъ изъ Шумлы, привелъ войско къ Разграду и устроилъ укрѣпленный лагерь, и въ то же время двинулъ 25-тысячный корпусъ къ Виддину для вторженія въ Валахію. Узнавъ объ этомъ, Кутузовъ переправилъ на правый берегъ Дуная нѣсколько передовыхъ отрядовъ для наблюденія, и какъ-бы вызывая визиря подвинуться далѣе въ долину между Разградомъ и Рущукомъ. Не видя противъ себя большихъ непріятельскихъ силъ и получивъ подкрѣпленія, визирь съ 60 тысячнымъ войскомъ приблизился къ Рущуку и сталъ лагеремъ въ 14 верстахъ у Кадыкоя. Въ это время и Кутузовъ перевелъ главныя свои силы на правый берегъ Дуная и поставилъ ихъ въ боевой порядокъ въ четырехъ верстахъ передъ Рущукомъ. Іюня 22-го произошло сраженіе, хотя упорное, но окончившееся полною побѣдою для нашихъ войскъ [1]). Визирь былъ отброшенъ въ свой лагерь при Кадыкоѣ и укрѣплялъ его болѣе и болѣе, ожидая нападенія со стороны русскаго главнокомандующаго. Кутузовъ не преслѣдовалъ Турокъ; на предложенія своихъ боевыхъ сотрудниковъ онъ отвѣчалъ: „Если пойдемъ за Турками, то вѣроятно, достигнемъ Шумлы, а потомъ что будемъ дѣлать? Прійдется возвращаться назадъ, и тогда визирь, какъ и въ прошломъ году, объявитъ себя побѣдителемъ. Гораздо лучше ободрить моего друга Ахмета-бея, и онъ опять прій-

[1]) Донесеніе Кутузова императору 21-го и 23-го іюня 1811 г.

детъ къ намъ". Чтобы доказать, что побѣда осталась за нимъ, Кутузовъ три дня простоялъ на полѣ сраженія, а потомъ не только отступилъ на лѣвый берегъ Дуная, но и вывелъ всѣхъ жителей изъ Рущука, сжегъ его и взорвалъ всѣ укрѣпленія, вопреки совѣтамъ своихъ генераловъ, которые ручались, что отстоятъ его отъ нападеній Турокъ. „Не въ Рущукѣ важность", говорилъ Кутузовъ,—„главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы заманить визиря на лѣвый берегъ Дуная. Увидя наше отступленіе, онъ навѣрное пойдетъ за нами. И дѣйствительно, предположенія Кутузова оправдались; но отступленіе во всякомъ случаѣ дало возможность визирю объявить себя побѣдителемъ. Не только въ Константинополѣ сраженіе при Рущукѣ праздновали какъ побѣду надъ Русскими, но отступленіе на лѣвый берегъ Дуная нашихъ войскъ, въ Петербургѣ и въ Парижѣ, произвело впечатлѣніе и заставило усумниться въ одержанной Кутузовымъ побѣдѣ.

„Сраженіе при Рущукѣ, не смотря на благодарственный молебенъ, есть пораженіе, потому что пришлось отступать и прервать всѣ сообщенія съ Сербіей", говорили въ Петербургѣ [1]), особенно тѣ, которые считали нужнымъ порицать Кутузова, зная, что императоръ не расположенъ къ нему со времени Аустерлицкаго сраженія, а другіе повторяли ихъ слова. „У васъ была рѣзня съ Турками подъ Рущукомъ", сказалъ Наполеонъ, подойдя къ Чернышеву на одномъ изъ представленій ему дипломатическаго корпуса въ Тюльери.

„Это было сраженіе по всѣмъ правиламъ, а не рѣзня", отвѣчалъ Чернышевъ, — „дѣло весьма значительное и славное для нашего оружія".

„Вашъ главнокомандующій сдѣлалъ ошибку, поставивъ войска слишкомъ далеко отъ города, къ которому въ случаѣ нужды пришлось бы ему отступать".

„Нашъ главнокомандующій избралъ позицію не на столько отдаленную отъ города, чтобы не могъ воспользоваться сильнымъ гарнизономъ, который въ немъ былъ оставленъ, и составлялъ въ то же время его резервъ", возразилъ Чернышевъ.

„Увѣряютъ", продолжалъ Наполеонъ, — „что турецкая конница нападала на ваши каре съ изумительною силой и окружила ихъ".

„Да, государь", отвѣчалъ Чернышевъ,—„ихъ многочисленная конница въ этой атакѣ пронеслась между нашими кареями, но встрѣ-

---

[1]) *Гр. Местръ*, Correspondance diplomatique, ч. I, стр. 17.

ченная нашею, стоявшею за ними, хотя и меньшею по числу, была опрокинута и прогнана".

Такъ отзывался Наполеонъ о сраженіи при Рущукѣ, въ то время, когда получилъ уже извѣстія объ отступленіи нашихъ войскъ за Дунай; но послѣ перваго о немъ извѣстія онъ былъ сильно встревоженъ и опасался скораго заключенія нашего мира съ Турками. За нѣсколько времени передъ тѣмъ въ Парижѣ упорно поддерживался слухъ, что онъ намѣренъ сосредоточить корпусъ войскъ отъ 50 до 60 тысячъ въ Далмаціи, и поручить маршалу Нею, вызванному изъ Испаніи, предводительствовать имъ съ цѣлію возбуждать и поддерживать Турокъ, а въ то же время угрожать Австріи и заставить ее дѣйствовать въ видахъ своей политики. „Если дѣйствительно", писалъ Чернышевъ, сообщая этотъ слухъ графу Румянцеву, — „Наполеонъ задумалъ это, то привести въ исполненіе такое предположеніе при тѣхъ огромныхъ средствахъ, которыми онъ обладаетъ, ему будетъ не трудно. Между тѣмъ, если мы не поспѣшимъ заключить миръ съ Турками во что бы то ни стало, то это войско, подъ начальствомъ такого способнаго и предпріимчиваго генерала, будетъ угрожать намъ большою опасностью" [1]).

Кутузовъ напередъ зналъ, что его отступленіе можетъ *нанести вредъ только* его *личной славѣ*, какъ онъ писалъ государю, но оно было необходимо для пользы Россіи. „Съ начала кампаніи", говорилъ онъ въ отношеніи къ военному министру, — „я видѣлъ, сколь много положеніе наше затрудняется Рущукскимъ ретраншементомъ, и какъ связываетъ руки сей постъ, котораго не только безъ сильнаго гарнизона оставить не можно и такого, который отнимаетъ большую половину всей пѣхоты, могущей двигаться къ подкрѣпленію разныхъ пунктовъ на великомъ пространствѣ, нами занимаемомъ; сверхъ того, и тѣ войска, которыя за такимъ великимъ гарнизономъ, оставаясь подвижными, удалить отъ Рущука не позволяетъ. Къ сохраненію сего поста иныхъ мѣръ и инаго положенія по нынѣшней силѣ непріятеля избрать не можно, какъ то, въ которомъ я находился передъ визирскою баталіей и нѣсколько дней послѣ, то-есть, стоять передъ Рущукомъ и закрывать его всѣми кое-какъ собранными силами. Единственная позиція, которую для сего избрать можно, не теряя связи съ Рущукомъ, есть та, на которой я далъ баталію. Она такова, что

---

[1]) Письма Чернышева къ графу Румянцеву $^{17}/_{5}$-го іюля и $^{7}/_{19}$-го сентября 1811 г.

никакъ не можно (если непріятель безъ мѣры насъ сильнѣе) визирю попрепятствовать, занявъ фронтъ арміей, обойтить нашъ лѣвый флангъ и внѣдриться въ садахъ, простирающихся до самаго ретраншемента на 5 верстъ, изъ коихъ каждый раздѣленъ валомъ и рвомъ. Въ какомъ положеніи будетъ тогда армія и Рущукъ? Полагаю, что непріятель сего не смѣлъ или не умѣлъ бы сдѣлать, но когда заставитъ меня чрезъ диверсію на правомъ моемъ флангѣ перейдтить за Дунай и оставить Рущукъ на собственныя силы гарнизона, коего менѣе 18 баталіоновъ уже никакъ въ ретраншементѣ оставить не возможно, когда главный корпусъ, оставшись въ 11 баталіонахъ, ослабленный пойдетъ на подкрѣпленіе отдаленныхъ пунктовъ, а гарнизонъ Рущука будетъ защищаться въ такомъ ретраншементѣ, который представляетъ всѣ невыгоды, ибо кромѣ той части, гдѣ паша былъ атакованъ, вездѣ окруженъ высотами и садами, начинающимися круто отъ самаго рва ретраншемента. Гарнизонъ имѣетъ еще и ту невыгоду, что батареями непріятельскими легко можно потопить мостъ, который лишитъ его сообщенія съ лѣвымъ берегомъ Дуная. Всѣ сіи причины столь важны, что я по совершенному убѣжденію принялъ мысль, тотчасъ послѣ одержанной надъ визиремъ побѣды, оставить Рущукъ. Сіе только и можно было произвесть послѣ выигранной баталіи, въ противномъ же случаѣ казалось бы то дѣйствіемъ принужденнымъ, и ежели бы вмѣсто выиграннаго сраженія была хотя малая неудача, тогда бы должно было перепосить всѣ неудобства, и для чести оружія не оставлять Рущукъ. Негоціація съ Муллою-пашею о покупкѣ судовъ идетъ еще сомнительно, а между тѣмъ 23-го числа получилъ подтвердительное извѣстіе, что визирь приказалъ изъ Софіи идти къ сторонѣ Видина Измаилъ-бею съ 15 или 20 тысячами. Итакъ, не смотря на частный вредъ, который оставленіе Рущука только можетъ сдѣлать *лично мнѣ*, и предпочитая малому сему уваженію пользу государя моего, упразднивъ Рущукъ, какъ были упразднены Силистрія и Никополь, выведя жителей, артиллерію, снаряды, словомъ все, и подорвавъ нѣкоторыя мѣста цитадели, 27-го перешелъ я совсѣмъ на лѣвый берегъ Дуная. Отъ 22-го числа до совершеннаго моего перехода къ Журжѣ не было ни одного пистолетнаго выстрѣла на аванпостахъ. Мостъ и всѣ къ тому способы въ моихъ рукахъ, и я во всякое время, въ любомъ мѣстѣ буду имѣть тетъ-де-понъ на той сторонѣ, когда ни вздумаю“ [1]).

---

[1]) Отношеніе Кутузова къ Барклаю-де-Толли 2-го іюля 1811 г.

Отступленіе Кутузова ободрило и верховнаго визиря. 17-го іюля его нарочный явился къ Кутузову съ письмомъ, въ которомъ визирь писалъ, что не можетъ приступить ни къ какимъ переговорамъ прежде, нежели будетъ напередъ обезпечена цѣлость и независимость владѣній Порты, и просилъ его сообщить ему, на какихъ основаніяхъ онъ уполномоченъ договариваться о мирѣ. Если предполагаемое имъ условіе не будетъ принято, то дальнѣйшее пребываніе Гамида-Ефенди въ Бухарестѣ, онъ считаетъ не нужнымъ. Кутузовъ отвѣчалъ рѣшительно, что подобное условіе не можетъ быть принято за основаніе мирныхъ переговоровъ, и что онъ не имѣетъ причины задерживать Гамида-Ефенди, котораго верховный визирь всегда можетъ вызвать къ себѣ, хотя отвѣтъ, котораго онъ ожидаетъ изъ Петербурга, еще не полученъ. Этотъ отвѣтъ посланъ былъ въ станъ визиря съ переводчикомъ Антономъ Фонтономъ, который зналъ визиря лично, находившись долгое время съ нимъ послѣ взятія Браилова. Объявивъ ему рѣшительно, что Порта не согласится уступить Молдавію и Валахію, визирь выражалъ однако же искреннее желаніе заключить миръ. „Вы помните", говорилъ онъ Фонтону,—„когда я въ Браиловѣ, какъ частный человѣкъ, говорилъ съ вами объ этой войнѣ, я не скрывалъ моего мнѣнія, что обѣ имперіи, теперь воюющія между собою, должны бы находится въ мирѣ, чтобы противодѣйствовать замысламъ ихъ общаго врага. Тогда я не предполагалъ, что буду занимать это мѣсто, которое теперь занимаю; но я вамъ клянусь, что мое мнѣніе осталось неизмѣннымъ. Всѣ выгоды Россіи и Порты заключаются въ томъ, чтобы прійдти къ соглашенію какъ можно скорѣе, чтобы имѣть возможность защищать себя, потому что я вѣрно знаю, что Французы такіе же ваши враги, какъ и наши. Они употребляютъ всѣ средства, чтобы помѣшать заключенію мира; они стремятся къ тому, чтобы мы взаимно истощали другъ друга, чтобы потомъ, пользуясь нашею слабостью, осуществить свои коварные замыслы". Чтобы доказать свое мнѣніе онъ потребовалъ послѣднюю ноту Латуръ-Мабура, но она не оказалась на лицо и находилась въ Шумлѣ у Рейсъ-Ефенди. „Я желалъ", говорилъ визирь—„представить вамъ удостовѣреніе въ расположеніи Франціи къ Россіи, давъ вамъ въ подлинникѣ прочитать ноту французскаго посланника, въ которой онъ старается отклонить Порту отъ заключенія мира. Но мы не такъ глупы, чтобы вѣрить въ дружбу къ намъ Франціи и желаніе ея оказать намъ услугу. Мы знаемъ, что она стремится къ своимъ выгодамъ и къ нашей погибели; но мы знаемъ также, что для достиженія этой цѣли, она прежде

всего будетъ дѣйствовать противъ Россіи. Я велѣлъ отвѣчать французскому посланнику, что Блистательная Порта знаетъ свои выгоды и будетъ вести войну или заключитъ миръ, смотря по тому, что будетъ соотвѣтствовать благу государства. Все, что я вамъ говорилъ, передайте моему другу генералу Кутузову; это наибольшее доказательство, моей къ нему дружбы, какое я могу представить“ [1]).

Слова верховнаго визиря, безъ сомнѣнія, были искренни; это мнѣніе раздѣляли и большая часть турецкихъ сановниковъ; но онъ, какъ самъ выражался Фонтону, былъ стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ волею султана, который и думать не хотѣлъ объ уступкѣ Молдавіи и Валахіи въ то время, какъ собралъ значительныя силы, намѣревался дѣйствовать наступательно и праздновалъ сраженіе при Рущукѣ, какъ побѣду надъ Русскими. Нашъ кабинетъ, конечно, еще менѣе могъ согласиться на то условіе для мирныхъ переговоровъ, которое заявилъ Гамидъ-Ефенди и подтвердилъ верховный визирь, и потому Кутузовъ поручилъ Италинскому немедленно отпустить Гамида изъ Бухареста, объявивъ ему, что „министерство нашего государя по разсмотрѣніи тѣхъ сообщеній, которыя онъ сдѣлалъ Италинскому въ бывшихъ съ нимъ переговорахъ, не нашло въ нихъ никакихъ предложеній къ миру; что провинціи, которыхъ мы требуемъ признанія за Россіей, въ самомъ существѣ состоятъ уже въ ея владѣніи и занимаются ея войсками; что самыя мѣры, нынѣ съ нашей стороны принятыя, чтобы вести войну оборонительную, показываютъ твердое намѣреніе, не озабочивая себя новыми пріобрѣтеніями, защищать сіи провинціи какъ нашу собственность, и что если Порта упорствуетъ въ томъ, чтобы возвратить оныя себѣ, то пусть пытается искать того силою своего оружія“ [2]).

Къ этой попыткѣ и приготовлялся верховный визирь, получившій отовсюду подкрѣпленія и побуждаемый султаномъ, считавшимъ побѣдою сраженіе при Рущукѣ, особенно послѣ переправы русскихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная. Разбивъ „императорскій лагерь“ при Рущукѣ, визирь простоялъ въ немъ до конца августа мѣсяца, медля приступить къ рѣшительному дѣйствію въ виду противника, котораго давно зналъ и опасался, и приготовляя способы для переправы значитель-

---

[1]) Письмо визиря къ Кутузову 17-го іюля; отвѣтъ Кутузова 18-го; донесеніе Фонтона 20-го, отношеніе Кутузова къ гр. Румянцеву 22-го іюня 1811 г.

[2]) Донесеніе Италинскаго Кутузову 25-го іюля; отношеніе Кутузова къ гр. Румянцеву 28-го іюля 1811 г.

наго войска. М. И. Кутузовъ, съ своей стороны, радовался нерѣшительности визиря, потому что поджидалъ вызванныхъ имъ двухъ дивизій, тѣхъ, которымъ изъ Молдавской арміи велѣно было возвратиться за Днѣстръ.

М. И. Кутузовъ любилъ повторять выраженіе графа Румянцева-Задунайскаго, что „если бы Турки выучились разбивать 25-ти тысячный корпусъ русскихъ войскъ, то могли бы разбить и 50 тысячный", и потому не заботился о равновѣсіи своихъ силъ съ турецкими. Онъ смѣло принялъ сраженіе подъ Рущукомъ съ тройнымъ противъ своихъ количествомъ войскъ непріятеля; но вообще наши силы въ это время далеко не соотвѣтствовали турецкимъ и не могли успѣшно дѣйствовать на протяженіи тысячеверстной линіи. Но всего было важнѣе для него то, что это сраженіе показало, что Турки многому *выучились* съ тѣхъ поръ, какъ онъ дрался съ ними. „Движеніе распоряженій верховнаго визиря", писалъ Кутузовъ, — „было такъ мудро, что могло бы служить славою самому искусному генералу; войска дрались храбро, а конница дѣйствовала съ такою наглостію, что я въ долговременную мою противу турецкихъ войскъ службу, таковой не памятую" [1]). Побѣда далась не легко, и мысль, еще прежде занимавшая Кутузова, увеличить свои боевыя силы, должна была занимать его еще болѣе.

На пути къ войскамъ онъ узналъ о движеніи пяти дивизій обратно въ предѣлы имперіи. Около Яссъ онъ встрѣтилъ 9-ю дивизію и измѣнилъ ея расположеніе.

„Съ начала прибытія моего къ арміи", писалъ онъ Барклаю де-Толли,—„я писалъ вамъ о расположеніи 9-й дивизіи въ Яссахъ, находящейся инымъ образомъ, нѣсколько впередъ нынѣшняго ея расположенія. Обстоятельства тогда были таковы, что и не возможно было коснуться къ сей части арміи, могущей быть ежедневно нужною на западной границѣ имперіи. Турки, удостовѣрясь въ томъ, что планъ войны нашей оборонительный, и что мы не сильны, могутъ и вовсе не заботиться нынѣ о мирѣ. Визирь дѣятельностію своею собралъ знатныя силы, но одно, что́ только можетъ возродить въ нихъ желаніе къ миру есть то, чтобы дать движеніе 9-й и 15-й дивизіямъ въ Валахію, съ тѣмъ чтобы и самыя передовыя части сихъ войскъ не болѣе двинуть съ нихъ нынѣшнихъ мѣстъ, какъ на 10 маршей. Всякій разъ, когда доводимы были до турецкаго полномочнаго слухи

[1]) Отношеніе Кутузова къ Барклаю де-Толли 23-го іюня 1811 г.

о движеніи сихъ дивизій, то при всякомъ такомъ случаѣ замѣчено было въ немъ большое безпокойство, и ежели бы по нынѣшнимъ обстоятельствамъ государю императору угодно было на сіе соизволить, то не должно бы терять времени“ [1]).

Опасенія Кутузова, что Турки въ это время могутъ вовсе *незаботиться о мирѣ* съ нами, оправдались скорѣе, вѣроятно, нежели онъ самъ предполагалъ. На другой день послѣ отправленія этого письма къ военному министру, онъ получилъ то письмо визиря отъ 17-го іюля, которое угрожало совершеннымъ перерывомъ мирныхъ переговоровъ. Получивъ разрѣшеніе императора, онъ предписалъ 9-й дивизіи и части 15-й идти на соединеніе съ нимъ и ожидалъ прибытія ихъ къ сентябрю мѣсяцу. Къ 1-му числу дѣйствительно пришла дивизія Ермолова и вслѣдъ за нею часть дивизіи Маркова.

Между тѣмъ ночью на 28-е августа мѣсяца показались около Журжи на лѣвомъ берегу Дуная турецкіе отряды. Принявъ ихъ за шайки грабителей, наши передовыя войска завязали съ ними дѣло, которое однакоже усиливалось болѣе и болѣе, по мѣрѣ того какъ приставали къ лѣвому берегу новые отряды турецкихъ войскъ. Это обстоятельство вынудило самого главнокомандующаго выѣхать на поле битвы. Лишь только онъ появился, то немедленно приказалъ прекратить бой, поняв, что не шайки только грабителей, но войско визиря переправляется на лѣвый берегъ Дуная. „Пусть ихъ переправляются“, говорилъ онъ, — „только бы перешло ихъ по болѣе на нашъ берегъ“, и выступивъ изъ подъ Журжи, сталъ въ трехъ верстахъ отъ новаго турецкаго лагеря. Переправивъ на лѣвый берегъ Дуная большую часть своего войска (до 36 тысячъ), верховный визирь укрѣп-

---

[1]) Письмо Кутузова къ Барклаю де-Толли изъ Журжи 16-го іюля 1811 года. — На подлинномъ письмѣ надпись рукою Барклая: «Іюля 2-е Высочайше велено отписать, что государь согласенъ на то, что подвинулъ бы къ себѣ 9-ю дивизію, а 15-й приказалъ бы быть готовою къ походу къ соединенію къ нему; но безъ особой важной причины, о которой онъ долженъ заблаговременно увѣдомить, не трогалъ бы сію послѣднюю дивизію къ себѣ. Напослѣдокъ сказать, что желательно бы было, чтобы сіе повело къ цѣли, которую онъ отъ сего ожидаетъ, и приблизило бы насъ къ миру, къ чему однакоже, судя по его отношеніямъ, еще никакой надежды нѣтъ. Что же касается до обстоятельствъ нынѣшнихъ, то кажется, что они тѣ же самыя, что́ были весною». На это отношеніе военнаго министра (1-го августа) Кутузовъ, въ частномъ письмѣ къ нему, сообщаетъ ему свое мнѣніе о необходимости заключить миръ съ Турками до разрыва съ Франціей, хотя бы и съ нѣкоторыми уступками. Письмо изъ Журжи 20-го августа 1811 года.

лялъ свой станъ, пославъ отрядъ къ Виддину съ порученіемъ вторгнуться въ Малую Валахію и дѣйствовать во флангъ Кутузову, котораго намѣревался атаковать съ другаго фланга. Но эта экспедиція была отражена и не достигла цѣли; а пока медлилъ визирь, русскій главнокомандующій скрытно переправилъ на правый берегъ Дуная корпусъ Маркова съ порученіемъ разгромить Рущукскій лагерь, занять берегъ противъ новаго стана визиря на лѣвомъ, и такимъ образомъ, окружить его и отрѣзать отъ всѣхъ сообщеній. Октября 20-го переправился корпусъ Маркова и двинулся на Турокъ. Изъ стана Кутузова были видны его движенія; онъ пристально и молча наблюдалъ за ними, пока наконецъ, не развились наши знамена надъ визирскимъ лагеремъ. Тогда онъ улыбнулся, и махая фуражкою, закричалъ ура!, повторенное всѣми войсками. „И простому солдату", говоритъ нашъ историкъ этой войны,—„были видны неминуемая гибель враговъ и мудрость соображеній полководца. Поражаемые огнемъ съ фронта, тыла и фланговъ, Турки не знали, въ какую сторону отвѣчать, какъ укрыться отъ выстрѣловъ. Наскоро строили они валъ противъ Маркова, но безпорядочно, не слушая повелѣній начальниковъ. Еще верховный визирь и паши давали приказанія, не внимаемыя, не исполняемыя, будучи уже болѣе зрителями, нежели дѣйствователями. Голосъ начальниковъ не былъ слышанъ, какъ голосъ кормчаго во время бури, когда реветъ вѣтеръ и гремитъ громъ. Турки падали на колѣни, простирали руки къ небу, вопія: Алла! Алла! Вскорѣ въ ихъ лагерѣ воцарилась тишина ужаса" [1]).

Цѣль, предположенная главнокомандующимъ, была достигнута; блистательнѣе военнаго подвига не совершалось еще во все продолженіе этой многолѣтней войны. Но на военные успѣхи Кутузовъ смотрѣлъ не какъ на цѣль своихъ дѣйствій, а какъ на средство принудить Турокъ къ заключенію мира. На другой день, 3-го октября утромъ, въ нашемъ станѣ разнеслась вѣсть, что визирь бѣжалъ, переправившись ночью въ маленькой лодкѣ на правый берегъ, и взвол-

---

[1]) *Михайловскій-Данилевскій*, Полн. Собр Соч. т. III, стр. 316; донесеніе Кутузова императору 3-го октября 1811 г.: «Благоразуміе и быстрота генерала Маркова превосходятъ всѣ похвалы; всѣ войска наши на лѣвомъ берегу Дуная были свидѣтелями ужаса, который распространился по всему турецкому лагерю при нечаянномъ приближеніи пяти кареевъ г. Маркова и легкой нашей конницы..... Легко можетъ статься, что визирь ночью, не смотря на бдительность нашихъ судовъ, и *ускользнетъ своею персоною* въ Рущукъ, но препятствовать ему будемъ сколько возможно».

новалъ—всѣхъ. Генералы и офицеры собрались у ставки Кутузова; онъ вышелъ веселый и поздравилъ ихъ съ радостнымъ событіемъ. Въ недоумѣніи, что́ случилось, они смотрѣли на него и другъ на друга. „Визирь ушелъ", сказалъ Кутузовъ,—„его побѣгъ приближаетъ насъ къ миру. По обычаю Турокъ, верховный визирь, окруженный непр'ятелями, лишается полномочія договариваться о мирѣ. Еслибы визирь не ушелъ, то некому было бы извѣстить султана о настоящемъ положеніи, въ какое мы поставили его армію".

Кутузовъ, какъ полководецъ безошибочно приведя въ исполненіе свои военныя соображенія, не ошибался и какъ политикъ. Въ то время, когда окружена была большая часть войска визиря, другая, остававшаяся у Рущука, разбитая Марковымъ, разбѣжалась. Собрать новыя войска въ непродолжительное время визирю не представлялось возможности, и оставалось только воспользоваться своимъ правомъ вступить въ мирные переговоры. „Обстоятельства и положеніе визиря теперь таковы, что ежечастно могъ бы мнѣ представиться случай заключить миръ, еслибъ удостоился я получить высокомонаршее государя императора разрѣшеніе не держаться непремѣнно требованія Дуная границей, а принять основаніемъ трактата и другія условія, на которыхъ визирь предложилъ бы мнѣ вступить въ мирные переговоры". Дѣйствительно, въ тотъ же день визирь писалъ ему, прося заключить перемиріе, и потомъ приступить къ переговорамъ о мирѣ, но Кутузовъ отклонилъ это предложеніе до того времени, когда визирь не объяснитъ новыхъ условій, на которыхъ можетъ заключить съ ними миръ. Черезъ два дня визирь снова прислалъ письмо, въ которомъ увѣрялъ въ искреннемъ желаніи способствовать заключенію мира [1]). „Хотя я не имѣю полномочій сдѣлать и земельныя уступки и измѣнять прежнія границы", писалъ визирь,—„не смотря на то, одушевленный желаніемъ избавить обѣ имперіи отъ бѣдствій войны согласованіемъ ихъ взаимныхъ выгодъ, я прямо объявляю, что могу принять на себя заключеніе перемирія съ тѣмъ условіемъ, которое готовъ дать на письмѣ, что или крѣпость Хотинъ съ ея округомъ будетъ уступлена Россіи, или вознаграждены инымъ способомъ ея издержки на войну". Уступка была незначительна, и конечно, не могла удовлетворить Россію; но это былъ первый шагъ къ уступкамъ и явное выраженіе того, что визирь былъ уполномоченъ сдѣлать нѣко-

---

[1]) Отношеніе Кутузова къ графу Румянцеву 3-го октября; письмо визиря къ Кутузову 2-го октября; его отвѣтъ 3-го октября 1811 года.

торыя уступки, хотя и не признавался въ этомъ. „Не будучи уполномоченъ", писалъ Кутузовъ графу Румянцеву,—„не смѣлъ бы онъ сдѣлать такого подвига въ минуту, когда и безъ того кредитъ его, а можетъ быть, и самая жизнь большой подвержены опасности. Я даже увѣренъ, что полномочія его простираются не на одну уступку крѣпости Хотинской съ ея округомъ или замѣну деньгами. Предложенія визиря несомнѣнно малозначущи; но я почелъ нужнымъ воспользоваться таковымъ сдѣланнымъ отъ него первымъ шагомъ, дабы начать предварительныя объясненія о мирѣ, и довести его до благоразумной базы". Поэтому Кутузовъ поспѣшилъ отвѣчать на письмо визиря „съ откровенностію и довѣріемъ, на которыя уполномочивала старинная его дружба съ нимъ". „Вы предлагаете", писалъ онъ визирю,—„уступку Хотина съ округомъ или соотвѣтствующее вознагражденіе. Но мой государь постоянно выражалъ желаніе—Дунай положить границею своей имперіи. Я имѣю въ этомъ отношеніи прямыя предписанія и отступить отъ нихъ не могу; они не были измѣнены, потому что не было и со стороны Порты предложено никакихъ примирительныхъ условій. Я сообщилъ вамъ объ этомъ,—какъ же теперь я осмѣлюсь ходатайствовать передъ моимъ государемъ за предложеніе, до такой степени удаляющееся отъ его требованія? Какъ осмѣлюсь я даже представить его ему? Это значило бы побудить его сдѣлать мнѣ выговоръ, и быть можетъ, потерять навсегда хорошее его мнѣніе о моемъ усердіи и продолжительной моей службѣ, не принеся никакой пользы дѣлу примиренія, составляющему предметъ нашихъ обоюдныхъ желаній. Я не дамъ никакого хода вашему предложенію и считаю его какъ бы не существующимъ. Очень было бы желательно и даже необходимо, чтобы это предложеніе вы замѣнили другимъ, которымъ я могъ бы воспользоваться и представить его моему государю съ большею надеждою на успѣхъ. Если ваша свѣтлость", наводилъ его на мысль Кутузовъ,—„предложите удобную въ военномъ смыслѣ границу, и притомъ положенную самою природою, какъ напримѣръ, теченіе рѣки, то я представлю моему государю какъ такое условіе, которое можно принять, и буду ходатайствовать о заключеніи перемирія" [1]).

Едва Кутузовъ успѣлъ отправить это письмо, какъ получилъ новыя наставленія изъ Петербурга, которыхъ онъ давно ожидалъ въ отвѣтъ

---

[1]) Отношеніе Кутузова къ графу Румянцеву 9-го октября, письмо визиря къ Кутузову 5-го октября, отвѣтъ его визирю 7-го октября 1811 года.

на свое письмо отъ 18-го іюня. „Я занялся отправленіемъ къ вашему сіятельству курьера", отвѣчалъ онъ немедленно графу Румянцеву, —„для испрошенія разрѣшительныхъ правилъ, на коихъ угодно его императорскому величеству предоставить мнѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ основать прелиминарные пункты, какъ получилъ сего числа почтеннѣйшее секретное ко мнѣ отношеніе ваше, совершенно меня развязывающее и не оставляющее мнѣ никакого желанія, кромѣ скораго успѣха отъ трудовъ и стараній моихъ, кои неусыпно къ сему благодѣтельному предмету обращены будутъ". Получивъ новыя наставленія, Кутузовъ вѣрилъ уже въ возможность заключенія мира, и потому увѣдомлялъ канцлера, что, быть можетъ, рѣшится заключить перемиріе, „если таковая мѣра дастъ скорѣйшій ходъ негоціаціи, тѣмъ болѣе, что военныя дѣйствія и безъ того, по причинѣ поздняго времени года, долго продолжаться не могутъ" [1]).

По мѣрѣ того, какъ русскій кабинетъ болѣе и болѣе убѣждался въ враждебныхъ замыслахъ Наполеона, онъ также болѣе и болѣе стремился къ заключенію мира съ Турціей. Испытавъ уже неудачу въ переговорахъ и убѣдясь, что невозможно удержать за собою оба Дунайскія княжества, онъ рѣшился на уступки, но не хотѣлъ начинать переговоры на новыхъ условіяхъ, пока наше оружіе не одержитъ новыхъ блистательныхъ успѣховъ надъ Турками. Сраженіе при Рущукѣ и предположеніе Кутузова вновь вызвать визиря изъ его укрѣпленія и заставить дать сраженіе, въ успѣхѣ котораго онъ не сомнѣвался, послужило поводомъ къ тому, что канцлеръ, по порученію государя, сообщилъ ему новыя условія для мирныхъ переговоровъ. „Храбрость войскъ россійскихъ", писалъ онъ ему,—„знаменитые таланты и опытность начальника ими предводительствующаго подаютъ намъ несомнѣнную надежду, что оружіе наше въ семъ случаѣ покроется новою славою. Въ такомъ предположеніи обстоятельствъ, государь императоръ указалъ мнѣ сообщить вамъ высочайшую его волю, что еслибы послѣ одержаннаго нами успѣха надъ Турками, еслибъ учинили они шагъ къ сближенію, то не отвергая онаго, немедленно войдти въ переговоры на слѣдующемъ основаніи:

1) „Пріобрѣтенія наши ограничить одною Молдавіей и Бессарабіей. Если бы турецкіе уполномоченные затруднились уступить всѣ

[1]) Отношеніе Кутузова къ графу Румянцеву 9-го октября 1811 г., на биваxъ при Слободзеѣ.

эти княжества, то дозволялось согласиться на границу по рѣкѣ Серету, потомъ по Дунаю до впаденія его въ Черное море.

2) „За уступку нами Валахіи назначить денежную сумму; а политическое существованіе сего княжества опредѣлить въ какой-либо новой формѣ управленія, какъ то: учрежденіемъ тамъ внутренняго, независимаго правительства или возстановленіемъ господаря, съ нѣкоторыми противъ прежняго отмѣнами въ пользу княжества, и таковое постановленіе обезпечить взаимною гарантіей Россіи и Порты.

3) „Обезпечить жребій Сербіи сколь можно согласно съ желаніемъ Сербской націи.

4) „Относительно Грузіи утвердить за каждою страною, какъ на сушѣ, такъ и по берегамъ Чернаго моря то, что̀ при подписаніи мирнаго договора будетъ ими занимаемо“.

Если турецкіе уполномоченные изъявили бы согласіе на эти условія, какъ главныя и существенныя, то всѣ остальныя статьи договора предоставлялось постановить по усмотрѣнію самого главнокомандующаго и „немедленно подписать окончательный миръ, не теряя времени въ пересылкахъ въ Петербургъ для испрошенія новыхъ наставленій, лишь бы все то было послѣдствіемъ вновь одержанныхъ блистательныхъ успѣховъ. Безъ успѣховъ, такое смягченіе нашихъ требованій имѣло бы видъ слабости и опровергнуло бы твердость нашей политической системы; но умѣренныя требованія послѣ одержанной побѣды въ глазахъ самого непріятеля представятся великодушіемъ и въ то же самое время опровергнутъ во мнѣніи его всѣ непріязненныя внушенія, какія о нашихъ замыслахъ до него доходили“.

Когда канцлеръ писалъ эти строки, то знаменитый день 2-го октября еще не наступалъ; но вѣсть о немъ пришла спустя немного времени по отправленіи отношенія Румянцева къ Кутузову и возбудила увѣренность, что миръ немедленно будетъ заключенъ. Но этой увѣренности еще не было въ то время, когда канцлеръ писалъ приведенное отношеніе къ Кутузову. Тогда русскій кабинетъ предвидѣлъ еще возможность, что „паче чаянія и по одержаніи нами успѣха“, Порта сама не возобновитъ переговоровъ. Въ такомъ случаѣ императоръ поручилъ Кутузову *„найдти побочное средство* [1]) таковыя предложенія учинить съ своей стороны, объявя притомъ, что если Порта на оныя не согласится въ то же время, то при будущихъ переговорахъ прежнія наши требованія возобновятся во всей ихъ силѣ, и

[1]) Слова эти собственноручно написаны императоромъ.

тогда Порта не въ правѣ уже будетъ ссылаться на снисходительныя условія, нынѣ ей предлагаемыя. Его императорское величество", продолжалъ Румянцевъ,—„цѣнил въ высокой степени усердіе ваше къ нему, любовь къ отечеству и превосходное проницаніе ваше и опытность во всѣхъ частяхъ государственнаго служенія", уполномочиваетъ васъ неограниченною властью къ совершенію сего дѣла, на правилахъ, выше объясненныхъ, увѣренъ будучи, что все, что̀ къ пользѣ и славѣ имперіи его можетъ обратиться, не будетъ вами упущено" [1]).

Такъ оканчивалось отношеніе графа Румянцева, которое, по выраженію Кутузова, развязывало ему руки для вступленія въ мирные переговоры. Ему не было нужды вызывать Турокъ на переговоры, на которые напрашивался самъ визирь. Не успѣлъ еще онъ отправить своего отвѣта канцлеру на его отношеніе, какъ пріѣхали посланные съ письмомъ отъ Ахмета-паши и предложили новую границу по рѣкамъ Кундукъ и Быхъ, вслѣдствіе чего къ намъ отходили Хотинъ, Аккерманъ, Бендеры и Каушаны, то-есть, часть Бессарабіи. Кутузовъ отклонилъ это предложеніе, не входя даже въ разсужденія; но полагая, что уполномоченные визиря имѣли, сверхъ того, и другія предложенія, онъ оставилъ ихъ вмѣстѣ съ Фонтономъ, который давно былъ знакомъ съ ними. Предположеніе Кутузова оправдалось: посланные отъ визиря признались Фонтону, что уполномочены уступить все пространство земли до Прута. Но главнокомандующій и на это не согласился и далъ имъ понять, что единственная граница, о которой онъ позволитъ себѣ представить государю та, которая отдѣляетъ Молдавію отъ Валахіи, и то потому только, что эта граница совершенно извѣстна, ясно обозначена и не можетъ впослѣдствіи подать поводъ къ спорамъ.

Увѣдомляя объ этомъ графа Румянцева, Кутузовъ писалъ ему, что не прежде замѣнитъ сіе предложеніе согласіемъ на принятіе границею рѣки Серета, „какъ по усмотрѣніи совершенной невозможности склонить оттоманское министерство на уступку намъ всей Молдавіи". Такъ онъ дѣйствовалъ, чтобъ исполнить желанія государя, но предвидѣлъ однакоже, что получить границу по Серету будетъ крайне затруднительно. „Не могу скрыть отъ васъ", писалъ онъ графу Румянцеву,—„что я предусматриваю въ полученіи Серета границею великія затрудненія отъ упорства фанаріотскихъ Грековъ,

---

[1]) Отношеніе графа Румянцева къ Кутузову 30-го сентября 1811 г., утвержденное императоромъ 28-го сентября.

имѣющихъ большое вліяніе на Порту. Они не захотятъ выпустить изъ рукъ своихъ большую часть княжества Молдавскаго, ибо надежда и цѣль каждаго изъ нихъ есть достиженіе званія господарскаго въ одномъ изъ двухъ княжествъ. Быть также можетъ, что верховный визирь остановится на предложеніи, отъ него сдѣланномъ, о назначеніи рѣки Прута границею между двумя имперіями, и симъ прервана будетъ нить негоціаціи. Въ такомъ случаѣ упорство визиря на уступку намъ всей Молдавіи или части оной по Серетъ, тогда какъ съ арміею своею находится въ весьма тѣсномъ положеніи, будетъ уже неоспоримымъ доказательствомъ непремѣннаго рѣшенія Порты ограничить пожертвованія свои рѣкою Прутомъ". Не одержавъ еще блистательныхъ успѣховъ надъ Турками, не приступая къ рѣшительнымъ переговорамъ съ самимъ визиремъ, Кутузовъ еще надѣялся, что Турки уступятъ намъ всю Молдавію и алчность фанаріотовъ можетъ удовлетвориться двумя Валахіями; но теперь онъ начиналъ уже терять эту увѣренность, и его опасенія оправдались впослѣдствіи.

На другой день послѣ отправленія этого отношенія, къ Кутузову вновь явился Эссадъ-Ефенди съ письмомъ отъ визиря, въ которомъ онъ извѣщалъ, что хотя предложенныя имъ основанія для мирныхъ переговоровъ онъ считаетъ согласными съ началами справедливости, но такъ какъ Кутузовъ отвергъ ихъ, то желая всѣми способами содѣйствовать великому дѣлу примиренія двухъ государствъ, онъ предлагаетъ опредѣлить границу теченіемъ рѣки Серета. Что же касается до второстепенныхъ условій, какъ особыхъ привиллегій для Валахіи, возстановленія господарей и нѣкоторыхъ уступокъ въ отношеніи къ Сербіи, то они могутъ быть опредѣлены при самыхъ переговорахъ. Визирь не говорилъ опредѣленно объ азіатскихъ границахъ, но его посланный объявилъ, что Галибъ-Ефенди будетъ снабженъ полномочіями и по этому вопросу. Принимая предложенія визиря, Кутузовъ писалъ ему однакоже, что если и будетъ возможность согласиться на границу Серета, то вопросъ о границахъ въ Азіи можетъ представить затрудненія, и потому предлагалъ ему снабдить достаточными полномочіями Галиба-Ефенди и его товарищей.

Октября 13-го турецкіе уполномоченные прибыли къ Дунаю и съ дозволенія главнокомандующаго переправились на лѣвый берегъ. На другой день, до пріема пословъ, Кутузовъ принималъ главнаго драгомана Порты князя Мурузи и къ крайнему удивленію узналъ, что визирь не имѣетъ еще полномочій отъ султана для заключенія мира,

какъ онъ это предполагалъ, и что только четыре дня тому назадъ онъ потребовалъ ихъ изъ Константинополя. Хотя Мурузи и увѣрялъ, что полномочія будутъ немедленно присланы, что это формальность, которая не должна останавливать переговоровъ, и что визирь, когда назначаютъ его предводительствовать войсками, получаетъ уже вмѣстѣ съ тѣмъ право заключить миръ, однакоже это обстоятельство тревожило Кутузова. Онъ заявилъ о томъ турецкимъ уполномоченнымъ, представлявшимся ему въ тотъ же день. Галибъ-Ефенди старался также, какъ и Мурузи, увѣрить, что это полномочіе немедленно будетъ прислано, и что возможно напередъ начать переговоры; „Впрочемъ", прибавилъ онъ,—„бывали примѣры, что и до полученія полномочій отъ султана начинали переговоры, такъ было въ 1791 году. Еще въ Галацѣ предварительно были начертаны всѣ условія договора, и только въ Яссахъ получено было потомъ султанское полномочіе. Поэтому возможно, не открывая еще конгресса, составить комитетъ и назначить въ него членовъ съ обѣихъ сторонъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ обсудилъ всѣ статьи и приготовилъ проектъ трактата".

„Я не могъ оспаривать доказательства Галибъ-ефенди", писалъ Кутузовъ къ графу Румянцеву,—„ибо дѣйствительно мнѣ самому извѣстно, что первые переговоры начаты въ такомъ точно видѣ, и даже султанскія полномочія, присланныя потомъ въ Яссы, были не на имя визиря, а на имя всѣхъ уполномоченныхъ, которые вели съ нами переговоры. Съ одной стороны можно подумать, что шагъ, сдѣланный визиремъ, есть только одна уловка, дабы получить перемиріе, надѣясь посредствомъ онаго освободить окруженное нами войско; но вы согласитесь со мною, что не смотря на сіе предположеніе, отъ коего себѣ визирь никакой пользы не получитъ, не могу я упустить случая столь для насъ благопріятнаго и долженъ употребить всѣ мои старанія, дабы желаемое и теперь начатое дѣло не прервалось, и мы не потеряли бы пользы, дарованной намъ дѣйствіемъ нашего оружія и счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Визирь уже согласенъ на назначеніе границею Серета, чего признаюсь вамъ чистосердечно не смѣлъ я надѣяться. Слѣдовательно, главнѣйшая статья постановлена. Отказавъ турецкимъ уполномоченнымъ въ предложеніи ихъ начать переговоры и возобновивъ военныя дѣйствія, войска наши безсомнѣнно покроютъ себя новыми лаврами; но можемъ ли надѣяться, чтобы представился намъ не только въ сію, но и въ будущую кампанію столь благопріятный случай для трактованія съ такими выгодами и на такихъ условіяхъ? Визирь, спасая большую часть

войскъ своихъ, въ нашихъ рукахъ находящихся, и коихъ одинъ только миръ освободить можетъ, ищетъ спасти свою голову и потому безсомнѣнно употребитъ всѣ средства для скорѣйшаго полученія полномочій. Если же при возобновленіи военныхъ дѣйствій сіе войско будетъ взято нами въ плѣнъ, то увидя сію надежду потерянною, не осмѣлится онъ взять на себя согласиться на такія пожертвованія землею. Желаніе спасти главную часть турецкой арміи въ семъ еще году будетъ также сильнымъ побудительнымъ средствомъ для самого султана ратификовать мирный трактатъ. Она составлена изъ корпуса янычаръ, изъ Альбанцевъ и Анатольцевъ; пожертвовавъ ими теперь, не можетъ онъ надѣяться въ предбудущія кампаніи получить малѣйшую помощь отъ Али-паши Янинскаго, отъ Чапанъ-Оглу, да и самые янычары, въ коихъ утвердится тогда подозрѣніе, что онъ хочетъ ихъ корпусъ истребить, возстанутъ при первомъ побужденіи ихъ выступить въ походъ противъ насъ".

Изложивъ эти соображенія, Кутузовъ извѣщалъ наше правительство, что намѣренъ согласиться на открытіе переговоровъ, но прервать ихъ немедленно, если замѣтитъ, что визирь дѣйствуетъ неискренно и собираетъ средства для освобожденія своихъ войскъ, окруженныхъ на лѣвомъ берегу Дуная. Впрочемъ онъ не имѣлъ подобнаго подозрѣнія, зная, что въ непродолжительномъ времени визирю не удастся собрать достаточнаго количества войскъ, особенно при приближеніи зимы. „Но къ крайнему сожалѣнію", писалъ онъ,— „я предвижу, что настоящее положеніе дѣлъ далѣе продлится, нежели я первоначально предполагалъ". Предполагая, что до того времени когда можно будетъ приступить къ заключенію самого договора, онъ успѣетъ получить извѣстія изъ Петербурга, онъ просилъ снабдить его наставленіями по вопросамъ о денежной контрибуціи, Бѣлградской крѣпости и азіатской границѣ. Чтобы съ-разу не прервать сношеній съ визиремъ и его уполномоченными, Кутузовъ не упоминалъ о деньгахъ, предоставляя себѣ впослѣдствіи объясниться съ ними объ этомъ требованіи, которое было представлено Туркамъ еще въ прошломъ году при гр. Каменскомъ, и на которое мы имѣли теперь еще болѣе права, оставляя имъ, кромѣ Валахіи, еще пять округовъ Молдавіи. Кутузовъ былъ однакоже увѣренъ, что уполномоченные несомнѣнно отклонили бы это требованіе. „Я, съ своей стороны", писалъ онъ гр. Румянцеву,—„сильнѣйшимъ образомъ настаивать буду; но не допущу, чтобы сія статья была причиною новаго и совершеннаго разрыва. Я помню, что въ Кайнарджицкомъ мирѣ, къ коему приступ-

лено было послѣ блистательнѣйшей войны, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, подъ предводительствомъ мудрѣйшаго полководца, главнымъ препятствіемъ представилось требованіе наше 7 или 8 милліоновъ, и мы должны были отъ онаго отказаться. Ясскій конгрессъ 1791 г., коего я самъ былъ свидѣтелемъ, совсѣмъ было рушился по причинѣ потребованныхъ нами шести милліоновъ, и князь Безбородко принужденъ былъ въ послѣдней конференціи сію статью уничтожить". Не одно истощеніе финансовъ заставляло Турокъ упорствовать въ согласіи на денежныя вознагражденія, но и предразсудокъ, по которому имъ всякая денежная плата представлялась данью, унижающею достоинство Блистательной Порты. Другой вопросъ, который Кутузовъ считалъ крайне затруднительнымъ, состоялъ въ томъ, чтобъ удержать за Сербами Бѣлградскую крѣпость; онъ полагалъ, что Турція никогда на это не согласится. „Да и дѣйствительно," писалъ онъ,— „не можетъ она оставить ключъ своихъ владѣній въ рукахъ народа ей недоброжелательнаго и который, по невѣжеству своему или по корыстолюбію, можетъ при первой остудѣ Порты съ Австріей, впустить въ столь важную крѣпость австрійскія войска. Впрочемъ теперь, когда не требуемъ мы болѣе Валахіи, не вижу я, какой бы сіе могло для насъ быть пользой, а потому и положилъ вовсе о Бѣлградѣ не упоминать, увѣренъ будучи, что и Турки о семъ упоминать не будутъ" [1]).

IV.

Окончаніе войны съ Турціей и Бухарестскій миръ.

Соглашаясь на открытіе предварительныхъ переговоровъ съ визиремъ, Кутузовъ выразилъ, однакожь, особымъ письмомъ свое удивленіе въ томъ, что визирь не позаботился объ испрошеніи полномочія у султана. Еслибы Кутузовъ зналъ, что уполномоченные пріѣдутъ, не исполнивъ этого существеннаго условія, то, писалъ онъ,—не принялъ бы ихъ, и теперь соглашается на открытіе переговоровъ единственно потому, что увѣренъ въ добросовѣстности визиря. Но во всякомъ случаѣ, Кутузовъ заявлялъ, что не откроетъ конгресса до тѣхъ поръ, пока султанское полномочіе не будетъ доставлено. Визирь немедленно

---

[1]) Отношеніе Кутузова къ графу Румянцеву изъ Журжи, 15-го октября; письмо визиря къ Кутузову 2-го октября; отвѣтъ на него Кутузова 13-го октября 1811 г. Уполномоченными со стороны Турціи были: Муфти-заде-селимъ-Кючай-бей, Гамидъ-Ефенди, Кетернъ-Ефенди, Незибъ-Ефенди и князь Мурузи, съ нашей стороны—тайн. сов. Италинскій, ген.-м. Сабанѣевъ и д. ст. сов. Фонтонъ.

отвѣчалъ нашему главнокомандующему пространнымъ и умоляющимъ письмомъ, оправдываясь обстоятельствами. Онъ торжественно заявлялъ, что въ грамотѣ на пожалованіе его визиремъ, между прочими полномочіями ему предоставлено право объявлять войну и заключать миръ. Не смотря на то, при самомъ вступленіи въ сношенія о переговорахъ съ нами, онъ требовалъ изъ Константинополя особое полномочіе на настоящій случай, нѣсколько дней назадъ повторилъ свое требованіе и ожидаетъ немедленнаго его удовлетворенія [1]).

19-го октября начались предварительные переговоры. Наши уполномоченные открыли первую конференцію предложеніемъ опредѣлить новую границу между двумя имперіями; требуя уступки Бессарабіи и всей Молдавіи, они опредѣлили границу по теченію Дуная съ того мѣста, гдѣ находилась граница между Молдавіей и Валахіей и до впаденія его въ Черное море Георгіевскимъ рукавомъ. Но встрѣтивъ сильное сопротивленіе со стороны турецкихъ уполномоченныхъ, послѣ долгихъ споровъ совѣщавшіеся пришли къ слѣдующему заключенію: Оттоманская Порта уступаетъ Россіи Бессарабію и часть Молдавіи на лѣвомъ берегу Серета, съ городами, крѣпостями, селеніями и всѣмъ, что въ тѣхъ провинціяхъ находится; границу между обѣими государствами будетъ составлять р. Серетъ до своего впаденія въ Дунай, а отъ этого мѣста—теченіе рѣки Дуная до впаденія ея въ море Сулинскимъ гирломъ. Всѣ острова, лежащіе на лѣвой сторонѣ фарватера этой рѣки и Сулинскаго гирла, будутъ принадлежать Россіи, лежащія же по правую сторону останутся во владѣніи Порты, исключая одного не населеннаго острова противъ Галаца, который уступается Россіи. Купеческія суда обѣихъ державъ могутъ, какъ и прежде, плавать по Сулинскому рукаву, составляющему новую границу, и по всему Дунаю; но военныя русскія суда могутъ ходить только до соединенія этой рѣки съ р. Серетомъ.

„Ваше сіятельство изволите замѣтить", писалъ Кутузовъ графу Румянцеву, что назначеніе Сулинскаго гирла границею въ устьѣ Дуная не согласно съ первоначальнымъ нашимъ требованіемъ; но мы хотя и упорно настаивали на требованіи георгіевскаго, однакоже, принуждены были отъ него отступиться потому, что въ лѣтнее время по Георгіевскому рукаву, въ низкія воды никакія суда, кромѣ самыхъ мелкихъ, ходить не могутъ. Затворивъ же Портѣ плаваніе по Сулин-

---

[1]) Отношенія Кутузова къ графу Румянцеву 16-го и 18-го октября; письмо Кутузова къ визирю и его отвѣтъ 15-го октября 1811 г.

скому гирлу, отняли бы мы у нея, безъ особенной для насъ пользы, всякое водяное торговое сообщеніе между Валахіей, Булгаріей и Чернымъ моремъ. Для насъ важно было имѣть весь Чатальскій островъ, лежащій противъ Измаила и Килін и занимающій пространство между рукавами Килійскимъ и Сулинскимъ,—того мы и достигли, хотя съ крайнимъ трудомъ. Что же касается до Георгіевскаго рукава, то хотя мы его и оставляемъ Портѣ, но всегда можемъ запретить всякій входъ изъ него въ Сулинскій, построивъ вмѣсто имѣющаго уже нынѣ штернъ-шанца, при раздѣленіи Сулинскаго и Георгіевскаго рукавовъ, крѣпкій блокфортъ".

Опредѣливъ первую статью предположеннаго мирнаго договора, наши уполномоченные перешли къ разсужденіямъ о томъ, на какихъ условіяхъ Россія возвращаетъ Портѣ Валахію и часть Молдавіи на правомъ берегу Серета. Турецкіе уполномоченные долго не соглашались на то, чтобы постановить новыя привиллегіи въ пользу княжествъ и господарей. Они считали совершенно достаточными тѣ, которыя были опредѣлены прежними трактатами, и говорили, что не имѣютъ полномочій измѣнять ихъ. Но видя, что наши уполномоченные не отступаютъ отъ своихъ требованій, они представили этотъ вопросъ на рѣшеніе визиря и дали поводъ предполагать, что въ этомъ случаѣ можно ожидать нѣкоторыхъ уступокъ со стороны Порты. Но вопросъ объ уступкахъ по азіатской границѣ они отвергли безусловно. Едва наши полномочные предложили утвердить за каждой изъ договаривающихся сторонъ какъ на сушѣ, такъ и по берегамъ Чернаго моря, то, что при подписаніи мирнаго договора будетъ занимаемо ими, какъ турецкіе полномоченные сильнѣйшимъ образомъ возстали противъ этого предложенія. „Послѣ уступки обширнаго пространства земли въ Европѣ", говорили они, — „невозможно допустить уже подобной уступки въ Азіи, и мы имѣемъ прямое предписаніе визиря отклонить подобное требованіе, еслибы оно было выражено".

Наши уполномоченные настаивали на своемъ требованіи, и потому, какъ тѣ, такъ и другіе, рѣшили предоставить главнокомандующему и визирю дать направленіе переговорамъ по этому вопросу. Это произошло въ конференціи 23-го октября. На другой день Галибъ-ефенди изъявилъ желаніе имѣть особое свиданіе съ тайнымъ совѣтникомъ Италинскимъ, и при этомъ свиданіи повторилъ ему рѣшительную невозможность принять для азіатской границы начало uti possidetis обѣихъ сторонъ во время подписанія мирнаго договора. При этомъ

случаѣ онъ передалъ ему письмо визиря къ нашему главнокомандующему. Въ этомъ письмѣ визирь выражалъ ту же мысль. „Мы установили основанія для мирныхъ переговоровъ", писалъ онъ,—„цѣною уступки съ нашей стороны такихъ важныхъ областей, какъ Молдавія и Бессарабія, и особенно находящихся тамъ крѣпостей; но было бы явленіемъ безпримѣрнымъ, еслибы подобныя уступки мы сдѣлали на обѣихъ границахъ. Это предложеніе со стороны вашего сіятельства не согласно съ тѣми началами умѣренности, которыя я надѣялся въ васъ найдти, ни съ вашимъ высокимъ образованіемъ". Притомъ визирь заявлялъ, что и онъ не имѣетъ полномочій говорить объ этомъ вопросѣ, и просилъ вовсе обойдти его въ мирномъ договорѣ. Хотя графъ Кутузовъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ визирю, однакоже счелъ нужнымъ обратить на этотъ вопросъ особенное вниманіе нашего кабинета.

„Теперь остается вникнуть", писалъ онъ графу Румянцеву.—„довольно ли для насъ важны новыя въ Азіи пріобрѣтенія, чтобы для нихъ разорвать начавшіеся переговоры, предпочесть ихъ всѣмъ выгодамъ скораго мира и рѣшиться на новыя значительныя пожертвованія и убытки, или же немедленное заключеніе мира для насъ полезнѣе, нежели сомнительная надежда, что со временемъ, посредствомъ величайшихъ усилій и дѣйствіемъ постоянныхъ подвиговъ оружія нашего, одержимъ мы таковое требованіе отъ Порты? По моему мнѣнію, не новыя пріобрѣтенія въ Азіи, а скорѣе конецъ войны долженъ быть главнѣйшею цѣлію настоящей негоціаціи, и если султанъ согласится утвердить сдѣланныя уже визиремъ уступки, на которыя онъ былъ вынужденъ затруднительнымъ положеніемъ, въ какое я его самого и войска его поставилъ, уступки, доставляющія намъ большое пространство земли и твердую въ Молдавіи границу.—то можемъ мы, не настаивая теперь непремѣнно въ требованіяхъ нашихъ относительно Азіи, оставить планъ распространенія границъ нашихъ въ томъ краю безъ дѣйствія, пока обстоятельства дозволятъ намъ имъ единственно заняться, а между тѣмъ довольствоваться сохраненіемъ за нами, изъ завоеванныхъ на берегу Чернаго моря мѣстъ, крѣпостцы Поти или Сужунъ-Кале, непремѣнно для коммуникацій намъ нужныхъ, и если Богъ поможетъ намъ склонить Порту на таковую уступку, то возвратить ей прочіе города, войсками нашими занимаемые. Если же Порта на отдачу намъ одного или нѣсколькихъ приморскихъ городовъ или же на принятіе основаніемъ границы въ Азіи uti possidetis не согласится, и я удостовѣрюсь, что одна сія статья пре-

пятствуетъ къ достиженію желаемой цѣли мира, то остается мнѣ одно только средство, которое я долженъ буду употребить, если не получу между тѣмъ новыхъ отъ вашего сіятельства предначертаній. Средство сіе состоитъ въ томъ, чтобы склонить турецкихъ полномоченныхъ подписать статью *темную и запутанную*, которая, не упоминая вовсе о требованіяхъ нашихъ, предоставила бы намъ возможность, при самомъ выполненіи условій, въ ней означенныхъ, настоять въ сохраненіи за нами того, что̀ нашими войсками теперь занимается. Напримѣръ, еслибы мы съ общаго согласія положили сказать просто въ той статьѣ: „для постановленія границы въ Азіи будутъ назначены съ обѣихъ сторонъ особые коммиссары".

Постановленія отдѣльныхъ условій предположеннаго договора хотя и озабочивало Кутузова, но еще болѣе озабочивало его то обстолтельство, что не получалось такъ долго полномочія со стороны султана, особенно потому, что до него доходили слухи, что первымъ движеніемъ султана по полученіи извѣстія о плѣнѣ арміи визиря, было разослать по всюду фирманы о наборѣ новыхъ войскъ. Хотя онъ не думалъ, чтобы въ позднюю осень можно было собрать новое войско, но подобное настроеніе султана не могло не внушать опасеній, что онъ не дастъ полномочій для переговоровъ о мирѣ. Поэтому Кутузовъ постоянно напоминалъ о нихъ Галибъ-ефендію, разчитывалъ съ нимъ сроки, готовъ былъ согласиться и на отсрочки, но намѣренъ былъ, наконецъ, прервать переговоры. „Признаюсь", писалъ онъ графу Румянцеву,—„что, имѣя единственно въ виду желаніе доставить отечеству нашему миръ, такъ давно ожидаемый, крайность сія весьма была бы для меня чувствительна, но вы сами со мною согласитесь, что производящіеся теперь переговоры, хотя и весьма полезны, приуготовляя скорѣйшій ходъ дѣламъ на случай открытія конгресса, но пока обязательства, принимаемыя турецкими уполномоченными, не утверждены султанскою полною мочью, они никакой силы и дѣйствія имѣть не могутъ". Но съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ, русскій главнокомандующій, ожидалъ султанскихъ полномочій и верховный визирь. Эти полномочія показали бы ему, что султанъ примирился съ положеніемъ дѣлъ, и онъ не поплатится за него головою [1]).

---

[1]) Отношеніе Кутузова къ графу Румянцеву 29-го октября; письмо визиря къ Кутузову 26-го октября, отвѣтъ ему Кутузова 28-го октября; письмо Фонтона къ Кутузову о разговорѣ съ визиремъ 29-го октября 1811 г.

Въ то время, когда сообщенія Кутузова на счетъ своихъ опасеній за мирные переговоры нашему кабинету были на пути въ Петербургъ, нарочный везъ къ нему оттуда отношеніе канцлера, въ которомъ выражена была надежда, что миръ состоится немедленно. Одобряя отъ имени государя „благоразумную по всѣмъ частямъ предусмотрительность Кутузова", Румянцевъ въ то же время писалъ ему: „Благодареніе Богу, храбростію нашихъ войскъ, дѣятельностію и благоразуміемъ предводителя ихъ, приближаемся, кажется, мы къ той минутѣ, въ которую отечество будетъ вновь обрадовано славнымъ и полезнымъ миромъ. По соглашенію уже теперь о главной онаго статьѣ то есть, о границѣ по Серету, его величество предоставляетъ на ваше благоусмотрѣніе сдѣлать постановленіе о Валахіи къ обезпеченію преимуществъ сего княжества сколько возможно покровительствомъ Россіи, и сохраня чрезъ то нѣкоторое тамъ наше вліяніе". Признавая представляемыя Кутузовымъ причины трудности сохранить за Сербами Бѣлградскую крѣпость весьма основательными и „по маловажной отъ того для насъ пользѣ", государь дозволялъ ему не настаивать на этомъ условіи, но позаботиться о томъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, турецкими войсками были очищены всѣ другія крѣпости, и чтобы „внутреннее управленіе въ Сербіи было установлено по собственному произволу націи и обезпечено ручательствомъ Россіи". Поручая по возможности обезпечить судьбу Валахіи и Сербіи, предписывалось ему, однакоже, не терять изъ виду, что „главнѣйшая наша цѣль есть миръ съ Портою, полагающій границею рѣку Серетъ". Это условіе считалось существеннымъ; въ отношеніи ко всѣмъ другимъ главнокомандующему дозволялось дѣлать уступки и даже отказаться отъ нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ, отъ требованія денежнаго вознагражденія. Такимъ образомъ, заключеніе мира казалось обезпеченнымъ; но въ концѣ этого отношенія графъ Румянцевъ прибавилъ, что, отказавшись отъ денежнаго вознагражденія, мы имѣемъ право настаивать на нашихъ требованіяхъ о границѣ въ Азіи, то-есть, утвердить именно за каждою стороною то, что при подписаніи мира ими тамъ будетъ занимаемо: „Его величество поручаетъ сію для насъ столь важную статью особенному вашему попеченію. При твердомъ въ томъ съ нашей стороны настояніи, вѣроятно, Порта долго упорствовать не будетъ, получая неожиданныя ею уступки и со стороны Дуная, и въ денежныхъ требованіяхъ". Изъ этихъ словъ видно, что взглядъ нашего кабинета на этотъ вопросъ былъ совершенно противоположенъ взгляду Кутузова, который усиленныя съ своей стороны требованія

объ азіатской границѣ на условіи uti possidetis считалъ непремѣннымъ поводомъ къ разрыву переговоровъ, а между тѣмъ въ этомъ же отношеніи къ нему канцлеръ говорилъ: „Въ заключеніе я долженъ еще подтвердить вамъ, что главнѣйшая цѣль его величества есть та, чтобъ отнюдь не прерывать настоящей негоціаціи, и чтобъ оная наиноспѣшнѣйше вела насъ къ миру. Государь императоръ, пріемля въ полной цѣнѣ достохвальное ваше служеніе въ довершеніи сего великаго дѣла, со всею пользой и славой для отечества полагается на васъ съ полною довѣренностію и съ полною надеждою“ [1]).

Незадолго до полученія этого отношенія Кутузовъ, котораго начинали уже тревожить медленность въ доставленіи султанскихъ полномочій и извѣстія о приходѣ новыхъ войскъ для подкрѣпленія визиря, 4-го ноября послалъ письмо Ахмету-пашѣ и въ немъ настоятельно требовалъ объясненія такого неопредѣленнаго положенія дѣлъ. „Чувства довѣрія и дружбы, которыя существуютъ между нами“, писалъ Кутузовъ визирю,— „не позволяютъ мнѣ болѣе скрывать отъ васъ то непріятное положеніе, въ которое меня поставили взаимныя отношенія между нами. Мѣсяцъ тому назадъ вы предложили мнѣ заключить перемиріе и начать переговоры о мирѣ. Я поспѣшилъ принять это предложеніе, полагаясь на ваши искренность и честность, которыя мнѣ извѣстны. Слѣдуя моему только личному убѣжденію, я рѣшился начать предварительные переговоры до полученія необходимыхъ въ этомъ случаѣ полномочій отъ султана“. Замедленіе въ присылкѣ полномочій Кутузовъ считалъ признакомъ враждебнаго расположенія и требовалъ объясненій отъ визиря. Въ отвѣтѣ на это письмо визирь успокоивалъ нашего главнокомандующаго увѣреніемъ, что черезъ нѣсколько дней онъ непремѣнно получитъ полномочія; а въ разговорѣ съ нашимъ переводчикомъ Фонтономъ, который привезъ ему письмо Кутузова, онъ, между прочимъ, сказалъ, что еслибы къ великому несчастію султанъ не далъ полномочія на заключеніе мира съ уступкою своихъ владѣній по Серетъ, то онъ пожелалъ бы имѣть тайное свиданіе съ нашимъ главнокомандующимъ и предложилъ бы меньшія территоріальныя уступки, но съ прибавкою денежнаго вознагражденія, заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза съ Россіей, съ обязательствомъ дать въ помощь Россіи 40 тысячъ войска, если Франція объявитъ ей войну. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Кутузовъ

---

[1]) Отношеніе графа Румянцева къ Кутузову 26-го октября 1811 г.

получилъ извѣстія изъ Константинополя, что султанъ дѣйствительно не соглашается на уступки, сдѣланныя визиремъ при переговорахъ съ нами. Уполномоченный Франціи Латуръ-Мобуръ увѣрялъ султана, что Франція скоро начнетъ войну съ Россіей, и что въ этомъ случаѣ императоръ Наполеонъ непремѣнно возстановитъ Польское королевство, присоединивъ къ нему и нѣсколько областей отъ Россіи, и тогда Порта будетъ находиться въ сосѣдствѣ не съ Россіей, а уже съ Польшею. Стараясь всѣми способами предупредить заключеніе мира съ Россіей, онъ увѣрялъ, что если Порта сдѣлаетъ уступки, требуемыя Россіей, то Франція отниметъ у нея потомъ эти области и отдастъ Польшѣ, которой границы въ этомъ случаѣ она также опредѣлитъ теченіемъ Дуная.

Австрійскій интернунцій Стюрмеръ дѣйствовалъ инымъ образомъ; онъ, какъ говорили, представилъ депешу графа Меттерниха въ подтвержденіе увѣреній, что Россія готова отступиться отъ всѣхъ своихъ требованій лишь бы заключить миръ съ Турціей, и что въ этомъ смыслѣ даны уже новыя наставленія Кутузову.

Всѣ эти извѣстія, вмѣстѣ съ личнымъ характеромъ султана и вліяніемъ фанаріотовъ, о чемъ зналъ нашъ главнокомандующій, не могли не смущать его. Сообщая ихъ графу Румянцеву, Кутузовъ предполагалъ, что султанъ желаетъ „сохранить за собою въ Европѣ Галацъ и Измаилъ съ ихъ землями, въ Азіи же Черкесію и р. Ріонъ, опредѣляя границу такъ, чтобъ Анапа, Суджюнъ, Сухумъ принадлежали Портѣ, равно какъ и лѣвый берегъ Ріона, то есть крѣпость Поти, оставя намъ для морской нашей коммуникаціи только берегъ Мингреліи. „Сіе собственное мое мнѣніе“, продолжалъ Кутузовъ —„нѣкоторымъ образомъ сходно бы было и съ словами визиря, который въ первомъ свиданіи съ переводчикомъ Фонтономъ именно сказалъ, что я весьма справедливо утверждаю право Россіи на Грузію и Имеретію, давно нами завоеванныя, и что онъ самъ находилъ бы неосновательнымъ, если бы Порта захотѣла имѣть притязаніе на эти провинціи. Впрочемъ, прибавилъ онъ, такъ какъ Россіи нужно имѣть свободную коммуникацію съ Грузіей моремъ, посредствомъ рѣки Ріона, то можно постановить сіе особою статьею“. Кутузовъ предполагалъ, что мысль о денежномъ вознагражденіи и о заключеніи союза съ ними, султану подалъ самъ визирь, видя нежеланіе его уступить территорію по р. Серетъ, и находился теперь въ тревожномъ состояніи, опасаясь перерыва переговоровъ. „Я не перемѣню границъ“, писалъ онъ графу Румянцеву,—„въ Европѣ противу того,

что визиремъ ужъ обѣщано, безъ высочайшаго повелѣнія приступить не могу, а также разорвать переговоры, разорвавъ перемиріе, не смѣю, и такимъ образомъ, въ крайнемъ затрудненіи нахожусь" [1]).

Въ половинѣ ноября верховный визирь вызвалъ въ Рущукъ одного изъ уполномоченныхъ, Галиба-Ефенди, который, возвратясь оттуда 16-го числа, пригласилъ къ себѣ переводчика Фонтона, объявилъ ему о полученіи полномочій и просилъ передать письмо визиря главнокомандующему, въ которомъ заключалось то же самое извѣстіе. Галибъ-Ефенди объявилъ также, что по султанскимъ полномочіямъ онъ назначенъ первымъ уполномоченнымъ для переговоровъ и просилъ назначить конференцію на другой день, 17-го ноября. Въ этой конференціи, послѣ обычныхъ привѣтствій и прочтенія полномочій, Галибъ-Ефенди въ длинной рѣчи говорилъ о необходимости и выгодѣ мира для обѣихъ державъ и объ искреннемъ желаніи султана достигнуть этой цѣли посредствомъ этого конгресса. „Нельзя не замѣтить", говорилъ онъ,—„какую принялъ на себя отвѣтственность верховный визирь, когда, не зная еще намѣреній султана объ условіяхъ мира, онъ отправилъ уполномоченныхъ для начатія переговоровъ. Поэтому, всѣ ихъ труды для начертанія условій будущаго договора должны считаться лишь предварительными, которыя остались бы безъ всякихъ послѣдствій, еслибы султанъ не снабдилъ ихъ своимъ полномочіемъ. Полученныя полномочія служатъ достаточнымъ свидѣтельствомъ искренняго желанія султана заключить миръ съ Русскимъ императоромъ; но онъ желаетъ прочнаго мира, а не простаго перемирія, которое при первомъ удобномъ случаѣ попыталась бы или одна, или другая сторона нарушить. Прочность же мира зависитъ отъ тѣхъ условій, на которыхъ онъ будетъ заключенъ. До сихъ поръ постановленныя условія не представляютъ такого ручательства, и потому ихъ надо оставить и вести переговоры о мирѣ на новыхъ основаніяхъ. А. Я. Италинскій отвѣчалъ, что и намѣренія Русскаго императора заключаются въ томъ, чтобы достигнуть заключенія прочнаго мира, который не могъ бы служить поводомъ впослѣдствіи къ недоразумѣніямъ или спорамъ, и въ этихъ-то видахъ и постановлены главныя основанія для договора. Главнокомандующій, только убѣдившись въ томъ, что эти основанія будутъ приняты, заключилъ перемиріе и допустилъ уполномоченныхъ приступить къ предварительнымъ переговорамъ. Отвергая теперь условія, на которыя уже согла-

[1]) Отношеніе Кутузова къ графу Румянцеву 11-го ноября; его письмо къ визирю 4-го ноября: донесеніе Фонтона Кутузову 10-го ноября 1811 г.

сился визирь, турецкіе уполномоченные обличаютъ, что онъ дѣйствовалъ недобросовѣстно въ отношеніи къ нашему главнокомандующему, оказавшему ему довѣріе.

„Но верховный визирь", отвѣчалъ Галибъ-Ефенди,—„дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не вслѣдствіе опредѣленныхъ полномочій, а въ силу той великой власти, которою онъ вообще облеченъ и въ надеждѣ, что султанъ одобритъ его поступокъ. Но вышло иначе. Конечно, существенная цѣль, къ которой относились всѣ дѣйствія визиря, а именно желаніе заключить миръ, одобрено султаномъ; но частныя условія для заключенія мирнаго договора, не будучи имъ одобрены, должны быть измѣнены". На вопросъ нашихъ уполномоченныхъ, какія же новыя основанія имѣютъ они предложить для мирнаго договора, Галибъ-Ефенди отвѣчалъ, что условіе о границѣ по р. Серетъ отвергнуто султаномъ.

Наши уполномоченные въ сильныхъ выраженіяхъ заявили удивленіе и объявили, что отверженіе этого условія вынуждаетъ ихъ прекратить дальнѣйшіе переговоры, какъ совершенно безполезные. Турецкіе уполномоченные старались продлить переговоры, доказывая, что надобно выслушать всѣ взаимныя предложенія, и что, представивъ этотъ вопросъ на благоусмотрѣніе русскаго кабинета и въ ожиданіи новыхъ отъ него наставленій, можно вести переговоры о всѣхъ другихъ условіяхъ договора. Но наши уполномоченные, настоявъ на своемъ мнѣніи, перервали засѣданіе, объявивъ, что доведутъ все сообщенное турецкими уполномоченными до свѣдѣнія главнокомандующаго, и безъ его разрѣшенія не вступятъ ни въ какіе дальнѣйшіе переговоры.

Турецкіе уполномоченные, которымъ поручено было непремѣнно достигнуть мирныхъ съ нами соглашеній, были крайне смущены рѣшительнымъ поступкомъ Италинскаго. Вечеромъ въ тотъ же день Галибъ-Ефенди послалъ князя Мурузи къ одному изъ нашихъ уполномоченныхъ, Фонтону, поручивъ ему объявить, что турецкіе уполномоченные понимаютъ, что нашимъ невозможно было принять сдѣланное ими предложеніе оффиціально и вступить въ какія бы то ни было по этому случаю объясненія, не доложивъ предварительно главнокомандующему; но что нельзя же имъ отказать въ дальнѣйшихъ переговорахъ и не выслушать отъ нихъ сообщеній о намѣреніяхъ султана по крайней мѣрѣ въ частномъ свиданіи, которое онъ желалъ бы имѣть съ нашимъ первымъ уполномоченнымъ. „Я тѣмъ охотнѣе согласился на это предложеніе перваго турецкаго уполномоченнаго",

писалъ Кутузовъ графу Румянцеву,—„что мнѣ самому нужно было, наконецъ, узнать, въ чемъ именно состоятъ предполагаемыя султаномъ отмѣны“. Получивъ разрѣшеніе главнокомандующаго, Италинскій имѣлъ свиданіе съ первымъ турецкимъ уполномоченнымъ 18-го ноября. Повторивъ увѣренія объ искреннемъ желаніи султана окончить миромъ эту войну, продолжающуюся уже пять лѣтъ, турецкій уполномоченный объяснилъ, что онъ не можетъ, однако, принять такія тягостныя условія, какъ опредѣленіе границъ по р. Серетъ. Но его государь, одаренный твердымъ характеромъ, отвергая это условіе, не поддался, однакоже, внушеніямъ иностранныхъ державъ, чтобы вовсе не заключать мира съ Россіей. Напротивъ того, онъ предпочитаетъ теперь же искренно примириться съ нею, нежели разчитывать на тѣ выгоды, которыя они обѣщаютъ ему въ будущемъ. Но этотъ миръ можетъ состояться лишь на условіи statu quo ante bellum, то есть, чрезъ возвращеніе всѣхъ завоеванныхъ Русскими областей Турецкой имперіи. Русскій дворъ доказалъ бы этимъ свою умѣренность и вынудилъ бы замолчать зависть другихъ державъ.

Конечно, Италинскій выразилъ только удивленіе, выслушавъ слова Галибъ-Ефенди, и заявилъ увѣренность, что наше правительство, въ какое положеніе оно ни было бы поставлено, не заключитъ на этомъ условіи мира съ Портой и не прекратитъ войны. По словамъ Италинскаго, нашъ государь достаточно доказалъ свою умѣренность, соглашаясь возвратить двѣ трети завоеванныхъ имъ областей; что же касается до иностранныхъ внушеній, то султанъ долженъ понять, что если они направлены къ ослабленію Россіи, то впослѣдствіи поплатится за это сама Турція.

Галибъ-Ефенди, видя, что Италинскій рѣшительно отвергаетъ предложенное имъ условіе, заявилъ, что если Россія непремѣнно требуетъ поземельныхъ уступокъ, то онъ можетъ уступить по р. Прутъ, но не до самого впаденія этой рѣки въ Дунай, а до Фальчи, а оттуда проведется черта до Кудука, и эта послѣдняя рѣка составитъ границу до впаденія ея въ море. Такимъ образомъ Аккерманъ съ частію Бессарабіи будутъ уступлены Россіи а Килія и Измаилъ останутся за Портою. „На этомъ условіи“, говорилъ Галибъ-Ефенди,—„я готовъ хоть сейчасъ подписать миръ и увѣренъ, что султанъ утвердитъ его“.

„Эти условія таковы“, отвѣчалъ ему Италинскій,—„что я не могъ себѣ дозволить даже разсуждать о нихъ и увѣренъ, что главнокомандующій никогда не рѣшится представить ихъ императору“. То же

самое велѣлъ повторить турецкому уполномоченному и самъ Кутузовъ чрезъ переводчика Фонтона. Не желая довести переговоры до окончательнаго разрыва, Галибъ-Ефенди прислалъ къ нему князя Мурузи просить, чтобы въ ожиданіи новыхъ наставленій изъ Петербурга по вопросу о границѣ не прерывать переговоровъ по другимъ условіямъ договора, перевести конгрессъ въ Бухарестъ по случаю дурнаго времени года и дозволить нашимъ уполномоченнымъ сойдтись на новое совѣщаніе съ турецкими 21-го ноября. Кутузовъ дозволилъ, и это новое совѣщаніе доказало только, до какой степени сами Турки опасались перерыва переговоровъ, упрашивая представить на усмотрѣніе нашего императора вновь предложенныя ими условія и дозволить вести переговоры о другихъ.

„Новыя предложенія Порты", писалъ Кутузовъ, пожалованный уже въ это время графомъ за побѣды надъ Турками [1]), гр. Румянцеву,— „относясь до статьи, которая уже совершенно поставлена была и удостоилась одобренія его величества, я не имѣю права вступать касательно до нея въ какія-либо съ турецкими полномочными объясненія; не теряя однакожь изъ виду волю государя императора отнюдь не прерывать настоящихъ негоціацій, положилъ я, не принимая на себя никакого передъ турецкими полномочными обязательства, представить вамъ для донесенія его величеству полное во всѣхъ отношеніяхъ свѣдѣніе о семъ обстоятельствѣ и покорнѣйше просить васъ почтить меня для собственнаго моего руководства увѣдомленіемъ о высочайшемъ государя императора рѣшеніи, котораго съ нетерпѣніемъ ожидать буду" [2]).

Вслѣдъ затѣмъ Кутузовъ перенесъ свою главную квартиру изъ Журжи въ Бухарестъ [3]), перевелъ туда конгрессъ и дозволилъ ему

---

[1]) Письмо графа Кутузова къ супругѣ 26-го ноября 1811 года: «Забылъ тебя поздравить графиней, по указу еще нѣтъ здѣсь». *Русская Старина* 1872 г.

[2]) Отношеніе графа Кутузова къ графу Румянцеву 28-го ноября; протоколы совѣщаній конгресса 17-го и 21-го ноября; донесеніе графу Кутузову Италинскаго и Фонтона и письмо визиря 15-го ноября 1811 г.

[3]) «Наконецъ пріѣхалъ отдыхать въ Бухарестъ, послѣ такой трудной кампаніи», писалъ графъ Кутузовъ своей супругѣ 13-го декабря 1811 г.—«Кажется, Бухарестъ очень былъ радъ меня увидѣть; встрѣча была превеликолѣпная, и два дня городъ былъ иллюминованъ, и вездѣ были транспаранты съ греческими надписями и иные очень, сказываютъ, хороши; вездѣ *что-то много Темистокла*. Вчерась, въ день рожденія государя, у меня былъ обѣдъ, а въ клубѣ балъ, гдѣ людей множество было; домъ большой, а повернуться было негдѣ». *Русская Старина* 1872 г.

собираться для совѣщаній о другихъ условіяхъ мирнаго договора; но въ половинѣ декабря онъ получилъ отношеніе гр. Румянцева, который сообщилъ ему волю государя, чтобы прервать переговоры. Государь былъ удивленъ, что Турки рѣшились отступиться отъ статьи договора, которая была предложена самимъ визиремъ, и поручалъ Кутузову объявить ему о прекращеніи перемирія и приступить къ военнымъ дѣйствіямъ.

„Во всѣхъ потому распоряженіяхъ", писалъ ему гр. Румянцевъ,— „государь императоръ полагается съ неограниченною довѣренностію на искусное ваше предводительство и не сомнѣвается, чтобы сіе новое ополченіе при самомъ своемъ началѣ не было ознаменовано покореніемъ турецкаго корпуса, запертаго на лѣвомъ берегу Дуная, со всѣмъ его оружіемъ, аммуниціей и багажемъ. Благоразумныя мѣры, которыя по прозорливости вашей будутъ приняты, и дальнѣйшіе успѣхи, яко неминуемыя оныхъ послѣдствія, конечно, вскорѣ принудятъ Турокъ сдѣлать новый шагъ къ сближенію, и въ такомъ случаѣ его величеству угодно, если визирь отнесется къ вамъ съ предложеніемъ о мирѣ, чтобы вы отвѣчали, что къ возобновленію конгресса и открытію вновь переговоровъ не можете вы приступить безъ предварительнаго и формальнаго его согласія на три прелиминарные пункта:

„1) чтобъ рѣка Серетъ была принята границею, какъ уже было договорено;

„2) что о Сербіи будетъ сдѣлано постановленіе, обезпечивающее спокойное и безмятежное существованіе сей націи;

„3) относительно границъ въ Азіи его величество подтверждаетъ прежнее свое мнѣніе.

„Что касается до сдѣланнаго визиремъ въ разговорѣ съ Фонтономъ предложенія о союзѣ для взаимнаго вспомоществованія 40 тысячнымъ корпусомъ войска, на случай непріятельскаго нападенія на ту или другую изъ договаривающихся державъ, то государь императоръ не усматриваетъ для себя никакой пользы въ таковомъ постановленіи; а потому его величеству пріятно было бы такую статью миновать. Но еслибъ однакоже вы имѣли причину думать, что нашею на то податливостію можно склонить визиря къ миру на предначертанномъ основаніи, то его величество уполномочиваетъ васъ и на таковой союзъ объявить ваше согласіе, если вы то признать изволите за полезное".

Мысль визиря о союзѣ, выраженная имъ въ частномъ разговорѣ съ нашимъ переводчикомъ, помимо турецкихъ уполномоченныхъ, безъ

объявленія полномочія на этотъ случай султана, конечно, не имѣла никакого значенія и показывала только желаніе визиря достигнуть заключенія мира и смягчить отказъ султана утвердить условія, на которыя онъ, визирь, уже выразилъ свое согласіе этому отказу, который уполномоченные Оттоманской Порты объявили въ первомъ же засѣданіи конгресса. Кутузовъ, конечно, не придавалъ значенія и былъ доволенъ, что и русскій кабинетъ отнесся къ нему съ полнымъ равнодушіемъ и скорѣе даже желалъ отклонить предложеніе Порты о союзѣ. Что же касается до предписанія начать военныя дѣйствія противъ того корпуса турецкихъ войскъ, который и такъ уже былъ во власти нашего главнокомандующаго, то въ нихъ и не предстояло нужды. „Его императорскому величеству угодно, чтобъ я прервалъ перемиріе", отвѣчалъ Кутузовъ графу Румянцеву,—„приступилъ къ начатію военныхъ дѣйствій и открылъ бы оныя покореніемъ турецкаго корпуса на семъ берегу Дуная. Войска сіи теперь уже въ моихъ рукахъ. Я предуспѣлъ побудить визиря подписать условіе, въ силу коего турецкая армія обезоружена, вся артиллерія ея взята подъ сохраненіе въ Журжу, войска же съ ихъ начальниками расположены подъ присмотромъ военныхъ командъ нашихъ по разнымъ деревнямъ въ Валахіи [1]), тогда когда бы, употребя силу оружія на покореніе людей, приведенныхъ въ отчаяніе, безсомнѣнно потеряли бы и мы немалое число людей. Перемиріе, заключенное между мною и верховнымъ визиремъ, ни подъ какимъ видомъ не связываетъ мнѣ рукъ и не препятствуетъ возобновить военныя дѣйствія, о чемъ долженъ я только объявить ему 20 дней напередъ. Но я, признаюсь вашему сіятельству, я не вижу, чтобы мѣра сія была большой для нашихъ дѣлъ пользы, и сверхъ того, я теперь мало имѣю способовъ дѣйствовать съ успѣхомъ наступательнымъ образомъ. Время года и дороги, почти непроходимыя, суть главнѣйшимъ сему препятствіемъ, и на подвозы жизненныхъ припасовъ по сей дорогѣ никакъ полагаться не можно. Такимъ образомъ разстроилась бы и армія къ тому времени, когда непріятель, можетъ быть, опять въ большихъ силахъ покажется весною въ полѣ" [2]).

---

[1]) Это сдѣлано было уже 25-го ноября, до оставленія графомъ Кутузовымъ Журжи. Письмо его къ супругѣ 26-го ноября. (*Русская Старина 1872 г.*) и донесеніе государю 27-го ноября 1811 г.

[2]) Отношеніе графа Кутузова къ графу Румянцеву изъ Бухареста 13-го декабря 1811 г.

Въ то время, когда это отношеніе было отправлено въ Петербургъ, къ нему спѣшилъ оттуда фельдъегерь съ слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ императора:

„Графъ Михаилъ Ларіоновичъ! Не могу скрыть отъ васъ непріятное впечатлѣніе, которое произвели надо мною послѣднія депеши ваши. Мирная негоціація не впередъ подвигается, но назадъ. Вамъ слѣдовало бы при столь явномъ нарушеніи доброй вѣры со стороны турецкихъ чиновниковъ, рѣшительно имъ объявить, что прекращеніе военныхъ дѣйствій послѣдовало единственно по соглашенію визиря на извѣстныя кондиціи, но что если оныя отвергаются, то вы немедленно разорвете перемиріе и начнете тѣмъ, чтобы принудить къ сдачѣ корпусъ, окруженный на лѣвой сторонѣ Дуная. Твердыя сіи изъясненія имѣли бы несомнительно полный успѣхъ. Впрочемъ, еслибъ и разрывъ послѣдовалъ, я оный предпочитаю миру на иныхъ условіяхъ какъ тѣ, кои мною вамъ были назначены. Всѣ опасенія, вамъ вселяемыя на счетъ содѣйствія Пруссіи и Швеціи съ Франціей, суть совершенно пустыя и явныя дѣйствія французской миссіи въ Константинополѣ. Извѣщенія же, полученныя вами отъ графа Штакельберга, заслуживаютъ небольшаго уваженія. Сему послѣднему и не слѣдовало совсѣмъ вамъ давать свои наставленія, о чемъ я ему и замѣтилъ. Сами вы въ своемъ письмѣ къ военному министру увѣдомляете о собственномъ вашемъ примѣчаніи, что султанъ сталъ податливѣе. Прибавя твердости съ нашей стороны, сія податливость должна еще увеличиться. Но сей твердости никакъ я не нахожу въ отвѣтахъ нашихъ уполномоченныхъ. Вмѣсто того, чтобы распространяться на счетъ моего великодушія, когда турецкіе чиновники упомянули, что султанъ ожидаетъ снисхожденія съ моей стороны, приличнo бы было имъ замѣтить, что со всѣмъ желаніемъ моимъ сдѣлать пріятное султану,—достоинство Россіи, послѣ сдѣланныхъ арміею нашею завоеваній, сего мнѣ не дозволитъ. Сей отвѣтъ отклонилъ бы дальнѣйшія домогательства турецкихъ полномочныхъ. Не могу также не замѣтить вамъ, что послѣ столь большой перемѣны въ расположеніяхъ къ миру съ турецкой стороны, слѣдовало бы и вамъ тотъ же часъ убавить податливости, вопервыхъ, не соглашаясь иначе, какъ на сдачу военнопленными запертаго корпуса турецкаго, и вовторыхъ, отказавъ въ переѣздѣ конгреса въ Бухарестъ, гдѣ отверзается лишь пространное поле всѣмъ интригамъ иностранныхъ дворовъ, посредствомъ ихъ агентовъ, тамъ находящихся. Сообразивъ внимательно все произшедшее

и свѣсивъ всѣ обстоятельства, относящіяся къ политическому положенію Европы, я нахожу:

„1) что миръ неприличный достоинству Россіи будетъ для нея болѣе вреденъ, нежели полезенъ;

„2) умаля онымъ уваженіе къ могуществу Россіи, докажетъ явный недостатокъ твердости кабинета нашего, и

„3) навлечетъ печальное понятіе о нашихъ уполномоченныхъ и о побужденіяхъ, коими они дѣйствовали.

„Вслѣдствіе сихъ причинъ нахожу нужнымъ вамъ предписать слѣдующее:

„1) Если до полученія сего повелѣнія вы не предуспѣли склонить турецкихъ уполномоченныхъ къ принятію предлагаемыхъ нами кондицій, то объявите имъ, что султанъ, не одобривъ предварительныя условія, на которыя визирь согласился, я имѣю равное право не одобрить капитуляцію, сдѣланную вами о принятіи турецкаго войска въ вашъ присмотръ, а повелѣлъ вамъ, если турецкіе полномочные не примутъ послѣ сего извѣщенія предлагаемыя нами кондиціи, считать сей корпусъ совершенно военноплѣнными, отмѣня турецкій караулъ, находящійся при ихъ и оружіи, отрядить достаточное число нашего войска для препровожденія какъ нашей, такъ и все прочее войско безъ изъятія военноплѣнными во внутрь Россіи.

„2) Не приступать къ подписанію мира иначе, какъ на тѣхъ условіяхъ, кои мною вамъ были предписаны.

„3) Въ противномъ случаѣ объявить турецкимъ уполномоченнымъ, что военныя дѣйствія тотъ часъ же начнутся, къ чему и приготовить все нужное ввѣренной вамъ арміи, усиленной обученными рекрутами, въ оную поступившими.

„Уповая твердо на помощь Всевышняго, надѣюсь равномѣрно на ваше искусство, коему ввѣряю славу россійскаго оружія“ [1]).

Получивъ рескриптъ императора, Кутузовъ приступилъ къ немедленному исполненію предписанныхъ ему мѣръ. Онъ разослалъ предписанія военнымъ начальникамъ приблизить войска къ мѣсту пребыванія турецкой арміи, чтобы при объявленіи ея военноплѣнною и отправленіи въ Россію „отнять у нея всѣ способы сдѣлать намъ малѣйшее сопротивленіе. На производство сихъ мѣръ предосторожности“, писалъ онъ графу Румянцеву, — „потребовалось болѣе вре-

[1]) Собственноручное письмо императора изъ Петербурга 12-го декабря 1811 г.

мени, нежели я первоначально предполагалъ, по причинѣ обходовъ, которые отъ дурныхъ дорогъ въ настоящемъ позднемъ времени года отряды наши принуждены были сдѣлать; а потому и конференція между нашими и турецкими полномочными не прежде могла быть назначена, какъ въ послѣднее число декабря".

При открытіи конференціи, нашъ первый уполномоченный объявилъ, что главнокомандующій получилъ приказанія государя въ отвѣтъ на донесеніе его о переговорахъ, бывшихъ въ Журжѣ 17-го ноября, когда представители Оттоманской Порты предъявили полномочія отъ султана и новыя условія для мирнаго договора. „Хотя императоръ" говорилъ Италинскій,—„и одушевленъ желаніемъ чрезъ заключеніе мира прекратить бѣдствія войны, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что у него есть обязанности въ отношеніи къ самому себѣ, къ своему достоинству, къ своей имперіи и къ своимъ подданнымъ. Вслѣдствіе того императоръ требуетъ, чтобы новая граница въ Европѣ была опредѣлена рѣкою Серетомъ, какъ это было договорено съ верховнымъ визиремъ, и чтобы пріобрѣтенія, сдѣланныя нами въ Азіи, силою оружія или особыми соглашеніями съ жителями, остались за нами, Анапа, Сухумъ, Суджанъ и Поти и всѣ крѣпости, города и области и морскіе берега, находящіеся въ настоящее время въ нашей власти, и чтобы судьба Сербовъ обезпечена была особымъ условіемъ въ мирномъ договорѣ".

На вопросъ: принимаютъ ли турецкіе полномочные эти три условія, какъ Галибъ-Ефенди, такъ и его товарищи отвѣчали, безъ сомнѣнія, отрицательно, потому что и не имѣли права отступить отъ повелѣній султана. Тогда Италинскій заявилъ имъ, что поэтому перемиріе будетъ прервано, а турецкое войско, на этомъ берегу Дуная находящееся, будетъ объявлено военноплѣннымъ и отправлено въ Россію. Турецкіе уполномоченные употребляли все свое краснорѣчіе, чтобы доказать, что между отвергнутыми императоромъ основаніями для мирнаго договора и перемиріемъ ничего нѣтъ общаго. Если султанъ отвергъ первоначально принятыя условія для договора, то и Русскій императоръ могъ отвергнуть вновь предложенія, стало быть, дѣло становится между ними, и уполномоченные должны оставить этотъ вопросъ безъ рѣшенія (ad referendum) пока не сообщатъ султану о требованіяхъ Русскаго императора и не получатъ отъ него новыхъ наставленій. Но, тѣмъ не менѣе, перемиріе можетъ до того времени оставаться въ прежней силѣ, и судьба турецкой арміи на лѣвомъ берегу Дуная не должна подвергаться измѣненію.

Конечно наши уполномоченные не убѣдились этими разсужденіями и заявили, что если султанъ могъ не одобрить дѣйствій своего верховнаго визиря, то безъ сомнѣнія, и Русскій императоръ, въ виду этого обстоятельства, можетъ не утвердить конвенціи, заключенной главнокомандующимъ его войсками. Требованіе уступокъ въ Азіи особенно возмущало турецкихъ уполномоченныхъ. „Не было примѣра", говорилъ Галибъ-Ефенди,—„чтобы Порта дѣлала уступки изъ своихъ владѣній въ Азіи и въ Европѣ въ одно и то же время. Народное мнѣніе, считающее Азію колыбелью магометанства, можетъ служить неодолимымъ препятствіемъ для Порты въ этомъ отношеніи, и мы не имѣемъ даже права приступать къ какимъ бы то ни было переговорамъ по этому предмету".

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ, обѣ стороны одинаково поняли, что конгресъ надо считать разрушеннымъ.

Немедленно послѣ этой конференціи Кутузовъ увѣдомилъ всѣхъ военачальниковъ о прекращеніи перемирія. Но на другой же день уполномоченные Порты прислали просить его, чтобъ онъ пріостановилъ на нѣсколько дней исполненіе этой рѣшительной мѣры и оставилъ турецкое войско въ прежнемъ положеніи по крайней мѣрѣ до того времени, когда возвратится нарочный, котораго съ этимъ извѣстіемъ они посылаютъ къ визирю. „Но я не могъ на ихъ требованія согласиться", увѣдомлялъ Кутузовъ графа Румянцева,—„имѣя касательно сихъ войскъ точныя отъ государя императора предписанія. Я не воспретилъ однако же самимъ полномочнымъ оставаться въ Бухарестѣ до полученія отзывовъ отъ визиря". По ихъ желанію Кутузову согласился даже увѣдомить визиря письмомъ о послѣднихъ рѣшеніяхъ нашего кабинета. „Теперь", писалъ онъ Румянцеву,—„намъ остается только ожидать, какое дѣйствіе произведетъ надъ верховнымъ визиремъ и надъ самимъ султаномъ рѣшительное объявленіе, сдѣланное отъ насъ турецкимъ полномочнымъ, и какое получатъ они отъ министерства своего повелѣніе; если оно будетъ сообразно съ требованіями нашими, то хотя настоящій конгрессъ уничтоженъ, и переговоры совершенно прерваны, не трудно однако же будетъ оныя возобновить. Къ сему присутствіе здѣсь турецкихъ полномочныхъ болѣе еще преподастъ возможности" [1]).

Очевидно, графу Кутузову не хотѣлось окончательно упустить изъ

---

[1]) Отношеніе графа Кутузова къ графу Румянцеву 3-го января; письмо къ визирю 1-го января 1812 г.; протоколы конференціи 31-го декабря 1811 г.

рукъ возможность заключенія мира, и онъ давалъ турецкимъ уполномоченнымъ всѣ способы какъ можно долѣе оставаться въ Бухарестѣ, что̀ соотвѣтствовало и ихъ собственнымъ желаніямъ. Они знали, что султанъ искренно желаетъ заключить миръ съ Россіей. Этимъ общимъ видамъ пособилъ разливъ Дуная, замедливъ пріѣздъ нарочнаго отъ визиря, котораго послали къ нему турецкіе уполномоченные; а между тѣмъ въ это время они старались разузнать мнѣніе графа Кутузова, не допуститъ ли русское правительство опредѣлить границу рѣкою Прутомъ, предполагая, что султанъ согласится на это. Только въ концѣ января возвратился нарочный отъ визиря, который, отвѣчая на письмо нашего главнокомандующаго, говорилъ только, что сдѣлалъ донесеніе султану о предложеніяхъ нашего кабинета. Визирь не отзывалъ уполномоченныхъ Порты, и графъ Кутузовъ не побуждалъ ихъ оставить Бухарестъ.

Между тѣмъ, послѣ отступленія нашихъ войскъ на лѣвый берегъ Дуная и рѣшенія султана дѣйствовать наступательно, императоръ Наполеонъ вполнѣ былъ увѣренъ, что нашъ миръ съ Турціей не состоится. „Наши военныя дѣйствія, какъ онѣ ни были славны для нашего оружія“, писалъ въ это время Чернышевъ изъ Парижа графу Румянцеву,—„однако же доказали, что предположеніе наше вести оборонительную лишь войну потребуетъ гораздо болѣе войскъ и пожертвованій съ нашей стороны, нежели предполагали прежде. Безъ этого они не приведутъ ни къ какимъ счастливымъ послѣдствіямъ, потому что не можемъ же мы надѣяться, чтобы Турки, отказавшіеся отъ тѣхъ условій, которыя мы хотѣли возложить на нихъ въ самое несчастное для нихъ время, подчинились имъ теперь и согласились на тѣ же уступки, когда они овладѣли правымъ берегомъ Дуная, очнулись отъ того ужаса, который мы навели на нихъ, и поощряемые императоромъ Наполеономъ, собираются начать войну, которая можетъ быть такъ для нихъ выгодна. Наполеонъ совершенно увѣренъ въ упорствѣ Турокъ и что они постоянно будутъ отказывать намъ въ заключеніи мира на предлагаемыхъ нами условіяхъ. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ съ нѣкоторыми лицами и весьма много расчитываетъ на эту диверсію въ случаѣ войны съ нами“ [1]). Но эти расчеты были сильно поколеблены, на нѣкоторое время, полученными извѣстіями о взятіи визирскаго лагеря при Рущукѣ и объ окруженіи большей части его войска на лѣвомъ берегу Дуная,—обстоятельствъ,

[1]) Письмо къ графу Румянцеву изъ Парижа 7/19-го сентября 1811 года.

которыя иначе объяснили значеніе отступленія нашего главнокомандующаго послѣ одержанной побѣды при Рущукѣ. „Счастливыя произшествія, совершившіяся на Дунаѣ, вызвали наружу тѣ дѣйствительныя чувства, которыя императоръ Наполеонъ питаетъ къ намъ“, писалъ тотъ же русскій офицеръ къ нашему канцлеру около мѣсяца спустя.— „Узнавъ о нихъ, онъ такъ мало могъ владѣть собою, что выразилъ явно, до какой степени ему непріятно, что наши дѣла приняли счастливый оборотъ и могутъ привести насъ къ скорому заключенію мира, который такъ не согласуется съ его политикой и его выгодами. Говоря объ этомъ съ двумя высокопоставленными лицами, онъ въ жару разговора съ величайшею скорбію сказалъ: „Поймите этихъ собакъ, этихъ негодяевъ, Турокъ, которые сумѣли дать себя разбить такимъ образомъ! Кто могъ это предвидѣть и этого ожидать!“ [1]). Лишь только Наполеонъ узналъ о нашихъ успѣхахъ, какъ отправилъ нѣсколькихъ нарочныхъ гонцовъ въ Константинополь съ цѣлію, которая всѣмъ извѣстна,—чтобы поощрить Турокъ къ продолженію войны съ нами и во что бы то ни стало помѣшать заключенію мира. Онъ чрезвычайно встревоженъ, что можетъ опоздать съ своими предложеніями, и никто не сомнѣвается, что онъ обѣщалъ Туркамъ немедленно начать противъ насъ военныя дѣйствія, если они перервутъ мирные переговоры съ нами. Мысль о томъ, что эти переговоры могутъ окончиться удачно, такъ его тревожитъ, что онъ даже при большомъ обществѣ не можетъ скрыть дурнаго расположенія духа. На представленіи дипломатическаго корпуса и на вечерѣ онъ чуждался насъ и не могъ сказать ни слова нашему посланнику о полученныхъ извѣстіяхъ. Что касается до меня, то императоръ Наполеонъ четыре раза въ этотъ день подходилъ ко мнѣ съ видимымъ желаніемъ заговорить со мною, но всякій разъ только спрашивалъ о здоровьѣ и отходилъ, не слушая моихъ отвѣтовъ, а съ моими сосѣдями часто велъ продолжительные разговоры“. Дѣла Турціи до такой степени озабочивали Наполеона въ это время, что онъ съ поспѣшностію устроилъ особаго рода сообщенія къ Константинополемъ, чрезъ которыя свѣдѣнія оттуда могли бы на двѣнадцатый день получаться въ Парижѣ [2]). Чернышевъ увѣрялъ, что всѣ благомыслящіе люди въ самомъ Парижѣ

---

[1]) «Conçoit-on ces chiens, ces gredins de Turcs, qui ont eu le talent de se faire battre de la sorte! Qui est ce qui aurait pu le prévoir et s'y attendre?»

[2]) Письмо Чернышева къ графу Румянцеву изъ Парижа 6/18-го декабря 1811 года.

полагаютъ, что единственно скорое заключеніе нами мира съ Турками можетъ остановить или по крайней мѣрѣ замедлить войну Франціи противъ Россіи. Ту же мысль выражалъ графу Румянцеву и нашъ посланникъ при Тюльерійскомъ дворѣ. „Если нашъ миръ съ Оттоманскою Портою, можетъ быть, уже заключенъ теперь, или по крайней мѣрѣ, будетъ заключенъ скоро, въ продолженіе этой зимы, то почти можно быть увѣреннымъ, что императоръ Наполеонъ не начнетъ войны съ нами въ этомъ году, и мы будемъ имѣть достаточно времени обезпечить наше спокойствіе и на будущее время. Таково здѣсь общее мнѣніе, наиболѣе распространенное и совершенно согласное съ моими убѣжденіями. Но если мы не заключимъ этого мира, столь желаннаго и столь необходимаго для насъ, и упрямство султана, поощряемое иностранными кознями, вынудитъ насъ на новыя военныя дѣйствія въ Булгаріи, то не можетъ подлежать ни какому сомнѣнію, что Франція воспользуется продолженіемъ этой войны для того, чтобы начать свою войну противъ насъ съ помощію всѣхъ силъ Германіи и бывшей Польши. Намъ прійдется вести войну на всѣхъ нашихъ границахъ отъ Балтики до впаденія Дуная въ Черное море. Никогда еще Россіи ни угрожало такое бѣдствіе и со стороны такого ужаснаго врага, какъ въ настоящее время! Надо его предупредить, надо сохранить могущество нашей имперіи такимъ, каково оно теперь. Невозможно, чтобы на эти ужасныя обстоятельства не было обращено вниманіе нашего добраго государя. Я увѣренъ, что вы часто указываете ему на нихъ со всею истиной и силой въ вашихъ представленіяхъ. Если мы можемъ выйдти изъ такого положенія только посредствомъ заключенія мира съ Турціей, то я не понимаю, почему мы не заключаемъ его безотлагательно на такихъ условіяхъ, на какихъ только возможно въ настоящее время, устранивъ на время наши виды на княжества до болѣе благопріятнаго времени. Въ этомъ состоитъ самое пламенное мое желаніе, возбуждаемое преданностію государю и отечеству. Думаю, что и вы его раздѣляете и сдѣлаете все, что можете, для нашего спасенія и нашей славы“ [1]). Графъ Румянцевъ не раздѣлялъ однако образа мыслей своего двоюроднаго брата; онъ думалъ, напротивъ, что спасаетъ честь и достоинство имперіи, настаивая на присоединеніи къ ней Дунайскихъ княжествъ, столько лѣтъ находившихся уже во власти Россіи, и которыя могли только возна-

[1]) Частное письмо князя Куракина къ графу Румянцеву изъ Парижа 30-го декабря 1811 года (11-го января 1812 года).

градить тѣ пожертвованія, какихъ стоила Россіи эта война съ Турками, возбужденная политикою Наполеона. Всякую уступку Турціи въ этомъ случаѣ онъ считалъ, не безъ основанія, уступкою козпямъ императора Французовъ и его коварной политикѣ, торжественно провозглашавшей согласіе на присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ княжествъ и тайно возбуждавшей Австрію и самого султана не соглашаться на заключеніе мира съ Россіей на этомъ условіи. Онъ думалъ пересилить его въ дѣлахъ политической интриги, конечно, расчитывая на большія оборонительныя средства, приготовленныя Россіей, какъ значилось на бумагѣ, для отпора гораздо меньшихъ силъ врага, какъ тогда предполагали, основываясь, между прочимъ, на соображеніяхъ Бернадота, которыя очень цѣнили въ этомъ случаѣ, и не придавая вѣры точнымъ донесеніямъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ изъ Франціи; полагали, что императоръ Наполеонъ съ умысломъ преувеличиваетъ свои боевыя средства, чтобы напугать Россію, и что агенты передаютъ лишь тѣ свѣдѣнія, которыя онъ допускаетъ имъ узнавать. Императоръ въ главныхъ основаніяхъ раздѣлялъ взгляды своего канцлера и предлагалъ въ это время рѣшительными военными дѣйствіями принудить Порту къ заключенію мира. „Желая кончить рѣшительно войну съ Портою“, писалъ онъ къ графу Кутузову,— „не нахожу лучшаго средства для достиженія сей цѣли, какъ произвесть сильный ударъ подъ стѣнами Царяграда, совокупно морскими и сухопутными силами“ [1]). Но едва приступлено было къ нѣкоторымъ мѣрамъ для приведенія въ исполненіе этого предположенія, какъ оказалось, что для того необходимо потребуется значительное время, и что война съ Франціею можетъ открыться ранѣе, нежели будетъ снаряжена эта экспедиція, потому что войска императора Наполеона уже подходили къ Одеру. Сила обстоятельствъ вынуждала отложить это предпріятіе; а между тѣмъ необходимость заключить миръ съ Турками становилась все болѣе и болѣе настоятельною. Для достиженія этой цѣли оставалось только одно средство — рѣшиться на уступки. Но когда султанъ отвергъ тѣ условія для мирнаго договора, на которыя согласился уже его верховный визирь, русскій кабинетъ принялъ этотъ поступокъ за оскорбленіе достоинства имперіи и поручилъ графу Кутузову прервать переговоры.

Императоръ Наполеонъ всѣми силами старался заставить Турокъ, съ своей стороны, прекратить переговоры; но вмѣсто нихъ эти перего-

---

[1]) Рескриптъ графу Кутузову 16-го февраля 1812 года.

воры, конечно, неожиданно для него, перервала сама Россія. Получивъ эти извѣстія Наполеонъ успокоился, увѣренный вполнѣ, что война между Русскими и Турками не скоро прекратится, и что онъ воспользуется ею, начавъ съ открытіемъ весны свое нашествіе на Россію. Но самая настойчивость, съ которою онъ требовалъ чтобы Порта перервала переговоры съ нами и продолжала войну, внушали ей подозрѣнія. Ни султанъ, ни его диванъ не вѣрили обѣщаніямъ Наполеона, испытавъ уже все коварство его политики. Императоръ Александръ Павловичъ хотя и былъ оскорбленъ отказомъ султана утвердить условія мирнаго договора, уже одобренныя его визиремъ, но оставивъ мысль объ экспедиціи подъ стѣны Царяграда, считалъ необходимымъ, какъ можно скорѣе, заключить миръ съ Турціей. Когда онъ узналъ, что Кутузовъ оставилъ въ Бухарестѣ турецкихъ уполномоченныхъ, то остался доволенъ его поступкомъ. „Его величество изволилъ одобрить", писалъ ему графъ Румянцевъ,—„что вы не возбранили турецкимъ уполномоченнымъ продлить пребываніе ихъ въ Бухарестѣ въ ожиданіи новыхъ предписаній". Въ то же время онъ совѣтовалъ Кутузову, пользуясь этимъ пребываніемъ уполномоченныхъ Порты, внушать имъ и особенно Галибъ-Ефенди, слѣдующія мысли: „Когда Россія въ настоящемъ положеніи дѣлъ предлагаетъ миръ Портѣ, то въ таковомъ мирѣ не должно, какъ бы то было во всякое другое время, усматривать одно только прекращеніе войны. Здѣсь напротивъ, представляется могущественная имперія, которая, промысломъ Всевышняго одержавъ знаменитые въ войнѣ съ Портою успѣхи, желаетъ положить опымъ предѣлъ миромъ и наиболѣе къ тому побуждаема замыслами другихъ державъ, которыя въ совѣщаніи своемъ положили, чтобы воспользоваться настоящею войною къ конечному низпроверженію Оттоманской имперіи въ Европѣ и готовятся пригласить и его величество къ взаимному раздѣлу остатковъ сей державы. Сіи замыслы основаны мнѣніи о невозможности, чтобы Порта нашла средства къ продолжительному отраженію и о сопряженномъ съ тѣмъ вмѣстѣ упорствѣ ея продлить настоящую войну, тогда какъ всякая кампанія, ослабляя истощенныя уже силы ея государства, оканчивается новыми для Россіи успѣхами. Въ таковомъ положеніи обстоятельствъ, предлагая миръ, желанія и виды его величества состоятъ въ томъ, чтобы поспѣшнымъ совершеніемъ онаго разрушить сіи пагубные для Порты разныхъ кабинетовъ замыслы, какъ не соотвѣтствующіе ни намѣреніямъ его величества, ни пользѣ его имперіи. Слѣдовательно, не для прекращенія только войны его величество желаетъ сего мира, но дабы подъ кро-

вомъ опаго взять на себя попеченіе охранять Оттоманскую Порту, чтобы быть ея другомъ и во мзду маловажныхъ отъ нея требуемыхъ уступокъ содѣлаться противу всѣхъ на нее нападеній защитникомъ обширныхъ турецкихъ владѣній въ Европѣ. При семъ случаѣ не неумѣстно будетъ припомнить Портѣ о предложенной ей нѣкогда помощи отъ Австріи, предъ самымъ почти заключеніемъ Кайнарджійскаго мира, о чемъ и секретный договоръ былъ постановленъ между ними; что хотя по прекращеніи той войны условія сіи со стороны Австріи остались въ бездѣйствіи, и Порта никакой помощи отъ ней не получила, тѣмъ не менѣе она уступила Вѣнскому двору Буковину, которая симъ, безъ дѣйствія оставшимся договоромъ, назначалась въ вознагражденіе. Изъ сего примѣра, равно какъ и изъ многихъ другихъ, каковыя исторія намъ представляетъ, само собою извлекается то заключеніе, что еслибы мы и ничего не завоевали у Порты, то и тогда въ правѣ были бы требовать у нея уступокъ во мзду тѣхъ важныхъ услугъ, кои имѣемъ мы искреннее желаніе оказать ей. Пусть испытаетъ Порта таковыя расположенія наши и вмѣстѣ съ миромъ пусть потребуетъ отъ насъ *союза*, въ силу котораго обѣ державы обоюдно обязались бы охранять другъ друга отъ общихъ имъ непріятелей. Порта вѣдаетъ, сколь сильно вліяніе высочайшаго двора въ нѣкоторыхъ ей подвластныхъ странахъ, то въ сію-ль эпоху должна она жалѣть нѣкоторыхъ пожертвованій, въ замѣнъ коихъ обезпечиваются ея владѣнія и разрушаются угрожающіе ей ковы недоброхотовъ ея. Государь императоръ, отдавая полную справедливость изящнымъ качествамъ и превыспреннимъ силамъ душевнымъ нынѣ царствующаго султана, не можетъ думать, чтобъ отъ прозорливости его скрылось то опасное положеніе, въ какое будетъ поставлена Оттоманская имперія, когда настоящія пренія первѣйшихъ европейскихъ кабинетовъ окончатся миромъ между ними или хотя и войною, но ежели къ тому времени Порта не успѣетъ окончить своей войны съ Россіей. Отъ прозорливости султана не должно также скрыться, что и ополченіе Вегабитовъ подвергаетъ постоянной опасности какъ имперію Турецкую, такъ и самый законъ, коего онъ глава, и что одна ими выигранная баталія можетъ рѣшить жребій того и другаго. Къ чему-жь должно стремиться все вниманіе о попеченіи турецкаго правительства въ такомъ положеніи дѣлъ сей монархіи? Къ тому ли, чтобы возвратить себѣ провинціи, нѣсколько уже лѣтъ потерянныя ею, исповѣдующія разный съ нею законъ, и отъ которыхъ всѣ ею пріобрѣтаемыя выгоды состояли только въ удовлетвореніи происковъ

фанарскихъ Грековъ и въ присыщеніи сребролюбивой ихъ алчности, или къ тому, чтобы пріобрѣсть дружбу императора Александра, и на семъ твердомъ основаніи обезпечивъ европейскія свои владѣнія, обратить всѣ свои силы на пораженіе Вегабитовъ и на укрощеніе мятежей, которые, конечно, не замедлятъ возродиться въ Египтѣ?“ [1]).

Тѣ же самыя мысли поручались графу Кутузову внушать турецкимъ уполномоченнымъ и послѣдующими отношеніями къ нему графа Румянцева. Мѣсяцъ спустя, Румянцевъ писалъ ему, что „прибывшій на дняхъ изъ Парижа полковникъ Чернышевъ привезъ извѣстіе о желаніи императора Наполеона къ сохраненію тѣснѣйшей связи между Россіей и Франціей. Посолъ князь Куракинъ то же самое подтверждаетъ, обращая вниманіе императорскаго двора на несумнительный способъ, по дошедшимъ до него вѣрнымъ свѣдѣніямъ, къ прекращенію всѣхъ распрей съ Франціей. Сей способъ есть раздѣлъ Оттоманской имперіи, или точнѣе, областей, принадлежащихъ ей въ Европѣ. Сходство сихъ извѣстій съ дошедшими къ намъ изъ Стокгольма найдено его величествомъ столь важнымъ, что онъ повелѣлъ мнѣ немедленно отправить къ вашему сіятельству нарочнаго курьера съ симъ извѣстіемъ“. Графу Кутузову поручалось немедленно вызвать къ себѣ Галибъ-Ефенди и сообщить ему это извѣстіе, „требуя отъ него непроникаемой тайны“, и объяснить, „что его величество существованіе турецкой имперіи считаетъ необходимо нужнымъ въ общемъ составѣ Европы; посему, извѣщая султана о грозящей ему опасности, не взирая на всѣ обѣщанія французскаго правительства, которыя опытомъ доказываются столь лицемѣрными, предлагаетъ султану отъ искренняго сердца прекратить войну, нынѣ существующую, въ тѣснѣйшую дружбу. Его величество уже предлагалъ самыя умѣренныя условія для заключенія мира и если найдетъ въ султанѣ столь же искреннее желаніе съ нимъ сблизиться, то всѣ возможныя способствованія окажетъ къ довершенію сего дѣла. Пусть происки державъ, желающихъ порабощенія Европы, уничтожатся съ посрамленіемъ отъ тѣсной связи двухъ сильныхъ имперій, каковы суть Россійская и Оттоманская; пусть личная дружба двухъ знаменитыхъ государей угаситъ пламя сей печальной войны и споспѣшествуетъ къ водворенію порядка и тишины въ Европѣ. Государь Императоръ въ твердой увѣренности, что прозорливость султана укажетъ ему, что въ случаѣ недостиженія желаемой цѣли не остается ничего другаго дѣлать его

---

[1]) Отношеніе графа Румянцева къ графу Кутузову 4-го февраля 1812 года.

величеству, какъ съ сокрушеннымъ сердцемъ согласиться на предложеніе Франціи и силами своими содѣйствовать тогда къ паденію Турецкой имперіи“ [1]).

Точно такія же свѣдѣнія, какія графъ Румянцевъ поручалъ графу Кутузову сообщить Галибъ-Ефенди, долженъ былъ сообщить Портѣ шведскій уполномоченный Гимель, съ этою цѣлію посланный Бернадотомъ въ Константинополь.

Графъ Кутузовъ довелъ полученныя имъ извѣстія до свѣдѣнія уполномоченнаго Оттоманской Порты. „Мысль Наполеона о раздѣлѣ Турціи не нова и давно мнѣ извѣстна“, замѣтилъ онъ и далъ понять, что доведетъ сообщенное ему извѣстіе до свѣдѣнія султана. Не вызывая еще къ себѣ Галиба-Ефенди, Кутузовъ прежнимъ путемъ, чрезъ одного изъ его чиновниковъ Манука-Бея, сообщилъ ему эти извѣстія. Замѣчательно, что этотъ чиновникъ представилъ турецкому уполномоченному слѣдующія соображенія съ своей стороны: „По извѣстіямъ изъ Вѣны видно, что война между Россіей и Франціей начнется весьма скоро, что Австрія вступила въ союзъ съ Франціей и будетъ съ нею дѣйствовать за одно. Если предположить, что Австрійцы начнутъ военныя дѣйствія противъ Русскихъ со стороны Валахіи, а можетъ быть, и Молдавіи, если къ нимъ присоединятся и Французы, то безъ сомнѣнія, Русскіе будутъ, защищаясь, отступать въ свои предѣлы, чтобы не быть окруженными и отрѣзанными отъ Россіи. Неужели можно предполагать, что Австрійцы и Французы, занявъ эти области послѣ удаленія изъ нихъ Русскихъ, сейчасъ же отдадутъ ихъ назадъ Портѣ? Конечно, императоръ Наполеонъ, приглашая къ союзу Австрію, обѣщалъ ей вознагражденіе. Это вознагражденіе не можетъ быть въ ущербъ Россіи или Польшѣ, потому что, говорятъ, онъ намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ ея видѣ. Надо предполагать, что онъ присоединитъ къ ней и Галицію, и тогда обѣщанное Австріи вознагражденіе должно значительно увеличиться. Откуда-жь онъ ихъ возьметъ? Очевидно, отъ Турціи. Тогда рѣчь пойдетъ уже не объ уступкѣ какихъ-нибудь пустынныхъ участковъ въ Азіи или незначительныхъ пространствъ земли на лѣвомъ берегу Дуная, которыхъ теперь требуютъ Русскіе, но прійдется уже уступать оба берега этой рѣки, Сербію, Болгарію и всю страну до Балканскихъ горъ. Какая бы ни постигла участь Молдавію, если Наполеону удастся осуществить свои предположенія, Валахія, на которую извѣстны давнишніе виды Австріи, ни въ какомъ

[1]) Отношеніе графа Румянцева графу Кутузову 5-го марта 1812 г.

случаѣ не будетъ ею возвращена Портѣ. Но Австрія потеряла всѣ свои порты на Адріатическомъ морѣ и лишена возможности вести морскую торговлю, что̀ составляетъ предметъ постоянныхъ ея сожалѣній и зависти,—то по всей вѣроятности, она пожелаетъ завладѣть и Варной. Потребуютъ ли немедленно этихъ уступокъ отъ Порты Франція и Австрія, или отложатъ свои требованія до окончательнаго примиренія съ Россіей, удерживая въ своихъ рукахъ Молдавію и Валахію, что̀ будетъ дѣлать Порта при такомъ положеніи дѣлъ? Начнетъ ли она войну съ Австріей и Франціей, тогда какъ не заключила еще мира съ Россіей? Но она не въ состояніи вести войну съ тремя державами. Отсрочитъ ли она свое рѣшеніе по уступкамъ до окончательнаго примиренія всѣхъ державъ, или до заключенія своего мира съ Русскими? Но эта отсрочка едва ли не ухудшитъ положенія Порты. Или согласится она на всѣ пожертвованія". И тогда вы", говоритъ Манукъ-Бей Галибу-Ефенди, — „пріѣхавъ заключать миръ съ Русскими, вынуждены будете по неволѣ вести переговоры съ Австрійцами". Трудно предположить, чтобы всѣ эти соображенія могли принадлежать незначительному турецкому чиновнику, или кому бы то ни было, а не самому графу Кутузову, который внушалъ ихъ чрезъ переводчика Бароцци Манукъ-Бею, въ дополненіе къ извѣстіямъ, сообщеннымъ ему графомъ Румянцевымъ [1]).

Разговоръ Манукъ-Бея произвелъ такое сильное впечатлѣніе на перваго турецкаго уполномоченнаго, что онъ немедленно всѣ выраженныя имъ соображенія передалъ въ пространной депешѣ визирю, для сообщенія въ Константинополь. Такое расположеніе духа усилилъ въ немъ королевско-шведскій секретарь Гимель, прибывшій въ Бухарестъ, съ тѣмъ чтобъ оттуда продолжать путь въ Константинополь съ порученіями отъ своего правительства, имѣвшими цѣлью содѣйствовать примиренію Россіи и Турціи. Посредничество такой державы въ пользу заключенія мира съ Россіей, какъ Швеція, которую Турція привыкла со временъ Карла XII считать постояннымъ врагомъ Россіи и другомъ Оттоманской Порты, не могла не произвести на него впечатлѣнія. Оно усиливалось еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что во главѣ управленія Шведскимъ королевствомъ стоялъ Французъ, бывшій маршалъ Наполеона, рѣшившійся въ этомъ

---

[1]) Письмо графа Кутузова къ графу Румянцеву 18-го марта; отношеніе къ нему же 1-го марта; рапортъ графу Кутузову Фонтона о переговорахъ съ Манукъ-Беемъ и Галибъ-Ефенди 24-го февраля 1812 г.

случаѣ дѣйствовать на перекоръ видамъ императора Французовъ. „Мы готовы были бы сдѣлать и бо́льшія уступки“, сказалъ онъ Гимелю,—„но Россія не показываетъ ни малѣйшей умѣренности въ своихъ предложеніяхъ и не перестаетъ настаивать въ требованіяхъ, на которыя Порта никогда согласиться не можетъ, — Россія одна удаляетъ эпоху мира, въ надеждѣ продолженіемъ войны принудить Турокъ согласиться на всѣ ея желанія“. Но вмѣсто бо́льшихъ уступокъ, которыя дѣйствительно заявлялъ въ письмѣ къ графу Кутузову верховной визирь, турецкіе уполномоченные потребовали предварительно, чтобы наши уполномоченные согласились совершенно устранить статью объ Азіи и вовсе о ней не упоминать въ договорѣ. Конечно, графъ Кутузовъ не могъ согласиться на это требованіе. Вслѣдъ за тѣмъ онъ вызвалъ къ себѣ Галибъ-Ефенди, велѣлъ перевести ему депешу графа Румянцева отъ 5-го марта и до такой степени убѣдилъ турецкаго уполномоченнаго, что послѣдній говорилъ потомъ, что въ продолженіе своей 20-лѣтней службы не встрѣчалъ ни одного ни Турка, ни христіанина, который говорилъ бы съ такою искренностію, что невозможно было сомнѣваться въ истинѣ его сообщеній и въ искреннемъ его желаніи примирить обѣ имперіи [1]).

Сообщенія Швеціи оказали вліяніе и въ Константинополѣ. „Я полагаю“, писалъ нашему кабинету прусскій агентъ изъ Константинополя въ концѣ 1811 г.,—„что Порта согласилась на мирныя переговоры въ Журжѣ болѣ для того, чтобы выиграть время и успѣть собрать новыя войска, а не съ цѣлію заключить миръ на предложенныхъ ей условіяхъ. Я предполагаю, что турецкіе уполномоченные будутъ затягивать переговоры до тѣхъ поръ, пока Франція не начнетъ войны съ Россіей, въ надеждѣ, что тогда Петербургскій кабинетъ предложитъ лучшія имъ условія. Султанъ скорѣе пожертвуетъ тѣми войсками, которыя окружены Кутузовымъ, нежели согласится на заключеніе мира на предлагаемыхъ условіяхъ. Если императорское правительство желаетъ скораго заключенія этого мира, то должно согласиться на границу по Прутъ, отказаться отъ своихъ требованій въ Азіи и не слишкомъ вмѣшиваться въ дѣла Сербіи [2])“. Таковъ дѣйствительно былъ взглядъ самого султана; но сообщенія Галиба-

---

[1]) Отношенія графа Кутузова къ графу Румянцеву 2-го, 4-го, 6-го и 17-го марта; письмо визиря къ графу Кутузову 15-го февраля 1812 г.

[2]) Депеша Вертерна 23-го ноября 1811 г., полученная въ Петербургѣ въ январѣ 1812 г.

Ефенди и особенно шведскаго уполномоченнаго подѣйствовали на него.

За нѣсколько дней до того времени, какъ графъ Кутузовъ долженъ былъ получить окончательныя предложенія Турціи со стороны нашего кабинета, 29-го марта, Галибъ-Ефенди пригласилъ къ себѣ Фонтона, вручилъ ему письмо визиря къ главнокомандующему и объявилъ о полученіи новыхъ наставленій отъ своего правительства. На другой день онъ снова пригласилъ его и доказывалъ ему, что современныя обстоятельства Европы требуютъ скорѣйшаго окончанія этихъ переговоровъ, которые и такъ уже слишкомъ долго продолжаются, а потому изъявилъ желаніе имѣть свиданіе съ самимъ графомъ Кутузовымъ или съ Италинскимъ. Кутузовъ исполнилъ его желаніе, поручивъ Италинскому пригласить къ себѣ Галиба-Ефенди для совѣщанія, которое преимущественно состояло въ разсужденіяхъ объ Азіи. „Порта", говорилъ турецкій уполномоченный,—„предполагала заключить миръ на условіи сохранить цѣлость своихъ владѣній какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи; но желая скорѣе заключить миръ, она рѣшилась на пожертвованія тяжелыя для нея и выгодныя для Россіи, уступая значительную часть своихъ владѣній въ Европѣ. Поэтому уже, независимо отъ соображеній народныхъ, политическихъ и религіозныхъ, не позволяющихъ ей дѣлать подобныя уступки въ Азіи, она считаетъ справедливымъ требовать возстановленія тамъ положенія дѣлъ, бывшаго до войны". Галибъ-Ефенди убѣждалъ въ необходимости скорѣйшаго заключенія мира, чтобъ избѣжать иностраннаго вмѣшательства и предложилъ слѣдующія условія: 1) возстановленіе въ Азіи status quo ante bellum; 2) уступку Россіи областей по ту сторону Прута и все теченіе этой рѣки, исключая Измаила и Киліи съ ихъ округами; 3) безопасность, забвеніе прошлаго и полное прощеніе Сербамъ; 4) заключеніе мира съ Персіей, которая дѣйствовала въ этомъ случаѣ за одно съ Турціей.

Конечно, Италинскій не могъ принять этихъ новыхъ условій, и всѣ совѣщанія его съ Галибомъ-Ефенди окончились тѣмъ, что онъ обѣщалъ доложить о нихъ главнокомандующему. Но ихъ не могъ также принять и графъ Кутузовъ. Онъ поручилъ Фонтону объявить турецкому уполномоченному, что это прежнія предложенія, которыхъ онъ не рѣшится представить государю, съ прибавкой еще новаго о Персіи. „Но въ этомъ новомъ условіи ничего нѣтъ оскорбительнаго для Россіи", говорилъ Галибъ-Ефенди Фонтону. — „Порта желаетъ только, чтобы въ мирномъ договорѣ упомянуто было о Пер-

сіи; но конечно, миръ съ нею императоръ заключитъ на такихъ условіяхъ, какія признаетъ для себя выгодными“ [1]).

Въ тотъ день, когда происходило это свиданіе, 12-го апрѣля, графъ Кутузовъ получилъ новыя наставленія отъ канцлера и собственноручное письмо отъ императора. „Государь императоръ“, писалъ графъ Румянцевъ,—„поручилъ мнѣ объявить послѣднюю и рѣшительную волю:

„1) чтобъ р. Серетъ, на томъ основаніи, какъ сіе прежде согласшено было, служила границею между двумя имперіями;

„2) относительно Сербіи обезпечитъ спокойное существованіе сей націи обѣщаніемъ со стороны Порты, что она не будетъ вмѣшиваться во внутреннее въ опой землѣ управленіе, но предоставитъ то на волю и произволъ жителей. Государь не оспариваетъ султану ни права взимать по прежнему дань съ Сербіи, ни другихъ преимуществъ, которыя могутъ служить къ ознаменованію владычества его надъ сею землей, а въ вящшее доказательство искренняго своего расположенія и по сей статьѣ, его же султанскому величеству предоставляетъ начертать въ свое время какое онъ за благо приметъ постановленіе между двумя дворами о сей націи, довольствуясь, чтобы въ мирномъ трактатѣ одно то въ пользу ея было выговорено, что во внутреннемъ у себя управленіи будетъ она совершенно свободна;

„3) о Валахіи и остальной части Молдавіи подтвердить постановленія прежнихъ трактатовъ.

„4) относительно границъ въ Азіи, которая, какъ кажется, есть единый камень преткновенія въ настоящемъ положеніи мирной негоціаціи. государь императоръ изволилъ замѣтить, что хотя турецкіе полномочные и упорно настаиваютъ, чтобъ о томъ ничего не упоминать, но что на сіе нельзя согласиться. Самъ Галибъ-Ефенди въ довѣренномъ разговорѣ съ Манукъ-Беемъ ему признался, что требованія наши такъ маловажны, и что послѣ толикихъ, сдѣланныхъ нами въ томъ краѣ пожертвованій, нельзя, чтобъ отказались мы отъ всѣхъ нашихъ пріобрѣтеній. Какъ можетъ его величество согласиться на возвращеніе Портѣ областей, добровольно вступавшихъ въ подданство Россіи и исповѣдующихъ единый съ нею законъ, и которыя Порта уже едва оспаривала у насъ до начатія настоящей войны? Пріобрѣ-

[1]) Отношеніе графа Кутузова къ графу Румянцеву 19-го апрѣля; entrevue confidentielle de Ghalib-Effendi, Kehaga-Beg et. mm. Italinsky et Fonton le 31-e mars 1812 г.

тенная уже въ продолженіе оной войны Абхазія равномѣрно вступила добровольно въ россійское подданство; обладатель оной получилъ свою инвеституру отъ государя императора и ввѣрилъ сына своего на воспитаніе его величеству. Представляемыя турецкими полномочными препятствія со стороны религіи опровергаются самымъ тѣмъ, что жители Крыма также магометанскій законъ исповѣдаютъ. Равная свобода какъ касательно религіи, такъ и отношеній по оной къ верховной главѣ магометанскаго закона, предоставится и жителямъ того края. Его величество, искренно желая отвратить всѣ препятствія къ заключенію мира, предлагаетъ въ статьѣ объ Азіи постановить: что обѣ державы, дабы за симъ однимъ не останавливать благорасположенія ихъ къ скорѣйшему прекращенію сей войны, взаимно соглашаются, чтобы въ томъ краю все оставить въ нынѣшнемъ положеніи, отъ заключенія мира на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи этого срока или прежде, были назначены обоюдные полномочные коммиссары для окончательнаго опредѣленія границъ по дружелюбному о томъ обѣихъ державъ соглашенію.

„Государь императоръ соизволяетъ, чтобы ваше сіятельство, объявя сіе, изволили присовокупить, что обстоятельства, въ какихъ находятся теперь всеобщія дѣла въ Европѣ, не дозволяютъ его величеству продолжать далѣе негоціацію съ Портой и будятъ его безъ отлагательства или заключить миръ, или возобновить тѣсный союзъ съ Франціей и приступить къ приведенію въ дѣйствіе всѣхъ ея обширныхъ плановъ. Въ послѣднемъ случаѣ Порта не можетъ упрекнуть Россію, ибо она принимала всѣ мѣры къ заключенію мира.

„Государь императоръ, съ своей стороны, довольствуется однимъ миромъ на тѣхъ умѣренныхъ условіяхъ, которыя отъ его величества предполагаются; но ежели собственный интересъ Порты побуждаетъ ее желать и тѣснѣйшаго союза между обѣими державами, то государь императоръ дозволяетъ вашему сіятельству, вмѣстѣ съ мирнымъ трактатомъ, подписать статью о союзѣ на томъ основаніи, какъ уже сообщена о семъ была вашему сіятельству высочайшая воля. Его величеству угодно, чтобы по сообщеніи всего онаго ваше сіятельство изволили назначить ближайшій срокъ для полученія рѣшительнаго отвѣта. Ежели турецкіе полномочные, въ силу данныхъ имъ наставленій или по сношеніи вновь съ визиремъ, на требованія наши согласятся, то государь императоръ васъ уполномочиваетъ безъ отлагательства и не отписываясь вновь, подписать мирный трактатъ,— въ случаѣ же ихъ на то

рѣшительнаго несогласія, — прервать негоціацію и выдать имъ паспорты для отъѣзда.

„По прочтеніи сей депеши, государь императоръ указалъ мнѣ прибавить, что еслибы турецкіе полномочные не согласясь на предлагаемую нами мѣру касательно азіатской границы, готовы-бъ однакоже были подписать миръ при согласіи нашемъ на ихъ по сей статьѣ предложеніе, то-есть, чтобы въ мирномъ трактатѣ объ Азіи совсѣмъ было умолчено, то его величество уполномочиваетъ ваше сіятельство и на сіе согласиться, давъ только имъ выразумѣть, что въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, войска наши изъ занимаемаго тамъ ими края уже не выступятъ".

Въ этомъ отношеніи и также, какъ и въ предшествовавшихъ, выражена мысль о союзѣ съ Портою, котораго прежде не только не предлагалъ нашъ кабинетъ, но напротивъ, отклонилъ, когда графъ Кутузовъ сообщилъ о немъ, какъ о частномъ предложеніи визиря. Но послѣ того виды русской политики въ отношеніи къ Турціи измѣнились подъ вліяніемъ совѣтовъ наслѣднаго шведскаго принца, указывшаго на пользу такого союза и съ своей стороны желавшаго склонить къ нему Турцію.

Вмѣстѣ съ отношеніемъ графа Румянцева графъ Кутузовъ получилъ собственноручное письмо императора. „Вы получите съ симъ курьеромъ", писалъ онъ,—„отъ канцлера разрѣшеніе на вопросы, возникшіе по мирнымъ переговорамъ. Обстоятельства часъ отъ часу становятся важнѣе для обѣихъ имперій. Величайшую услугу вы окажете Россіи поспѣшнымъ заключеніемъ мира съ Портой. Убѣдительнѣйше васъ вызываю любовію къ своему отечеству обратить все ваше вниманіе и усилія къ достиженію сей цѣли. Слава вамъ будетъ вѣчная. Всякая потеря времени въ настоящихъ обстоятельствахъ есть совершенное зло. Отстраните всѣ побочныя занятія и съ тѣмъ проницаніемъ, которымъ вы одарены, примитеся сами за сію столь важную работу. Для единственнаго вашего свѣдѣнія сообщаю вамъ, что еслибы не возможно было склонить турецкихъ полномочныхъ подписать трактатъ по нашему желанію, то убѣдясь напередъ вѣрнымъ образомъ, что податливость съ вашей стороны доставитъ заключеніе мира, можете вы сдѣлать необходимую уступку въ статьѣ о границѣ въ Азіи; въ самой же крайности дозволяю вамъ заключить миръ, положа Прутъ по впаденіе онаго въ Дунай границею. Но сіе ввѣряю я личной вашей отвѣтственности и требую необходимо, чтобы ни одно лицо безъ изъятія не было извѣстно о семъ моемъ дозволеніи

до самаго часу подписи; на сію однакоже столь важную уступку не иначе повелѣваю вамъ согласиться, какъ постановя союзный трактатъ съ Портою. Я надѣюсь, что вы вникните во всю важность сего предмета и не упустите изъ виду ничего нужнаго къ достиженію желаемой цѣли" [1]).

Эти два документа послужили основаніемъ для заключенія Бухарестскаго мира. Отстраняя личный взглядъ графа Кутузова на необходимость немедленнаго заключенія мира въ виду тѣхъ грозныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась Россія въ это время, нельзя не остановиться на вопросѣ: давали ли ему право полученныя имъ отъ императора и канцлера предписанія заключить мирный договоръ на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ онъ его заключилъ? О дѣйствіяхъ Кутузова въ отношеніи къ Турціи ходили между современниками многочисленные слухи и даже сплетни. Говорили, что донесенія его о побѣдахъ не вѣрны, и отступленіемъ послѣ сраженія при Рущукѣ доказывали, что онъ не былъ побѣдителемъ, а напротивъ былъ разбитъ; что мирные переговоры съ Турками идутъ медленно по его бездѣятельности; что онъ позволяетъ войскомъ безнаказанно грабить жителей Молдавіи и Валахіи, и наконецъ, что онъ заключилъ миръ съ Турками несогласно съ данными ему предписаніями, и потому только, что узналъ о назначеніи на его мѣсто Чичагова, поспѣшилъ предложить условія, которыя могли быть приняты турецкими уполномоченными безъ долгихъ преній. Если полагаться на свидѣтельства его недоброжелателей, то можно думать, что самъ императоръ вѣрилъ нѣкоторымъ изъ этихъ слуховъ [2]). Въ виду только этого обстоятельства нельзя оставить безъ отвѣта предложеннаго выше вопроса

---

[1]) Отношеніе графа Румянцева и собственноручный рескриптъ императора графу Кутузову отъ 22-го марта 1812 г.

[2]) Memoires inedits de l'amiral Tchitchagoff, Berlin, 1858 г., стр. 4 и 6. «Mais», говорилъ будто бы императоръ Чичагову,—«la paix avec la Turquie n'avance pas; les excès de nos troupes en Moldavie et en Valachie ont exaspéré les habitants; l'indolence et l'intrigue president à tout de ce côté. D'ailleurs, je ne crois pas que le chef actuel, auteur de tous ces maux, soit capable d'obtenir les résultats qui demandent de l'énergie, de la bonne volonté et de la célérité dans l'execution». Графъ *Местръ*, Correspond. diplomat. I, стр. 100: «Savez vous de quoi s'amuse le general Koutousof, au lieu de faire la paix? Il passe les jours et les nuits avec une Valaque dont il est ensorcelé et qui passe publiquement pour être aux gages de la Porte. Vous saurez qu'il a eu la tempe percée par un coup de feu qui lui a emporté l'oeil et en a fait de lui un des plus charmants hommes qu'on puisse connaître». Подобныя сплетни ходили поперемѣнно почти о всѣхъ главнокомандующихъ

Если принять въ соображеніе одно отношеніе графа Румянцева, посланное ему какъ послѣднее слово со стороны нашего кабинета, какъ ultimatum, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что графъ Кутузовъ отступилъ отъ данныхъ ему предписаній при заключеніи Бухарестскаго договора. Граница въ Европѣ опредѣлена теченіемъ рѣки Прута, а не Серета; о границахъ въ Азіи включено неточное и неясное опредѣленіе. Но вмѣстѣ съ отношеніемъ графа Румянцева Кутузовъ получилъ письмо отъ императора, о которомъ канцлеръ даже и не зналъ. Императоръ уполномочивалъ его сдѣлать уступки требованіямъ Порты, если уполномоченные будутъ упорно на нихъ настаивать, въ отношеніи къ постановленіямъ договора о границахъ въ Европѣ и Азіи. Но дѣйствительно, императоръ уполномочивалъ его сдѣлать эти уступки въ томъ только случаѣ, если Турки заключатъ союзъ съ Россіей. Въ отношеніи къ этому условію, однакоже, взглядъ, выраженный въ отношеніи канцлера, не согласовался со взглядомъ, выраженнымъ императоромъ въ его письмѣ къ графу Кутузову. По отношенію канцлера Кутузову дозволялось только при заключеніи мирнаго договора подписать и статью о союзѣ съ Турціей, если „собственный интересъ Порты побуждаетъ ее желать и тѣснѣйшаго союза между двумя державами“, то есть, согласиться на заключеніе союза въ томъ случаѣ, если предложитъ его Порта. Между тѣмъ изъ письма императора слѣдовало заключить, что онъ дозволялъ сдѣлать бо́льшія уступки, но при непремѣнномъ условіи заключенія союза съ Турками. Но отношеніе графа Румянцева писано по волѣ императора, имъ одобрено и передавало приказанія отъ его лица. Естественно, это противорѣчіе должно было поставить въ затруднительное положеніе графа Кутузова, и онъ могъ подумать, что взглядъ нашего кабинета на этотъ вопросъ не опредѣлился еще съ достаточною ясностію и рѣшительностію. Но мнѣніе о томъ, что необходимо заключить миръ съ Портою какъ можно скорѣе, со всею рѣшительностію выражено въ письмѣ государя. Не смотря на то, Кутузовъ, вѣроятно, исполнилъ бы желаніе государя и въ отношеніи къ союзу съ Турками, еслибы не былъ увѣренъ, что, настаивая на этомъ обстоятельствѣ, онъ упуститъ послѣднее время для заключенія мира и тѣмъ

Молдавскою арміей. Что касается до дѣятельности графа Кутузова, то о ней свидѣтельствуетъ огромная переписка его съ канцлеромъ, военнымъ министромъ, кромѣ его военныхъ дѣйствій, а равно и переписка Италинскаго съ графомъ Румянцевымъ.

навлечетъ великія бѣдствія, и еслибы не случилось даже особаго обстоятельства въ отношеніи къ этому вопросу, о которомъ не зналъ еще нашъ кабинетъ, а именно — вмѣшательства Австріи.

На другой же день послѣ полученія отношенія графа Румянцева и рескрипта императора, графъ Кутузовъ вызвалъ на свиданіе Галиба-Ефенди и объявилъ ему условія для заключенія мирнаго договора. „Если Порта пріметъ предложенныя условія“, говорилъ онъ ему,— „то императоръ ограничится заключеніемъ только мира на этихъ умѣренныхъ условіяхъ; но если особенныя выгоды Порты побуждаютъ ее желать болѣе тѣснаго союза между двумя державами, то онъ уполномочилъ меня вмѣстѣ съ мирнымъ договоромъ подписать и статью о союзѣ“.

„Я буду считать себя весьма счастливымъ“, отвѣчалъ Турокъ— „если ваше сіятельство предлагаете эти условія для соглашеній; но если онѣ составляютъ ultimatum, то это повергло бы меня въ отчаяніе, потому что они составляютъ лишь повтореніе тѣхъ, которыя уже были отвергнуты султаномъ“. Продолжительный разговоръ съ турецкимъ уполномоченнымъ привелъ графа Кутузова къ такому мнѣнію, что Порта, желая возстановить прежнія границы въ Азіи, не думаетъ, однакоже, входить въ пререканія о тѣхъ странахъ, которыя вступили въ подданство Россіи до начала войны. Онъ придалъ этому свиданію конфиденціальный характеръ, и потому Галибъ-Ефенди говорилъ откровенно и почти буквально прочелъ послѣднія наставленія, полученныя имъ отъ Порты. Онъ повторялъ и снова утверждалъ, даже съ клятвою, что ни онъ, ни великій визирь не имѣютъ полномочій сдѣлать какія-либо измѣненія въ отношеніи къ условію о границахъ въ Азіи; что же касается до европейской границы, то они предлагаютъ провесть ее по Пруту, только чтобъ Измаилъ и Килія съ небольшими округами остались за Турціей. Граница отъ Прута прошла бы по Адріанову валу или по Тимурову, какъ они его называютъ, до р. Кудука, и въ этомъ случаѣ Галибъ-Ефенди полагалъ, что визирь можетъ еще сдѣлать нѣкоторыя уступки. Въ отношеніи къ Молдавіи и Валахіи, а равно и въ отношеніи къ Сербамъ, онъ считалъ возможнымъ также достигнуть соглашеній. „Ваше сіятельство видите“, говорилъ Галибъ-Ефенди,—„что я ничего не могу отвѣчать на тѣ условія, которыя вы мнѣ объявили, и долженъ только отдать отчетъ верховному визирю и требовать отъ него послѣднихъ предложеній (ultimatum); но для этого я просилъ бы васъ объявить, имѣете ли возможность сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя измѣненія“.

„Я вижу“, отвѣчалъ ему графъ Кутузовъ, — „что мы еще далеки отъ окончанія дѣла, и я ничего не могу прибавить къ тому, что ужъ объявилъ, развѣ только, что статья о Персіи совсѣмъ излишняя.

Очевидно, Галибъ-Ефенди могъ только извѣстить визиря о предложенныхъ условіяхъ. Но чтобы сохранить на него свое вліяніе, и можетъ быть, зная хитрость Азіятцевъ, разузнать подробнѣе о новыхъ наставленіяхъ, данныхъ уполномоченному Порты, графъ Кутузовъ поручилъ Фонтону видаться съ нимъ. Галибъ-Ефенди долженъ былъ сообщить визирю о новыхъ условіяхъ, предложенныхъ русскимъ правительствомъ, и это обстоятельство дало Кутузову поводъ ввести Фонтона въ прямыя сношенія съ нимъ, оказавъ ему любезное вниманіе. Для того, чтобы Галибъ съ большею точностію могъ передать визирю наши условія мирнаго договора, Кутузовъ далъ Фонтону послѣднее отношеніе канцлера для прочтенія турецкому уполномоченному и присоединилъ списки со статей Эрфуртскаго договора о Дунайскихъ княжествахъ.

Въ бесѣдахъ съ турецкимъ уполномоченнымъ Фонтонъ выражалъ удивленіе, какъ можетъ Блистательная Порта поддаваться льстивымъ обѣщаніямъ Наполеона, тогда какъ онъ стремится къ ея разрушенію. „Возможно ли предполагать“, говорилъ Фонтонъ, — „что Наполеонъ желаетъ добра Россіи или Турціи, а не ищетъ только собственныхъ выгодъ съ той стороны, съ которой ему будетъ легче ихъ пріобрѣсти. Поэтому спрашиваю васъ, не легче ли и не выгоднѣе ли для Наполеона приступить къ раздѣлу Европейской Турціи, соединясь для этой цѣли съ Россіей, нежели напасть на Россію, въ союзѣ съ Турціей, и начать войну, которой послѣдствія весьма сомнительны и могутъ быть даже гибельны для него?“

„Конечно“, отвѣчалъ Гамидъ-Ефенди, — „Наполеонъ желаетъ зла Турціи столько же сколько и Россіи. и потому султанъ, не смотря на всѣ предложенія Франціи, не поколебался предпочесть дружбу съ Россіей, а потому и необходимо, чтобъ обѣ державы примирились въ виду общаго врага. Но по этой же причинѣ не слѣдуетъ вашему кабинету такъ упорно настаивать на своихъ требованіяхъ и предлагать намъ такія тяжелыя условія“. Изъ всѣхъ разговоровъ Фонтонъ убѣдился, что Турки не откажутся отъ своихъ условій и согласятся только уступить часть Черноморскаго берега, необходимаго для нашихъ сообщеній моремъ съ Грузіей и для торговли, да кромѣ

того, быть можетъ, визирь рѣшится на незначительныя измѣненія въ европейской границѣ и не прямо отклонитъ условіе о союзѣ [1]).

Такъ проходило время до 17-го апрѣля, когда турецкіе уполномоченные получили наконецъ отвѣтъ визиря и просили назначить засѣданіе конгресса, чтобъ *окончить* переговоры. Черезъ день (19-го апрѣля) состоялось продолжительное засѣданіе, но не привело ни къ какимъ заключеніямъ. Галибъ-Ефенди началъ даже отказываться отъ тѣхъ заявленій, которыя онъ сдѣлалъ Фонтону о полномочіяхъ визиря. Въ отвѣтъ на рескриптъ императора графъ Кутузовъ писалъ, что переговоры „занимаютъ нынѣ всю мою заботливость; драгоцѣнность времени въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ побуждаетъ ревность мою, какъ наискорѣе донести вашему императорскому величеству что ни есть основательнѣе; но медленность людей, съ которыми имѣемъ дѣло, и обстоятельства нынѣшнія и сомнительность останавливаютъ всякую поспѣшность. Едва въ теченіе 10 дней, будучи въ постоянныхъ, конфиденціальныхъ переговорахъ съ Кечай-Бесмъ (или Галибомъ-Ефенди), я и дѣйствительный статскій совѣтникъ Фонтонъ, постепенно дошли было и согласились на всѣ артикулы, въ высочайшемъ рескриптѣ ограниченные въ такомъ видѣ, что я сіи уступки пріемлю на собственный мой страхъ. Что же касается до Азіи, то у него, (то есть, у Кеча-Бея) предположеніе такое, чтобы возвратить Портѣ всѣ набережныя крѣпости и разстояніе берега между крѣпостью Анаклія и Поти оставить въ употребленіе Россіи — à l'usage de la Russie, — для сообщенія моремъ съ провинціями, ею владѣемыми, то-есть, съ Мингреліей, Имеретіей и Карталиніей, а болѣе о владѣемыхъ нами провинціяхъ не говорить. Я на столь малыя предложенія не соглашался и оставилъ сей артикулъ нѣкоторому времени; начались было уже и формальныя конференціи. Но къ удивленію моему, вчерашняго числа, въ вечеру, Галибъ-Ефенди призвалъ къ себѣ Фонтона, который одинъ только вѣдаетъ о соглашеніяхъ нашихъ, и объявилъ, что онъ, по здравомъ размышленіи, находитъ, что онъ обѣщанныхъ границъ самъ собою подписать не можетъ, а долженъ ожидать отвѣта отъ визиря съ курьеромъ, котораго онъ отправилъ по оному предмету уже пятый день, и коего возвращенія ожидаетъ не болѣе какъ въ четыре дни; а между тѣмъ предложилъ — не

---

[1]) Protocole de l'entrevue particulière qui a eu lieu le 3 avril entre le comte Koutousoff et le Kehaya-Bei; rapport du translateur A. Fonton au comte Koutousoff, 5-e avril 1812 г.

могу ли я согласиться, чтобъ Измаилъ и Килію срыть и берегъ Дуная безъ крѣпостей оставить за Портою. Вчера въ вечеру сдѣлано сіе странное предложеніе, а сегодня по утру послалъ я того же Фонтона съ увѣдомленіемъ, что усматривая, что Порта не имѣетъ искренняго желанія къ миру, я объявляю, что всѣ сдѣланныя мною ему лично обѣщанія объ уступкахъ, которыя я осмѣливался было принять на собственный мой страхъ и отвѣтственность, всѣ возвращаю и требую, чтобы все, мною при откровенныхъ разговорахъ сказанное, было предано забвенію и comme non avénu — и припоминая ему, что при начатіи между нами откровенностей, таковое положено было между нами условіе. Перемѣна такая въ словахъ Кечай-Бея тѣмъ удивительнѣе, что на сихъ дняхъ не было къ нему курьера, который бы могъ произвести такое разпорѣчіе. Союзный трактатъ предложенъ былъ вмѣстѣ съ уступками, и тогда Кечай-Бей казался отъ сего не удаленнымъ, такъ представилъ оное и визирю. Можетъ быть, полномоченный и дѣйствительно испугался даннаго мнѣ слова и рѣшился ожидать отъ визиря отвѣта; а можетъ быть, и точно получилъ вчерашняго числа извѣстіе, таковою дорогой, о которой я еще сегодня извѣститься не могъ.... Получивъ", оканчивалъ свое донесеніе графъ Кутузовъ, — „отъ вашего величества столь милостивый рескриптъ, горестно мнѣ въ старости моей, что долженъ занимать васъ донесеніями столь неудовлетворительными. Вы, всемилостивѣйшій государь, изволите меня вызывать именемъ отечества, которое я конечно люблю всѣми чувствами, но гдѣ имя ваше, государь, тамъ не надобно мнѣ гласа отечества" [1]).

Въ это время дѣйствительно случилось обстоятельство, которое черезъ нѣсколько дней сдѣлалось извѣстнымъ графу Кутузову и объяснило медленность визиря и перемѣну въ заявленіяхъ уполномоченныхъ Порты.

Въ половинѣ апрѣля Мавроени, турецкій уполномоченный при Вѣнскомъ дворѣ, писалъ князю Мурузи, что Австрія обѣщаетъ Россіи оставаться нейтральною во время ея войны съ Франціей, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ она немедленно заключила миръ съ Портою, принявъ границею теченіе р. Прута. Но графъ Кутузовъ полагалъ, что этого письма не могъ знать Галибъ-Ефенди. Въ противномъ случаѣ „было бы неудивительно, что онъ вновь пустился торговаться о границахъ". Можетъ быть, онъ и не зналъ этого пись-

[1]) Письмо къ императору изъ Бухареста 20-го апрѣля 1812 г.

ма, но до него дошло другое болѣе важное извѣстіе изъ Константинополя, сообщенное немедленно Каннингомъ англійскимъ посланникомъ при Оттоманской Портѣ, и нашимъ уполномоченнымъ въ Бухарестѣ. Въ концѣ марта Австрія заключила союзъ съ императоромъ Наполеономъ, въ которомъ обязалась (ст. 9-ю), между прочимъ, привлечь къ такому же союзу и Турцію. Если Порта отказала бы Австріи въ заключеніи союза и въ то же время заключила бы союзъ съ нами, то вооружила бы противъ себя не одну Францію, но и Австрію, которая была для нея еще опаснѣе. Очевидно, отказывая въ союзѣ Австріи, Порта должна была въ то же время отказать и намъ. Графъ Кутузовъ понялъ это положеніе Порты, и увѣдомляя императора о попыткѣ Австріи въ Константинополѣ, писалъ государю: „Впрочемъ, быть можетъ, что Порта, не смотря на сіи предложенія Франціи и Австріи, видитъ лучшую пользу свою въ томъ, чтобы заключить миръ съ нами: но при настоящихъ обстоятельствахъ, будучи обольщена Франціей, и самыя умѣренныя кондиціи покажутся ей тяжелыми. Что же касается до заключенія съ Россіей союза, то по симъ новымъ обстоятельствамъ, кажется, и нѣтъ на сіе надежды, а потому еслибъ и нынѣ согласились полномочные на границу европейскую, тогда рѣшусь я и безъ союзнаго трактата подписать кондиціи; но постановлю оныя sub sperati, дабы тѣмъ удобнѣе такой трактатъ можно было не ратификовать, буде оный будетъ не угоденъ“ [1]).

Въ тотъ же день, какъ было отправлено это письмо въ Петербургъ, пріѣхалъ въ Бухарестъ нарочный отъ визиря съ давно ожидаемымъ отвѣтомъ, и на другой же день (30-го апрѣля) были возобновлены переговоры съ первымъ турецкимъ уполномоченнымъ. „Предложенія визиря“, писалъ графъ Кутузовъ государю,—„какъ Галибъ-Ефенди объявилъ, состояли въ томъ, чтобы Килію и Измаилъ срыть и оставить мѣста ихъ съ малыми округами въ принадлежность Портѣ, и сверхъ того, мѣсто для построенія турецкаго города при впаденіи Кагульскаго озера въ Дунай и мѣстечко Репи съ нѣкоторою округой оставить за Портой, оставя впрочемъ все пространство между Прута, Днѣстра, Дуная и моря за Россіей. Съ того дня все время проходило въ пустыхъ и упрямыхъ спорахъ съ его стороны. Наконецъ, удостовѣрясь я, что всѣхъ требованій моихъ мнѣ удержать будетъ не возможно, и зная, сколь опасно потерять еще болѣе время и тѣмъ дать случай французскому повѣренному въ дѣлахъ и барону Штюрмеру

[1]) Письмо къ императору изъ Бухареста 29-го апрѣля 1812 г.

успѣть въ ихъ впушеніяхъ при Портѣ, приготовилъ письмо къ визирю, въ которомъ изъяснилъ, что уже время кончить столь смѣшные переговоры и кончить тѣмъ, чтобы разорвать конгрессъ, ежели не будутъ приняты мои предложенія, самыя умѣреннѣйшія, и сіе письмо сообщилъ Орду-кадію, второму уполномоченному, который, какъ духовная особа, имѣетъ много уваженія, изъяснивъ ему всѣ слѣдствія бѣдственныя, которыя угрожаютъ Портѣ ежели не сдѣлаемъ скораго конца. Онъ принялся за сіе съ горячностію и тотъ же часъ пригласилъ съ собою третьяго полномочнаго, имѣлъ разговоръ съ Галибъ-Ефендіемъ, которымъ убѣждалъ его къ принятію моихъ кондицій, принималъ на себя отвѣтственность сего дѣла предъ Богомъ и людьми, и наконецъ, согласилъ его. Почему вчерашняго же вечера, отъ имени уже трехъ полномочныхъ пріѣхалъ ко мнѣ князь Мурузи, съ которымъ условились, чтобы нѣкоторые артикулы подписать, яко прелиминаріи, размѣняться ими и отправить поспѣшнѣе въ Константинополь и тѣмъ преградить всѣ успѣхи французской партіи. Сдѣлавъ сіе, продолжалъ составленіе всего трактата. Соглашено между прочимъ, чтобы какъ можно менѣе давать публичности всему производству, никогда всѣмъ полномочнымъ вмѣстѣ не сбираться на конференціи и не въ домѣ, для конгресса назначенномъ, а въ партикулярномъ, сколь можно менѣе употреблять секретарей и прочаго, дабы на нѣкоторое время утаить сіе произшествіе отъ недоброхотствующихъ. Иностраннымъ агентамъ будетъ сдѣлано ложное увѣдомленіе, что никакъ мнѣнія взаимныхъ полномочныхъ не сходятся и чрезъ приказы дѣлаются приготовленія къ скорой кампаніи. Къ срытію Измаила никакого срока не полагается, слѣдовательно, достаточно на долго будетъ испортить одинъ какой-нибудь бастіонъ. Часть берега противу Мингреліи и съ укрѣпленіемъ остается въ употребленіи и власти Россіи. Общественность рукава Кіліанскаго становится для Порты мечтательною, потому что правымъ берегомъ сего рукава она ко вреду нашему пользоваться не можетъ. Все мною сдѣланное предаю великодушію вашего императорскаго величества. Что я ничего лучшаго сдѣлать не могъ, тому причиною положеніе дѣлъ въ Европѣ; что я никакихъ не упустилъ стараній и способовъ, тому свидѣтель Богъ. Уважьте, всемилостивѣйшій государь, что при всѣхъ лестныхъ обѣщаніяхъ, отъ Франціи Портѣ дѣлаемыхъ, и при ожиданіи непріятностей для Порты въ случаѣ отъ того ея отказа, заключится миръ, выгоднѣйшій Канарджійскаго и Ясскаго; ибо Порта лишается своихъ лучшихъ пяти крѣпостей и съ немалымъ

пространствомъ земли, не пустой. Но ежели за всѣмъ тѣмъ выгоднѣе будетъ разорвать все мною обѣщанное, въ такомъ случаѣ пріиму я безъ роптанія все, что́ касательно меня послѣдовать можетъ. Несчастіе частнаго человѣка съ пользою общею ни въ какой разчетъ не входитъ. О содержаніи тайнаго своеручнаго рескрипта вашего императорскаго величества никто не вѣдаетъ, да и государственному канцлеру я съ симъ курьеромъ никакихъ увѣдомленій не дѣлаю“ [1]).

Предположенія графа Кутузова оправдались; изложенныя на письмѣ предварительныя условія были подписаны уполномоченными обѣихъ державъ и размѣнены 5-го мая, а 16-го подписанъ и самый мирный договоръ. „Сего времени обстоятельства,“ доносилъ графъ Кутузовъ императору,—„не позволили никакъ твердо настоять на заключеніи союзнаго трактата и дожидаться на сіе согласія отъ султана для заключенія мира. Таковымъ поступкомъ весьма легко могли бы мы принудить Порту избрать сторону, предлагаемую Австрійцами для союза. Ваше императорское величество могли видѣть изъ письма Канинга. къ Италинскому адресованнаго, сколь велика была его боязнь, дабы при затрудненіяхъ, съ нашей стороны имъ дѣлаемыхъ, сіе не произвелось бы въ дѣйство. А когда уже заключится миръ, тогда Порта неминуемо поссорится съ Франціей и легче будетъ склонить оную къ союзу особливою негоціацією“ [2]).

Нѣтъ нужды, кажется, доказывать, какимъ великимъ благодѣяніемъ для Россіи было заключеніе этого мира передъ самымъ началомъ Отечественной войны; но и самыя условія договора, по которому Россія получала Бессарабію и часть Молдавіи, не только не роняли достоинства имперіи, но были таковы, что этотъ миръ можетъ смѣло быть поставленъ въ рядъ договоровъ съ Портою, заключенныхъ Россіей послѣ блистательныхъ войнъ и далеко не въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ [3]). Еще менѣе представляется нужды доказывать послѣ изложенныхъ обстоятельствъ, *кому* Россія обязана

---

[1]) Письмо къ императору изъ Бухареста 4-го мая 1812 года.

[2]) Письмо къ императору 7-го мая 1812 года.

[3]) Послѣ заключенія этого мира, въ Петербургѣ разнеслась новая сплетня, что Кутузовъ подписалъ миръ, будучи предупрежденъ графомъ Румянцевымъ, что Чичаговъ посланъ смѣнить его (Гр. *Местръ*, Correspond. diplom., I, стр. 100) и потому рѣшился на всякія условія. Но графъ Румянцевъ былъ противъ мира съ Турками, если они не уступятъ всей Молдавіи, Бессарабіи и Валахіи, совѣтовалъ продолжать войну, сочувствовалъ замысламъ Чичагова и велъ съ нимъ постоянную переписку.

этимъ благодѣяніемъ, — потому что она и почувствовала это, и поняла въ то самое время.

На другой день послѣ подписанія предварительныхъ условій, уполномоченные приступили къ составленію самого договора; 6-го мая пріѣхалъ въ Бухарестъ адмиралъ Чичаговъ и передалъ графу Кутузову слѣдующій рескриптъ государя: „Заключеніе мира съ Оттоманскою Портою прерывая дѣйствія Молдавской арміи, нахожу приличнымъ, чтобы вы прибыли въ Петербургъ, гдѣ ожидаютъ васъ награжденія за всѣ знаменитыя заслуги, кои вы оказали мнѣ и отечеству. Армію, вамъ ввѣренную, сдайте адмиралу Чичагову“ [1]).

Рескриптъ былъ помѣченъ 5-го апрѣля, то есть, ровно за мѣсяцъ до подписанія предварительныхъ условій мира, за который благодарилъ его государь, и безъ сомнѣнія, графъ Кутузовъ понялъ все его значеніе, но остался еще десять дней въ Бухарестѣ до окончательнаго подписанія и размѣна самого мирнаго договора.

V. Сношенія съ Пруссіей.

Въ то время, какъ на восточныхъ окраинахъ Европы, на сѣверѣ въ Швеціи и на югѣ въ Турціи, выражались стремленія къ самостоятельной политической дѣятельности, вся западная Европа томилась подъ игомъ деспотической власти императора Французовъ. Иго одинаково было всюду, но его разно чувствовали и иначе переносили въ разныхъ мѣстностяхъ. Ближайшія къ Россіи, сосѣднія и бывшія нѣкогда великими державами, Пруссія и Австрія, утративъ самостоятельное политическое значеніе, сохранили однако память о немъ, возбуждавшую желаніе возвратить то, что было утрачено. При видѣ Россіи, принявшей въ это время рѣшительное положеніе самостоятельной и свободно дѣйствующей державы, въ нихъ еще болѣе усиливалось это желаніе. Но въ то же время чувство своей слабости и безсознательный страхъ передъ роковою силою Наполеона удерживали всякій порывъ ихъ къ разумно-свободной дѣятельности. Но въ отношеніи къ Пруссіи, находившейся

---

[1]) Вмѣстѣ съ этимъ рескриптомъ Чичаговъ привезъ другой, который долженъ былъ вручить Кутузову въ томъ случаѣ, еслибы миръ не былъ еще заключенъ: «Михаилъ Ларіоновичъ! Опытность ваша въ государственныхъ дѣлахъ, доказанная съ толикою пользою для службы отечеству, заставляетъ меня желать, въ важныхъ нынѣ предстоящихъ обстоятельствахъ, видѣть васъ засѣдающимъ въ государственномъ совѣтѣ, коего кругъ дѣяній я нашелъ приличнымъ разширить. Поспѣшите прибыть въ столицу, сдавъ армію вамъ ввѣренную адмиралу Чичагову. 5-го апрѣля 1812 года».

подъ зоркимъ и подозрительнымъ надзоромъ императора Французовъ, ослабленной, разоренной и угрожаемой близкимъ присутствіемъ его военныхъ силъ, такая дѣятельность была и невозможна. Немногія лица изъ высшихъ слоевъ общества, побуждаемыя ненавистью къ нему и желавшія освободить Германію отъ иностраннаго ига, требовали союза съ Россіей; имъ сочувствовалъ народъ, но онъ не имѣлъ свободы дѣйствія; большая же часть высшихъ сословій и правительственныя лица Пруссіи подчинились вліянію Франціи и видѣли въ союзѣ съ Наполеономъ единственной способъ продлить, а можетъ быть, и обезпечить въ будущемъ существованіе Пруссіи. Обѣ партіи естественно въ равной мѣрѣ опирались въ своихъ дѣйствіяхъ на короля и обѣ одинаково жаловались на его нерѣшительность. Но если по ограниченнымъ по природѣ способностямъ Фридриха-Вильгельма и нельзя было требовать отъ него силы воли сообразной съ чрезвычайными обстоятельствами, то и самое положеніе, въ которомъ находилась Пруссія въ его время, оправдывало его нерѣшительность, усиленную грустнымъ настроеніемъ духа, въ которомъ онъ находился постоянно послѣ смерти своей супруги, сильно поддерживавшей партію враждебную Франціи [1]). Лишенный ея совѣтовъ и поддержки, король естественно долженъ былъ подчиниться наибольшему вліянію противной партіи, взгляды которой оправдывались, по видимому, положеніемъ дѣлъ.

Еслибы Россія рѣшилась дѣйствовать наступательно, перенести театръ военныхъ дѣйствій на Вислу, занять герцогство Варшавское и Восточную Пруссію, то безъ сомнѣнія, Пруссія могла бы соединиться съ нею и даже была бы вынуждена къ тому силою обстоятельствъ, которыя на всякій случай давали ей возможность оправдать свой образъ дѣйствій передъ ея грознымъ побѣдителемъ. Но Россія не хотѣла начинать войны съ Франціей. Постоянно заявляя Европѣ, что союзъ ея съ Наполеономъ составляетъ полное ручательство въ соблюденіи всеобщаго мира, императоръ Александръ употреблялъ всѣ, согласные съ достоинствомъ имперіи, способы отклонить нареканіе на его политику въ возбужденіи новой войны. Но именно такой образъ дѣйствій Россіи и ставилъ въ крайне затруднительное положеніе Пруссію. Она была окружена войсками Наполеона и его союзниковъ, крѣпости ея по Одеру и Данцигъ были въ его рукахъ и онъ безъ

---

[1]) Королева Луиза скончалась 19-го іюля новаго стиля 1810 г. въ Шарлотенбургѣ.

согласія прусскаго правительства увеличивалъ въ нихъ гарнизоны, налагая на Пруссію новую тяготу содержать ихъ на свой счетъ, требовалъ проложенія новыхъ военныхъ дорогъ въ ея областяхъ,— настаивалъ на своевременной уплатѣ контрибуціи, распоряжался своими чиновниками въ ея таможняхъ, забиралъ и жегъ англійскіе товары въ ущербъ ея подданныхъ. Средоточіе внутренняго управленія Пруссіи находилось, собственно говоря, въ французскомъ посольствѣ; графъ Сенъ-Марсанъ былъ настоящимъ намѣстникомъ Пруссіи, а королевская власть должна была дѣйствовать тайно, стараясь скрывать отъ него свои распоряженія. Единственное утѣшеніе для прусскаго правительства состояло въ томъ, что графъ Сенъ-Марсанъ принадлежалъ къ числу немногихъ оставшихся въ правительствѣ Наполеона дипломатовъ, какъ Талейранъ, графъ Нарбоннъ и др., не утратившихъ старыхъ преданій и облекавшихъ грубое самовластіе своего повелителя въ мягкія и учтивыя формы дипломатическихъ приличій. Не смотря на то, положеніе короля было таково, что онъ опасался принимать русскаго посланника, и это обстоятельство было принято во вниманіе нашимъ кабинетомъ. Графу Ливену даже собственноручныя письма императора къ королю поручалось передавать черезъ третьихъ лицъ, еслибы требованіе съ его стороны личнаго свиданія съ королемъ могло возбудить подозрѣніе французскаго посланника. Императоръ Французовъ ежечастно могъ наводнить Пруссію своими войсками и даже захватить королевское семейство, прежде нежели русскія войска могли прійдти на помощь. Въ этой помощи, вѣроятно, и не сомнѣвался король; но окружавшія его лица, расположенныя къ Франціи, естественно могли его убѣдить, что эта помощь не можетъ быть своевременна при оборонительномъ положеніи, которое приняла Россія, лишивъ себя тѣмъ самымъ возможности сблизить съ Пруссіей свои войска и переступить свои границы. Надѣясь на отдаленную помощь, нельзя подвергать себя ежечасно угрожавшему бѣдствію.

Эти люди совершенно увлекли короля въ свои виды, но ихъ тщательно скрывали отъ нашего посланника. Король, выражая иногда свое расположеніе къ Россіи и императору Александру, просилъ сейчасъ же нашего посланника не сообщать о его разговорѣ съ нимъ ни графу Гольцу, ни барону Гарденбергу. Графъ Румянцевъ недоумѣвалъ насчетъ дѣйствительныхъ взглядовъ прусскаго кабинета и поручалъ графу Ливену разузнать и сообщить о взглядахъ прусскихъ государственныхъ людей. канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ. Баронъ Гарденбергъ. послѣ откровенныхъ разговоровъ съ нашимъ по-

славникомъ, просилъ его не сообщать ихъ графу Румянцеву. Дружба Россіи и Пруссіи принимала въ это чрезвычайное время особенное направленіе, исполненное взаимнаго недовѣрія. Но это недовѣріе со стороны Пруссіи основывалось только на томъ, что Россія не можетъ подать ей своевременной помощи, что она недостаточно сильна, чтобы противостоять Наполеону, и сама лишаетъ себя способовъ, упорно продолжая войну съ Турками, наконецъ, что Русское правительство можетъ ошибиться въ выборѣ главнокомандующаго войсками. Недовѣріе Россіи имѣло болѣе основанія. Она подозрѣвала, что страхъ вынудитъ Пруссію, не смотря на увѣренія въ своей дружбѣ и на желаніе союза съ Россіей, совершенно предаться въ руки Наполеона. Послѣдствія и оправдали вѣрность этого предположенія.

Въ началѣ 1811 года вся Европа была уже увѣрена, что война между Россіей и Франціей неизбѣжна, и что Наполеонъ начнетъ ее съ открытіемъ весны, къ чему дѣйствительно клонились всѣ его распоряженія. Плохой оборотъ его дѣлъ въ Испаніи отсрочилъ потомъ на годъ начало этой войны; но въ это время никому и на мысль не приходило, чтобы неуспѣхъ могъ сопровождать военныя дѣйствія Наполеона. Немногіе полагали, что его распоряженія не имѣютъ цѣлію собственно войну съ Россіею, но предпринимаются въ видѣ угрозы, какъ военная демонстрація. Такъ думалъ канцлеръ графъ Румянцевъ и бывшій военный министръ Пруссіи, человѣкъ наиболѣе преданный мысли о необходимости союза съ Россіей для дѣйствій противъ Наполеона, генералъ Шарнгорстъ. „Наполеонъ ведетъ войну въ Испаніи“, говорилъ онъ нашему посланнику,—„и она занимаетъ бо́льшую часть его войскъ. Число его войскъ, находящихся въ Германіи, слишкомъ недостаточно, чтобъ ожидать войны съ этой стороны. Поэтому на подкрѣпленія, которыя онъ сюда отправляетъ, слѣдуетъ смотрѣть, какъ на демонстрацію противъ Россіи вслѣдствіе какихъ-либо несогласій съ нею въ переговорахъ или какъ на мѣру предосторожности, вызванную какими-нибудь дѣйствіями съ ея стороны“. Но Россія не можетъ, по его мнѣнію, придавать важнаго значенія этой демонстраціи, пока Пруссія еще свободна отъ всякихъ обязательствъ и можетъ соединить съ нею свои силы. На это-то обстоятельство онъ совѣтовалъ обратить особенное вниманіе, потому что императоръ Наполеонъ пріиметъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы воспользоваться силами Пруссіи въ свою пользу. „Вы знаете чувства короля“, говорилъ онъ графу Ливену;—„но знаете также, что весьма многіе иначе расположены къ Россіи. Число ихъ значительно увеличилось послѣ послѣд-

нихъ произшествій, отчаяніе почти овладѣло всѣми съ того времени, какъ опасность приблизилась, и нѣтъ ничего въ виду, что могло бы защитить отъ нея. Россія не можетъ быть равнодушна къ тому—будетъ или нѣтъ существовать Пруссія, которая можетъ оказать ей пособіе даже военными силами. О нихъ, можетъ быть, имѣютъ у васъ неправильное понятіе, и я полагаю даже, что есть люди, которые стараются выказать ихъ незначительными. Надобно приблизить ваши войска къ границамъ и особенно заключить миръ съ Турками. Пріобрѣтеніе двухъ областей за Днѣстромъ можетъ ли идти въ настоящее время въ сравненіе съ защитою Пруссіи?" [1]). Всеобщее отчаяніе, о которомъ говорилъ Шарнгорстъ, охватило и короля; онъ опасался за судьбу своей страны, которая скоро должна была сдѣлаться поприщемъ военныхъ дѣйствій и испытать всѣ бѣдствія войны, и выражалъ свои опасенія графу Ливену. На сообщеніе объ этомъ состояніи духа короля, графъ Румянцевъ отвѣчалъ нашему посланнику, что Русскій императоръ понимаетъ всю важность опасеній короля за свои владѣнія, когда общественное мнѣніе, которое и онъ раздѣляетъ, увѣрено, что императоръ Наполеонъ замышляетъ войну противъ Россіи; но государь еще далеко въ этомъ не увѣренъ. Но еслибы даже и началась эта война, то онъ увѣренъ, что Прусскій король не будетъ дѣйствовать противъ него. Убѣжденіе его въ этомъ случаѣ непоколебимо; оно основано какъ на той горячей дружбѣ, которую ему во всѣхъ случаяхъ выражалъ этотъ государь, такъ и на томъ, что въ этомъ заключаются выгоды самой Пруссіи. Возможно ли, чтобы Пруссія забыла свои собственныя выгоды до такой степени, чтобы повѣрила, что Франція можетъ доставить ей какую либо пользу или увеличить ея владѣнія, Франція самый злѣйшій и единственный ея врагъ въ настоящее время и еще надолго? Какую пользу можетъ извлечь Пруссія, содѣйствуя своими военными силами ослабленію Россіи, тогда какъ это, можетъ быть, единственная держава, которая составляетъ противовѣсъ Франціи, и которая одна можетъ умѣрить ея властолюбіе. Это властолюбіе уже по собственному ея признанію не хочетъ признавать никакихъ границъ, если справедливо, что она собирается объявить, что Италія, Швейцарія и часть Испаніи присоединяются къ Французской имперіи. Его величество съ охотою готовъ выразить свое убѣжденіе, что для блага Русской имперіи, онъ считаетъ не только необходимымъ сохраненіе Пруссіи и Австріи, но и усиленіе ихъ [2]).

[1]) Депеша графа Ливена 26-го января (7-го февраля) 1811 г. изъ Берлина.

[2]) Отношеніе графа Румянцева къ графу Ливену 7-го февраля 1811 г.

Но если графъ Румянцевъ и полагалъ, что для императора Наполеона нѣтъ никакой выгоды начинать войну съ Россіей и былъ правъ какъ теоретикъ, то императоръ Александръ лучше понималъ характеръ своего противника, способнаго увлекаться страстями, не умѣряемыми никакими нравственными началами, и потому считалъ войну съ нимъ неизбѣжною, хотя, конечно, не могъ предвидѣть — начнется ли она именно весною 1811 г. или позднѣе. Поэтому онъ не ограничился простымъ заявленіемъ, что собственныя выгоды Пруссіи требуютъ того, чтобъ она не дѣйствовала противъ Россіи, но въ то же самое время далъ собственноручное наставленіе нашему посланнику при Берлинскомъ дворѣ о томъ, какъ онъ долженъ поступать въ этомъ случаѣ. Поручая ему лично или черезъ третьихъ лицъ, со всею осторожностію, доставить собственноручное свое письмо королю, онъ писалъ: „Въ случаѣ войны съ Франціей, содѣйствіе Пруссіи было бы для насъ чрезвычайно полезно. Но для того, чтобы достигнуть этой цѣли, вы должны дѣйствовать съ крайнею осторожностію. Мы не увѣрены, рѣшится ли король сообщить содержаніе письма императора своему министру (то-есть, графу Гольцу), или кому либо изъ лицъ своего правительства, напримѣръ: канцлеру (то-есть, барону Гарденбергу); поэтому вы поступите благоразумнѣе, если будете ожидать, чтобъ они начали переговоры съ вами объ этомъ важномъ предметѣ. Но по вашимъ донесеніямъ намъ извѣстенъ образъ мыслей генерала Шарнгорста въ отношеніи къ намъ и внушаетъ намъ полное довѣріе. Поэтому вы можете начать съ нимъ разговоръ объ этомъ важномъ предметѣ и какъ стараться понять его личный взглядъ, такъ и узнать его мысли на счетъ возможныхъ дѣйствій Прусскаго кабинта. Въ томъ случаѣ, еслибы по приказанію короля, баронъ Гарденбергъ или Гольцъ начнутъ съ вами переговоры по этому предмету, то постарайтесь убѣдить ихъ прежде всего, до какой степени необходимо, чтобъ эти переговоры хранились въ глубокой тайнѣ. Затѣмъ объясните имъ, что мы рѣшились всѣми мѣрами избѣгать разрыва съ Франціей и ни въ какомъ случаѣ не будемъ зачинщиками войны. Постарайтесь, чтобъ они поняли, что эта война или доставитъ возможность Пруссіи вознаградить всѣ ея потери, если усилія союзныхъ войскъ увѣнчаются успѣхомъ, или продолжитъ на долгое время рабство всей Европы. Намъ необходимо, чтобы Пруссія честно и откровенно выразила свои виды и намѣренія, и вы употребите всѣ возможныя старанія, чтобы достигнуть этой цѣли“ [1]).

[1]) Projet d'instruction pour le c-te de Lieven; 7-t fevrier 1811.

Но этой цѣли чрезвычайно трудно было достигнуть при господствѣ французской партіи при дворѣ и въ правительствѣ, и при слабости характера короля. Берлинскій кабинетъ велъ двойную политику, и слѣдовательно, не могъ *честно и откровенно* выразить свои взгляды. Свои сношенія съ Франціей онъ тщательно скрывалъ отъ нашего посланника и даже отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ государственныхъ людей, какъ напримѣръ, отъ генерала Шарнгорста, который одинъ только и могъ сообщить о нихъ свѣдѣнія гр. Ливену. Страхъ приближавшейся войны, которая, какъ полагали тогда въ Берлинѣ, должна была начаться немедленно, послужилъ поводомъ къ тому, что французская партія одержала верхъ. Еще въ маѣ 1811 г., воспользовавшись нѣсколькими благосклонными словами, сказанными герцогомъ Бассано прусскому посланнику, король предписалъ генералу Круземарку „предложить императору Наполеону заключить оборонительный и наступательный союзъ, въ силу котораго во всѣхъ войнахъ, какія бы ни предпринята Франція — въ Германіи или на границахъ Пруссіи, и которыя не будутъ чужды выгодъ этого государства, она предоставитъ въ распоряженіе императора Наполеона вспомогательный корпусъ войскъ, сообразный со своими средствами. О численности этого корпуса можно договориться особо. Съ своей стороны, императоръ Наполеонъ долженъ обезпечить цѣлость и неприкосновенность теперешнихъ прусскихъ владѣній и обязаться помогать Пруссіи во всѣхъ случаяхъ, когда обратится она съ просьбой о помощи. Его высокому содѣйствію предстоитъ ввести въ этотъ союзъ государства Рейнской конфедераціи и герцогство Варшавское. Прусскія вспомогательныя войска будутъ дѣйствовать въ видѣ отдѣльнаго корпуса, подъ начальствомъ прусскаго генерала, который будетъ находиться въ распоряженіи императора. Этотъ корпусъ будетъ по преимуществу употребляемъ для защиты Пруссіи и ея границъ, но сообразно съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій. Въ этомъ отношеніи онъ будетъ находиться подъ непосредственнымъ начальствомъ императора или главнокомандующаго всѣми его войсками. Передъ началомъ каждой войны будетъ постановленъ особый договоръ о движеніи войскъ сообразно съ требованіями обстоятельствъ; но до тѣхъ поръ французскія войска могутъ пользоваться въ прусскихъ владѣніяхъ только тѣми военными дорогами, которыя опредѣлены уже существующими соглашеніями. Но средства Пруссіи такъ истощены, что она не могла бы покрыть тѣхъ издержекъ, которыя наложили

бы на нее вновь принимаемыя ею на себя обстоятельства, еслибъ императору Наполеону не было угодно облегчить ей возможность исполнить эти обязательства. Но принимаемыя мною обязательства," говорилось далѣе въ предписаніи Прусскаго короля,—„тогда только сдѣлаются прочными, когда будутъ основаны на полномъ и взаимномъ довѣріи, на которое и считаю себя въ правѣ разчитывать, доказывая мою постоянную преданность его императорскому величеству тѣмъ, что до сихъ поръ неуклонно слѣдовалъ его политической системѣ, и еще болѣе тѣмъ, что предлагаю ему союзъ. Заключенный на предлагаемыхъ основаніяхъ союзъ устранитъ всѣ поводы къ недоразумѣніямъ, и въ такомъ случаѣ я позволю себѣ надѣяться:

„1) что его императорское величество обратитъ вниманіе на мое справедливое требованіе о возвращеніи крѣпости Глогау, которая, по смыслу заключенныхъ договоровъ, должна быть очищена по внесеніи первой половины контрибуціи, въ настоящее время уже уплаченной. Не по недостатку довѣрія я возобновляю это требованіе въ то время, когда болѣе тѣсныя узы готовы соединить существенно мои выгоды съ выгодами императора, а потому, что содержаніе французскихъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ по Одеру сопряжено съ огромными для меня издержками. Этотъ налогъ до такой степени превышаетъ средства Пруссіи, до такой степени не совмѣстимъ съ издержками, которыя потребуются для вновь принимаемаго мною на себя обязательства, что если его императорское величество облегчитъ отъ этой тяготы мое государство, то покажетъ свое довѣріе и доброе расположеніе ко мнѣ;

„2) что въ томъ случаѣ, когда вспомогательный корпусъ должно будетъ привести въ военное положеніе, императоръ убавитъ въ соразмѣрности требованія уплаты контрибуціи и совершенно прекратитъ ихъ, лишь только начнется война; Пруссія не можетъ вынесть этихъ издержекъ единовременно съ уплатою тяжелой контрибуціи;

„3) наконецъ, что императоръ не будетъ настаивать на исполненіи постановленія договора 8-го сентября 1808 г. о томъ, чтобы не увеличивать прусскаго войска, что становится уже необходимымъ въ виду предстоящей защиты государства;

„4) что касается до пріобрѣтеній территоріальныхъ или иныхъ, на которыя можетъ разчитывать Пруссія за свое содѣйствіе Франціи, то въ этомъ случаѣ я полагаюсь на правосудіе и дружбу моего августѣйшаго союзника. Въ одномъ только я желалъ бы, чтобы напередъ

состоялось соглашеніе: географическое положеніе Пруссіи таково, что большая часть ея владѣній можетъ сдѣлаться театромъ войны или во всякомъ случаѣ подвергнуться сопряженнымъ съ нею затрудненіямъ; поэтому я желалъ бы обезпечить на этотъ случай надежное мѣстопребываніе для моего семейства. Я льщу себя надеждою, что императоръ не только согласится самъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и употребитъ свое вліяніе, гдѣ будетъ нужно, чтобы съ этою цѣлію, нейтрализировать часть Силезіи, пограничную съ Австріей, гдѣ я и могъ бы найдти мѣстопребываніе съ своимъ семействомъ во все продолженіе войны" [1]).

Въ приведенномъ письмѣ Прусскаго короля къ своему посланнику при французскомъ дворѣ заключается уже полное содержаніе предлагаемаго Наполеону договора о союзѣ. Такимъ образомъ, въ то самое время, какъ король медлилъ отвѣтомъ Русскому императору, своему другу, на предложеніе о союзѣ, не отклоняя его, однакоже, онъ вполнѣ обдумалъ и предложилъ союзъ его противнику, императору Французовъ. Хотя Пруссія и была совершенно окружена войсками Наполеона, и хотя послѣдній имѣлъ возможность принудить ее дѣйствовать за одно съ нимъ, однакоже предложеніе короля было выгодно для Франціи потому, что добровольный союзъ во всякомъ случаѣ могъ быть надежнѣе вынужденнаго. Какъ же отнесся императоръ Французовъ къ этому предложенію?

Императоръ Наполеонъ ненавидѣлъ Пруссію, по собственному его признанію, и хотѣлъ, вопреки своимъ выгодамъ, совершенно ее уничтожить; но въ это время онъ принялъ за правило не отвергать дружелюбныхъ заявленій Пруссіи, не довѣряя имъ въ то же время. Рабски увлекаясь страстями своего повелителя, его министерство иностранныхъ дѣлъ дѣйствовало въ томъ же направленіи. Въ концѣ 1810 г. Шампаньи, по его приказанію, представилъ ему особый докладъ объ отношеніяхъ къ Пруссіи. „Современное состояніе Пруссіи", писалъ онъ, „не смотря на ея чрезвычайную слабость, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Министръ, предпринявшій возстановить обломки этой почти не существующей монархіи, собственно говоря, не обладаетъ ни достаточною силою характера, ни обширнымъ умомъ, ни ревностною дѣятельностью, которыя могли бы замѣнить слабость

---

[1]) Письмо короля къ Круземарку 24-го мая 1811 г. Mémoires d'un homme d'Etat, III, стр. 314 и 315.

короля. Этотъ государь, по смерти супруги, погруженъ въ какое-то нравственное усыпленіе, изъ котораго тщетно его желаютъ исторгнуть. Подъ его именемъ правитъ Гарденбергъ, а Гарденбергомъ управляетъ партія, которой онъ полагаетъ быть главою, но въ сущности онъ только опасное орудіе въ ея рукахъ". По своимъ убѣжденіямъ и прежней дѣятельности, прусскій канцлеръ Гарденбергъ считался врагомъ Франціи и защитникомъ союза съ Россіей. Но не съ этой точки зрѣнія опасалось его вліянія французское министерство. Оно знало, что при тогдашнемъ положеніи Пруссіи канцлеръ ея, не смотря на личныя убѣжденія, при слабости короля и силѣ французской партіи, вынужденъ будетъ дѣйствовать въ видахъ императора Наполеона. Орудіемъ какой же опасной партіи оно его считало? „Эта партія", продолжаетъ герцогъ Кадорскій, — „господствуетъ уже на сѣверѣ Германіи, ея дѣятельность стѣсняется тамъ лишь присутствіемъ французскихъ войскъ. Она старается распространить свое вліяніе на Вѣну и даже на Баварію и управлять общественнымъ мнѣніемъ. Она овладѣла университетами, учеными обществами, мистическими союзами и всѣми мечтательными умами, которые перемѣшиваютъ политическіе замыслы съ химерами иллюминатовъ и въ прежнее время, при отцѣ теперешняго короля, имѣли большое значеніе при Берлинскомъ дворѣ. Происшествія, измѣнившія потомъ все положеніе Европы, дали этой сектѣ только новое направленіе. До того времени она мечтала управлять народами во имя королевской власти; теперь же, какъ кажется, она стремится къ тому, чтобъ уничтожить ее и овладѣть довѣріемъ народовъ. Обширный переворотъ непрерывно подготовляется во всей Германіи, и ненависть къ Французамъ помогаетъ успѣшному его распространенію. Хотя немного, но есть, однакоже, нѣсколько высокъ поставленныхъ лицъ, знающихъ объемъ и тайную цѣль этого страннаго заговора, котораго тайные проповѣдники скрываются подъ именами докторовъ, совѣтниковъ, философскихъ писателей и постепенно подготовляютъ всеобщій взрывъ. Даже въ государствахъ Рейнскаго союза и при дворахъ, наиболѣе преданныхъ политикѣ Франціи, даже министры этихъ государей содѣйствуютъ этимъ замысламъ, не подозрѣвая, что они сами будутъ жертвами этого движенія. На основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній, получаемыхъ съ разныхъ сторонъ посланниками вашего величества, можно предполагать, что существуетъ намѣреніе возбудить и соединить всю Германію въ общее революціонное движеніе противъ Франціи и са-

мыхъ правительствъ германскихъ, и что послѣдствія этого движенія трудно и предвидѣть".

Вотъ съ какой точки зрѣнія Пруссія обращала на себя вниманіе французскаго правительства. Однимъ изъ главныхъ вождей этого движенія оно считало барона Штейна, и ему ужь удалось удалить его отъ участія въ дѣлѣ управленія. Но оно видѣло его продолжателей и преемниковъ въ лицахъ графа Стадіона въ Австріи и барона Гарденберга въ Пруссіи и полагало, что за одно съ ними готовы были дѣйствовать и многіе другіе. Этихъ вождей народнаго движенія въ Германіи оно подозрѣвало въ желаніи склонить политику Пруссіи къ союзу съ Россіей. Имъ оно приписывало намѣреніе для достиженія этой цѣли женить овдовѣвшаго Прусскаго короля на русской великой княжнѣ, о чемъ носились слухи въ то время. Такой союзъ, при содѣйствіи общественнаго мнѣнія въ Россіи, которому противодѣйствуетъ лишь графъ Румянцевъ, казался французскому правительству возможнымъ и опаснымъ. Оно полагало, что Россія откладываетъ его заключеніе только до тѣхъ поръ, пока не заключитъ мира съ Турками. „Если такія *предательскія* намѣренія", продолжаетъ министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи, — „входятъ, дѣйствительно, въ виды прусской политики, то ея миролюбивыя заявленія не могутъ возбуждать *удивленія*: таковъ всегда языкъ страха и безсилія. Но предполагая, однакоже, вопреки всякой вѣроятности, что заискиванія вступить въ соглашеніе съ Россіей составляютъ только попытки нерѣшительнаго и робкаго министра, и что предложенія его Франціи совершенно искренни, все-таки представляется вопросъ: какія выгоды можетъ намъ доставить Пруссія въ качествѣ союзника и какими опасностями можетъ она угрожать въ качествѣ врага?"

Положеніе дѣлъ представлялось въ это время французскому министерству иностранныхъ дѣлъ въ такомъ видѣ, что главною цѣлью усилій Франціи должно быть изгнаніе Англичанъ изъ Пиренейскаго полуострова. Пока эта цѣль не будетъ достигнута, нельзя приступить къ окончательному достиженію второй, то есть, къ строгому соблюденію континентальной системы на всемъ материкѣ Европы. Поэтому слѣдуетъ избѣгать всякой важной ссоры на сѣверѣ Европы. Но дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, слѣдуетъ предвидѣть возможность заключенія мира между Россіей и Оттоманскою Портою. „Хотя", говоритъ герцогъ Кадорскій, — "дѣйствія французской политики въ Константинополѣ и даютъ поводъ предполагать, что Россіи не удастся въ скоромъ времени заключить этотъ миръ, тѣмъ не менѣе, партія, желаю-

щая мира, беретъ значительный перевѣсъ въ Петербургѣ. При этомъ дворѣ, исполненномъ интригъ, все можетъ измѣниться въ одинъ день. Графъ Румянцевъ не смѣетъ или не хочетъ ей противодѣйствовать. При такомъ положеніи дѣлъ возможно, что при молчаливомъ содѣйствіи Англіи, мирные переговоры въ Молдавіи закончатся скоро, и потребуется не болѣе 20 часовъ, чтобы подписать договоръ на барабанѣ, какъ это было въ Кайнарджи. Тогда Россія выведетъ свои войска отъ Турціи, расположитъ ихъ эшелонами по польской границѣ отъ Бродъ до Мемеля, можетъ войдти въ соглашеніе съ Англіей, отступитъ отъ континентальной системы, откроетъ Балтійское море для англійской торговли для того, чтобы поднять свой курсъ, увѣряя притомъ постоянно, что желаетъ поддерживать мирныя отношенія къ Франціи. Въ такомъ случаѣ вашему величеству прійдется или оставить мысль о томъ, чтобы вынудить Англію отказаться отъ насильственныхъ мѣръ на моряхъ, или снова перенести войну на Одеръ и Вислу. Въ этомъ-то случаѣ, который рано или поздно долженъ осуществиться, Пруссія пріобрѣтаетъ значеніе. При самомъ первомъ признакѣ войны съ Россіей ваши войска перейдутъ Эльбу и направятся на Берлинъ, — будемъ ли мы въ союзѣ, или во враждѣ съ Пруссіей. Какъ союзникъ, что можетъ дать намъ Прусскій король? Тридцать или сорокъ тысячъ войска, питающаго враждебныя къ намъ чувства, и которыя онъ едва въ состояніи содержать на средства своего государства? Но если онъ будетъ нашимъ врагомъ, то отношенія совершенно измѣняются. Въ вашихъ рукахъ находятся крѣпости Глогау, Кюстринъ, Штетинъ, и вы, не покидая Парижа, однимъ страхомъ можете вытнать оттуда прусскій дворъ за Вислу. Вслѣдствіе этого одного всѣ средства Бранденбургской марки, Померанін и даже Силезіи, останутся въ полномъ распоряженіи французскихъ властей, которыя, дѣйствуя въ нихъ какъ въ странахъ завоеванныхъ, доставятъ намъ весьма важныя выгоды. Конечно, вѣроятно, что прусское войско можетъ быть увеличено на нѣсколько тысячъ. Бѣдность, грабежъ, ненависть къ Французамъ привлекутъ подъ знамена, можетъ быть, до 50 тысячъ; но Нѣмцамъ, Полякамъ и Вестфальскому королю можно предоставить богатое вознагражденіе въ Силезіи и Бранденбургѣ за ихъ содѣйствіе Французамъ. При союзѣ же съ Пруссіей сдѣлалось бы невозможнымъ увеличить владѣнія Вестфальскаго короля. Это желаніе вознагражденій и увѣренность, что Пруссія изчезнетъ съ европейской

карты, удвоитъ ревность и жертвы естественныхъ союзниковъ Франціи".

Какъ общій выводъ изъ всѣхъ этихъ соображеній, герцогъ Кадорскій представлялъ, что союзъ съ Пруссіей безполезенъ для Франціи во время мира и отяготителенъ при войнѣ съ Россіей. „Мудрость вашего величества", говорилъ герцогъ, — „уже рѣшила важную мѣру — присоединеніе Голландіи, за которою послѣдуетъ и присоединеніе Ганзейскихъ городовъ. Уже приняты всѣ мѣры, чтобъ оно совершилось прежде, нежели будутъ подписаны предварительныя условія мира между Россіей и Турціей. Когда границы имперіи будутъ простираться до Балтійскаго моря, Пруссія будетъ совершенно окружена владѣніями имперіи или ея союзниковъ. Французскіе гарнизоны будутъ постоянно занимать лучшія изъ ея крѣпостей внутри страны, семьдесятъ милліоновъ, просроченныхъ уплатою контрибуціи, истощатъ всѣ ея средства, ея порты будутъ заперты нашими таможенными чиновниками для всякой торговли съ Англичанами. Въ такомъ положеніи къ чему намъ нуженъ союзъ съ нею и какую опасность можетъ причинить намъ ея безсильная ненависть?" Вообще, по мнѣнію Шампаньи, надо поддерживать теперешнія съ нею отношенія и тщательнѣе наблюдать за народнымъ въ ней движеніемъ и не отвергать, но и не заключать безполезнаго союза, который можетъ возбудить опасенія Россіи, и можетъ быть, вынудитъ ее, преждевременно для выгодъ Франціи, разорвать съ нею союзъ [1]).

При такомъ взглядѣ на значеніе Пруссіи въ общей системѣ французской политики въ это время, Тюльерійскій кабинетъ, очевидно, долженъ былъ отвергнуть предложенія Прусскаго короля. Онъ, дѣйствительно, ихъ отвергъ, но объяснивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что отвергаетъ изъ опасенія возбудить подозрѣніе Петербургскаго кабинета въ то время, когда Франція находится еще въ союзѣ съ Россіей и желаетъ поддержать его. Не лишая Пруссію надежды на заключеніе этого союза въ будущемъ, при могущемъ послѣдовать разрывѣ съ Россіей, Тюльерійскій кабинетъ не переставалъ, однакожь, угнетать Пруссію, постоянно настаивая на уплатѣ контрибуціи, насчитывая значительные проценты за просрочки, безъ ея согласія усиливая свои гарнизоны въ ея крѣпостяхъ и тѣмъ увеличивая ея издержки на ихъ со-

[1]) Графъ Шампаньи, Rapport à S. M. Impériale et Royale, Fontainebleau 16-me Novembre 1810, сообщенный нашему правительству Черышевымъ при письмѣ къ канцлеру 5 (17)-го іюля 1811 г. изъ Парижа.

держаніе. Когда обращали его вниманіе на своевременную уплату условленной части контрибуціи, онъ отвѣчалъ, что Пруссія никогда не уплатитъ всей контрибуціи и останется постоянно въ долгу у Франціи. На ея посланника Наполеонъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и при дипломатическихъ пріемахъ никогда не говорилъ съ нимъ ни слова, не смотря на всѣ заискиванія генерала Круземарка, и въ то же время осыпалъ изысканными учтивостями австрійскаго графа Шварценберга для того, чтобъ еще болѣе оттѣнить свое презрѣніе къ Пруссіи. При каждомъ случаѣ Наполеонъ издѣвался надъ королемъ Прусскимъ. Въ разговорахъ съ нашими дипломатическими чиновниками, жалуясь на то, что графъ Румянцевъ подозрѣваетъ его въ тайныхъ происках въ Константинополѣ, затрудняющихъ намъ заключеніе мира съ Турціей, онъ говорилъ, что такъ неприлично было бы дѣйствовать такому могущественному государю, какъ императоръ Французовъ, что онъ открыто принялъ бы сторону Турокъ; такъ могутъ дѣйствовать только мелкіе нѣмецкіе государи, какъ напримѣръ, Прусскій король. Эти выходки противъ короля, конечно, имѣли и другую цѣль, кромѣ желанія выказать презрѣніе къ Пруссіи: они могли оскорблять и его могущественнаго друга, Русскаго императора. „Король прусскій", говорилъ Наполеонъ графу Шувалову по случаю нашего протеста по Ольденбургскому дѣлу, — сказалъ, что Россія поступаетъ слишкомъ легкомысленно, обнародуя подобные манифесты. Бѣдняковъ", прибавилъ онъ, смѣясь, — „близко касается это обстоятельство, они очутятся между двухъ огней", въ случаѣ разрыва съ Россіей и войны съ нею [1]).

Дѣйствительно, Пруссія находилась между двухъ огней и это положеніе вынуждало ея политику или дѣйствовать рѣшительно, или кривить душою. Изпуреніе страны, слабость военныхъ силъ, всеобщій страхъ, внушенный грознымъ побѣдителемъ, слабость характера короля и незначительное число изъ окружавшихъ его лицъ, которыя совѣтовали бы ему сопротивляться Наполеону, препятствовали Пруссіи вступить рѣшительно въ союзъ съ Россіей и склоняли ея политику на сторону Франціи. Но съ одной стороны, презрительное отношеніе къ ней Французскаго императора, отклонившаго союзъ съ нею, а съ другой — опасеніе раздражить Россію и, можетъ быть, вызвать ее на вооруженное занятіе Восточной Пруссіи, а въ то же время и чувство дружбы короля къ Русскому императору, поставили въ двусмыс-

[1]) Письмо графа Шувалова къ императору изъ Парижа $^{3}/_{15}$-го мая 1811 г.

лепное положеніе ея политику. Король, опасаясь принимать русскаго посланника, постоянно сносился съ нимъ черезъ третьихъ лицъ, къ которымъ питалъ особую довѣренность. Связавъ себѣ руки предложеніемъ, сдѣланнымъ имъ Франціи, онъ скрывалъ его отъ графа Ливена и хотя выражалъ въ то же время желаніе заключить союзъ съ Россіей, но отклонялъ исполненіе этого намѣренія и придумывалъ различныя къ тому затрудненія. Главнѣйшее изъ нихъ состояло въ томъ, что Пруссія можетъ вступить въ союзъ съ Россіей не иначе, какъ съ увѣренностью, что къ ихъ союзу присоединится и Австрія; а между тѣмъ король не довѣрялъ политикѣ Вѣнскаго кабинета. Въ концѣ февраля онъ прислалъ къ графу Ливену полковника Врангеля объявить, что до него дошли достовѣрныя свѣдѣнія о неискреннихъ дѣйствіяхъ Австріи въ ея сношеніяхъ съ Россіей, что онъ убѣжденъ, что въ случаѣ разрыва съ Франціей, Австрія не соединится съ Россіей и Пруссіей, и что все, чего возможно ожидать отъ нея, будетъ состоять лишь въ томъ, что она останется спокойною. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ онъ снова прислалъ того же посредника заявить нашему посланнику, что онъ получилъ депеши изъ Вѣны отъ барона В. Гумбольдта, который писалъ ему, что онъ счелъ нужнымъ поближе узнать взглядъ Вѣнскаго кабинета на настоящія отношенія Россіи и Франціи. На вопросы Гумбольдта графъ Меттернихъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ войну неизбѣжною, и полагаетъ, что обѣ стороны уже рѣшились воевать между собою. На вопросъ прусскаго посланника о томъ, какъ въ случаѣ этой войны намѣрена дѣйствовать Австрія, графъ Меттернихъ отвѣчалъ, что она рѣшилась оставаться спокойною и уже ни въ какомъ случаѣ не дѣйствовать за одно съ Россіей. „Эти извѣстія до такой степени напугали короля", говорилъ баронъ Врангель,—„что онъ считаетъ свое положеніе крайне затруднительнымъ, если нельзя уже болѣе разчитывать на Австрію". Врангель увѣрялъ нашего посланника, что онъ употребляетъ всѣ средства, чтобы поддержать короля въ добромъ расположеніи къ Россіи, но „что его положеніе такъ затруднительно, что можетъ принудить его принять иное рѣшеніе" [1]).

Въ такомъ расположеніи духа нашелъ короля и полковникъ Чернышевъ, который въ это время пріѣхалъ въ Берлинъ, проѣздомъ изъ Петербурга въ Парижъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, король назначилъ ему

---

[1]) Депеши графа Ливена къ графу Румянцеву 22-го февраля (6-го марта, и [illegible]/30-го марта 1811 г.

свиданіе, о которомъ, въ своемъ отчетѣ государю, полковникъ Чернышевъ писалъ: „Я нашелъ короля въ чрезвычайномъ безпокойствѣ и нерѣшительности". Лишь только Чернышевъ явился, король описалъ ему самыми мрачными красками современное положеніе своего государства, особенно съ того времени, какъ новые отряды французскихъ войскъ начали входить въ его предѣлы, для усиленія гарнизоновъ въ крѣпостяхъ. „Во всѣхъ возможныхъ случаяхъ", говорилъ онъ ему,—„при разрывѣ Россіи съ Франціей, Пруссія будетъ первою жертвой и я увѣренъ, что она изчезнетъ съ карты Европы".

Желая успокоить въ нѣкоторой степени тревогу короля, Чернышевъ отвѣчалъ, что Русскій императоръ не вызываетъ войны, не желаетъ ея и готовъ все сдѣлать, чтобъ отклонить ея бѣдствія. Объяснивъ всѣ усилія нашего кабинета, предпринятыя въ этомъ смыслѣ, Чернышевъ замѣтилъ, что еслибы даже и началась война, то императоръ, никогда не упуская изъ вида выгодъ Пруссіи, конечно, поспѣшилъ бы къ ней на помощь.

„Конечно", отвѣчалъ король,—„но это будетъ уже поздно. Судьба поставила столицу Пруссіи на аванпостахъ государства, такъ, что она всегда можетъ быть окружена со всѣхъ сторонъ. „Бываютъ", прибавилъ онъ,—„тяжелыя, ужасныя обстоятельства, которыя лишаютъ возможности дѣйствовать согласно съ естественною необходимостію и собственными желаніями". Эти слова короля, также, какъ и заявленія Врангеля нашему посланнику, были, очевидно, сказаны съ намѣреніемъ предупредить русскій кабинетъ на счетъ возможности заключенія Пруссіею союза съ Наполеономъ.

„Потомъ", доносилъ Чернышевъ императору,—„король выразилъ живѣйшее желаніе, чтобы ваше величество употребили всѣ способы привлечь Австрію на свою сторону и заставить ее дѣйствовать за одно съ Россіею. Онъ говорилъ, что это единственный способъ спасти его и развязать ему руки. Я довелъ до его свѣдѣнія, что въ этомъ отношеніи ваше величество дѣйствуете неуклонно, и кажется, можете предполагать, что если Австрія и не будетъ дѣйствовать за одно съ нами, то во всякомъ случаѣ не будетъ дѣйствовать и противъ насъ. На это король сказалъ мнѣ, что то же самое пишетъ ему его посланникъ изъ Вѣны; но его донесенія даютъ однакоже поводъ къ опасеніямъ, потому, что Вѣнскій кабинетъ еще находится въ нерѣшительномъ состояніи, и что образъ мыслей графа Меттерниха еще не выразился ясно и опредѣленно. Я тѣмъ болѣе могу вѣрить донесеніямъ прусскаго посланника въ Вѣнѣ, что онъ враждебенъ французской си-

стемѣ и слѣдовательно, замѣтилъ бы расположеніе Австріи къ ней. Но я былъ уже предваренъ въ отношеніи барона Гумбольдта, человѣка весьма умнаго, но строптиваго, и потому отвѣчалъ, что въ настоящемъ случаѣ можно представлять себѣ обстоятельства или въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ, или слишкомъ въ черномъ. Кажется, въ эту послѣднюю крайность впалъ баронъ Гумбольдтъ. Вообще мнѣ показалось, что король находится въ ужасно-перѣшительномъ состояніи; кажется даже, что если послѣдуетъ разрывъ, то будетъ поступать такъ, какъ поступитъ Австрія“ [1]).

Сообщеніе Берлинскому кабинету нашего протеста по Ольденбургскому дѣлу способствовало въ это время къ усиленію тревоги, господствовавшей при прусскомъ дворѣ. Министерство иностранныхъ дѣлъ, дѣйствовавшее въ лицѣ Гольца, совершенно въ видахъ Франціи, отнеслось къ нему недружелюбно, усматривая въ немъ вызовъ съ нашей стороны къ разрыву съ Франціей, и совѣтовало согласиться на вознагражденіе герцогу Ольденбурскому, предлагаемое Наполеономъ. Это обстоятельство подало нашему посланнику поводъ требовать свиданія съ барономъ Гарденбергомъ, отъ котораго онъ надѣялся вмѣстѣ съ тѣмъ узнать объ отношеніяхъ къ намъ Берлинскаго кабинета.

Графъ Ливенъ, прочитавъ прусскому канцлеру всѣ бумаги, касавшіяся Ольденбургскаго дѣла, говорилъ, что императоръ Александръ употребляетъ всѣ средства, чтобъ отклонить войну, но нельзя поручиться, чтобы Наполеонъ желалъ того же. Напротивъ, есть много поводовъ предполагать, что онъ противнаго мнѣнія. Заявленіе нашему посланнику въ Парижѣ, что онъ намѣренъ увеличить до 15 тысячъ гарнизонъ въ Данцигѣ, предписаніе членамъ Рейнскаго союза, чтобъ ихъ военные контингенты находились въ готовности къ движенію по первому указанію, и подкрѣпленіе гарнизоновъ въ крѣпостяхъ по Одеру, кажется, могутъ служить безошибочными признаками желанія императора Французовъ начать войну съ Россіей. „То же подтверждаетъ“, прибавилъ баронъ Гарденбергъ, — „и его требованіе провести черезъ Пруссію двѣ новыя военныя дороги въ Штетинъ“.

Воспользовавшись этимъ замѣчаніемъ, графъ Ливенъ подробно развилъ мысль, что Наполеонъ „постепенно и незамѣтно овладѣетъ всѣми способами Пруссіи. Король, исполняя безпрекословно всѣ требованія Франціи, окажется наконецъ совершенно въ распоряженіи императора Наполеона; его обезславленныя войска станутъ подъ зна-

[1]) Письмо Чернышева изъ Парижа $^{9}/_{21}$-го марта 1811 г.

мена своего угнетателя; народъ, разоренный уже многолѣтними бѣдствіями, вынужденъ будетъ на новыя пожертвованія для своего врага и для собственной погибели. Изъ самостоятельнаго государя король превратится наконецъ въ простаго вассала злѣйшаго изъ своихъ враговъ. Для Пруссіи предстоятъ три способа дѣйствія: или соединиться съ нами, или съ Французами, или ни съ тѣми, ни съ другими..."

„Этотъ послѣдній способъ", прервалъ его Гарденбергъ, — „былъ бы самымъ худшимъ, короля Прусскаго ожидала бы судьба Гессенскаго курфирста. Соединиться съ Россіей—вотъ единственно возможный способъ дѣйствія для короля; такъ онъ и поступитъ. Но для этого необходима полнѣйшая взаимная довѣренность между нами, и нужно условиться въ средствахъ безпрепятственно привести въ исполненіе такое намѣреніе. До сихъ поръ Франція не обращалась еще къ намъ съ предложеніями; графъ Сенъ-Марсанъ не дѣлалъ даже никакого намека и не возбуждалъ вопроса о нашихъ приготовленіяхъ. Быть можетъ, императоръ Наполеонъ считаетъ наши силы ничтожными, можетъ быть, онъ не довѣрятъ намъ и разчитываетъ, что лучше имѣть насъ врагами, или наконецъ, онъ хочетъ усыпить насъ..."

„Это послѣднее предположеніе", прервалъ въ свой чередъ нашъ посланникъ, — „было бы самымъ опаснымъ для Пруссіи", и старался доказать ему, сколько нужно употребить благоразумія и внимательности, чтобы не упустить того мгновенія, когда король еще можетъ дѣйствовать свободно, и чтобы обезпечить, какъ его личность, такъ и силы Пруссіи отъ внезапнаго рѣшительнаго дѣйствія со стороны Франціи".

„Въ томъ-то и заключается вся трудность", отвѣчалъ баронъ Гарденбергъ,—„чтобъ уловить это мгновенье".

„Ваша опытность и дарованія", отвѣчалъ графъ Ливенъ, — „ручаются въ этомъ случаѣ, что вы во время опредѣлите это мгновеніе и воспользуетесь имъ, съ должною рѣшимостью".

Польщенный этими словами нашего посланника, прусскій канцлеръ началъ объяснять гр. Ливену, что въ этомъ отношеніи уже приняты всѣ мѣры, и что только поэтому онъ могъ съ нѣкоторою рѣшительностію вести переговоры о четырехъ тысячахъ французскихъ войскъ, вступившихъ въ Пруссію безъ предварительнаго соглашенія съ ея правительствомъ, и даже сказалъ французскому уполномоченному, что не слѣдуетъ ставить короля въ отчаянное положеніе, иначе онъ съумѣетъ спасти свою честь или погибнуть со славою. „Эти слова", продолжалъ Гарденбергъ,—„а равно и наши военныя приготовленія,

которыя, безъ сомнѣнія, извѣстны Наполеону, могутъ вызвать его гнѣвъ; можемъ ли мы въ этомъ случаѣ надѣяться на помощь Россіи?" спросилъ онъ въ заключеніе. „Я съ тою цѣлію и вызвалъ васъ на переговоры", отвѣчалъ графъ Ливенъ,—„чтобы объяснить вамъ, что собственныя выгоды Пруссіи требуютъ, чтобъ она вошла въ тѣсный союзъ съ Россіей. Если мы остановимся на этомъ началѣ, то можетъ ли быть вопросъ о томъ, защититъ ли Россія своего союзника. Россія сдѣлаетъ болѣе; она не побуждаетъ васъ торопиться въ этомъ случаѣ, полагая, что для васъ же выгоднѣе, какъ можно отдалять разрывъ между Россіей и Франціей, потому что ваше же государство сдѣлается первоначальнымъ поприщемъ войны. Если благоразуміе предписываетъ вамъ не упускать того мгновенія, когда король еще въ состояніи дѣйствовать свободно, то ваши собственныя выгоды предписываютъ вамъ равномѣрно не ускорять рѣшенія о вашей судьбѣ и независимости".

Повторяя, что судьба Пруссіи зависитъ отъ ея добрыхъ отношеній къ Россіи, Гарденбергъ долго распространялся о ея бѣдственномъ положеніи и объ еще большихъ бѣдствіяхъ, которыя предстоятъ ей, когда начнется война, а потомъ перешелъ къ отношеніямъ нашимъ къ Австріи и войнѣ съ Турками. „Еслибъ я былъ министромъ Русскаго императора", говорилъ онъ,—„то первою моею заботою было бы уговорить его какъ можно скорѣе окончить эту войну". Привлечь Австрію къ союзу съ Россіей онъ считалъ необходимымъ для успѣха совокупныхъ дѣйствій Россіи и Пруссіи. Когда графъ Ливенъ сталъ увѣрять его, что наши отношенія къ Австріи какъ нельзя болѣе дружественны, баронъ Гарденбергъ вдругъ спросилъ его: „Правда ли, что начальство надъ русскими войсками будетъ ввѣрено барону Бенигсену; говорятъ, его спрашивали о состояніи его здоровья и требовали журналъ его послѣдней кампаніи. Онъ мой соотечественникъ", прибавилъ Гарденбергъ,—„и я на столько хорошо знаю его, что могу навѣрное сказать, что такое назначеніе будетъ ему не по силамъ и не по способностямъ" [1]).

Положеніе канцлера Пруссіи было таково, что, разставаясь съ нашимъ посланникомъ послѣ этого свиданія, онъ просилъ его ничего не сообщать объ этомъ разговорѣ графу Гольцу, увѣряя, что послѣдній не знаетъ тайныхъ видовъ прусскаго кабинета. Франція дѣйстви-

[1]) Депеши графа Ливена къ графу Румянцеву 25-го марта (6-го апрѣля) и 31-го марта (12-го апрѣля) 1811 года изъ Берлина.

тельно не дѣлала въ это время никакихъ попытокъ привлечь Пруссію къ союзу, но ихъ дѣлала, и притомъ настоятельно напрашиваясь на союзъ, сама Пруссія. Едва ли баронъ Гарденбергъ, какъ человѣкъ честный и преданный мысли о необходимости союза съ Россіей, позволилъ бы себѣ не только скрыть, но и прямо отрицать переговоры объ этомъ съ Тюльерійскимъ кабинетомъ; по всей вѣроятности онъ и самъ находился въ томъ же положеніи, въ какое ставилъ прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ, стараясь скрыть отъ него свои отношенія съ нашимъ посланникомъ. Онъ, вѣроятно, и не зналъ въ это время о переговорахъ, которые Круземаркъ велъ по порученію короля съ французскимъ кабинетомъ. Но ему, конечно, извѣстна была нерѣшительность короля и вліяніе на него защитниковъ союза съ Франціей, съ одной стороны, а съ другой—его дружба съ Русскимъ императоромъ и ненависть къ Наполеону, и онъ думалъ управлять прусскою ладьею, неспособною уже къ самостоятельному движенію, слѣдуя на срединѣ между этими двумя теченіями, до той поры, пока сочтетъ нужнымъ вступить въ одно изъ нихъ, то есть, до того времени, когда уже будетъ поздно, и одно изъ этихъ теченій само увлечетъ за собою слабую Пруссію. Такую политику, согласную съ положеніемъ и личнымъ характеромъ прусскаго канцлера, не отличавшимся особенною твердостію, одобрилъ однакожъ и русскій посланникъ. Это одобреніе можетъ быть объяснено тѣмъ положеніемъ, которое приняла Россія въ отношеніи къ Франціи. Императоръ былъ увѣренъ въ неизбѣжности войны, но не желалъ ни вызывать ее какими-либо дѣйствіями съ своей стороны, ни дѣйствовать наступательно. Но такая политика барона Гарденберга не только не могла имѣть успѣха, но и не могла долго продолжаться. Послѣ того, какъ предложеніе о союзѣ генерала Круземарка было отклонено французскимъ правительствомъ, Прусскій король, быть можетъ, приписывая неудачи личности своего посланника, къ которому не былъ расположенъ Наполеонъ, рѣшился отправить къ нему въ качествѣ довѣреннаго лица князя Гацфельда, котораго склонность къ Франціи не подлежала сомнѣнію. „Князь Гацфельдъ—Французъ съ головы до ногъ“, говорилъ нашему посланнику баронъ Гарденбергъ, который былъ противъ этого посольства,—„и графъ Гольцъ далъ ему наставленія въ смыслѣ заключенія союза съ Франціей“. Но и эта попытка сталась безуспѣшною; французское правительство заявило Гацфельду, что считаетъ безполезнымъ вступать въ какія бы то ни было соглашенія съ Пруссіей, чтобы не возбудить чрезъ это подозрѣній Россіи. Прусскій канцлеръ, какъ кажется, только

вслѣдствіе посольства князя Гацфельда и узналъ, что его правительство домогается вступить въ союзъ съ Наполеономъ. Радуясь, что предложеніе не было принято, онъ въ то же время старался доказать нашему посланнику необходимость показывать видъ, что Пруссія дѣйствительно желаетъ союза съ Франціей, и въ этомъ смыслѣ уже самъ писалъ къ генералу Круземарку. Но въ то время, когда князь Гацфельдъ отправился въ Парижъ, въ Берлинѣ уже разнеслись слухи, что король вступилъ въ союзъ съ Наполеономъ. Эти слухи дошли, конечно, и до графа Ливена; но онъ не хотѣлъ имъ вѣрить и особенно не вѣрилъ участію въ этомъ дѣлѣ барона Гарденберга. Дѣйствительно прусскій канцлеръ немедленно его увѣдомилъ, что эти слухи не имѣютъ никакого основанія. То же самое вслѣдъ затѣмъ сообщилъ ему и графъ Гольцъ. Но графъ Ливенъ, хотя и не вѣрилъ этимъ слухамъ, однакоже не могъ не обратить на нихъ вниманія и потому чрезъ маіора Врангеля просилъ объясненій у самого короля. На другой день король прислалъ къ нашему посланнику въ Берлинъ барона Врангеля объявить, что никакого новаго договора съ Франціей не было заключено, и что даже никакого не было предложенія въ этомъ смыслѣ съ ея стороны, что послѣ Тильзитскаго мира въ первый разъ только графъ Лористонъ передалъ ему привѣтъ со стороны Наполеона. „Король увѣренъ даже“, говорилъ Врангель, — „что Наполеонъ не имѣетъ намѣренія заставить его подписать подобный договоръ: но еслибы король былъ къ тому вынужденъ, то счелъ бы своимъ долгомъ прежде всего увѣдомить о томъ Русскаго императора“.

Если баронъ Гарденбергъ, по невѣденію, до самаго возвращенія князя Гацфельда изъ Парижа не сообщалъ нашему посланнику о попыткахъ Пруссіи вступить въ союзъ съ Франціей, то король имѣлъ слабость ужь умышленно скрывать о нихъ передъ нашимъ правительствомъ. Конечно, императоръ Александръ и нашъ кабинетъ могли повѣрить, что Наполеонъ принудилъ короля подписать подобный съ нимъ договоръ; но имъ не могло прійдти и на мысль, чтобы сама Пруссія домогалась союза съ непримиримымъ своимъ врагомъ, противъ единственной дружественной съ нею державы въ Европѣ. Графъ Ливенъ, послѣ сообщеній, сдѣланныхъ ему Гарденбергомъ, по возвращеніи Гацфельда, писалъ даже графу Румянцеву, что онъ „глубоко убѣжденъ, что Пруссія будетъ дѣйствовать заодно съ нами. Ея содѣйствіе для насъ чрезвычайно важно, какъ и ваше сіятельство полагаете, потому что постоянно предписывали мнѣ дѣйствовать въ

этомъ смыслѣ". Но въ тотъ же самый день, какъ онъ это писалъ, у него былъ баронъ Врангель, и сообщивъ ему приведенныя извѣстія отъ имени короля, вошелъ въ подробныя разсужденія о томъ ужасномъ положеніи, въ какомъ находится король, утверждая, что ему ничего иного не остается дѣлать, какъ безусловно покориться волѣ императора Наполеона, по невозможности ему сопротивляться и по неизвѣстности, въ которой онъ находится въ отношеніи къ намѣреніямъ и средствамъ, приготовленнымъ Русскимъ императоромъ для отпора нашествію Французовъ. Онъ увѣрялъ даже, что королю вовсе не извѣстно число нашихъ войскъ. Генералъ Шарнгорстъ, съ своей стороны, выразилъ нашему посланнику опасенія, чтобы короля не склонили на совершенно противную намъ сторону. Когда графъ Ливенъ говорилъ ему, что ходятъ слухи, что король заключилъ уже союзъ съ Наполеономъ, онъ отвѣчалъ положительно, что не заключено еще никакого договора. „Еще ничего не испорчено", говорилъ онъ,—но клика, окружающая короля, Кёкерицъ, Калькрейтъ, Гольцъ и Витгенштейнъ, для того, чтобы сохранить хоть тѣнь существованія, готовы предать короля въ руки Франціи". Онъ говорилъ, что не полагается ни на кого изъ окружающихъ короля, не исключая даже Врангеля, кромѣ лишь маіора Бойена, начальника отдѣленія въ военномъ министерствѣ. Что касается барона Гарденберга, то Шарнгорстъ былъ увѣренъ, что онъ держится „хорошихъ началъ". Но и канцлеръ прусскій говорилъ нашему посланнику въ томъ же смыслѣ, заявляя, что король собирается описать въ письмѣ къ Русскому императору свое ужасное положеніе. „Изъ этихъ словъ", писалъ графъ Ливенъ къ графу Румянцеву,—„я понялъ, что положеніе Пруссіи считаютъ опаснымъ, потому что 20 тысячъ войскъ собрано въ Саксоніи, 12 тысячъ, какъ гарнизонъ — въ Магдебургѣ, 15 тысячъ въ Мекленбургѣ, до десяти тысячъ въ крѣпостяхъ по Одеру и особенно по причинѣ неизвѣстности, что̀ дѣлать, когда начнется война между Россіей и Франціей. Мнѣ извѣстно, что австрійское правительство дало сюда знать, что оно не полагаетъ, чтобы возгорѣлась война, и что оно постарается сохранить нейтралитетъ; но оно не можетъ обязать себя не воевать съ Россіей. Однакоже Гарденбергъ увѣрялъ меня, что король не заключитъ союза съ Франціей и сохранитъ за собою свободу рѣшиться впослѣдствіи на дѣйствіе, которое сочтетъ полезнымъ для своего государства" [1]).

---

[1]) Депеша Ливена къ графу Румянцеву $^{8}/_{20}$-го, $^{11}/_{23}$-го, $^{16}/_{28}$-го апрѣля, 22-го апрѣля (4-го мая), $^{12}/_{24}$-го мая и $^{11}/_{23}$-го апрѣля 1811 года.

Австрія была дѣйствительно болѣе знакома, чѣмъ Пруссія, съ видами французской политики. Императоръ Наполеонъ въ это время отложилъ намѣреніе начать войну съ Россіей въ этомъ году, и снова началъ увѣрять въ искреннемъ желаніи покончить всѣ недоразумѣнія путемъ мирныхъ переговоровъ. Опасность, передъ которою трепетала Пруссія, отдалилась, и она могла нѣсколько свободнѣе вздохнуть и хладнокровнѣе обсудить свои выгоды. На этомъ обстоятельствѣ основывались надежды прусскаго канцлера склонить короля къ союзу съ Россіей. Но его усилія не имѣли успѣха. „Положеніе Пруссіи“, говорилъ Гврденбергъ Ливену при свиданіи съ нимъ въ концѣ августа,—„со дня на день будетъ становиться затруднительнѣе, если Русскій императоръ замедлитъ принудить короля не только не принять окончательное рѣшеніе, которое уже принято безповоротно, но и опредѣлить наконецъ время, когда слѣдуетъ привесть ихъ въ исполненіе (то есть, заключить союзъ съ Россіей). Необходимо объяснить ему ту опасность, которой онъ себя подвергаетъ, если упуститъ то мгновеніе, когда онъ можетъ еще свободно располагать собою и защитить свое лицо. Постоянно присылаемыя подкрѣпленія въ крѣпости по Одеру угрожаютъ, что ему будетъ уже трудно и почти невозможно оставить Берлинъ, когда онъ рѣшится на это. Но и къ этому послѣднему средству для своего спасенія онъ не можетъ прибѣгнуть до тѣхъ поръ, пока онъ не узнаетъ, на что рѣшился нашъ дворъ, на войну или на миръ, потому что если онъ оставитъ Берлинъ, то этотъ поступокъ будетъ служить явнымъ свидѣтельствомъ, что король рѣшился принять сторону Россіи. Въ такомъ случаѣ онъ подвергаетъ, съ одной стороны, свое государство мщенію Наполеона, а съ другой—помѣшаетъ самой Россіи, если она имѣетъ въ виду покончить пререканія съ Франціей путемъ мирныхъ переговоровъ. Я долженъ вамъ сказать, что удаленіе за Одеръ король считаетъ такимъ средствомъ, къ которому онъ прибѣгнетъ только въ самомъ крайнемъ случаѣ, и которое ему непріятно, потому что скажутъ, будто онъ оставилъ своихъ подданныхъ въ тяжелое время, а это въ свой чередъ произведетъ дурное впечатлѣніе во всей Германіи. Король лучше желалъ бы отступить во главѣ своихъ войскъ“.

Такимъ образомъ рѣшеніе опредѣлить время, когда слѣдуетъ заключить миръ съ Россіей, которое онъ незадолго принималъ на себя, оказалось ему не по силамъ, и онъ просилъ уже, чтобъ эту обязанность принялъ на себя Русскій императоръ, пользуясь дружбою къ нему Прусскаго короля. Но очевидно, дѣлая подобное предложеніе, онъ

считалъ это дѣло выше своихъ силъ только по независимымъ отъ него обстоятельствамъ, потому, что неизвѣстно было на что рѣшилась Россія, на войну или на миръ. Безъ сомнѣнія, еслибы Русскій императоръ принялъ на себя эту обязанность, то по необходимости долженъ бы открыть своему союзнику какъ виды своей политики, такъ и всѣ средства, которыми онъ можетъ располагать на случай войны. Что жь относилось до этой войны, то она казалась все болѣе и болѣе неизбѣжною. Мирнымъ заявленіямъ Наполеона, которымъ, можетъ быть, и повѣрилъ на нѣкоторое время Берлинскій кабинетъ, противорѣчили постоянныя военныя приготовленія и особенно рѣчи русскому посланнику 15 (27)-го августа, разнесшіяся по всей Европѣ и произведшія тревогу. Если позднее время года, приближавшаяся осень, давало поводъ предполагать, что въ этомъ году война не начнется, то всѣ были увѣрены въ ея неизбѣжности на слѣдующій 1812 годъ. На это указывала и перемѣна въ политикѣ императора Наполеона въ отношеніи къ Пруссіи.

Герцогъ Бассано и самъ императоръ начали оказывать болѣе вниманія прусскому посланнику въ Парижѣ. Поводомъ къ тому послужили новыя наставленія, полученныя отъ барона Гарденберга генераломъ Круземаркомъ. „Если желаніе не возбуждать подозрѣній Россіи“, писалъ прусскій канцлеръ своему посланнику, — „послужило причиною къ тому что императоръ Наполеонъ не хотѣлъ войдти ни въ какія объясненія о предложеніи короля въ маѣ мѣсяцѣ заключить союзъ съ Франціей, то это обстоятельство не можетъ имѣть уже прежняго значенія въ настоящее время, когда военныя приготовленія Франціи противъ Россіи достигли до такихъ размѣровъ и все болѣе и болѣе увеличиваются, и когда самъ императоръ по великодушію своему не скрываетъ уже отъ Петербургскаго кабинета возможную цѣль этихъ вооруженій. Страхъ возбудить его подозрѣнія можетъ ли въ настоящее время еще останавливать императора заключить болѣе тѣсный союзъ между Франціей и Пруссіей, составляющій предметъ искреннихъ желаній короля? Смотрѣть ли на него какъ на демонстрацію для поддержанія спокойствія на сѣверѣ, или какъ на дѣйствительное содѣйствіе при разрывѣ двухъ имперій. Во всякомъ случаѣ не обѣщаетъ ли онъ выгодъ для Франціи? На основаніи этихъ соображеній король вновь рѣшается обратиться съ предложеніемъ къ императору Наполеону и надѣется, что въ настоящее время онъ пожелаетъ войдти въ переговоры съ нимъ о союзѣ“. Можетъ быть, баронъ Гарденбергъ, начиная вновь переговоры, полагалъ только успо-

коить Наполеона на счетъ видовъ Пруссіи, и выигравъ время, заключить потомъ союзъ съ Россіей; но главною причиною, вызвавшею на новую попытку Берлинскій кабинетъ, былъ страхъ, который и выразился въ этомъ же сообщеніи прусскаго канцлера. „Не денежныя затрудненія, какъ онѣ ни велики", писалъ онъ генералу Круземарку,—„составляютъ главную заботу короля, но политическое наше положеніе, котораго финансовыя затрудненія составляютъ только необходимыя послѣдствія. Все вооружено вокругъ насъ. Съ одной стороны, русскія войска двигаются около нашихъ границъ, а съ другой, — войска Варшавскаго герцогства, хотя и предназначаемыя противъ Россіи, могутъ, однакожь, одинаково быть употреблены и противъ Пруссіи. Саксонскія войска помѣщены на самыхъ нашихъ границахъ и въ два перехода могутъ достигнуть королевской столицы. Одинъ Данцигъ заключаетъ въ своихъ стѣнахъ цѣлую армію. Вмѣсто 10.000 человѣкъ, какъ было условлено договорами, Франція постепенно довела свои гарнизоны въ трехъ крѣпостяхъ на Одерѣ до 23.000, и ихъ содержаніе стоитъ Пруссіи ежемѣсячно огромной суммы въ 250.000 талеровъ. Въ настоящее время, когда я пишу, гарнизонъ въ Штетинѣ доведенъ уже до 26 слишкомъ тысячъ человѣкъ. Представьте себѣ, генералъ, до какой степени долженъ быть встревоженъ король, когда во всѣхъ осаждающихъ, такъ сказать, насъ войскахъ господствуетъ общее мнѣніе, что Пруссія будетъ уничтожена. Питая искреннюю довѣренность къ его императорскому величеству, король, конечно, самъ лично можетъ отклонить отъ себя подозрѣнія, вытекающія изъ этихъ слуховъ, но онъ не можетъ предотвратить того, чтобы мнѣніе, громко выраженное даже самими генералами въ предѣлахъ его государства, не сдѣлалось наконецъ общимъ мнѣніемъ. Что можетъ онъ сдѣлать, когда изъ Парижа не принимаютъ никакихъ мѣръ для того, чтобы смягчить и остановить вліяніе этого мнѣнія, гибельнаго какъ для внутреннихъ дѣлъ Пруссіи, такъ и для внѣшнихъ ея сношеній. Можетъ ли онъ, при той неизвѣстности, въ которой оставляетъ его Франція, безъ всякой помощи, не смотря на неоднократныя предложенія короля и желаніе предоставить въ пользу Франціи всѣ свои средства на условіяхъ, на которыхъ весьма легко прійдти къ соглашенію,— можетъ ли онъ, повторяю, не обращать никакого вниманія на отчаянное положеніе своего народа и не принимать мѣръ для его защиты? Увѣренность въ безопасности, доведенная до крайности, заслуживала бы порицанія, и самъ императоръ, котораго дружбу и уваженіе болѣе всего желаетъ пріобрѣсти король, не одобрилъ бы его,

Дѣйствительно, мы вооружаемся, потому что обстоятельства настоятельно обязываютъ къ тому короля, и потому еще, что гораздо лучше, какъ я и сказалъ Сенъ-Марсану, умереть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ позорно погибнуть. Но мы вооружаемся для Франціи, которая можетъ имѣть въ насъ вѣрнаго союзника, добровольно вступивъ съ нами въ договоръ, если предпочитаетъ она наше свободное содѣйствіе той борьбѣ, которой грозитъ намъ война съ нею, и которая со стороны короля будетъ борьбою отчаянною“ [1]).

Хотя эти наставленія баронъ Гарденбергъ сообщалъ своему посланнику для личнаго свѣдѣнія и соображенія, не уполномочивая его самого начинать рѣчь о переговорахъ, а предоставляя ему только ожидать повода къ тому со стороны французскаго министерства, — но онъ повторилъ ихъ Сенъ-Марсану, онъ зналъ, что послѣдній сообщилъ ихъ своему правительству, и надѣялся, что при содѣйствіи Сенъ-Марсана они будутъ приняты съ большею благосклонностію, нежели прежде. Дѣйствительно, этотъ вопль отчаянія былъ услышанъ; герцогъ Бассано подавалъ надежду барону Круземарку, что Франція готова заключить союзъ съ Пруссіей, что онъ работаетъ уже надъ этимъ дѣломъ, наконецъ, что оно готово и будетъ представлено имъ императору въ Антверпенѣ во время поѣздки его въ Голландію въ сентябрѣ мѣсяцѣ и оттуда прямо будетъ сообщено въ Берлинъ. Сенъ-Марсанъ увѣрялъ Гарденберга, что императоръ Наполеонъ потому только до сихъ поръ отклонялъ предложеніе Пруссіи, что вопросъ объ его отношеніяхъ къ Россіи еще не рѣшенъ, но онъ скоро разрѣшится, и тогда посланникъ самъ сдѣлаетъ предложенія, которыя, безъ сомнѣнія, вполнѣ будутъ для нея удовлетворительны [2]). Отложивъ нашествіе на Россію до лѣта 1812 г., Наполеонъ вынужденъ былъ этимъ обстоятельствомъ измѣнить свою политику въ отношеніи къ Пруссіи, клонившуюся къ совершенному ея уничтоженію, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго европейскаго государства. Онъ долженъ былъ дать ей надежду сохранить свое существованіе, рѣшившись заключить съ нею союзъ, съ тою цѣлію, чтобы не довести ея дѣйствительно до отчаянія, къ которому она уже была такъ близка, и не заставить броситься въ руки Россіи, къ чему былъ склоненъ по личнымъ чувствамъ король, и къ чему стре-

---

[1]) Письмо барона Гарденберга къ генералу Круземарку 30-го августа н. ст. Mémoires d'un homme d'état, III, стр. 315 и 316.

[2]) Депеша Ливена $^{5}/_{17}$-го сентября.

мились хотя немногіе изъ прусскихъ государственныхъ людей. Онъ долженъ былъ предупредить это событіе, которое могло вызвать разрывъ съ Россіей прежде, нежели онъ считалъ возможнымъ начать войну, и побудить даже Россію къ наступательнымъ дѣйствіямъ, которыя онъ также желалъ отклонить. Ему нужно было, съ одной стороны, отвлечь Пруссію отъ союза съ Россіей, съ другой — показать Россіи, что къ войнѣ съ нею можетъ вынудить его только ходъ дѣлъ, независимый отъ его желанія сохранить миръ и союзъ съ нею. Для достиженія первой цѣли онъ выразилъ согласіе заключить союзъ съ Пруссіей, для достиженія второй — счелъ нужнымъ сильно возстать противъ тайныхъ вооруженій Пруссіи въ виду того, чтобы не возбудить подозрѣній русскаго кабинета. Конечно, онъ давно имѣлъ свѣдѣнія объ этихъ вооруженіяхъ, какъ и догадывался прусскій канцлеръ, но предполагая начать войну въ 1811 году, не обращалъ на нихъ вниманія, потому, вопервыхъ, что они не могли быть значительны, а вовторыхъ, потому особенно, что Пруссія не могла ихъ окончить во время. Еслибы война началась въ 1811 г., то всѣ свои приготовленія въ этомъ отношеніи она не успѣла бы довершить, и они не имѣли бы никакого важнаго значенія въ отношеніи военныхъ дѣйствій, а между тѣмъ истощили бы еще болѣе и безъ того уже скудныя средства Пруссіи, что̀ совершенно соотвѣтствовало видамъ Наполеона. Но они получали совершенно иное значеніе въ томъ случаѣ, когда война съ Россіей отлагалась до будущаго года: Пруссія выигрывала время для довершенія своихъ вооруженій и могла значительно увеличить число своихъ войскъ. Въ нихъ не нуждался въ такомъ количествѣ Наполеонъ, располагая уже громадными силами, но онъ опасался ихъ, еслибъ они соединились съ русскими войсками противъ него. Ему не нуженъ былъ ни союзъ съ Пруссіею, ни ея военное содѣйствіе; она и такъ уже находилась въ его распоряженіи, окруженная со всѣхъ сторонъ его войсками, и пошла бы за нимъ по его мановенію; но ему нужно было отклонить возможность ея союза съ Россіей, и потому онъ подалъ ей надежду на союзъ съ Франціей, о которомъ умолялъ его король, и кромѣ того, ему хотѣлось лишить Россію союзника, обладавшаго все-таки значительными силами.

Герцогъ Бассано, вслѣдствіе сообщеній французскаго посланника изъ Берлина, начавъ рѣчь о союзѣ съ Пруссіей съ генераломъ Кружемаркомъ и давая ему надежду на заключеніе этого союза, въ то же время выразилъ мысль, что императоръ Наполеонъ былъ крайне удив-

лент, узнавъ о вооруженіяхъ Пруссіи, вопреки заключенныхъ съ нею договоровъ. То же самое повторилъ и Сенъ-Марсанъ барону Гарденбергу и нѣсколько дней спустя объявилъ ему волю императора Наполеона, что Пруссія должна прекратить всякое увеличеніе условленнаго договорами числа войскъ и всѣ вооруженія въ крѣпостяхъ, потому что такого рода дѣйствія не согласны съ видами Россіи, которая желаетъ поддержать миръ. При свиданіи съ нашимъ посланникомъ въ это время въ Парижѣ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, на его замѣчаніе, что Пруссаки укрѣпляютъ Шпандау и Кольбергъ, собираютъ войска въ Помераніи, отвѣчалъ, что французское правительство съ удивленіемъ узнало о военныхъ приготовленіяхъ Прусскаго короля и предписало Сенъ-Марсану предъявить требованіе, чтобъ они немедленно были пріостановлены.

„Эти вооруженія могутъ угрожать Россіи“, замѣтилъ князь Куракинъ.

„Столько же, какъ и Франціи“, отвѣчалъ герцогъ Бассано,—„но мы ихъ не боимся. Впрочемъ“, прибавилъ онъ,—„Прусскому королю не слѣдовало бы забывать, что только дружбѣ къ нему императора Александра онъ обязанъ, что по Тильзитскому договору возвращены ему и тѣ изъ его владѣній, которыя находятся теперь въ его власти“.

Грубую выходку Наполеонова министра иностранныхъ дѣлъ, выражавшую прямо глубокое презрѣніе къ Пруссіи и косвенно насмѣшку надъ Россіей, понялъ нашъ посланникъ и не оставилъ безъ отвѣта.

„Кому же неизвѣстно“, отвѣтилъ князь Куракинъ, „что Пруссія совершенно находится во власти императора Наполеона, который всегда можетъ немедленно наводнить ее своими войсками. по крайней мѣрѣ западную ея половину, если только по ходу дѣлъ онъ сочтетъ это для себя выгоднымъ. Но если вопросъ о войнѣ будетъ рѣшенъ, то и для насъ важно, чтобы войска наши могли немедленно занять Кенигсбергъ и сѣверную часть Пруссіи, не останавливаясь ни передъ какими обѣщаніями такого безсильнаго двора, какъ Берлинскій, который трепещетъ за свое существованіе и напередъ обѣщаетъ такъ явно подчиниться господству Франціи, потому что еслибы мы положились на нихъ, то первые поплатились бы за это довѣріе впослѣдствіи. Поспѣшивъ предупредить Французовъ, занявъ сѣверную Пруссію, мы достигнемъ по крайней мѣрѣ той цѣли, что перенесемъ

туда поприще войны, бѣдствіямъ которой подверглись бы въ противномъ случаѣ наши области, Литва и Курляндія“ [1]).

Это мнѣніе о политикѣ Пруссіи, выраженное нашимъ посланникомъ герцогу Бассано въ октябрѣ мѣсяцѣ 1811 года, давно входило въ его политическія убѣжденія. Еще въ началѣ этого года, въ то время, когда политика Россіи надѣялась на сочувствіе и даже содѣйствіе Австріи и Пруссіи, кн. Куракинъ писалъ гр. Румянцеву, что они будутъ увлечены вліяніемъ Франціи, если нашъ дворъ не употребитъ особыхъ усилій удержать ихъ въ союзѣ съ собою; въ концѣ же этого года онъ полагалъ уже, что Пруссія совершенно для насъ потеряна [2]).

При двойной политикѣ, которую вела въ это время Пруссія, оба извѣстія изъ Парижа одинаково возбудили тревогу ея канцлера. Взявъ въ свои руки переговоры о союзѣ съ Франціей, онъ разчитывалъ, что Наполеонъ, съ презрѣніемъ относившійся къ Пруссіи, не станетъ договариваться съ нея, какъ равный съ равнымъ, какъ съ самостоятельною державою. Между тѣмъ онъ изъявилъ согласіе на заключеніе союзнаго договора, а въ то же время настоятельно требовалъ прекращенія вооруженій. Сенъ-Марсану предписано было не только заявить объ этомъ прусскому министерству, но и самому королю, и наблюсти на мѣстахъ посредствомъ чиновниковъ своего посольства, чтобъ это требованіе было дѣйствительно исполнено. Хотя король и выразилъ удивленіе и неудовольствіе, что согласіе на союзъ, который онъ самъ предлагалъ Франціи, сопровождается такою угрозой, однакожь исполнилъ требованіе Франціи. При свиданіи съ графомъ Ливеномъ въ это время, баронъ Гарденбергъ выразилъ крайніе безпокойство. „Положеніе короля“, говорилъ онъ ему, — „становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Хотя мы ожидаемъ сообщенія условій союза отъ Франціи, но они еще не получены, и мы желали бы затянуть дѣло; но если эти условія будутъ получены, то насъ могутъ принудить къ немедленному заключенію союза. Въ такомъ случаѣ можете ли вы заявить“, спрашивалъ Гарденбергъ русскаго посланника, — „что при настоящемъ положеніи дѣлъ тѣсный союзъ Пруссіи съ Франціей можетъ быть заключенъ иначе, какъ съ

---

[1]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву 29-го октября (10-го ноября) 1811 года.

[2]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву $\frac{6}{18}$-го февраля 1811 г. и письмо къ нему же полковника Чернышева отъ того же числа изъ Парижа.

враждебными цѣлями противъ Россіи, что поэтому такой союзъ возбудитъ безпокойство Русскаго императора, и онъ сочтетъ его враждебною противъ него мѣрою и признакомъ войны".

„Не можете ли вы найдти другихъ предлоговъ отказать Франціи?" отвѣчалъ графъ Ливенъ;—„я не имѣю полномочій сдѣлать вамъ такое сообщеніе".

„Я предвидѣлъ вашъ отвѣтъ", замѣтилъ ему баронъ Гарденбергъ,— „и потому прошу немедленно отправить нарочнаго въ Петербургъ и просить наставленій на этотъ случай [1]).

Смущеніе прусскаго канцлера подѣйствовало и на нашего посланника; онъ дѣйствительно немедленно сообщилъ нашему кабинету о такомъ положеніи дѣлъ; а въ то же время барону Гарденбергу удалось уговорить короля отправить тайно особаго уполномоченнаго въ Петербургъ войдти въ ближайшія отношенія съ нашимъ правительствомъ. Выборъ палъ на генерала Шарнгорста, который оставилъ Берлинъ подъ видомъ осмотра войскъ и подъ чужимъ именемъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ сентября мѣсяца. Вслѣдствіе переговоровъ съ нашимъ канцлеромъ и военнымъ министромъ была заключена имъ, отъ лица Прусскаго короля, *военная конвенція* съ Россіей, которой сущность состояла въ слѣдующемъ:

Императоръ всей Россіи и король Прусскій при современномъ состояніи Европы, принимая за основаніе своей политики, употребляютъ всѣ мѣры къ тому, чтобъ избѣжать войны съ Франціей, но считаютъ однако же долгомъ озаботиться о безопасности и сохраненіи своихъ государствъ. Съ этою цѣлію ихъ уполномоченные заключили и подписали военный договоръ на слѣдующихъ условіяхъ:

Для избѣжанія разрыва съ Франціей не увеличивать войскъ и не сосредоточивать такъ, чтобъ это могло внушить ей опасенія, а равно не считать поводомъ къ войнѣ частныя столкновенія между офицерами и движенія французскихъ войскъ небольшими отрядами. Но за разрывъ мирныхъ отношеній, за которымъ должна немедленно послѣдовать война, считать: 1-е) всякое враждебное дѣйствіе французскихъ войскъ съ явною цѣлію вторженія въ одну изъ областей Прусскаго или Русскаго государствъ; 2) значительное увеличеніе войскъ Франціи или ея союзниковъ на Эльбѣ и Одерѣ; что касается до увеличенія французскихъ войскъ за Эльбою, то само по себѣ онъ не можетъ счи-

[1]) Депеша графа Ливена графу Румянцеву [11]/23-го сентября, [12]/24-го сентября и 23-го сентября (5-го октября) 1811 г.

таться поводомъ къ началу войны, но лишь поводомъ къ сосредоточенію войскъ; однако же значеніе этого увеличенія войскъ можетъ быть опредѣлено другими современными ему обстоятельствами; чтобы судить о нихъ съ надлежащею точностію, обѣ договаривающіяся стороны должны всѣми способами узнавать о движеніяхъ непріятеля и сообщать свѣдѣнія о нихъ одна другой; 3) вторженіе и занятіе одной изъ областей Пруссіи подъ какимъ бы предлогомъ оно ни послѣдовало (ст. 1—3).

Если послѣдуетъ одно изъ этихъ произшествій, то русскія войска немедленно двинутся на помощь Пруссіи, но не иначе какъ по предъявленіи начальниками прусскихъ войскъ собственноручнаго предписанія короля. Но если обстоятельствами король будетъ поставленъ въ такое положеніе, что ему невозможно будетъ дать такое предписаніе, то въ такомъ случаѣ и для ускоренія дѣйствій постановлено, чтобы генералъ-маіоръ Іоркъ, командующій войсками въ Пруссіи, вошелъ въ сношеніе съ графомъ Витгенштейномъ, подъ начальствомъ котораго находится правое крыло русскихъ войскъ, и извѣщалъ обо всемъ, что происходитъ на Вислѣ и Одерѣ, а равно въ Данцигѣ и герцогствѣ Варшавскомъ. Получивъ извѣщеніе отъ генерала Іорка объ одномъ изъ такихъ обстоятельствъ, которое условлено считать за поводъ къ открытію военныхъ дѣйствій, графъ Витгенштейнъ немедленно двинетъ свои войска въ предѣлы Пруссіи для соединенія съ прусскими войсками и извѣститъ другія части русскихъ войскъ о своемъ движеніи, сообразно съ которымъ и они приблизятся къ границамъ. Эти соединенныя войска предназначаются для дѣйствій противъ непріятельскихъ силъ на Вислѣ и въ герцогствѣ Варшавскомъ. Но сверхъ того, Русскій императоръ придвинетъ корпусъ войскъ къ границамъ близъ Таурогена, въ виду того, что непріятель, по всѣмъ вѣроятіямъ, сдѣлаетъ покушеніе на Кенигсбергъ, чтобъ овладѣть приготовленными тамъ военными средствами. Онъ можетъ употребить съ этою цѣлію многочисленные гарнизоны Торна и Данцига. Корпусъ русскихъ войскъ, черезъ пять дней по полученіи приказанія, перейдетъ границу между Таурогеномъ и Тильзитомъ, и соединясь съ прусскими войсками, будетъ прикрывать Кенигсбергъ. Если главнокомандующимъ прусскими войсками будетъ назначенъ принцъ крови, то Русскій императоръ сообразно съ этимъ назначитъ для начальства своими войсками старѣйшаго изъ генераловъ. Въ противномъ случаѣ всѣми соединенными войсками начальствовать будетъ графъ Витгенштейнъ, и въ его распоряженіи

будутъ находиться прусскія войска, подъ начальствомъ генерала Іорка. Но во всякомъ случаѣ, въ продолженіе войны, командующій этимъ корпусомъ будетъ находиться подъ главнымъ начальствомъ главнокомандующаго всѣми русскими арміями. Сверхъ того, Русскій императоръ наряднтъ вооруженную флотилію, которая была бы достаточна для того, чтобъ обезпечить плаваніе между Мемелемъ, Пиллау и Кольбергомъ и господствовала бы надъ Фришгафомъ, и которая начала бы свои дѣйствія немедленно по открытіи войны. Прусскій же король, съ своей стороны, обязывался по возможности укрѣпить дороги, отъ Торна и Данцига къ Кенигсбергу и переходы черезъ рѣки, какъ Пасаргу и Фришингъ, чтобы замедлить движеніе Французовъ и тѣмъ дать возможность сосредоточиться и приблизиться къ русскимъ войскамъ; равно привесть Кенигсбергъ въ такое положеніе, чтобъ онъ былъ въ безопасности отъ печальнаго нападенія и могъ обороняться хотя бы нѣкоторое время. Наконецъ, въ продолженіе времени отъ заключенія конвенціи до открытія военныхъ дѣйствій, обѣ договаривающіяся державы обязывались, по мѣрѣ увеличенія военныхъ приготовленій, увеличивать и свои средства для обороны (ст. 4—11).

Касательно военныхъ дѣйствій, въ конвенціи было постановлено, что хотя вообще способъ веденія войны и общій планъ военныхъ дѣйствій условлены заранѣе договаривающимися державами, тѣмъ не менѣе нельзя опредѣлить каждое движеніе въ частности, не зная намѣреній непріятеля, котораго нападенія рѣшено ожидать. Но соображаясь съ настоящимъ положеніемъ и силою войскъ, какъ Русскій императоръ, такъ и Прусскій король, обязуются, лишь только начнется война, принять всѣ мѣры къ тому, чтобъ отклонить возможность частныхъ неудачъ и препятствовать непріятелю быстро подвигаться впередъ. Съ этою цѣлію необходимо по возможности противопоставить большія силы, сравнительно съ непріятельскими, и какъ можно далѣе впередъ отодвинуть операціонную линію. Общій же планъ военныхъ дѣйствій состоялъ въ томъ, что русскія войска, лишь только война сдѣлается неизбѣжною, съ возможною быстротою двинутся къ Вислѣ, чтобы предупредить тамъ непріятеля и сосредоточить значительныя силы. „Такъ какъ это можетъ считаться“, сказано въ конвенціи. — „самымъ счастливымъ послѣдствіемъ первоначальныхъ военныхъ дѣйствій при настоящемъ положеніи дѣлъ, то по этой причинѣ безполезно и даже опасно льстить себя напередъ надеждою, что можно достигнуть еще большихъ успѣховъ смѣлыми дѣйствіями, но само

собою разумѣется, что при неуклонномъ слѣдованіи принятой системѣ войны, военныя дѣйствія противъ непріятеля будутъ развиваться далѣе, по мѣрѣ того, какъ будутъ способствовать обстоятельства, которыхъ предвидѣть невозможно". Дѣйствующія войска должны были состоять изъ 17 полныхъ дивизій русскихъ и 80 тысячъ Пруссаковъ; но прусскія войска частью были разбросаны по королевству незначительными отрядами, частію же не были еще окончательно сформированы. Поэтому условлено было, чтобъ они по возможности были сосредоточены и поставлены подъ защиту крѣпостей или укрѣпленныхъ лагерей.

Относительно частныхъ движеній войскъ было постановлено, что лишь только начнется война, русскій корпусъ войскъ изъ 18 баталіоновъ, 8 эскадроновъ и 2 казачьихъ полковъ перейдетъ границу и двинется или на Прегель, или къ Кенигсбергу, смотря по обстоятельствамъ, и соединясь съ прусскими войсками, будетъ дѣйствовать, прикрывая Кенигсбергъ. Въ то же время другіе пять дивизій русскихъ войскъ, ближайшія къ границамъ, двинутся въ герцогство Варшавское. Если непріятель отдѣлитъ часть своихъ войскъ, находящихся въ герцогствѣ, къ Кенигсбергу, то русскія войска будутъ превышать числомъ непріятеля. Если же, что̀ впрочемъ невѣроятно, они не обратятся къ Кенигсбергу, и подвижные корпуса Данцигскаго гарнизона двинутся въ Варшавское герцогство, то соединенныя русскія и прусскія войска, оставивъ часть силъ, чтобы наблюдать за дѣйствіями остальнаго Данцигскаго гарнизона, который можетъ угрожать Кенигсбергу, приблизятся къ лѣвому крылу русскихъ войскъ и будутъ дѣйствовать совокупно съ ними. Въ продолженіе этого времени прусскія войска будутъ дѣйствовать такъ: бригады Іорка и Стутергейма должны прикрывать дороги къ Данцигу и Торну, такъ чтобъ одна могла помогать другой, и задерживая движеніе непріятеля, способствовать соединенію съ ними русскаго вспомогательнаго корпуса. Войска Прусскаго короля, находящіяся въ Маркахъ, должны сосредоточиться въ крѣпостяхъ Грауденцѣ или Колбергѣ, и только въ случаѣ невозможности исполнить это движеніе, идти въ Силезію. Остальныя же, раздробленныя на мелкія части и разбросанныя по государству, смотря по обстоятельствамъ, должны двигаться къ Вислѣ и соединиться съ главною арміей или сосредоточиться у Кольберга и дѣйствовать противъ лѣваго крыла непріятеля, затрудняя ему движеніе къ Вислѣ, или наконецъ, въ случаѣ крайности, всѣ эти войска должны войдти въ Силезію. И въ этихъ об-

стоятельствахъ они могутъ оказать пользу, послуживъ основаніемъ для образованія особой силезской арміи, что̀ представляется возможнымъ, если принять въ соображеніе значительное населеніе этой области, ея средства и настроеніе жителей. Цѣль этой арміи должна состоять въ томъ, чтобы, войдя въ сообщеніе съ правымъ крыломъ русскихъ войскъ, дѣйствовать противъ непріятельскаго праваго крыла. По этой конвенціи Прусскій король обязывался оставаться въ Берлинѣ до тѣхъ только поръ, пока могъ считать это пребываніе безопаснымъ для себя и своего семейства. Но по мѣрѣ приближенія къ столицѣ французскихъ войскъ онъ долженъ былъ немедленно оставить ее, что̀ будетъ согласно съ его же собственнымъ заявленіемъ французскому правительству (ст. 12—20 [1]).

Въ то время, какъ уполномоченный Прусскаго короля заключалъ эту конвенцію съ нашимъ кабинетомъ, канцлеръ получилъ депеши графа Ливена, который извѣщалъ о требованіи Наполеона, чтобы Пруссія прекратила вооруженія и въ то же время открыла бы переговоры съ нимъ о заключеніи союза, и что Берлинскій дворъ находится въ неизвѣстности на счетъ принятыхъ Россіей рѣшеній въ отношеніи мира или войны съ Франціей. Отвѣчая на эти сообщенія, графъ Румянцевъ передавалъ замѣчанія самого императора, выраженныя имъ при чтеніи депешъ графа Ливена. „Еще въ то время", писалъ онъ,— „когда императоръ узналъ, что король сдѣлалъ распоряженія объ увеличеніи укрѣпленій Шпандау, онъ мнѣ сказалъ, что считаетъ эту мѣру, которая не можетъ принести большой пользы, опасною въ томъ отношеніи, что она можетъ обратить на себя вниманіе императора Наполеона на тайныя вооруженія Пруссіи, произведенныя ею съ такимъ успѣхомъ. Его величество предсказывалъ мнѣ, что эти работы начаты понапрасну, что ихъ не успѣютъ окончить, прежде чѣмъ Франція потребуетъ ихъ уничтоженія, и придравшись къ тому, потребуетъ еще новыхъ жертвъ со стороны Пруссіи". Сообщая графу Ливену, что, по мнѣнію императора Александра, Пруссія должна уступить требованіямъ Франціи въ отношеніи къ вооруженіямъ, дѣйствительно, несогласнымъ съ договорами, Румянцевъ въ то же время писалъ, что извѣстіе о предложенномъ, будто бы, Франціей союзѣ съ Пруссіей „произвело тяжелое впечатлѣніе на Русскаго импера-

[1]) Convention signée à Petersbourg le 5/17 Octobre 1811. Она подписана со стороны Россіи графомъ Румянцевымъ и Барклаемъ де-Толли, со стороны Пруссіи—генераломъ Шарнгорстомъ.

тора. Франція, оставаясь вѣрною своему образу дѣйствій, не остановится передъ тѣмъ, чтобы принесть новую коронованную жертву. Она не только не будетъ удовлетворена этою полною покорностью ея волѣ, но подъ видомъ и предлогомъ союза окончательно уничтожитъ Прусскую монархію. Поставивъ ее, въ силу этого договора, въ полную свою зависимость, она раздробитъ и совершенно уничтожитъ ея военныя силы и тогда поступитъ съ Прусскимъ королемъ также, какъ поступила съ Гессенскимъ курфирстомъ. „Не могу скрыть отъ васъ, графъ", писалъ русскій канцлеръ, — „что императоръ, разсуждая объ этомъ предметѣ и увлекаясь чувствами искренней дружбы къ королю, выразилъ опасеніе, что такой союзный договоръ, во всякомъ случаѣ невыгодный для Пруссіи, не отдалилъ бы отъ него сердца его подданныхъ. Они не могутъ не замѣтить, что его воля направлена къ тому, чтобы заглушить въ нихъ благородное и горячее желаніе видѣть независимымъ свое отечество; а безъ этого желанія населеніе не можетъ составить народа (sans laquelle tout peuple cesse de former une nation)".

Но всѣ эти соображенія канцлеръ сообщалъ для личнаго назиданія нашего посланника, поручая ему самому рѣшить вопросъ: можно ли сообщить или не сообщить ихъ барону Гарденбергу? Если же онъ сочтетъ нужнымъ сообщить, то во всякомъ случаѣ, ему поручалось не выражать ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго неудовольствія съ нашей стороны. „Неудовольствія и не существуетъ", писалъ онъ,— „его величество любитъ короля и желаетъ ему счастія, котораго онъ достоинъ по своимъ добродѣтелямъ".

Такимъ образомъ, въ русской политикѣ того времени можно замѣтить какъ бы два теченія. Одно вытекало изъ увѣренности, что императоръ Наполеонъ рѣшился воевать съ Россіей, и вызывая ее на мирные переговоры, только желалъ выиграть время и стремился къ тому, чтобы, не дѣйствуя наступательно, воспользоваться этимъ временемъ и подготовить какъ всѣ средства для обороны, такъ и союзниковъ. Другое выходило изъ предположенія, что, дѣлая военныя приготовленія, императоръ Наполеонъ не думаетъ начать войну съ Россіей, не выгодную для него самого, но хочетъ попугать ее войной, и такимъ образомъ, припудить къ уступкамъ въ мирныхъ переговорахъ. Императоръ Александръ былъ представителемъ перваго направленія, а его канцлеръ — втораго. Усиленное исканіе союза съ Пруссіей, котораго желалъ прусскій канцлеръ, не входило въ виды графа Румянцева въ это время, чтобы не возбудить негодованія На-

полеона и не дать ему новаго повода обвинить Россію въ желаніи вызвать его на войну. Но въ этомъ случаѣ уклончивый и нерѣшительный характеръ того отношенія, которое Румянцевъ отправилъ къ графу Ливену, кажется, можетъ быть объясненъ иными причинами. Румянцевъ говоритъ, что въ этомъ документѣ нашъ посланникъ „найдетъ, нѣкоторымъ образомъ, тѣ *наставленія*, которыхъ по обстоятельствамъ еще невозможно ему дать", — вѣроятно, потому, что переговоры съ Шарнгорстомъ только что были начаты, и конвенція не была еще заключена. Но въ томъ же отношеніи, представляя на личное соображеніе графа Ливена сообщаемыя имъ свѣдѣнія, Румянцевъ, однакоже, положительно поручаетъ ему выразить барону Гарденбергу „удивленіе, что онъ говоритъ, будто бы, въ Берлинѣ недостаточно извѣстны намѣренія Россіи". Поэтому Румянцевъ поручаетъ Ливену „выразить и увѣрить Гарденберга, что, вопервыхъ, Россія не желаетъ войны, но что она приготовила всѣ средства для того, чтобы вести ее и не опасаться, что она начнется; вслѣдствіе этого она употребитъ всевозможныя старанія, чтобъ избѣгнуть войны какъ по государственнымъ соображеніямъ, такъ и по человѣколюбію; вовторыхъ, что она рѣшилась всякое вторженіе Французовъ въ Пруссію считать объявленіемъ ей войны, и тогда она немедленно возьмется за оружіе" [1]).

Пока продолжались переговоры съ генераломъ Шарнгорстомъ о подробностяхъ военныхъ дѣйствій въ союзѣ съ Пруссіей, императоръ, зная по депешамъ Ливена, что Франція завязала переговоры съ Пруссіей о союзѣ съ нею, и опасаясь, что это слабое государство способно поддаться насилію, отправилъ къ нему проектъ союзнаго договора съ Россіей слѣдующаго содержанія:

„Е. в. императоръ Русскій и е. в. король Прусскій, одушевляемые одинаковымъ желаніемъ сохранить миръ въ Европѣ, постоянно доказывали при каждомъ случаѣ это желаніе со временъ Тильзитскаго мира. Не смотря на то, намѣренія императора Наполеона въ этомъ отношеніи все болѣе и болѣе представляются сомнительными:

„1) вслѣдствіе несоблюденія многихъ условій Тильзитскаго договора, немедленно послѣ его заключенія и въ настоящее время вслѣдствіе удержанія въ своей власти крѣпости Глогау, не смотря на то, что Прусскій король уплатилъ условленную часть контрибуціи;

---

[1]) Нота графа Румянцева графу Ливену 24-го сентября 1811 г. изъ Петербурга.

„2) чрезъ занятіе и присоединеніе къ Франціи герцогства Ольденбургскаго въ нарушеніи прямаго смысла XII-й статьи Тильзитскаго договора;

„3) чрезъ усиленіе гарнизоновъ въ прусскихъ крѣпостяхъ противъ числа, условленнаго договорами, и

„4) чрезъ постоянное увеличеніе вооруженій и количества французскихъ войскъ на сѣверѣ Германіи, въ Варшавскомъ герцогствѣ и чрезъ приведеніе въ военное положеніе войскъ Саксоніи и Вестфальскаго королевства.

„Эти дѣйствія достаточно убѣждаютъ высокія договаривающіяся стороны въ томъ, что намѣренія Французскаго императора враждебны имъ обѣимъ. Поэтому е. в. Русскій императоръ и е. в. король Прусскій, въ видахъ благоразумной предупредительности, сочли долгомъ заключить договоръ, который, доказывая ихъ народамъ и всему міру ихъ искреннія желанія избѣгнуть бѣдствій войны, имѣлъ бы цѣлью только оградить себя въ случаѣ нападенія непріятеля на одно изъ договаривающихся государствъ. Вслѣдствіе сего обѣ договаривающіяся высокія стороны торжественно объявляютъ:

„1) что не имѣютъ иной цѣли, кромѣ поддержанія мира въ Европѣ; никакіе честолюбивые виды объ увеличеніи своихъ владѣній не входятъ въ ихъ соображенія, равно какъ и всякія другія, которыя могли бы нарушить общее спокойствіе;

„2) если, не смотря на всѣ ихъ старанія достигнуть этой цѣли, на одну изъ договаривающихся сторонъ или на обѣ вмѣстѣ будетъ учинено нападеніе императоромъ Наполеономъ или государствами Рейнскаго союза, или войсками Варшавскаго герцогства, то Русскій императоръ и король Прусскій торжественно обѣщаютъ помогать другъ другу всѣми своими силами и употреблять всѣ усилія къ успѣшному окончанію этой рѣшительной для судьбы всей Европы войны;

„3) всякое вторженіе въ границы того или другаго государства и всякое движеніе войскъ французскихъ или Рейнскаго союза въ значительномъ числѣ черезъ Пруссію въ герцогство Варшавское, будетъ принято за объявленіе войны;

„4) начавъ войну, высокія договаривающіяся стороны обязуются не прекращать ея иначе, какъ по обоюдному согласію;

„5) всякое предложеніе императора Наполеона, клонящееся къ тому, чтобъ обезсилить основаніе этого договора или ему воспрепятствовать, будетъ отвергнуто, и ни одна изъ договаривающихся сто-

ронъ не скроетъ отъ другой сдѣланныхъ ей предложеній съ цѣлью отторгнуть ее отъ этого союза“ [1]).

Въ то время, какъ нашъ посланникъ получилъ этотъ проектъ договора, Берлинскій кабинетъ снова находился въ тревогѣ. Императоръ Наполеонъ повторилъ свое требованіе о прекращеніи вооруженій не только съ большею настойчивостью, но и съ оскорбительнымъ для Пруссіи условіемъ. Оказывая явное недовѣріе къ ея правительству, онъ требовалъ, чтобъ одному изъ чиновниковъ французскаго посольства въ Берлинѣ предоставлено было освидѣтельствовать на мѣстахъ, дѣйствительно ли прекращены работы въ крѣпостяхъ и сборъ распущенныхъ солдатъ. Баронъ Гарденбергъ съ негодованіемъ сообщилъ объ этомъ условіи графу Ливену и увѣрялъ, что прусское правительство никогда на это не согласится. Между тѣмъ на другой же день нашъ посланникъ узналъ, что секретарь французскаго посольства Лефевръ уже отправился изъ Берлина для исполненія этого порученія. Прусскій канцлеръ возлагалъ вину въ этомъ случаѣ на графа Гольца, но конечно, онъ такъ поступилъ не иначе, какъ съ согласія самого короля. Еще до прибытія генерала Шарнгорста изъ Петербурга, Сенъ-Марсанъ уже получилъ наставленія отъ Тюльерійскаго кабинета и вступилъ въ переговоры о союзѣ съ барономъ Гарденбергомъ. Но едва открылись эти переговоры, какъ генералъ Шарнгорстъ привезъ заключенную имъ конвенцію, а вслѣдъ затѣмъ, и графъ Ливенъ передалъ прусскому канцлеру проектъ союзнаго договора съ Россіей. Баронъ Гарденбергъ обрадовался, получивъ эти документы, какъ увѣдомлялъ нашъ посланникъ графа Румянцева, и увѣрялъ даже потомъ, что и король изъявлялъ свое удовольствіе по этому поводу. Дѣйствительно, опираясь на эти документы, прусскій канцлеръ составилъ подробную записку о политическомъ положеніи Пруссіи и представилъ ее королю. Въ этой запискѣ, чтобъ опредѣлить съ какою изъ державъ, съ Франціей или Россіей, слѣдуетъ Пруссіи вступить въ союзъ, баронъ Гарденбергъ отвѣчаетъ напередъ на слѣдующіе вопросы: 1) полезенъ-ли вообще союзъ Пруссіи съ Франціей, 2) предлагаемыя Франціей условія союза способны ли утвердить его, или сами въ себѣ уже заключаютъ его разрушеніе, 3) обладаетъ ли король еще свободою выбора, съ какою изъ державъ заключить союзъ, съ Россіей или Франціей, и, наконецъ, 4) какія, при настоящихъ обстоятельствахъ,

---

[1]) Черновой проектъ этого договора писанъ рукою самого императора Александра.

могутъ произойдти послѣдствія союза съ тою или другою державою?

Отвѣчая на первый вопросъ, Гарденбергъ говоритъ: „Огромныя силы Наполеона, его стремленіе къ владычеству надъ всею Европою, доказанное многочисленными опытами, коварство, съ которымъ Франція не исполняетъ своихъ обѣщаній и даже нарушаетъ договоры, лишь только найдетъ ихъ условія почему-либо для себя неудобными, явное стремленіе захватить подъ свою власть всѣ морскіе берега, чтобъ англійской морской силѣ противопоставить еще большую и взять въ свои руки торговлю всѣхъ европейскихъ государствъ, географическое положеніе Пруссіи, отъ котораго зависитъ, что всѣ эти обстоятельства наибольшею тягостью упадутъ на нее, различіе характеровъ короля и Наполеона, между которыми невозможно ни взаимное довѣріе, ни полное согласіе въ видахъ, память о нанесенныхъ бѣдствіяхъ и униженіяхъ, ненависть къ Франціи лучшей части народа и войскъ,— всѣ эти обстоятельства въ совокупности достаточны для того, чтобъ отклонить мысль о союзѣ съ Франціей". Притомъ этотъ союзъ не возможенъ; въ отношеніи къ Пруссіи онъ превратился бы въ полное ея подчиненіе Франціи. „Говорятъ", продолжаетъ Гарденбергъ, — „прежде всего надо думать о томъ, чтобы спасти свое существованіе, предоставивъ все другое будущимъ лучшимъ временамъ. Но я спрашиваю: можно ли дѣйствительно достигнуть этой цѣли посредствомъ союза съ Франціей? Судьба Этруріи, Испаніи, Португаліи, Голландіи и еще прежде Сардиніи показываетъ, чего могутъ ожидать отъ Наполеона его союзники". Особенное положеніе Пруссіи еще съ большею вѣроятностію заставляетъ опасаться такихъ же послѣдствій. Если Наполеонъ не разрушаетъ Рейнскаго союза, то потому только, что послѣдній вполнѣ подчиненъ его власти и потому, можетъ быть, что не считаетъ разрушеніе его своевременнымъ въ виду своей цѣли. Не остановился же онъ присоединить къ Франціи владѣнія герцога Ольденбургскаго, также члена Рейнскаго союза?

Переходя ко второму вопросу, баронъ Гарденбергъ разсматриваетъ предлагаемыя Франціей условія союзнаго договора и находитъ, что онѣ клонятся къ тому, чтобы вполнѣ подчинить Пруссію французской власти. Дѣйствительно, такова и была цѣль этого договора. Условія союза, которыя Прусскій король сообщилъ своему посланнику въ Парижѣ въ маѣ (²/₁₄-го 1811 г.) мѣсяцѣ, были отклонены французскимъ правительствомъ. Въ это время императоръ Французовъ считалъ себя всесильнымъ, и ему не приходило и въ голову, при той ненависти,

которую онъ питалъ къ Пруссіи, входить въ договоры съ ея королемъ, какъ равному съ равнымъ. Онъ требовалъ, чтобы Пруссія или вступила въ составъ Рейнскаго союза, и слѣдовательно, вполнѣ подчинилась бы его волѣ, или заключила бы съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ, безъ опредѣленія срока и на всѣ возможныя случайности. Требуя участія и содѣйствія Пруссіи въ своихъ завоевательныхъ подвигахъ, Наполеонъ не облегчалъ ея затруднительнаго положенія, но усиливалъ его еще болѣе. Онъ не убавилъ контрибуцій и настоятельно требовалъ ихъ уплаты, не возвращалъ крѣпостей, которыя послѣ уплаченной уже части контрибуціи долженъ былъ возвратить, не дозволялъ увеличивать свыше 42.000 число войскъ и не обѣщалъ никакихъ вознагражденій за содѣйствіе Пруссіи въ его войнахъ. Только два условія имѣли видъ уступки въ пользу Пруссіи: нейтрализація Силезіи, гдѣ могло бы на случай войны найдти убѣжище прусское королевское семейство и развалины государственнаго управленія Пруссіи, и обезпеченіе обладаніемъ тѣми областями, которыя оставались еще подъ властію Гогенцоллерновъ. Но первое условіе требовало напередъ согласія другой изъ воюющихъ сторонъ, то-есть, Россіи; второе, укрѣпляло на непредвидѣнное время обрѣзанную завоеваніями Наполеона незначительную область королевства. Пруссія въ томъ видѣ, какъ оставилъ ее Фридрихъ Великій, постоянно считала свою область недостаточною и стремилась къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Колебаніе ея политики во время войнъ Наполеона основывалось на томъ, что она желала, за свое содѣйствіе той или другой сторонѣ, пріобрѣсти Ганноверъ. Но послѣ несчастныхъ войнъ съ Французами, вмѣсто увеличенія своей области утративъ половину прежнихъ своихъ владѣній, могла ли она примириться съ такимъ положеніемъ? Естественно, что баронъ Гарденбергъ не могъ совѣтовать заключить союзъ съ Франціей на такихъ условіяхъ потому, что неминуемымъ послѣдствіемъ такого союза было бы „полное подчиненіе Франціи, которое угрожало опасностью для Пруссіи и даже совершеннымъ ея уничтоженіемъ“.

Но сверхъ того, переходя къ разрѣшенію третьяго вопроса, Гарденбергъ доказываетъ, что король, вслѣдствіе добровольно данныхъ имъ Русскому императору обѣщаній, утратилъ уже свободу выбора въ томъ, съ кѣмъ — съ Франціей ли, или съ Россіей заключить ему союзъ. „До $^{4}/_{16}$-го іюля этого года“, говоритъ онъ, — „то-есть, до возвращенія князя Гацфельда изъ Парижа, руки короля не были связаны, и онъ могъ свободно дѣйствовать въ этомъ случаѣ. Но, когда на пред-

ложеніе короля заключить союзъ, князь Гацфельдъ не привезъ прямаго отвѣта, и слѣдствіемъ его посольства оказались пустыя увѣренія, а между тѣмъ наше положеніе съ каждымъ днемъ становилось опаснѣе, тогда король, тщательно вникнувъ въ положеніе дѣлъ и взвѣсивъ всѣ представленныя ему вѣрными его слугами доводы за и противъ этого союза, *самъ*, совершенно самостоятельно (höchselbst)—(я долженъ указать на это обстоятельство съ откровенностію, какъ я привыкъ поступать) рѣшилъ, въ случаѣ войны *вступить въ союзъ съ Россіей*. Съ этого времени всѣ дѣйствія были направлены къ этой цѣли: съ усиленною дѣятельностью производились вооруженія, генералъ Шарнгорстъ посланъ былъ въ Петербургъ заключить военный договоръ на такихъ условіяхъ, чтобы король могъ расчитывать на сильную помощь со стороны Россіи. Король снабдилъ наставленіями генерала на этотъ случай и въ собственноручномъ письмѣ къ императору Александру (4/16-го іюля) положительно заявилъ о своемъ рѣшеніи. Онъ совѣтовалъ только, по возможности, поддерживать миръ, окончить войну съ Турками, не отдавать Пруссію на жертву огромныхъ силъ Наполеона и оказать ей сильную помощь, ссылаясь въ этомъ на тѣ предложенія, которыя будутъ представлены Шарнгорстомъ. Если эти совѣты и не вполнѣ были приняты, и даже существенныя подробности отклонены, если долго пришлось ожидать извѣстій о всѣхъ частныхъ условіяхъ военнаго договора, то во всякомъ случаѣ императоръ Александръ не оставилъ короля въ неизвѣстности въ отношеніи къ главному вопросу. Донесенія Шёлера свидѣтельствуютъ, съ какою радостію императоръ узналъ о рѣшеніи короля; съ генераломъ Шарнгорстомъ были открыты переговоры, и самъ императоръ, въ письмѣ къ королю отъ 27-го сентября, изъявилъ готовность вступить въ союзъ съ Пруссіей. Императоръ писалъ: договоръ скоро будетъ подписанъ; но и до этого времени король можетъ быть увѣренъ, что всякое враждебное дѣйствіе противъ Пруссіи Россія пріметъ какъ объявленіе войны ей самой, и если откроется война, то безъ взаимнаго согласія она не заключитъ мира. Письмо императора имѣетъ такую же обязательную силу, какъ и самый договоръ. Все, чего ни требовалъ король, было немедленно исполнено: графъ Ливенъ дѣйствовалъ согласно съ его желаніемъ и предъявилъ проектъ союзнаго договора, который онъ былъ уполномоченъ подписать. Наконецъ, Шёлеръ увѣдомилъ, 18-го октября, объ отъѣздѣ Шарнгорста, и что онъ заключилъ договоръ, согласный съ желаніями короля. Императоръ да-

валъ обѣщаніе по первому требованію короля двинуться со всѣми своими войсками".

Въ заключеніе приведенныхъ соображеній баронъ Гарденбергъ говоритъ: „Король утратилъ уже право выбора между Россіей и Франціей: оставаясь вѣрнымъ данному слову, онъ долженъ заключить союзъ съ Россіей. Еслибъ императоръ Александръ отказалъ въ помощи королю и объявилъ бы, что намѣренъ вести только оборонительную войну, какъ это казалось прежде, то король могъ бы считать себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ. Но когда императоръ обѣщаетъ Пруссіи помощь всѣми своими силами, то нельзя уже найдти повода отказаться отъ данныхъ ему обѣщаній".

Отвѣчая затѣмъ на послѣдній вопросъ, Гарденбергъ говоритъ, что послѣдствія союза, какъ съ тою, такъ и другою державой будутъ тяжелы для Пруссіи, вслѣдствіе ея географическаго положенія, но не въ равной мѣрѣ. При союзѣ съ Россіей Пруссіи прійдется встрѣтить первый напоръ огромныхъ силъ Наполеона, и большая часть ея областей сдѣлаются первымъ поприщемъ военныхъ дѣйствій. Если Россія будетъ побѣждена, то Пруссіи грозитъ совершенное уничтоженіе. Но не та же ли опасность грозитъ ей и при союзѣ съ Франціей, но только въ иномъ видѣ? Въ случаѣ побѣды Наполеона Пруссія окажется въ полной отъ него зависимости. „Его двусмысленныя отношенія къ ней, доказанныя многими опытами и обличаемыя теперь предложенными имъ условіями союза, приводятъ къ тому заключенію, что ни одной древней династіи онъ не оставитъ на извѣстной степени могущества. Или Пруссія должна будетъ вполнѣ ему подчиниться, или онъ ее уничтожитъ. Заключая союзъ съ Россіей, Пруссія, конечно, должна встрѣтить первый напоръ войны; но она будетъ имѣть надежду на помощь союзниковъ — Россіи и Англіи, а можетъ быть и нѣкоторыхъ другихъ. Положеніе дѣлъ совсѣмъ не такъ дурно, какъ было въ 1806 г. передъ Іеной и Ауерштетомъ. Въ продолженіе войны Пруссія будетъ получать пособія деньгами, оружіемъ и другими военными принадлежностями. Свободная торговля въ тѣхъ областяхъ, которыя не будутъ заняты непріятелемъ, также доставитъ выгоды. Я сознаюсь, что успѣхъ сопряженъ съ великими трудностями, но достигнуть его возможно. Стоитъ хорошо воспользоваться одною побѣдой, и все измѣнится; Наполеону прійдется бороться съ гораздо большими затрудненіями, нежели въ 1806 и 1807 годахъ. Если жь успѣхъ увѣнчаетъ дѣло, тогда Пруссія пріобрѣтетъ

существенныя выгоды: возвратить утраченную ею самостоятельность, и можетъ быть, потерянныя области".

Въ заключеніе изложенныхъ соображеній баронъ Гарденбергъ совѣтовалъ королю, не упуская времени, тайно заключить союзъ съ Россіей и точно также тайно начать переговоры съ Англіей о вспоможеніяхъ на тотъ случай, когда начнется война; не прерывая приготовленій къ войнѣ, въ то же время стараться отклонить все, что могло бы нарушить миръ и продолжать и затягивать переговоры съ французскимъ посланникомъ; но въ то же время рѣшиться оставить Берлинъ, гдѣ какъ самъ король, такъ и его семейство, подвергались опасности попасться въ плѣнъ Наполеону.

Эту записку [1]) баронъ Гарденбергъ подалъ королю въ то время, какъ, по его же словамъ, *съ часу* на *часъ* ожидали возвращенія изъ Петербурга генерала Шарнгорста. Не долго спустя, послѣдній дѣйствительно пріѣхалъ въ Берлинъ и привезъ военную конвенцію, заключенную имъ согласно съ наставленіями, полученными отъ короля, и подписанную имъ со стороны Пруссіи, а графомъ Румянцевымъ и военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толли, съ одобренія императора, со стороны Россіи. Эта конвенція должна была подкрѣпить записку барона Гарденберга, вывести короля изъ колеблящагося положенія и вынудить къ окончательному рѣшенію. Между тѣмъ прусскій канцлеръ, продолжая переговоры о союзѣ съ французскимъ посланникомъ, избѣгалъ свиданія съ графомъ Ливеномъ, черезъ третьихъ лицъ сообщалъ ему короткія извѣстія о переговорахъ и ничего не отвѣчалъ на предложенія Россіи. Прождавъ 15 дней послѣ открытія этихъ переговоровъ, въ то время, когда баронъ Гарденбергъ уже представилъ свою записку королю, и генералъ Шарнгорстъ возвратился въ Берлинъ, графъ Ливенъ, чтобы выйдти изъ неизвѣстности о ходѣ дѣлъ, рѣшился написать письмо къ прусскому канцлеру и выразить удивленіе, что такъ долго не отвѣчаютъ на предложенія нашего кабинета. „Нашъ кабинетъ", писалъ онъ ему, — со всею поспѣшностію сообщилъ мнѣ всѣ наставленія, которыхъ желалъ самъ король. Я извѣстилъ нашъ кабинетъ, что французскія предложенія о союзѣ получены въ Берлинѣ, и съ тѣхъ поръ прошло 15 дней, а я нахожусь въ совершенной неизвѣстности о томъ, какъ приняты королемъ послѣднія сообщенія

[1]) Denkschrift über der Nothwendigkeit und über die Gefahren eines offentiv- und Defensivbündniss mit Napoleon. 2-го ноября (21-го октября) 1811 г. Leben v. Fürst. Hardenberg v. *Klose*. Halle, 1851, стр. 334–349.

нашего кабинета, которыхъ онъ самъ такъ желалъ. Императоръ, полагаясь на увѣренія е. в. короля въ его дружбѣ къ нему и въ твердой рѣшимости не входить ни въ какіе договоры съ Франціей, конечно, можетъ быть совершенно спокоенъ въ этомъ случаѣ, потому что выгоды Пруссіи совершенно тождественны съ выгодами Россіи въ настоящее время. Но моему государю любопытно знать, въ какой степени предложенія Франціи согласны съ ея настоящими отношеніями къ Россіи. Безъ сомнѣнія, онъ не повѣритъ, чтобы король, его другъ, могъ оставить его въ невѣденіи о такомъ важномъ дѣлѣ, и можетъ приписать это преступной небрежности съ моей стороны". Желая избавиться отъ подобнаго подозрѣнія, Ливенъ просилъ барона Гарденберга почтить его немедленнымъ отвѣтомъ [1]).

Баронъ Гарденбергъ немедленно отвѣчалъ нашему посланнику, но такимъ неопредѣленнымъ письмомъ, которое вовсе не было отвѣтомъ на его вопросъ. „Я льщу себя надеждой", писалъ онъ,—„что вы не меня обвиняете въ замедленіи объясненій, которыя вы имѣете право ожидать. Это совершенно не зависѣло отъ меня; я же, съ своей стороны, не промедлю ни минуты сообщить ихъ вамъ, когда буду имѣть возможность". Затѣмъ прошла еще недѣля, какъ наконецъ прусскій канцлеръ пригласилъ къ себѣ на совѣщаніе (17-го іюля) нашего посланника. Онъ прочиталъ ему, конечно—не вполнѣ, предложенія Пруссіи французскому кабинету, сдѣланныя въ маѣ мѣсяцѣ, новыя предложенія этого правительства и замѣчанія на нихъ Пруссіи. Затѣмъ „канцлеръ мнѣ сказалъ", писалъ графъ Ливенъ нашему правительству,—„что на предложенныхъ Пруссіей условіяхъ, очевидно, союзъ не будетъ принятъ Франціей, слѣдовательно, Пруссія еще не готова къ тому, чтобы заключить союзъ, да и вообще въ этой негоціаціи много такихъ вопросовъ, которые послужатъ поводомъ затянуть ее надолго. Впрочемъ", говорилъ канцлеръ, — „еслибы Франція согласилась на всѣ наши требованія, то король поручилъ мнѣ условиться съ вами въ составленіи отвѣта на предложеніе вашего кабинета". Этотъ странный отвѣтъ, безъ сомнѣнія, поразилъ нашего посланника: Пруссія до такой степени была увѣрена въ дружбѣ къ ней Россіи, что полагала даже, что въ угоду ей Россія будетъ бить сама себя своими руками, и что представитель ея правительства въ Берлинѣ поможетъ прусскому кабинету составить отвѣтъ, въ которомъ Прус-

[1]) Письмо графа Ливена къ барону Гарденбергу 27-го октября (8-го ноября); отвѣтъ Гарденберга 28-го октября (9-го ноября) 1811 г.

сія объявитъ, что, вступая въ союзъ съ Франціей, она становится врагомъ Россіи. Баронъ Ливенъ уже съ самаго начала переговоровъ прусскаго канцлера съ Сенъ-Марсаномъ замѣчалъ двусмысленное поведеніе съ нимъ прусскаго правительства. Слова барона Гарденберга открыли ему наконецъ истину. Онъ отвѣчалъ ему, что вовсе не считаетъ нужнымъ входить въ разсмотрѣніе бумагъ, относящихся до переговоровъ Пруссіи о союзѣ съ Франціей, но желаетъ имѣть отвѣтъ короля на представленный имъ проектъ союзнаго договора съ Россіей и удивляется, что до сихъ поръ его не получилъ. „Я не имѣю никакихъ объ этомъ приказаній короля“, отвѣчалъ баронъ Гарденбергъ. Прусское правительство, кажется, полагало, что особенная дружба съ державою позволяетъ дѣйствовать не только враждебно въ отношеніи къ ней, но и неучтиво.

Не смотря на этотъ отвѣтъ и зная, конечно, то затруднительное положеніе, въ которомъ находилась Пруссія, тотъ паническій страхъ, который ощущала какъ и вся почти Европа при имени Наполеона, а также слабость и нерѣшительность характера короля, графъ Ливенъ подробно Гарденбергу выразилъ свой взглядъ на предположенный Пруссіей союзъ съ Франціей. „Проектъ союза, представленный вамъ французскимъ правительствомъ“, говорилъ онъ, — „разчитанъ на то, чтобы воспользоваться какъ территоріей государства, такъ и всѣми средствами Пруссіи для войны противъ Россіи. Какія же въ этомъ случаѣ можетъ возлагать король надежды на Францію? Именно теперь онъ долженъ поспѣшить заключеніемъ союза съ Россіей на основаніи того проекта договора, который я сообщилъ, и въ которомъ заключаются тѣ условія, которыя предлагалъ самъ король. Откладывая это дѣло, король подастъ поводъ думать въ Петербургѣ, что онъ дѣйствительно склоненъ къ заключенію союза съ Франціей. Я, съ своей стороны, этого не предполагаю; но я считаю нужнымъ обратить на это ваше вниманіе. Уступчивость короля только можетъ убѣдить Наполеона, что онъ можетъ располагать всѣми средствами Пруссіи и рѣшитъ его начать войну. Быть можетъ, онъ только и желаетъ убѣдиться въ этомъ, чтобы начать эту войну. Слѣдовательно, король, желая сохраненія мира, дѣйствуетъ совершенно противоположно своимъ видамъ и выгодамъ“.

Баронъ Гарденбергъ отвѣчалъ, что таковъ и его личный взглядъ; но король полагаетъ, что стоитъ ему только заключить союзъ съ Россіей, чтобы вызвать Францію на войну и потерять свою корону. „Но я желаю знать“, продолжалъ графъ Ливенъ,—„доволенъ ли ко-

роль конвенціей Шарнгорста и представленнымъ мною проектомъ союзнаго договора, желаетъ ли онъ заключить этотъ договоръ, или ужь измѣнилъ свое мнѣніе?"

„Нѣтъ", отвѣчалъ Гарденбергъ,—„мнѣнія короля неизмѣнны; но онъ затрудняется рѣшиться на это и пріискиваетъ причины, чтобъ оправдать то неопредѣленное положеніе, отъ котораго не имѣетъ силы отрѣшиться. Онъ говоритъ, что въ настоящее время онъ вовсе не считаетъ себя обязаннымъ заключать тотъ договоръ, который онъ предлагалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда Россія не показала особаго къ тому расположенія. Съ тѣхъ поръ до октября мѣсяца прошло много времени, и положеніе его значительно ухудшилось. Притомъ онъ предлагалъ союзъ на тѣхъ условіяхъ чтобы Россія заключила миръ съ Турціей, привлекла на свою сторону Австрію и могла бы занять Польшу. Ни одно изъ этихъ условій не исполнено. Король полагаетъ, что успѣхъ въ войнѣ будетъ на той изъ воюющихъ сторонъ, которая будетъ властвовать въ Польшѣ; между тѣмъ даже изъ договора, подписаннаго Шарнгорстомъ, нельзя быть увѣреннымъ, чтобы Россія обезпечила себѣ овладѣніе Польшей и чтобъ ея войска могли во-время подоспѣть на помощь Пруссіи и спасти ее. Притомъ первый корпусъ, предназначаемый для перехода за границу, весьма малочисленъ, и планъ дѣйствій не простирается далѣе Вислы".

Гарденбергъ, начавъ рѣчь съ заявленія, что не имѣетъ никакихъ порученій со стороны короля отвѣчать на вопросъ нашего посланника о томъ, какъ отнесся король на предложенія Россіи о союзѣ, высказалъ въ теченіе разговора, что король положительно отвергаетъ ихъ и на основаніи какихъ причинъ. Но эти причины показались нашему посланнику пустыми придирками и, онъ началъ опровергать ихъ значеніе одну за другою, и наконецъ, вынудилъ прусскаго канцлера выразиться откровеннѣе, что только слабость характера короля и отклоняетъ его отъ заключенія союза съ Россіей. Гарденбергъ сказалъ ему о запискѣ, которую представлялъ королю, и обѣщалъ сообщить ее графу Ливену. Но изъ разговоровъ съ барономъ Гарденбергомъ, нашъ посланникъ замѣтилъ, что была и еще причина, по которой король не былъ доволенъ русскимъ проектомъ союзнаго договора, а именно: въ ней нѣтъ обѣщанія вознагражденій и пріобрѣтеній для Пруссіи. Даже въ то время, когда дѣло шло единственно о спасеніи существованія Пруссіи, ея не покидала мысль о пріобрѣтеніяхъ и выгодахъ.

Баронъ Гарденбергъ, можетъ быть, не теряя еще надежды отвло-

нить короля отъ союза съ Франціей или отъ желанія продлить хорошія отношенія къ нашему посланнику, предложилъ ему написать свои возраженія противъ тѣхъ причинъ, на которыя упирается король, не соглашаясь вступить въ союзъ съ Россіей, но только не въ видѣ *оффиціальной ноты*, а *конфиденціальнаго* письма. Графъ Ливенъ не замедлилъ исполнить его желаніе, не позволяя себѣ, конечно, упускать даже ничтожнаго способа для того, чтобъ исполнить возложенное на него правительствомъ порученіе.

„Короля, по видимому, останавливаютъ", писалъ онъ прусскому канцлеру,—„заключить союзъ съ Россіей такія соображенія, которыя не трудно опровергнуть: 1) наша война, еще продолжающаяся съ Турками; 2) наши не совсѣмъ искреннія отношенія къ Австріи; 3) незначительное наше вліяніе на Польшу, и 4) опасеніе заключить съ нами союзъ въ виду того впечатлѣнія, какое онъ произведетъ на Францію. На первое соображеніе я отвѣчу, что въ настоящее время мы находимся гораздо ближе къ заключенію мира съ Турками, нежели были въ то время, когда король предложилъ намъ союзъ. Не могло бы быть выгодно и для Пруссіи, еслибы Россія должна была заключить унизительный миръ съ Турками, уступивъ имъ всѣ свои завоеванія. Мы заботились о выгодномъ для насъ мирѣ. Турки, съ своей стороны, поощряемые нашими врагами, употребили всѣ свои силы и убѣдились, наконецъ, что мы можемъ успѣшно отражать ихъ даже незначительнымъ количествомъ войскъ. Что касается до втораго соображенія, то Австріи неизвѣстны тайныя сношенія Россіи съ Пруссіей,— почему же не предположить, что, можетъ быть, точно такія же существуютъ сношенія между Вѣной и Петербургомъ, которыя могутъ быть неизвѣстны въ Берлинѣ. По третьему соображенію отвѣчать также не трудно: Россія могла увеличить свое вліяніе на Польшу не иначе, какъ занявъ эту страну своими войсками. Это было бы началомъ войны, которую желаетъ предотвратить Пруссія. По четвертому не могу не замѣтить, что еслибъ императору Наполеону сдѣлалась извѣстна военная конвенція, заключенная между Россіей и Пруссіей, то она произвела бы на него точно такое же впечатлѣніе, какъ и союзный договоръ, и послужила бы ему точно такимъ же поводомъ жаловаться на Пруссію. Въ этой конвенціи, конечно, идетъ рѣчь только о военныхъ дѣйствіяхъ, и противъ ней говорятъ, что она не обнимаетъ всѣхъ этихъ дѣйствій и ограничивается только указаніемъ на первоначальныя, которыя должны простираться только

до Вислы. Но возможно ли опредѣлять напередъ дальнѣйшія военныя дѣйствія? Едва ли и возможно ихъ предвидѣть“ [1]).

Это письмо, если даже и было показано королю, не могло произвести никакого на него вліянія послѣ отвергнутой имъ записки барона Гарденберга. Переговоры съ Франціей продолжались по прежнему, и Пруссіи хотѣлось выговорить нѣкоторыя облегчительныя условія; Франція же не отвѣчала, стараясь только не прерывать переговоровъ, но и не заключать преждевременно союзнаго договора. Только въ январѣ мѣсяцѣ 1812 г. баронъ Круземаркъ получилъ слѣдующее письмо отъ герцога Бассано: Любезный баронъ! Настало время произнести приговоръ о судьбѣ Пруссіи. Я не скрою отъ васъ, что для нея это вопросъ жизни или смерти. Въ Тильзитѣ намѣренія императора въ отношеніи Пруссіи были весьма строги. Эти намѣренія такими же и остались и могутъ измѣниться только въ томъ случаѣ, если Пруссія сдѣлается нашею вѣрною союзницею. Время дорого, обстоятельства важны“ [2]) Въ то же время Сенъ-Марсанъ рѣшительно объявилъ прусскому правительству, что императоръ Наполеонъ не согласится на увеличеніе числа прусскихъ войскъ и на плату деньгами за продовольствіе французскихъ войскъ и не возвратитъ прусскихъ крѣпостей до окончательнаго морскаго мира, то есть, до мира съ Англіей. „Если вы хотите“, говорилъ онъ прусскому канцлеру, — „я пошлю въ Парижъ вашъ проектъ союзнаго договора съ этими условіями; но я увѣренъ, что императоръ Наполеонъ сейчасъ же отзоветъ меня изъ Берлина“. Эта угроза оказала дѣйствіе, и король немедленно рѣшился утвердить договоръ въ томъ видѣ, какъ предложила его Франція, и такимъ образомъ передалъ Пруссію совершенно въ руки Наполеона [3]).

Скрывая еще свои дѣйствія отъ Русскаго императора, онъ отправилъ съ письмомъ къ нему своего адъютанта барона Кнезебека въ Петербургъ. Но императоръ получилъ извѣстіе о рѣшительномъ оборотѣ прусской политики на сторону Франціи еще до его пріѣзда и сообщилъ объ этомъ барону Шёлеру, который тогда управлялъ прусскимъ посольствомъ въ Петербургѣ, но находился въ полномъ не-

---

[1]) Письмо графа Ливена къ барону Гарденбергу $^{9}/_{21}$-го ноября 1811 г.; депеши графа Ливена къ графу Румянцеву 24-го октября (5-го ноября) и $^{10}/_{22}$-го ноября 1811 г.

[2]) Mémoires d'un homme d'etât, т. III, 334.

[3]) Депеши графа Ливена къ графу Румянцеву $^{13}/_{25}$-го и $^{16}/_{28}$-го января 1812 г.

вѣдѣніи о дѣйствіяхъ своего правительства. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя ненавидѣли Наполеона и стремились къ тому, чтобы вовлечь Пруссію въ тѣсный союзъ съ Россіей. Получивъ эти извѣстія отъ императора, Шёлеръ отвѣчалъ ему письмомъ. „Я не въ силахъ", пишетъ онъ, — „выразить вашему величеству то впечатлѣніе, которое произвело на меня чтеніе сообщенныхъ вами мнѣ писемъ. Послѣ недавняго разговора съ вами, сообщенныя извѣстія были для меня громовымъ ударомъ съ безоблачнаго неба. Неминуемая гибель короля, окончательное разрушеніе моего отечества, изгнаніе всѣхъ тѣхъ, которые постоянно слѣдовали чувствамъ долга и чести, вотъ послѣдствія, которыя прежде всего представились моей, убитой горемъ, душѣ и разрушили въ ней всякую надежду". Заключеніе Пруссіей союза съ Наполеономъ точно такое же произвело впечатлѣніе на всѣхъ тѣхъ, которые, по выраженію Шёлера, „слѣдовали чувствамъ долга и чести". Баронъ Штейнъ, узнавъ объ этомъ союзѣ, писалъ изъ Праги въ Лондонъ къ графу Мюнстеру: „Пруссія во второй разъ обманула ожиданія всѣхъ честныхъ и благомыслящихъ людей: она безусловно предалась во власть своему злѣйшему врагу, собственными руками приготовляя себѣ могилу" [1]). „Но", писалъ далѣе баронъ Шёлеръ императору, — „я нѣсколько ободрился, пообдумавъ обстоятельства". Прусскаго уполномоченнаго ободрили письма, полученныя имъ отъ генерала Шарнгорста и маіора Бойена. Первый писалъ ему, что дѣло еще не рѣшено окончательно, что онъ употребитъ послѣднія усилія, чтобъ уговорить короля оставить Берлинъ и переѣхать въ Бреславль, какъ для собственной безопасности, такъ и ради безопасности своего семейства. Это средство считали послѣднимъ всѣ лица той партіи, къ которой принадлежалъ Шарнгорстъ, и на него единственно возлагали надежду въ это время. „Въ дѣйствіяхъ короля замѣтна нерѣшительность", писалъ нашъ посланникъ къ графу Румянцеву, — „а не шаткость убѣжденій. Не перестаю увѣрять ваше сіятельство съ глубокимъ убѣжденіемъ, что онъ совершенно согласны съ видами Россіи, и ни въ какомъ случаѣ добровольно онъ не вступилъ бы въ союзъ съ Франціей; по слабости его характера, по страху вызвать войну, который питаютъ въ немъ его окружающіе, или по малодушію, или изъ личныхъ выгодъ, или по глупости, онъ приходитъ въ ужасъ

[1]) Письмо барона Штейна $^{7}/_{19}$-го апрѣля 1812 г.; *Перцъ*, Das Leben des M. F. v. Stein, т. III, стр. 49.

при одной мысли, что его выѣздъ изъ Берлина рѣшитъ участь государства. Еслибъ онъ согласился, наконецъ, оставить свою столицу, то вся возможная для него рѣшимость возникла бы непремѣнно вслѣдствіе этого поступка". Но кромѣ страха за участь Пруссіи, была и другая причина, удерживавшая короля отъ этого дѣйствія. „Трудно себѣ представить", писалъ также графъ Ливенъ,— до какой степени король—рабъ своихъ привычекъ". Рѣшимость оставить привычный въ своей столицѣ образъ жизни и обыденныя занятія ужасали слабаго короля, почти столько же, какъ и участь его государства. Усиленныя настоянія императора Александра, послѣ Эрфуртскаго свиданія, заставили его оставить Кенигсбергъ [1]), гдѣ онъ поселился было по заключеніи Тильзитскаго мира, и возвратиться въ Берлинъ. Такія же настоянія считали необходимыми и для того, чтобы вынудить его оставить Берлинъ и переѣхать въ Бреславль. Въ этомъ именно смыслѣ писалъ къ Шёлеру и маіоръ Бойенъ. Онъ просилъ прусскаго уполномоченнаго убѣдить императора Александра написать письмо къ королю и „строго и рѣшительно именемъ дружбы указать ему, какой опасности онъ подвергаетъ себя, свое семейство и самые драгоцѣнные интересы вѣрнаго своего народа". Бойе увѣрялъ, что такое письмо можетъ произвести большое вліяніе на короля, если только оно будетъ немедленно къ нему отправлено. „Что касается до меня, государь", прибавлялъ, съ своей стороны, Шелеръ, — „то я убѣжденъ, что ваше величество можете съ успѣхомъ противодѣйствовать тѣмъ опаснымъ совѣтамъ корыстолюбія и страха, которымъ подчиняется король, и спасти его. Россія въ этомъ случаѣ должна подражать поведенію Франціи въ отношеніи къ другимъ державамъ и всѣмъ тѣмъ, кто будетъ дѣйствовать за одно съ нею, предлагать важныя выгоды, обязуясь торжественно доставить ихъ и обезпечивая всѣми способами, которыми она можетъ располагать, но въ то же время угрожая безграничною ненавистью и самымъ жестокимъ мщеніемъ всѣмъ, кто будетъ дѣйствовать противъ нея. Можетъ быть, предлагая такой образъ дѣйствій, я нарушаю долгъ почтенія и обязанности въ отношеніи къ моему государю, но моя глубокая преданность къ особѣ вашего величества и жестокое убѣжденіе, что это единственный способъ спасти мое отечество и короля, достойнаго лучшей участи, могутъ извинить меня".

Едва-ли не былъ правъ прусскій уполномоченный, что на поли-

---

[1]) Депеша графа Ливена графу Румянцеву $^{10}/_{22}$-го ноября 1811 г.

тику его отечества въ это время можно было дѣйствовать только насиліемъ, какъ и дѣйствовалъ императоръ Наполеонъ, или возбужденіемъ своекорыстныхъ видовъ; но онъ ошибался, предлагая императору Александру подобный образъ дѣйствій, несогласный ни съ благородствомъ его личнаго характера, ни съ политическими видами Россіи, не желавшей дѣйствовать наступательно, безъ добровольно заключеннаго съ нею союза со стороны Пруссіи. Русскій императоръ, конечно, рѣшился бы помогать союзнику и другу, но не спасать его насильственно и противъ его воли и желанія.

Но политическіе единомышленники прусскаго уполномоченнаго, предлагая еще средства не допустить ихъ отечества къ союзу съ Наполеономъ, сваливая всю вину на короля и забывая, что къ этому союзу увлекала его многочисленная партія Пруссаковъ, едва-ли вѣрили сами въ успѣхъ этихъ средствъ. И Шарнгорстъ, и Бойенъ оканчивали свои письма къ Шелеру порученіемъ передать Русскому Императору ихъ усердную просьбу принять ихъ въ русскую службу, въ случаѣ окончательнаго разрыва Пруссіи съ Россіей.

Генералъ Шарнгорстъ сердился на посольство Кнезебека въ Петербургъ. Извѣщая о немъ Шелера, онъ выражалъ негодованіе, что Кнезебекъ не отказался отъ такого порученія. Онъ называлъ его человѣкомъ „двоедушнымъ, лживымъ и интриганомъ, который считаетъ себя умнѣе всѣхъ другихъ". „Вѣроятно", писалъ Шелеръ, передавая этотъ отзывъ императору, — „генералъ также описалъ Кнезебека и графу Ливену; но я считаю долгомъ заявить вашему величеству, что хотя я не могу очистить моего товарища отъ всѣхъ обвиненій, но полагаю, что генералъ Шарнгорстъ обрисовалъ его уже слишкомъ темными красками. Впрочемъ, государь, Кнезебеку не удастся, конечно, убѣдить васъ въ справедливости той нелѣпой мысли, что, въ видахъ поддержанія мира, Россія должна обезоружиться немедленно, — хотя это и составляетъ цѣль его посольства" [1]).

Такъ предувѣдомило само прусское посольство Русскаго императора о посольствѣ Кнезебека, который пріѣхалъ въ Петербургъ нѣсколько дней спустя послѣ этого письма (2-го февраля). Черезъ два дня послѣ пріѣзда онъ получилъ позволеніе явиться къ императору и представить ему письмо прусскаго короля.

„Что вы мнѣ скажете, баронъ Кнезебекъ?" спросилъ его императоръ, лишь только онъ вошелъ въ его кабинетъ.

---

[1]) Письмо Шелера къ императору Александру I, 29-го января 1812 г.

Прусскій уполномоченный вручилъ государю письмо короля и вкратцѣ изложилъ его содержаніе. Король желалъ сохраненія мира и полагалъ, что того же желаетъ и императоръ. Но соединеніе огромныхъ силъ со стороны Россіи близъ ея границъ, военныя приготовленія и движеніе войскъ со стороны Франціи — думалъ король, — непремѣнно приведутъ къ войнѣ, если обѣ державы не войдутъ въ миролюбивые переговоры, которыхъ, съ своей стороны, желаетъ императоръ Наполеонъ. Поэтому онъ просилъ, чтобъ императоръ Александръ или облекъ достаточными полномочіями своего посланника при Тюльерійскомъ дворѣ, или послалъ особаго уполномоченнаго, чтобы полюбовно достигнуть соглашенія по всѣмъ вопросамъ, послужившимъ поводомъ къ пререканіямъ между двумя державами. Король позволялъ себѣ обратиться съ такимъ совѣтомъ къ императору, какъ вслѣдствіе дружбы, такъ и настоящаго положенія Пруссія, на которую прежде всего обрушатся всѣ бѣдствія войны, если даже она и не сдѣлается главнымъ поприщемъ воспныхъ дѣйствій.

„Никто болѣе меня“, отвѣчалъ ему императоръ, – „не желаетъ сохраненія мира. Правда, что мои войска придвинуты къ границамъ, но я былъ къ этому вынужденъ тѣмъ, что Франція все болѣе и болѣе усиливалась на Вислѣ, продолжала занимать сильными гарнизонами Данцигъ, Штетинъ, Кюстринъ, не возвратила вамъ Глогау, укрѣпила Торнъ, Прагу, Модлинъ, Ченстоховъ. Сосредоточеніе русскихъ войскъ было послѣдствіемъ вооруженій Франціи, а не угрожающею мѣрою со стороны Россіи. Напротивъ того, это — мѣра оборонительная; мои войска не переходятъ границъ. Кажется, я достаточно доказалъ Европѣ мое расположеніе къ миру, не выставляя ольденбургскій вопросъ какъ причину войны и храня молчаніе по случаю занятія Гамбурга и Любека. Я готовъ поступить точно также и по случаю занятія Помераніи. Россія строго соблюдаетъ договоры; поэтому съ ея стороны не представляется никакихъ поводовъ къ объясненіямъ. Впрочемъ, желая представить новое доказательство моихъ миролюбивыхъ намѣреній, я дѣйствительно хотѣлъ послать особаго уполномоченнаго въ Парижъ, послѣ заключенія мира съ Турками, чтобы снова показать, что, не смотря на измѣненіе политическихъ дѣлъ, мои мирныя намѣренія остаются неизмѣнными; но эти новые переговоры возбудили бы только новыя притязанія со стороны Франціи и новыя пререканія, и притомъ я имѣю причины думать, что это посольство не было бы пріятно императору Наполеону“.

Генералъ Кнезебекъ старался увѣрить государя, что, напротивъ,

Наполеонъ будетъ очень доволенъ, но что это посольство принесетъ пользу въ томъ только случаѣ, если состоится немедленно, ибо двѣ великія державы не могутъ оставаться во всеоружіи долго одна противъ другой. Такое положеніе неизбѣжно приводитъ къ войнѣ, и можно опасаться даже, что военныя дѣйствія могутъ начаться прежде, нежели этотъ уполномоченный выѣдетъ изъ Петербурга.

При этомъ свиданіи генералъ Кнезебекъ не упомянулъ о главномъ вопросѣ, отъ рѣшенія котораго зависѣла война или миръ Россіи съ Франціей, о закрытіи русскихъ портовъ для нейтральной торговли. Но спустя нѣсколько дней, при совѣщаніи съ канцлеромъ, который точно также, какъ и императоръ, сказалъ ему, что Россія не имѣетъ о чемъ объясняться съ Франціей, онъ началъ рѣчь объ этомъ вопросѣ и представилъ ему даже особую о немъ записку. Поэтому, при второмъ свиданіи съ Кнезебекомъ, императоръ уже самъ началъ говорить объ этой торговлѣ. „Я строго исполняю“, говорилъ онъ,—„всѣ условія договоровъ. Россія не имѣетъ никакихъ сношеній съ Англіей и не ведетъ никакой съ нею торговли. Еще недавно были конфискованы четыре корабля, которые, по ихъ бумагамъ, оказались подозрительными. Очень можетъ быть, что кто-нибудь и встрѣтилъ обозъ съ товарами съ этихъ кораблей. Онъ могъ казаться большимъ, потому что много нужно небольшихъ русскихъ телѣгъ, чтобы помѣстить грузъ даже одного корабля. Спросите купцовъ, спросите помѣщиковъ — до какой степени стѣснена наша торговля къ ущербу Россіи. Стѣснять ее еще болѣе, запрещая нейтральную торговлю и безъ того весьма незначительную, невозможно. Я, какъ государь, имѣю обязанности въ отношеніи къ моему народу, и я не могу не соблюдать ихъ“.

Генералъ Кнезебекъ замѣтилъ, что континентальная система, которой цѣль состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть свободы морей, страдаетъ отъ торговли Россіи съ Американцами, и это положеніе дѣлъ непремѣнно вызоветъ войну.

„Во всякомъ случаѣ“, отвѣчалъ императоръ,—„не я буду зачинщикомъ войны, потому что я не обязывался препятствовать нейтральной торговлѣ. Народъ имѣетъ свои права, которыя я долженъ принимать во вниманіе, и первое изъ нихъ есть право на существованіе. Уступать въ этомъ случаѣ, имѣя на-готовѣ войска, было бы слабостью. Теперь безполезно даже было бы посылать уполномоченнаго въ Парижъ: императоръ Наполеонъ принялъ такое грозное положеніе, что эта попытка показалась бы желаніемъ мира изъ страха

войны". — Въ это время получены были извѣстія о сосредоточеніи саксонскихъ войскъ у Губека и движеніи Баварцевъ.

„Положеніе Европы", отвѣчалъ Кнезебекъ,—„въ настоящее время таково, что вынуждаетъ отложить всѣ второстепенныя соображенія и стремиться къ достиженію одной великой цѣли — поддержанію мира. Такъ, и ваше величеству, по свойственному великодушію, безъ сомнѣнія, будете дѣйствовать, и въ этомъ случаѣ никакой поступокъ не можетъ быть ниже вашего достоинства. Можно ли почесть слабостью такую попытку поддержать миръ со стороны государя, у котораго подъ рукою 300.000 войска"? Обращая вниманіе государя на гибельныя послѣдствія войны, генералъ замѣтилъ, что она начнется при самыхъ неблагопріятныхъ для Россіи обстоятельствахъ, которыя онъ и началъ вычислять одно за другимъ: „Война съ Турціей еще продолжается, Наполеонъ владѣетъ линіями по Вислѣ и Одеру, Россія должна защищать огромное протяженіе своихъ границъ, не имѣя крѣпостей"...

„Все это справедливо", прервалъ его императоръ, — „я не скрываю отъ себя своего положенія. Вы забыли еще прибавить, что я лично не могу равняться съ такимъ военнымъ геніемъ, какъ Наполеонъ, что у меня нѣтъ такого полководца, котораго я могъ бы противопоставить ему. Я сообразилъ всѣ эти обстоятельства, и они всѣмъ извѣстны и могутъ убѣдить Европу, что я не желаю войны и никогда не буду зачинщикомъ; но на случай нападенія я все приготовилъ, чтобы защищаться долго и упорно. Я не хочу показать слабость характера передъ моимъ народомъ, а это именно была бы слабость еслибъ я теперь отправилъ уполномоченнаго въ Парижъ искать мира. Впрочемъ, Россіи не о чемъ давать объясненій, да притомъ и князь Куракинъ облеченъ достаточными полномочіями, чтобы выслушать все, что̀ можетъ предложить намъ императоръ Наполеонъ".

Генералъ Кнезебекъ почувствовалъ, конечно, выслушавъ императора, что его порученіе окончено и — не удалось.

„Но еслибы самъ императоръ Наполеонъ прислалъ уполномоченнаго или поручилъ войдти въ переговоры графу Лористону, согласились ли бы ваше величество на это?" спросилъ онъ, и услышавъ утвердительный отвѣтъ, рѣшился выѣхать изъ Петербурга.

На прощальномъ свиданіи (14-го марта) императоръ повторилъ ему все, что̀ говорилъ прежде, прибавивъ: „Самымъ лучшимъ доказательствомъ моихъ миролюбивыхъ желаній можетъ служить то обстоятельство, что я не началъ войны весною прошлаго года. Тогда я

былъ готовъ къ войнѣ на столько же, на сколько и теперь. Подвинувшись къ Эльбѣ, я вынудилъ бы Пруссію соединиться со мною и не встрѣтилъ бы достаточныхъ силъ, которыя могли бы остановить движенія моихъ войскъ. Я не считаю себя полководцемъ; но выгоды этого образа дѣйствій бросаются всѣмъ въ глаза. Еслибъ я и теперь рѣшился дѣйствовать наступательно, я тоже могъ бы еще имѣть выгоды, но я этого не сдѣлаю, и вы можете сказать вашему государю, что я буду ожидать пушечнаго выстрѣла на моихъ границахъ".

Личныя ли нравственныя качества императора, или политическія соображенія, основанныя на знаніи характера государства, съ которымъ онъ желалъ заключить *добровольный* союзъ, отклонили его отъ намѣренія вовлечь Пруссію *насильственно* въ союзъ съ Россіей,— но во всякомъ случаѣ его поступокъ соотвѣтствовалъ достоинству Россіи. Насильственный союзъ Пруссіи съ Россіей, безъ сомнѣнія, въ случаѣ неудачи военныхъ дѣйствій, окончился бы также, какъ и союзъ ея съ Франціей въ началѣ 1813 г., то-есть, измѣною своему союзнику.

Генералъ Кнезебекъ послѣ первыхъ еще свиданій съ императоромъ „съ сердцемъ, пораженнымъ глубокою скорбью", по его выраженію написалъ къ нему письмо, въ которомъ, повторяя все то, что говорилъ на словахъ, особенно старался доказать, что открытіе мирныхъ переговоровъ съ Франціей не можетъ причинить вреда Россіи. „Я предполагаю, государь", писалъ онъ,—„что императоръ Наполеонъ рѣшился на войну: въ такомъ случаѣ не начнется ли война, если даже и вы не войдете ни въ какія объясненія? Не найдетъ ли онъ поводовъ къ войнѣ и безъ новыхъ переговоровъ съ тѣмъ уполномоченнымъ, котораго вы отправите къ нему? Едва ли возможно въ этомъ сомнѣваться. Напротивъ того, отказъ отправить этого уполномоченнаго подастъ ему поводъ къ жалобамъ, которыхъ важность онъ не преминетъ выставить передъ всею Европою. Неотправленіе уполномоченнаго не помѣшаетъ начаться войнѣ въ предположенномъ случаѣ. Но, если это предположеніе, государь, ошибочно, если императоръ Наполеонъ искренно желаетъ объясниться по Ольденбургскому дѣлу, то посылка довѣреннаго лица для переговоровъ, снабженнаго достаточными полномочіями вести переговоры и подписать договоръ, можетъ предотвратить войну, также, какъ непосылка можетъ повести къ ней. И почему же можно угадать, что не представляется именно этотъ случай? Если вообразить себя на мѣстѣ императора Наполеона, то онъ находится въ положеніи человѣка, который знаетъ, что онъ сдѣлалъ

непріятный для другаго поступокъ. Если оскорблённое имъ лицо избѣгаетъ объясненій и въ то же время вооружается, то онъ естественно долженъ предполагать, что эти вооруженія предназначаются противъ него, и самъ приготовляется. Не достигнувъ объясненій, безъ сомнѣнія, онъ въ скоромъ времени сдѣлается открытымъ врагомъ. Эти разсужденія приводятъ къ такому заключенію: если императоръ Наполеонъ желаетъ войны, то посылка уполномоченнаго въ Парижъ не причинитъ никакого вреда; но если это предположеніе невѣрно, отказъ послать его можетъ привести къ войнѣ, не смотря на то, что ваше величество и вся Европа желаютъ избѣжать ея. Изъ молчанія ничего не можетъ послѣдовать добраго, но непремѣнно вредъ, и оно представляется несогласнымъ ни съ вашимъ великодушіемъ и откровенностію, ни съ политикою великой державы, какова Россія. Что новые переговоры послужатъ поводомъ императору Наполеону къ новымъ притязаніямъ противъ Россіи и къ новымъ спорамъ, это — только предположеніе. Еслибы дѣйствительно таковы были цѣли императора Наполеона, то эти притязанія онъ выразилъ бы во всякомъ случаѣ, пошлете ли вы, или не пошлете уполномоченнаго въ Парижъ. Посылка не увеличитъ вреда, но можетъ, напротивъ, уменьшить его, если выборъ уполномоченнаго будетъ удаченъ, и если онъ отправится немедленно, пока Франція еще не успѣла сосредоточить и привести въ движеніе всѣ свои силы, что безъ сомнѣнія случится въ началѣ весны, въ половинѣ марта или въ апрѣлѣ" [1]).

Князебекъ, не зная тѣхъ порученій, съ которыми Русскій императоръ намѣревался послать въ Парижъ графа Нессельрода, могъ, конечно, удивляться и не понимать, почему новые переговоры не только не поведутъ къ мирнымъ соглашеніямъ между Россіей и Франціей, но произведутъ окончательный разрывъ и поведутъ къ немедленному открытію военныхъ дѣйствій. Намѣреніе отправить въ Парижъ особаго уполномоченнаго находилось въ связи съ заключеніемъ мира съ Турками и союза съ Пруссіей. Но переговоры съ уполномоченными Порты тянулись, не приводя къ рѣшительнымъ заключеніямъ, а Пруссія явно становилась на сторону Франціи. Между тѣмъ, еслибъ императоръ Наполеонъ отвергъ предлагаемыя Россіей условія,

[1]) Письмо г. Князебека къ императору Александру 12-го 24-го февраля 1812 г., С.-Пб.; донесеніе Круземарка Прусскому королю 23-го марта н. ст. 1812 г.; *Fain*, Manuscrit de 1812, т. I, прилож. къ 1-й гл., стр. 129—139; гр. *Местръ*, Correspond. politique, т. I, стр. 55—56.

что не могло подлежать сомнѣнію, то необходимымъ этого послѣдствіемъ было бы вступленіе русскихъ войскъ въ Восточную Пруссію и затѣмъ въ герцогство Варшавское. Поэтому-то письмо также мало могло подѣйствовать на императора, какъ и словесныя убѣжденія Кнезебека, и казалось бы, что прощальное свиданіе еще болѣе должно было *поразить грустью его сердце* и доказать ему рѣшимость императора не уступать притязаніямъ Наполеона; но онъ не потерялъ надежды на сохраненіе мира, какъ писалъ въ отчетѣ своему королю. Эта странная надежда основывалась на непонятной, при тогдашнемъ положеніи Пруссіи, самоувѣренности, не личной, но народной. „Императоръ Александръ", писалъ Кнезебекъ своему государю,— „безъ сомнѣнія, искренно желаетъ мира. Вѣроятно, объясненія съ Франціей начнутся на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя привезетъ Чернышевъ. То *направленіе, которое приняла политика вашего величества въ это время, должно имѣть огромное вліяніе* какъ на рѣшимость императора Александра, такъ и на общее мнѣніе въ Россіи, и конечно, перевѣситъ обѣщаніе выгодъ въ случаѣ войны, если Швеція будетъ на ея сторонѣ. Все зависитъ отъ тѣхъ условій, которыя Франція предложитъ для соглашенія. Миръ сохранится, если эти условія будутъ таковы, что императоръ безъ униженія своего достоинства можетъ заявить ихъ народу, не опасаясь нареканій, и если они будутъ совмѣстимы съ благосостояніемъ государства, которое весьма много зависитъ отъ торговли,— сохранится потому, что ни императоръ, ни окружающія его лица, ни народъ не желаютъ войны". Безъ сомнѣнія, отъ этихъ условій зависѣло бы сохраненіе мира, но конечно, угрожающее положеніе, которое принимала Пруссія въ отношеніи къ Россіи, едва ли могло оказать какое-нибудь вліяніе на дѣйствія Русскаго императора, рѣшившагося ожидать нашествія непріятеля въ границахъ своей имперіи. Но могъ ли императоръ Наполеонъ предложить Россіи такія условія, на которыя она могла бы согласиться, не утративъ своего значенія великой и независимой державы?

Но если взгляды прусскаго дипломата на политическое положеніе дѣлъ и отличаются особенною близорукостью, то его мнѣніе о характерѣ предстоявшей войны было совершенно вѣрно и согласно съ предвѣщаніями какъ французскихъ посланниковъ при нашемъ дворѣ, такъ и всѣхъ иностранцевъ, видѣвшихъ Россію въ это время. „Но если начнется война", доносилъ онъ Прусскому королю,—„то она будетъ ужасна. Русскіе будутъ драться съ ожесточеніемъ. Военныя силы Россіи должны быть значительны. Русскій вообще храбръ; госу-

дарство, встрѣтивъ нашествіе врага въ своихъ границахъ, и народъ, возбуждаемый священниками,—что непремѣнно случится,—придадутъ этой войнѣ значеніе народной и религіозной и сдѣлаютъ ее продолжительнѣе, нежели она могла бы быть, еслибъ императоръ рѣшился вести ее внѣ своихъ границъ. Я не считалъ себя въ правѣ скрыть эти соображенія отъ вашего величества; надо быть здѣсь, чтобъ убѣдиться въ ихъ истинѣ, и я ссылаюсь на всѣхъ, кто былъ здѣсь во одно время со мною. Мѣстность страны представитъ много затрудненій, которыя трудно преодолѣть. Болота, большіе лѣса, малочисленное народонаселеніе, плохія большія дороги, ни одной большой рѣки, которая благопріятствовала бы движеніямъ, вообще страна безплодная, все это будетъ затруднять движенія и не позволитъ сосредоточивать на долгое время большія силы на одномъ мѣстѣ. Необходимо будетъ разбрасывать ихъ отдѣльными корпусами, чтобъ обезпечить имъ продовольствіе, а это обстоятельство представитъ, съ одной стороны, значительныя выгоды для обороняющихся, а съ другой — непреоборимыя препятствія для наступающихъ,—препятствія, которыя въ состояніи уничтожить самыя геніальныя предпріятія, особенно если обороняющіеся будутъ опустошать страну по мѣрѣ отступленія въ напередъ избранныя позиціи и съ благоразуміемъ защищать ихъ шагъ за шагомъ. Эти выгоды понимаютъ въ Россіи, о нихъ прямо говорятъ, и я полагаю, что таковъ и будетъ способъ войны; но едва ли на комъ-нибудь остановился выборъ главнокомандующаго".

Кнезебекъ выѣхалъ изъ Петербурга въ тотъ же день, 24-го февраля (7-го марта), и въ то же самое число прусское министерство подписало союзный договоръ съ Франціей, присланный изъ Парижа за подписью уже герцога Бассано. Договоръ, предназначенный къ извѣстности, былъ только *оборонительный* между королемъ и императоромъ Наполеономъ „противъ всякой изъ европейскихъ державъ, которая напала бы на владѣнія одной изъ договаривающихся сторонъ" и обезпечивающій цѣлость ея владѣній (ст. 2-я и 3-я). На каждый же случай, когда новымъ союзникамъ пришлось бы совокупно дѣйствовать въ исполненіе этого договора, предполагалось заключать *особое* соглашеніе. Но этотъ случай ужь имѣли въ виду. Въ тотъ же день подписанъ былъ другой *тайный* трактатъ, въ которомъ постановлено, что первый договоръ будетъ не только оборонительнымъ, но и *наступательнымъ*, съ тѣмъ лишь условіемъ, что Пруссія не обязана принимать участія въ войнахъ Франціи за Пиренеями, въ Италіи и Турціи. Казалось бы, этимъ договоромъ обезпечивалось содѣйствіе Пруссіи въ

войнѣ Франціи съ Россіей. Не смотря на то, въ тотъ же день прусское правительство подписало еще три договора также тайные, первый—о мѣрѣ содѣйствія Франціи въ войнѣ съ Россіей, второй—объ образѣ дѣйствій въ отношеніи къ Англіи, и третій—о продовольствіи французскихъ войскъ во время ихъ похода черезъ Пруссію; этотъ послѣдній трактатъ долженъ былъ окончательно разорить жителей этой страны [1]).

Скрывая вообще свои дѣйствія отъ нашего посланника, прусскій кабинетъ не могъ однакоже утаить отъ него посольство Кнезебека. Баронъ Гарденбергъ счелъ нужнымъ заявить о томъ графу Ливену, говоря, что король рѣшился послать генерала въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобъ объяснить Русскому императору, что онъ „болѣе всего желаетъ сохранить его довѣренность и дружбу, представить печальное положеніе Пруссіи, конфиденціально сообщить о безуспѣшныхъ его попыткахъ склонить Австрію къ союзу противъ Франціи, объявить, что онъ вынужденъ былъ уступить требованіямъ послѣдней и просить его—не нарушать мира". Справедливо было только послѣднее обстоятельство, то-есть, желаніе убѣдить Русскаго императора подчиниться также безусловно волѣ Наполеона, какъ подчинилась Пруссія. О всѣхъ другихъ предметахъ не было и помину въ переговорахъ Кнезебека съ нашимъ правительствомъ. Впрочемъ, такъ говорилъ баронъ Гарденбергъ нашему посланнику, какъ канцлеръ Пруссіи. Но при этомъ же свиданіи онъ говорилъ ему: „Какъ частный человѣкъ, я совершенно раздѣляю вашъ образъ мыслей, въ чемъ могла убѣдить васъ моя записка, которую вы читали. Она не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія на короля; его дѣйствіями въ настоящее время руководитъ только *страхъ*. Я предвижу время, когда короля оставятъ всѣ порядочные люди, и окружатъ его люди продажные и покорные Франціи. Я также оставилъ бы его; но при смерти королевы я далъ ему клятву никогда его не оставлять. Но это не можетъ продолжаться долго; меня постараются удалить. Скоро, быть можетъ, я буду вынужденъ просить убѣжища у васъ. Надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ этой просьбѣ, зная мои чувства и убѣжденія".

Конечно, это признаніе прусскаго канцлера не оставляло въ нашемъ посланникѣ уже никакого сомнѣнія относительно того направленія, которое приняла политика Берлинскаго кабинета; но прошло около мѣсяца послѣ этого свиданія, какъ король прислалъ къ нему маіора Врангеля

[1]) Mémoires d'un homme d'état, т. III, стр. 334.

объявить, что Пруссія заключила союзный договоръ съ Франціей. „По этотъ договоръ", говорилъ онъ,—„не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго Россіи. Онъ заключенъ съ тою цѣлію, чтобы спасти существованіе Пруссіи и опредѣлить проходъ французскихъ войскъ чрезъ его владѣнія". Король продолжалъ скрывать отъ нашего посланника значеніе своего союза съ Наполеономъ въ отношеніи къ Россіи даже въ то время, когда оно сдѣлалось извѣстно всей Европѣ, и когда онъ самъ поручилъ тому же маіору Врангелю объявить графу Ливену, что уже нѣтъ никакой надежды на поддержаніе мира, потому что Наполеонъ окончательно рѣшился воевать съ Россіей.

Выслушавъ Врангеля, графъ Ливенъ просилъ его передать его признательность королю за эти заявленія, но въ то же время сказать, что онъ считалъ себя достойнымъ большей довѣренности и откровенности съ его стороны, потому что не только ему, но и всему дипломатическому корпусу извѣстно, что договоромъ, заключеннымъ Пруссіей съ Наполеономъ, опредѣлено число прусскихъ войскъ, которыя будутъ воевать вмѣстѣ съ его войсками противъ Россіи" [1]).

Баронъ Гарденбергъ объяснялъ политику Берлинскаго кабинета исключительно страхомъ короля за существованіе своего королевства. Но король отличался слабостію характера и постоянно находился подъ вліяніемъ окружавшихъ его лицъ. Обѣ партіи могли пользоваться и пользовались этимъ страхомъ, какъ орудіемъ для своихъ видовъ и цѣлей, и если побѣдила одна другую, то это служитъ доказательствомъ, что она была сильнѣе и многочисленнѣе. Дѣйствительно, людей вліятельныхъ въ прусскомъ правительствѣ, желавшихъ союза съ Россіей, было весьма не много, да и изъ нихъ нѣкоторые вынуждены были дѣйствовать вопреки своихъ убѣжденій, какъ и самъ прусскій канцлеръ. Сенъ-Марсанъ, кажется, былъ правъ, когда доносилъ своему правительству, „что король и его министръ ревностно желали заключить союзъ съ Франціей, видя въ немъ единственное средство спасти государство и улучшить его состояніе въ будущемъ. Они видятъ въ немъ не только мѣру, вызванную временными обстоятельствами, но вообще основаніе для прусской политики. Таково мнѣніе барона Гарденберга, и послѣ многочисленныхъ съ нимъ разговоровъ я убѣдился, что онъ твердо его держится. Всѣ безпокойства Пруссіи только и заключались въ опасеніи, что ей не удастся заключить

---

[1]) Депеша графа Ливена графу Румянцеву 20-го января (1-го февраля) и 20-го февраля (3-го марта) 1812 года.

этого союза. Это было единственное оружіе, которымъ могли воспользоваться наши враги, еслибы воспользовались они во-время и увлекли въ союзъ собою короля, внушивъ страхъ народу. Это опасеніе изчезло. Король и его министры только и думаютъ о томъ, чтобы добросовѣстно слѣдовать системѣ Франціи и помогать видамъ императора Наполеона всѣми средствами, находящимися въ ихъ распоряженіи. То вниманіе и готовность, которую выказываютъ при всякомъ даже незначительномъ случаѣ, могутъ служить тому доказательствомъ. Народъ, который вообще всегда здраво смотрѣлъ на обстоятельства, радуется тому направленію политики, которое приняло его правительство. Конечно, я не хочу сказать, чтобы не находилось лицъ, которыя имъ недовольны и жалуются на обстоятельства, не хочу сказать, чтобы въ случаѣ неудачъ не выразился духъ оппозиціи и не пріобрѣлъ послѣдователей; но я увѣренъ, что Пруссія—такая же вѣрная союзница Франціи, какъ Саксонія и Баварія; быть можетъ даже, она считаетъ этотъ союзъ въ политическомъ отношеніи выгоднѣе, нежели эти двѣ державы“..[1]).

Таковъ дѣйствительно былъ взглядъ прусскаго правительства на союзъ съ Франціей, но тѣмъ не менѣе нѣкоторыя лица считали его вынужденнымъ обстоятельствами и не питали къ нему сочувствія. Къ числу ихъ принадлежали баронъ Гарденбергъ и самъ король. „Я убитъ горемъ, государь“, писалъ онъ Русскому императору, рѣшившись, наконецъ, объявить ему объ этомъ союзѣ,—„когда думаю, какое направленіе вынудила меня принять необоримая необходимость. Но я огорчаюсь еще болѣе, думая, что ваше величество, которое всегда отдавали справедливость моимъ чувствамъ, откажете мнѣ въ ней въ настоящее время“. Говоря, что только крайняя необходимость вынудила его „пожертвовать влеченіями его сердца“, король подробно излагаетъ обстоятельства, предшествовавшія заключенію имъ союза съ Франціей. „Ваше величество, вспомните“, писалъ онъ,—„съ какою подробностію я излагалъ вамъ, въ нашихъ послѣднихъ разговорахъ въ Петербургѣ, то положеніе, въ какомъ я буду находиться въ Берлинѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ непріятельскими войсками, даже во время мира. Оставивъ Кенигсбергъ и переѣхавъ въ Берлинъ для пользы моего государства и уступая вашимъ совѣтамъ, я не могъ скрывать отъ себя, что съ этого времени я долженъ буду считать себя въ

[1]) Депеша Сенъ-Марсена герцогу Бассано 18-го апрѣля 1812 г. изъ Берлина. *Fain*, Manuscrit de 1812, ч. I, приложеніе къ I гл., стр. 114 и 115.

совершенной зависимости отъ Франціи, и въ случаѣ ея войны съ Россіей, по несчастію, долженъ буду слѣдовать за нею. Когда доброе согласіе между двумя имперіями начало разрушаться, припомните, государь, сколько разъ я заклиналъ васъ письменно и поручалъ графу Ливену сообщить вамъ, чтобы вы употребили всѣ способы для избѣжанія войны, которая могла начаться при самыхъ неблагопріятныхъ для васъ условіяхъ, и которая, лишь только Австрія отказалась бы отъ участія, вынудила бы Пруссію на ужасное рѣшеніе соединиться съ Франціей. Ваше величество полагали, что выгоды вашей имперіи требовали приготовлять огромныя вооруженія, умалчивая о причинахъ и о цѣли этихъ приготовленій, которыя я постоянно считалъ самымъ вѣрнымъ средствомъ вызвать войну. Годъ тому назадъ, быть можетъ, простыми переговорами и уваженіемъ къ общимъ выгодамъ Европы можно было предотвратить эту ужасную борьбу, которая скоро начнется. Теперь, когда обѣ державы вооруженныя стоятъ одна противъ другой, трудно начать переговоры и достигнуть соглашенія. По мѣрѣ того, какъ приближался разрывъ, мое положеніе становилось затруднительнѣе и плачевнѣе. Въ крайнихъ обстоятельствахъ, когда мои владѣнія могли быть наводнены со всѣхъ сторонъ враждебными войсками, когда силы и средства, которыми я могъ еще распологать, могли быть уничтожены, прежде нежели я могъ бы ихъ соединить, когда ваше величество, твердо слѣдуя предпринятой системѣ не дѣйствовать наступательно, отнимали у меня всякую надежду на скорую и достаточную помощь, когда разрушеніе Пруссіи было бы началомъ войны съ Россіей, я долженъ былъ уступить обстоятельствамъ, и прежде всего — спасти свое государство отъ немедленнаго разрушенія. Вы можете быть увѣрены, государь, что я не скрываю отъ себя ужасныхъ послѣдствій войны для моего государства, ни той опасности, которая можетъ угрожать ему впослѣдствіи; но для меня оставался только выборъ между двухъ золъ. Ближайшая опасность должна была имѣть вліяніе на мои рѣшенія, и каковъ бы ни былъ исходъ настоящихъ произшествій, будущее обѣщаетъ мнѣ возможность сохранить мое существованіе въ виду взаимныхъ выгодъ Россіи и Франціи, когда онѣ будутъ хорошо поняты и въ надеждѣ на драгоцѣнную для меня вашу дружбу. Нѣтъ нужды говорить вамъ, государь, чего мнѣ стоило рѣшиться поступить такъ, какъ я поступилъ; но я утѣшаю себя мыслью, что исполнилъ первѣйшую обязанность—относительно сохраненія государства, пожертвовавъ самыми дорогими мнѣ чувствами. Это одно успокоиваетъ мою совѣсть. Пожалѣйте обо мнѣ, государь, но не обвиняйте меня. Я поз-

волю себѣ сказать, что и ваше величество сами бывали въ такомъ положеніи, когда разумъ вынуждалъ лучше покориться жестокимъ обстоятельствамъ, нежели погибнуть, хотя бы и со славой, и когда вы принимали хотя и благоразумныя рѣшенія, но которыя дорого стоили вашему великодушному сердцу. Какой оборотъ не приняли бы событія, мол непоколебимая привязанность къ особѣ вашего величества не измѣнитъ своихъ свойствъ. Если начнется война, мы не сдѣлаемъ болѣе зла одинъ другому, чѣмъ сколько потребуютъ строгія правила войны, и не будемъ забывать, что мы — друзья, и что прійдетъ время, когда мы будемъ союзниками. Уступая непреоборимой необходимости, мы сохранимъ однакоже свободу и искренность нашихъ чувствъ" [1]).

Нельзя позволить себѣ заподозрить искренность этого письма, написаннаго съ такимъ чувствомъ и съ такою откровенностію, а оно въ свой чередъ, доказываетъ, что король иначе дѣйствовать не могъ. Съ одной стороны страхъ, который овладѣлъ всею Европою въ виду роковой, какъ-бы стихійной силы императора Франціи, не признающей ни нравственности, ни права и справедливости, страхъ, который на слабую, хотя и благородную душу дѣйствовалъ сильнѣе, и котораго дѣйствіе усиливало вліяніе общественнаго мнѣнія большинства правительственныхъ людей Пруссіи, съ другой—положеніе, принятое Россіей, не рѣшавшеюся дѣйствовать наступательно и силой привлечь въ свой союзъ Пруссію, совершенно объясняютъ образъ дѣйствій Прусскаго короля. Онъ не желалъ дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, и это объясняетъ въ свой чередъ, почему онъ скрывалъ отъ нашего кабинета свои переговоры съ Франціей до послѣдней минуты; но его кабинетъ сознательно дѣйствовалъ противъ Россіи, увлекая за собою своего главу барона Гарденберга: онъ былъ враждебенъ Россіи и ожидалъ великихъ благъ отъ императора Наполеона.

Послѣдствія союза Пруссіи съ Франціей обнаружились весьма скоро: генералу Іорку дано было знать, чтобъ онъ не руководствовался болѣе тѣми наставленіями, которыя были даны ему правительствомъ въ виду военной конвенціи, заключенной Шарнгорстомъ съ Россіей; король запретилъ привозъ колоніальныхъ произведеній изъ Россіи (25-го апрѣля); французскія войска наводнили Пруссію и начали грабить ее,

[1]) Письмо короля къ императору Александру I изъ Потсдама, $^{10}/_{31}$-го марта 1812 года.

какъ завоеванную страну; въ Берлинъ, Шпандау, Пиллау и Кенигсбергъ введены французскіе гарнизоны; управленіе Берлиномъ поручено французскому генералу, и король принужденъ былъ почти бѣжать въ Бреславль [1]).

VI.

Сношенія съ Австріею.

Въ письмѣ Прусскаго короля къ императору Александру, писанномъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1811 года, онъ указываетъ на политику Австріи, какъ на одно изъ существенныхъ обстоятельствъ, вынудившихъ Пруссію не вступать въ союзъ съ Россіей, къ чему клонились его помышленія. Дѣйствительно, во все продолженіе 1811 г. король и его канцлеръ постоянно указывали нашему двору на двусмысленную политику Вѣнскаго кабинета. Много разъ король поручалъ сообщать графу Ливену, нашему посланнику при Берлинскомъ дворѣ, извѣстія, получаемыя имъ изъ Вѣны отъ своего посланника барона Гумбольдта, расположеннаго въ пользу союза съ Россіей и ненавистника французскаго ига, тяготѣвшаго надъ Германіей. Но наши дипломатическіе дѣятели не придавали значенія извѣстіямъ Гумбольдта, опираясь, конечно, на тѣ свѣдѣнія объ отношеніяхъ къ намъ Вѣнскаго кабинета, которыя сообщало имъ наше правительство, и приписывали личнымъ качествамъ барона тревожный характеръ его сообщеній. Пруссія опасалась Австріи не безъ причины, — у нихъ были старые счеты. Если императоръ Наполеонъ рѣшился уничтожить Пруссію какъ самостоятельное государство, раздѣливъ ея владѣнія между другими государствами, и лишить короны Гогенцоллернскій домъ, въ чемъ не сомнѣвался король и его кабинетъ, то безъ сомнѣнія, Австрія могла принять участіе въ этомъ раздѣлѣ, чтобы возвратить Силезію, отнятую у нея насильственно Фридрихомъ Великимъ. Недовѣріе ли русскаго правительства къ тѣмъ извѣстіямъ, которыя получала Пруссія отъ своего посланника изъ Вѣны, или вѣрнѣе, ея собственная подозрительность въ отношеніи къ Австріи побуждала ея кабинетъ употреблять всѣ средства, чтобы разузнать дѣйствительные политическіе виды Австріи, такъ ловко скрываемые графомъ Меттернихомъ. Въ ноябрѣ 1811 г. король отправилъ въ Вѣну особаго

---

[1]) Mémoires d'un hommes d'état, т. III, стр. 335; депеша графа Ливена къ графу Румянцеву 30-го января (11-го февраля) 1812 г.

уполномоченнаго — г. Якоби, стариннаго пріятеля перваго министра Австріи и получилъ отъ него утѣшительное извѣстіе, что императоръ Австрійскій принимаетъ величайшее участіе въ судьбѣ Пруссіи, что онъ искренно желаетъ сохранить ея существованіе и съ цѣлію ея уничтоженія никогда не присоединится къ видамъ Франціи Но въ то же время онъ заявилъ, что Австрія слишкомъ истощена послѣдними войнами, что она чувствуетъ недостатокъ какъ въ войскахъ, такъ и въ деньгахъ, и потому не можетъ принять участія ни въ какихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Сообщая эти извѣстія нашему посланнику, баронъ Гарденбергъ прибавилъ, что Вѣнскій кабинетъ чрезвычайно недоволенъ С.-Петербургскимъ, который будто бы весьма холодно отнесся къ его предложенію содѣйствовать намъ въ примиреніи съ Турками. Хотя, по словамъ Меттерниха, Россія впослѣдствіи и предлагала Австріи, — „подѣлиться съ нею завоеваніями у Турокъ, но Австрія, замѣчалъ Гарденбергъ, — подозрѣваетъ такіе завоевательные замыслы со стороны Россіи, для которыхъ послѣдняя пожертвуетъ и Пруссіей и Австріей, еслибы на нихъ напала Франція. Вообще, послѣ тильзитскаго договора было довольно распространено въ Германіи мнѣніе, что миръ между Франціей и Россіей состоялся на томъ условіи, что Россія не будетъ препятствовать Франціи властвовать на западѣ Европы, а Франція — Россіи на востокѣ. Это мнѣніе высказывалось иногда и передъ войной 1812 г. „Я забылъ прибавить“, писалъ графъ Местръ Сардинскому королю, сообщая объ огромныхъ военныхъ приготовленіяхъ Россіи, — „что послѣдствіемъ всѣхъ этихъ приготовленій можетъ быть миръ. Оба вождя могутъ взаимно напугать одинъ другаго. Съ одной стороны, послѣдуетъ признаніе *Западнаго императора* со всѣми послѣдствіями этого титула, съ другой — что помѣшаетъ этимъ двумъ господамъ раздѣлить между собою Европу. Я вовсе не думаю, чтобы Русскій императоръ былъ томимъ жаждою пріобрѣтеній; но если онъ не можетъ избѣгнуть войны на жизнь и смерть иначе, какъ рѣшившись на пріобрѣтенія, ни достигнуть твердаго мира безъ пріобрѣтеній, въ такомъ случаѣ я ни за что не отвѣчаю и не могу себя увѣрить, чтобы Наполеонъ не могъ сдѣлать ему подобнаго предложенія, убѣдившись, что его попытка напугать не удалась“ [1]). Соглашеніе

---

[1]) Correspond. politique, т. I, стр. 81 и 82; письмо $^{9}/_{21}$-го апрѣля, 1812 года: «Mais si cet accord avait lieu, ce serait au moyen de quelque autre accord diabolique».

между двумя императорами въ виду подобной цѣли ультрамонтанское воображеніе графа Местра допускало какъ *дьявольское новожденіе*; а графъ же Меттернихъ хотя и не придавалъ ему вовсе вѣры, но употреблялъ однако какъ средство внушить и такъ уже напуганной всѣми страхами Пруссіи недовѣріе къ Россіи.

Вслѣдъ за Якоби король Прусскій послалъ въ Вѣну, съ большими полномочіями, человѣка, пользовавшагося особеннымъ его довѣріемъ, генерала Шарнгорста, но и эта попытка осталась безъ успѣха. Вѣнскій кабинетъ объявилъ ему, что Австрія питаетъ расположеніе къ Пруссіи, но не вступитъ съ нею ни въ какіе договоры на случай войны Россіи съ Франціей. Вся ея забота будетъ состоять въ томъ, чтобы сохранить строгій нейтралитетъ. „При этомъ заявленіи", писалъ графъ Ливенъ, „Вѣнскій кабинетъ горько жаловался на Россію и далъ понять, что поведеніе нашего кабинета вынуждаетъ его дѣйствовать такимъ образомъ". Графъ Меттернихъ говорилъ, что мы упустили случай заключить миръ съ Турками, а это-де служитъ доказательствомъ, что насъ не исключительно занимаютъ дѣла Европы, и что у насъ имѣются и другіе виды. Австрія предлагала свое участіе въ виду современнаго положенія дѣлъ; но русскій кабинетъ отвѣчалъ ей, что находится въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ Франціи, а между тѣмъ императоръ Наполеонъ постоянно жалуется на Россію, и обѣ имперіи продолжаютъ свои вооруженія.

Сообщая нашему кабинету эти извѣстія о направленіи политики Вѣнскаго кабинета, графъ Ливенъ писалъ, что они произвели сильное впечатлѣніе на короля, и что теперь „можно опасаться, чтобъ онъ не сталъ на сторону Франціи"; но самъ посланникъ не придавалъ имъ должнаго значенія и считалъ преувеличенными [1]). Можетъ быть, такими же считалъ ихъ и нашъ кабинетъ, выслушивая постоянныя увѣренія въ дружбѣ Австріи къ Россіи отъ ея уполномоченнаго министра при нашемъ дворѣ и получая донесенія своихъ посланниковъ изъ Вѣны; но во всякомъ случаѣ онъ не питалъ особеннаго довѣрія къ политикѣ Вѣнскаго кабинета, зная ея дѣйствія противъ насъ въ Турціи и подозрѣвая въ тайныхъ сношеніяхъ съ Франціей послѣ женитьбы императора Наполеона на австрійской эрцгерцогинѣ.

Еще до этого брака, императоръ Наполеонъ началъ выражать не-

---

[1]) Депеши графа Ливена графу Румянцеву 10/22-го ноября, 5/17-го декабря и 23-го декабря 1811 4-го января 1812) г.

удовольствіе противъ Россіи за ея недостаточное участіе въ войнѣ съ Австріей; но послѣ заключенія этого брака политика его кабинета постоянно дѣйствовала враждебно по отношенію къ Россіи. Отказъ утвердить конвенцію о Польшѣ, имъ же самимъ предложенную, торжественное непризнаніе 111-й статьи нашего Фридрихсгамскаго договора съ Швеціей и прописки въ Константинополѣ явно обличали направленіе этой политики. Но императоръ Наполеонъ избѣгалъ еще разрыва съ Россіей, увѣрялъ въ желаніи сохранить союзъ съ нею и искреннюю дружбу съ императоромъ Александромъ и потому старался убѣдить, что его бракъ съ дочерью Австрійскаго императора имѣетъ значеніе семейнаго союза и нисколько не измѣняетъ его политическихъ отношеній къ другимъ державамъ и даже къ самой Австріи. Въ февралѣ 1810 г. князь Куракинъ писалъ нашему канцлеру, что въ то время, когда онъ лежалъ больной въ постелѣ и собирался отправить нарочнаго въ Петербургъ, къ нему заѣхалъ герцогъ Кадорскій. „Онъ мнѣ сказалъ, что его нарочно прислалъ ко мнѣ императоръ Наполеонъ объявить, что онъ выбралъ уже себѣ невѣсту въ особѣ эрцгерцогини Луизы, старшей дочери Австрійскаго императора. Ему предложили ея руку, и онъ принялъ предложеніе, потому что эта принцесса уже способна къ браку (deja nubile) и ея мать и бабка были весьма плодовиты (fort fécondes), что даетъ ему надежду, что его желаніе имѣть прямыхъ наслѣдниковъ исполнится и обезпечитъ счастіе Франціи; императоръ Наполеонъ надѣется, что этотъ выборъ будетъ пріятенъ и нашему императору, потому что устраняетъ возможность новой войны съ Австріей, и слѣдовательно, способствуетъ къ сохраненію мира на материкѣ Европы, чего такъ желаетъ Россія. Притомъ герцогъ увѣрялъ, что политика не входила въ соображенія при этомъ выборѣ, и что императоръ Наполеонъ по прежнему будетъ поддерживать союзъ съ Россіей“ [1]).

Дѣйствительно, самъ императоръ Наполеонъ при каждомъ случаѣ выражалъ эту мысль. Принимая нашего чрезвычайнаго посланника, князя Алексѣя Борисовича Куракина, пріѣхавшаго съ исключительною цѣлію поздравить его отъ лица Русскаго императора съ бракосочетаніемъ, онъ выразилъ удовольствіе именно потому, что только въ этомъ и состояла цѣль его посольства. „Я полагаю“, сказалъ онъ,—

[1]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву 28-го января (9-го февраля) 1810 года.

„что послѣ этого замолчатъ уличные политики, распускающіе слухи, что союзъ мой съ Австріею приведетъ къ холоднымъ отношеніямъ къ Россіи. Я совершенно съ иной точки зрѣнія смотрю на этотъ союзъ. Это семейная связь, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть вліянія на политическіе союзы, требуемые выгодами обѣихъ имперій. Я женился потому, что долженъ былъ это сдѣлать во всякомъ случаѣ; но эта женитьба не можетъ измѣнить моихъ убѣжденій и моихъ обязанностей. Стоя во главѣ народа, я тщательно долженъ охранять его выгоды, не завидуя ни выгодамъ, ни благоденствію Россіи. Отдаленность одной имперіи отъ другой не можетъ и не должна служить поводомъ къ разрыву союза, который предполагаютъ. Мои дѣйствія доказали, до какой степени я желалъ заключить союзъ съ Россіей“ [1]).

Едва ли и уличные политики, какъ называлъ общественное мнѣніе Наполеонъ, предполагали, что отдаленность одной имперіи отъ другой можетъ служить поводомъ къ разрыву союза между ними. Что же касается до него самого, то это обстоятельство во время Тильзитскихъ переговоровъ онъ считалъ однимъ изъ поводовъ къ прочности союза. Общественное мнѣніе вѣрно угадало разрывъ Франціи съ Россіей именно въ это время, но ошиблось только, приписывая его браку Наполеона съ австрійскою эрцгерцогинею. Это былъ дѣйствительно семейный союзъ, удовлетворявшій гордости Наполеона, но не союзъ политическій. При Эрфуртскомъ свиданіи онъ отклонилъ предложеніе императора Александра принять въ союзъ двухъ имперій и третью, то-есть, Австрію, которая при этомъ условіи изъявляла готовность прекратить свои вооруженія. Не вступить въ союзъ съ Австріей, какъ равный съ равнымъ, желалъ императоръ Наполеонъ, но покорить ее своей власти также, какъ и Пруссію, окруживъ ее со всѣхъ сторонъ своими войсками или войсками своихъ союзниковъ. Этой цѣли онъ достигъ силою; послѣ Шенбрунскаго мира Австрія оказалась почти въ такомъ же положеніи, какъ и Пруссія. Брачнымъ союзомъ Наполеонъ полагалъ, посредствомъ нравственнаго вліянія, придать большую прочность своему господству надъ Австріей. Еслибъ онъ согласился въ Эрфуртѣ на союзъ трехъ имперій, то самъ подписалъ бы отреченіе отъ своихъ замысловъ на господство надъ всею Европою, усилилъ бы

---

[1]) Депеша князя Алексѣя Куракина графу Румянцеву 30-го мая (11-го іюня) 1810 года.

Россію союзомъ съ Австріей, къ которому въ крайнемъ случаѣ могла присоединиться и Пруссія, и создалъ бы сильный оплотъ противъ своего стремленія къ всемірному владычеству. Но покоривъ Австрію силою оружія и пріобрѣтя возможность нравственнаго на нее вліянія, онъ вполнѣ достигалъ своей цѣли. Ему легко было потомъ принудить ее къ союзу политическому, но это не входило еще въ его виды. Онъ не хотѣлъ возвышать политическое значеніе Австріи въ Европѣ и еще менѣе вызывать разрывъ съ Россіей ранѣе, нежели считалъ для себя выгоднымъ. Поэтому при каждомъ случаѣ онъ повторялъ увѣренія въ дружбѣ къ Русскому императору и желаніе поддержать союзъ между двумя имперіями, а въ то же время стремился къ тому, чтобы возбудить враждебныя чувства Австріи противъ Россіи. Почва для такого образа дѣйствій была подготовлена. Вопросъ о пріобрѣтеніяхъ Россіи отъ Турціи возбуждалъ зависть Вѣнскаго кабинета и желаніе такихъ же пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ.

При прощальномъ свиданіи съ нашимъ чрезвычайнымъ посломъ, императоръ Наполеонъ повторилъ тѣ же увѣренія въ дружбѣ къ Русскому императору и желаніе поддержать союзъ съ Россіей, и между прочимъ, сказалъ: „Я объявилъ уже, что считаю Молдавію и Валахію принадлежащими Россіи, и не перемѣню моего слова, не смотря на то, что это можетъ убавить мое вліяніе въ этихъ странахъ. Вы отняли у Франціи и Австріи тѣ привиллегіи, которыми они пользовались въ этихъ княжествахъ. Австрія совѣтовалась со мною, какъ надо поступать въ этомъ случаѣ, и я отвѣчалъ, что, признавъ ихъ уже собственностію Россіи, я не могу вмѣшиваться въ это дѣло. Я долженъ даже желать, чтобъ эти княжества вамъ принадлежали, вопервыхъ, уже потому, что это утверждаетъ ваши границы на лѣвомъ берегу Дуная, то-есть, на естественной границѣ, которую необходимо вамъ было пріобрѣсть, вовторыхъ, потому, что это пріобрѣтеніе исполняетъ желаніе императора Александра, а для меня всегда пріятно то, что̀ можетъ доставить ему выгоды,— втретьихъ, наконецъ, не скрою отъ васъ, я не противлюсь этому увеличенію вашей имперіи потому, что оно *дѣлаетъ Австрію постояннымъ вашимъ врагомъ*, которая, скажу вамъ, боится васъ столько же, какъ и меня. Что касается до меня, то я не заключаю и не заключу никакого союза съ Австріей. Цѣль пребыванія здѣсь графа Меттерниха состоитъ лишь въ томъ, чтобы выхлопотать нѣкоторыя льготы въ отношеніи къ нхъ внутреннимъ дѣламъ. Переговоры, которые онъ ведетъ, касаются, такъ сказать,

администраціи и не имѣютъ никакого политическаго характера. Я заключилъ родственный союзъ съ Австрійскимъ императоромъ, потому что этотъ бракъ былъ выгоденъ для меня во всѣхъ отношеніяхъ; но тутъ нѣтъ мѣста для политики" [1]).

Конечно, эта послѣдняя причина наиболѣе входила въ разчеты Наполеона, и выражая ее князю Куракину, онъ имѣлъ намѣреніе возбудить подозрѣніе нашего кабинета къ политикѣ Австріи, точно также какъ пользуясь нашими пріобрѣтеніями въ Турціи, на которыя съ постоянною завистью смотрѣла Австрія, онъ возбуждалъ ее противъ насъ. „Онъ старается возбудить зависть Австрійцевъ въ отношеніи къ намъ по случаю нашихъ пріобрѣтеній въ Турціи", писалъ въ то же время флигель-адъютантъ Чернышевъ нашему канцлеру. — „Онъ указываетъ имъ даже на нашъ образъ дѣйствій въ послѣднюю войну и ставитъ намъ въ укоръ, что мы рѣшились взять у Австріи предложенную имъ часть Галиціи". Наполеонъ, сообщалъ Чернышевъ, — говорилъ ему, что рѣшился дать согласіе на то, чтобы Россія пріобрѣла Молдавію и Валахію, только изъ ненависти къ Австріи (par la haine contre Autriche): „Я сказалъ себѣ", говорилъ императоръ Французовъ, — „мои виды исключительно французскіе; если, съ одной стороны, такая обширная держава, какъ Россія, увеличится еще пріобрѣтеніемъ двухъ прекрасныхъ областей, которыя достанутъ ей важныя средства, то съ другой—я пріобрѣтаю ту выгоду, что Австрія становится во враждебныя къ ней отношенія, чего не случилось бы при другихъ обстоятельствахъ. Но это ея дѣло, а не мое; мои виды туда не простираются (mon eau ne va pas jusqu'à là); это австрійскій вопросъ, а не французскій" [2]). Но какъ только измѣнились, послѣ послѣдней войны съ Австріей и брачнаго союза съ ея императорскимъ домомъ, отношенія къ ней Франціи, Наполеонъ счелъ долгомъ указать на этотъ вопросъ Вѣнскому кабинету, извѣстивъ своего посланника, что именно *изъ ненависти* къ Австріи онъ согласился на пріобрѣтеніе Россіей Дунайскихъ княжествъ и далъ понять, что когда мѣсто ненависти заняла уже дружба, скрѣпленная родствомъ, то французская политика въ отношеніи къ этому вопросу можетъ принять иное направленіе [3]). Эти намеки оказали свое дѣйствіе на политику Вѣнскаго кабинета.

---

[1]) Депеша князя Куракина къ графу Румянцеву $^{8}/_{20}$ августа 1810 г.

[2]) Exposé des discours que m'a tenu l'emp. Napoleon le $^{9}/_{21}$ et $^{11}/_{23}$ Octobre 1810.

[3]) *Bignon*, Hist. de France, 2-me époque, гл. XXVIII; письмо императора Наполеона къ герцогу Кадорскому 25-го февраля н. ст. 1811 г., стр. 387—388.

До заключенія Тильзитскаго мира нашимъ посланникомъ въ Австріи былъ графъ А. К. Разумовскій, вполнѣ раздѣлявшій, не по званію только, которымъ былъ облеченъ, но и по личнымъ убѣжденіямъ, враждебныя чувства своего кабинета къ политикѣ Франціи. По заключеніи этого мира, онъ долженъ былъ оставить свое мѣсто, уступить его князю Куракину, тоже не поклоннику Наполеона, но считавшему союзъ съ нимъ политическою необходимостію и въ этомъ отношеніи болѣе соотвѣтствовавшему тогдашнимъ видамъ Петербургскаго кабинета. Но взгляды графа Разумовскаго на политику того времени проистекали не изъ чувствъ русскаго человѣка, сознанныхъ разумно представителемъ Россіи при одной изъ старѣйшихъ европейскихъ монархій, а сливались съ общимъ взглядомъ всей старой феодальной европейской аристократіи, съ которою, конечно, ничего не имѣло общаго русское дворянство; но съ которою Разумовскій сжился до того, что окончивъ свою службу государству, не счелъ нужнымъ возвратиться въ отечество. Онъ оставался въ Вѣнѣ, гдѣ настроилъ дворцовъ, въ городѣ и за городомъ, и гдѣ его домъ служилъ средоточіемъ, привлекавшимъ все высшее общество столицы Австріи своимъ роскошнымъ гостепріимствомъ, своими пирами, обѣдами и ужинами и умною бесѣдой о современной политикѣ. Дамы разныхъ націй занимали видное мѣсто въ бесѣдахъ, а особенно жена русскаго героя князя Багратіона. Тамъ вертѣлся и Генцъ, главный сотрудникъ графа Меттерниха, подкупной и развратный подспудный политикъ; тамъ, рядомъ съ графомъ Стадіономъ, послѣ Шенбрунскаго мира уступившимъ свое мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ Австріи графу Меттерниху, постоянно присутствовалъ и этотъ послѣдній [1]). Князь Куракинъ, разумѣется, сталъ прирожденнымъ членомъ этого общества. Задача князя Куракина была не слишкомъ трудна; увѣряя Австрію въ желаніи Россіи сохранить ея существованіе въ Европѣ въ качествѣ сильной и самостоятельной державы, необходимой не только для европейскаго равновѣсія политическихъ силъ, но и для огражденія Россіи отъ напора завоевательныхъ стремленій представителя революціонной Франціи, Куракинъ долженъ былъ только останавливать ее отъ наступательныхъ дѣйствій, и совѣтовать не начинать войны съ нимъ при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, когда Россія даже, такъ благорасположенная къ ней, должна будетъ дѣйствовать противъ нея совокупно съ Наполеономъ, въ силу тайныхъ условій. Ку-

[1]) *Bignon*, Hist. de France, 2-me époque, гл. XXVIII, стр. 392 и слѣд.

ракинъ полагалъ, и не безъ основанія, что исполнилъ возложенное на него порученіе. Въ то время, когда графъ Румянцевъ находился при императорѣ въ Эрфуртѣ, Куракинъ увѣдомлялъ его, что онъ „льститъ себя надеждою, что государь будетъ доволенъ его извѣстіями, что Вѣнскій кабинетъ далъ положительныя увѣренія въ желаніи сохранить миръ. Австрія только и желаетъ мира, и безъ сомнѣнія, не нарушитъ его. Она послѣдуетъ тѣмъ внушеніямъ, которыя получала чрезъ мое посредство. Я считаю себя счастливымъ, что могу вамъ сообщить эти хорошія извѣстія. Вы кстати получите ихъ въ Эрфуртѣ, и они могутъ быть вами приняты во вниманіе при предстоящихъ тамъ важныхъ переговорахъ“ [1]).

Но именно эрфуртскіе переговоры разрушили надежды нашего посланника. Австрія, оскорбленная не только непринятіемъ ея въ союзъ съ Россіей и Франціей, но и исключеніемъ отъ всякаго участія въ этихъ переговорахъ, поняла, что императоръ Наполеонъ вызываетъ ее на войну, къ которой она и должна готовиться. Въ это время Куракинъ назначенъ былъ посломъ въ Парижъ, а его мѣсто въ Вѣнѣ, послѣ непродолжительнаго пребыванія тамъ Алопеуса въ качествѣ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, занялъ графъ Штакельбергъ. Онъ точно также, какъ Куракинъ, попалъ въ среду того общества, котораго средоточіемъ былъ домъ графа Разумовскаго. Съ перемѣною политическаго положенія Австріи послѣ войны, оно не измѣнило своихъ взглядовъ и только съ большею раздражительностію относилось къ политикѣ императора Наполеона, которая оскорбляла даже французскаго посланника при Вѣнскомъ дворѣ. Графъ Отто обращалъ на это вниманіе графа Меттерниха, а его секретарь Лагранжъ, пріѣхавъ въ концѣ 1810 г. въ Парижъ, представилъ императору Наполеону особую записку, въ которой взгляды, выражаемые графомъ Разумовскимъ въ Вѣнѣ, представлялъ весьма враждебными Франціи и крайне для нея опасными. Въ его сношеніяхъ съ нашимъ уполномоченнымъ Алопеусомъ Лагранжъ замѣчалъ зародышъ коалиціи противъ Франціи и своими доносами заподозрилъ многихъ изъ жителей Вѣны. Увѣдомляя объ этомъ нашъ кабинетъ, князь Куракинъ писалъ: „императоръ Наполеонъ желаетъ знать со всѣми подробностями обо всемъ, что происходитъ въ иностранныхъ государствахъ, не считая неважнымъ для общаго хода дѣлъ никакого поступка, никакого слова, какъ бы пусто и ничтожно оно ни

---

[1]) Частное письмо князя Куракина къ графу Румянцеву изъ Вѣны $^{9}/_{21}$ сентября 1808 г.

было. Поэтому онъ обращаетъ особенное вниманіе на *анекдотическую* сторону переписки своихъ посланниковъ и уполномоченныхъ при иностранныхъ дворахъ (attache une extrême valeur à la partie anecdotique de la correspondance de ses ministres et agents à l'étranger). Зная вкусы своего повелителя, они наперерывъ другъ передъ другомъ стараются сообщить ему какъ можно болѣе свѣдѣній, которыя большею частію оказываются ложными". Къ числу такихъ сообщеній принадлежала и записка Лагранжа, подавшая однакоже поводъ къ тому, что герцогъ Кадорскій жаловался на графа Разумовскаго нашему посланнику, а императоръ Наполеонъ требовалъ даже отъ графа Меттерниха, чтобъ его выслали изъ Австріи. „Я отвѣчалъ ему", разказывалъ графъ Меттернихъ нашему посланнику въ Парижѣ, „что императоръ мой повелитель никогда не рѣшится на это, и—что графа Разумовскаго чрезвычайно уважаютъ въ Австріи. Онъ ведетъ весьма мирный образъ жизни, какъ частный человѣкъ, проживая свои огромные доходы, и по своему рожденію и званію не можетъ быть высланъ изъ государства". Императоръ Наполеонъ, прибавляетъ князь Куракинъ,—не настаивалъ болѣе на этомъ вопросѣ и намѣренъ обратиться съ своимъ требованіемъ къ нашему правительству; вмѣстѣ съ тѣмъ Куракинъ выражалъ увѣренность, что его попытка не увѣнчается успѣхомъ [1]). Такъ ли отвѣчалъ графъ Меттернихъ императору Наполеону, какъ передавалъ онъ нашему посланнику, или иначе, но съ вѣроятностію можно предполагать, что онъ старался убѣдить его, что то общество, которое онъ самъ посѣщаетъ постоянно, и слѣдовательно, наблюдаетъ за нимъ, которое открыто выражаетъ свои мнѣнія, состоитъ изъ иностранцевъ и людей, не имѣющихъ значенія въ правительствѣ Австріи, не можетъ быть опасно. Дѣйствительно, и притомъ оно было опасно только для новаго нашего посланника, а не для политики Вѣнскаго кабинета, принявшей съ перемѣною обстоятельствъ новое направленіе.

Послѣ Шенбрунскаго мирнаго договора, графъ Меттернихъ, занявъ мѣсто графа Стадіона, круто повернулъ направленіе политики Вѣнскаго двора, но съ такою ловкостію, что на первыхъ порахъ этого не замѣтили ни общество, ни самъ императоръ. Ему удалось вывесть императора Наполеона изъ крайне затруднительнаго положенія въ отношеніи къ нашей императорской семьѣ, устроивъ, при помощи австрійскаго посланника при Тюльерійскомъ дворѣ, графа Шварц-

[1]) Депеша князя Куракина графу Румянцеву $^{5}/_{17}$-го сентября 1810 г.

ценберга, его бракъ съ австрійскою эрцгерцогинею. Этою удачею въ семейномъ дѣлѣ Меттерних желалъ немедленно воспользоваться и въ политическихъ видахъ. Лишь только совершено было бракосочетаніе, онъ обратился съ просьбою къ императору Наполеону дозволить ему пріѣхать въ Парижъ. Еслибъ съ этою просьбою обратился къ нему одинъ изъ членовъ Габсбургскаго дома, то безъ сомнѣнія, Наполеонъ понялъ бы, что она вызвана родственнымъ чувствомъ, участіемъ къ молодой императрицѣ и желаніемъ убѣдиться въ ея счастливой судьбѣ. Но австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, испрашивая это дозволеніе, руководился, конечно, не семейными чувствами, а политическими соображеніями. Поэтому императоръ Наполеонъ поручилъ увѣдомить графа Меттерниха, что дозволяетъ пріѣхать ему въ Парижъ, но безъ особенныхъ порученій отъ Австрійскаго правительства, не въ качествѣ чрезвычайнаго посланника по дѣламъ политики. Отклоняя явныя порученія, онъ допускалъ однакоже тайныя (confidentielles) и велѣлъ объявить, что Меттернихъ будетъ принятъ при Тюльерійскомъ дворѣ также, какъ былъ принятъ графъ Румянцевъ послѣ Эрфуртскаго свиданія [1]).

Поѣздка въ Парижъ перваго министра Австріи, не вызванная никакими явными причинами, возбудила подозрѣнія нашего кабинета. Канцлеръ поручалъ кн. Куракину разузнать о дѣйствіяхъ гр. Меттерниха. Но окружая его всѣми любезностями, Тюльерійскій дворъ хранилъ строгую тайну о своихъ переговорахъ съ нимъ, и нашему посланнику не удалось ничего разузнать „Я имѣю основаніе предполагать однако же," писалъ онъ гр. Румянцеву,—что не заключено наступательнаго и оборонительнаго союза между Австріей и Франціей; но Тюльерійскій кабинетъ желая возбудить въ насъ подобное подозрѣніе, употребляетъ всѣ средства, чтобы пустить въ ходъ эту мысль, и хочетъ заставить вѣрить, относясь съ необыкновеннымъ вниманіемъ лично къ гр. Меттерниху, что дѣйствительно существуетъ тѣсный политическій союзъ между двумя кабинетами. Это обстоятельство и подало поводъ къ слухамъ, распространившимся во всей Германіи и расцвѣченнымъ газетами. Въ то время, какъ императоръ Наполеонъ дѣйствуетъ въ отношеніи къ намъ такимъ образомъ, чтобы внушить намъ подозрѣніе въ отношеніи къ Австріи, онъ разжигаетъ ея зависть къ намъ, преувеличивая въ ея глазахъ наши виды на Турцію. Такой

[1]) Письмо герцога Кадорскаго къ Коленкуру 18-го мая 1810 г.; донесеніе его же императору Наполеону 24-го марта 1810 г.

образъ дѣйствій не новъ,—онъ послужилъ способомъ для императора Наполеона подчинить своему господству всю Европу, возбуждая постоянно недовѣріе одной державы къ другой и препятствуя согласію между ними, которое такъ для него опасно". Чтобы противодѣйствовать такой политикѣ Наполеона, Куракинъ совѣтовалъ откровенно объясниться съ Вѣнскимъ кабинетомъ [1]). Но ему знакомъ былъ кабинетъ гр. Стадіона, и онъ не могъ предполагать, чтобы послѣ новаго униженія, испытаннаго Австріей отъ Наполеона, ея политика могла такъ круто повернуть свое направленіе въ рукахъ новаго министра. Хотя императоръ Наполеонъ и не заключилъ немедленно союза съ Австріей, считая его преждевременнымъ, но къ ея предложеніямъ отнесся иначе, нежели къ такимъ же предложеніямъ Пруссіи. Даже въ то время, когда онъ рѣшился заключить союзъ съ нею и держалъ ее въ своихъ рукахъ, окруживъ своими военными силами, онъ настоятельно требовалъ, чтобъ она прекратила вооруженіе и не увеличивала бы своихъ войскъ болѣе назначеннаго Тильзитскимъ договоромъ количества. Совершенно иначе онъ отнесся къ Австріи. Послѣдствіемъ поѣздки гр. Меттерниха въ Парижъ было то, что кромѣ нѣкоторыхъ льготъ въ отношеніи къ уплатѣ контрибуціи, условленной Шенбрунскимъ договоромъ, Наполеонъ отказался, изъ личнаго будто бы уваженія къ императору Австрійскому, своему тестю, отъ одной изъ важныхъ статей этого договора, а именно, чтобъ Австрія не увеличивала своихъ войскъ болѣе 150 тысячъ [2]). Дозволяя ему увеличивать по собственнымъ соображеніямъ войска, онъ очевидно не опасался, чтобъ они могли обратиться противъ него, а между тѣмъ Австрія могла вооружить несравненно большія силы, нежели Пруссія. Такъ искренно графъ Меттернихъ, поддерживаемый графомъ Шварценбергомъ, выражалъ свою непріязнь къ Россіи, возбуждая Францію разорвать съ нею союзъ и начать военныя дѣйствія [3]).

Если новое направленіе политики Вѣнскаго кабинета оставалось неизвѣстнымъ для князя Куракина, то еще большею тайной оно было для нашего посланника въ Австріи. Возвратившись изъ Парижа, графъ Меттернихъ получилъ большую силу въ своемъ правительствѣ. Не столько выпрошенныя имъ льготы въ уплатѣ контрибуціи, сколько от-

[1]) Депеша князя Куракина къ графу Румянцеву 28-го іюля (9-го августа) 1810 г.

[2]) Ст. 2-я секретнаго договора см. *Bignon*, Hist. de France, т. XVI, стр. 227.

[3]) *Fain*, Manuscrit de 1813, замѣчанія Наполеона на объявленіе войны Австріей, 12-го августа 1813 г., т. II, стр. 208.

мѣна унизительной для гордости самостоятельнаго монарха статьи, ограничивавшей число его войскъ, пріобрѣли ему расположеніе императора; а разказы чадолюбивому отцу о счастіи его дочери, о блескѣ и величіи, которыми она окружена, ввели его въ близкія отношенія къ его государю. Пріобрѣтя вліяніе на императора, Меттернихъ не заботился уже о мнѣніяхъ и взглядахъ Вѣнскаго общества, по прежнему поддерживалъ съ нимъ дружескія отношенія, по прежнему посѣщалъ домъ графа Разумовскаго и по прежнему увѣрялъ нашего посланника въ неизмѣнной политикѣ Вѣнскаго кабинета, основанной на сохраненіи дружескихъ отношеній между Австріей и Россіей.

Между тѣмъ тучи нашествія Наполеоновыхъ силъ на Россію скоплялись все болѣе и болѣе на западѣ Европы, и всѣ были увѣрены, что онѣ разразятся разрушительною грозою въ 1811 году. Вопросъ о томъ, какое приметъ участіе Австрійская имперія въ этомъ новомъ и рѣшительномъ переворотѣ въ судьбахъ европейскихъ государствъ, пріобрѣталъ все больше и больше значенія въ соображеніяхъ политическихъ дѣятелей. Изъ Парижа князь Куракинъ и Чернышевъ постоянно указывали на необходимость привлечь Австрію къ союзу съ Россіей и для этой цѣли заключить во что бы то ни стало миръ съ Турками. Наслѣдный принцъ Шведскій постоянно разчитывалъ на этотъ союзъ, слушая увѣренія австрійскаго посланника при Стокгольмскомъ дворѣ, генерала Нейперга, принимавшаго дѣятельное участіе въ сближеніи Швеціи съ Россіей. Король Прусскій указывалъ на этотъ союзъ какъ на одно изъ условій и для союза Пруссіи съ Россіей.

Конечно, значеніе Австріи при предстоящемъ переворотѣ понималъ и русскій кабинетъ. Въ началѣ 1811 г. императоръ Александръ собственноручно написалъ инструкцію графу Штакельбергу, въ которой поручалъ ему слѣдующее; „объяснить Вѣнскому двору мои отношенія къ Франціи, завѣряя положительно, что я не желаю войны и употребляю всѣ способы, совмѣстные съ моимъ достоинствомъ, чтобъ отложить ее. Но если на меня нападутъ, то будучи увѣренъ, что Австрія не можетъ быть равнодушна къ сохраненію Россіи, я счелъ полезнымъ сообщить ей свѣдѣнія о тѣхъ значительныхъ силахъ, которыми я могу располагать". Заявляя нашему посланнику, что онъ лично передалъ о нихъ подробныя свѣдѣнія графу Сенъ-Жюльену, австрійскому посланнику при нашемъ дворѣ, императоръ для соображенія сообщилъ ему также собственноручно написанный списокъ всѣхъ войскъ. Онъ поручилъ ему увѣрить Вѣнскій кабинетъ, что не требуетъ со-

дѣйствія отъ Австріи, зная, какъ она нуждается въ мирѣ и спокойствіи, но считаетъ необходимымъ войдти въ соглашеніе съ нею о такихъ политическихъ событіяхъ, которыя возможно предвидѣть, если только начнется война. „Въ числѣ этихъ событій, какъ самое важное и вѣроятное", писалъ императоръ,—я предвижу — возстановленіе Польши императоромъ Наполеономъ, при чемъ въ составъ ея онъ включитъ и Галицію, отдавъ въ замѣнъ ея Австріи какія-либо другія области. Если ему удастся то, съ цѣлію, конечно, вредить Россіи, то не имѣя возможности прямо воспрепятствовать исполненію его намѣреній, я считаю болѣе благоразумнымъ принять мѣры къ устраненію того зла, которое можетъ изъ того послѣдовать. Въ этомъ случаѣ Россія будетъ вынуждена занять Польшу, употребивъ на то всѣ способы, которыми можетъ располагать, и тогда я предлагаю Австріи Молдавію и Валахію по р. Серетъ въ полную собственность, чтобы доказать ей, съ одной стороны, что я не стремлюсь лишь къ пріобрѣтеніямъ, а съ другой—что виды Россіи клонятся къ тому, чтобъ Австрія оставалась могущественною державой". Императоръ поручалъ также своему посланнику объявить Австрійскому правительству, что въ случаѣ счастливаго исхода для Россіи этой возможной войны, онъ отнесется благопріятно, если Австрія захочетъ вознаградить себя за понесенныя ею потери. Но для личнаго руководства посланника онъ прибавлялъ: „Въ случаѣ неизбѣжнаго уже разрыва между Россіей и Франціей, еслибы вамъ удалось склонить Австрію къ дѣятельному намъ содѣйствію противъ Франціи, то этимъ вы оказали бы мнѣ великую услугу. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ показывать, что мы просимъ ее объ этомъ." На тотъ случай, еслибы Вѣнскій дворъ открыто рѣшился дѣйствовать за одно съ Россіей, императоръ поручилъ графу Штакельбергу имѣть въ виду слѣдующія два обстоятельства: 1. Австрія должна начать дѣйствовать въ то время, какъ уже откроется война между Россіей и Франціей, и слѣдуетъ рѣшительно удержать Австрію, еслибъ она рѣшилась начать дѣйствія прежде насъ и тѣмъ избавить Россію отъ непріятности быть вовлеченною ею въ войну, какъ это случилось въ 1805 году. „Я самъ", писалъ императоръ,—„долженъ опредѣлить время моего разрыва съ Франціей". 2. Необходимо, чтобы каждый дѣйствовалъ своими силами съ своей стороны, а не соединяя силъ обѣихъ имперій въ одно войско; но цѣль должна быть общая: „ограничить притязанія Наполеона, а вовсе не вести войну съ Франціей".

Въ случаѣ союза съ Австріей, императоръ не желалъ, чтобъ она относилась враждебно къ Баваріи, чѣмъ могла только скрѣпить ея

союзъ съ Наполеономъ. Напротивъ, онъ желалъ, чтобъ она признала неприкосновенность баварскихъ владѣній, а въ случаѣ счастливаго исхода войны, обѣщалъ свое содѣйствіе возвратить Австріи Тироль отъ Баваріи въ промѣнъ на какія-либо другія области [1]).

„Объ этой инструкціи не знаетъ канцлеръ“, писалъ императоръ въ заключеніе графу Штакельбергу, и поручалъ ему всѣ извѣстія о томъ, какъ онъ будетъ сообразно съ нею дѣйствовать, сообщать прямо ему въ собственныя руки, въ Зимній дворецъ, помимо министерства иностранныхъ дѣлъ. Это обстоятельство снова указываетъ на двойное теченіе въ русской политикѣ, хотя и одинаковой въ основныхъ взглядахъ, но различавшихся въ способѣ дѣйствій. Чѣмъ объяснить, что императоръ, питавшій довѣріе къ своему канцлеру, скрываетъ отъ него сношенія съ Австрійскимъ дворомъ по вопросу такой важности? Вѣроятно, графъ Румянцевъ сохранялъ увѣренность, что императоръ Наполеонъ не имѣетъ намѣренія начать войну, но желаетъ только запугать Россію военными приготовленіями, и не терялъ надежды, что въ такомъ случаѣ Наполеонъ обратится вновь къ мирнымъ переговорамъ и сдѣлается сговорчивѣе; поэтому канцлеръ считалъ преждевременнымъ входить въ переговоры о союзахъ и особенно съ Австріей, чтобъ этимъ самымъ не раздражить Наполеона и дѣйствительно не вызвать его на войну. Онъ зналъ, что самъ Наполеонъ не входилъ еще въ переговоры о формальныхъ союзахъ съ этими державами, и можетъ быть, въ этомъ обстоятельствѣ усматривалъ подтвержденіе своей мысли, что онъ не рѣшился еще на войну, и что пререканія между Россіей и Франціей могутъ быть еще улажены путемъ мирныхъ переговоровъ. Но взглядъ императора былъ иной: онъ былъ увѣренъ, что Наполеонъ рѣшился воевать и потому желалъ вывесть изъ двусмысленнаго положенія политику Вѣнскаго двора и убѣдиться, какъ будетъ дѣйствовать Австрія при предстоявшей войнѣ. По этой цѣли русской политикѣ не удалось достигнуть во все продолженіе 1811 года. Конечно, главнѣйшая причина заключалась въ томъ, что графъ Меттернихъ не могъ обличить своей политики ранѣе, нежели требовали этого виды Тюльерійскаго кабинета. Австрія не колебалась, какъ Пруссія, но прямо стала подручницею Франціи и ожидала только урочнаго часа начать вмѣстѣ съ нею войну противъ Россіи. Но до того времени она, безъ сомнѣнія, должна была скрывать свои намѣренія. Графъ Меттернихъ постоянно увѣрялъ нашего по-

[1]) Instruction secrète pour le c-te de Schtackelberg, 13 février 1811.

сланника, что „единственное желаніе императора, его повелителя, заключается въ томъ, чтобъ обѣ древнѣйшія имперіи шли рука объ руку какъ въ видахъ своихъ взаимныхъ выгодъ, такъ и общихъ европейскихъ дѣлъ". Онъ подробно перечислилъ, какія заслуги Россіи оказывала политика Вѣнскаго кабинета какъ въ отношеніи къ Франціи, такъ и Оттоманской имперіи, увѣряя, что совершенно зависитъ отъ насъ заключить немедленно миръ съ послѣднею и поддерживать дружбу съ первою. Если Вѣнскій кабинетъ не можетъ свободно дѣйствовать въ общихъ видахъ съ русскою политикою, то въ этомъ виновата сама Россія, упорно затягивая войну съ Турками требованіями отъ нихъ значительныхъ территоріальныхъ уступокъ и отказывая въ полномочіяхъ своему посланнику въ Парижѣ, или не посылая особаго посольства для миролюбивыхъ соглашеній съ французскимъ правительствомъ, которое только того и желаетъ. Въ отношеніи къ Пруссіи Меттернихъ выражалъ совершенную холодность и увѣрялъ нашего посланника, что она ведетъ тайные переговоры съ Наполеономъ. Слухи о сближеніи Пруссіи съ Франціей, о ея вступленіи въ Рейнскій союзъ постоянно возобновлялись въ Вѣнѣ въ продолженіе 1811 года. Но рядомъ съ ними возобновлялись слухи о такихъ же переговорахъ Вѣнскаго кабинета и уже въ августѣ мѣсяцѣ говорили, что предварительныя условія соглашенія между Австріей и Франціей подписаны въ Вѣнѣ графомъ Отто и графомъ Меттернихомъ. Сколько довѣрялъ первымъ нашъ посланникъ, столь же мало вѣрилъ онъ послѣднимъ. Онъ постоянно увѣрялъ наше правительство, что Австрія не прійметъ никакихъ предложеній Франціи и сохранитъ свой „нейтралитетъ, до такой степени благопріятный для всѣхъ при настоящемъ положеніи европейскихъ дѣлъ". Что касается до союза съ Россіей, то графъ Штакельбергъ питалъ убѣжденіе, что его нельзя достигнуть. Но во всякомъ случаѣ, желая сообразоваться съ наставленіями, данными ему императоромъ, онъ, по его словамъ, заговаривалъ иногда съ графомъ Меттернихомъ на счетъ замысловъ императора Наполеона возстановить Польшу и тѣхъ опасностей, какими это событіе можетъ угрожать обѣимъ имперіямъ. Графъ Меттернихъ совершенно соглашался съ его мнѣніемъ; но при этомъ замѣчалъ, что сама Россія была къ тому поводомъ, допустивъ такое значительное усиленіе Варшавскаго герцогства въ 1809 году. Затѣмъ, когда нашъ посланникъ заявлялъ, что обѣимъ имперіямъ слѣдуетъ принять мѣры противъ этого зла, и намекалъ на какихъ условіяхъ возможно было бы согласиться между собою въ виду этой цѣли, графъ Меттернихъ отклонилъ всякое объ-

ясненіе и общими словами отвѣчалъ на такіе намеки, что Австрія желаетъ сохранить дружескія отношенія къ Россіи [1]).

Это одно обстоятельство уже должно было бы внушить нашему посланнику нѣкоторое подозрѣніе къ политикѣ австрійскаго двора; но къ нему присоединились еще и другія. Извѣстія о побѣдахъ графа Кутузова надъ Турками произвели такое раздражающее впечатлѣніе на графа Меттерниха, что онъ пересталъ уже скрывать свою вражду къ Россіи. „Государственный министръ", писалъ графъ Штакельбергъ,— „прямо говоритъ, что всякій нашъ миръ съ Турками будетъ чрезвычайно невыгоденъ для Австріи, если онъ не будетъ заключенъ на основаніи status quo ante bellum. Онъ высказалъ свой взглядъ въ этомъ отношеніи передъ многими лицами и такъ рѣзко, что это доказываетъ, что онъ ошибся въ своихъ разчетахъ, преувеличивая силы Турціи и уменьшая наши. Конечно, это ставитъ въ затруднительное положеніе министра иностранныхъ дѣлъ передъ императоромъ, котораго онъ постоянно увѣрялъ, что нашъ миръ съ Турками не будетъ скоро заключенъ. Теперь наши успѣхи надъ Турками могутъ, вопреки его разчетовъ, повлечь за собою скорое заключеніе мира, что̀ можетъ побудить графа Меттерниха склонить своего государя къ союзу съ Франціей. Я столько же опасаюсь оскорбленнаго самолюбія министра, сколько и угрожающаго ущерба выгодамъ Австріи. Она не можетъ равнодушно смотрѣть на наши пріобрѣтенія на востокѣ, единственной странѣ, на которую направлены ея притязанія на пріобрѣтенія, могущія вознаградить ея за потери, понесенныя въ войнахъ противъ Франціи". Нашъ посланникъ, входившій совершенно въ виды австрійской политики, не былъ пораженъ странностію разчетовъ Австріи на пріобрѣтенія со стороны державы, съ которою она находится въ мирѣ, потому только, что Россія, воюя съ Турками и побѣждая ихъ, могла законно присвоить себѣ ту добычу, на которую разчитывалъ Вѣнскій дворъ. Таковы дѣйствительно были виды этого двора. „Графъ Меттернихъ", продолжаетъ нашъ посланникъ, — „вчера говорилъ одному изъ моихъ товарищей съ видомъ оскорбленія, что Россія не приняла прошлою зимою посредничества Австріи въ примиреніи ея съ Оттоманскою Портою, предложеннаго чрезъ посредство Сенъ-Жюльена, что онъ постоянно

[1]) Депеши графа Штакельберга къ графу Румянцеву $^{18}/_{30}$-го января, 23-го января (15-го февраля). $^{8}/_{20}$-го апрѣля, $^{5}/_{17}$-го іюля, $^{9}/_{21}$-го іюля и $^{16}/_{28}$-го августа 1811 года.

льстилъ себя надеждою, что для установленія искреннихъ отношеній къ Австріи Россія откажется отъ всѣхъ пріобрѣтеній со стороны Турціи. Если же вмѣсто того нашъ миръ съ Турками будетъ заключенъ въ Бухарестѣ на тѣхъ условіяхъ, которыя казались вѣроятными при отъѣздѣ послѣдняго оттуда курьера, то я не отвѣчаю, какія изъ этого могутъ произойдти послѣдствія въ отношеніяхъ къ намъ Вѣнскаго кабинета". Австрія предлагала намъ свои услуги для примиренія съ Турками именно въ тѣхъ видахъ, чтобы какъ возможно ограничить наши пріобрѣтенія отъ Порты и за свое посредничество пріобрѣсть свою долю участія въ нихъ. Мѣсяцъ спустя, нашъ посланникъ сообщалъ графу Румянцеву, что „рѣчи графа Меттерниха о ходѣ дѣлъ въ Россіи становится тревожнѣе, нежели были прежде. Впрочемъ, до тѣхъ поръ, пока мы не заключимъ мира съ Турками, мы ставимъ въ такое же затруднительное положеніе Австрію въ отношеніи къ Франціи, въ какомъ находилась и Пруссія. Сходство между ними не дурно опредѣлилъ графъ Меттернихъ, говоря, что Пруссія есть войско безъ страны, а Австрія—страна безъ войска. Сходство положенія, безпокойство, къ несчастію, возможное, что Россія какъ-нибудь войдетъ въ соглашеніе съ Франціей въ ущербъ Пруссіи и Австріи, сближаютъ ихъ между собою, и впервые съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь нахожусь, сдѣлались часты сношенія Вѣны съ Берлиномъ". Входя совершенно въ виды австрійской политики и забывая свои обязанности какъ представителя русскаго кабинета, графъ Штакельбергъ разсуждалъ о томъ, что несогласіе этихъ дворовъ было постоянною причиною несчастій Европы, и полагалъ, что отъ ихъ соглашенія могутъ произойдти благія послѣдствія, какъ бы не замѣчая, что оно состоялось подъ вліяніемъ Франціи и противъ Россіи, — а между тѣмъ извѣщалъ нашъ кабинетъ, что императоръ Наполеонъ желаетъ, чтобъ Австрія вступила въ союзъ съ Пруссіей и содѣйствуетъ этому всѣми способами [1]).

Конечно, русскій кабинетъ не могъ быть доволенъ дѣйствіями своего представителя при Вѣнскомъ дворѣ. Недовольный ими императоръ, вѣроятно, ввелъ канцлера въ тайны своей политики въ отношеніи къ Австріи, и графъ Румянцевъ, въ началѣ іюня, писалъ графу Штакельбергу: „Императоръ, судя по нѣкоторымъ изъ вашихъ сообщеній, убѣдился, что Вѣнскій кабинетъ твердо рѣшился

---

[1]) Депеши графа Штакельберга 4-го ноября, 17-го декабря и 27-го декабря 1811 года (8-го января 1812 года).

поддерживать нейтралитетъ въ случаѣ разрыва Россіи съ Франціей, и слѣдовательно, мы не должны опасаться, чтобъ Австрія объявила себя противъ насъ. Но безъ сомнѣнія, его величеству было бы пріятнѣе, еслибы два старинные императорскіе двора вступили въ болѣе тѣсныя отношенія между собою, притомъ и болѣе согласныя съ ихъ истинными выгодами". Описывая наши отношенія къ Франціи, Румянцевъ, говорилъ, что хотя Тюльерійскій кабинетъ и постоянно говоритъ о желаніи сохранить миръ съ Россіей, но всѣ его дѣйствія противорѣчатъ словамъ и обличаютъ противуположныя намѣренія. При такомъ положеніи дѣлъ, нашъ канцлеръ выражалъ желаніе получить болѣе опредѣленныя свѣдѣнія о видахъ Вѣнскаго кабинета. Въ отвѣтъ на это онъ, графъ Штакельбергъ, увѣдомилъ его, что графъ Меттернихъ отклоняетъ всякіе переговоры о союзѣ, увѣряетъ, что Австрія не вступила въ союзъ съ Франціей, но въ то же время не отвѣчаетъ за дальнѣйшія дѣйствія ея политики. Эти сообщенія вызвали новое требованіе канцлера къ нашему посланнику не ограничиваться неопредѣленными заявленіями, но доставить положительныя свѣдѣнія о направленіи, которое принимаетъ политика Австріи въ отношеніи къ нашему двору. На это графъ Штакельбергъ отвѣчалъ: „Мои отношенія къ Вѣнскому двору хороши, даже удивительно хороши, если принять въ соображеніе, что вліяніе на него Франціи будетъ постоянно преобладающимъ до тѣхъ поръ, пока мы не дадимъ твердую точку опоры Австрійскому правительству заключеніемъ мира съ Турками. Что она колеблется между двумя направленіями (nage entre deux eaux), — это зависитъ отъ сущности того положенія, въ которое она поставлена; что у ея министра иностранныхъ дѣлъ два лица,—это опять такое же неизбѣжное зло. Сказать вашему сіятельству, которому я изъ нихъ болѣе придаю довѣрія, я не могу; у васъ болѣе данныхъ, чтобы судить объ этомъ. Въ Вѣнѣ ненавидятъ Французовъ; и дворъ, и городъ совершенно согласны въ этомъ чувствѣ. Мнѣ кажется, что правительство, которое всѣми мѣрами старается поддержать свое достоинство въ сношеніяхъ съ Франціей, съ трудомъ согласится въ тайнѣ трудиться надъ своимъ собственнымъ разрушеніемъ; но законъ необходимости, но обязанность государя дѣлать какъ можно менѣе зла своимъ народамъ, если онъ не можетъ сдѣлать имъ добра,—вотъ передъ чѣмъ, графъ, должна замолчать всякая риторика. Наша политика или лжеполитика, помѣшавшая намъ во что бы то ни стало заключить миръ съ Турками и привлечь на свою сторону Пруссію, приставила ножъ къ горлу Австрій-

скому правительству, а императора поставила на лезвіе бритвы. Можемъ ли мы требовать, хотя съ малѣйшею тѣнью справедливости, чтобы, восхищаясь Невой, онъ допустилъ прогнать себя изъ своей столицы за Дунай. Конечно, я не вполнѣ извиняю этого государя и тѣмъ болѣе его министра, которому—смѣю васъ увѣрить—мнѣ случалось говорить много горькихъ истинъ на счетъ ихъ образа дѣйствій. Но духъ смущенія здѣсь господствуетъ, и въ теперешнемъ положеніи дѣлъ мы сами виноваты еще болѣе ихъ, потому что далѣе находимся отъ пропасти, на краю которой стоитъ уже Вѣнскій дворъ. Чтобы не быть свергнутымъ въ эту пропасть, онъ сдѣлаетъ все, что ни прикажетъ ему французское правительство, пока онъ не убѣдится въ возможности опереться съ увѣренностію на простертую ему сильную руку помощи".

Узнавъ на другой же день послѣ этой депеши, о военныхъ приготовленіяхъ по всѣхъ областяхъ Рейнскаго союза, графъ Штакельбергъ снова писалъ канцлеру: „Ничто не можетъ извинить въ моихъ глазахъ *ложной политики* (l'impolitique), которая помѣшала намъ, на какихъ бы то *ни было* условіяхъ, заключить миръ съ Турками и привлечь къ себѣ Австрію, что теперь уже невозможно по времени года. Ничто не можетъ извинить насъ въ томъ, что мы предоставили Пруссіи дѣйствовать свободно, дозволили ея политикѣ колебаться между Наполеономъ и Александромъ и не обезпечили себя, какими бы то ни было средствами, въ ея содѣйствіи, не заняли Грауденца, который укрѣпленъ, не укрѣпили Мемеля—нашими ли рублями или прусскими руками" [1]).

Въ приведенныхъ словахъ слышится голосъ не представителя русскаго кабинета при Вѣнскомъ дворѣ, но строгаго судьи и порицателя политики нашего двора. Еслибы даже графъ Штакельбергъ и былъ правъ, упрекая Россію за то, что она не заключила до сихъ поръ мира съ Турками въ свой ущербъ и въ выгоду Австріи, что силою не привлекла къ союзу съ собою Пруссію, не заняла Грауденца, не укрѣпила Мемеля,—еслибы даже онъ былъ правъ, выражая образъ мыслей, господствовавшій въ домѣ графа Разумовскаго и порицавшій всю политику Россіи, начавшуюся съ Тильзитскаго мира, то во всякомъ случаѣ онъ былъ виноватъ передъ русскимъ кабинетомъ уже потому,

[1]) Отношенія графа Румянцева къ графу Штакельбергу 3-го іюня и 15-го декабря 1811 г.; депеши графа Штакельберга 19-го (31-го) января и 20-го января (1-го февраля) 1812 г.

что вовсе не дѣйствовалъ въ его видахъ, какіе бы они ни были, а сдѣлался орудіемъ враждебныхъ ему направленій. Безъ сомнѣнія, подобныя отношенія посланника къ своему кабинету не могли быть оставлены безъ вниманія, и графъ Штакельбергъ получилъ собственноручное письмо императора съ строгимъ выговоромъ [1]).

Не смотря, однако же, на сообщенія нашего посланника, на которыя нельзя было положиться, нашъ кабинетъ сохранялъ увѣренность, что Австрія не выступитъ враждебно противъ Россіи въ союзѣ съ Франціей, но въ самомъ худшемъ случаѣ, останется нейтральною. Эту увѣренность поддерживалъ въ немъ австрійскій посланникъ при нашемъ дворѣ, графъ Сенъ-Жюльенъ, конечно, руководствуясь наставленіями, получаемыми имъ отъ своего министра иностранныхъ дѣлъ. Его увѣренія подкрѣпляли извѣстія, получаемыя изъ Стокгольма. Наслѣдный принцъ Шведскій сообщалъ барону Сухтелену, конечно, со словъ графа Нейперга, австрійскаго посланника, что императоръ Наполеонъ дѣлалъ „весьма выгодныя предложенія Австріи; но она держится крѣпко и желаетъ оставаться нейтральною. Я поручалъ писать къ эрцгерцогу Карлу“, говорилъ Бернадотъ, — чтобы пробудить его отъ его усыпленія, и поручалъ ему сказать, что онъ старѣйшій теперь изъ военачальниковъ, что онъ съ успѣхомъ сражался съ лучшими полководцами, что его долгъ какъ въ отношеніи къ самому себѣ, такъ и его храброй націи, Европѣ и всему человѣчеству, — убѣдить императора, его брата, принять участіе въ войнѣ, которая можетъ открыться, и отъ которой зависитъ рѣшеніе судьбы всей Европы. Если дѣла пойдутъ такъ, какъ слѣдуетъ надѣяться, то прійдется создать новыхъ три или четыре престола, не считая польскаго. Онъ рожденъ для того, чтобы занять одинъ изъ нихъ,—тотъ, который будетъ ему пріятнѣе и приличнѣе его дому. Престолъ Италіи могъ бы обратить на себя его вниманіе. Однимъ словомъ, я старался разшевелить его, но не знаю, что̀ изъ этого послѣдуетъ“ [2]).

---

[1]) Рескриптъ 11-го февраля 1812 года: «Monsieur le conseillier privé actuel comte de Stakelberg! Je ne pu voir sans étonnement le ton qui règne dans vos dernières depêches. Ce n'est pas celui qui convient envers son chef. D'ailleurs toute dépêche qui vous est adressée passant sous mes yeux peut bien motiver des objections de votre part; mais non une critique dans le genre de celle que vous en faites. Je vous invite donc à vous obstenir à l'avenir de me mettre dans le cas de vous faire des observations pareilles et de nuire par là à l'éstime que je vous porte et à la justice que je me plaisais à rendre à votre service. Sur ce je prie Dieu, etc.

[2]) Письмо г. Сухтелена къ императору 18-го (30-го) мая 1812 г., изъ Стокгольма.

Не удивительно, что бывшій маршалъ Наполеона, по примѣру своего властелина, считалъ не только возможнымъ создавать престолы, но и раздавать ихъ по своему усмотрѣнію; но странно то, что онъ не зналъ, какъ мало австрійскіе эрцгерцоги имѣли вліянія на дѣла своего государства и что послѣ Суворовскихъ войнъ именно эрцгерцогъ Карлъ не особенно благоволилъ къ Россіи.

Въ русскомъ обществѣ многіе, однако же, не довѣряли австрійской политикѣ. Зная разстройство и слабость государства, эти лица опасались, что Наполеонъ силою можетъ увлечь его за собою. „Графъ“ говаривалъ графу Сенъ-Жюльену бывшій посланникъ Сардинскаго короля, графъ Местръ, — „васъ заставятъ дѣйствовать такъ, какъ захотятъ.“ „Мы слишкомъ сильны“, отвѣчалъ онъ, — „чтобы насъ можно было заставить“. Поэтому въ Петербургѣ вниманіе было устремлено именно на Австрію, и всѣ ожидали ея рѣшительнаго шага. „Глаза всѣхъ устремлены на Австрію“, писалъ въ это время графъ Местръ Сардинскому королю; — „всѣ спрашиваютъ, что она будетъ дѣлать? Если уже необходимо отвѣчать на этотъ вопросъ, то я скажу, что она сдѣлаетъ то, чего сама не ожидаетъ (elle fera ce qu'elle ne croit pas) [1]). Дѣйствительно, она такъ и поступила, хотя не безсознательно и не случайно, но увлеченная своимъ первымъ министромъ.

Подъ вліяніемъ Наполеона послѣдовало сближеніе вѣчныхъ соперницъ между собою, Пруссіи и Австріи, и послѣдствіемъ этого сближенія было обоюдное съ ихъ стороны предложеніе посредничества между Россіей и Франціей, или точнѣе сказать, просьба, обращенная къ Петербургскому кабинету, войдти въ переговоры съ Наполеономъ. Лишь только баронъ Кнезебекъ пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ нарочно посланный изъ Вѣны баронъ Маршаль привезъ порученіе австрійскому посланнику при нашемъ дворѣ присоединиться къ его заявленіямъ и склонить русскій кабинетъ отправить въ Парижъ особое посольство. Пруссія, или лучше сказать, Прусскій король, можетъ быть, и вѣрилъ въ дѣйствительность предпринятой имъ мѣры; но графъ Меттернихъ, безъ сомнѣнія, не вѣрилъ ей: онъ самъ говорилъ графу Штакельбергу, что, по извѣстіямъ, полученнымъ имъ изъ Парижа отъ графа Шварценберга, императоръ Наполеонъ не придаетъ значенія посольству графа Нессельроде, потому что увѣ-

[1]) Correspondance diplom., т. I, стр. 45 и 83.

ренъ, что послѣдній не будетъ снабженъ достаточными полномочіями [1]).

Между тѣмъ, вслѣдъ за заключеніемъ союзнаго договора Пруссіей съ Франціей, и Австрія заключила такой же 2-го (14) марта въ видѣ двухъ документовъ. Первый былъ почти повтореніемъ такого же договора, какой былъ заключенъ Австріей въ 1756 г., и также, какъ и прусскій, заключалъ въ себѣ статьи оборонительнаго лишь союза, по которому обѣ державы, признавая взаимно неприкосновенность своихъ владѣній, обязывались защищать ихъ отъ всякаго нападенія вооруженною рукою (ст. 1—3). Корпусъ вспомогательныхъ войскъ, который въ этомъ случаѣ одна держава должна была послать на помощь другой, полагался въ 30 тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ 24 тысячи было пѣхоты и 6 тысячъ конницы, при 60 пушкахъ, и долженъ былъ постоянно находиться на военномъ положеніи, готовымъ выступить въ поле не позднѣе двухъ мѣсяцевъ послѣ требованія (ст. 4). Этотъ договоръ обѣ державы предполагали содержать въ тайнѣ, конечно—потому, что одною изъ его статей (ст. 6) постановлено было *обезпечить* неприкосновенность Турецкихъ владѣній въ Европѣ, что было уже явнымъ отступленіемъ со стороны императора Наполеона отъ признанія правъ Россіи на Дунайскія княжества.

Во второмъ договорѣ, заключенномъ въ то же время и состоявшемъ изъ отдѣльныхъ тайныхъ статей, прямо выражено, что вспомогательный корпусъ австрійскихъ войскъ не будетъ дѣйствовать ни за Пиренеями, ни противъ Англіи, но только противъ Россіи, при имѣющей открыться войнѣ: „Онъ долженъ немедленно двинуться и сосредоточиться такимъ образомъ, чтобы съ 1-го мая въ 15 дней могъ быть собранъ въ Львовѣ, снабженный двойнымъ продовольствіемъ на 20 дней, артиллеріей и перевозочными средствами". Императоръ Французовъ „къ этому же времени" двинетъ всѣ свои силы противъ Россіи. Хотя австрійскій корпусъ и будетъ составлять отдѣльное цѣлое подъ начальствомъ своего генерала, но дѣйствовать какъ французскій корпусъ — въ общей связи съ войсками императора Французовъ и по непосредственнымъ его показаніямъ. Въ случаѣ, еслибы возстановлено было Польское королевство, Наполеонъ обезпечиваетъ за Австріею спокойное обладаніе Галиціей, если сама она не согласится получить въ замѣнъ ея Иллирійскія провинціи. Въ случаѣ сча-

---

[1]) Отношеніе графа Румянцева къ графу Штакельбергу 3-го февраля 1812 г.; донесеніе графа Штакельберга [16]/[28]-го декабря 1811 г.

стливаго исхода войны онъ обѣщаетъ вознаградить Австрію за ея содѣйствіе увеличеніемъ ея владѣній. Въ заключеніе обѣ договаривающіяся стороны обязались привлечь къ этому договору Оттоманскую Порту и содержать его въ тайнѣ [1]).

Эти договоры какъ съ Пруссіей, такъ и съ Австріей, весьма мало походили на международныя обязательства между двумя самостоятельными государствами, въ которыхъ соблюдаются обоюдныя выгоды (bilaterales). Не смотря на то, что союзъ съ этими государствами приносилъ пользу и былъ необходимъ именно для Франціи, и она должна вознаграждать за содѣйствіе своихъ союзниковъ, всѣ условія договора постановлены исключительно въ пользу одной стороны, а именно Франція. Такой смыслъ договора съ Пруссіей еще можетъ быть объясненъ тѣмъ крайне унижепнымъ положеніемъ, въ которомъ она находилась; но что Австрію могли удовольствовать неопредѣленныя обѣщанія увеличить ея владѣнія въ случаѣ успѣшнаго исхода войны,—это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что она сама подстрекала Наполеона начать войну противъ Россіи, обѣщая свою помощь Первое извѣстіе о заключеніи этого союза пришло въ Петербургъ изъ Швеціи. Наши посланники—ни Вѣнскій, ни Парижскій, ничего о немъ не знали во-время.

Въ половинѣ марта (17-го) генералъ Сухтеленъ узналъ, что графъ Нейпергъ, австрійскій посланникъ, получилъ извѣстіе о заключеніи союза между Австріей и Франціей и порученіе пригласить Швецію присоединиться къ этому союзу. Послѣ того, при первомъ же свиданіи (19-го марта), самъ наслѣдный принцъ сказалъ Сухтелену: „Мы получили весьма непріятное извѣстіе, но оно однако же должно только укрѣпить насъ въ нашихъ намѣреніяхъ"—и объяснилъ ему, что графъ Нейпергъ получилъ депешу отъ австрійскаго посланника при французскомъ дворѣ графа Шварценберга, написанную на другой день по подписаніи имъ союзнаго договора съ Наполеономъ, и въ которой онъ поручалъ ему объявить этотъ договоръ Стокгольмскому кабинету, пригласить Швецію присоединиться къ союзу и обѣщать ей за то возвращеніе Финляндіи. Извѣстіе объ этомъ скверномъ союзѣ, какъ называлъ его Бернадотъ (vilaine alliance), его крайне поразило, и онъ, по словамъ нашего посланника „осыпалъ упреками г. Нейперга за то,

---

[1]) Traité d'alliance entre la France et l'Autriche du 14 mars 1812. Articles séparés et secrets (*Fain*, Manuscrit de 1812. т. I, прилож. къ 1-й гл., стр. 116—121).

что тотъ постоянно увѣрялъ его, что Австрія останется въ строгомъ нейтралитетѣ, а между тѣмъ теперь явился съ предложеніемъ вступить въ союзъ противъ Россіи. Австрійскій посланникъ извинялся тѣмъ, что его кабинетъ держалъ его въ полной неизвѣстности о томъ, что происходило". Этому я вѣрю, прибавляетъ Сухтеленъ [1]),— и это дѣйствительно было вѣрно, не только относительно г. Нейперга, но и Австрійскаго посланника при нашемъ дворѣ графа Сенъ-Жюльена, постоянно увѣрявшаго, что Австрія питаетъ искреннее расположеніе къ Россіи и не вступитъ ни въ какой союзъ противъ нея. Бернадотъ отвѣчалъ рѣзкимъ отказомъ Австріи и списки со всѣхъ бумагъ передалъ Сухтелену, который и сообщилъ ихъ нашему двору.

Извѣстіе о заключеніи союза между Австріей и Франціей поразило неожиданностію и нашъ дворъ, а еще болѣе австрійскаго посланника, который совершенно растерялся и вздумалъ было неудачно отрицать его справедливость. „Онъ человѣкъ легкій", но честный, писалъ о немъ графъ Местръ своему двору,—„и поэтому-то его сюда назначили: честнаго человѣка легче и обмануть, и сдѣлать орудіемъ для обмана другихъ. Очевидно, онъ былъ посланъ сюда, чтобы забавлять русскій дворъ, который вѣроятно даже менѣе обманутъ, нежели онъ самъ" [2]). Немедленно посылая списокъ съ союзнаго договора между Австріей и Франціей графу Штакельбергу, канцлеръ поручалъ ему заявить Вѣнскому двору, что „императоръ пораженъ, узнавъ о поступкѣ государя, на дружбу котораго онъ, казалось, пріобрѣлъ всѣ права, какъ по чувствамъ, проистекающимъ изъ личныхъ связей, такъ и по отношеніямъ почти непрерывнымъ, въ которыхъ въ продолженіе столѣтій находились ихъ древнія монархіи, которыя, не смотря ни на какія политическія бури, все-таки преходящія, не должны терять изъ виду, что само географическое ихъ положеніе вынуждаетъ ихъ не быть безучастными одна къ другой. Его величество не считаетъ нужнымъ скрывать, до какой степени ему непріятно было убѣдиться въ томъ, какое имѣли значеніе тѣ увѣренія въ дружбѣ къ Россіи, которыя постоянно заявлялъ Вѣнскій дворъ чрезъ васъ и своего у нея посланника, графа Сенъ-Жюльена, въ то самое время, когда онъ рѣшился уже дѣйствовать противъ нея враждебно. Не съ тою ли цѣлію употреблялись заманчивые пріемы довѣ-

---

[1]) Депеша Сухтелена къ графу Румянцеву $^{19}/_{31}$-го марта 1812 г. *Графъ Местръ*, Correspond. polit., т. I, стр. 82.

[2]) Депеша $^{9}/_{21}$-го апрѣля; Corresp. diplom., т. I, стр. 78 и 83.

рія и дружбы, чтобы скрыть отъ его величества уже данное обѣщаніе воевать съ нею и тѣмъ еще болѣе повредить его имперіи!"

Но императоръ, негодуя на поступокъ Австрійскаго двора, въ то же время былъ такъ увѣренъ въ тожествѣ его видовъ и цѣлей съ нашими, что не могъ допустить и мысли о свободномъ и добровольномъ его дѣйствіи въ этомъ случаѣ и полагалъ, что онъ увлеченъ былъ силою обстоятельствъ. „Мы все-таки не измѣняемъ своихъ отношеній къ Австріи, остаемся въ сношеніяхъ съ нею", сказано въ той же нотѣ канцлера,—„и требуемъ, чтобъ она поступила въ отношеніи насъ также, какъ мы поступили съ нею. Въ то время, когда она хотѣла начать войну съ Франціей, мы объявили ей, что связаны тайнымъ договоромъ съ Наполеономъ, по условіямъ котораго обязаны помогать ему, если Австрія *нападетъ* на него, и послали даже списокъ съ самой статьи". Поэтому барону Штакельбергу предписано было требовать объясненій отъ Вѣнскаго двора, въ какой мѣрѣ она будетъ помогать Наполеону въ войнѣ противъ насъ [1])?

Этотъ вопросъ объясняется тѣмъ, что нашему кабинету не было извѣстно содержаніе тайнаго договора Австріи съ Франціей, заключеннаго въ одно и то же время съ явнымъ, и котораго существованіе нельзя было однакоже не предполагать. Явный договоръ былъ слишкомъ общъ, и его примѣненіе въ виду готовившихся уже произшествій необходимо должно быть опредѣлено съ большою ясностію. Притомъ въ немъ постановлено было стараться привлечь къ союзу Франціи и Австріи только Турцію; а между тѣмъ австрійскій посланникъ въ Стокгольмѣ, по порученію графа Шварценберга, предлагалъ и Швеціи приступить къ этому союзу. Графъ Сенъ-Жюльенъ увѣрялъ нашъ дворъ, что Вѣнское правительство вовсе не причастно къ этому дѣлу, и всю вину сваливалъ на г. Нейперга и Шварценберга „Австрійское посольство", писалъ графъ Местръ своему правительству,—„негодуетъ на Шварценберга, утверждая, что онъ, по легкомыслію, позволилъ себѣ послать такую депешу въ Стокгольмъ. Я началъ смѣяться, услыхавъ такое объясненіе. „Мы вамъ сейчасъ представимъ доказательства" Я прервалъ мудреца: „Вѣроятно, вы скажете мнѣ, что самъ Шварценбергъ говоритъ въ своей депешѣ: вслѣдствіе договора, подписаннаго мною *вчера*, а—министръ не долженъ основываться на договорѣ, еще не ратификованномъ его государемъ". „*Именно* такъ", отвѣчали мнѣ. Итакъ, это-то *имено* и указываетъ на то, что

[1]) Нота канцлера графу Штакельбергу 28-го марта 1812 г.

въ инструкціи министру было сказано: лишь только будетъ подписанъ договоръ, вы сдѣлаете то-то, не ожидая ратификаціи. Вы можете приписывать какія угодно качества графу Шварценбергу, кромѣ глупости" [1]).

Нашъ кабинетъ, послалъ нашему посланнику при Вѣнскомъ дворѣ списокъ съ главнаго договора, заключеннаго Австріей съ Наполеономъ, вслѣдъ затѣмъ увѣдомилъ его о поступкѣ графа Нейперга, который предлагалъ Швеціи приступить къ этому договору и поручалъ ему немедленно истребовать объясненія отъ Вѣнскаго двора [2]). Союзъ Австріи съ Наполеономъ имѣлъ особенное значеніе для Россіи. Имъ обезпечивалась неприкосновенность турецкихъ владѣній въ Европѣ, а нашъ миръ съ Оттоманскою Портою еще не былъ заключенъ. Удалось-ли бы намъ заключить этотъ миръ до начала войны съ Франціей, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ возможность территоріальныхъ пріобрѣтеній отъ Турціи дѣлалась сомнительною. Австрія, соединенно съ французскими войсками, находившимися въ Иллирійскихъ областяхъ, могла уничтожать всѣ надежды, основанныя на побѣдахъ графа Кутузова. Вовлекла ли бы она въ союзъ съ собою и Францію Оттоманскую Порту, или нѣтъ, достаточно было враждебнаго положенія ея войскъ вмѣстѣ съ французскими, чтобы вынудить наши войска, простиравшіяся только до 45 тысячъ, къ отступленію отъ Дуная въ предѣлы имперіи. Такое положеніе дѣлъ естественно возбуждало важный для насъ вопросъ, въ какой мѣрѣ Австрія обязалась помогать Наполеону въ войнѣ съ Россіей, и вынуждало нашъ кабинетъ выражать надежду, что Австрія приступила къ союзу съ Франціей не по доброму желанію, но вынужденная силою обстоятельствъ.

Въ то время какъ наше правительство давало такія порученія графу Штакельбергу, союзъ Австріи съ Франціей уже не былъ тайною въ Вѣнѣ. Слухъ о немъ распространился немедленно по полученіи самыхъ актовъ, подписанныхъ въ Парижѣ. Онъ поразилъ неожиданностію Вѣнское общество, которое, слѣдуя увѣреніямъ, постоянно заявляемымъ самимъ графомъ Меттернихомъ, ожидало, что Австрія сохранитъ нейтралитетъ при предстоявшей войнѣ; союзъ этотъ возбудилъ сильное негодованіе, особенно когда сдѣлались извѣстными тайныя статьи. Эти слухи дошли, конечно, и до нашего посланника, который,

---

[1]) Correspond. diplomatique, т. I, стр. 88.

[2]) Отношеніе графа Румянцева къ графу Штакельбергу 8-го апрѣля 1812 г.

сообщая ихъ канцлеру, писалъ подъ вліяніемъ страха, распространившагося во всей Германіи, „что военныя приготовленія Франціи огромны. Можетъ быть, преждевременно и слишкомъ печально, еслибы пришлось уподобить Пруссію и Австрію этому Варшавскому правительству, которое только въ войнѣ ищетъ своего спасенія; но въ такое чрезвычайное время, какого еще не бывало въ исторіи, слѣдуетъ и это обстоятельство имѣть въ виду. Распространяются самыя чудовищныя предположенія. Говорятъ, что императоръ Наполеонъ начинаетъ войну съ Россіей съ тою цѣлію, чтобъ увлечь ее въ предпринимаемый имъ походъ въ Азію, гдѣ въ Индіи онъ намѣревается поразить могущество Англичанъ. За войсками онъ ведетъ множество всякаго рода ремесленниковъ изъ Франціи, и сверхъ того, набираетъ еще въ Германіи, и на это указываютъ, какъ на доказательство такого предположенія. Что касается до меня, то я болѣе склоненъ предполагать, что онъ намѣревается устроить противъ насъ укрѣпленные лагери и основать колоніи по примѣру Римлянъ. По тому огромному количеству войскъ, которое онъ собралъ, можно предполагать, что эту войну онъ считаетъ послѣднею на материкѣ Европы; она совершенно измѣнитъ положеніе Германіи и Польши, и ея послѣдствіемъ, можетъ быть, будетъ возстановленіе достоинства Западнаго императора. И мы вѣроятно увидимъ, что для достиженія этой-то цѣли будетъ помогать Наполеону Австрія, ничѣмъ не отличаясь отъ государей Рейнскаго союза“ [1]).

Общественное вниманіе было весьма сильно возбуждено не только въ Вѣнѣ, но и во всей почти Австріи „Союзъ Австріи съ Франціею“, говоритъ современникъ, — „произвелъ странное впечатлѣніе на весь народъ, и особенно на войска. Множество офицеровъ вышло въ отставку, другіе объявили, что подадутъ просьбы объ увольненіи отъ службы, лишь только имъ будетъ объявленъ походъ. Дѣло дошло до того, что для австрійскаго офицера отказаться отъ участія въ войнѣ, что въ прежнее время покрыло бы его позоромъ, сдѣлалось теперь долгомъ чести, которымъ хвалятся, и который оправдывается самыми строгими военными людьми. Австрійскія войска въ продолженіе двадцати лѣтъ постоянно вели войну съ Французами, въ продолженіе двадцати лѣтъ не переставали внушать къ нимъ ненависть и мщеніе всему народу. Безъ сомнѣнія, нельзя было ожидать, чтобы договоръ,

[1]) Депеша графа Штакельберга къ графу Румянцеву 15-го августа и 27-го марта (8-го апрѣля) 1812 г.

внезапно заключенный правительствомъ, могъ съ-разу перевернуть всѣ убѣжденія народа и затушить всѣ воспоминанія, особенно когда неизвѣстны причины, побудившія дворъ къ заключенію такого договора. Эта ненависть къ Франціи не утратила своей силы, и Россія встрѣтитъ среди Австрійцевъ враговъ только въ числѣ 30 тысячъ вспомогательнаго Французамъ корпуса, который, безъ сомнѣнія, не будетъ увеличенъ, если императоръ останется вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, въ чемъ едва ли можно сомнѣваться“ [1]).

Предполагалъ ли графъ Меттернихъ, что необходимое выраженіе его новой для Австріи политики, *наступательный* союзъ съ Франціей противъ Россіи, произведетъ такое впечатлѣніе и вызоветъ такія послѣдствія въ его отечествѣ? Если такое предположеніе входило въ его соображенія, то думалъ ли онъ побѣдить общественное мнѣніе, не придавая ему важнаго значенія, рѣшительными дѣйствіями своей политики и страхомъ, внушаемымъ Наполеономъ всей Германіи? Но это общественное мнѣніе, и особенно военныхъ людей, не могло не имѣть вліянія на императора Франца. Дѣйствуя на его ограниченныя способности, его можно было увѣрить, что онъ жертвуетъ своею дочерью и заключаетъ союзъ съ Наполеономъ для спасенія своихъ государствъ,—но гордый и упрямый Габсбургъ, столько разъ униженный повелителемъ Франціи, не могъ сдѣлаться подручникомъ Наполеона. Разчитывалъ ли графъ Меттернихъ своимъ вліяніемъ побѣдить ненависть своего государя къ Французамъ и ошибся ли въ своемъ разчетѣ? Въ настоящее время еще не представляется возможности отвѣчать положительно на эти вопросы, но можно положительно сказать, что графъ Меттернихъ блистательно вывелъ изъ затруднительнаго положенія политику Австріи.

Если въ разчеты Меттерниха входило то впечатлѣніе, которое устроенный имъ союзъ съ Франціей произведетъ на общественное мнѣніе и на императора Франца, то безъ сомнѣнія, онъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, намѣревался дать новый оборотъ австрійской политикѣ. Конечно, это свидѣтельствуетъ о его разчетливой прозорливости. Если жъ это впечатлѣніе не было имъ предусмотрѣно, то во-время поняв его значеніе и сообразно съ нимъ измѣнивъ свою политику, онъ показалъ необыкновенную ловкость государственнаго человѣка, не разборчиваго,

---

[1]) Observations sur la situation politique et militaire de l'Allemagne par le capitaine de Pfuel au service de l'Autriche. 1-го сентября 1812 г. *Pertz*, Das Leben des Fr. v. Stein, т. III, стр. 626 и слѣд.

конечно, въ средствахъ, но одареннаго высокими способностями. Ему удалось доказать на дѣлѣ возможность самаго невѣроятнаго явленія, что одна держава можетъ быть врагомъ другой, вести войну противъ нея, и въ то же время сохранять съ нею дружескія отношенія.

По полученіи предписаній нашего правительства, графъ Штакельбергъ обратился съ просьбой о свиданіи съ императоромъ Францемъ. Но это свиданіе не могло состояться по случаю нездоровья императора, а его министръ иностранныхъ дѣлъ немедленно (24-го апрѣля) принялъ нашего посланника для переговоровъ. Графъ Штакельбергъ былъ очень доволенъ, что предписаніе канцлера поставило его въ положеніе нѣсколько сносное. Не разрывая связей съ Вѣнскимъ кабинетомъ, что̀ естественно должно бы послѣдовать послѣ заключенія имъ союза съ Франціей, онъ могъ вести переговоры съ нимъ, какъ будто мирныя отношенія между обѣими имперіями еще существовали. Напомнивъ австрійскому министру, какъ поступилъ—передъ войною 1809 года—русскій кабинетъ, предупредившій напередъ Вѣнскій дворъ, что въ силу тайнаго договора съ Наполеономъ онъ вынужденъ будетъ помогать ему въ войнѣ противъ Австріи въ случаѣ наступленія съ ея стороны, и указавъ на заслугу, оказанную ей въ самую войну русскими генералами, не дозволявшими приводить къ присягѣ въ вѣрности Наполеону жителей Галиціи, какъ предписывалъ графъ Понятовскій,—графъ Штакельбергъ требовалъ, чтобы Меттернихъ, сообщилъ ему, въ какой мѣрѣ Австрія обязалась помогать Наполеону. Тогда, не имѣя возможности скрывать далѣе смыслъ договора, сдѣлавшійся уже всѣмъ извѣстнымъ въ Вѣнѣ, графъ Меттернихъ объяснилъ Штакельбергу его содержаніе и прибавилъ, что обѣщанный вспомогательный въ 30 тысячъ человѣкъ корпусъ на дѣлѣ будетъ простираться лишь до 26 тысячъ и что если Россія снисходительно отнесется къ этой жертвѣ, которую Австрія рѣшилась принесть, вынуждаемая крайнею необходимостью, то его кабинетъ готовъ вступить въ тайное соглашеніе съ русскимъ о томъ, что на всѣхъ другихъ границахъ обѣихъ имперій миръ нарушенъ не будетъ.

Это предложеніе, ограничивая опредѣленною мѣстностью военныя дѣйствія Австріи противъ насъ, устраняло опасенія нашего правительства о возможности вторженія австро-французскихъ войскъ въ Дунайскія княжества. Но нашему посланнику не были извѣстны эти опасенія, и онъ не имѣлъ никакихъ наставленій по этому случаю. Онъ понялъ, напротивъ, что Австрія опасается вторженія нашихъ войскъ со стороны Буковины, и, вѣроятно, былъ правъ. Конечно, это

вторженіе могло бы состояться въ томъ лишь случаѣ, еслибы Россія заключила миръ съ Оттоманскою Портою. Но графъ Меттернихъ хорошо зналъ, что Турки готовы немедленно заключить его, послѣ побѣдъ, одержанныхъ графомъ Кутузовымъ, если Россія не только откажется отъ своихъ требованій на территоріальныя пріобрѣтенія, но даже убавитъ ихъ, къ чему, конечно, она была бы вынуждена съ открытія войны съ Наполеономъ. Онъ опасался притомъ, что недовольная Австрійскимъ правительствомъ и сильно волновавшаяся въ это время Венгрія можетъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы возстать противъ него и дѣйствовать совокупно съ Русскими.

Такимъ образомъ, взаимныя опасенія обѣихъ имперій, встрѣтившись одно съ другимъ, привели къ тѣмъ соображеніямъ, которыя и выразилъ графъ Меттернихъ нашему посланнику. Не позволяя себѣ, за неимѣніемъ наставленій своего кабинета, входить въ разсужденія о сущности этихъ соображеній, графъ Штакельбергъ отвѣчалъ: „Но какія же ручательства можетъ представить намъ Австрійское правительство, что оно не будетъ увлечено въ большее участіе въ войнѣ, нежели опредѣлено въ ея договорѣ съ Франціей, какъ это уже случалось? Договоръ 1756 года, по существу совершенно сходный съ этимъ, повелъ однако къ тому, что въ 1758 году она заключила новый, по которому какъ Австрія, такъ и Франція, обязывались помогать одна другой *всѣми* своими силами, а не однимъ только вспомогательнымъ корпусомъ *въ опредѣленномъ* количествѣ войскъ“.

„Этими ручательствами“, отвѣчалъ графъ Меттернихъ, оскорбленный недовѣріемъ къ своей политикѣ,—„могутъ служить выгоды самой Австрійской монархіи, если не принимать въ разчетъ честное слово ея государя“,—отъ имени котораго онъ говорилъ съ нашимъ посланникомъ.

„Но выгоды Австріи“, замѣтилъ графъ Штакельбергъ,—„должны были остановить и заключеніе настоящаго договора съ Франціей, который, покоряясь *роковой необходимости* (funeste necessité), она однакоже заключила. Мнѣ кажется, легче было уклониться отъ перваго шага, нежели, сдѣлавъ его, не быть, въ силу той же необходимости, принужденною рѣшиться на слѣдующій, второй“.

„Отъ этой опасности совершенно обезпеченъ Австрійскій императоръ“, отвѣчалъ графъ Меттернихъ.—„Въ продолженіе войны на сѣверѣ онъ имѣетъ возможность развить свои военныя силы до такой степени, что они могутъ дѣйствовать съ пользою какъ вообще для европейскихъ дѣлъ, такъ и для Россіи, когда начнутся переговоры

о мирѣ, которые, конечно, будутъ послѣдствіемъ и этой *ужасной войны*" (terrible lutte).

На это графъ Штакельбергъ замѣтилъ, что еслибы только половина тѣхъ силъ, которыя предполагаетъ теперь собрать Австрія, была собрана въ 1811 г., то ихъ было бы совершенно достаточно для того, чтобъ отклонить заключеніе союза съ Франціей, между тѣмъ какъ собраніе и устройство войскъ во время войны представляетъ большія затрудненія. Къ справедливому замѣчанію нашего посланника надо прибавить: для воюющей державы"; но Австрія не намѣревалась воевать съ нами; она приносила въ жертву войнѣ только 30-тысячный корпусъ графа Шварценберга, сохраняя за собою свободу дѣйствій нейтральной или даже мирной державы. Поэтому весьма справедливо разсуждалъ графъ Меттернихъ, отвѣчая нашему посланнику слѣдующее:

„Напротивъ, во время войны для Австріи гораздо удобнѣе увеличивать и устроивать войска. Въ военное время она гораздо болѣе можетъ потребовать войскъ отъ Венгріи, чего не имѣла бы права сдѣлать во время мира. Вооруженныя силы въ Трансильваніи", прибавилъ Меттернихъ,—„простираются до 20 тысячъ. Онѣ приведены въ военное положеніе на средства этой области; послѣ выхода изъ Галиціи корпуса графа Шварценберга въ нее вступятъ 30 тысячъ войска. Все это, вмѣстѣ съ резервами, составитъ отъ 80 до 100 тысячъ войска и будетъ уже достаточная сила для того, чтобъ обезпечить *разумный нейтралитетъ Австріи*", говорилъ, по словамъ нашего посланника, графъ Меттернихъ.

Посылая дѣйствовать противъ насъ 30 тысячъ войска, Австрійское правительство предоставляло намъ право смотрѣть на нихъ, какъ на Баварцевъ или какъ на вспомогательныя войска другихъ государей Рейнскаго союза; оно считало ихъ потерянными для нея, съ того времени какъ они выступятъ за ея границы и поступятъ въ полное распоряженіе императора Наполеона (des enfants perdues pour l'Autriche). „Впрочемъ", сказалъ графъ Меттернихъ, оканчивая разговоръ съ нашимъ посланникомъ,—„Россія имѣетъ вѣрное средство предотвратить австрійскую диверсію на Дунаѣ, ей стоитъ только заключить миръ съ Турками". „На условіи, конечно", замѣчалъ графъ Штакельбергъ въ своемъ отчетѣ правительству,—„status quo ante bellum".

Поступокъ генерала Нейперга былъ точно также предметомъ переговоровъ между нашимъ посланникомъ и австрійскимъ министромъ

иностранныхъ дѣлъ. Въ тотъ же день, какъ былъ подписанъ союзный договоръ въ Парижѣ, императоръ Наполеонъ поручилъ графу Шварценбергу сообщить списокъ съ него австрійскому посланнику при Стокгольмскомъ дворѣ, и пригласить Шведское правительство присоединиться къ этому союзу. Графъ Шварценбергъ исполнилъ порученіе Французскаго императора, безъ сомнѣнія, полагая, что дѣйствуетъ въ видахъ своего правительства, и не разчитывая на то, чтобы наслѣдный принцъ Шведскій, бывшій маршалъ Франціи, могъ поступить такъ рѣшительно, немедленно объявивъ объ этой попыткѣ Русскому правительству. Когда нашъ посланникъ попросилъ у графа Меттерниха объясненій по этому дѣлу, онъ крайне смутился. „Я позволилъ себѣ замѣтить“, писалъ графъ Штакельбергъ нашему правительству,—„что такимъ поведеніемъ австрійскій посланникъ при Тюльерійскомъ дворѣ приравнялъ своего государя къ кліентамъ Наполеона, членамъ Рейнскаго союза. Графъ Меттернихъ смутился до крайности и выражалъ мнѣ сожалѣнія какъ съ своей стороны, такъ и отъ лица императора. Онъ увѣрялъ, что это случилось не только безъ его вѣдома, но и прямо противъ его желанія. Министръ иностранныхъ дѣлъ желалъ это доказать, прочитавъ мнѣ отпуски съ предписаній графу Нейпергу. Донесеніе графа Шварценберга изъ Парижа, отъ 3-го марта, то-есть, за одиннадцать дней до подписанія союзнаго договора, дало уже поводъ графу Меттерниху опасаться, что этотъ посланникъ можетъ подчиниться непосредственнымъ приказаніямъ императора Наполеона, котораго цѣль заключалась въ томъ, чтобы заподозрить Австрію въ глазахъ Россіи. Это донесеніе пришло въ Вѣну 10-го марта и на другой же день министръ иностранныхъ дѣлъ сдѣлалъ предписаніе Нейпергу выѣхать изъ Стокгольма, подъ предлогомъ отпуска, полученнаго имъ для устройства своихъ частныхъ дѣлъ въ Швабіи, а между тѣмъ, остановиться въ Берлинѣ до полученія новаго предписанія. „Къ несчастію, случилось такъ“, говорилъ графъ Меттернихъ,—„что это предписаніе генералъ Нейпергъ получилъ 2-го апрѣля, тогда какъ депешу графа Шварценберга онъ получилъ уже 28-го марта, хотя она была написана и отправлена изъ Парижа 14-го марта, въ самый день подписанія союзнаго договора. Но зло уже было сдѣлано; впрочемъ, генералъ Нейпергъ выѣхалъ изъ Стокгольма и находится теперь въ Германіи, что̀ можетъ служить доказательствомъ, что его поступокъ не одобренъ Вѣнскимъ кабинетомъ“ „Графъ Меттернихъ“, продолжаетъ въ своей депешѣ графъ Штакельбергъ,—„кажется, не ошибался въ томъ, какое впечатлѣніе

должно было произвести въ Петербургѣ извѣстіе, сообщенное генераломъ Сухтеленомъ, и прочитавъ мнѣ свое предписаніе къ генералу Нейпергу отъ 11-го марта и его отвѣты, убѣдилъ меня совершенно, что онъ не принималъ участія въ дѣлѣ, въ которомъ обвиняетъ болѣе Флоре, нежели графа Шварценберга".

Нельзя не повѣрить нашему посланнику, что графъ Меттернихъ былъ смущенъ, давая объясненія о поступкѣ графа Шварценберга и Нейперга, потому что самыя его объясненія служатъ тому доказательствомъ. Не будучи смущенъ, Меттернихъ едва ли проговорился бы о депешѣ графа Шварценберга отъ 3-го марта, которая обличала, что послѣдній дѣйствовалъ съ вѣдома своего правительства, и представилъ бы какія-нибудь объясненія, почему депеши, отправленныя 11-го марта изъ Вѣны въ Стокгольмъ, пришли гораздо позднѣе той, которая туда же была отправлена изъ Парижа тремя днями позднѣе. Чтобы доказать нашему посланнику, что австрійская политика постоянно клонилась къ тому, чтобы поддержать дружескія отношенія къ Россіи, Меттернихъ прочелъ ему записку, которую онъ будто бы написалъ для императора въ 1812 году, то-есть, въ то время, когда наиболѣе трудился о заключеніи союза съ Франціей, и въ которой изложены начала политики, совершенно согласной съ видами нашего кабинета. Хотя австрійскій министръ и убѣдилъ нашего посланника въ своей невинности въ этомъ случаѣ, но едва-ли полагалъ, что также легко убѣдить и нашъ кабинетъ, а потому часто потомъ обращался къ этому вопросу, сообщая графу Штакельбергу новыя объясненія. Такъ онъ сказалъ, между прочимъ, что это „несчастное произшествіе заставило возобновить старинное предписаніе министерства графа Кауница, которымъ запрещалось посланникамъ Вѣнскаго двора при иностранныхъ государствахъ непосредственно переписываться между собою". Графа Меттерниха смутило неожиданное для него произшествіе: онъ, очевидно, не думалъ, чтобы бывшій французскій маршалъ Бернадотъ рѣшился вывести наружу и заявить Русскому двору эту продѣлку Вѣнскаго кабинета.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ свиданія съ графомъ Меттернихомъ, нашъ посланникъ допущенъ былъ до свиданія съ Австрійскимъ императоромъ (6-го мая). Также какъ и его министръ, онъ выразилъ полнѣйшее неодобреніе поступка его представителей при Французскомъ и Шведскомъ дворахъ и поручилъ графу Штакельбергу донести императору Александру, что это произшествіе было для него чрезвычайно непріятно потому, что могло ему представить въ ложномъ видѣ какъ начала его политики, такъ и личныя его къ нему чувства. Императоръ

Францъ подтвердилъ показанія своего министра, что ничего подобнаго не могло бы случиться, еслибъ графъ Шварценбергъ предварительно снесся съ своимъ правительствомъ.

„На это я позволилъ себѣ замѣтить", говоритъ графъ Штакельбергъ,— „что такая политика (ce piège tendu à son ambassadeur à Paris par *le chef du gouvernement* français) въ отношеніи къ его посланнику со стороны главы Французскаго правительства, однако можетъ служить признакомъ искренности вновь возникшихъ отношеній между двумя дворами. Императоръ, не отвѣчая прямо на мое замѣчаніе, началъ говорить о союзномъ договорѣ".

Императоръ и не могъ отвѣчать прямо на неумѣстное и несогласное съ дипломатическими приличіями замѣчаніе графа Штакельберга: *глава* французскаго правительства былъ зять Австрійскаго императора и коронованный папою *императоръ* Франціи. Императоръ Францъ сказалъ графу Штакельбергу, что онъ очень хорошо помнитъ тѣ увѣренія, которыя выражалъ ему годъ тому назадъ, что новыя его соглашенія съ Франціей не противорѣчатъ имъ, потому что онѣ вынуждены необходимостью, о которой онъ и тогда говорилъ. „Если я вынужденъ былъ заключить семейный союзъ для того, чтобы спасти существованіе моей имперіи, то точно такія же причины вынудили меня заключить и этотъ новый союзъ". Императоръ указалъ нашему посланнику на продолжительное время, протекшее между бракомъ его дочери съ императоромъ Наполеономъ и союзнымъ договоромъ, который Австрія рѣшилась съ нимъ заключить, свидѣтельствуя этимъ обстоятельствомъ о своемъ нежеланіи входить въ политическія соглашенія съ Франціей. Императоръ выразилъ сожалѣніе объ этомъ требованіи государственной необходимости и искреннее желаніе, чтобы Русскій императоръ, къ которому онъ не перестаетъ питать глубокую преданность, былъ увѣренъ, что въ тайнѣ онъ сохраняетъ надежду на самый искренній союзъ между двумя имперіями. Онъ поручалъ нашему посланнику непремѣнно заявить, что онъ не считаетъ себя непосредственнымъ участникомъ въ этой несчастной сѣверной войнѣ, если она возгорится. Исключая 30-тысячный корпусъ, въ которомъ онъ не могъ отказать императору Наполеону, и который никогда не будетъ увеличенъ, между двумя правительствами можетъ господствовать доброе согласіе и миръ на всѣхъ другихъ границахъ имперій. „Императоръ", сообщаетъ графъ Штакельбергъ нашему двору,—„говорилъ съ большимъ одушевленіемъ, выражая желаніе, чтобы нашъ императоръ согласился на предлагаемый намъ способъ отношеній между двумя

имперіи и не доводилъ бы дѣлъ до крайности. Въ противномъ случаѣ императоръ Францъ было бы вынужденъ, къ величайшему его сожалѣнію, противупоставить намъ 200 тысячъ войска, которыя могли послужить съ пользою для Россіи, какъ угроза для Франціи при будущихъ мирныхъ переговорахъ". Такимъ образомъ, дальновидная политика Австріи устраивала себѣ выгодное положеніе въ будущемъ, какъ посредницы между воюющими державами. Когда война истощитъ ихъ силы, она, обладая свѣжимъ 200-тысячнымъ войскомъ, хотѣла положить свой мечъ на вѣсы и устроить мирныя соглашенія, конечно, не забывъ и своихъ выгодъ. Графъ Меттерних постоянно указывалъ нашему посланнику на то, какую пользу въ этомъ случаѣ Австрія можетъ принесть Россіи. „Я долженъ засвидѣтельствовать", доносилъ нашъ посланникъ, — „что въ продолженіе этого разговора, тянувшагося до полутора часа, императоръ выражалъ начала самой здравой политики и самое доброжелательное къ намъ расположеніе, на сколько возможно при настоящемъ положеніи дѣлъ. Нѣсколько разъ онъ поручалъ мнѣ засвидѣтельствовать о его личныхъ чувствахъ дружбы къ нашему государю, которыя онъ сохранитъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Ни малѣйшаго упрека, ни малѣйшей жалобы не сорвалось съ его языка, если не принимать въ разчетъ намека на то уединенное положеніе, въ которомъ держала себя наша политика (notre système d'isolement), и на отказъ съ нашей стороны принять посредничество Вѣнскаго двора въ примиреніи насъ съ Оттоманскою Портою. Мнѣ было извѣстно, что объ этомъ важномъ дѣлѣ находилась особая статья въ тайномъ договорѣ, по которой Австрія и Франція обезпечивали неприкосновеность владѣній Турціи; воспользовавшись этимъ указаніемъ императора, я спросилъ его объ этой статьѣ. Онъ безъ всякаго затрудненія отвѣчалъ мнѣ, что дѣйствительно существуетъ такая статья, но что она обезпечиваетъ только владѣнія Турціи въ Европѣ и не относится до ея азіятскихъ земель" [1]).

Упрекъ, что политика Россіи со временъ Тильзитскаго мира находилась въ *уединенномъ положеніи* (système d'isolement), былъ постоянно на языкѣ у лицъ той партіи, которая стояла за строй средневѣковой государственной жизни и старыя династіи и одинаково ненавп-

---

[1]) Депеши графа Штакельберга къ графу Румянцеву и графу Салтыкову, управлявшему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ по отъѣздѣ канцлера въ Вильну вмѣстѣ съ императоромъ, $^{16}/_{28}$-го апрѣля и 29-го апрѣля (11-го мая) 1812 года.

дѣла и начала Французской революціи, и деспотизмъ Наполеона. Она состояла изъ лицъ высшихъ обществъ всѣхъ старыхъ Европейскихъ государствъ и сосредоточивалась въ это время по преимуществу въ Петербургѣ и Вѣнѣ. Въ этой послѣдней столицѣ, какъ мы уже знаемъ, домъ графа Разумовскаго служилъ мѣстомъ ихъ постоянныхъ собраній. Изъ ихъ бесѣдъ нашъ посланникъ почерпнулъ свои воззрѣнія на политику нашего кабинета и выражалъ ихъ въ отношеніяхъ къ нашему канцлеру—сначала въ видѣ строгихъ осужденій, а потомъ—въ формѣ тонкихъ намековъ. *Уединенное* положеніе нашей политики, *система изолированія* видовъ Россія, конечно—отъ двухъ германскихъ державъ, еще сохранившихъ нѣкоторый образъ самостоятельныхъ государствъ, и не входившихъ въ составъ Рейнскаго союза, въ переводѣ на обыденный языкъ означало *союзъ Россіи съ Франціей.* Но этотъ упрекъ всего менѣе слѣдовало выражать Австріи, потому что этотъ союзъ былъ заключенъ Россіей въ то время, когда Австрія, изъ недоброжелательства къ Пруссіи, отказалась отъ участія въ общей борьбѣ противъ Наполеона и это обстоятельство *болѣе* всего должно было бы обращать на себя вниманіе нашего посланника.

Постоянное соперничество между собою двухъ первенствовавшихъ германскихъ державъ, постоянная измѣна одной противъ другой въ обстоятельствахъ крайнихъ, давали Наполеону возможность одерживать постоянные успѣхи въ военныхъ дѣйствіяхъ, выводили его изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ и возлагали всю тяжесть войны на одну Россію. Такъ было въ 1805 и 1807 годахъ; передъ войною 1812 года обѣ эти державы, увѣряя Россію въ своей дружбѣ, должны были воевать съ нею, потому что, выдавая постоянно одна другую и взаимно не довѣряя одна другой, онѣ не могли согласиться между собою дѣйствовать за одно.

Если въ такомъ положеніи находились Пруссія и Австрія, то едва ли можетъ быть и рѣчь о другихъ германскихъ государствахъ, не способныхъ по своей слабости дѣйствовать самостоятельно, входившихъ въ составъ Рейнскаго союза и покорявшихся безусловно повелѣніямъ императора Наполеона. Что же касается до Германскаго народа, тяготившагося чужеземнымъ игомъ и раззореннаго военными поборами и континентальною системою, то такое бѣдственное положеніе вещей дѣйствительно существовало и не въ одной Германіи, особенно сѣверной, но и въ Италіи, и даже въ самой Франціи. Нѣмецкіе патріоты говорили о немъ очень много и въ то время и разчитывали на возможность народнаго возстанія въ Германіи. Но народ-

ное возстаніе только тамъ можетъ получить важное значеніе, гдѣ могутъ найдтись для него точки опоры, какъ напримѣръ, въ Испаніи—временное правительство, располагавшее и нѣкоторыми военными силами и англійскія войска. Ничего подобнаго не было въ Германіи, гдѣ правительства повиновались волѣ Наполеона и отдавали свои войска въ его распоряженіе. Народное возстаніе, и то почти въ одной лишь Пруссіи, дѣйствительно выразилось, но лишь впослѣдствіи, когда, въ началѣ 1813 года, вошли въ нее русскія войска.

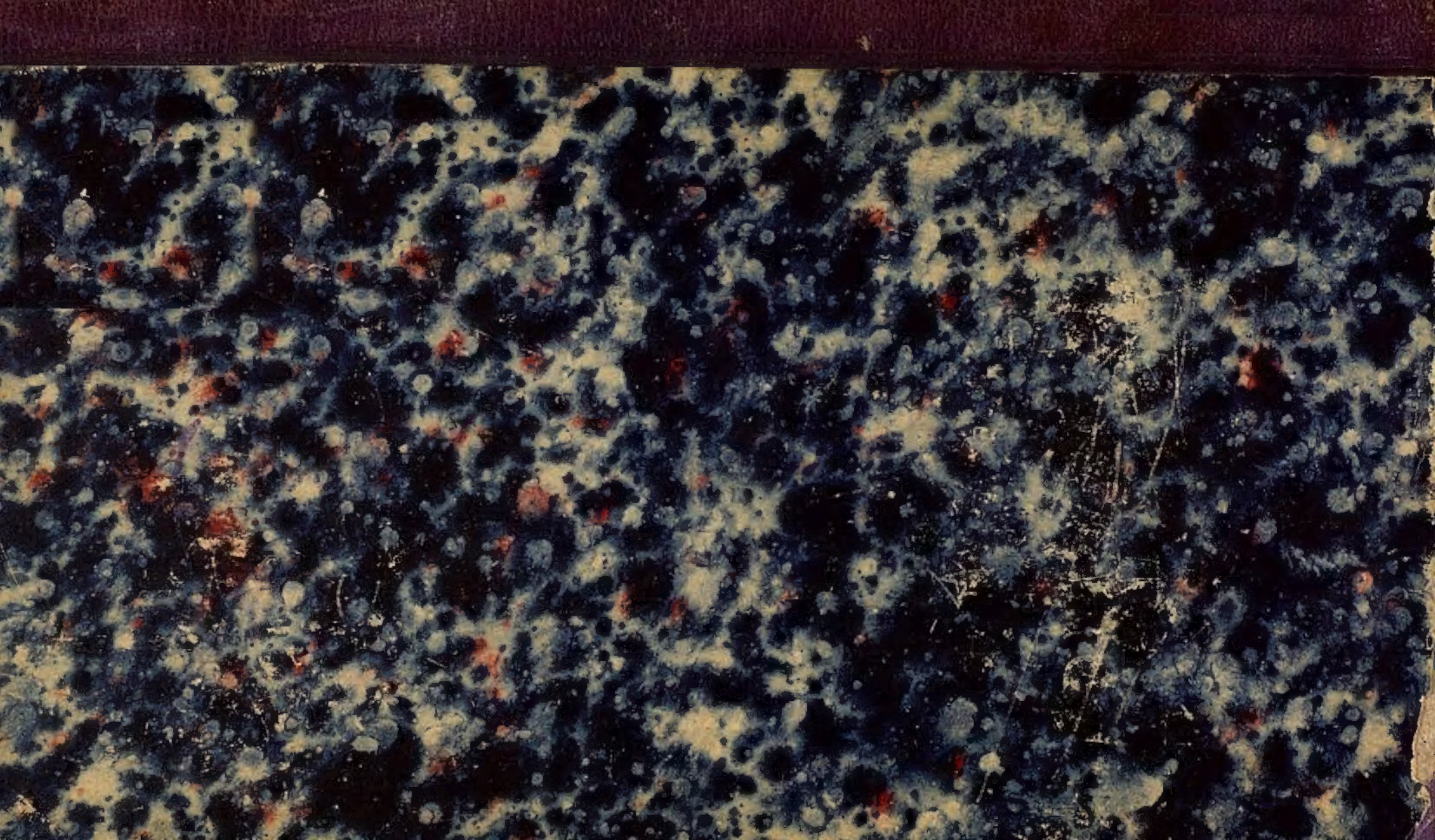
Въ такомъ положеніи находилось политика Европейскихъ государствъ передъ началомъ Отечественной войны. Съ одной стороны, Наполеонъ, державшій подъ желѣзною рукою всю континентальную Европу, исключая Испаніи, которая съ помощью Англіи вела борьбу съ нимъ на жизнь и смерть, съ другой—Россія, которая не безъ осторожности могла разчитывать только на союзъ съ Швеціей и нейтралитетъ Турціи и впереди — на помощь Англіи.

А. Поповъ.

(Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.)

Типографія В. С. Балашева (Больш. Садовая ул., д. № 49—2).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

1. Сношенія съ Франціею въ 1811 г. . . . . 1— 90
2. Сношенія съ Франціею въ началѣ 1812 г. . . . . 91—179
3. Сношенія съ Швеціею . . . . . 179—243
4. Сношенія съ Турціею и Бухарскій миръ. . . . . 243—325
5. Сношенія съ Пруссіею . . . . . 325—388
6. Сношенія съ Австріею . . . . . 388—425